

ЕЖЕГОДНИК
КОМИССИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА
1979

Т о м I

*Краткие отчеты
тридцать первой сессии
14 мая—3 августа 1979 года*

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Нью-Йорк, 1980



ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Содержащиеся в настоящем томе краткие отчеты включают поправки к предварительным кратким отчетам, внесенные по просьбе отдельных членов Комиссии, а также изменения редакционного характера, которые были сочтены необходимыми.

Встречающиеся в тексте условные обозначения, состоящие из букв в сочетании с цифрами, служат для обозначения документов Организации Объединенных Наций. Ссылки на *Ежегодник Комиссии международного права* в сокращенном виде состоят из слова *Ежегодник*, за которым следует многоточие, год и номер тома, например: *Ежегодник...*, 1970 год, том II.

Доклады специальных докладчиков, обсужденные на сессии, и некоторые другие документы приводятся в томе II (часть первая) настоящего *Ежегодника*; доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи приводится в томе II (часть вторая). В настоящем томе все ссылки на эти документы относятся к их версиям, фигурирующим в томе II.

A/CN.4/SER.A/1979

ИЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

В продаже под № R.80.V.4

Цена: 17 долл. США
(или эквивалент в другой валюте)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.		Стр.
Члены Комиссии	X	Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
Должностные лица	X	Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
Повестка дня	XI	Статья 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства) (<i>продолжение</i>)	27
Сокращения	XII		
Перечень документов тридцать первой сессии	XIII		
1530-е заседание		1537-е заседание	
<i>Понедельник, 14 мая 1979 года, 15 час. 20 мин.</i>		<i>Среда, 23 мая 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
Открытие сессии	1	Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
Заявление исполняющего обязанности Председателя	1	Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
Выборы должностных лиц	2	Статья 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства) (<i>окончание</i>)	35
Утверждение повестки дня	3	Статья 29 (Согласие потерпевшего государства)	38
1531-е заседание		1538-е заседание	
<i>Вторник, 15 мая 1979 года, 11 час. 30 мин.</i>		<i>Четверг, 24 мая 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
Организация работы	3	Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
1532-е заседание		Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
<i>Среда, 16 мая 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>		Статья 29 (Согласие потерпевшего государства) (<i>продолжение</i>)	40
Статус членов Комиссии	4	1539-е заседание	
Ответственность государств		<i>Пятница, 25 мая 1979 года, 11 час. 40 мин.</i>	
Проект статей, представленный г-ном Аго		Организация работы (<i>продолжение</i>)	47
Статья 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства)	4	1540-е заседание	
1533-е заседание		<i>Понедельник, 28 мая 1979 года, 15 час. 10 мин.</i>	
<i>Четверг, 17 мая 1979 года, 10 час. 05 мин.</i>		Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
Послания бывших членов Комиссии	10	Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
Ответственность государств (<i>продолжение</i>)		Статья 29 (Согласие потерпевшего государства) (<i>продолжение</i>)	47
Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)		1541-е заседание	
Статья 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства) (<i>продолжение</i>)	11	<i>Вторник, 29 мая 1979 года, 11 час. 45 мин.</i>	
1534-е заседание		Заполнение возникших вакансий в Комиссии (статья 11 Положения)	53
<i>Пятница, 18 мая 1979 года, 10 час. 05 мин.</i>		1542-е заседание	
Ответственность государств (<i>продолжение</i>)		<i>Среда, 30 мая 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)		Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
Статья 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства) (<i>продолжение</i>)	16	Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
1535-е заседание		Статья 29 (Согласие потерпевшего государства) (<i>продолжение</i>)	54
<i>Понедельник, 21 мая 1979 года, 15 час.</i>		Организация работы (<i>продолжение</i>)	60
Ответственность государств (<i>продолжение</i>)		1543-е заседание	
Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)		<i>Четверг, 31 мая 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
Статья 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства) (<i>продолжение</i>)	22	Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
1536-е заседание		Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
<i>Вторник, 22 мая 1979 года, 10 час. 05 мин.</i>		Статья 29 (Согласие потерпевшего государства) (<i>продолжение</i>)	60
		Редакционный комитет	66

Стр.		Стр.
	1544-е заседание	
	<i>Пятница, 1 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Пятнадцатая сессия Семинара по международному праву	66
	Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
	Статья 29 (Согласие потерпевшего государства) (<i>окончание</i>)	66
	Статья 30 (Правомерное осуществление санкций)	67
	1545-е заседание	
	<i>Вторник, 5 июня 1979 года, 15 час. 10 мин.</i>	
	Выражение приветствия г-ну Эвенсену	72
	Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
	Статья 30 (Правомерное осуществление санкций) (<i>окончание</i>)	72
	1546-е заседание	
	<i>Среда, 6 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Визит членов Международного Суда	78
	Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком	
	Статья 42 (Действительность и сохранение договоров в силе)	79
	Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером (резолюция 33/139 Генеральной Ассамблеи, часть I, пункт 5; резолюция 33/140 Генеральной Ассамблеи, пункт 5)	
	Состав Рабочей группы	84
	Обзор процесса заключения многосторонних договоров (резолюция 32/48 Генеральной Ассамблеи, пункт 2)	
	Состав Рабочей группы	84
	1547-е заседание	
	<i>Четверг, 7 июня 1979 года, 10 час. 20 мин.</i>	
	Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья 42 (Действительность и сохранение договоров в силе) (<i>окончание</i>)	85
	Статья 43 (Обязательства, имеющие силу на основании международного права, независимо от договора)	90
	1548-е заседание	
	<i>Пятница, 8 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья 44 (Делимость договорных положений)	92
	Статья 45 (Утрата права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия)	92
	1549-е заседание	
	<i>Понедельник, 11 июня 1979 года, 15 час. 05 мин.</i>	
	Организация работы (<i>продолжение</i>)	96
	Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья 45 (Утрата права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия) (<i>продолжение</i>)	97
	1550-е заседание	
	<i>Вторник, 12 июня 1979 года, 10 час. 05 мин.</i>	
	Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья 45 (Утрата права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия) (<i>окончание</i>)	103
	Статья 46 (Нарушение положений, касающихся компетенции заключать договоры)	106
	1551-е заседание	
	<i>Среда, 13 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья 46 (Нарушение положений, касающихся компетенции заключать договоры (<i>продолжение</i>)	110
	1552-е заседание	
	<i>Четверг, 14 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Выражение приветствия г-ну Гали	117
	Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья 46 (Нарушение положений, касающихся компетенции заключать договоры) (<i>окончание</i>)	118
	Статья 47 (Специальные ограничения правомочия на выражение согласия или уведомления о согласии на обязательность договора)	122
	1553-е заседание	
	<i>Пятница, 15 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья 47 (Специальные ограничения правомочия на выражение согласия или уведомления о согласии на обязательность договора) (<i>окончание</i>)	123

Стр.		Стр.
1554-е заседание		
	<i>Понедельник, 18 июня 1979 года, 15 час. 10 мин.</i>	
	Право несудоходных видов использования между- народных водных путей	
	Первый доклад Специального докладчика	127
1555-е заседание		
	<i>Вторник, 19 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	День памяти профессора Д. П. О'Коннелла	137
	Право несудоходных видов использования между- народных водных путей (<i>продолжение</i>)	
	Первый доклад Специального докладчика (<i>про- должение</i>)	137
1556-е заседание		
	<i>Среда, 20 июня 1979 года, 10 час. 15 мин.</i>	
	Право несудоходных видов использования между- народных водных путей (<i>продолжение</i>)	
	Первый доклад Специального докладчика (<i>про- должение</i>)	143
1557-е заседание		
	<i>Четверг, 21 июня 1979 года, 10 час. 05 мин.</i>	
	Вопрос о договорах между государствами и меж- дународными организациями или между двумя или несколькими международными организация- ми (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья 48 (Ошибка)	150
	Статья 49 (Обман)	151
	Статья 50 (Подкуп представителя государства или международной организации)	154
1558-е заседание		
	<i>Пятница, 22 июня 1979 года, 10 час. 15 мин.</i>	
	Вопрос о договорах между государствами и меж- дународными организациями или между двумя или несколькими международными организация- ми (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья 51 (Принуждение представителя госу- дарства или международной организации)	156
	Статья 52 (Принуждение государства или международной организации посредством угрозы силой или ее применения)	157
1559-е заседание		
	<i>Понедельник, 25 июня 1979 года, 15 час. 10 мин.</i>	
	Выражение приветствия г-ну Барбосе	161
	Вопрос о договорах между государствами и меж- дународными организациями или между двумя или несколькими международными организация- ми (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья 53 (Договоры, противоречащие импе- ративной норме общего международного права (<i>jus cogens</i>))	162
	Статья 54 (Прекращение договора или выход из него в соответствии с положениями дого- вора или с согласия участников) <i>и</i>	
	Статья 57 (Приостановление действия догово- ра в соответствии с положениями договора или с согласия участников)	163
	Статья 55 (Сокращение числа участников многостороннего договора, в результате ко- торого оно становится меньше числа, необ- ходимого для вступления договора в силу)	164
	Статья 56 (Денонсация договора или выход из договора, не содержащего положения о его прекращении, денонсации или выходе из него)	165
	Статья 58 (Приостановление действия много- стороннего договора по соглашению только между некоторыми участниками)	166
	Статья 59 (Прекращение договора или приос- тановление его действия, вытекающие из заключения последующего договора)	167
	Статья 60 (Прекращение договора или приос- тановление его действия вследствие его на- рушения)	167
1560-е заседание		
	<i>Вторник, 26 июня 1979 года, 10 час. 15 мин.</i>	
	Правопреемство государств в других областях, по- мимо договоров	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком	
	Статья А (Переход государственных архивов)	168
1561-е заседание		
	<i>Среда, 27 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Правопреемство государств в других областях, по- мимо договоров (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья А (Переход государственных архивов) (<i>продолжение</i>)	173
1562-е заседание		
	<i>Четверг, 28 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Правопреемство государств в других областях, по- мимо договоров (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья А (Переход государственных архивов) (<i>продолжение</i>)	179
1563-е заседание		
	<i>Пятница, 29 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	День памяти г-на Константина Т. Эстафиадеса, бывшего члена Комиссии	185
	Правопреемство государств в других областях, по- мимо договоров (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья А (Переход государственных архивов) (<i>окончание</i>)	185
	Статья С (Новые независимые государства)	189
1564-е заседание		
	<i>Понедельник, 2 июля 1979 года, 15 час. 10 мин.</i>	
	Правопреемство государств в других областях, по- мимо договоров (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>продолжение</i>)	
	Статья С (Новые независимые государства) (<i>окончание</i>)	192
1565-е заседание		
	<i>Вторник, 3 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Правопреемство государств в других областях, по- мимо договоров (<i>продолжение</i>)	
	Проект статей, представленный Специальным докладчиком (<i>окончание</i>)	
	Статья С (Новые независимые государства) (<i>окончание</i>)	198
1566-е заседание		
	<i>Пятница, 6 июля 1979 года, 10 час. 30 мин.</i>	
	Сотрудничество с другими организациями	
	Заявление наблюдателя от Межамериканского юридического комитета	204

Стр.	Стр.
1567-е заседание	
<i>Вторник, 10 июля 1979 года, 10 час. 40 мин.</i>	
Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
Проект статей, представленный Редакционным комитетом	
Статьи 28, 29 и 30	206
Статья 28 (Ответственность государств за международно-противоправное деяние другого государства)	208
Статья 29 (Согласие)	211
Статья 30 (Ответные меры в отношении международно-противоправного деяния)	212
1568-е заседание	
<i>Пятница, 13 июля 1979 года, 10 час. 15 мин.</i>	
Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (<i>продолжение</i>)	
Проект статей, представленный Редакционным комитетом	
Статьи 1—23	213
Часть I (Введение)	217
Статья 2 (Употребление терминов)	217
Статья 3 (Случаи правопреемства государств, подпадающие под действие настоящих статей)	217
Часть II (Государственная собственность)	217
Раздел 1 (Общие положения)	217
Статья 4 (Сфера применения статей настоящей части)	217
Статья 5 (Государственная собственность)	217
Статья 6 (Права государства-преемника на переходящую к нему государственную собственность)	218
Статья 7 (Дата перехода государственной собственности)	218
Статья 8 (Переход государственной собственности без компенсации)	218
Статья 9 (Отсутствие последствий правопреемства государств для собственности третьего государства)	219
Раздел 2 (Положения, относящиеся к различным типам правопреемства государств)	219
Статья 10 (Трансферт части территории государства)	219
Статья 11 (Новое независимое государство)	219
Статья 12 (Объединение государств),	
Статья 13 (Отделение части или частей территории государства) и	
Статья 14 (Разделение государства)	220
Часть III (Государственные долги)	220
Раздел 1 (Общие положения)	220
Статья 15 (Сфера применения статей настоящей части)	220
Статья 16 (Государственный долг)	
Сотрудничество с другими органами (<i>продолжение</i>)	
Заявление наблюдателя от Афро-азиатского консультативно-правового комитета	221
1569-е заседание	
<i>Понедельник, 16 июля 1979 года, 15 час. 10 мин.</i>	
Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
Статья 31 (Форс-мажор) и	
Статья 32 (Непредвиденный случай)	223
Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (<i>продолжение</i>)	
Проект статей, представленный Редакционным комитетом (<i>продолжение</i>)	
Статьи 1—23 (<i>продолжение</i>)	
Статья 16 (Государственный долг) (<i>окончание</i>)	226
Статья 17 (Обязательства государства-преемника в отношении переходящих к нему государственных долгов)	228
Статья 18 (Последствия перехода государственных долгов для кредиторов)	228
1570-е заседание	
<i>Вторник, 17 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (<i>окончание</i>)	
Проект статей, представленный Редакционным комитетом (<i>окончание</i>)	
Статьи 1—23 (<i>окончание</i>)	
Раздел 2 (Положения, относящиеся к различным типам правопреемства государств)	
Статья 19 (Трансферт части территории государства)	229
Статья 20 (Новое независимое государство)	229
Статья 21 (Объединение государств),	
Статья 22 (Отделение части или частей территории государства) и	
Статья 23 (Разделение государства)	229
Статьи А и С	230
Статья А (Государственные архивы)	231
Статья С (Новое независимое государство)	
Место статей А и С в проекте	233
Применение статей проекта во времени	234
Название проекта статей и статья I (Сфера применения настоящих статей)	235
Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
Статья 31 (Форс-мажор) и	
Статья 32 (Непредвиденный случай) (<i>продолжение</i>)	236
1571-е заседание	
<i>Среда, 18 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
Статья 31 (Форс-мажор) и	
Статья 32 (Непредвиденный случай) (<i>продолжение</i>)	237
1572-е заседание	
<i>Четверг, 19 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>продолжение</i>)	
Статья 31 (Форс-мажор) и	
Статья 32 (Непредвиденный случай) (<i>продолжение</i>)	243
1573-е заседание	
<i>Пятница, 20 июля 1979 года, 10 час. 15 мин.</i>	
Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	
Проект статей, представленный г-ном Аго (<i>окончание</i>)	
Статья 31 (Форс-мажор) и	
Статья 32 (Непредвиденный случай) (<i>окончание</i>)	247
1574-е заседание	
<i>Понедельник, 23 июля 1979 года, 15 час. 15 мин.</i>	
Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности	251

Стр.		Стр.
	1575-е заседание	
	<i>Вторник, 24 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности (<i>окончание</i>)	257
	1576-е заседание	
	<i>Среда, 25 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (<i>окончание</i>)	
	Проект статей, предложенный Редакционным комитетом	
	Статьи 39—60	264
	Часть IV (Поправки к договорам и изменения договоров)	269
	Статья 39 (Общее правило, касающееся поправок к договорам)	269
	Статья 40 (Внесение поправок в многосторонние договоры)	269
	Статья 41 (Соглашения об изменении многосторонних договоров только во взаимоотношениях между определенными участниками)	269
	Часть V (Недействительность, прекращение и приостановление действия договоров)	
	Раздел 1. Общие положения	269
	Статья 42 (Действительность и сохранение договоров в силе)	269
	Статья 43 (Обязательства, имеющие силу на основании международного права, независимо от договора)	269
	Статья 44 (Делимость договорных положений)	270
	Статья 45 (Утрата права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия)	270
	Раздел 2 (Недействительность договоров)	270
	Статья 46 (Нарушение положений, касающихся компетенции заключать договоры)	270
	Статья 47 (Специальные ограничения правомочия на выражение согласия или уведомления о согласии на обязательность договора)	270
	Статья 48 (Ошибка)	270
	Статья 49 (Обман)	270
	Статья 50 (Подкуп представителя государства или международной организации)	270
	Статья 51 (Принуждение представителя государства или международной организации)	270
	Статья 52 (Принуждение государства или международной организации посредством угрозы силой или ее применения)	270
	Статья 53 (Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права) (<i>jus cogens</i>)	270
	Раздел 3 (Прекращение договоров и приостановление их действия)	270
	Статья 54 (Прекращение договора или выход из него в соответствии с положениями договора или с согласия участников)	270
	Статья 55 (Сокращение числа участников многостороннего договора, в результате которого оно становится меньше числа, необходимого для вступления договора в силу)	270
	Статья 56 (Денонсация договора или выход из договора, не содержащего	
	положений о его прекращении, денонсации или выходе из него)	270
	Статья 57 (Приостановление действия договора в соответствии с положениями договора или с согласия участников)	271
	Статья 58 (Приостановление действия многостороннего договора по соглашению только между некоторыми участниками)	271
	Статья 59 (Прекращение договора или приостановление его действия, вытекающие из заключения последующего договора)	271
	Статья 60 (Прекращение договора или приостановление его действия вследствие его нарушения)	271
	Сотрудничество с другими органами (<i>окончание</i>)	
	Заявление наблюдателя от Европейского комитета по правому сотрудничеству	271
	1577-е заседание	
	<i>Четверг, 26 июля 1979 года, 10 час. 15 мин.</i>	
	Право несудоходных видов использования международных водных путей (<i>продолжение</i>)	
	Первый доклад Специального докладчика (<i>продолжение</i>)	273
	1578-е заседание	
	<i>Пятница, 27 июля 1979 года, 10 час. 05 мин.</i>	
	Право несудоходных видов использования международных водных путей (<i>окончание</i>)	278
	Первый доклад Специального докладчика (<i>окончание</i>)	278
	1579-е заседание	
	<i>Понедельник, 30 июля 1979 года, 15 час. 10 мин.</i>	
	Ответственность государств (<i>окончание</i>)	
	Проект статей, предложенный Редакционным комитетом (<i>окончание</i>)	
	Статьи 31 и 32	282
	Статья 31 (Форс-мажор и непредвиденный случай)	283
	Статья 32 (Бедствие)	284
	1580-е заседание	
	<i>Вторник, 31 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	
	Обзор процесса заключения многосторонних договоров (резолюция 32/48 Генеральной Ассамблеи, пункт 2) (<i>окончание</i>)	
	Доклад Рабочей группы	284
	Проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии	285
	Глава I. Организация сессии	285
	Глава IV. Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями	286
	А. Введение	286
	В. Проект статей о договорах между государствами и международными организациями или между самими международными организациями	286
	Текст статей 39—60 и комментарии к ним, принятые Комиссией на ее тридцать первой сессии	286
	Статья 39 (Общее правило, касающееся поправок к договорам)	286
	Статья 54 (Прекращение договора или выход из него в соответствии с положениями договора или с согласия участников)	286
	Глава VII. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности	286
	Статус дипломатического курьера и дипломатиче-	

Стр.	Стр.
ской почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером (резолюция 33/139 Генеральной Ассамблеи, часть I, пункт 5; резолюция 33/140 Генеральной Ассамблеи, пункт 5) <i>(окончание)</i>	Введение и общий комментарий 291
Доклад Рабочей группы 287	Комментарий к статье А (Государственные архивы) 291
Организация дальнейшей работы 289	Комментарий к статье С (Новое независимое государство) 291
Проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии <i>(продолжение)</i> 289	Глава III. Ответственность государств 291
Глава V. Право несудоходных видов использования международных водных путей	А. Введение 291
А. Введение 289	1. Исторический обзор работы 291
В. Рассмотрение данной темы на нынешней сессии 289	2. Сфера применения проекта 291
1. Характер темы 289	3. Общая структура проекта 291
2. Охват темы 289	4. Ход работы 291
3. Вопрос о формулировании норм по данной теме 289	В. Проект статей об ответственности государств 291
4. Методология, которой следует руководствоваться при формулировании норм по данной теме 290	1. Текст всех статей проекта, принятых до настоящего времени Комиссией 291
5. Сбор и обмен данными в отношении международных водных путей 290	Глава VI. Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером 291
6. Будущая работа по данной теме 290	Глава IX. Другие решения и выводы Комиссии
1581-е заседание	А. Отношения между государствами и международными организациями (вторая часть темы) 292
<i>Среда, 1 августа 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>	В. Программа и методы работы Комиссии 292
Проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии <i>(продолжение)</i>	Разделы С — G 292
Глава II. Правопреемство государств в других областях, помимо договоров 290	С. Отношения с Международным Судом 292
В. Проекты статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров 290	Д. Сотрудничество с другими органами
Комментарий к части I введения 290	1. Межамериканский юридический комитет 292
Статьи 1—3	2. Афро-азиатский консультативно-правовой комитет 292
Комментарий к статье 1 (Сфера применения настоящих статей) 290	3. Европейский комитет по правовому сотрудничеству 292
Комментарий к статье 2 (Употребление терминов) 290	Е. Время и место проведения тридцать второй сессии 292
Комментарий к статье 3 (Случаи правопреемства государств, подпадающие под действие настоящих статей) 290	Ф. Представительство на тридцать четвертой сессии Генеральной Ассамблеи 292
Часть II (Государственная собственность)	Г. Семинар по международному праву 292
Статьи 4—14	1582-е заседание
Комментарий к статье 4 (Сфера применения статей настоящей части) 290	<i>Четверг, 2 августа 1979 года, 10 час. 10 мин.</i>
Комментарий к статье 5 (Государственная собственность) 290	Проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии <i>(продолжение)</i>
Комментарий к статье 6 (Права государства-преемника на переходящую к нему собственность) 290	Глава II. Правопреемство государств в других областях, помимо договоров <i>(продолжение)</i>
Комментарий к статье 7 (Дата перехода государственной собственности) 290	А. Введение 293
Комментарий к статье 8 (Переход государственной собственности без компенсации). 290	1. Исторический обзор работы Комиссии 293
Комментарий к статье 9 (Отсутствие последствий правопреемства государств для собственности третьего государства) 291	2. Общие замечания, касающиеся проекта статей 293
Комментарий к разделу 2 введения (Положения, относящиеся к различным типам правопреемства государств) 291	В. Проект статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров <i>(продолжение)</i> 293
Комментарий к статье 10 (Трансферт части территории государства) 291	Часть II (Государственная собственность) <i>(окончание)</i> 293
Комментарий к статье 11 (Новое независимое государство) 291	Статьи 4—14 <i>(окончание)</i>
Комментарий к статье 12 (Объединение государств) 291	Комментарий к статье 13 (Отделение части или частей территории государства) и статье 14 (Разделение государства) <i>(окончание)</i> 293
Комментарий к статье 13 (Отделение части или частей территории государства) и статье 14 (Разделение государства) 291	Часть III (Государственные долги)
С. Проект статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров: добавление	Статьи 15—23
	Комментарий к статье 15 (Сфера применения настоящей части) 293
	Комментарий к статье 16 (Государственный долг) 293
	Комментарий к статье 17 (Обязательства государства-преемника в отношении переходящих к нему государственных долгов) 294
	Комментарий к статье 18 (Последствия перехода государственных долгов для кредиторов) 294
	Комментарий к введению раздела 2 (Положения, относящиеся к различным типам правопреемства государств) 294

Стр.	Стр.	
Комментарий к статье 19 (Трансферт части территории государства) . . .	294	
Комментарий к статье 20 (Новое независимое государство)	294	
Комментарий к статье 21 (Объединение государств)	294	
Комментарий к статье 22 (Отделение части или частей территории государства) и статье 23 (Разделение государства)	294	
Глава III. Ответственность государств (<i>продолжение</i>)	294	
В. Проект статей об ответственности государств (<i>продолжение</i>)	294	
2. Текст статей 28—32 и комментарии к ним, принятые Комиссией на ее тридцать первой сессии	294	
Комментарий к статье 28 (Ответственность государства за международно-противоправное деяние другого государства)	294	
Комментарий к введению главы V (Обстоятельства, исключющие противоправность)	295	
Комментарий к статье 29 (Согласие)	295	
Комментарий к статье 30 (Ответные меры в отношении международно-противоправного деяния)	295	
Комментарий к статье 32 (Бедствие)	295	
Глава VIII. Обзор процесса заключения многосторонних договоров	295	
	1583-е заседание	
	<i>Пятница, 3 августа 1979 года, 10 час.</i>	
	Проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии (<i>окончание</i>)	295
	Глава II. Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (<i>окончание</i>)	295
	В. Проект статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров (<i>окончание</i>)	295
	Часть III (Государственные долги) (<i>окончание</i>)	295
	Комментарий к статье 22 (Отделение части или частей территории государства) и статье 23 (Разделение государства) (<i>окончание</i>)	295
	Комментарий к статье 20 (Новое независимое государство) (<i>окончание</i>)	296
	Глава III. Ответственность государств (<i>окончание</i>)	296
	В. Проект статей об ответственности государств (<i>окончание</i>)	296
	2. Текст статей 28—32 и комментарии к ним, принятые Комиссией на ее тридцать первой сессии (<i>окончание</i>)	296
	Комментарий к статье 31 (Форс-мажор и непредвиденный случай)	296
	Закрытие сессии	297

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ

<i>Фамилия</i>	<i>Страна</i>	<i>Фамилия</i>	<i>Страна</i>
Г-н Хулио БАРБОСА	Аргентина	Г-н Фрэнк К. Дж. НДЖЕНГА	Кения
Г-н Мохаммед БЕДЖАУИ	Алжир	Г-н К. У. ПИНТО	Шри Ланка
Г-н Стефан ФЕРОСТА	Австрия	Г-н Поль РЕЙТЕР	Франция
Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ	Соединенное Королевство	Г-н Виллем РИФАГЕН	Нидерланды
	Великобритани и Северной Ирландии	Г-н Сомпонг СУЧАРИТКУЛ	Таиланд
	Египет	Г-н Абдул Хаким ТАБИБИ	Афганистан
Г-н Бутрос Бутрос ГАЛИ	Гана	Г-н Дуду ТИАМ	Сенегал
Г-н Эммануэль Коджое ДАДЗИЕ	Индия	Г-н Н. А. УШАКОВ	Союз Советских Социалистических Республик
Г-н С. П. ДЖАГОТА	Венесуэла	Г-н Лаурел Б. ФРЭНСИС	Ямайка
Г-н Леонардо ДИАС ГОНСАЛЕС	Перу	Г-н Сэндзин ЦУРУОКА	Япония
Г-н Хуан Хосе КАЛЬЕ-И-КАЛЬЕ	Мексика	Г-н Милан ШАХОВИЧ	Югославия
Г-н Хорхе КАСТАНЬЕДА	Новая Зеландия	Г-н Стивен М. ШВЕБЕЛЬ	Соединенные Штаты Америки
Г-н Роберт К. КВЕНТИН- БАКСТЕР		Г-н Йенс ЭВЕНСЕН	Норвегия
		Г-н Александр ЯНКОВ	Болгария

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

<i>Председатель:</i>	г-н Милан ШАХОВИЧ
<i>Первый заместитель председателя:</i>	г-н К. У. ПИНТО
<i>Второй заместитель председателя:</i>	г-н Леонардо ДИАС ГОНСАЛЕС
<i>Председатель Редакционного комитета:</i>	г-н Виллем РИФАГЕН
<i>Докладчик:</i>	г-н Эммануэль Коджое ДАДЗИЕ

Г-н Валентин А. Романов, Директор Отдела кодификации Управления по правовым вопросам, представлял Генерального секретаря и выполнял функции Секретаря Комиссии.

ПОВЕСТКА ДНЯ

Комиссия приняла следующую повестку дня на своем 1530-м заседании, состоявшемся 14 мая 1979 года:

1. Заполнение случайных вакансий в Комиссии (статья 11 Положения).
2. Ответственность государств.
3. Правопреемство государств в других областях, помимо договоров.
4. Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями.
5. Право несудоходных видов использования международных водных путей.
6. Обзор процесса заключения многосторонних договоров (пункт 2 резолюции 32/48 Генеральной Ассамблеи).
7. Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером (пункт 5 части I резолюции 33/139 Генеральной Ассамблеи; пункт 5 резолюции 33/140 Генеральной Ассамблеи).
8. Отношения между государствами и международными организациями (вторая часть вопроса).
9. Международная ответственность за пагубные последствия, вытекающие из актов, не запрещенных международным правом.
10. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности.
11. Долгосрочная программа работы.
12. Организация дальнейшей работы.
13. Сотрудничество с другими органами.
14. Время и место проведения тридцать второй сессии.
15. Другие вопросы.

СОКРАЩЕНИЯ

ЕЭК	Европейская экономическая комиссия
ЕЭС	Европейское экономическое сообщество
ИКАО	Международная организация гражданской авиации
ИЛА	Ассоциация международного права
МБРР	Международный банк реконструкции и развития
МВФ	Международный валютный фонд
МОТ	Международная организация труда
ОАГ	Организация американских государств
ОАЕ	Организация африканского единства
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ПРООН	Программа развития Организации Объединенных Наций
ЭСКАТО	Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана
ЮНЕП	Программа Организации Объединенных Наций в области окружающей среды
ЮНЕСКО	Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЮНКТАД	Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию
ЮНСИТРАЛ	Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли
I.C.J.	Международный Суд
<i>I.C.J. Reports</i>	<i>I.C.J., Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders</i>
<i>P.C.I.J.</i>	Постоянная Палата Международного Правосудия
<i>P.C.I.J., Series A</i>	<i>P.C.I.J., Collection of Judgments</i>
<i>P.C.I.J., Series A/B</i>	<i>P.C.I.J., Judgments, Orders and Advisory Opinions</i>
<i>P.C.I.J., Series C</i>	<i>P.C.I.J., Pleadings, Oral Statements and Documents</i>

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ СЕССИИ

Документ	Наименование документа	Примечания и ссылки
A/CN.4/316	Предварительная повестка дня	Отпечатан на mimeографе. Утвержденную повестку дня см. стр. XI, выше.
A/CN.4/317	Заполнение случайных вакансий: записка Секретариата	Текст воспроизводится в томе II (часть первая).
A/CN.4/317/Add.1 и Согг.1 и Add.2	То же: Добавление к ^{библиографическая} записке Секретариата: список кандидатов и библиографическая справка	Отпечатан на mimeографе.
A/CN.4/318 и Add.1 — 4	Восьмой доклад по вопросу об ответственности государств, подготовлен Специальным докладчиком г-ном Роберто Аго: международно-противоправное деяние государства как источник международной ответственности (<i>продолжение</i>)	Текст воспроизводится в томе II (часть первая).
A/CN.4/319	Восьмой доклад по вопросу о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями, подготовлен Специальным докладчиком г-ном Полем Рейтером: проект статей и комментарии (<i>продолжение</i>)	То же.
A/CN.4/320 и Согг.1	Первый доклад о праве несудоходных видов использования международных водных путей, подготовлен Специальным докладчиком г-ном Стивеном М. Швобелем	То же.
A/CN.4/321 и Add.1 — 7	Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером: замечания государств	То же.
A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2	Одиннадцатый доклад о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров, подготовлен Специальным докладчиком г-ном Мохаммедом Беджауи: проект статей, относящихся к переходу государственных архивов, и комментарий	То же.
A/CN.4/323	Предварительный доклад по вопросу об иммунитетах государства и его собственности от иностранной юрисдикции, подготовлен Специальным докладчиком г-ном Сомпонгом Сучариткуллом	То же.
A/CN.4/324	Право несудоходных видов использования международных водных путей: ответы правительства на вопросник Комиссии	То же
A/CN.4/325	Обзор процесса заключения многосторонних договоров. Отчет Рабочей группы по обзору процесса заключения многосторонних договоров	То же.
A/CN.4/L.289	Проект статей об ответственности государств: текст статьи 28, предложенный г-ном Цуруокой	Заменен документом A/CN.4/L.289/Rev.1.
A/CN.4/L.289/Rev.1	То же	Текст воспроизводится в кратком отчете 1536-го заседания, пункт 2.
A/CN.4/L.290	То же: текст статьи 28, предложенный г-ном Джаготой	То же, 1535-е заседание, пункт 16.
A/CN.4/L.291	То же: текст статьи 29, предложенный г-ном Цуруокой	То же, 1540-е заседание, пункт 4.
A/CN.4/L.292	То же: текст статьи 29, предложенный г-ном Джаготой	То же, 1542-е заседание, пункт 28 (и пункты 30 и 31).
A/CN.4/L.293	То же: текст статьи 29, предложенный г-ном Ушаковым	То же, 1544-е заседание, пункт 5.
A/CN.4/L.294	То же: текст статьи 30, предложенный г-ном Джаготой	То же, 1545-е заседание, пункт 18.
A/CN.4/L.295	То же: текст статьи 30, предложенный г-ном Янковым	То же, 1545-е заседание, пункт 24.
A/CN.4/L.296	Проект статей о договорах между государствами и международными организациями или между международными организациями: текст статьи 46, предложенный г-ном Ушаковым	То же, 1552-е заседание, пункт 15.

Документ	Наименование документа	Примечания и ссылки
A/CN.4/L.297 и Add.1	Проект статей об ответственности государств — тексты, принятые Редакционным комитетом: статьи 28—32 и название главы V проекта	То же, 1567-е заседание, пункт 1, и 1579-е заседание, пункт 1.
A/CN.4/L.298	Правопреемство государств в других областях, помимо договоров — проект статей по вопросу о правопреемстве в отношении государственных архивов: текст статей X, Y и Z, предложенный г-ном Цуруокой	То же, 1564-е заседание, пункт 30.
A/CN.4/L.299	Проект статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров — тексты, принятые Редакционным комитетом: статьи 2—8, X и 12—25 и названия соответствующих частей и разделов проекта	Заменен документом A/CN.4/L.299/Rev.1.
A/CN.4/L.299/Rev.1	То же: тексты, принятые Редакционным комитетом (1—23 и заголовки соответствующих частей и секций проекта)	Текст воспроизводится в кратком отчете 1568-го заседания, пункт 3.
A/CN.4/L.299/Rev.1/ Add.1	То же: проект статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров: статьи A и C, принятые Редакционным комитетом	То же, 1570-е заседание, пункт 3.
A/CN.4/L.300	Проект статей о договорах между государствами и международными организациями или между международными организациями — тексты, принятые Редакционным комитетом: статьи 39—60 и названия соответствующих частей и разделов проекта	То же, 1576-е заседание, пункт 2.
A/CN.4/L.301 и Corr.1	Проект доклада Комиссии международного права о работе ее тридцать первой сессии: глава I	Отпечатан на mimeографе. Окончательный текст см. в документе A/34/10 (том II (часть вторая)).
A/CN.4/L.302 и Add.1—4	То же: глава II	То же.
A/CN.4/L.303 и Add.1—6	То же: глава III	То же.
A/CN.4/L.304	То же: глава IV	То же.
A/CN.4/L.305	То же: глава V	То же.
A/CN.4/L.306	То же: глава VI	То же.
A/CN.4/L.307	То же: глава VII	То же.
A/CN.4/L.308	То же: глава VIII	То же.
A/CN.4/L.309 и Add.1	То же: глава IX	То же.
A/CN.4/L.310	Доклад Рабочей группы по статусу дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером	Текст воспроизводится, с внесенными в него на 1580-м заседании поправками, в документе A/34/10 (том II (часть вторая)), глава VI.
A/CN.4/SR.1530— SR.1583	Краткие предварительные отчеты 1530—1583-го заседаний Комиссии международного права	Отпечатан на mimeографе. Окончательный текст представлен в настоящем томе.

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

КРАТКИЕ ОТЧЕТЫ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ СЕССИИ,

проходившей в Женеве с 14 мая по 3 августа 1979 года

1530-е ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник, 14 мая 1979 года, 15 час. 20 мин.

Исполняющий обязанности Председателя: г-н Эрик СЕЙ (заместитель Генерального секретаря по правовым вопросам, юрисконсульт)

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швебель.

Открытие сессии

1. **ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ** объявляет тридцать первую сессию Комиссии международного права открытой.

Заявление исполняющего обязанности Председателя

2. **ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ** прежде всего желает выразить удовлетворение по поводу известия о том, что покидающий свой пост Председатель г-н Сетте Камара и два других члена Комиссии г-н Аго и г-н эль-Эриан избраны Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей на самые высокие из существующих юридических постов, а именно — на пост судьи Международного Суда, а также констатировать тот факт, что вновь Совет и Ассамблея избрали судей Международного Суда из числа членов Комиссии. От имени Комиссии исполняющий обязанности Председателя вновь поздравляет г-на Аго, г-на эль-Эриана и г-на Сетте Камара с их избранием и желает им успеха в осуществлении новых функций.

3. В связи с отъездом этих членов Комиссии создается вакуум, который нелегко будет заполнить, однако исполняющий обязанности Председателя выражает уверенность в том, что Комиссия сможет выполнить эту трудную задачу, руководствуясь при этом высшими интересами осуществления процесса кодификации и прогрессивного развития международного права, с тем

чтобы и впредь оставаться кодификационным механизмом на службе международного сообщества.

4. Выступая на открытии тридцать первой сессии Комиссии, которая знаменует собой четвертое десятилетие ее существования, исполняющий обязанности Председателя желает подчеркнуть, что работа, проделанная Комиссией в течение трех предшествующих десятилетий, явилась одним из наиболее важных факторов в процессе разработки современного международного права в рамках Организации Объединенных Наций, как об этом свидетельствует положительное и долгосрочное влияние Организации Объединенных Наций на создание правовых основ мирного сосуществования и сотрудничества между государствами в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций. В результате работы, проводимой Комиссией с осмотрительностью и тщательностью и в сочетании с терпеливым, добросовестным и сбалансированным изучением прецедентов, юриспруденции и доктрины, возникли такие международные документы, которые, будучи далеки от простых академических упражнений, являются самой основой и отправным пунктом современного международного договорного права и навсегда сохранят свою полезность и практическую значимость для всех государств.

5. После предыдущей сессии важным событием для прогрессивного развития и кодификации международного права явилось принятие Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров на Конференции полномочных представителей, созванной для этой цели Генеральной Ассамблеей, что подтвердило, если вообще есть необходимость в таком подтверждении, совершенство тех методов, которые на основе Положения о Комиссии международного права выработаны Генеральной Ассамблеей в целях успешного осуществления задач, поставленных перед нею в пункте 1а статьи 13 Устава Организации Объединенных Наций. Пожалуй, еще в большей степени, чем на предыдущих конференциях по кодификации, основной проект, разработанный Комиссией, позволил собравшимся в Вене представителям государств единогласно — лишь два государства воздержались при заключительном голосовании — кодифицировать комплекс норм, регулирующих этот вопрос.

6. Комиссия, которая в наше время играет ведущую роль в процессе кодификации и прогресс-

сивного развития современного международного права и которая является единственным органом системы Организации Объединенных Наций, конкретно уполномоченным на постоянной основе выдвигать предложения в этой связи, вступит, по-видимому, в новую стадию своей деятельности, на которой она — благодаря приобретенному авторитету и в силу нынешних потребностей международного сообщества — будет призвана решать все более и более сложные вопросы и учитывать все возрастающее значение общепризнанных принципов международного права.

7. В резолюции 2501 (XXIV) Генеральная Ассамблея подчеркнула необходимость дальнейшей кодификации и прогрессивного развития международного права с тем, чтобы сделать это право более эффективным средством претворения в жизнь целей и принципов, изложенных в статьях 1 и 2 Устава Организации Объединенных Наций, и придать больший вес его роли в отношениях между странами.

8. Причины, в силу которых государства все в большей мере стремятся — как в рамках Организации Объединенных Наций, так и за ее пределами — кодифицировать, развивать и укреплять международное право, являются весьма разнообразными, но самая основная из них, несомненно, обусловлена той связью, которая существует между поддержанием международного мира и безопасности и развитием международного сотрудничества во всех областях, с одной стороны, и укреплением международного права, с другой. Фактически, существует прямая и неразрывная связь между эффективным применением системы международно-правовых норм, имеющих отношение к поведению государств, и кодификацией и развитием международного права.

9. Но процесс кодификации, и особенно прогрессивного развития международного права, является также средством приспособления эволюции международного права к меняющимся потребностям. Вполне очевидно, что с начала нынешнего столетия прежние политические, социальные и экономические структуры претерпели коренные изменения в результате появления государств с новыми социально-экономическими системами и возникновения большого числа новых независимых государств, а также значительного влияния различных правовых систем, сложившихся в дополнение к классическим системам в процессе формирования международного права. Поэтому нужно, чтобы современный процесс кодификации международного права учитывал необходимость прогрессивного развития, с тем чтобы кодифицированные нормы в полной мере отражали новые структуры международного сообщества. Лишь путём интеграции потребностей и чаяний нынешнего сообщества наций процесс кодификации может усилить эффективность принципов и норм международного права в международных отношениях.

10. Комиссия международного права добивалась успеха в решении тех задач, которые стоят перед ней уже в течение тридцати лет, прежде всего благодаря тому, что в деле кодификации или прогрессивного развития международного права она руководствовалась одновременно стремлением к стабилизации и новаторству. Сейчас, когда Генеральная Ассамблея готовится приступить к рассмотрению таких новых вопросов, как вопрос, озаглавленный «Объединение и прогрессивное развитие принципов и норм международного экономического права, касающихся, в частности, правовых аспектов нового международного экономического порядка», который уже включен в предварительную повестку дня тридцать четвертой сессии, важно, чтобы Комиссия международного права продолжала осуществлять свою миссию, учитывая при этом растущее значение процесса постоянного приспособления международного права и потребностей его прогрессивного развития.

11. В этом отношении исполняющий обязанности Председателя подчеркивает важность тех связей, которые существуют между Генеральной Ассамблеей — политическим и дипломатическим органом, обеспечивающим руководство и координацию, — и Комиссией международного права — научным органом, на котором лежит задача подготавливать основные проекты по различным предварительно отобраным вопросам международного права. Он считает, что с этой точки зрения работа, проделанная Комиссией за последние годы, укрепила те связи доверия, которые объединяют ее с Генеральной Ассамблеей. Поэтому он выражает признательность Комиссии не только за качество и объем проделанной работы, но и за постоянную приверженность тому принципу, что прогрессивное развитие и кодификация международного права должны осуществляться с должным учетом реальности межгосударственных отношений, в том числе отношений, сложившихся в рамках ООН. Общее удовлетворение, с которым Генеральная Ассамблея восприняла доклад Комиссии о работе ее тридцатой сессии, убедительно доказывает, что Комиссия, как и прежде, продолжает делать нужную работу при отличном ее качестве.

Выборы должностных лиц

12. ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ предлагает членам Комиссии выдвигать кандидатуры на должность председателя.

13. Г-н ЦУРУОКА предлагает кандидатуру г-на Шаховича, человека, обладающего большой эрудицией в сочетании с опытом талантливого дипломата, беспристрастность, работоспособность и доброжелательность которого являются как раз теми качествами, которые необходимы Председателю.

14. Г-н Ушаков, г-н Рейтер, г-н Тиам, сэры Фрэнсис Вэллет, г-н Джагота и г-н Табиби поддерживают эту кандидатуру.

Г-н Шахович единогласно избирается Председателем и занимает место Председателя.

15. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ выражает признательность Комиссии за избрание его на должность Председателя и заявляет, что он постарается оправдать это доверие при выполнении своих функций.

16. Предыдущая сессия Комиссии проходила под председательством г-на Сетте Камара, которому Председатель воздает должное в связи с его избранием в Международный Суд. Кроме того, уходящий председатель при содействии целого ряда членов Комиссии блестящим образом представлял Комиссию на Генеральной Ассамблее, которая в резолюции 33/139 выразила свое удовлетворение по поводу работы, проделанной Комиссией в 1978 году. Изложенные в этой резолюции рекомендации соответствуют планам, намеченным Комиссией.

17. Избрание в Международный Суд г-на Аго, г-на эль-Эриана и г-на Сетте Камара, которым Председатель желает всевозможных успехов в осуществлении их новых функций, ставит Комиссию в несколько затруднительное положение. Необходимо заполнить освободившиеся в результате этого места и назначить новых специальных докладчиков. Тем не менее Председатель не сомневается в том, что Комиссия сможет, как она это неоднократно доказывала в прошлом, быстро найти выход из создавшегося положения.

18. В заключение Председатель желает подчеркнуть важность принятия 23 августа 1978 года Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров и выразить глубокую признательность двум Специальным докладчикам — сэру Хамфри Уолдоку и сэру Фрэнсису Вэллету, работа и самоотверженность которых таким образом увенчались успехом.

19. Председатель предлагает членам Комиссии выдвигать кандидатуры на должность первого заместителя Председателя.

20. Г-н ТАБИБИ предлагает кандидатуру г-на Пинто.

21. Г-н ЦУРУОКА и г-н ДЖАГОТА поддерживают эту кандидатуру.

Г-н Пинто единогласно избирается первым заместителем Председателя.

22. Г-н ПИНТО выражает признательность членам Комиссии.

23. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает членам Комиссии выдвигать кандидатуры на должность второго заместителя Председателя.

24. Г-н ФРЭНСИС предлагает кандидатуру г-на Диас Гонсалеса.

25. Г-н РЕЙТЕР и г-н ЦУРУОКА поддерживают эту кандидатуру.

Г-н Диас Гонсалес единогласно избирается вторым заместителем Председателя.

26. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС выражает признательность членам Комиссии.

27. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает членам Комиссии выдвигать кандидатуры на должность Председателя Редакционного комитета.

28. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ предлагает избрать на эту должность г-на Рифагена.

29. Г-н РЕЙТЕР поддерживает эту кандидатуру.

Г-н Рифаген единогласно избирается Председателем Редакционного комитета.

30. Г-н РИФАГЕН выражает признательность членам Комиссии.

31. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает членам Комиссии выдвигать кандидатуры на должность Докладчика.

32. Г-н ТИАМ предлагает кандидатуру г-на Дадзие.

33. Г-н ШВЕБЕЛЬ, г-н ДЖАГОТА и г-н УШАКОВ поддерживают эту кандидатуру.

Г-н Дадзие единогласно избирается Докладчиком.

Утверждение повестки дня (A/CN.4/316)

Предварительная повестка дня (A/CN.4/316) утверждается единогласно.

Заседание закрывается в 17 час.

1531-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 15 мая 1979 года, 11 час. 30 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэры Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швებель.

Организация работы

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ объявляет, что из-за отсутствия достаточной информации о всех пунктах повестки дня Расширенное бюро пока не в состоянии рекомендовать общую программу рабо-

ты для нынешней сессии. Расширенное бюро ограничивается рекомендацией начать работу с рассмотрением вопроса об ответственности государств. Поскольку г-н Аго, Специальный докладчик по этому вопросу, был избран на тридцать третьей сессии Генеральной Ассамблеи членом Международного Суда, в адрес председателя Суда была направлена просьба с тем, чтобы г-н Аго смог представить Комиссии и прокомментировать свой восьмой доклад, посвященный последним статьям первой части проекта об ответственности государств. В письме от 12 марта 1979 года, содержание которого было сообщено членом Комиссии, председатель Суда удовлетворил эту просьбу, поставив при этом несколько условий, одним из которых, в частности, является участие г-на Аго в работе Комиссии в его индивидуальном и личном качестве.

2. Кроме того, Расширенное бюро рекомендует посвятить три первые недели сессии изучению соответствующих документов, которые представлены Специальным докладчиком и уже распространены (A/CN.4/318 и Add.1—3), а одну неделю, в начале июля,— изучению другого добавления, которое будет распространено позднее.

3. Если не будет возражений, то он будет считать, что Комиссия решила принять эти рекомендации Расширенного бюро и пригласить г-на Аго для участия в завтрашнем заседании с тем, чтобы он смог представить и прокомментировать свой доклад.

Предложение принимается.

Заседание закрывается в 11 час. 45 мин.

1532-е ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 16 мая 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швებель.

Присутствует также: г-н Аго.

Статус членов Комиссии

1. Г-н СЕЙ (заместитель Генерального секретаря по правовым вопросам, юрисконсульт) напоминает, что на предыдущей сессии Комиссия высказала пожелание о том, чтобы Генеральный секретарь вступил в контакты с властями Швейцарии, с тем чтобы улучшить статус членов Комиссии.

2. В начале осени 1978 года в Нью-Йорке он беседовал с постоянным наблюдателем Швейцарии при Организации Объединенных Наций, который обещал ему передать этот вопрос на рассмотрение швейцарских властей. Несколько недель спустя г-на Сея посетили два чиновника Федеративного политического департамента, которым он вновь выразил озабоченность членом Комиссии и которые занимали, по-видимому, благоприятную позицию в отношении улучшения статуса членов Комиссии. В феврале 1979 года постоянный наблюдатель Швейцарии при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве проинформировал г-на Сея о том, что Федеральный политический департамент предложил Федеральному совету предоставить членам Комиссии те же привилегии и иммунитеты, что и главам дипломатических миссий, аккредитованным в Женеве; однако это предложение еще не было рассмотрено другими департаментами.

3. Г-н Сей был только что проинформирован постоянным наблюдателем Швейцарии при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве о решении, принятом Федеральным советом 9 мая 1979 года и приведенном в коммюнике, которое было направлено Генеральному секретарю, в котором говорится следующее:

По предложению Федерального политического департамента, Федеральный совет постановил 9 мая 1979 года предоставить членам Комиссии международного права на период сессий Комитета в Женеве, по аналогии, те же привилегии и иммунитеты, которыми пользуются судьи Международного Суда во время их пребывания в Швейцарии. Речь идет о привилегиях и иммунитетах, которыми пользуются главы миссий, аккредитованные при международных организациях в Женеве. Членам Комиссии международного права предоставляется право на получение специального удостоверения красного цвета.

4. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ поблагодарил г-на Сея за эффективные шаги, предпринятые им с момента окончания предыдущей сессии. Статус членов Комиссии имеет особое значение в связи с продолжительностью сессий Комиссий. Нет сомнения в том, что решение этой проблемы полностью удовлетворит членов Комиссии. Решение Федерального совета, которому Председатель выражает глубокую благодарность Комиссии, является очетредным проявлением конструктивного сотрудничества, которое установилось между Швейцарией и Организацией Объединенных Наций и которое в конкретном случае служит делу кодификации и прогрессивного развития международного права.

Ответственность государств (A/CN.4/318 и Add.1—3)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО

СТАТЬЯ 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства)

5. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ поздравляет г-на Аго с его избранием членом Международного Суда и выражает Суду благодарность за разрешение г-ну Аго участвовать в обсуждениях Комиссии по вопросу об ответственности государств, что свидетельствует таким образом о его стремлении продолжать сотрудничество с Комиссией в области кодификации и прогрессивного развития международного права.

6. Председатель предлагает г-ну Аго представить ту часть его восьмого доклада об ответственности государств (A/CN.4/318 и Add.1—3), которая посвящена косвенной ответственности одного государства за международно-противоправное деяние другого государства (A/CN.4/318), и конкретно статье 28 (там же, пункт 47), которая сформулирована следующим образом:

Статья 28. Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства

1. Международно-противоправное деяние, совершенное одним государством в той области деятельности, в которой указанное государство не пользуется полной свободой действий, будучи вынуждено юридически или фактически подчиняться указаниям или контролю со стороны другого государства, не влечет за собой международную ответственность государства, совершившего вышеупомянутое противоправное деяние, а влечет международную косвенную ответственность государства, которое могло давать указания или осуществлять контроль.

2. Международно-противоправное деяние, совершенное одним государством в условиях принуждения, осуществляемого с этой целью другим государством, не влечет за собой международную ответственность государства, которое действовало в условиях принуждения, а влечет международную косвенную ответственность применявшего его государства.

7. Г-н АГО говорит, что, представляя свой восьмой доклад об ответственности государств, он стремился выполнить пожелание Комиссии, которая обратилась к нему на своей тридцатой сессии с просьбой завершить подготовку первой части проекта статей об ответственности государств.

8. Он напоминает, что в главе IV, где рассматривается вопрос о причастности одного государства к международно-противоправному деянию другого государства, допускаются две возможности. Первая возможность, изложенная в разделе 1¹, которую Комиссия рассмотрела на своей тридцатой сессии и которая является предметом статьи 27, связана с обычно называемым «соучастием» одного государства в совершении международно-противоправного деяния другим государством, то есть представляет собой случай, когда одно государство, не обязательно совершая самостоятельно деяние, которое было бы международно-противоправным, участвует в международно-противоправном деянии, совершаемом дру-

гим государством, предоставляя этому государству помощь или содействие в совершении деяния. Вторая возможность, изложенная в разделе 2 (A/CN.4/318 и Add.1—3, пункты 1 и далее), которую Комиссия предлагает теперь рассмотреть и которая является предметом статьи 28, касается косвенной ответственности одного государства за международно-противоправное деяние другого государства, то есть представляет собой случай, когда одно государство, не участвуя в международно-противоправном деянии другого государства в форме оказания ему помощи или содействия в совершении действия, находится в отношении этого другого государства в положении, при котором ответственность, возникающая в связи с международно-противоправным деянием, совершенным этим другим государством, возлагается на него.

9. В этой связи, ссылаясь на принцип, изложенный в статье 1 проекта², а именно, что «всякое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства», г-н Аго напоминает, что Комиссия уточнила в своем комментарии, что речь в данном случае идет об общем правиле, соответствующем «обычной ситуации», но что могут наблюдаться «случаи, когда международная ответственность возлагается на другое государство, а не на то, которому присваивается деяние, квалифицированное международно-противоправным», добавив, что эти случаи, имеющие исключительный характер, будут предусмотрены в проекте позднее³. Настало время рассмотреть эти случаи в рамках главы о причастности одного государства в международно-противоправном деянии другого государства.

10. Формирование понятия косвенной ответственности в юридической литературе происходило на протяжении длительного периода времени, поскольку выражение «косвенная ответственность» часто использовалось в прошлом ошибочно для обозначения различных ситуаций, влекущих на самом деле прямую ответственность, например ответственность, возникающую для государства в результате действий частных лиц или деяний, совершенных неуполномоченными на то органами.

11. Понятие «косвенной» ответственности или ответственности за «деяние другого» вызвало двойную проблему. Необходимо было определить это понятие в свете изучения случаев, где присвоение ответственности относилось к другой стороне, чем к той, к которой относилось присвоение международно-противоправного деяния, и произвести оправдание этого исключительного случая.

² Тексты всех проектов статей, принятых Комиссией, см. *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 78 англ. текста и далее, документ A/33/10, глава III, раздел В, 1.

³ *Ежегодник...*, 1973 год, том II, стр. 204, документ A/9010/Rev.1, часть II, раздел В, статья 1, пункт 11 комментария.

¹ См. *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть первая), документ A/CN.4/307 и Add.1 и 2, пункты 55 и далее.

12. Первым, кто попытался обосновать существование в международном праве ответственности за деяние другого субъекта, был Анцилотти, который ссылаясь, в частности, на отношения независимости одного государства от другого. Он считал, что такое оправдание должно быть найдено в существовании, в этих отношениях, института международного представительства⁴. Согласно Анцилотти государство, осуществляющее международное представительство другого государства, должно нести ответственность за международно-противоправные деяния, совершенные этим другим государством, ибо, поскольку представляемое государство не поддерживает прямых международных отношений, третье государство, понесшее ущерб, не может обратиться непосредственно к этому государству за получением возмещения. Поэтому логически делалось заключение о том, что международная ответственность за противоправные деяния, совершенные представляемым государством, косвенно ложится на представляющее государство.

13. Эта теория была принята в течение ряда лет, однако затем некоторые авторы подвергли ее критике, подчеркивая, что в соответствии с системой международного представительства, государство, понесшее ущерб в результате международно-противоправного деяния, совершенного представляемым государством, может обратиться к этому государству лишь через посредство представляющего государства, что не является основанием для того, чтобы возлагать ответственность за противоправное деяние на представляющее государство вместо представляемого. Пострадавшее государство вполне могло поставить перед представляющим государством прямую ответственность представляемого государства, а не косвенную ответственность представляющего государства за противоправное деяние, совершаемое представляемым государством. Следовательно, присвоение одному государству ответственности за деяние, совершаемое другим государством, должно быть объяснено на основе другой, чем международное представительство.

14. Вердросс попытался оправдать теорию Анцилотти, исходя из практики государств и ссылаясь, в частности, на решение арбитра Хубера по делу о британском имуществе в Испанском Марокко, из которого он выделил одно предложение, где говорилось, что «ответственность государства-протектора... вытекает... из того факта, что лишь государство-протектор представляет государство-протекторат в международных отношениях» и что государство-протектор несет ответственность «вместо государства-протектората»⁵. Однако в действительности в своем решении судья Хубер не намеревался объяснить ответственность покровителя за деяние покровитель-

ствуемого на том основании, что первый представлял последнего, а на основании того, что в действительности произошло во взаимоотношениях в рамках протектората. Он отметил, что в большинстве случаев такое взаимоотношение влекло такое большое вмешательство государства-протектора во внутренние дела государства-протектората, что государство-протектор оказывается подлинной верховной властью на территории государства-протектората. Поэтому логично возложить на государство-протектор ответственность за деяния, совершаемые на этой территории, поскольку органы государства-протектората являются лишь децентрализованными органами государства-протектора. Таким образом, попытка Вердросса найти обоснование теории Анцилотти в международной юриспруденции и практике не увенчалась успехом.

15. В ходе дальнейшего развития доктрины пришлось отказаться от теории представительства, и основа для определения косвенной ответственности была найдена в самом характере определенных отношений, существующих между двумя государствами. За отправную точку было взято замечание, что косвенная ответственность возникает в тех случаях, когда наблюдаются отношения зависимости одного государства от другого (вассальная зависимость, протекторат, мандат и т. д.). Однако возник вопрос о том, всегда ли отношения зависимости между государствами, как таковые, влекут за собой ответственность государства-протектора за международно-противоправные деяния, совершенные государством-протекторатом, и должно ли такое действие быть ограничено существующими, в рамках этого взаимоотношения, определенными специфическими условиями. Спрашивается, что может служить оправданием за указанную ответственность.

16. Считалось, что ответственность за деяния другого государства объясняется прежде всего практическими соображениями. Согласно «Schutztheorie» господствующее государство должно нести ответственность за международно-противоправные деяния зависимого государства, поскольку, прибегая к принудительным мерам в отношении зависимого государства с целью получить от него репарацию, понесшие ущерб третьи государства могут ущемить права и интересы господствующего государства и вынудить его вмешаться для защиты зависимого государства. Оказалось, что, заставляя господствующее государство отвечать за деяние зависимого государства, принимались бы необходимые меры для защиты интересов господствующего государства. Один из вариантов «Schutztheorie» существует в концепции Вердросса, который оправдывает косвенную ответственность, признавая, что применение государством, понесшим ущерб, принудительных мер в отношении зависимого государства представляет собой недопустимое вмешательство

⁴ См. A/CN.4/318 и Add.1—3, пункт 5.

⁵ Там же, пункт 8.

в сферу юридических полномочий господствующего государства⁶.

17. В 1928 году Иглтон обратил внимание на связь, существующую между ответственностью и свободой решений и действий государства, которое совершает международно-противоправное деяние. По его словам, «ответственность должна устанавливаться в каждом отдельном случае путем выяснения действительной степени свободы от внешнего контроля или, наоборот, действительной степени контроля со стороны государства-ответчика»⁷. То есть, по его мнению, существование косвенной ответственности государства за международно-противоправное деяние другого государства связано с существованием контроля первого государства над действиями второго. Таким образом, в случае отношений, подобных отношениям протектората, государство-протектор может нести ответственность за нарушение существующего международного обязательства со стороны государства-протектората лишь в той мере, в какой оно осуществляет контроль над этим государством. В 1883 году Ф. Мартенс высказал аналогичную идею, когда он писал, что согласно логике и справедливости государства, которые находятся в зависимом положении, должны нести «ответственность за свои действия по отношению к иностранным правительствам лишь в степени, пропорциональной их свободе действий»⁸. Именно в этом направлении развивалась современная теория по данному вопросу.

18. При существовании отношений зависимости между двумя государствами следует проводить различие между двумя возможными случаями. В первом случае вмешательство одного государства в дела другого предполагает подлинную подмену деятельности второго государства в некоторых областях действиями первого; это происходит, когда органы господствующего государства осуществляют деятельность на территории зависимого государства. Таким образом, если нарушение международного обязательства зависимого государства совершено в рамках такой деятельности (например, если судебные органы, непосредственно зависимые от государства-протектора, отказали кому-либо в правосудии на территории протектората), то на господствующее государство ложится не просто ответственность, а прямая ответственность, которая непосредственно вытекает из действий его собственных органов.

19. Во втором случае зависимое государство продолжает функционировать в определенных областях с помощью своих собственных органов, однако эти органы несвободны в своих действиях, поскольку они подлежат контролю со стороны господствующего государства. И только в этом случае может действительно идти речь об ответственности за деяния другого или косвенной от-

ветственности, поскольку международно-противоправные деяния, совершенные органами зависимого государства при осуществлении деятельности зависимого государства, были совершены этим государством, а не господствующим государством, которое несет за них ответственность. Однако логично, что ответственность за эти действия следует нести господствующему государству, если область деятельности, в которой упомянутые деяния были совершены, была под управлением или контролем господствующего государства.

20. С другой стороны, косвенная ответственность возникает не только в случае исчезающих форм зависимости, таких как протекторат, но также и при других ситуациях, в частности в случае военной оккупации. Фактически государство, находящееся под военной оккупацией, сохраняет свой международный суверенитет, однако вмешательство оккупирующего государства во внутренние дела оккупируемого государства ограничивает свободу действий последнего. Поэтому оккупирующее государство должно рассматриваться как косвенно ответственное за международно-противоправное деяние, совершенное оккупируемым государством. Аналогично, в случае временной зависимости одного государства от другого, зависимости, которая не ведет к образованию стабильных или постоянных взаимоотношений, а например, представляет собой лишь акт принуждения, государство, которое вынуждает другое государство совершить международно-противоправное деяние, может считаться косвенно ответственным за это деяние.

21. Еще менее определенным является вопрос, следует ли считать федеральное государство международно-ответственным за деяние одного из его государств-членов, поскольку очень редко государство — член федерального государства является отдельным субъектом международного права. Если оно не является таковым, тогда федеральное государство несет прямую ответственность за деяние государства-члена, как за деяния любого другого общественного учреждения на его территории. Вопрос может возникнуть, если государство-член обладает своей собственной международной компетенцией.

22. И последний вопрос, является ли косвенная ответственность исключительной ответственностью, или является ли ответственность государства, находящегося под контролем, совместной с таковой государства, осуществляющего этот контроль.

23. Анализ международной практики подтверждает заключения, к которым пришло большинство авторов в их наиболее современных решениях. В своем ответе на просьбу о предоставлении информации, которую направил Подготовительный комитет Конференции по кодификации международного права (Гаага, 1930 год), Дания совершенно справедливо указала, что ответ на этот вопрос зависит от «характера отношений

⁶ Там же, пункт 15.

⁷ Там же, пункт 17.

⁸ Там же, сноска 33.

между двумя государствами — от степени и вида контроля, осуществляемого одним государством над управлением другим государством, а также от автономии, предоставленной подчиненному или государству-протектору»⁹.

24. Что касается военной оккупации, то, как показывает опыт второй мировой войны, следует проводить различия между двумя видами случаев: случаями, в которых оккупирующее государство ограничивается осуществлением контроля над деятельностью оккупируемого государства, и случаями, в которых оккупирующее государство подменяет некоторые органы оккупируемого государства своими собственными органами в целях обеспечения безопасности своих вооруженных сил или для поддержания общественного порядка, если оккупируемое государство не в состоянии сделать это. Практика свидетельствует, что в первом случае международно-противоправное деяние, совершенное органом оккупируемого государства, влечет за собой косвенную ответственность оккупирующего государства, тогда как во втором случае оно влечет за собой прямую ответственность. Таким образом, в международном праве контроль является подлинным критерием ответственности за деяние другого.

25. Что касается вопроса, исключает ли косвенная ответственность контролирующего государства прямую ответственность со стороны «контролируемого» государства, то г-н Аго считает, что обычно первое исключает последнее. Поэтому он полагает, что в статье 28 необходимо указать, что ответственность за чужие деяния проистекает из контроля, осуществляемого одним государством над другим государством, и что эта ответственность носит исключительный характер.

26. Г-н УШАКОВ задает г-ну Аго три вопроса. Во-первых, направлена рассматриваемая статья на правомерные или противоправные ситуации согласно современному международному праву? Во-вторых, можно ли говорить о том, что существуют отношения зависимости между государствами — членами федерации и федеральным государством, и если да, то в силу какой нормы международного права? И наконец, какая связь существует между рассматриваемой статьей и статьей 2, согласно которой «любое государство может рассматриваться как совершившее международно-противоправное деяние, влекущее за собой его международную ответственность»?

27. Г-н АГО, отвечая на первый вопрос, говорит, что предполагаемые ситуации могут быть как правомерными, так и противоправными. В отдельных случаях военная оккупация может быть правомерна, в других — противоправной. Незаконная зависимость, к счастью, имеет тенденцию к исчезновению, однако не исключена возможность, что

некоторые из них могут снова появиться. Принудительные меры, естественно, предполагают наличие противоправной ситуации. Однако противоправность такой ситуации не должна служить причиной для отрицания того, что государство, осуществляющее принудительные меры, несет международную ответственность за деяния государства, которое оно принуждает. Аналогично противоправность принуждения является элементом, который скорее подтверждает, с точки зрения простой справедливости, ответственность государства, осуществляющего его. В конечном счете, представляется целесообразным ставить вопрос о том, является ли та или иная ситуация правомерной или противоправной; главное, что надлежит определить, — это результат, который она повлечет за собой.

28. Что касается второго вопроса г-на Ушакова, то г-н Аго хотел бы устранить все возможные недоразумения: если в случае федерального государства государство-член, сохранившее определенную международную личность, совершило международно-противоправное деяние, может возникнуть случай ответственности за чужие деяния, однако в данном случае не может идти и речи о зависимом положении.

29. Третий вопрос г-на Ушакова касается связи рассматриваемой статьи не только со статьей 2, но также и со статьей 1. В первых двух статьях проекта излагаются основные нормы. При составлении текста первой статьи, которая гласит, что «всякое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства», Комиссия думала о том, не будет ли предпочтительнее сказать, что такое деяние влечет за собой определенную ответственность, поскольку это было принуждение, в исключительных случаях возможно возникновение ответственности другого государства. Однако предпочли изложить общее правило и указать на существование возможных исключений в комментарии к этой статье. Такая же проблема возникает в связи со статьей 2, согласно которой «любое государство может рассматриваться как совершившее международно-противоправное деяние, влекущее за собой его международную ответственность». В исключительных обстоятельствах свобода действий зависимого государства может быть ограничена в определенных областях, и международно-противоправное деяние, совершенное им в одной из этих областей, влечет за собой косвенную ответственность господствующего государства.

30. Возвращаясь к представлению статьи 28, г-н Аго хочет внести некоторое уточнение. Как он уже говорил и вопреки тому, что в некоторых своих работах он придерживался иной формулы, сейчас он склонен согласиться с поддерживаемым большинством известных авторов мнением, согласно которому существует исключительная косвенная ответственность государства за междуна-

⁹ Там же, пункт 20.

родно-противоправное деяние другого государства, если оно препятствует осуществлению свободного самоопределения второго государства. Вместе с тем у известных авторов точка зрения по этому вопросу не является четко выраженной, а практика государств не дает достаточных сведений для определения конкретной позиции; соответственно г-н Аго присоединится к мнению Комиссии, если последняя сочтет возможным принять осуществление обоих типов ответственности. Уместно напомнить, что работа Комиссии не ограничена рамками мнения известных авторов или практики государств и что Комиссия может работать над прогрессивным развитием международного права.

31. Г-н РЕЙТЕР хотел бы отметить, что г-н Аго проделал значительную работу, рассмотрев различные юридические механизмы, которые Комиссия не будет ни изучать, ни принимать во внимание при изучении обсуждаемой статьи. Кроме того, г-н Аго проделал конструктивную работу, предложив членам Комиссии различные возможности и даже вызвав у них некоторые сомнения.

32. Выражение «косвенная ответственность», которым наряду с многими другими авторами пользовался г-н Аго, вряд ли является удачным; но еще более неудачным в международном праве представляется выражение «ответственность за деяние другого субъекта». Возможно, именно это и явилось основанием для второго вопроса г-на Ушакова; можно ли в самом деле принять в международном плане ответственность за деяние другого субъекта?

33. Вопрос, изучаемый г-ном Аго, открывает простор для многочисленных гипотез, в каждой из которых в связи с международно-противоправным деянием одновременно фигурируют одна жертва и по крайней мере два государства. К числу юридических механизмов, которые не были приняты, как это показал г-н Аго, относится «теория представительства», теория еще не определенная, во всяком случае не имеющая отношения к данному проекту. Другим юридическим механизмом, на котором не следует задерживать внимание, является механизм в случае, когда два государства приступили к рассмотрению юридического распределения между ними сфер компетенции. В рамках федерального государства не имеет большого значения, выступает ли вопрос о представительстве одновременно с вопросом о распределении сфер компетенции. Комиссия уже предложила правило, согласно которому поведение любого органа государства, каким бы ни было его положение в рамках структуры этого государства, рассматривается как деяние этого государства.

34. Существуют также другие особые юридические ситуации, которые он относит скорее к истинному союзу, чем к протекторату. В качестве одного из примеров можно привести отношения

между Швейцарией и Лихтенштейном, но существуют также и экономические союзы двух государств. В таких случаях правило является простым: каждое государство ответственно за свои собственные действия. Теоретически точно так же следовало бы подходить и к протекторату, если бы он функционировал в своей истинной юридической форме, что часто не имеет места.

35. По крайней мере в теории, в положении де-юре не должно возникать никаких проблем, даже если речь идет о военной оккупации; в таком случае оккупационные власти и власти оккупированного государства могут действовать в рамках компетенции, приписываемой им международным правом. Но существует также и положение де-факто. Например, после заключения в 1912 году Фесского договора, касающегося французского протектората в Марокко, Франция развернула в этой стране деятельность, в результате которой создалось положение де-факто. В этой связи, безусловно, уместно дополнить существующие статьи положениями, касающимися последствий, вытекающих из положения де-факто.

36. Существуют различные степени положений де-факто. Бывают не только такие случаи, когда одно государство может оказывать на другое государство давление, но и такие, когда даже нет двух государств. Так происходит, когда одно государство создает на территории, в действительности находящейся под его властью, марионеточное государство, которое обладает лишь видимостью государства; тогда другие государства решают, существует ли созданное таким образом государство. Оно существует для всех государств, которые признают его существование, в то время как для других государств ответственным за его действия в международном плане является подлинное государство. Комиссия не должна заниматься рассмотрением этой гипотезы, поскольку в данном случае применимы международные нормы, касающиеся признания государств.

37. В связи с вопросом о военной оккупации он напоминает, что в 1940 году Франция была в значительной своей части оккупирована немецкими войсками, но что французское государство продолжало существовать, возглавляемое правительством, которое на протяжении нескольких лет оставалось единственным правительством, признанным некоторыми другими государствами. В северной зоне одновременно существовали французские и немецкие власти, и можно с достаточным основанием полагать, что под давлением немецких властей французские власти совершали международно-противоправные деяния с целью защиты законных интересов. Учитывая непрерывность существования французского государства и вопреки утверждениям последующих правительств, можно с достаточным основанием полагать, что нынешнее французское государство частично несет ответственность за совершение этих действий. На положения такого типа, по-ви-

димому, распространяются общие принципы, провозглашенные в одобренных статьях проекта. В настоящий момент Комиссия не должна решать вопрос о том, могут ли два государства рассматриваться как соавторы или как совместно несущие ответственность, но ей предстоит решить серьезный вопрос о присвоении.

38. Сам г-н Рейтер занимает следующую позицию. Он считает, что статья 9 проекта относится к обратному положению де-юре, когда государство предоставляет один из своих органов в распоряжение другого государства. В том случае, когда государство действительно обладает полной властью над органом другого государства, предложенная г-ном Аго норма является приемлемой. Но следует также предусмотреть случай, когда мы просто имеем дело с влиянием, контролем или подчинением, которое осуществляется в отношении другого государства. По его мнению следует оставаться в рамках общих принципов. Вполне достаточно иметь статьи общего характера, хотя безусловно необходимо отметить особый случай полного захвата де-факто. Но чаще всего встречается промежуточная ситуация. Поэтому важно либо посвятить такой ситуации отдельную статью, либо указать на возможность такой ситуации и отложить ее изучение до рассмотрения Комиссией таких вопросов, как вопросы соучастия и компенсации.

39. Г-н ШВЕБЕЛЬ также благодарит г-на Аго за его доклад, отражающий эрудицию и проникательность автора.

40. Он в значительной степени разделяет мнение, выраженное г-ном Аго. И вместе с тем в примечании 99 доклада г-на Аго указывается, что понятие «принуждение» следует толковать в том смысле, в котором это понятие трактуется в системе Организации Объединенных Наций. Вполне понятно, что Комиссия не желает заниматься глубоким изучением этого понятия, но смысл, в котором это понятие трактуется в системе Организации Объединенных Наций, представляется неясным и противоречивым. В юридической доктрине этот вопрос освещается нечетко, и, возможно, наименее двусмысленное его толкование можно найти в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций¹⁰. Вместе с тем формулировки самой Декларации являются недостаточно ясными, и даже если можно считать, что эта доктрина сформулирована в Декларации, то практика государств не находится в строгом соответствии с этой доктриной. Возникает вопрос, сколь важна эта доктрина, если практика ей противоречит. Почти ежедневно в газетах описываются случаи оказания давления на государство, которое дейст-

вует в соответствии с наиболее ясно выраженными в Уставе нормами. Несмотря на это, Организация Объединенных Наций воздерживается от какого-либо осуждения.

41. Еще более важный вопрос заключается в том, исключительной или совместной должна быть ответственность господствующего государства. Г-н Рейтер уже привел в этой связи очень хороший пример. Можно указать еще один случай, когда, например, государство А частично оккупировано государством В и в значительной степени им контролируется и когда с территории государства А организуются противоправные нападения на территорию государства С. Государство А не может воспрепятствовать проведению этих нападений, а государство В не желает этого делать, хотя оно, возможно, и располагает необходимыми средствами. В подобном случае должно ли государство С ссылаться на ответственность одного лишь государства В и следует ли освободить государство А от ответственности только на том основании, что в конечном счете государство В имеет возможность контролировать важные решения, но не обязательно все текущие решения, государства А? Свое предпочтение г-н Швельбелль отдает развитию права и редакции проекта статей в таких выражениях, которые допускали бы совместную ответственность, в отличие от исключительной ответственности.

42. И наконец, пункт 1 предлагаемой статьи представляется излишним, и он полагает, что на самом деле в этом пункте нет ничего, что не было бы сказано в пункте 2.

Заседание закрывается в 13 час.

1533-е ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 17 мая 1979 года, 10 час. 05 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швельбелль.

Присутствует также: г-н Аго.

Послания бывших членов Комиссии

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ зачитывает тексты двух посланий, направленных соответственно г-ном Сетте Камара и г-ном эль-Эрианом, которые обращаются к Комиссии с наилучшими пожеланиями успеха в работе ее сессии и вообще в ее работе по кодификации и прогрессивному разви-

¹⁰ Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи, приложение.

тию международного права на благо мира и международного сотрудничества.

2. В свою очередь Председатель от имени Комиссии направляет им пожелания успешной деятельности на их новом поприще в качестве членов Международного Суда.

Ответственность государств (продолжение)
(A/CN.4/318 и Add.1—3)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО
(продолжение)

СТАТЬЯ 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства)¹ (продолжение)

3. Г-н ФЕРОСТА говорит, что, перед тем как приступить к чтению восьмого доклада об ответственности государств (A/CN.4/318 и Add. 1 и 3), он ознакомился с проектом статьи 28, уже по первому пункту которого у него возникло четыре замечания.

4. Во-первых, предположив наличие государства, которое «не пользуется полной свободой действий», это положение подразумевает, что некоторые государства пользуются подобной свободой, что не соответствует действительности. Уже в случае отдельных личностей вопрос независимости воли поднимает многочисленные проблемы философского и морального порядка. На уровне государства решения принимаются органами. Безусловно, в принципе существуют свобода воли и свобода действий, но эти свободы даже в случае политических органов и политических деятелей, обладающих большой властью, ограничены внутривнутриполитическими и экономическими соображениями или соображениями, связанными с международными отношениями. С другой стороны, выражение «полная свобода» означает свободу на 100 процентов. Что же будет в том случае, если государство, сохраняя свободу действий на 50 процентов, не воспользуется этим, чтобы избежать совершения международно-противоправного деяния? Избежит ли оно всякой международной ответственности?

5. Во-вторых, несомненно, на практике трудно определить, когда государство «вынуждено юридически или фактически подчиняться указаниям или контролю со стороны другого государства». Правовое подчинение одного государства другому государству относится главным образом к случаю протекторатов и других подобных режимов, установленных в договорах. С общей точки зрения, подчинение указаниям господствующего государства поднимает вопрос о доброй или злой воле подчиненного государства в применении этих указаний. Так, нацистская Германия давала указания государствам, находящимся под ее господством,

преследовать евреев и цыган, но эти указания выполнялись совершенно по-разному. В то время как Словакия долгое время удавалось защищать евреев и цыган, а Болгария позволила болгарским евреям покинуть страну со всем их имуществом, другие государства исполняли эти указания с большим рвением. Если органы подчиненного государства не привержены делу господствующего государства, они всегда могут найти способы избежать контроля последнего. Учитывая, что у них имеется возможность не совершать некоторые международно-противоправные деяния, эти государства, если они их совершают, несут часть ответственности.

6. В-третьих, что следует понимать под «государством, которое могло давать указания или осуществлять контроль»? Каким образом государство, обладающее такой властью, ее осуществляет: правомерно или противоправно? Поскольку пункт 2 изучаемой статьи касается принуждения, можно подумать, что пункт 1 касается случая, когда господствующее государство действует в рамках своей юрисдикции.

7. В-четвертых и в-последних, провозглашенная в пункте 1 норма представляется излишне радикальной в том смысле, что она освобождает от всякой ответственности государство, вынужденное подчиниться указаниям или контролю со стороны другого государства, и возлагает исключительно на господствующее государство международную ответственность за противоправные деяния подчиненного государства. Эта норма может поощрять слабые государства без особых угрызений совести исполнять указания господствующего государства и добровольно подчиняться его контролю, поскольку вся международная ответственность совершенно определенно возлагается именно на это государство.

8. Полное ознакомление с текстом изучаемой статьи не изменило первых впечатлений г-на Феросты. Вместе с тем он отмечает, что г-н Аго в устном изложении (1532-е заседание) дал понять, что он будет готов принять идею двойной ответственности или совместной ответственности. По мнению г-на Феросты, решение следует искать именно в этом направлении.

9. Г-н ЦУРУОКА в принципе одобряет проект статьи 28, который является необходимым и правильно следует за статьей, посвященной вопросу о помощи или содействии одного государства другому для совершения международно-противоправного деяния другим государством. Как пояснил г-н Аго, выражение «косвенная ответственность» употреблено им потому, что оно приобрело право на жизнь в терминологии международного права, и еще потому, что оно имеет довольно точный смысл. Конкретно не оспаривая это утверждение, г-н Цуруока говорит, что он не считает необходимым в конце статьи 28 проводить различие между косвенной и прямой ответственностью.

¹ Текст статьи см. 1532-е заседание, пункт 6.

Если государство А принимает на себя перед государством С ответственность за международно-противоправное деяние государства В, то ответственность перед государством С несет лишь одно государство А. Если предположить, что государства А и В могут быть оба ответственны перед государством С, то эта ответственность должна быть одной и той же для обоих государств.

10. Что касается понятия полной свободы действий, то представляется, что его лучше всего опустить. В действительности с учетом возрастающей взаимозависимости государств на деле ни одна страна не обладает полной свободой действий.

11. В отношении пункта 2 г-н Цуруока замечает, что принуждение может лишь приводить к исключительной ответственности государства, которое его осуществляет. Но само понятие принуждения не является полностью ясным и нуждается в уточнении с учетом положений статьи 52 Венской конвенции о праве договоров².

12. С учетом всех этих обстоятельств г-н Цуруока говорит, что он предложит новый текст проекта статьи 28³.

13. Г-н УШАКОВ говорит, что он не одобряет проект статьи 28. Прежде всего он отмечает, что косвенной ответственности не существует ни в международном праве, ни во внутреннем праве. Авторы, конечно, могли говорить о прямой ответственности за действия и о косвенной ответственности за бездействие, но проводить такое различие о праве невозможно. С юридической точки зрения физическое или моральное лицо несет гражданскую, уголовную или административную ответственность за свои собственные действия или бездействие. Ответственность, о которой говорится в статье 28, является международной ответственностью, которая не должна квалифицироваться ни как прямая, ни как косвенная. Физическое или моральное лицо ни в коем случае не может нести ответственность за деяние другого лица. Напротив, существуют обстоятельства, при которых на данное лицо ответственность не возлагается. Иногда существует видимость ответственности за деяния других. Так, например, во внутреннем праве говорят, что родители ответственны за деяния своих детей. В действительности они ответственны не за деяния своих детей, а за несоблюдение обязанностей, которые на них возлагает закон в отношении поведения их детей; они ответственны за свое собственное бездействие.

14. Изучаемый проект статей относится к государствам, то есть приблизительно к 150 чле-

² Текст Конвенции, далее именуемой «Венская конвенция», см. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), стр. 287 англ. текста.

³ Впоследствии распространен в качестве документа A/CN.4/L.289.

нам Организации Объединенных Наций и к нескольким другим странам, которые не являются ее членами. Все они являются суверенными и политически независимыми; ни одно из них не находится под господством другого государства. Их суверенитет и их независимость совершенно реальные, чем и объясняется то, что самые малые из них могут в конечном счете освободиться от принуждения, опираясь на помощь других государств, международного сообщества и международных организаций. В противном случае малые государства не могли бы существовать. Безусловно, нет ничего абсолютного, и между государствами существует определенная степень взаимозависимости, особенно в экономической области. Но именно потому, что существующие государства являются суверенными и независимыми, Комиссия смогла сформулировать такую общую норму, как норма статьи 2⁴, согласно которой любое государство может рассматриваться как совершившее международно-противоправное деяние, влекущее за собой его международную ответственность.

15. Проект статьи 28 предусматривает случай государства, которое не располагает полной свободой действий. Но, по мнению г-на Ушакова, не существует ни одного государства, которое бы в рамках права не располагало полной свободой действий или которое было бы вынуждено в рамках права подчиняться указаниям или контролю со стороны другого государства. Случай, рассматриваемый в изучаемом проекте статьи, также не может относиться и к случаю федерального государства. Утверждать, что государства — члены федерального государства не обладают полной свободой действий и что они вынуждены подчиняться контролю со стороны федерального государства, — это значит принять новую концепцию федерализма. Если они не обладают юрисдикцией в вопросах международных отношений, то они и не могут нести никакой международной ответственности за свои собственные деяния. Напротив, если государство — член федерального государства, например какой-либо швейцарский кантон, имеет право заключать международные соглашения, то оно само и несет ответственность по соглашениям, которые оно заключает в рамках своего присоединения. Но швейцарский кантон, как таковой, нельзя считать вынужденным подчиняться господству Швейцарии.

16. В отношении оккупированных государств следует проводить различие между военной оккупацией всей территории государства государством-агрессором, что влечет за собой противоправную ситуацию, и военной оккупацией силами освобождения. Действительная оккупация имеет место только в первом случае. Можно ли ответственность оккупированного таким образом государства рассматривать наравне с ответвен-

⁴ См. 1532-е заседание, сноска 2.

ностью суверенных и независимых государств, к которым относится данный проект? Г-н Ушаков считает, что не может, так как оккупированное государство не обладает свободой действий. Подобным образом, государство, у которого оккупирована только часть его территории, не является суверенным и независимым государством на этой части своей территории и не должно нести ответственности за деяния, которые там совершаются. В том и другом случае мы имеем дело с противоправной ситуацией, которая не имеет отношения к проекту статей, поскольку он в принципе должен применяться только в контексте правомерных ситуаций.

17. Что касается старой теории общего и обязательного международного представительства, то она была разработана с целью представления колониальных территорий в качестве государств. Для этого было изобретено понятие частичного суверенитета — понятие, которое должно быть отброшено, так как суверенитет не может быть ограниченным. Только чисто фиктивно колонии, протектораты, подмандатные или подопечные территории и другие неавтономные территории рассматривались как так называемые государства, международное представительство которых следовало обеспечить, в то время как они не являлись суверенными и независимыми государствами. Зависимые территории в той же степени не являются государствами в смысле данного проекта статей. И определенно пункт 1 проекта статьи 28 не относится ни к одной из ситуаций, описанных г-ном Аго.

18. Принуждение, о котором говорится в пункте 2 статьи 28, безусловно, не является моральным принуждением. Скорее всего здесь необходимо усматривать применение силы в международных отношениях, которое с необходимостью ведет к созданию противоправной ситуации. Совершенно очевидно, что государство, которое осуществляет принуждение или намеревается осуществить принуждение, прибегнув к использованию военной силы, создает противоправную ситуацию, за которую оно несет ответственность. В свете этого может ли быть освобождено от всякой ответственности государство, которое под влиянием принуждения совершает акт агрессии или акт геноцида или тем более прибегает к использованию военной силы для поддержания режима колониального господства? Это ничем не санкционируется, но тем не менее это именно то, что предусматривает пункт 2 проекта статьи 28. Следует, несомненно, исключить случаи, когда государство совершает международно-противоправное деяние в условиях принуждения, осуществляемого государством-завоевателем, — случай, который не должен быть предметом рассмотрения Комиссии, поскольку он предполагает наличие противоправной ситуации.

19. В заключение г-н Ушаков указывает, что положения проекта статьи 28 необоснованны.

Вместе с тем он отдает должное г-ну Аго, исследования которого позволили пролить свет на старые теории и более точно очертить границы проблемы.

20. Г-н ПИНТО говорит, что из текста статьи 28 следует, что, руководствуясь соображениями справедливости, г-н Аго перенес ответственность доминируемого государства на доминирующее государство и намерен также учесть право третьих государств, понесших ущерб, требовать возмещения со стороны, которая в наибольшей степени способна предоставить его и которая также является, по всей вероятности, стороной, действительно ответственной за международно-противоправное деяние. В обычных условиях г-н Пинто поддержал бы статью в такой формулировке, однако после рассмотрения статьи 28, с точки зрения логики всего проекта статей, у него возникли на этот счет некоторые сомнения.

21. Основополагающие принципы, содержащиеся в первоначальных статьях проекта, заключаются в том, что, прежде чем определять международную ответственность того или иного государства, необходимо доказать, что это государство совершило международно-противоправное деяние. Поскольку государство может действовать через посредство других организмов, в статьях 5—15 говорится с определенной степенью точности, что это за организмы, деяния которых могут повлечь за собой ответственность государства, — например, это не только органы самого государства, но также и другие организмы или лица или группы лиц, уполномоченные государством действовать от его имени. В общем должна существовать действительная связь между организмом или лицом, совершающим деяние, и государственной властью — другими словами, организм или лицо должны осуществлять «прерогативы государственной власти», как это предусматривают статьи 7, 8 и 9. В связи с этим организм или лицо считаются действующими от имени государства, и в этом случае деяние присваивается государству. В других случаях общая норма, изложенная в статьях 11, 12, 13 и 14, заключается в том, что деяние не может быть присвоено государству, если соответствующие организмы или лица не осуществляют прерогативы государственной власти; в этом случае они не выступают от имени государства, и их деяния не влекут за собой ответственность государства.

22. В главе IV проекта статей излагается ряд различных обстоятельств, порождающих международную ответственность, в которых государство, даже если оно и не является единственным автором деяния, оказывается причастным к международно-противоправному деянию другого государства. Однако есть основания полагать, что принципы присвоения государству чужих деяний применяются также и к статьям главы IV. Так, например, согласно статье 27

помощь или содействие одного государства другому для осуществления международно-противоправного деяния должны присваиваться этому государству, с тем чтобы могла последовать его ответственность; причем эта помощь или содействие могут быть оказаны организмом или лицом, осуществляющим прерогативы государственной власти. В статье 28, которая касается косвенной ответственности государства, как видно, делается отход от этой основной линии, которая проходит через всю структуру проекта, в результате чего нарушается важная связь между государством и ответственностью этого государства за международно-противоправное деяние, которое фактически присваивается государству на основе осуществления прерогатив государственной власти.

23. В случае статьи 28 государство, которое является подчиненным и не пользуется полной свободой действий, не осуществляет прерогатив государственной власти «доминирующего» государства и не выступает от имени этого государства. Автор международно-противоправного деяния действует от своего имени, при этом речь не идет о полномочиях или компетенции, которыми он обладал бы, выступая от имени доминирующего государства, и вместе с тем это влечет за собой ответственность этого государства. В статье 11 также предусматривается, что поведение лиц, не выступающих от имени государства, не влечет за собой ответственности этого государства, хотя и вполне возможно, что государство осуществляет над этими лицами контроль, значительно превосходящий тот, который предусматривается в статье 28 (контроль, осуществляемый доминирующим государством над доминируемым государством). Со своей стороны, г-н Пинто сомневается в наличии достаточных оснований для отказа от основного принципа проекта, который требует для возникновения ответственности государства, чтобы деяние присваивалось государству в соответствии с правилами, содержащимися в статьях 5—15.

24. Г-н Аго предоставил исчерпывающую информацию в поддержку принципа, содержащегося в статье 28, однако вопрос заключается в том, следует ли этот принцип, даже если он и существовал в прошлом, сохранять в настоящем проекте. Фактически, упомянутые дела изобилуют выражениями, которые явно несут на себе отпечаток довольно отдаленного прошлого. Речь идет о «главенствующих», «подчиненных», «доминирующих», «марионеточных» государствах и государствах-«вассалах» и «сюзеренах» — все эти термины, пригодные для использования разве что в комментариях, могут затруднить понимание и принятие даже совершенно обоснованной нормы. В современном мире концепция суверенного равенства государств — это аксиома международного права. Если субъектом является государство, то оно является суверенным и в принципе его свобода и его сфера действий явля-

ются полными. Они могут быть ограничены лишь в результате свободно заключенных соглашений или военного подчинения. Само собой разумеется, условия экономической жизни создают между государствами огромные несоответствия, но нельзя утверждать, что эти несоответствия порождают юридическое неравенство или даже фактическое неравенство. Вполне возможно, что нормы, предложенные на сегодняшний день г-ном Аго, позволят регулировать случаи, подобные тем, которые предусмотрены в статье 28.

25. Однако если г-н Аго считает, что некоторые случаи не охвачены проектом и что следует учесть юридические отношения, предусмотренные в статье 28, — отношения, которые, несомненно, весьма немногочисленны и явно встречаются все реже, — то в статье можно было бы упомянуть о «зависимых государствах» в том смысле, который вкладывается в этот термин в практике Организации Объединенных Наций и в проекте статей, которые разработаны Комиссией по другим вопросам. Кроме того, г-н Ушаков отметил, что военная оккупация охватывает весьма разнообразные ситуации. С другой стороны, если и стоит упомянуть военную оккупацию, то этот термин следует ограничить этими конкретными случаями и не делать его предметом общей нормы. Военную оккупацию следует рассматривать как юридическую ситуацию, и не следует сохранять концепцию фактического «доминирования» или «превосходства».

26. Кроме того, ответственность, возникающую в условиях, предусмотренных в статье 28, следует рассматривать скорее как прямую, чем косвенную. Основу для этой ответственности можно найти в концепциях, содержащихся в статье 21, касающейся нарушения международного обязательства, предусматривающего обеспечение определенного результата, и в статье 26, касающейся нарушения международного обязательства о предотвращении определенного события. Возможно, г-н Аго пожелает также учесть высказанную идею, согласно которой ответственность субъекта должна не исчезать, а разделяться между этим субъектом и другим соответствующим субъектом и ссылаться на более обоснованные объективные факторы, такие как принуждение или необходимость, или же отсутствие принуждения или необходимости.

27. В пункте 2 статьи 28 концепцию принуждения следует разработать дополнительно, чтобы отразить характер, степень и уровень принуждения, которые влечет за собой ответственность государства, осуществляющего такое принуждение, и которое может представлять собой средство защиты государства, совершившего международно-противоправное деяние. В этой связи г-н Цуруока справедливо отметил, что в статье 52 Венской конвенции можно найти прочную основу для дополнительного уточнения концепции принуждения. И наконец, как и в пункте 1, ответ-

ственность, возникающая в условиях, предусмотренных в пункте 2, должна быть прямой, и от концепции косвенной ответственности следует отказаться.

28. Г-н ТИАМ также сомневается в целесообразности включения в проект статьи 28 концепции косвенной ответственности. По его мнению, разграничение между прямой и косвенной ответственностью оправдано лишь в аналитическом плане при определении автора деяния, влекущего за собой ответственность. В первом случае деяние совершает ответственное государство, тогда как во втором случае ответственное государство не является автором деяния. Однако, с точки зрения последствий ответственности, не следовало бы сохранять концепцию косвенной ответственности. Фактически неважно, является ли ответственное государство автором деяния, поскольку как в первом, так и во втором случае именно оно должно возмещать причиненный ущерб. Поэтому представляется нецелесообразным предусматривать случаи косвенной ответственности в рамках главы IV.

29. В отношении представительства г-н Тиам считает, как и г-н Аго, что это понятие является юридической фикцией, которая не учитывает реальности. И, напротив, концепция принуждения или контроля в большей степени, по его мнению, учитывает предполагаемую ситуацию, поскольку в этом случае ответственность выступает в качестве следствия присвоенного государством права осуществлять тот или иной контроль или принуждение в отношении другого государства. В данном случае возникает лишь вопрос о степени свободы, предоставленной доминируемому государству. Представляется очевидным, что если доминируемое государство не имеет никакой свободы, то оно не должно считаться ответственным. Однако в той мере, в какой оно пользуется определенной свободой, оно может считаться ответственным за действия, совершенные при осуществлении этой ограниченной свободы.

30. Поскольку формы колониальной зависимости ушли в прошлое, как отметил г-н Ушаков, следует уделить внимание новым ситуациям зависимости. Г-н Тиам считает, что описанное г-ном Ушаковым положение, согласно которому все государства являются теперь суверенными и независимыми государствами, действующими свободно и, следовательно, несущими ответственность за свои деяния, — это идеальная ситуация, которая едва ли соответствует реальности. Фактически в современной международной жизни великие державы используют экономические и политические формы принуждения, как бы они ни были завуалированы, в отношении небольших государств, и обращение к международному сообществу не обеспечивает последним достаточных гарантий сохранения их независимости. Г-н Тиам считает, что трудно не заметить этого

положения вещей и что следует предусмотреть его в тексте, с тем чтобы ограничить или даже предупредить его последствия. По его мнению, статья 28 в измененном виде может учесть это обстоятельство. Поэтому он поддерживает принцип этой статьи.

31. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС говорит о широком признании того принципа, что все суверенные государства являются ответственными как субъекты международного права. Если же этот суверенитет фактически или юридически ограничен другим государством, будь то с помощью одного из традиционных методов или одной из новых форм контроля, которые встречаются в международных отношениях, то в таком случае может возникнуть ответственность этого другого государства. Кроме того, хотя все государства в принципе равны, некоторые из них на практике являются «первыми из равных», как это видно из положений Устава Организации Объединенных Наций, касающихся Совета Безопасности.

32. В пункте 1 проекта статьи 28 говорится о «полной свободе действий»; под этим подразумевается, что если эта свобода является неполной, то ситуация тогда меняется. Однако, поскольку свобода действий связана с суверенитетом, независимо от того существует она или нет, всякое государство, подчиненное полному или частичному контролю со стороны другого государства, не располагает такой свободой. Поэтому вопрос о контроле является определяющим. Сторона, которая юридически или фактически осуществляет контроль, должна считаться ответственной. Если контроль осуществляется юридически, то в данном случае не возникает никаких трудностей. Если же он осуществляется фактически, то тогда следует применять положение проекта статьи 28.

33. Пункт 2 является в этом плане более точным в том смысле, что он касается контроля, осуществляемого в условиях принуждения. Таким образом, определяющим элементом является принуждение, используемое стороной, которая осуществляет контроль с целью навязать свою волю.

34. Г-н Диас Гонсалес считает, что проект статьи можно упростить. Его можно было бы объединить в один пункт, в котором бы излагались два основополагающих элемента, а именно: осуществление контроля и применение принуждения.

35. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что ввиду сложности вопроса было бы желательным, чтобы г-н Аго ответил в ходе обсуждения на уже поставленные вопросы. Кроме того, с учетом замечаний г-на Пинто в отношении отхода в статье 28 от основного принципа проекта, он хотел бы узнать, по каким причинам в этом положении отсутствует требование, согласно которому определенное поведение должно присваиваться государству, с тем чтобы возникла его ответственность.

36. Г-н УШАКОВ признает, что в экономическом, политическом и культурном плане, по видимому, не существует ни одного государства, которое было бы независимым, поскольку государства подвергаются постоянному давлению со стороны других государств и никогда не бывают абсолютно свободными. Однако в юридическом плане — и только этим планом должна руководствоваться Комиссия — все государства по определению являются суверенными и независимыми государствами, которые несут ответственность за свои действия.

37. Можно ли в этих условиях говорить о контроле, осуществляемом одним суверенным государством в отношении другого суверенного государства? Г-н Ушаков считает, что, помимо случаев подлинно военной оккупации, — которая противоправна и поэтому не является предметом рассмотрения проекта статей, которые охватывают только правомерные ситуации, — единственным случаем, когда можно говорить о контроле одного или нескольких государств над другим государством, является случай контроля со стороны наднационального органа. Действительно, когда суверенные и независимые государства делегируют часть своего суверенитета наднациональному органу, их свобода действий оказывается ограниченной. Однако на вопрос о том, кто является ответственным — наднациональный орган или его государства-члены, трудно ответить. Только в этом случае встает проблема ответственности.

38. Г-н Ушаков подчеркивает, что, помимо нового явления наднациональности, единственным положением зависимости, которое существует в юридическом плане, является положение «зависимых территорий», как они определены Организацией Объединенных Наций. Однако государства, рассматриваемые в проекте статьи, не являются зависимыми территориями. Не следует смешивать понятия экономической зависимости и зависимости юридической: суверенное государство, юридически независимое, вполне может зависеть от другого государства в экономическом плане, например от его поставок нефти. Однако это вовсе не означает, что оно подчинено в юридическом плане контролю со стороны этого другого государства.

39. Г-н Рейтер считает, что не следует сейчас рассматривать вопрос о наднациональных образованиях, поднятый г-ном Ушаковым. Он полагает, что следует обсудить проблему принуждения, поскольку это основная проблема. Действительно, возникает вопрос о том, что происходит с ответственностью государства, которое совершило правонарушение в условиях пусть даже противоправного принуждения, — исчезает она полностью, существует в ослабленной форме или полностью сохраняется?

40. В отличие от г-на Ушакова, г-н Рейтер считает, что принуждение посредством вооружен-

ных сил не является единственной формой принуждения. Он напоминает, что при рассмотрении проблемы принуждения в связи со статьей 52 Венской конвенции указывалось, что существуют другие формы принуждения, помимо принуждения посредством вооруженных сил. Одно государство может вынудить другое государство совершить международно-противоправное деяние, например с помощью угрозы прекратить поставки своего оружия, что может подорвать национальную оборону другого государства. Естественно, в данном случае речь идет о фактической ситуации, однако именно в связи с фактическими ситуациями возникает эта проблема.

Заседание закрывается в 13 час.

1534-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 18 мая 1979 года, 10 час. 05 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швельбел.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение) (A/CN.4/318 и Add. 1—3)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО (продолжение)

СТАТЬЯ 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства)¹ (продолжение)

1. Г-н ФРЭНСИС говорит, что при рассмотрении принципа, содержащегося в проекте статьи 28, важно оставить в стороне аспекты, характерные для прошлого и уже не представляющие интерес в настоящем, и уделить основное внимание современным ситуациям, а также возможным будущим последствиям. Это относится, в частности, к положению, сложившемуся в настоящее время на юге Африки, которое характеризуется систематическим созданием государств-клиентов. К числу таких примеров относится случай с Родезией, и г-н Фрэнсис хочет узнать, следует ли рассматривать вооруженные нападения, совершенные против Замбии, Мозамбика и других «прифронтовых» государств Африки, как влеку-

¹ Текст статьи см. 1532-е заседание, пункт 6.

щие за собой теоретическую ответственность Соединенного Королевства или ответственность другого партнера, осуществляющего фактическое господство, в данном случае ответственность Южной Африки. Другим примером является Намибия, которая, хотя и является образованием, международно признанным Организацией Объединенных Наций, также явно превращается в государство — клиента Южной Африки. Эти две ситуации являются не чем иным, как следствием политики апартеида, которая была осуждена Организацией Объединенных Наций в многочисленных резолюциях. Другим моментом, который следует учитывать при рассмотрении нынешнего положения в южной части Африки, является вопрос о том, как проявляются элементы помощи и содействия, о которых говорится в статье 27², а также указания и контроль, о которых говорится в проекте статьи 28, по отношению к зависимому государству и господствующему государству.

2. Что касается важного вопроса принуждения, который рассматривается в пункте 2 проекта статьи 28, то г-н Фрэнсис отмечает, что в силу пункта 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций угроза силой и ее применение должны рассматриваться как нарушение императивной нормы международного права. Поэтому уже сам факт принуждения одним государством другого совершить какой-либо акт влечет за собой его ответственность, и логично, что это государство должно нести также ответственность за последствия этого акта по отношению к третьему государству.

3. В заключение г-н Фрэнсис говорит, что он поддерживает изъятие прилагательного «косвенное» из выражения «косвенная ответственность», поскольку такое определение может породить сомнения в этой весьма деликатной области.

4. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР отмечает, что основными моментами, вокруг которых строится подробный доклад г-на Аго и прения Комиссии по проекту статьи 28, являются понятия «косвенной» ответственности и «исключительной» ответственности. Как и большинство членов Комиссии, он считает, что ни одно из этих двух понятий не следует сохранять в окончательном тексте. Второе понятие имеет нечто общее с концепцией субординации в коллизионном праве. Действительно, существует момент, начиная с которого подчиненное лицо перестает быть агентом и становится простым инструментом, которому нельзя вменить какую-либо ответственность. Однако этот момент трудно определить, и поэтому Комиссии не следует утверждать в качестве общего правила, что отсутствие полной свободы действий является причиной для освобождения от ответственности, или, учитывая общую структуру проекта, пытаться сформулировать аналогичное положение в главе IV. В этой главе Комиссия стре-

мится определить обстоятельства, в которых может возникнуть международная ответственность третьего государства. Глава V проекта посвящена важному вопросу причин освобождения от ответственности, в том числе и форс-мажорным обстоятельствам, и она применяется как к рассматриваемым вопросам, так и ко всем другим общим положениям проекта. Поэтому следовало бы исключить из проекта статьи негативные положения двух пунктов, которые начинаются со слов «не влечет за собой международную ответственность государства...». Степень ответственности государства, замешанного в деянии другого государства, может быть определена в контексте всех норм проекта, после того как он будет завершен.

5. Концепция косвенной ответственности ставит весьма деликатные проблемы. Поскольку статья посвящена понятию ответственности исключительного рода, речь идет не только об изъятии прилагательного «косвенная», так как при этом деяние отделяется от ответственности за деяние. Г-н Квентин-Бакстер понимает, что некоторые члены Комиссии могут полагать, что при исключении понятия косвенной ответственности статья лишится смысла, хотя сам он так не считает.

6. Как г-н Аго ясно указал в своем докладе, на заре существования международного права юристы вынуждены были вести жесткую борьбу за установление подлинной справедливости. Их концепция государства как суверенного образования, не допускающего существования какой-либо власти, превышающей ее собственную, могла быть искажена, хотя она и была совершенно оправдана в тех условиях: в международном праве гораздо легче, чем в хорошо разработанных системах внутригосударственного права, можно было создать препятствие для возникновения ответственности с помощью аргумента о том, что если субъект признан суверенным, независимо от наличия юридических или действительных препятствий для осуществления его свободы, то уже этот факт исключает присвоение ответственности какому-либо государству, причастному к совершению конкретного деяния. Тогда и была разработана, не без ухищрений, концепция косвенной ответственности, с тем чтобы исключить такое положение, когда государство могло бы избежать всякой конкретной ответственности, прикрываясь видимостью абсолютного суверенитета. Однако получилось так, что была принята более открытая точка зрения, согласно которой в случае существования марионеточного государства ответственность ложится на сторону, которая манипулирует этим государством. В этих условиях неудивительно, что существуют сомнения в отношении продолжения ухищрений, на которые пошли некогда с целью обойти ограничения, накладываемые древним правом, и, в частности, положением, при котором предпочтение в этом вопросе отдается форме в ущерб содержанию.

² См. 1532-е заседание, сноска 2.

7. Г-н Аго справедливо отметил, что история показала, что латинское выражение «qui facit per alium facit per se» не полностью признано в международном плане, однако, как лично ему кажется, момент признания этого принципа приближается, и следует попытаться в качестве общего принципа права принять концепцию, согласно которой каждое государство, действующее через посредство другого государства, само несет ответственность.

8. Не высказывая своего мнения по различным элементам формулировки проекта статьи, которую следует сохранить, г-н Квентин-Бакстер считает, что слово «принуждение» приобретает в этом контексте более широкий смысл, чем выражение «применение силы». По всей видимости, принуждение в большинстве случаев является деянием, противоправным по своей сути, хотя в случае экономической агрессии оно может также приобретать форму, например, предоставления значительных денежных средств в целях подстрекательства к совершению деяний, которые сами по себе также являются противоправными. Поэтому нет необходимости доказывать, что принуждение всегда противоправно.

9. Как в праве, так и в реальной жизни существуют исторические примеры юридических ситуаций, в которых государства были признаны суверенными, хотя их свобода управлять своими делами была значительно ущемлена. К счастью, такие ситуации имели место преимущественно в прошлом. Тем не менее было бы ошибочным считать, что все нынешние или будущие отношения являются или будут простыми, как, кстати, на это указывают различные ситуации, связанные с выражением «ассоциированное государство». В какой-то мере можно говорить о государстве, которое, обладая в соответствии с конституцией полной свободой действий и имея возможность определять свое будущее совершенно самостоятельно, в какой-то момент решает тем не менее передать часть своей международной правосубъектности или же всю свою правосубъектность другому государству, с которым оно образует ассоциацию. Согласно принятой точке зрения, этот тип отношений можно считать как юридической, так и фактической ситуацией. В конституционном смысле это входит в сферу внутригосударственного права, однако с точки зрения международного права речь идет о фактической ситуации. Вероятно, критерием в данном случае может быть степень признания со стороны других государств того, в каких случаях эти отношения являются скорее юридическими, чем фактическими.

10. В заключение г-н Квентин-Бакстер отмечает, что он считает целесообразным сократить формулировку статьи 28 и сделать ее более гибкой, однако он полагает, что по своему содержанию текст заслуживает того, чтобы его включить в проект статей.

11. Г-н ТАБИБИ считает, что важность принципа, провозглашенного в проекте статьи 28, требует сохранения статьи, которую в конечном счете можно сформулировать несколько иным образом. Кроме того, проект этой части является дополнением статьи 27, касающейся прямой помощи или содействия,— необходимым дополнением, без которого концепция косвенной ответственности останется неполной.

12. История формирования этой концепции включает три этапа. Первый этап, приходящийся на период расцвета колониализма, совпадает с периодом, который предшествовал первой мировой войне и в который небольшая группа европейских государств несла ответственность за дела других государств. В этой связи можно с полным правом заявить, что свобода этих последних государств была лишь фикцией. Именно в этот период некоторые авторы, в том числе и Анцилотти, разработали понятие косвенной ответственности. Второй этап, который последовал за первой мировой войной, приходится на период создания Лиги Наций и появления подмандатных территорий и протекторатов. Затем наступил третий этап, ознаменовавшийся созданием Организации Объединенных Наций и возвестивший наступление глубоких исторических преобразований. Так, эта концепция нашла свое отражение в Уставе Организации Объединенных Наций, считающемся инструментом позитивного международного права. Теперь, когда все государства провозглашены равноправными и независимыми, несмотря на явные различия между великими державами и такими странами, как Непал или Афганистан, суверенитет и независимость государств не подлежат никаким принципиальным ограничениям.

13. Поэтому г-н Табиби считает, что при любом изменении проекта статьи 28 необходимо учитывать эту эволюцию в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций. Кроме того, он считает необходимым сохранить концепцию принуждения, упоминаемую в пункте 2 статьи, поскольку принуждение, будь то военное, экономическое и политическое, является реальностью, которую нельзя игнорировать.

14. Г-н АГО, отвечая на замечания, высказанные до настоящего времени по проекту статьи 28, отмечает, что г-н Ушаков (1533-е заседание) оспаривает само существование концепции косвенной ответственности, хотя эта концепция в международном праве признана юридической доктриной всех государств и есть основания, чтобы это признать также и в международном праве. Со своей стороны, он хочет подчеркнуть, что понятие косвенной ответственности или ответственности за деяние другого не имеет в международном праве ничего общего с другими понятиями, с которыми его иногда смешивают, такими, например, как понятие ответственности государства «за деяние отдельного лица», которая фактически является ответственностью, возлагаемой на госу-

дарства, за деяние как таковое, имевшее место в связи с действиями, совершенными отдельными лицами. Косвенная ответственность представляет собой ответственность, которая присваивается субъекту права за деяние другого субъекта права в силу отношений, ранее существовавших между этими двумя субъектами. Так, по международному праву начальник несет ответственность за деяние своего подчиненного — причем не только в определенных обстоятельствах, — поскольку между ним и подчиненным предполагается существование определенных юридических связей, которые предопределяют, что именно он, а не подчиненный, должен отвечать за противоправные деяния последнего. То же самое касается упомянутой г-ном Ушаковым ответственности родителей за деяния своих детей. Эта форма ответственности основывается не на юридической фикции, поскольку именно подчиненный, а не начальник, совершил деяние. Эта ответственность обусловлена не временным отсутствием контроля, а постоянными отношениями, существующими между этими двумя субъектами. Эта ответственность опять же представляет собой гарантию для третьих сторон, понесших ущерб.

15. Если концепция статьи 28 и отходит от концепции статьи 27, как указали на это г-н Пинто и сэр Фрэнсис Вэллет (1533-е заседание), то это объясняется тем, что ситуации, охваченные этими двумя статьями, различны. В статье 27 речь идет о государстве, которое оказывает другому государству помощь в совершении международно-противоправного деяния. Эта помощь сама по себе может быть правомерным деянием, но деяние, которое в обычных условиях является правомерным, — как, например, продажа оружия, — приобретает противоправный характер в той мере, в какой оно содействовало совершению противоправного деяния. В случае статьи 28 ответственное государство не предоставило никакой помощи и даже вообще ничего не совершило. Ответственность возникает единственно из того факта, что между этими двумя государствами существуют особые отношения, которые дают одному из этих государств власть управления или контроля над деятельностью другого.

16. Как указал г-н Пинто, статья 28 отвечает требованиям справедливости, и это проявляется в двух аспектах: с одной стороны, в отношениях между двумя государствами, поскольку справедливо, что господствующее государство несет на себе последствия деяний, совершенных подчиненным государством, и, с другой стороны, по отношению к третьему государству, поскольку справедливо, чтобы это третье государство могло обратиться в любом случае к государству, способному возместить нанесенный ущерб, как на это указал в своем арбитражном решении Хубер по делу о британском имуществе в Испанском Марокко³.

³ См. A/CN.4/318 и Add.1—3, пункт 8.

17. Случаи протектората, на которые он сослался в комментарии к своей работе, — это случаи, ушедшие в прошлое, как указал на это г-н Ушаков, поскольку все государства сейчас равноправны и независимы, по крайней мере теоретически. Однако не исключена возможность возникновения некоторых ситуаций зависимости и в будущем. Кстати, г-н Ушаков сам привел новый случай, в котором может возникнуть проблема косвенной ответственности, — случай наднациональных органов. Однако прежде чем анализировать фактические ситуации, следует также рассмотреть фактические последствия прошлых ситуаций, ибо не исключено, что арбитры или судья в будущем встанут перед необходимостью решать проблемы, порожденные случаями, которые на сегодняшний день уже стали достоянием прошлого.

18. Поэтому вопрос косвенной ответственности возникает не только в связи с прошлыми ситуациями, такими как протектораты, но, к сожалению, и в связи с весьма актуальными ситуациями, такими как случаи военной оккупации. Нет смысла ставить, как это делает г-н Ушаков, вопрос о том, является ли оккупация правомерным или противоправным положением. Существуют, естественно, «правомерные» или «освободительные» виды оккупации, как, например, оккупация стран оси союзниками, и противоправные формы оккупации. Вопрос состоит не в том, является ли ситуация, сложившаяся между двумя государствами, правомерной или нет; вопрос заключается лишь в том, существуют ли такие ситуации и если да, то каковы их последствия. Кстати, случаи противоправной оккупации дают дополнительные основания подтвердить ответственность оккупирующего государства за деяния органов оккупируемого государства. И даже в случае правомерной оккупации, следует ли освобождать оккупирующее государство от всякой ответственности за действия оккупируемого государства? Как в первом, так и во втором случае проблема ответственности оккупирующего государства возникает из факта существования того положения, в котором находится оккупированный по отношению к оккупанту.

19. Что касается вопроса принуждения, то г-н Аго считает, как и г-н Цуруока и г-н Пинто (1533-е заседание), что статья 28 может быть составлена в соответствии со статьей 52 Венской конвенции⁴, и признает, как и г-н Табиби, что существуют различные формы принуждения, вызывающие ответственность за деяние другого. По этому вопросу были высказаны радикально противоположные точки зрения. По мнению г-на Цуруоки, ответственность государства, осуществляющего принуждение, должна быть исключительной, тогда как г-н Ушаков считает, что государство, в отношении которого осуществляется принуждение, не может освобождаться от от-

⁴ См. 1533-е заседание, сноска 2.

ветственности. Со своей стороны, г-н Аго считает, что эти две позиции в равной степени справедливы и в равной степени несправедливы; по его мнению, ответственность государства, осуществляющего принуждение, нельзя отрицать, но, с другой стороны, государство в отношении которого осуществляется принуждение, должно сохранять за собой часть ответственности в силу принципа *coactus voluit, tamen voluit*. Ответственность государства, которое осуществляет принуждение, и ответственность государства, которое подвергается принуждению, являются не исключительными формами ответственности, а совпадающей ответственностью.

20. Помимо этих двух крайних позиций, некоторые члены Комиссии, в частности г-н Рейтер (1532-е заседание) и г-н Фероста (1533-е заседание), заняли менее категоричные позиции: они считают, что норма, содержащаяся в статье 28, может быть, является слишком исключительной, и предложили разработать более гибкую форму. Г-н Аго охотно присоединяется к их мнению, поскольку он считает, как и они, что ответственность государства, которое осуществляет контроль, не должна всегда быть исключительной и что в определенных случаях ответственность государства, в отношении которого применяется контроль, также может существовать. По его мнению, есть еще одна причина, которая говорит в пользу неисключительной ответственности государства-оккупанта: нельзя заставить третье государство обратиться к государству-оккупанту, если оно не признает последнее и предпочитает обратиться к оккупируемому государству. Поэтому есть основания утверждать, что иногда эти две формы ответственности сосуществуют.

21. Поэтому г-н Аго, как и г-н Квентин-Бакстер, считает, что, может быть, следует отказаться от негативной формулировки проекта статьи 28, что оправдано исключительным характером ответственности, присваиваемой доминирующему государству. Он также считает, как и г-н Квентин-Бакстер, что чрезвычайно важно для международной практики указать в проекте этой статьи, что ответственность субъекта международного права за международно-противоправное деяние, совершенное другим субъектом международного права, отличается от ответственности за деяние как таковое.

22. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что он, как и большинство членов Комиссии, в целом согласен с анализом, содержащимся в докладе г-на Аго. Сейчас трудность состоит лишь в том, чтобы придать новую формулировку проблеме, которую г-н Аго рассматривал в своем исследовании практики государств и прецедентов. В поисках решения этой проблемы Комиссия быстро достигнет этапа, на котором ей потребуется помощь Редакционного комитета в целях более детального рассмотрения текста статьи 28.

23. Из рассмотрения всего проекта статей, и в частности статей 5—15, следует, что случай, предусмотренный в статье 28, не предполагает присвоения государству какого-либо поведения или деяния. Со своей стороны, сэр Фрэнсис считает, что присутствие статьи 28 в проекте необходимо, и он убежден, что в данном случае речь идет не о присвоении поведения или деяния государству, а об ответственности государства за международно-противоправное деяние другого государства, что является совершенно иным вопросом как в теории, так и на практике, вопросом, который справедливо помещен в иной контекст и следует непосредственно за статьей 27. Само собой разумеется, проект статьи 28 всегда можно рассмотреть с учетом первых статей проекта. Поэтому существует связь между проектом этой статьи и пунктом 1 статьи 12, которая гласит:

Поведение органа государства, действующего в качестве такового, которое имеет место на территории другого государства или любой другой территории, находящейся под юрисдикцией этого другого государства, не должно согласно международному праву рассматриваться как деяние последнего государства.

Это положение, в котором данный вопрос рассматривается с позиции третьего государства, составлено в негативной форме, и, хотя можно было бы ожидать, что пункт 2 статьи 12 будет составлен в позитивной форме, принятой в статье 28, это положение просто ограничивается ссылкой на статьи 5—10, которые, по его мнению, не применимы к случаю, рассматриваемому в настоящее время Комиссией. Поэтому очевидно, что проект статьи 28 вписывается в структуру проекта.

24. В связи с проектом этой статьи делается ссылка на статью 1, форма которой в определенной мере не соответствует негативной формулировке пункта 1 проекта статьи 28, что требует введения определенной поправки. Однако он испытывает значительные сомнения в отношении целесообразности изменения формулировки статьи 1, провозглашающей принцип, на котором основывается весь проект статей. Поэтому следовало бы при изменении других статей привести их в соответствие со статьей 1. Сэр Фрэнсис не может, например, согласиться с исключением слов «этого государства» из текста статьи 1. Всякий общий принцип почти неизбежно предусматривает определенные оговорки, однако рассматриваемая ситуация приносит элемент освобождения от ответственности, и ее, разумеется, можно было бы более обстоятельно рассмотреть не в той части проекта, которая касается так называемого позитивного аспекта ответственности, а в части, посвященной исключению ответственности.

25. Ясное и простое исключение негативного аспекта статьи 28 может явиться хорошим решением, однако это вовсе не решает проблему двойной ответственности. Так, по частному праву стран, в которых действует институт общего права, водитель грузовика, работающий на компа-

нию, который по своей небрежности наносит ущерб имуществу или лицам, несет личную ответственность за свою собственную небрежность, тогда как его наниматель несет на себе косвенную ответственность за деяние водителя, который считается виновным в небрежности в рамках своих функций. Ситуацию в международном праве в строгом смысле нельзя назвать аналогичной, но, тем не менее, подобные случаи могут возникнуть. Сэр Фрэнсис имеет в виду положения статьи 19, касающейся международных преступлений и правонарушений. Уже упоминались нарушения императивных норм, составляющих *ius cogens*. Может ли на самом деле государство, которое подвергается давлению и которое применяет геноцид, переносить ответственность за свои деяния на государство, которое осуществляет это давление? По всей видимости, Комиссия не может допустить включения подобного положения в основополагающие статьи, которые она намерена сформулировать. Поэтому необходимо предусмотреть возможность разделения ответственности за международно-противоправное деяние между государством, совершившим это деяние, и государством, осуществляющим давление или контроль, хотя эта ответственность может и не быть разделена поровну.

26. В редакционном плане этот вопрос, очевидно, весьма трудно будет решить, и в данный момент сэр Фрэнсис считает, что его предпочтительнее рассмотреть в той части проекта, которая будет посвящена причинам освобождения от ответственности. Статья 28 должна быть не только точной — что необходимо, ибо в данном случае устанавливается норма, касающаяся ответственности, — но также и гибкой, учитывая многообразие ситуаций, которые могут возникнуть. Фактически после 1945 года возникали различные ситуации, которые, по всей видимости, не попадали под положения пункта 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, но которые, тем не менее, регулировались в юридических рамках. Естественно, в мире уже не существует протекторов, но кто сможет утверждать, что в будущем не будут созданы довольно похожие структуры под эгидой Организации Объединенных Наций? Например, может оказаться разумным обеспечивать определенную защиту нового государства в течение первых лет его существования.

27. В статье 28 содержатся такие выражения, как «область деятельности» и «полная свобода действий», которые, несомненно, требуют разъяснения. Одним из наиболее важных моментов, требующих разъяснения, является вопрос о том, какой смысл следует вкладывать в выражение «подчиняться указаниям или контролю со стороны другого государства». При определении вопроса о том, на ком должна лежать ответственность за то или иное деяние, сэр Фрэнсис обычно на протяжении целого ряда лет руководствовался следующими двумя факторами: правом осуществлять суверенную власть и эффективным осуществ-

лением этой власти. Видимо, можно было бы применить аналогичный метод в отношении рассматриваемых выражений, с тем чтобы выработать ясное определение, которое обладало бы вместе с тем определенной гибкостью. Кроме того, концепция принуждения, которая используется в пункте 2, не ограничивается угрозой силы или ее применением. Угроза не предоставить какой-либо основной продукт — например, угроза отказать в поставках зерна пострадавшему населению — может считаться формой принуждения. Хотя чрезвычайно трудно дать определение понятия принуждения, по-видимому, можно было бы уточнить в комментарии, что под этим понятием в настоящем контексте следует понимать действие, направленное на то, чтобы поставить государство, которое совершает противоправное деяние, в положение, в котором у него не остается выбора действий. Важно, чтобы государство не могло уклониться от ответственности посредством утверждения, что данное деяние было совершено другим государством.

28. Следует также отметить, что независимо от того, содержит ли статья в своей окончательной формулировке выражение «юридически или фактически», важно учитывать эти два случая. Несомненно, ситуация де-факто возникает чаще, чем ситуация де-юре, однако могут возникнуть такие случаи, когда доминирующему государству предоставлено законное право действовать именно так, как оно действовало. Естественно, контроль «де-факто» необходимо принимать во внимание, но в этом случае ответственность должна быть пропорциональна степени осуществляемого контроля.

29. Было бы целесообразно исключить прилагательное «косвенное» из всего проекта статьи 28, не пытаясь при этом заменить его другим словом. Этот термин неизбежно создает трудности толкования. Комиссия занимается исключительно определением существования ответственности, и использование таких оговорок, как «косвенная», может привести лишь к тому, что возникнет вопрос, не является ли ответственность в какой-то степени ослабленной.

30. И наконец, Редакционному комитету, естественно, следует учесть предложение г-на Цуруоки (A/CN.4/L.189).

Заседание закрывается в 13 час.

1535-е ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник, 21 мая 1979 года, 15 час.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-

Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швель.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение)
(A/CN.4/318 и Add.1—3, A/CN.4/L.289,
A/CN.4/L.290)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО
(продолжение)

СТАТЬЯ 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства)¹ (продолжение)

1. Г-н РИФАГЕН говорит, что в проекте статьи 28 поднимается не теряющий своей актуальности вопрос взаимодействия между фактом и законом. Согласно любой концепции правосудия один комплекс фактов — он может представлять собой определенный вид поведения со стороны государства, либо тот или иной результат или событие — требует реализации другого комплекса фактов, например *restitutio in integrum*, компенсации или даже совершенно иного комплекса фактов. Классификация первого комплекса фактов в качестве международно-противоправного деяния и отнесение второго комплекса к категории фактов, касающихся содержания, формы и степени международной ответственности, являются лишь юридическим средством достижения того равновесия, которое позволит обеспечить правосудие. Таким образом, чтобы определить второй комплекс фактов, необходимо полностью принять во внимание первый комплекс, с тем чтобы исключить возможность полного абстрагирования от внешнего влияния, которое оказывает на поведение государства.

2. В то же время все правовые системы, стремясь отразить концепции правосудия в своде норм и процедур, создают свои собственные реалии, которые иногда называются юридическими фикциями, и эти реалии также нельзя безнаказанно игнорировать. Так, аргумент государств о суверенитете со всеми вытекающими из этого правами неизбежно требует принятия ими обязательств, являющихся следствием международной ответственности, как говорится об этом в статьях 1 и 2 проекта².

3. По-видимому, споры проистекают из конфликта между этими двумя точками зрения — конфликта, который стал очевиден уже в ходе обсуждения Комиссией статьи 27 на ее тридцатой сессии: эта статья касается обратной ситуации,

а именно помощи или содействия одного государства другому для совершения международно-противоправного деяния этим другим государством.

4. Один общий аспект, существующий между статьей 27 и проектом статьи 28, который, по-видимому, и послужил причиной появления поправки, представленной г-ном Цуруокой (A/CN.4/L.289), заключается в том, что в обоих случаях совокупное поведение двух или более государств создает противоправную ситуацию. Поэтому представляется разумным принять концепцию совокупной международной ответственности, независимо от того, как мы ее назовем: «общая» или «совместная и солидарная». Выбор между этими двумя формами ответственности является одним из примеров того, как вопросы, охваченные проектом статьи 28 и статьей 27, затрагивают часть II проекта, касающуюся содержания, формы и степени ответственности. Однако на каком-то этапе Комиссии нужно будет рассмотреть вопрос о том, имеет ли международная ответственность государства А, вытекающая из факта его причастности к международно-противоправному деянию, совершенному государством В, одинаковые юридические последствия для обоих государств. В этой связи следует отметить, что Международный Суд в своем консультативном заключении по делу о Намибии заявил, с одной стороны, что продолжающееся незаконное присутствие Южной Африки в Намибии и обязанность других государств не признавать это присутствие не освобождают Южную Африку от ее международной ответственности за действия, совершенные ею на территории Намибии, и, с другой стороны, что непризнание такого присутствия не должно лишать население этой территории выгод международного сотрудничества³. Кроме того, международная практика, как видно, допускает принятие находящимся в состоянии войны государством мер в ущерб интересам граждан союзного государства, которые проживают на территории последнего, когда оно находится под оккупацией враждебного государства, находящегося в состоянии войны.

5. Проблемы, общие для проекта статьи 28 и статьи 27, проистекают, по его мнению, из строгого разделения норм международного права на первичные и вторичные. Например, при рассмотрении нарушения обязательства, вытекающего из первичной нормы международного права, например нормы, содержащейся в договоре между государством А и государством В, неизбежно возникает вопрос о том, каким образом такой договор, являющийся *res inter alios acta*, может затронуть международные обязательства и ответственность государства С по отношению к госу-

³ Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, *I.C.J. Reports 1971*, pp. 54 and 56.

¹ Текст статьи см. 1532-е заседание, пункт 6.

² См. 1532-е заседание, сноска 2.

дарству В. Можно утверждать, что двусторонний характер договора, лежащий в основе принципа *res inter alios acta*, и даже юридические отношения, возникающие в результате противоправного деяния государства, исключают косвенную международную ответственность третьего государства, и в этом смысле он согласен с г-ном Ушаковым (1533-е заседание). Основа международной ответственности этого третьего государства, очевидно, должна заключаться в его собственных деяниях в той мере, в какой они связаны с нарушением государством А международного двустороннего обязательства по отношению к государству В. Однако трудно точно определить, что придает деяниям государства В противоправный характер или, по крайней мере, что ведет к возникновению международной ответственности такого государства. Очевидно, следует предположить, что либо государство С передало некоторые элементы своей власти государству А, включая использование его территории, либо обязательство, нарушенное государством А в его отношениях с государством В, в конечном итоге является не чисто двусторонним обязательством по отношению к государству В, а международным обязательством, осуществление которого необходимо в интересах не только государств А и В, но также всего международного сообщества или отдельной региональной группы.

6. Аналогично в случае проекта статьи 28, по-видимому, точное положение, в котором оказалось государство С, чтобы давать указания или осуществлять контроль, и/или особый характер обязательства, а следовательно, и его нарушение государством А в своих отношениях с государством В являются действительно определяющими факторами, в том что касается применения принципа, лежащего в основе этой статьи. В этом смысле г-н Рифаген согласен, что следует попытаться объединить пункты 1 и 2 этой статьи.

7. Все эти факторы трудно отразить в самом проекте статьи, и поэтому он считает, что Комиссии следует уделить внимание поправкам, предложенным г-ном Цурукой (A/CN.4/L.289). Высказанные им самим соображения можно, по-видимому, включить в комментарии к статьям 27 и 28.

8. Г-н ДЖАГОТА говорит, что рассматриваемый вопрос представляет профессиональный интерес для многих юридических советников во всем мире, а также практическую ценность в деле содействия стабильным и мирным международным отношениям, а также принятию государствами ответственного поведения. На него произвел большое впечатление не только мастерски проделанный г-ном Аго анализ сокровищницы теории и практики государств, но также и выводы, содержащиеся в статье 28, которую следует читать совместно со статьей 27, поскольку обе статьи составляют вместе главу IV части I проекта статей.

9. Концепция, лежащая в основе статьи 28, занимает важное место в этом проекте, и причины помещения статьи 28 в отдельную главу излагаются в докладе г-на Аго. Часть I проекта посвящена прежде всего основным принципам, и в ее пяти главах рассматривается происхождение или источник международной ответственности. В статьях 1 и 3 излагается основополагающая норма. В статье 1 конкретно говорится, что всякое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства. В статье 3 с логической последовательностью утверждается, что международно-противоправное деяние государства налицо в том случае, когда: а) какое-либо поведение, заключающееся в действии или бездействии, может согласно международному праву присваиваться государству; и б) такое поведение представляет собой нарушение международного обязательства со стороны этого государства. Первая часть этого описания международно-противоправного деяния государства находит свое развитие в главе II и во второй части главы III. В этих главах г-н Аго рассмотрел вопрос, затронутый в статьях 27 и 28, а именно вопрос причастности. Если определенные органы предоставлены в распоряжение другого государства государством или международной организацией, то может ли поведение таких органов присваиваться государству? Ответ на этот вопрос содержится в статьях 9 и 12. В соответствии со статьей 9 поведение органа, предоставленного в распоряжение государства другим государством или международной организацией, должно в соответствии с международным правом рассматриваться как деяние первого государства, при условии, что указанный орган действует, осуществляя определенные прерогативы государственной власти государства, в распоряжении которого он находится. Другими словами, международно-противоправное деяние, совершенное органами, предоставленными другому государству, присваивается этому другому государству, если эти органы действовали на его территории и под его контролем. И напротив, статья 12 предусматривает, что противоправное деяние, совершенное органами одного государства, не может присваиваться другому государству, на территории которого последний действует, если эти органы действуют под контролем их собственного государства. Глава III касается нарушения международного обязательства, и статья 19, которая входит в эту главу, является важным вкладом в развитие концепции международного преступления, другими словами, международного преступления, которое признается таковым международным сообществом в целом. Этот вопрос также имеет отношение к рассматриваемой проблеме.

10. После завершения глав I—III г-н Аго вынужден был рассмотреть вопрос о существовании ситуаций, в которых ответственность за международно-противоправное деяние будет разде-

ляться другим государством или будет лежать исключительно на другом государстве. Случай совместной ответственности предусматривается в статье 27, которая касается ситуаций, в которых помощь или содействие одного государства другому предоставлена для осуществления международно-противоправного деяния, а в статье 28 рассматривается второй аспект этого вопроса, а именно ответственность государства, отличного от государства, на территории которого совершено международно-противоправное деяние.

11. В различных рассмотренных в этом докладе случаях — случаях зависимых или вассальных государств или государств-протекторатов, государств, которые официально входят в федеральный союз, но обладают при этом своей собственной международной правосубъектностью, государств, находящихся под военной оккупацией, и государств, действующих по принуждению, — остаются в силе основополагающие принципы, провозглашенные в статьях 1 и 3, которые предусматривают, что образование, совершающее международно-противоправное деяние, должно быть государством. Поэтому территория или образование, которое не является субъектом международного права, не может нести международную ответственность. Однако в статье 28 предусмотрена ситуация, в которой субъектом международного права является обычно субъект, действующий в условиях некоторых ограничений в своей области деятельности, например ограничений, налагаемых конституцией, как в случае федерального союза, или ограничений, налагаемых соглашением, как в случае соглашения об установлении протектората. Или же речь может идти о государстве, которое является полностью независимым, но не пользуется полной свободой действий и вынуждается другим государством принять определенный вид поведения. Таким образом, ситуацию, предусмотренную в статье 28, можно рассматривать как вариант ситуации, охваченной статьей 1. Различные заключаются в том, что, хотя образование, совершающее международно-противоправное деяние, является государством, дополнительные факторы требуют, чтобы ответственность за деяние была перенесена с государства, совершившего это деяние, на государство, вынудившее первое государство совершить его. Таким образом, косвенная ответственность является попросту трансфертом ответственности. Наиболее явный пример такого трансферта ответственности содержится в пункте 2 статьи 28, который касается международно-противоправного деяния, совершенного одним государством по принуждению со стороны другого государства. Военная оккупация также является ситуацией, которая подпадает под пункт 2 этой статьи.

12. Пункт 1 касается других случаев, упомянутых г-ном Аго в его докладе, а именно деяний, совершенных вассальным государством или государством-протекторатом или же государствами — членами федерального союза, но обладающими

своей собственной международной правосубъектностью. Эти случаи могут включать ситуации, в которых ответственность за международно-противоправное деяние ложится не на государство-протекторат, а на государство-протектор в силу соглашения о протекторате, или ситуации, в которых государство, действуя в рамках своих полномочий, действовало не по своей воле, поскольку оно вынуждено было принять определенное поведение по указанию и под контролем другого государства и не имело иного выбора, кроме как подчиниться.

13. По его мнению, употребление прилагательного «косвенный» не устраняет полностью ответственности. Это слово просто-напросто качественно характеризует ответственность, возлагаемую на государство, по вине которого было совершено международно-противоправное деяние. Даже если опустить это прилагательное, то ответственность не станет менее косвенной, поскольку она не связана с международно-противоправным деянием, совершенным самим указанным государством. С другой стороны, можно напомнить, что при определенных обстоятельствах государство может нести одновременно прямую и косвенную ответственность. Так, например, может оказаться, что страна, которая направляет вооруженные силы в другую страну в нарушение международного права, нарушает тем самым пункт 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций и в то же самое время совершает международное преступление в силу статьи 12 проекта.

14. Весьма важно точно указать границы возникновения международной ответственности в силу статей 27 и 28 и, следовательно, границы возникновения такой ответственности для государства. Если, например, одно государство продает оружие другому государству и ни одна из норм международного права не запрещает такую продажу оружия, то при этом не совершается никакого международно-противоправного деяния и не возникает ответственности ни для одного из государств. Напротив, если государство продает оружие и ему достоверно известно, что это оружие будет применено другим государством в целях совершения агрессии, то такое деяние представляет собой помощь или поддержку другому государству для совершения им международно-противоправного деяния и, несомненно, подпадает под действие статьи 27. Если государство направляет вооруженные силы в распоряжение другого государства, но эти вооруженные силы остаются под контролем государства-бенефициария, то любое противоправное деяние этих вооруженных сил подпадает под действие статьи 9, и ответственность ложится целиком на государство-бенефициария, поскольку такие противоправные деяния могут быть отнесены только к этому государству. Противоправные деяния вооруженных сил, посланных одним государством на территорию другого государства, но остающихся под контролем посылающего их государства, под-

падают под действие статьи 12, за исключением вполне понятного случая, когда оба государства действуют согласованно, и в этом случае они несут совместную ответственность и к ним применимы положения статьи 27. Если, напротив вооруженные силы были направлены в другое государство и захватили органы этого государства с целью создания марионеточного государства, то противоправные деяния вышеупомянутых органов формально им и присваиваются, но в силу статьи 28 ответственность справедливо переносится на государство, которое направило свои войска и использовало в своих интересах эти органы.

15. Поэтому г-н Джагота считает, что не следует изменять основу концепции ответственности, сформулированную в статье 28. Другими словами, нет никакой необходимости дополнять эту статью положением, определяющим совместную или солидарную ответственность. Вместе с тем перенос ответственности должен быть определен очень строго. Государство, на территории которого совершено противоправное деяние, не должно полностью освобождаться от ответственности. Оно может быть освобождено от ответственности лишь в той степени, в которой оно действовало в соответствии с указаниями или под контролем другого государства. Государство может делать вид, что оно действовало в соответствии с указаниями другого государства, а это последнее может просто утверждать, что оно ограничилось некоторыми предложениями и не оказывало никакого давления. В деле *Румынско-американской компании*, о котором упоминает г-н Аго (A/CN.4/318 и Add.1—3, пункт 41), британское правительство полностью отказалось от ответственности за уничтожение собственности указанной компании в Румынии, и правительству Соединенных Штатов, в конце концов, пришлось направить свое требование о возмещении ущерба румынскому правительству, которое, в свою очередь, согласилось взять на себя ответственность за деяния, совершенные его собственными органами. Этот случай ясно показывает, что жертва не обязательно лишена всякой возможности обжалования, когда ответственность ограничена исключительно ситуациями, включающими применение силы или осуществление контроля со стороны другого государства. Можно также представить себе случаи, когда государство получает инструкции от другого государства, но превышает эти инструкции. Совершенно очевидно, что государство, которое получает инструкции, не может быть полностью освобождено от ответственности.

16. Учитывая все эти соображения, г-н Джагота предлагает для статьи 28 два варианта (A/CN.4/L.290), которые, однако, не изменяют текста, предложенного г-ном Аго:

«Вариант А

Международно-противоправное деяние, совершенное одним государством, которое вынуж-

дено юридически или фактически подчиняться указаниям, контролю или принуждению со стороны другого государства, не влечет за собой — но лишь в меру ограничения его свободы действий — международную ответственность государства, совершившего вышеупомянутое противоправное деяние, а влечет международную ответственность того государства, по указаниям, под контролем или по принуждению которого было совершено такое противоправное деяние.

Вариант В

1. Международно-противоправное деяние, совершенное одним государством в той области деятельности, в которой указанное государство не пользуется (полной) свободой действий, будучи вынуждено юридически или фактически подчиняться указаниям или контролю со стороны другого государства, не влечет за собой — но лишь в меру ограничения такой свободы — международную ответственность государства, совершившего вышеупомянутое противоправное деяние, а влечет международную ответственность того государства, по указанию или под контролем которого было совершено такое противоправное деяние.

2. Международно-противоправное деяние, совершенное одним государством в условиях принуждения, осуществляемого с этой целью другим государством, не влечет за собой — но лишь в меру этого ограничения — международную ответственность государства, которое действовало в условиях принуждения, а влечет международную ответственность того государства, по принуждению которого было совершено такое противоправное деяние».

17. В отношении места статей 27 и 28 следует отметить, что эти положения не исключают международно-противоправное деяние; но просто вводят совместную ответственность или предусматривают перенос ответственности. Таким образом, они правильно расположены в части I проекта, поскольку международно-противоправное деяние остается критерием для определения ответственности государства. Эти статьи не следует переносить в главу V, в которой будут обсуждаться причины освобождения от ответственности, то есть обстоятельства, исключающие противоправность. Следовательно, имеются две возможности: оставить статьи 27 и 28 на прежнем месте, с тем чтобы они образовывали главу IV, или присоединить их каким-либо образом к статьям 9 и 12, в которых рассматриваются аналогичные положения и которые расположены в главе II части I. Разумеется, если впоследствии будет решено изменить концепцию причин освобождения от ответственности, что должно стать предметом главы V, в итоге может оказаться более разумным включить обе статьи в эту главу. Однако этот вопрос не требует немедленного решения, и его можно оставить на усмотрение Редакционного комитета.

18. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, выступая в качестве члена Комиссии, сначала отмечает, что статью 28 следует отредактировать, употребляя более точные выражения и с учетом вопросов, поднятых в ходе дискуссии, особенно в отношении характера и степени ответственности, о которой идет речь в этом правиле.

19. Что касается правомочности рассматриваемой статьи 28, то г-н Шахович считает долгом Комиссии отредактировать правило, применимое в различных гипотетических случаях, поскольку такие случаи встречаются в международной жизни. Как отношения зависимости, так и отношения подчинения существуют и, по-видимому, еще долгое время будут существовать. Кроме того, обладая суверенным равенством, государства в настоящее время живут во взаимозависимом мире.

20. С другой стороны, важно учитывать позитивное международное право, как это показал г-н Рифаген, настаивая на существовании связи между деяниями и правом. Впредь Комиссия должна брать за основу Устав Организации Объединенных Наций, так как, только опираясь на этот документ, можно установить правомерность или противоправность некоторой отдельной ситуации. Следует разработать точные нормы, согласующиеся с Уставом и с позитивным международным правом, на основе которых определяется правомерность возможных ситуаций. В этой связи текст статьи 28, предложенный г-ном Цурукой (A/CN.4/L.289), является хорошей основой для разработки формулировки, которая должна стать неотъемлемой частью проекта.

21. В одной части своего письменного представления статьи 28 (A/CN.4/318 и Add.1—3, пункт 3) г-н Аго уточняет, что это положение ограничивается случаями, когда международная ответственность присваивается государству за международно-противоправное деяние другого государства и добавляет, что

Гипотеза международной ответственности государства за действия субъекта международного права, помимо государства (международная организация, повстанческое движение и т. д.), хотя логически она и является возможной, не принимается во внимание, так как неизвестны практические случаи, когда она может возникнуть; представляется маловероятным, что такие случаи возникнут в будущем.

По мнению г-на Шаховича, эти доводы являются малоубедительными. Учитывая, что в других статьях проекта затрагивается вопрос о международных организациях и повстанческих движениях, он сомневается в том, что такая аргументация может считаться правильной. Сам оратор предпочитает, чтобы решение для таких случаев было Комиссией найдено, хотя он и понимает, что при этом ее работа значительно бы усложнилась.

22. Г-н УШАКОВ настаивает, что понятие косвенной ответственности не существует не толь-

ко в советском праве, но и в праве вообще. Безусловно, имеются случаи косвенной ответственности во внутреннем праве, которые являются исключениями из этого правила. Например, во внутреннем советском праве, если владелец автомобиля доверяет в письменном виде другому лицу пользование своим автомобилем, то именно на первого ложится гражданская ответственность в случае происшествия. Можно сказать, что в данном случае мы имеем дело с косвенной ответственностью, но, в действительности, владелец автомобиля взял на себя ответственность за деяние другого субъекта на основании некоторого действия, которое заключается в выдаче другому лицу доверенности на пользование своим автомобилем. Здесь речь идет лишь о гражданской ответственности, а ответственность уголовная и административная возлагается на водителя. Причем если некоторое лицо пользуется автомобилем без разрешения владельца автомобиля, то в случае происшествия гражданская ответственность возлагается именно на это лицо. Таким образом, гражданская ответственность владельца автомобиля присваивается ему на основании его собственного деяния.

23. В международном праве аналогичное положение может в принципе возникнуть, если государство заранее берет на себя ответственность за действия другого государства. Г-н Ушаков не думает, чтобы в международном праве существовала какая-либо норма такого типа. Пример хозяина и ученика, цитируемый г-ном Аго (1534-е заседание), представляется оратору неуместным, поскольку хозяин ответствен за действия ученика в той мере, в какой он ответствен за его продукцию. Точно так же директор завода несет ответственность не за действия своих рабочих, а за продукцию завода.

24. В статье 28 предусматриваются положения двух типов: положение первого типа, о котором идет речь в пункте 1,— это положение зависимости одного государства от другого государства; второе положение, которое составляет предмет пункта 2,— это положение подчинения, осуществляемого одним государством в отношении другого государства. Что касается положений первого типа, то г-н Аго рассмотрел три возможности. Сначала он рассмотрел положение зависимости колониального типа — такого как протекторат. Но в данном случае государство-протекторат является не государством, а «зависимой территорией» в смысле подпункта f пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1978 года о правопреемстве государств в отношении договоров⁴, то есть территорией, ответственность за международные отношения которой несет го-

⁴ Текст Конвенции, далее именуемой «Венская конвенция 1978 года», см. *Official Records of the United Nations Conference on Succession of States in Respect of Treaties*, vol. III (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.79.V.10), документ A/CONF.80/31.

сударство-протектор. Здесь, следовательно, мы не имеем дела со случаем зависимости одного государства от другого.

25. Г-н Аго также рассмотрел положение зависимости федеративного государства по отношению к федеральному государству. Но это положение не имеет отношения к статье 28, поскольку федеративное государство не является субъектом международного права в таком смысле, как федеральное государство.

26. Третья рассмотренная возможность — состояние военной оккупации может быть объектом статьи 28, но лишь при определенных условиях: нужно, чтобы оккупированное государство не несло ответственности за свои действия, чтобы оно перестало быть суверенным государством. Этот случай описывает Польшу и Норвегию в период оккупации их нацистской Германией во время второй мировой войны. В противоположность этому, присутствие советских войск в Польше в конце войны не может рассматриваться как положение военной оккупации, поскольку осуществлявшийся этими войсками контроль был оправданным постольку, поскольку продолжались военные действия.

27. Что касается положения подчинения, рассмотренного в пункте 2 статьи 28, то факт нахождения в подчинении не освобождает государство от его ответственности, так как он считает, что суверенное, свободное и независимое государство обязано сопротивляться подчинению и выполнять свои международные обязательства по отношению к другим государствам. По мнению оратора, положение, рассмотренное в статье 52 Венской конвенции⁵, является совершенно иным, так как в указанной статье речь идет не об отношениях с третьим государством, а о двусторонних отношениях. Действительно, эта статья гласит, что если государство принуждает другое государство заключить двусторонний договор, то такой договор является недействительным. Это положение не имеет никакой связи с положением, рассматриваемым в пункте 2 статьи 28.

28. Г-н ПИНТО говорит, что его первоначальная неуверенность в отношении проекта статьи 28 объясняется тем, что он не заметил связи, существующей между государством, несущим в конечном счете ответственность, другими словами, господствующим государством, и конструктивными элементами международно-противоправного деяния. Но объяснения г-на Аго внесли большую ясность в этот вопрос, и, возможно, наилучшим решением этой проблемы будет внесение некоторых редакционных изменений.

29. Между прочим, г-н Пинто всегда полагал, что статья охватывает два несколько различных

элемента: с одной стороны, манипулирование государством, осуществляемое другим государством с помощью принуждения или какого-либо другого средства с целью совершения международно-противоправного деяния, и, с другой стороны, оправдание чрезвычайным положением. Вопрос манипулирования, который является характерной чертой современной жизни, безусловно имеет прямое отношение к проекту статей, и поправки, представленные г-ном Цуруокой и г-ном Джаготой, будут в этой связи весьма полезными; но г-н Пинто сомневается в необходимости и возможности рассмотрения в рамках одной и той же части столь сложной проблемы, как оправдание чрезвычайным положением.

30. По мнению г-на Джаготы, которое основывается на знакомстве с проектом статей и с соответствующей частью доклада, речь идет не об оправдании или смягчающем обстоятельстве, а о переносе ответственности. Таким образом, когда государство, совершившее международно-противоправное деяние, заявляет, что оно действовало по принуждению, оно не может ссылаться в свое оправдание на чрезвычайное положение, и здесь начинает играть роль понятие переноса ответственности.

Заседание закрывается в 18 час.

1536-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 22 мая 1979 года, 10 час. 05 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швебель.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение)
(A/CN.4/318 и Add.1—3, A/CN.4/L.289/Rev.1, A/CN.4/L.290)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО
(продолжение)

СТАТЬЯ 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства)¹ (продолжение)

⁵ См. 1533-е заседание, сноска 2.

¹ Текст статьи см. 1532-е заседание, пункт 6.

1. Г-н ЦУРУОКА представляет две поправки к тексту статьи 28, который он предложил 17 мая 1979 года (A/CN.4/L.289), с целью отразить замечания, высказанные некоторыми членами Комиссии. Первая поправка предусматривает исключение из пункта 2 слова «исключительную» перед словами «международную ответственность», с тем чтобы привнести концепцию двойной ответственности: государства, осуществляющего принуждение, и государства, совершающего международно-противоправное деяние.

2. Пересмотренный текст (A/CN.4/L.289/Rev.1) читается следующим образом:

«1. Указания, данные одним государством другому государству, или контроль, осуществляемый одним государством в отношении другого государства в какой-либо области деятельности, если установлено, что эти указания или этот контроль предназначаются для осуществления международно-противоправного деяния, совершенного последним государством, также являются международно-противоправным деянием, даже если рассматриваемые отдельно такие указания или такой контроль не составляют нарушения международного обязательства.

2. Принуждение, применяемое одним государством в отношении другого государства посредством угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций, если установлено, что это принуждение применяется для осуществления международно-противоправного деяния, совершенного последним государством, влечет за собой международную ответственность государства, применившего это принуждение.

3. Пункты 1 и 2 не наносят ущерба применению других положений настоящего проекта статей, в том числе статьи 1, касающейся международной ответственности государства, которое совершает международно-противоправное деяние в результате указаний, контроля или принуждения со стороны другого государства».

3. Г-н Аго говорит, что он замечает некоторое смягчение той крайней позиции, которой придерживался ранее г-н Ушаков. Однако он не может пока согласиться с г-ном Ушаковым, что если общая концепция косвенной ответственности и существует, то скорее в правоведении, чем в позитивном праве, поскольку правоведение создало концепцию косвенной ответственности для того, чтобы описать и объяснить некоторые ситуации, предусмотренные позитивным правом.

4. В отношении гипотез внутреннего права, упомянутых г-ном Ушаковым, г-н Аго отмечает, что советское право не сильно отличается, в том что касается ответственности за деяние другого, от права стран общего права или стран римско-

го права. В упомянутом г-ном Ушаковым на предыдущем заседании случае, когда владелец автомобиля несет ответственность за автомобильную аварию, совершенную лицом, которому он разрешил пользоваться своим автомобилем, деянием, за которое владелец автомобиля должен нести ответственность, является не факт предоставления им своего разрешения, что представляет собой законное деяние, а авария, совершенная водителем, что является противоправным деянием, совершенным другой стороной. Разрешение в данном случае является фактом, устанавливающим между владельцем и водителем автомобиля определенные отношения, в силу которых первый несет ответственность за деяние второго. Аналогично в случае ответственности начальника за ущерб, нанесенный его подчиненным, хозяин несет ответственность не за наем подчиненного, что является законным деянием, а за ошибки, совершенные подчиненным, в силу отношений, существующих между начальником и подчиненным. Факт найма подчиненного служит лишь установлению этих отношений. Поэтому в этих двух случаях, как и в случае ответственности родителей за действия своих детей, речь идет об ответственности за действие другого, а не за действие как таковое. В этой связи статья 1384 Гражданского кодекса Франции гласит: «Лицо отвечает не только за ущерб, причиненный им в результате его собственных действий, но также и за ущерб, причиненный действием лиц, за которых оно должно нести ответственность».

5. В международном праве проблема косвенной ответственности может возникнуть в трех случаях: в случае зависимых отношений, таких как протекторат; в случае отношений, существующих между федеральным государством и государством — членом федерации, которое представляет отдельную международную правосубъектность, и в случаях военной оккупации. Что касается зависимых отношений, то г-н Аго указывает, что в некоторых случаях протекторат распространяется и на государства, а не только на зависимые территории, как говорит г-н Ушаков. Так, в случае Марокко протекторат, предусмотренный Фесским договором, хотя и устанавливался в рамках колониальной политики, применялся к государству, а не к колонии: государство Марокко оставалось государством со своей международной правосубъектностью, и шерифские власти могли иногда совершенно свободно действовать в некоторых внешних областях. Однако г-н Аго считает, что, хотя такие отношения зависимости почти полностью исчезли на сегодняшний день, как указал на это г-н Ушаков, не исключено, что они могут возникнуть в будущем в другой форме, как это отметил г-н Фрэнсис.

6. Отношения, существующие между федеральным государством и государством — членом федерации, не следует смешивать с зависимыми отношениями между государствами, поскольку в

данном случае речь идет совсем о другом. В каждом отдельном случае эти отношения различны. В одних случаях федеральное государство полностью ликвидирует международную правосубъектность государства — члена федерации. В других случаях государство — член федерации сохраняет определенную международную правосубъектность. Это относится к швейцарским кантонам, которые имеют ограниченное право заключать международные соглашения. Обычно федеральное государство несет ответственность за нарушения, совершенные кантоном, даже когда речь идет о международных обязательствах, взятых на себя кантоном. Поэтому в случаях подобного рода можно говорить о международной ответственности за деяние другого. Однако такие случаи редки.

7. Третья гипотеза — случай военной оккупации — является наиболее важной, поскольку это наиболее актуальный и наиболее распространенный случай. Г-н Аго отмечает, что по этому вопросу у него с г-ном Ушаковым имеются принципиальные разногласия. Он не считает, что следует проводить различие между частичной оккупацией и полной оккупацией территории государства, поскольку, вопреки утверждению г-на Ушакова, государство не обязательно перестает существовать при полной оккупации его территории. Так, во время второй мировой войны Бельгия, Нидерланды и Дания, хотя и были полностью оккупированы, не перестали существовать как государства. Аналогично, когда Германия, оккупировав северную половину французской территории, распространила свою оккупацию на всю эту территорию, Франция продолжала существовать как государство и действовать в этом качестве, хотя и под контролем германских властей. Таким образом, нет совершенно никакого различия между случаем частичной оккупации государства и случаем его полной оккупации, в том что касается ответственности за международно-противоправные деяния, которые могут быть совершены органами оккупированного государства, действующими под контролем государства-оккупанта.

8. Г-н Аго не считает также, что следует проводить различие, как это делает г-н Ушаков, между противоправной оккупацией и освободительной оккупацией, поскольку, независимо от мотива оккупации, отношения между государством, которое осуществляет контроль, и государством, находящимся под этим контролем, существуют и должны иметь определенные последствия в области ответственности.

9. Что касается принуждения, то г-н Аго, как и г-н Ушаков, считает, что статья 52 Венской конвенции² касается ситуации, совершенно отличной от той, которая предусмотрена статьей 28. Поэтому концепция принуждения вовсе не обяза-

тельно должна быть одинаковой в этих двух статьях. Согласно статье 52 Венской конвенции принуждение должно быть весьма сильным, чтобы обосновать недействительность договора, что объясняет ссылку в статье на угрозу силой или ее применение. В статье 28, напротив, принуждение вовсе не обязательно должно включать использование вооруженной силы, поскольку государство вполне может, не прибегая к вооруженным силам, принудить другое государство совершить международно-противоправное деяние — с помощью, например, экономического давления.

10. Г-н Аго, как и г-н Рифаген (1535-е заседание), считает, что согласно статье 28 может произойти необычное положение в связи с фактическими ситуациями и юридическими ситуациями. В этой связи следует отметить, что военная оккупация представляет собой не только фактическую ситуацию, но также в какой-то мере и юридическую ситуацию, поскольку отношения между государством-оккупантом и оккупированным государством регулируются международным правом войны, которое, например, обязывает государство-оккупанта поддерживать общественный порядок на оккупированной территории.

11. Г-н Рифаген задал вопрос, откуда проистекает концепция косвенной ответственности — из части I или части II проекта статей. Г-н Джагота ответил на этот вопрос, напомнив, что часть I проекта касается международно-противоправного деяния как источника ответственности, тогда как в части II рассматриваются содержание, формы и объем международной ответственности. Поэтому вопрос об ответственности того, а не иного государства за конкретное международно-противоправное деяние подпадает под действие положений части I проекта.

12. Глава IV проекта касается необычных ситуаций, которые влекут за собой отклонения от принципов, провозглашенных в главе I. Согласно статье 27³ государство, которое предоставляет помощь или содействие другому государству для осуществления международно-противоправного деяния, совершает деяние, которое само по себе может быть правомерным, например, продажа оружия, но которое в силу взаимосвязи, существующей между этим деянием и противоправным деянием (например, продажа оружия в целях совершения агрессии против другого государства), приобретает противоправный характер. Поэтому государство, предоставившее помощь, несет ответственность не за противоправное деяние, совершенное государством, получившим эту помощь, а за противоправное деяние, которое совершило оно само, предоставив помощь. Таким образом, налицо второе противоправное деяние, которое влечет за собой ответственность его автора. В статье 28, напротив, нет второго противоправного деяния: именно отношения зави-

² См. 1533-е заседание, сноска 2.

³ См. 1532-е заседание, сноска 2.

симости, существующие между двумя государствами, обуславливают ответственность господствующего государства за противоправное деяние зависимого государства.

13. Г-н Аго не считает, что следует, как это предлагает г-н Рифаген, ограничить сферу применения концепции косвенной ответственности случаями, когда нарушенное обязательство является обязательством *erga omnes*, другими словами, обязательство по отношению ко всем членам международного сообщества.

14. Г-н Аго разделяет мнение сэра Фрэнсиса Вэллета (1534-е заседание) в отношении необходимости придания современной формы норме, содержащейся в статье 28, поскольку, хотя понятие косвенной ответственности берет свое начало в ситуациях, ушедших в прошлое, оно применимо и сейчас в отношении ситуаций сегодняшнего дня. Он также считает, как и сэр Фрэнсис Вэллет, что не следует менять статьи 1 и 2 проекта. Предполагаемые статьями 27 и 28 исключения из принципов, провозглашенных в этих двух первых статьях, являются вполне естественными: Комиссия уже предусмотрела их в пункте 11 своего комментария к статье 1, признав, что могут наблюдаться «случаи, когда международная ответственность возлагается на другое государство, а не на то, кому присваивается деяние, квалифицированное международно-противоправным»⁴. Кроме того, статья 28 не будет представлять собой отклонение от принципа, провозглашенного в статье 1, если она ограничится подтверждением факта существования косвенной неисключительной ответственности, то есть ответственности, которая добавляется, но необязательно освобождает от ответственности сторону, совершившую международно-противоправное деяние.

15. Г-н Аго также согласен с сэром Фрэнсисом Вэллетом в том, что следует отказаться от негативной формулировки нормы, содержащейся в статье 28. Что касается прилагательного «косвенная», которое сэр Фрэнсис Вэллет предлагает исключить, то он считает, как и г-н Джагота, что сохранение этого прилагательного не имеет большого значения, поскольку в любом случае ответственность, предусмотренная в статье 28, останется ответственностью за деяние другого, другими словами, косвенной ответственностью.

16. Г-н Аго согласен с проделанным г-ном Джаготой анализом связи, существующей между статьей 28 и статьями 9 и 12. Он признает, что государство, в отношении которого осуществляется контроль, может в своих действиях выходить за рамки полученных указаний, как отметил это г-н Джагота, и он считает, как и г-н Фероста (1533-е заседание), что не следует поощрять это

государство совершать международно-противоправное деяние, давая ему возможность довольно легко избежать своей собственной ответственности.

17. Г-н Шахович заявил (1533-е заседание), что подлинной проблемой является проблема исключительного характера косвенной ответственности и что Комиссии следует занять более ясную позицию по этому вопросу. Г-н Джагота со своей стороны (там же) занял четкую позицию по этому вопросу, заявив, что логически, если отделить присвоение международно-противоправного деяния от присвоения ответственности, ответственность должна быть исключительной. Другие члены Комиссии придерживаются иной точки зрения, утверждая, что ответственность государства, находящегося под контролем, должна сосуществовать с ответственностью государства, осуществляющего контроль. Г-н Пинто (там же) говорил в этой связи о «манипулировании» одного государства другим. Однако со своей стороны г-н Аго хотел бы отметить, что в случае, предусмотренном статьей 28, это манипулирование появляется не в сфере собственного совершения противоправного деяния, а в части общей деятельности, в контексте которой это противоправное деяние было совершено.

18. Г-н Аго подчеркивает, что вопрос о том, может ли государство, совершившее международно-противоправное деяние, оправдаться ссылкой на форс-мажорные обстоятельства, не входит в сферу применения статьи 28; его следует рассматривать в свете положений главы V, касающейся обстоятельств, исключающих противоправность. Статья 28 касается вопроса о том, существует ли ответственность за деяние другого и является ли эта ответственность исключительной.

19. Согласно тексту, предложенному г-ном Суруокой (пункт 2, выше), контроль, осуществляемый господствующим государством, представлял бы собой международно-противоправное деяние, которое добавляется к международно-противоправному деянию, совершенному подчиненным государством, и непосредственно влечет за собой ответственность господствующего государства. Поэтому в данном тексте речь идет о прямой ответственности, которая тесно связана с ответственностью, предусмотренной в статье 27. С другой стороны, в случае косвенной ответственности, предусмотренной в статье 28, господствующее государство несет ответственность не за свой контроль, который оно осуществляет в отношении подчиненного государства, а за противоправное деяние, совершенное подчиненным государством, когда оно находилось под этим контролем. По существу, подлинная проблема, как указал на это г-н Джагота, заключается в переходе от ответственности государства, совершившего международно-противоправное деяние, к ответственности другого государства, контроли-

⁴ Ежегодник..., 1973 год, том II, стр. 204, документ A/9010/Rev.1, глава II, раздел B, статья 1, пункт 11 комментария.

ровавшего сферу деятельности, в которой было совершено это международно-противоправное деяние.

20. Г-н Аго готов присоединиться к предложению г-на Джаготы (1535-е заседание), однако он, как и г-н Джагота, не уверен, следует ли проводить различие между двумя случаями — случаем контроля и случаем принуждения — или же следует рассматривать их совместно. Эти два случая имеют некоторые общие аспекты, однако традиционные случаи, в которых возникает вопрос косвенной ответственности, — протекторат, военная оккупация, федеральное государство, — это ситуации, в которых существуют стабильные отношения между двумя государствами, тогда как случаи принуждения представляют собой временную ситуацию, когда государство непосредственно влияет на совершение международно-противоправного деяния.

21. Г-н УШАКОВ совершенно не согласен с г-ном Аго в вопросе об оккупации. Нельзя смешивать, как пытается это делать г-н Аго, противоправную военную оккупацию, которая влечет за собой исчезновение оккупированных государств в качестве суверенных и независимых государств, с освободительной оккупацией, которая направлена на прекращение доминирования. Во время второй мировой войны оккупация нацистской Германией Бельгии и Нидерландов, которые в результате этого перестали существовать как суверенные независимые государства, не имеет ничего общего с освободительной оккупацией этих стран войсками союзников. Кроме того, существует и третья форма оккупации, как, например, оккупация Германии после ее капитуляции, во время которой она также не существовала в качестве суверенного и независимого государства. Оккупацию подобного рода, которая является правомерной, также не следует смешивать с противоправной вражеской оккупацией.

22. Г-н РИФАГЕН уточняет, что в его намерения вовсе не входило предложить на прошлом заседании перенести проект статьи 28 в часть II проекта. Напротив, он считает, что Комиссии следует искать решение в направлении, предложенном г-ном Цуруокой. Он просто хотел подчеркнуть, что статья 28 и часть II проекта статей взаимосвязаны в той мере, в какой последствия косвенной ответственности отличаются от последствий прямой ответственности. Другими словами, ответственность государства А, совершившего деяние, может отличаться от ответственности государства С, которое повлияло на совершение этого деяния, и различие такого рода может оказать существенное влияние на различные ситуации, которые могут возникнуть в таких условиях. Г-н Рифаген считает, придерживаясь средней точки зрения между мнениями г-на Ушакова и г-на Аго, что в случае косвенной ответственности отмечается некоторое ограничение.

23. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что со времен Нюрнбергского процесса международное право считает, что лицо, обвиняемое в военных преступлениях, не может снимать с себя вину, являясь в качестве оправдания то, что оно повиновалось приказам вышестоящих начальников, но что это может рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство. По аналогии, это является аргументом против предложения о сохранении одной лишь исключительной ответственности господствующего государства; если принять, что подчиненное государство находится в положении лица, обвиняемого в нарушении законов ведения войны, то указанное государство не может ссылаться на указания свыше с целью избежать всякой ответственности, но оно, тем не менее, может использовать это средство в целях уменьшения приписываемой ему доли ущерба.

24. Г-н Рифаген не оспаривает довода г-на Аго, согласно которому логика выступает на стороне исключительной ответственности доминирующего государства, но он считает, что рассматриваемый случай относится к одному из тех случаев, когда логика, возможно, неуместна на фоне реальных условий в современном мире. Учитывая примеры, приводимые некоторыми другими членами, г-н Швებель полагает, что будет более правильно, если Комиссия примет решение в пользу совместной ответственности, а не исключительной ответственности.

25. Г-н ФЕРОСТА, ссылаясь на замечания г-на Ушакова, говорит, что действительно следует проводить различие между противоправной военной оккупацией и оккупацией силами освобождения, а также присутствием войск после прекращения военных действий. Но он не может согласиться с тем, что в случае противоправной оккупации оккупированное государство перестает существовать. Согласно позитивному международному праву оккупированное государство не исчезает, а ввиду отсутствия органов, способных функционировать, превращается в парализованное юридическое лицо. В доказательство можно привести Московскую декларацию об Австрии от 1 ноября 1943 года⁵, в которой Советский Союз, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты высказали единодушное мнение о том, что Австрия является первой страной — добровольной жертвой агрессивной политики Гитлера и что она должна быть освобождена от немецкого господства. Если бы Австрии тогда не существовало, то не мог бы возникнуть вопрос о ее освобождении. Но великие державы сочли аннексию 1938 года недействительной, и Австрия заняла свое место в международном сообществе. К сожалению, победившие державы использовали в контрольном договоре термин «оккупация», который был уместен в период военных

⁵ *American Journal of International Law, Supplement of Documents* (Washington D.C.), vol. 38, No. 1 (January 1944), p. 7.

действий, но не годился после их прекращения. Таким образом, можно утверждать, что юридическая личность государства, подвергшегося военной оккупации, существует вплоть до окончательного урегулирования положения, после чего она, конечно, может исчезнуть. Нельзя рассматривать с одной и той же точки зрения гитлеровскую военную оккупацию и оккупацию силами освобождения или присутствия контрольных войск, в связи с чем возникают некоторые проблемы совместной ответственности.

26. Г-н НДЖЕНГА полагает, что проект статьи 28 не следует интерпретировать как полностью исключаящий ответственность за международно-противоправное деяние во всех случаях без исключения, поскольку степень подчинения, принуждения и контроля может быть различной. Совершенно очевидно, что если государство находится в полном подчинении у другого государства, то любое действие первого государства, которое составляет международно-противоправное деяние, должно приводить к ответственности не подчиненного государства, а господствующего государства.

27. Таково в действительности было положение многочисленных протекторатов, которые являлись не чем иным, как колониями. С другой стороны, другие протектораты сохраняли в определенной степени международный статус и поэтому не могли находиться в положении, которое бы исключало их ответственность в случае международно-противоправного деяния. Подобно этому, когда протекторат сохраняет возможность отправлять свои повседневные функции, его также следует считать ответственным за его собственные действия. С другой стороны, если международный статус протектората является чисто символическим и реальная власть принадлежит государству, которое осуществляет над ним контроль, то действия властей протектората могут рассматриваться как действия агентов указанного государства.

28. То же самое справедливо и в отношении федеративного государства. Например, в Швейцарии, где кантоны обладают некоторой автономией и, следовательно, имеют некоторый международный статус, было бы в принципе ошибочно освободить их от всякой ответственности только по той причине, что они подчиняются верховной федеральной власти.

29. И в случае военной оккупации вопрос заключается не в том, чтобы определить, благоприятной или неблагоприятной является эта оккупация, а в том, чтобы знать, кто несет ответственность за управление. Так, во Франции в период немецкой оккупации правительство Виши, которое несло ответственность за повседневное управление делами невоенного характера, не могло уклониться от выполнения международного обязательства в отношении компенсации потерь и причиненного ущерба, ссылаясь на воен-

ную оккупацию, поскольку оно действовало в качестве государства и было таковым признано.

30. Таким образом, государство не может уклониться от ответственности, ссылаясь на то, что оно действовало в соответствии с указаниями высшей власти, за исключением тех случаев, когда подчинение является настолько абсолютным, что власти государства — автора международно-противоправного деяния можно рассматривать как действовавшие в качестве агента господствующего государства. Г-н Ндженга признает, что экономическое принуждение может быть особенно мощным, когда экономика страны находится в полной зависимости от другой страны, и что в подобном случае страна даже может уступить давлению в вопросах, касающихся ее внутренних дел. Тем не менее г-н Ндженга полагает, что государство не может быть освобождено от всякой ответственности даже в том случае, когда подчинение или принуждение достаточно сильно для того, чтобы их можно было рассматривать в качестве смягчающего обстоятельства при определении размеров репарации за потери или ущерб, причиненные международно-противоправным деянием.

31. Комиссия должна проявить осторожность, чтобы не создать новую категорию государств, которые бы поступали как им заблагорассудится и впоследствии оправдали свое поведение подчинением другому государству и утверждали, что свобода их действий была ограниченной. В международных отношениях понятие подчинения является относительным, и исключение ответственности должно ограничиваться случаями, когда подчинение является столь полным, что для того, чтобы выжить, подчиненное государство вынуждено поступать так, как ему указывают.

32. Соответственно г-н Ндженга предлагает отредактировать проект статьи 28 на основе текстов, предложенных г-ном Джаготой и г-ном Цурукой, чтобы отразить реальность более четко.

33. Г-н ДЖАГОТА говорит, что, поскольку положения, изученные в рассматриваемом докладе, проиллюстрированы на отдельных примерах, а не на категориях случаев, он полагает целесообразным в его варианте А (A/CN.4/L.290) объединить оба пункта статьи 28 в один пункт. Вместе с тем довод, согласно которому данная статья должна содержать два пункта, может считаться разумным, и у г-на Джаготы в этом вопросе нет четкого мнения.

34. С другой стороны, вопрос о том, должна ли быть косвенная ответственность исключительной, дополнительной или совместной, необходимо изучить гораздо более внимательно. Г-н Джагота полностью согласен с г-ном Ндженгой в том, что формулировка статьи не должна приводить к возникновению новой категории государств, освобожденных от всякой ответственности за

международно-противоправные деяния, авторами которых они являются. Было столь же справедливо подчеркнуть, что следует учитывать различные степени принуждения, подчинения или контроля и избегать формулировки статьи в общих выражениях, которые могли бы позволить как господствующим государствам, так и подчиненным государствам отказываться от ответственности за свои действия.

35. Отмечая, что основная ответственность ложится на автора противоправного деяния, г-н Швель напомнил принципы, провозглашенные в этой связи в Уставе Нюрнбергского трибунала. В военном руководстве, которое было опубликовано в Соединенном Королевстве в 1942 году, конкретно указывалось, что автор незаконного действия не несет никакой ответственности, если он совершил это действие по приказу высшего начальства. Однако это положение было изменено в 1944 году, а на Нюрнбергском процессе обвиняемые сослались на подобные приказы. В то время утверждалось, что им оставалось лишь повиноваться и что, если бы они отказались, они бы были уничтожены. Комиссия сама при формулировке принципов международного права, закрепленных в Уставе Нюрнбергского трибунала и решении этого трибунала⁶, учитывала этот аспект вопроса, который, вне всякого сомнения, был также отражен и в проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества⁷, который в настоящее время находится на рассмотрении Генеральной Ассамблеи. Если автор противоправного деяния имеет моральную возможность выбора, то он несет ответственность за это деяние. Напротив, если такая возможность у него полностью отсутствует, другими словами, если он не располагает никакой свободой решений или действий, он может ссылаться в качестве абсолютного оправдания на приказ высших властей. Вместе с тем не следует забывать, что здесь идет речь об ответственности отдельного лица в рамках международного уголовного права, и это понятие совершенно отлично от более широкого понятия ответственности государств.

36. В статье 19 проекта определяются некоторые международные преступления; и для целей статьи 28 можно было бы конкретно указать, что в тех случаях, когда международно-противоправное деяние составляет международное преступление, ответственность является совместной и не может переходить от одного государства к другому. Тем не менее г-н Джагота не уверен, что виновное государство должно нести ответственность, когда оно принуждается другим государством занять определенную линию поведения и у него нет другого выхода, кроме

повиновения. Следует обязательно сохранить тот смысл, что когда государство, которое совершает противоправное деяние, не обладает свободой принимать решения, ответственность должна возлагаться на государство, которое вынудило его действовать подобным образом. В своем предложении г-н Джагота говорит, что он вынужден настаивать на этом пункте, учитывая возможность совершения международно-противоправного деяния государством, — и необходимо, чтобы это было государство, а не какая-либо самоуправляющаяся территория или колония, — которое «вынуждено подчиняться», то есть у которого нет иного выбора, кроме подчинения де-юре или де-факто указаниям, контролю или принуждению со стороны другого государства. Использование слов «де-юре или де-факто» позволяет избежать необходимости решать вопрос о том, является или не является военная оккупация законной или оправданной. В таком случае ответственность ложится на государство, которое вынудило другое государство подчиниться его указаниям, его контролю или принуждению. Однако слова «в той степени, в которой ограничена его свобода действий, и только в той степени» вносят существенную оговорку. С помощью этой формулировки учитывается степень принуждения, а также тот случай, когда местные власти проявляют чрезмерное рвение при исполнении указаний или превышают власть.

37. Если частично отказаться от понятия исключительной ответственности, то при этом изменится сам принцип, на котором основана статья 28, так как тогда косвенная ответственность превратится в совместную ответственность. В таком случае появится тенденция к сближению статей 28 и 27. По мнению г-на Джаготы, перенос исключительной ответственности в ограниченном числе особых случаев, когда государство — автор противоправного деяния полностью потеряло свободу принятия решений и было принуждено другим государством совершить указанное деяние, представляется вполне реалистичным. Очевидно, можно учесть различные исключения, например совершение международно-противоправных деяний, которые составляют международные преступления. В любом случае вопрос об исключительной ответственности или совместной ответственности является слишком важным для того, чтобы его решать поспешно. Над ним следует более трезво подумать, с тем чтобы Комиссия могла сформулировать правила, которые бы способствовали укреплению международного мира и безопасности, уничтожению положения подчинения и ясно указывали, на кого возлагается ответственность.

38. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что Комиссия достигла этапа, на котором вопросы должны решаться в рамках менее формальной дискуссии, и он надеется, что в случае статьи 28 будет более целесообразным использовать возможность обсуждать тексты, направляемые Ре-

⁶ См. *Ежегодник...*, 1950 год, том II, стр. 374 англ. текста и далее, документ A/1316, часть III, пункты 95—127.

⁷ См. *Ежегодник...*, 1971 год, том II (часть вторая), стр. 115 и 116, документ A/CN.4/245, пункты 437—441.

дакционным комитетом. В любом случае возникает несколько сложных вопросов, и, принимая во внимание выступление г-на Джаготы, важно точно определить позицию Комиссии в вопросе ответственности за действия, совершенные по приказу высшей власти.

39. В силу принципа IV Принципов международного права, провозглашенных в Уставе Нюрнбергского трибунала и в решении этого трибунала⁸ в международном праве, факт совершения действий по приказу правительства или высшего начальства «не освобождает автора от ответственности, если у него оставалась моральная возможность выбора». Презумпция заключается в том, что отдельное лицо не освобождается от всякой ответственности за действия, действительно им совершенные, и вопрос о том, имело ли это лицо «моральную возможность выбора», вносит не что иное, как оговорку к общему принципу. В отношении суверенных государств судьи и арбитры придерживались в своих решениях той тенденции, что государство несет ответственность за свои собственные действия, и для того чтобы оно могло быть освобождено от такой ответственности, его доводы должны быть весьма убедительными. По мнению сэра Фрэнсиса, точка зрения, которая сейчас предлагается Комиссии, заключается в сохранении ответственности за государством, которое является действительным автором международно-противоправного деяния.

40. Уточнения, внесенные г-ном Джаготой, вызывают новое беспокойство, так как его интерпретация значительно сократила число случаев, когда государство, иное чем автор противоправного деяния, может нести ответственность за это деяние. Более того, эта интерпретация оставляет, тем не менее, незаполненным в проекте пробел, который не может быть устранен другими статьями, в частности статьями 5—15. Сэр Фрэнсис чрезвычайно признателен г-ну Джаготе за то, что тот обратил внимание на принципы, провозглашенные в Уставе Нюрнбергского трибунала, но соответствующие выводы автора совершенно противоположны выводам г-на Джаготы.

41. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что существует дополнительная причина, по которой следует осторожно отнестись к интересным различиям, которые установил г-н Джагота в отношении преступлений. В действительности, принимая во внимание обсуждение статьи 19 проекта в Шестом комитете, Комиссия международного права, безусловно, пожелает внимательно изучить вышеуказанную статью и постарается, чтобы она не затронула другие статьи проекта. Во время десятого чтения статьи 19 Комиссия должна очень внимательно отнестись к прениям в Шестом комитете и учесть все дополнительные замечания

государств для того, чтобы определить, насколько реальным является подход, принятый в статье 19. Кроме того, по фундаментальным причинам, предельно ясно изложенным сэром Фрэнсисом Вэллетом, весьма важно избежать образования пробела в проекте статей.

42. Г-н УШАКОВ полагает, в отличие от г-на Аго, что Марокко нужно рассматривать как государство, вновь получившее независимость в смысле пункта 1 f статьи 2 Венской конвенции 1978 года⁹, то есть как государство, «территория которого непосредственно перед датой правопреемства государств была зависимой территорией, за международные отношения которой несло ответственность государство-предшественник».

43. Г-н РЕЙТЕР не может согласиться с уподоблением ответственности государства ответственности отдельного лица. Как это вытекает из Устава Нюрнбергского трибунала и решения этого трибунала, в отношении лиц, у которых не было иного выбора, кроме самоубийства, следует проявлять терпимость. Но в случае государства положение совсем другое; у него всегда есть возможность самоубийства, и это то, что делает его великим. Поэтому нельзя снимать вину с государства, которое совершило международное преступление, каким бы сильным ни было на него давление.

44. Г-н Рейтер может согласиться с тем, что во время второй мировой войны итальянскую полицию, которая функционировала, несмотря на то, что итальянское государство не существовало, следует рассматривать в качестве органа немецкого государства, или что французская полиция режима Виши оказалась в таком положении, что ее необходимо было рассматривать в качестве немецкого органа. Но в таком случае это — проблема присвоения, которой следовало бы посвятить другую статью. Можно прийти к заключению, что служащих французской полиции режима Виши, действия которой в международной сфере должны присваиваться немецкому государству, следует судить в соответствии с принципами Нюрнбергского трибунала за повинение приказам, которым они не должны были повиноваться.

45. Что касается разделяемой ответственности, то г-ну Рейтеру трудно согласиться с тем, что одно государство может быть освобождено от ответственности в случае международного правонарушения, в котором замешаны два государства. Деяние, заключающееся в оказании давления на государство с целью совершения последним некоторого действия, составляет международное правонарушение, но таким же правонарушением является и отказ оказания сопротивления этому давлению, поскольку нет такого мо-

⁸ Ежегодник..., 1950 год, том II, стр. 375 англ. текста, документ A/1376, часть III.

⁹ См. 1535-е заседание, сноска 4.

рального соображения, которое бы запрещало государству совершить самоубийство.

Заседание закрывается в 12 час. 55 мин.

1537-е ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 23 мая 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швებель.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение)
(A/CN.4/318 и Add.1—3, A/CN.4/L.289/Rev.1,
A/CN.4/L.290)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО
(продолжение)

СТАТЬЯ 28 (Косвенная ответственность одного государства за международно-противоправное деяние другого государства)¹ (окончание)

1. Г-н ДЖАГОТА, ссылаясь на заявление сэра Фрэнсиса Вэллета на предыдущем заседании, говорит, что он будет признателен, если сэр Фрэнсис Вэллет уточнит, где возникнет пробел в проекте, если косвенная ответственность будет определена в статье 28 ограниченным образом, в результате чего ответственность за международно-противоправное деяние в определенных случаях может присваиваться другому государству, а именно в случаях, когда другое государство посредством указаний, контроля или принуждения вынуждает первое государство совершить противоправное деяние. Деяния, столь серьезные по своим последствиям для всего международного сообщества, как деяния, перечисленные в статье 19 проекта², можно было бы исключить из статьи 28. В результате этого государство, которое совершает акт агрессии, даже под давлением другого государства, по-прежнему может нести ответственность за то, что оно не устояло под давлением этого другого государства. Само собой разумеется, все члены Комиссии хотели бы выработать такую норму, которая бы применялась во всех случаях и которая бы не содержала ни одного пробела и не ос-

тавила бы ни одной лазейки для любого правонарушителя.

2. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ указывает, что на прошлом заседании, насколько он понял, позиция г-на Джаготы заключалась в том, что ответственность государства, осуществляющего контроль, ограничивается случаем, когда государство, подчиненное этому контролю, морально не имеет никакой возможности выбора. По его мнению, если международная ответственность будет ограничена подобным случаем, то это создаст пробел. Действительно, пробел возникнет неизбежно, если ответственность определена с точки зрения взаимности, поскольку в таком случае имеется неохваченная сфера, в которой существует ответственность государства, обладающего правом контроля, и сохраняется вместе с тем возможность ответственности государства, совершившего международно-противоправное деяние. Быть может, он неправильно понял заявление г-на Джаготы и замысел статьи, представленной г-ном Аго, но в противном случае в проекте, несомненно, существует пробел.

3. Г-н ДЖАГОТА считает нужным уточнить свою позицию, хотя он и сохраняет определенную гибкость мнения по рассматриваемому вопросу и готов рассмотреть любое справедливое и разумное решение, которое может быть предложено.

4. Опираясь на теорию и практику государств, г-н Аго предложил общую норму, согласно которой всякое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства. Статья 27 несколько развивает эту норму, создавая дополнительную ответственность в случае помощи или содействия одного государства другому для совершения международно-противоправного деяния. Статья 28 далее развивает эту норму и переносит ответственность государства, совершившего международно-противоправное деяние, на государство, которое посредством своих указаний и контроля или посредством применения силы или принуждения вынудило первое государство совершить это деяние. Аналогично, если государство, совершившее деяние, не пользуется полной свободой действий, ответственность переносится на другое государство.

5. В своем предложении (1535-е заседание, пункт 16) г-н Джагота ограничил сферу применения проекта статьи 28, отметив, что общая норма, содержащаяся в статье 1, продолжает обычно применяться; он дал ограниченное толкование освобождению от ответственности, ограничив ее случаем, когда государство не имеет иного выбора, кроме как совершить международно-противоправное деяние, а также случаем принуждения, исключив случаи, когда государство действительно имеет возможность выбора или совершило международно-противоправное деяние в силу того, что его органы превысили данные им полно-

¹ Текст статьи см. 1532-е заседание, пункт 6.

² См. 1532-е заседание, сноска 2.

мочия. Во втором случае государство, которое совершило противоправное деяние, не может избежать ответственности; и в этой связи г-н Джагота сослался (1535-е заседание) на дело *Румынско-американской компании*, упомянутое г-ном Аго в его докладе.

6. Он полностью согласен с заявлением г-на Швобеля, сделанным на предыдущем заседании, что нельзя допустить, чтобы государство могло уклониться от ответственности с помощью того аргумента, что оно действовало по принуждению, и считает, что случаи подобного рода, в которых ответственность должно нести как государство, совершившее деяние, так и государство, осуществляющее принуждение, могли бы составить исключение из статьи 28, исключение, которое было бы сформулировано в соответствии с положениями статьи 19. Он присутствовал на проходивших в Шестом комитете прениях по статье 19, в ходе которых целый ряд представителей заявил, что эта статья представляет собой значительный вклад Комиссии в прогрессивное развитие и кодификацию международного права. Разумеется, статья 19 будет вновь рассмотрена во втором чтении, и, если Комиссия примет решение изменить свою позицию по этому вопросу, можно будет квалифицировать в качестве исключения из статьи 28 «международное преступление» или «преступление по международному праву» или же использовать какую-либо иную формулировку, которая бы выражала основную идею, заключающуюся в том, что государство не может уклониться от своей ответственности в случае весьма серьезного деяния, прикрываясь аргументом, что оно действовало по принуждению.

7. Г-н ФЕРОСТА хочет привести пример, который еще не упоминался в Комиссии, пример военных союзов, функционирование которых имеет последствия, аналогичные последствиям консульской юрисдикции, которая уже исчезла из международной практики. Консульскую юрисдикцию сменила военная юрисдикция, которая применяется на территории государства пребывания. На территории этого государства иностранные военные подразделения союзных держав пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции, но подчиняются юрисдикции военных властей государства, которому они принадлежат, или генералу, под командой которого они находятся. Если на территории пребывания возникает дорожный инцидент, в котором замешаны военные грузовики иностранных союзных подразделений, уголовный аспект этого дела входит в сферу компетенции генерала, командующего этими подразделениями, или военного трибунала, учрежденного для данного случая. В таких ситуациях возникают весьма деликатные проблемы, с которыми Австрия сталкивалась не раз, когда четыре великие державы размещали свои гарнизоны на ее территории. Едва ли можно полагать, что договоры о союзах и соответствующие указы предусматривают решение этих проблем. Такова практика

их решения, и он не сомневается, что в таком случае применяется концепция совместной ответственности. Этот вопрос может осложниться, когда союз имеет общие органы, в состав которых входит один представитель государства, в котором произошел инцидент. В этом случае к совместной ответственности государства пребывания и посылающего государства может добавиться ответственность общих органов. Тем более очевидной является необходимость статьи 28.

8. Г-н ПИНТО говорит, что он испытывает сомнения в отношении проекта статьи 28. Он задает вопрос, об ответственности какого государства должна идти речь в этой статье, которая касается не только ответственности господствующего государства, но также в определенной мере и ответственности так называемого подчиненного государства. Он опасается, что такой подход к проблеме может в конечном счете исключить понятие чрезвычайного положения, случая редкого и сложного, который нельзя рассматривать так, как его рассматривает Комиссия в настоящее время. Если преследуется цель установить нормы, применимые к двум отличным случаям ответственности, а именно ответственности господствующего государства и ответственности подчиненного государства, то пункт 1 в его нынешней формулировке является слишком кратким. Он также представляется слишком кратким, если Комиссия намеревается рассмотреть вопрос с точки зрения исключения чрезвычайного положения, и, по-видимому, именно об этом идет речь, поскольку ответственность подчиненного государства, если она вообще существовала, в данном случае исчезает. Такое количество различных концепций невозможно рассмотреть одновременно в столь кратком пункте. Г-н Пинто прекрасно понимает, что в намерения автора этой статьи, по-видимому, не входило рассматривать вопрос об исключении чрезвычайного положения или любом другом исключении, однако при изучении пункта 1 складывается именно такое впечатление.

9. Кроме того, довольно трудно согласиться с концепцией трансферта ответственности. Если пункт 1 действительно касается трансферта ответственности, то г-н Пинто хотел бы узнать, какая связь между господствующим государством и государством подчиненным дает основание для такого трансферта. Из глав II и III проекта невозможно узнать, о какой связи идет речь. Поэтому ответственность не может передаваться, она возникает одновременно, но независимо для каждого государства, и не должна быть в какой-то мере разделена между ними, даже если речь идет об освобождении подчиненного государства от всякой ответственности и возложении полной ответственности на господствующее государство.

10. По мнению г-на Пинто, статья 28 касается главным образом ответственности господствующего государства, и, как указал г-н Ндженга

(1536-е заседание), не следует создавать категорию государств, которые не могут считаться ответственными за свои действия, аналогичную категории несовершеннолетних по частному праву. Даже сама мысль о том, что государство может оказаться в положении несовершеннолетнего, представляется довольно оскорбительной. Если Комиссия хочет полностью рассмотреть вопрос об ответственности подчиненного государства, то она столкнется с трудностью разработки средств защиты подчиненного государства; ей это не удастся сделать в нынешних условиях.

11. И в заключение, что касается исключения, каким являются международные преступления, подобные тем, которые перечислены в статье 19, то г-н Пинто разделяет мнение, выраженное г-ном Джаготой.

12. Г-н АГО, отвечая на новые замечания, которые возникли со времени 1536-го заседания в связи с проектом статьи 28, прежде всего констатирует, что, за исключением г-на Ушакова, все члены Комиссии, которые выступили по содержанию этой статьи, подчеркнули ее необходимость. Как отметил г-н Швель, в отсутствие изучаемой статьи в проекте обнаружится пробел. Но это, как подчеркнул г-н Рейтер, будет пробел, связанный с вопросом о присвоении ответственности, а не с вопросом о присвоении международно-противоправного деяния. В действительности трудно себе представить, чтобы орган государства, который действует под контролем со стороны другого государства, превратился в орган этого последнего государства; он остается органом того государства, которому он принадлежит.

13. Вопрос о месте статьи 28 уже не представляется трудным, после того как г-н Рифаген уточнил, что это правило должно находиться в первой части проекта, а во второй части можно предусмотреть различные степени и формы и различные модальности для прямой ответственности и косвенной ответственности.

14. Что касается сферы применения статьи 28, то г-н Ндженга обратился к уже устаревшим формам зависимости, которые представляют лишь историческую ценность. Он рассмотрел некоторые случаи протектората, которые нельзя смешивать с прямым колониальным господством. Так, например, отношения, которые ранее установились между Францией и Марокко в рамках протектората, сохранились как отношения между двумя государствами. Получение Алжиром независимости привело к возникновению нового государства, тогда как при получении независимости Марокко это государство было государством, которое вернуло себе независимость. При режиме протектората, который Франция осуществляла над Марокко, косвенная ответственность державы-протектората за деяния шерифских властей подтверждена, между прочим, в известном случае.

15. Наиболее важным случаем, по-видимому, является случай военной оккупации. В этом воп-

росе г-н Аго может уточнить, что он никогда не считал необходимым выносить суждение в отношении различных случаев оккупации. Конечно, имеются отвратительные случаи оккупации, например, случай оккупации государством-агрессором, тогда как в других случаях оккупация направлена именно на освобождение территорий, оккупированных вооруженными силами государства-агрессора. Может также оказаться, что государство, подвергшееся военной оккупации со стороны государства-агрессора, принимает ответные действия в осуществление своего права на законную оборону и оккупирует территорию государства-агрессора. И тем не менее термин «оккупация» обычно применяется ко всем этим формам оккупации и даже к оккупации с целью освобождения.

16. Во всех этих случаях вопрос заключается в том, осуществляет ли одно государство контроль над действиями другого государства. Следует различать три возможности.

17. Одно государство может оказаться под контролем другого государства только в некоторых областях деятельности, и в этом случае международно-противоправные деяния, которые первое государство совершает в полностью свободных областях деятельности, влекут за собой ответственность в соответствии с уже разработанными статьями проекта. Именно такую позицию заняла Франко-итальянская согласительная комиссия в своем решении от 15 сентября 1951 года в деле *о наследстве герцога де Гиза*³.

18. С другой стороны, бывают случаи, когда государство, которое осуществляет контроль над другим государством, считает, что положение в нем делает необходимой замену органов этого государства его собственными органами. Так было в случае Германии после второй мировой войны, когда четыре великие державы взяли на себя все административное управление. В отличие от этого, в Италии и Австрии некоторые секторы были разграничены. Так, например, в центральной части Италии одна полоса территории около линии фронта находилась под непосредственным управлением союзников; таким образом, великие державы несли прямую ответственность за все международно-противоправные деяния, которые могли быть совершены властями этого сектора. Что касается случая, только что упомянутого г-ном Феростой, он, по-видимому, относится к деяниям, относящимся к областям деятельности, которые находятся в исключительной компетенции оккупирующего государства. Если на основании предусмотренного военного законодательства совершается, например, отказ в правосудии, то в таком случае возникает ответственность государства, от которого исходит это законодательство, а местное государство не несет никакой связанной с этим ответственности. Вместе с тем,

³ См. A/CN.4/318 и Add.1—3, пункт 35.

этот вопрос заслуживает более глубокого изучения, так как положение может быть различным в различных случаях.

19. И наконец, возможна ситуация, в которой государственный аппарат существует, но находится под контролем. В Соглашении о механизме контроля в Австрии от 28 июня 1946 года⁴ были перечислены восемь областей деятельности, в которых администрация союзников полностью заменила австрийскую администрацию. Напротив, в других областях деятельности предусматривалось, что австрийское правительство и все находящиеся в его подчинении австрийские власти выполняют указания, которые им может дать Союзная комиссия. В третьих областях предусматривалось, что австрийская администрация не должна была ждать указаний, но над ней осуществлялся некоторый контроль.

20. Что касается принуждения, то здесь также можно провести некоторое различие. Очень сильное принуждение устраняет в особом случае всякую свободу действия и принятия решения государством, которое подвергается принуждению. В противоположность этому, государство может оказаться подверженным простому давлению, которое, хотя почти не отличается от подстрекательства, тем не менее, является одной из форм принуждения. Очевидно, что в тот момент, когда власти государства, испытывающего такое давление, выносят решение о том, как они будут действовать, они должны это давление учитывать, хотя даже когда решение уже принято, им можно напомнить изречение: *coactus voluit, tamen voluit*.

21. Что касается вопроса об исключительности, то его можно сформулировать следующим образом: исключает ли косвенная ответственность, которая при определенных обстоятельствах возникает для государства, осуществляющего контроль или принуждение в отношении другого государства, всякую прямую ответственность государства, которое совершило международно-противоправное деяние, находясь под таким контролем или принуждением, или, напротив, следует говорить о встречной ответственности? Комиссия должна однозначно решить этот вопрос. Некоторые ее члены полагают, что в особо серьезных случаях должна возникать ответственность для обоих причастных государств. По мнению г-на Аго, критерием для проведения различия скорее должна служить степень контроля или принуждения. Когда государство в условиях осуществляемого над ним контроля или принуждения лишается всякой свободы выбора, представляется абсурдным присваивать ему ответственность за его действия. Однако в других случаях ответственность государства, которое подвергается контролю или принуждению, должна существовать. В этом отношении г-н Аго присоединяется к мнению тех, кто подчеркивает необходимость воздер-

живаться от подстрекательства государств к действиям, противоречащим их международным обязательствам, порождая в них уверенность, что они будут освобождены от ответственности. Возможно, решение следует искать именно в этом направлении.

22. В своей настоящей негативной редакции статья 28 в каждом возможном случае исключает ответственность государства — автора международно-противоправного деяния. Поэтому необходимо, чтобы Комиссия дала позитивную формулировку, но при этом не выходила за пределы своих намерений. Эта статья должна ограничиваться определением случаев, в которых международная ответственность для государства возникает в результате международно-противоправного деяния другого государства, и, возможно, указать о том, может ли возникать параллельная ответственность также и для этого другого государства. Ответственность за деяния других, как оказалось, противостоит власти государства, которое при некоторых обстоятельствах может давать указания другому государству или осуществлять контроль над действиями последнего.

23. И наконец, Комиссия должна решить вопрос, может ли гипотеза принуждения полностью рассматриваться в контексте ситуации, характеризующейся стабильными и прочными отношениями между двумя государствами; в таком случае этим двум гипотезам можно было бы посвятить одно правило. Со своей стороны, г-н Аго настаивает на том, что эти два случая не могут рассматриваться совместно и что каждому из них следует посвятить отдельный пункт.

24. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановляет направить проект статьи 28 Редакционному комитету, чтобы тот изучил его в свете результатов дискуссии и с учетом предложений, внесенных г-ном Цуруокой (A/CN.4/L.289/Rev.1) и г-ном Джаготой (A/CN.4/L.290).

*Предложение принимается*⁵.

СТАТЬЯ 29 (Согласие потерпевшего государства)

25. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ просит г-на Аго представить главу V проекта статей об ответственности государств⁶, озаглавленную «Обстоятельства, исключающие противоправность», и в частности статью 29⁷, текст которой гласит:

Статья 29. Согласие потерпевшего государства

Согласие, данное одним государством на совершение другим государством деяния, не соответствующего тому, что первое государство имело право в силу международного обязательства требовать от второго государства,

⁵ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1567-е заседание, пункты 1—5 и 10—39.

⁶ См. A/CN.4/318 и Add.1—3, пункты 48 и далее.

⁷ Там же, пункт 77.

⁴ United Nations, *Treaty Series*, vol. 138, p. 85.

исключает противоправность такого деяния. Однако это положение не действует, если обязательство, о котором идет речь, вытекает из императивной нормы общего международного права.

26. Г-н АГО напоминает, что после указания во введении на то, что часть I проекта статей будет полностью посвящена определению норм, относящихся к установлению существования международно-противоправного деяния — источника международной ответственности, Комиссия в статье 1 сформулировала основной принцип, согласно которому

Всякое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства,

а в статье 3 указала два основных условия существования международно-противоправного деяния, а именно: наличие какого-либо деяния, присваиваемого государству, и наличие, в результате такого деяния государства, факта нарушения международного обязательства, принятого этим государством. Изучив в главе II различные возможные случаи, в которых некоторое деяние может рассматриваться как деяние государства, Комиссия рассмотрела в главе III возможные случаи, в которых деяние государства составляет нарушение международного обязательства. В главе IV изучаются два различных возможных случая, которые имеют одну общую черту: причастность одного государства к международно-противоправному деянию другого государства. В первом случае причастность государства приобретает форму помощи или содействия одного государства другому для осуществления международно-противоправного деяния (статья 27); во втором случае причастность государства принимает форму контроля, осуществляемого одним государством над той областью деятельности другого государства, в которой совершено международно-противоправное деяние (статья 28).

27. В главе V, к рассмотрению которой сейчас переходит Комиссия, изучаются обстоятельства, при которых деяние, которое обычно является международно-противоправным деянием, теряет свой противоправный характер. Г-н Аго подчеркивает, что следствием этих обстоятельств является исключение именно противоправности деяния, а не только исключение ответственности, вытекающей из деяния, которое остается противоправным, хотя в определенные исторические периоды говорили об «обстоятельствах, исключающих ответственность». Действительно, если исходить из принципа, сформулированного в статье 1 проекта, согласно которому «всякое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства», трудно допустить возможность существования обстоятельств, которые исключают ответственность, вытекающую из деяния, не затрагивая при этом факт противоправности этого деяния.

28. Концепция обстоятельств, исключающих противоправность, основана на международной юриспруденции и на практике государств. Об этом со всей ясностью свидетельствуют ответы правительств на просьбу Подготовительного комитета Конференции по кодификации международного права (Гаага, 1930 год) о предоставлении информации, касающейся случаев, когда у государства есть основания уклоняться от международной ответственности. В частности, британское правительство в отношении состояния законной обороны уточняет, что такое состояние «может оправдывать такие совершаемые государством действия, которые бы при других обстоятельствах являлись противоправными»⁸.

29. Первый вопрос, который следует выяснить, является ли согласие потерпевшего государства обстоятельством, исключающим противоправность. Представляется логичным утверждать, что противоправность поведения государства в нарушение международного обязательства исключается в результате согласия на такое поведение, данного государством, которому принадлежит право требовать соблюдения указанного обязательства, так как в этом случае следствием согласия в действительности является заключение соглашения, в соответствии с которым международное обязательство перестает действовать, в данном особом случае, между этими двумя субъектами. Таким образом, согласие потерпевшего государства на совершение направленного против него деяния, которое при других обстоятельствах является международно-противоправным деянием, исключает противоправность этого деяния. Никогда этот фундаментальный принцип еще не подвергался сомнению в международной юриспруденции и практике государств. Расхождения, которые наблюдаются в международной практике, никогда не затрагивают самого принципа, а касаются вопроса о действительном наличии согласия или вопроса о том, было ли это согласие выражено надлежащим образом.

30. Так, например, в случае оккупации Австрии немецкими войсками в марте 1938 года Международный военный трибунал в Нюрнберге признал необходимым, с целью определения законности или незаконности этой оккупации, установить в предварительном порядке, давала ли Австрия свое согласие на вступление немецких войск. Он пришел к выводу, что наличие такого согласия установить невозможно и, следовательно, оккупация Австрии была международно-противоправной⁹.

31. Согласие государства, суверенитет которого был бы в противном случае нарушен, почти всегда привлекается для оправдания посылки войск на территорию другого государства с целью оказания ему помощи в ликвидации внутренних

⁸ Там же, пункт 53.

⁹ Там же, пункт 59.

беспорядков. Это оправдание было использовано Соединенным Королевством при посылке британских войск в Маскат и Оман в 1957 году и в Иорданию в 1968 году, Соединенными Штатами Америки — при посылке их войск в Ливан в 1958 году, Бельгией — в двух случаях ее интервенции в Конго в 1960 и 1964 годах и Советским Союзом — при посылке войск в Венгрию в 1956 году и Чехословакию в 1968 году¹⁰.

32. Г-н Аго подчеркивает, что согласие должно быть надлежащим образом выражено, для того чтобы его можно было рассматривать в качестве обстоятельства, исключающего противоправность. Оно может быть негласным или неявным при условии, что это точно установлено. Так, в деле *о возмещении долгов России* Постоянный арбитражный суд вынес заключение, что Россия своим поведением неявно согласилась с поведением Турции¹¹. Но это согласие ни в коем случае не было «истинным» согласием, которое могло бы дать повод для недопустимых злоупотреблений.

33. С другой стороны, необходимо, чтобы это согласие было выражено субъектом международного права, другими словами, чтобы оно исходило от органа, уполномоченного выражать волю государства. В этой связи возникает вопрос, могут ли действия региональной или местной власти служить источником возникновения ответственности для государства в отношении правомерности действий, совершенных от имени этого государства. Такой вопрос возник в связи с интервенцией бельгийских войск в Республике Конго в 1960 году¹².

34. Чтобы быть действительным, согласие не должно быть отягчено такими изъянами, как заблуждение, обман, коррупция или принуждение, которые также влекут за собой недействительность договора. Таким образом, принципы, которые согласно Венской конвенции¹³ позволяют определить законность договоров, применимы и тогда, когда речь идет об определении действительности согласия.

35. И наконец, согласие должно предшествовать или совпадать по времени с рассматриваемым поведением. Согласие, данное *ex post facto*, может рассматриваться как отказ от реализации последствий противоправного деяния, но оно не может устранить противоправный характер этого деяния.

36. Г-н Аго подчеркивает, что, если нарушение, которое данное согласие должно исключить, является нарушением нормы *jus cogens*, другими словами, императивной нормы международного права, никакая частичная отмена которой на основе соглашения между двумя государствами

невозможна, то в таком случае согласие государства, которому был нанесен ущерб, не может рассматриваться в качестве обстоятельства, исключающего противоправность. В этом и заключается новый элемент, который Комиссия должна внести в классическую норму в отношении обстоятельств, исключающих противоправность, поскольку она признала существование категории норм, никакая частичная отмена которых не допустима и нарушение которых влечет за собой недействительность договора в соответствии со статьей 53 Венской конвенции. Таким образом, для того чтобы определить, исключает ли согласие потерпевшего государства противоправность, прежде всего необходимо определить, является ли нарушенное обязательство обязательством *jus cogens*.

37. Г-н РЕЙТЕР говорит, что в случае двустороннего договора возникает вопрос, не может ли государство прийти *ex post facto* к заключению, что нарушение другим государством одного из обязательств, предусмотренных в данном договоре, не имело места, поскольку в случае двусторонних договоров допускается включение ретроактивных положений.

38. Кроме того, г-н Рейтер спрашивает, имеет ли государство право давать в случае многостороннего договора согласие на нарушение этого договора? И, если так, не совершает ли оно само преступного действия, когда оно дает такое согласие?

Заседание закрывается в 13 час. 55 мин.

1538-е ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 24 мая 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Джагота, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швельбел.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение)
(A/CN.4/318 и Add.1—3)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО
(продолжение)

СТАТЬЯ 29 (Согласие потерпевшего государства)¹ (продолжение)

¹ Текст статьи см. 1537-е заседание, пункт 25.

¹⁰ Там же, пункт 60.

¹¹ Там же, пункт 69.

¹² Там же, пункт 70.

¹³ См. 1533-е заседание, сноска 2.

1. Г-н УШАКОВ возражает против примеров, приведенных в пунктах 60—62 доклада (A/CN.4/318 и Add.1—3); по его мнению, эти примеры описывают политические ситуации, которые Комиссия не может интерпретировать, и на них бесполезно ссылаться в связи со статьей 29.

2. Г-н Ушаков считает, что вопрос обстоятельств, исключающих противоправность, плохо поставлен в проекте статьи 29. По его мнению, противоправное деяние не может быть интерпретировано потерпевшим государством как правомерное деяние, поскольку противоправное деяние существует объективно с момента одновременного выполнения двух условий противоправности — существования международного обязательства и существования деяния государства, противоречащего этому обязательству. Потерпевшее государство может не настаивать на ответственности, вытекающей из этого противоправного деяния, и не требовать возмещения понесенного им ущерба, но само деяние остается противоправным, поскольку оно не соответствует обязательству совершившего это деяние государства.

3. С другой стороны, когда один из двух элементов противоправности исчезает, — например, когда перестает существовать обязательство, — то вместе с ним перестает существовать и противоправное деяние. Так, если государство снимает с другого государства обязательство в отношении его самого, это обязательство исчезает, и исчезает противоправное деяние. Например, если государство соглашается с присутствием войск другого государства на своей территории, оно устраняет в данном конкретном случае обязательство, которое запрещает другому государству посылать свои войска на территорию иностранного государства. Как только это обязательство перестает существовать, присутствие иностранных войск на территории первого государства перестает быть противоправным деянием. Если государство разрешает иностранным войскам присутствовать на своей территории лишь в течение некоторого определенного периода, то обязательство временно прекращает существовать; по прошествии этого периода обязательство снова существует, и нахождение иностранных войск на территории государства снова становится противоправным деянием.

4. Может ли в приведенном г-ном Рейтером на предыдущем заседании случае многостороннего договора участвующее государство освободить другое участвующее государство от его обязательств, вытекающих из этого договора? Г-н Ушаков полагает, что не может. Действительно, в пункте 2 статьи 20 Венской конвенции² в отношении поправок говорится:

Если из ограниченного числа участвующих в переговорах государств и из объекта и целей договора явствует, что применение договора в целом между всеми его участ-

никами является существенным условием для согласия каждого участника на обязательность для него договора, то оговорка требует принятия ее всеми участниками.

Таким образом, в случае многостороннего ограниченного договора участвующее государство не может в одностороннем порядке освободить другое участвующее государство от его обязательств в силу этого договора. Это можно сделать лишь с согласия всех участников договора.

5. Помимо многосторонних договоров, имеются и другие случаи, когда государство не может освободить другое государство от его международных обязательств; это так, когда мы имеем дело с обязательствами *jus cogens*.

6. Таким образом, рассматриваемая в статье 29 проблема в действительности является проблемой существования обязательства, а не проблемой ответственности.

7. Г-н АГО сразу хотел бы рассеять все сомнения в отношении его позиции. Он полностью согласен с г-ном Ушаковым в отношении того, что в статье 29 речь идет не об исключении ответственности, вытекающей из международно-противоправного деяния, а об исключении противоправности этого деяния, так как в рассматриваемом случае согласие отменяет обязательство полностью или временно.

8. Очевидно, что в некоторых случаях государство не может дать свое согласие на неуважение обязательства в отношении его самого, поскольку речь идет об обязательстве *erga omnes*, отменить которое невозможно. Таков случай обязательств, предусматриваемых нормами *jus cogens*. Это также может иметь место и в случае обязательств, предусмотренных определенными ограниченными военными соглашениями.

9. Так, в случае вторжения в Австрию немецких войск в марте 1938 года сама Австрия была связана в рамках Версальского и Сен-Жерменского договоров обязательствами в отношении союзных держав первой мировой войны. Если бы она дала свое согласие на вступление немецких войск на ее территорию, то оккупация Австрии Германией не была бы противоправным деянием по отношению к Австрии, но согласие Австрии само было бы противоправным деянием, так как оно составляло бы нарушение обязательств Австрии в отношении союзников. Отсюда следует, что Германия не совершила бы противоправного деяния в отношении Австрии, а совершила бы его в отношении держав, подписавших Версальский и Сен-Жерменский договоры.

10. Для исключения противоправности предварительное согласие необходимо именно потому, что, если оно дано после совершения деяния, деяние остается противоправным, поскольку обязательство все еще существовало в момент его совершения. Государство не может отменить противоправность деяния *ex post facto*; тогда оно

² См. 1533-е заседание, сноска 2.

может лишь не настаивать на ответственности, вытекающей из этого деяния.

11. Г-н РИФАГЕН опасается, что положения главы V проекта разрывают логическую связь между нарушением обязательства, ответственностью и содержанием ответственности, так как ему представляется возможным поставить условием, что нарушение обязательства не составляет международно-противоправного деяния только в случаях, когда некоторое другое основное правило имеет преимущественную силу в отношении правила — источника нарушенного международного обязательства. Другими словами, все основные нормы международного права взаимно связаны друг с другом, и, следовательно, всегда существует возможность конфликта между абстрактными нормами, применимыми к конкретному случаю. Такой конфликт может возникнуть при наличии совокупности случайных обстоятельств, и в качестве классического, но до некоторой степени гипотетического примера можно привести конфликт между обязательством не посягать на чужую собственность и обязательством оказывать помощь лицу, находящемуся в опасности. Конфликт может также возникнуть ввиду того, что различные основные нормы отвечают различным целям, которые, следовательно, необходимо примирить. Невозможно отрицать, что некоторые абстрактные нормы действительно имеют преимущественную силу над всеми другими. Так, например, статья 103 Устава Организации Объединенных Наций предусматривает, что обязательство по Уставу имеет преимущественную силу над любым другим обязательством. Конфликт может также возникнуть в связи с некоторым весьма абстрактным правом, таким, каким является право государства на эффективное непрерывное существование.

12. Г-н Рифаген полагает, что выбор между двумя противоречащими друг другу нормами следует делать, принимая во внимание правовые последствия нарушения данной нормы. Можно, например, представить себе ситуацию, в которой согласие жертвы нарушения международного обязательства, также являющегося обязательством *erga omnes*, не устраняет противоправного характера рассматриваемого деяния, но, тем не менее, освобождает совершившее его государство от его обязательства компенсировать жертве ущерб. Вместе с тем, такая ситуация, по-видимому, не предусматривается второй фразой проекта статьи 29. Как бы там ни было, г-н Рифаген не уверен в правильности утверждения, что согласие, данное при обстоятельствах, предусматриваемых в этом положении, лишено всякой силы. В действительности оно может повлиять на отношения между государством, которое дало свое согласие, и государством-нарушителем, никоим образом не затрагивая правовые отношения между другими государствами, связанными обязательством *erga omnes*. Комиссии было бы целесообразно изучить в этой связи вопросы, поднятые г-ном Рейтером,

которые, в частности, затрагивают отношения между основными нормами международного права.

13. В свете этих предварительных соображений по поводу проекта статьи 29 г-н Рифаген думает, что Комиссия стоит перед целым рядом трудностей, связанных с необходимостью учитывать отношения между различными основными нормами, касающимися обязательств и прав в области ответственности и ее последствий, что, по его мнению, составляет рамки, в которых должны рассматриваться вопросы, поднимаемые в главе V.

14. Г-н ПИНТО говорит, что проект статьи 29 обладает тем преимуществом, что он логичен и построен на прочном фундаменте понятий частного права. Он понимает без всяких ограничений, что согласие, понимаемое не только в смысле осведомленности, но и в смысле принятия возможного риска, необходимо для исключения противоправности. Он также понимает, что это согласие должно быть надлежащим образом выражено, что оно может быть молчаливым, если при этом отсутствует неопределенность, что оно должно быть дано лицом или органом, правомочным выражать волю государства, и что оно может быть отягощено ошибкой, обманом, коррупцией или принуждением. Наряду с этим г-н Пинто испытывает неуверенность в отношении практического применения статьи 29, которая вытекает из статьи 28³. Статья 28 рассматривает случай государства, которое несет ответственность за деяние другого государства. Если при осуществлении прав, которыми оно, таким образом, наделено, доминирующее государство причиняет ущерб подчиненному государству, можно ли говорить о том, что последнее дало согласие на этот ущерб? По мнению г-на Пинто, это невозможно, также как нельзя утверждать, что колониальные страны дали свое согласие на связанное с колонизацией разграбление, даже если можно утверждать, что их согласие отягощено такими пороками, как принуждение и коррупция. Однако перед лицом этих и подобных элементов г-н Пинто считает недостаточным предусмотреть в проекте статьи 29, что действительного согласия не существует, поскольку остается тот факт, что согласие в действительности было дано.

15. Чтобы устранить все сомнения, которые могли бы возникнуть по этому поводу, он считает желательным, *ex abundantia cautela*, внести в данный проект статьи после слов «согласие, данное» следующее уточнение: «независимо и добровольно».

16. Г-н РЕЙТЕР говорит, что проект статьи 29 поднимает вопросы трех категорий. Во-первых, возникают два редакционных вопроса. Первый касается названия статьи: «Согласие государства, которому был нанесен ущерб». В действительнос-

³ См. 1532-е заседание, пункт 6.

ти государство не является таковым, поскольку оно уже дало свое согласие. Второй вопрос касается исключения из правила, провозглашенного в первой фразе статьи 29. Хотя обязательства, вытекающие из нормы *jus cogens*, о чем идет речь во второй фразе статьи, безусловно, составляют важное исключение, тем не менее имеются и другие. Если использовать термин «правомерное» согласие, то будут приняты во внимание все исключения, и это позволит опустить вторую фразу данного проекта статьи.

17. Проект статьи 29 также поднимает вопрос об одной простой возможности. Он напоминает, что г-н Аго согласен с г-ном Ушаковым в том, что основным моментом в статье 29 является не существование ответственности, а существование — или скорее действительность — обязательства. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько правильно эту статью, а также другие предусмотренные в главе V статьи, которые должны распространяться на такие вопросы, как форс-мажорные обстоятельства и законная оборона, помещать в проект статьи об ответственности государств; но тем не менее г-н Рейтер полагает, что по данному пункту не следует занимать излишне официальной позиции. Комиссия решила не рассматривать такие вопросы, как форс-мажорные обстоятельства, в проекте статей о праве договоров, поскольку она сочла более предпочтительным изучить подобные вопросы в рамках проекта статей об ответственности государств. Поэтому он сожалеет, что Комиссия снова решает отложить на более позднее время изучение этих вопросов.

18. Проект статьи 29 затрагивает, наконец, фундаментальные вопросы. Г-н Аго в нескольких местах употребил термин «соглашение» с целью описания формы, в которой выступает согласие. Но согласие или отказ не всегда являются договорными актами. Речь может идти об одностороннем акте (как, например, в *Деле об атомных испытаниях*, возбужденном в Международном Суде) и даже о простом поведении. Следовательно, нельзя в качестве обоснования использовать Венскую конвенцию, которая распространяется лишь на международные соглашения, заключенные в письменном виде, хотя статья 3 этой Конвенции признает некоторое правовое значение за международными соглашениями, не заключенными в письменном виде. Следует предусмотреть случаи односторонних действий и изучить вопрос, могут ли некоторые виды поведения, помимо соглашений и односторонних действий, иметь правовые последствия.

19. Со своей стороны, г-н Рейтер полагает, что государство может дать правомерное согласие самыми различными способами, иногда такими, которые не предусмотрены в Венской конвенции. Он считает статью 29 необходимой, но ее текст может быть упрощен употреблением выражения «правомерное согласие».

20. Г-н НДЖЕНГА констатирует, что г-н Аго в своем докладе процитировал большое число примеров, среди которых имеется несколько случаев форс-мажорных обстоятельств, в которых противоправный характер должен быть безусловно исключен. Тем не менее, говоря о принципе *volenti non fit injuria*, следует осторожно подходить к проведению слишком тесной аналогии между положением отдельного лица — субъекта внутреннего права и положением государства — субъекта международного права; в то время как отдельное лицо может дать согласие лишь на ущерб, жертвой которого оно само является, в случае государства правительство, глава государства или региональный орган власти дают согласие на ущерб от имени других.

21. По мнению г-на Ндженги, Комиссия допустит ошибку по отношению к прогрессивному развитию международного права, если она предусмотрит, что согласие государства может полностью освободить другое государство от ответственности. В частности, имеется в виду возможность, заключающаяся в посылке государством войск на территорию другого государства, и различные примеры, упомянутые г-ном Аго, лишь умножают сомнения по этому поводу. В случаях оккупации Австрии Германией в 1938 году, посылки британских войск в Маскат и Оман, войск Соединенных Штатов Америки в Ливан и бельгийских войск в Конго и даже в более позднем случае посылки французских войск в Заир в провинцию Шаба согласие выдвигалось в качестве оправдания грубого вмешательства во внутренние дела другого государства. Кроме того, все эти ситуации характеризовались наличием господствующего государства и подчиненного государства, или государства-клиента, что означает, что согласие подразумевалось само собой. Конечно, имеются случаи, в которых государство может дать согласие на присутствие иностранных войск на его территории, поскольку даже Устав Организации Объединенных Наций предусматривает случай законной коллективной обороны, а также многочисленные случаи двусторонних и многосторонних соглашений. Тем не менее посылка войск с целью поддержания режима в другой стране или с целью колонизации — колонизации, зачастую оправдываемой так называемым согласием, полученным от вождей, которые не понимали, что они подписывают, — не может быть оправдана никакими аргументами. Точно так же существуют случаи, в которых вопрос об ответственности государства не возникает. Например, в Африке соседние государства часто заключают соглашения, позволяющие их соответствующим гражданам пересекать границу, например, с целью поимки скотокрадов и отдачи их под суд. Когда доступ на территорию другого государства разрешен, то отпадает необходимость в каком-либо правиле; когда он не разрешен, то правило, в том виде, как оно изложено, может лишь служить оправданием в случае нанесения ущерба.

22. Ввиду этого г-н Ндженга решительно считает, что проект статьи 29 следует опустить, поскольку включение его в проект определенно послужит препятствием для принятия проекта статей в целом Шестым комитетом Генеральной Ассамблеи и всем международным сообществом. Таким образом, он предлагает Комиссии перейти к изучению других статей, относящихся к обстоятельствам, которые исключают противоправный характер и не противоречат логике, праву и практике современных международных отношений.

23. Г-н ФЕРОСТА хотел бы сделать одно уточнение в связи с оккупацией Австрии немецкими войсками в марте 1938 года. Защита обвиняемых на Нюрнбергском процессе утверждала, что Австрия дала свое согласие на вступление немецких войск. Однако Нюрнбергский трибунал не смог установить, что такое согласие было дано. Еще до вступления немецких войск Австрия была объектом угроз, что вынудило канцлера подать в отставку, оставив президента Республики практически в одиночестве, и помешало за неимением времени созвать парламент, который в этот момент не заседал. Под давлением Германии австрийский нацист Сейс-Инкварт занял место ушедшего в отставку канцлера; позднее он стал одним из высокопоставленных чинов СС, который был приговорен к смертной казни Нюрнбергским трибуналом и казнен. По-видимому, это он должен был дать свое согласие на вступление немецких войск в Австрию, но из-за того, что в тот день была нарушена телефонная связь между Берлином и Веной, он его не дал.

24. Г-н ДЖАГОТА говорит, что согласие, по его мнению, может рассматриваться как обстоятельство, исключающее противоправность. Как г-н Аго отмечает в своем докладе (A/CN.4/318 и Add.1—3, пункт 50), он посвящает главу V обстоятельствам, исключающим противоправность, и не рассматривает обстоятельства, исключающие ответственность; в этом и состоит отличие главы IV от главы V, и поэтому содержание статей 27 и 28 нельзя рассматривать в свете обстоятельств, исключающих противоправность деяния, поскольку тогда больше не возникает ответственности.

25. Исключительно интересный обзор, подготовленный г-ном Аго, затронул целый ряд вопросов, которые необходимо выяснить, прежде чем можно будет занять какую-либо определенную позицию в отношении текста статьи 29. Действительно, следует с осторожностью подходить к изучаемому предмету, поскольку, как это понял сам г-н Аго, всегда имеется возможность злоупотребить согласием и использовать его в других целях, например в целях, указанных г-ном Ндженгой. Не вызывает сомнения, что согласие может полностью оправдать исключение в случае, который может быть отнесен к разряду случаев второстепенного значения, но не следует забывать, что понятие согласия может фигурировать в очень серьезных политических ситуациях, в том

числе и когда имеет место использование силы или посягательство на суверенитет, осуществляемые одним государством на территории другого государства. Г-н Аго выделил не только согласие, но также и отказ, то есть два совершенно различных понятия. Охватывает ли в настоящем тексте понятие согласия понятие отказа? Имеются основания полагать, что согласие представляет собой одно из основных обстоятельств, которые исключают противоправность деяния, в то время как отказ является совершенно ясным решением, которое может быть принято любым суверенным государством и заключается в отказе от осуществления определенных прав.

26. Как указал г-н Аго, согласие может рассматриваться как соглашение, из которого может вытекать либо полное, либо временное исключение противоправности деяния. В этом смысле важно установить различие между полным и временным исключением. Есть основания полагать, что противоправность деяния может быть временно исключена, когда согласие оговорено некоторыми условиями или дано с условием его отмены, например в том случае, когда государство соглашается на присутствие иностранных войск на его территории в течение периода в один год. В этом случае нахождение войск по истечении указанного периода или после отмены согласия становится противоправным. Таким образом, в статье 29 должен быть отражен тот факт, что согласие может быть либо условным, либо безусловным. Согласие может быть дано без каких-либо условий при наличии ультиматума, и в подобном случае существует опасность того, что деяние, не рассматриваемое в качестве противоправного, останется таковым и на все время в дальнейшем.

27. Было справедливо подчеркнuto, что согласие должно быть свободным, между прочим, г-н Аго указывал на это в своем докладе, но в настоящей формулировке проекта статьи 29 это условие не оговаривается. Более того, согласие должно быть надлежащим образом выражено, что предполагает, что лицо, которое его выражает, имеет на это полномочия в соответствии с международным правом. Следовательно, необходимо иметь возможность определить, кто имеет полномочия на выражение согласия государства в рамках международного права. К счастью, этот аспект вопроса уже выяснен Венской конвенцией, и поэтому достаточно разработать формулировку, касающуюся компетенции органа или лица, выражающего согласие государства. В связи с действительностью согласия возникает другой вопрос, а именно: обладает ли государство компетенцией на выражение своего согласия, когда, поступая таким образом, оно уклоняется от обязательства более высокого порядка или нарушает нормы более высокого порядка, которые не позволяют государству уклоняться от обязательства и тем самым наносить ущерб правам и обязательствам других сторон.

28. В свою очередь г-н Джагота убежден, что предположительное согласие неприемлемо и что следует отдельно рассматривать выраженное согласие и молчаливое согласие. Тем не менее следует продолжить изучение вопроса о том, во всех ли случаях следует рассматривать молчаливое согласие в качестве обстоятельства, исключаяющего противоправность деяния. В серьезных случаях, когда возможно злоупотребление, — как, например, в случае, приведенном г-ном Ндженгой, — молчаливое согласие приниматься не должно, и, следовательно, необходимо предусмотреть существование ясно выраженного согласия. Само собой разумеется, что ясно выраженное согласие не обязательно является согласием, данным в письменной форме. Согласие, конечно, должно быть выражено до совершения деяния, в противном случае мы имеем дело с отказом. Разумеется, г-н Джагота принимает без оговорок вторую фразу статьи, предусматривающую случай обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права.

29. Все эти моменты должны быть уточнены и отражены в проекте статьи 29, чтобы Шестой комитет смог принять этот текст. Поэтому статью следует отредактировать таким образом, чтобы была четко установлена сфера ее применения, так как согласно общему правилу исключения интерпретируются и применяются в ограниченном смысле.

30. Г-н ТИАМ полагает, что нетрудно будет принять принцип, который провозглашен в проекте статьи 29 и в соответствии с которым согласие исключает противоправность, тем более что предусмотрено исключение для норм *jus cogens*. Что касается формулировки, то выражение «потерпевшее государство», если возможно, следовало бы заменить другим, более подходящим выражением.

31. По вопросу о включении в проект статьи, подобной статье 29, было высказано два мнения. С одной стороны, было отмечено, что это положение затрагивает как вопрос о договорах, так и вопрос об ответственности. По мнению г-на Тиамы, эту дискуссию можно продолжать бесконечно, но, учитывая, что изучаемая статья имеет отношение к компенсации за ущерб, она скорее всего относится к вопросу об ответственности. С другой стороны, г-н Ндженга указал, что согласие может быть дано при таких условиях, когда можно прийти к заключению, что оно не было свободно выражено, и, учитывая трудности, которые могут возникнуть в связи с этим вопросом, было бы лучше всего не заниматься рассмотрением, опасаясь вмешательства, например, в дела государства, которое по чисто внутренним причинам желает заручиться поддержкой другого государства. Г-н Тиам считает эту причину недостаточной, чтобы отказаться от рассматриваемой статьи, и полагает возможным найти формулировку, которая устранил такие формы вмешательства. В этой связи он замечает, что, поскольку интервенция

Бельгии в Конго вызвала бурную реакцию в Африке, африканские страны не возражали против посылки в Шабу наряду с французскими войсками марокканских войск — действие, которое рассматривалось как мера, направленная на предотвращение внешнего переворота.

32. По мнению г-на Тиамы, принцип, провозглашенный в проекте статьи 29, необходимо сохранить, но присовокупить к нему гарантии, которые могут быть определены, исходя из теории пороков согласия.

33. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что статья представляется вполне обоснованной, полноценной и необходимой для всего проекта статей в целом. Возможно, в связи с ней возникают трудности редакционного характера, но уже были сформулированы полезные предложения, например предложение г-на Джаготы, который поднял вопрос, нуждающийся тем не менее в обсуждении, а именно: относится ли эта статья к согласию или к отказу. Этот вопрос убедительно обсуждался в пункте 72 доклада, где изучается момент, в который согласие дано. Статья не может сводиться к отказу, так как в этом случае она давала бы повод думать, что первоначально имел место ущерб, за который потерпевшее государство решило не требовать компенсации. Во многих случаях, если государство надлежащим образом выразило свое согласие на рассматриваемое деяние, то следует считать, что вреда причинено не было. Как г-н Аго подчеркивает в своем докладе, если был причинен вред и если жертва этого вреда решила впоследствии не настаивать на своих правах, то такой случай можно рассматривать как случай отказа. Г-н Аго привел в этой связи пример высадки морской пехоты Соединенных Штатов на Кубе в 1912 году — ситуация, в которой согласие кубинского правительства было, по-видимому, дано после этого события. Другим относящимся сюда примером служит вторжение в Чехословакию в 1968 году, когда согласие на вторжение, если оно вообще было дано, во всяком случае было дано после самого события, о чем свидетельствуют многие дебаты в чехословацком парламенте и в Совете Безопасности. В действительности представляется, что никакого подлинного согласия дано не было.

34. Г-н Ндженга очень хорошо показал, что действительность согласия, безусловно, является основной, хотя этот вопрос и не относится к колониальным ситуациям. Г-н Швебель не исключает возможности говорить о том, что речь идет о «подлинном согласии» или о «должном образом выраженном согласии», или употребить какую-нибудь аналогичную формулировку, но весьма скептически настроен в отношении ее правовой эффективности. Возможно, Комиссии следует вернуться к фундаментальному принципу, согласие должно быть подлинным и должным образом выраженным, в отличие от вынужденного согласия или согласия, данного марионетками.

35. Г-н ПИНТО говорит, что в своем проекте статей г-н Аго провел четкое различие между международной противоправностью и международной ответственностью. Согласно формулировке статьи I проекта, любое международно-противоправное деяние государства влечет его международную ответственность, но из текста главы V вытекает, что г-н Аго предусматривает обстоятельства, в которых международная ответственность может вытекать из других деяний, помимо деяний, являющихся международно-противоправными. Обращая внимание на название главы V «Обстоятельства, исключющие противоправность» и тот факт, что Комиссия работает над проектом об ответственности государств, г-н Пинто спрашивает, входит ли в намерение г-на Аго в конечном счете связать эти два аспекта и сформулировать, в каких случаях обстоятельства, исключющие противоправность, также исключают международную ответственность.

36. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ разделяет сомнения по поводу проекта статьи 29, но так же, как и в случае статьи 28, он, по-видимому, придерживается более конкретной точки зрения на рассматриваемый в ходе дискуссии вопрос. При чтении изучаемой части доклада (A/CN.4/318 и Add.1—3, пункты 56—77) уже само название главы V создало у него впечатление, что Комиссии придется рассматривать новую область. До сего времени она изучала ответственность за международно-противоправное деяние и делала выводы, исходя из наличия конкретного международно-противоправного деяния. Внезапно Комиссия перешла к рассмотрению вопроса, в правовом плане совершенно отличного от предыдущего. И снова речь идет об исключениях, а именно обстоятельствах, которые исключают противоправность, и вместе с тем Комиссия не изучила обстоятельств, которые порождают противоправность, а также вопрос о том, что с точки зрения права является правомерным и что таковым не является. Сэр Фрэнсис с удовлетворением отмечает, что в пункте 56 доклада ссылаются на принцип *volenti non fit iniuria*, аналогом которого в системах обычного права является *damnum sine iniuria*. Вместе с тем он был разочарован тем, что в докладе обсуждается результат действия, а не характер действия — не его противоправность. В некотором смысле Комиссия уже заняла определенную позицию в вопросе о том, исключает ли согласие противоправность, но сэр Фрэнсис продолжает сомневаться по поводу того, следует ли Комиссии продолжать свое рассмотрение на основе такого рода фундаментальной классификации.

37. В системах обычного права принцип *damnum sine iniuria* формулируется без ссылки на противоправность деяния. Так, например, лицо, которое терпит ущерб в результате деяния другого лица, не имеет права на возмещение этого ущерба, если оно принимало участие в совершении этого деяния. Со своей стороны, сэр Фрэнсис полагает, что в международном праве можно

было бы занять аналогичную позицию. До сего времени Комиссия изучала вопрос на основе того, что может быть названо анализом в традициях гражданского права, и на основе противоправности деяния, что на более поздней стадии может привести к значительным трудностям для стран обычного права. Если бы в редакционном плане оказалось возможным рассмотреть проблему с более практической точки зрения, то проект статей мог оказаться гораздо более приемлемым для этих стран.

38. Упомянутую трудность можно проиллюстрировать на исключении, относящемся к *jus cogens*. Сэр Фрэнсис полностью разделяет принцип, согласно которому государству не дозволено нарушать императивную норму международного права. Вместе с тем необходимо также рассматривать содержание данной нормы. Незаконное применение силы является одним из наиболее вопиющих нарушений *jus cogens*, концепции, которая провозглашена в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций. Когда вооруженные силы проникают на территорию другого государства, рассмотрение этого акта в качестве нарушения императивной нормы обязательно должно зависеть от обстоятельств, одним из которых является вопрос о согласии затронутого государства. Но исключение, сформулированное в проекте статьи 29, уточняет, что деяние сохраняет свой противоправный характер, если обязательство, о котором идет речь, вытекает из императивной нормы общего международного права. Сэр Фрэнсис сильно сомневается в том, что в подобном случае согласие государства может рассматриваться как лишение силы. Можно назвать случаи, в которых согласие, данное государством, действительно может оказаться лишением силы. Уже простой здравый смысл подсказывает, что государство не может давать согласие на то, чтобы его граждане подвергались пыткам со стороны другого государства, и узаконивать таким образом пытки. Тем не менее во многих случаях согласие, или отсутствие согласия, является неотъемлемой характеристикой природы деяния и природы самого обязательства. Очевидно, государство в обычных условиях не может требовать возмещения за ущерб, когда оно уже дало свое согласие на совершение деяния, но важно очень внимательно учитывать исключение из правила, провозглашенного в статье 29, и интересоваться, каким образом это согласие было выражено.

39. Г-н АГО, отвечая на замечания сэра Фрэнсиса Вэллета, говорит, что целью всех предыдущих статей проекта было как раз установление того, при каких условиях деяние является международно-противоправным. Согласно статье 3 необходимо, чтобы существовало поведение, приписываемое государству в соответствии с международным правом, и чтобы это поведение составляло нарушение международного обязательства этого государства. В главах II и III проекта соответственно устанавливается, когда имеет

место международное деяние государства и когда имеет место нарушение международного обязательства. Теперь необходимо понять, может ли противоправность исключаться в силу нижеследующего особого обстоятельства в тех случаях, когда выполнены все условия существования международно-противоправного деяния: при наличии международного обязательства и права государства на то, чтобы это обязательство соблюдалось, это государство дает свое согласие, в результате чего возникает особое правило для данного конкретного случая и рассматриваемое обязательство в этом случае не имеет силы. Такой подход представляется значительно более общим, чем подход, основанный на выводе о том, что в случае согласия отсутствует право на возмещение понесенного ущерба, а следовательно, и противоправное деяние.

Заседание закрывается в 12 час. 55 мин.

1539-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 25 мая 1979 года, 11 час. 40 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швель.

Организация работы (продолжение)*

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что Расширенное бюро предложило следующие приблизительные даты рассмотрения пунктов повестки дня:

- | | | |
|---|--------------------------------|--------------|
| 1. Ответственность государств (пункт 2) | 16 мая — 5 июня
13—19 июля | } (4 недели) |
| 2. Заполнение вакансий в Комиссии (статья 11 Статута) (пункт 1) | 29 мая | |
| 3. Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (пункт 4) | 6—12 июня
27 июня — 10 июля | } (3 недели) |
| 4. Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (пункт 3) | 13—26 июня | |
| 5. Обзор процесса заключения многосторонних договоров (пункт 2 резолюции 32/48 Генеральной | 11—12 июля | (2 недели) |

* Перенесено с 1531-го заседания.

- | | | |
|---|------------------------|------------|
| ной Ассамблеи) (пункт 6) | | |
| 6. Право несудоходных видов использования международных водных путей (пункт 5) | 20—26 июля | (1 неделя) |
| 7. Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером (пункт 5 части I резолюции 33/139 Генеральной Ассамблеи; пункт 5 резолюции 33/140 Генеральной Ассамблеи) (пункт 7) | 27 июля | |
| 8. Доклад Комиссии и связанные с этим вопросы | 30 июля —
3 августа | (1 неделя) |

2. Если нет возражений, он будет считать, что Комиссия согласна принять вышеуказанную программу работы.

Предложение принимается.

Заседание закрывается в 11 час. 45 мин.

1540-е ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник, 28 мая 1979 года, 15 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швель.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение)* (A/CN.4/318 и Add.1—3, A/CN.4/L.291)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО
(продолжение)

СТАТЬЯ 29 (Согласие потерпевшего государства)¹ (продолжение)

1. Г-н ЦУРУОКА полагает, что в случае, предусмотренном в статье 29, речь идет об исключении противоправности деяния, а не об отказе потерпевшего государства от своего права требовать ответственности государства — автора противоправного деяния. Поэтому он считает, что статья 29 занимает достойное место в главе V проекта статей.

* Перенесено с 1538-го заседания.

¹ Текст статьи см. 1537-е заседание, пункт 25.

2. Как отметил в своем докладе г-н Аго, на практике основным моментом является не принцип, согласно которому согласие исключает противоправность, а сам факт существования согласия и действительности его выражения. Поэтому в тексте самой статьи следует четко указать, что согласие должно быть дано в ясной и действительной форме.

3. С другой стороны, в отличие от того, что г-н Аго утверждает в пункте 72 своего доклада (A/CN.4/318 и Add.1—3), г-н Цуруока полагает, что в статье предпочтительнее не уточнять, должно согласие предшествовать поведению или совпадать с ним по времени, поскольку такое положение может оказаться не соответствующим правилу, провозглашенному в пункте 1 статьи 25². Оратору представляется более целесообразным положиться на интерпретацию и урегулировать этот вопрос на практике.

4. В соответствии с этим г-н Цуруока предлагает в качестве проекта статьи 29 соответствующим образом исправленный текст (A/CN.4/L.291):

«Если установлено, что одно государство дало действительное и ясное согласие на совершение другим государством деяния, которое при иных обстоятельствах представляло бы собой нарушение международного обязательства первого государства по отношению ко второму государству, то такое согласие исключает противоправность указанного деяния. Однако это положение не действует, если обязательство, о котором идет речь, вытекает из императивной нормы общего международного права».

5. Г-н ФРЭНСИС отмечает, что, согласно проекту статьи 29, эффект согласия проявляется в том, что некоторое деяние, которое было бы противоправным, если бы государство не дало своего согласия, может в результате такого согласия превратиться в правомерное деяние. Вопрос согласия и, в частности, та его сторона, которая связана с присутствием войск государства на территории другого государства, продолжает оставаться источником непонимания; большая часть трудностей связана с необходимостью иметь подлинное и должным образом выраженное согласие. Общий принцип, согласно которому государство может в определенных пределах примириться с нанесенным ему ущербом, никогда и не оспаривался; кроме того, этот принцип применяется также и в других областях международных отношений. Таким образом, будет правильно, если в проекте будет отражена современная практика в данной области.

6. Он заметил, что, ссылаясь главным образом на практику государств и на доктрину, г-н Аго сделал ударение на переходе противоправного деяния в правомерное деяние, а не на отказ от

требования международной ответственности. Со своей стороны, г-н Фрэнсис попытался сначала выяснить, как проект статьи 29 относится к статьям 1, 16 и 18. Согласно статье 18 для того, чтобы деяние повлекло международную ответственность государства, являющегося его автором, это деяние должно быть совершено, когда обязательство находится в силе в отношении данного государства. Если сравнить проект статьи 29 со статьями 1, 16 и 18, то получается, что, как только государство дало свое согласие на совершение деяния, которое в отсутствие этого согласия было бы противоправным, существовавшее прежде международное обязательство государства — автора этого деяния перестает находиться в силе в отношении государства, давшего свое согласие. При таких обстоятельствах оказывается невозможным сослаться на положение статьи 16, которое играет фундаментальную роль в области международной ответственности.

7. Г-н Фрэнсис соответственно спрашивает, не было бы более логичным принять точку зрения г-на Аго. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к понятию согласия, но в несколько отличном свете, а именно к понятию согласия, представляющему собой основной элемент суверенитета государств. Если рассматриваемое деяние затрагивает лишь отношения между государством, которое дает согласие, и государством — автором деяния, то такое согласие может быть дано как до, так и после совершения указанного деяния. С правовой точки зрения результат является по существу одним и тем же, поскольку если согласие дано после совершения деяния, то имеет место отказ от требования международной ответственности государства — автора деяния. Но не все случаи являются столь простыми. Обязательство, согласно которому все государства — члены Организации Объединенных Наций обязаны уважать суверенитет всех других государств, строго закреплено формулировкой пункта 1 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций. Поэтому если государство дает свое согласие на вступление войск на его территорию после совершения деяния, то этому государству не наносится никакого вреда, поскольку это государство дало согласие. Тем не менее другие члены Организации Объединенных Наций могут принять резолюцию, осуждающую этот акт, поскольку он подрывает принцип суверенитета государств. Другими словами, одного согласия непосредственно затронутого государства еще недостаточно для того, чтобы положение могло рассматриваться как правомерное с точки зрения Устава. Рассматриваемая под таким углом точка зрения г-на Аго вполне оправдана.

8. По мнению г-на Фрэнсиса, предусмотренное в статье 29 исключение для случая нарушения нормы *ius cogens* имеет фундаментальное значение. Мы сталкиваемся с аналогичными исключениями во внутреннем праве, одним из которых является принцип, согласно которому обвиняе-

² См. 1532-е заседание, сноска 2.

мый не может использовать для своего оправдания согласие жертвы.

9. В той части доклада, где изучаются основные элементы согласия (A/CN.4/318 и Add.1—3, пункты 56—76), автор ссылается на целый ряд дел. Г-н Фрэнсис не уверен, что дело *Саваркар* имеет к этому прямое отношение, учитывая, что основной вопрос, который интересует Комиссию, заключается в том, давало или не давало согласия данное государство. Однако достоверно не известно, дало ли французское правительство свое согласие, и *доклады Гаагского суда* не дают ответа на этот вопрос. Тем не менее г-н Фрэнсис признает, что арест Саваркара и его передача британским властям сопровождались некоторыми необычными обстоятельствами.

10. И наконец, г-н Фрэнсис полагает, что во избежание неправильного толкования характера согласия проект статьи 29 должен быть составлен в более точных формулировках. В этом отношении предложенный г-ном Цуруокой текст, который требует, чтобы согласие было выражено ясно и в должной форме, безусловно, будет способствовать тому, что проект получит более широкую поддержку.

11. Г-н ТАБИБИ подчеркивает, что глава V отличается от предыдущих глав проекта как по своему характеру, так и по своим целям. Тогда как первые четыре главы были главным образом посвящены вопросам, рассмотренным в статьях 1 и 3, а именно ответственности государства за международно-противоправное деяние и составным элементам этого деяния, глава V посвящена некоторым особым обстоятельствам, в частности согласию потерпевшего государства, которое приводит к тому, что деяние, само по себе противоправное, должно рассматриваться в качестве правомерного. Комиссия продолжительное время изучала вопрос о согласии в ходе своей работы над правом договоров. Существом согласия является его действительность. Если согласие исходит от органа государства, который не обладает компетенцией на выражение воли государства, если это согласие отягощено ошибкой или обманом, если оно противоречит некоторой норме *jus cogens*, то деяние остается противоправным.

12. Г-н Табиби разделяет сомнения г-на Ндженги (1538-е заседание), в основе которых лежит опасение за то, что история может повториться, что господствующее государство всегда может получить согласие более слабой державы посредством угрозы применения силы, с помощью экономического и политического давления, с помощью обмана, вводя его в заблуждение или прибегая к любым другим средствам, которые находятся в распоряжении сильных стран. Тем не менее г-н Табиби полагает, что присутствие в проекте статьи 29 является целесообразным и помогает избежать трудностей, которые в противном случае могли бы возникнуть с учетом современных международных отношений.

13. Вместе с тем рассматриваемый проект статьи и сопровождающий ее комментарий должны быть сформулированы в ясных выражениях, которые бы, в частности, предусматривали необходимость должным образом выраженного согласия, что в значительной степени помогло бы рассеять сомнения, высказанные некоторыми членами Комиссии. Г-н Табиби считает приемлемым текст, представленный г-ном Цуруокой.

14. Г-н ФЕРОСТА считает, что название «Согласие потерпевшего государства» не соответствует содержанию проекта статьи 29; действительно, выражение «потерпевшее государство» не фигурирует в тексте статьи. Оно фигурирует лишь в докладе, где слово «потерпевшее» первый раз появляется в пункте 71, что свидетельствует об испытываемых г-ном Аго сомнениях в отношении уместности использования этого выражения в статье 29. Как г-н Аго правильно указал в пункте 68 своего доклада, обстоятельства, исключющие противоправность, в случае, предусмотренном в статье 29, представляют собой «согласие государства, которое при отсутствии такого согласия оказалось бы противоправно потерпевшим в результате поведения другого государства». Таким образом, при наличии согласия не существует потерпевшего государства, поскольку отсутствует противоправное деяние. Соответственно, г-н Фероста предлагает опустить как в статье 29, так и в комментарии выражение «потерпевшее государство».

15. Г-н Фероста подчеркивает, что государство может в своих отношениях с другим государством нарушить нормы обычного международного права при условии, что речь идет не о нормах *jus cogens* и что при этом не ущемляются права третьих государств. Таким образом, согласие государства на проход иностранных войск через его территорию является правомерным только при соблюдении этого двойного условия. В этой связи практика государств дает многочисленные примеры. В период между 1815 и 1878 годом Оттоманская империя, обладавшая двумя участками территории в Далмации (тогда являвшейся австрийской провинцией), неоднократно испрашивала у Австрии право на проход с целью перемещения войск из Албании в Герцеговину, но она никогда не испрашивала согласия Австрии, когда она находилась в состоянии войны с другими государствами, с тем чтобы не подвергать себя опасности отказа, поскольку Австрия, которая была связана с этими государствами договором о нейтралитете, совершила бы по отношению к ним противоправное деяние, разрешив проход турецких войск. Впрочем, Португалия во время бурской войны, разрешив проход британских войск через Мозамбик (который она рассматривала как неотъемлемую часть своей территории) с целью освобождения города, осажденного бурами, нарушила правила нейтралитета, который она обязалась соблюдать, и таким образом совершила противоправное деяние в отношении Республики буров.

С целью исправить положение в связи с этим противоправным деянием, после того как буры, потерпевшие поражение от Англии, потеряли доступ к морю, португальское правительство поручило своему президенту Крюгеру пересечь территорию Мозамбика и отправиться оттуда на корабле в Европу, где он должен был привлечь определенные государства на сторону буров. Поступив таким образом, португальское правительство во второй раз нарушило правило нейтралитета и совершило другое противоправное деяние — на этот раз в отношении Англии.

16. Согласие государства, чтобы служить обстоятельством, исключаящим противоправность, не должно нарушать нормы *jus cogens*, не должно ущемлять прав третьих государств и должно также предшествовать поведению другого государства. В этой связи следует поинтересоваться, не составляет ли предварительное согласие, которое обычно дается в ответ на просьбу другого государства, соглашение между этими двумя государствами. Можно также поставить вопрос о существовании в практике государств одностороннего согласия. По мнению г-на Феросты, одностороннее согласие в практике государств существует только после совершения противоправного деяния. Но в таком случае согласие не может исключить противоправность деяния, которое уже совершено, и г-н Аго уже указал на это в пункте 72 своего доклада. Таким образом, согласие государства, данное *ex post facto*, является в действительности не чем иным, как отказом со стороны этого государства от валоризации последствий, вытекающих из противоправного деяния, а именно: отказом требовать компенсацию. Г-н Фероста приводит еще пример, чтобы проиллюстрировать эту точку зрения. В 1849 году император Франц-Иосиф попросил и получил военную помощь от России, для того чтобы подавить революционное восстание в Венгрии (являвшейся тогда частью Габсбургской империи); вступление русских войск на венгерскую территорию явилось поэтому правомерным. С другой стороны, если бы Николай I по своей собственной инициативе послал войска, для того чтобы подавить венгерскую революцию, тогда случай был бы совершенно другим, и венское правительство, если бы даже оно выиграло от этой интервенции, не могло бы сгладить противозаконный характер этой интервенции *ex post facto*, даже заключив последующее соглашение с царским правительством о выводе войск и о различных материальных и финансовых вопросах. Отсюда можно сделать вывод, что предварительное согласие, предусмотренное в проекте статьи 29, является не чем иным, как частью двустороннего соглашения, которое отменяет некоторые права и прерогативы государства, давшего согласие.

17. В этой связи г-н Фероста обращает внимание на вопрос о дипломатической защите иностранцев. Латиноамериканские страны, для которых этот вопрос имел большое значение,

приняли в конце прошлого века решение отменить взаимное обязательство обеспечивать защиту иностранцев, заключив между собой и с некоторыми европейскими странами (Францией, Испанией, Италией и Германией) дипломатические договоры, содержащие положение «об отсутствии ответственности».

18. Институт международного права занимался изучением этого вопроса на нескольких сессиях 1898 и 1900 годов и выступил с «пожеланием», чтобы на основании международных конвенций в тех случаях, когда таковые еще не существуют, государства заранее брали на себя обязательство ответственности государства за ущерб, причиненный на их территории иностранным гражданам и иностранному имуществу, прежде всего обращаться к Арбитражной международной комиссии и к согласительной процедуре. Он также выразил «пожелание», чтобы государства избегали вносить в договоры положения о взаимном отсутствии ответственности, полагая, что такие положения ошибочно освобождают государства от выполнения их долга защищать своих граждан, находящихся за границей, и их долга защищать иностранцев, находящихся на их территории. Институт добавил, что государства, которые в результате возникновения чрезвычайных обстоятельств считают себя неспособными обеспечить достаточно эффективную защиту иностранцев на своей территории, могут избежать последствий такого положения вещей, лишь временно запретив иностранцам доступ на свою территорию³. Подтвердив, что государства не могут даже на основании взаимных соглашений уклоняться от обязательства защищать своих граждан за границей, а также защищать иностранцев, находящихся на их территории, Институт международного права заложил уже в 1898 году первую основу понятия *jus cogens*.

19. В заключение г-н Фероста делает три замечания. Во-первых, выражение «потерпевшее государство» не соответствует случаю, предусмотренному в статье 29. Во-вторых, согласие государства на поведение другого государства, которое само по себе было бы противоправным, делает это поведение правомерным и является, если оно дано в предварительном порядке, частью двустороннего соглашения. В-третьих, осуществленная подобным образом отмена обычных норм не должна затрагивать права третьих государств, вытекающие из других норм международного обычного права, в частности из норм *jus cogens*, или же многосторонних конвенций.

20. Г-н ЦУРУОКА хотел бы сформулировать мысли, которые у него возникли при ознакомлении с пунктом 72 доклада г-на Аго, который касается момента, в который дано согласие.

³ Institut de droit international, *Tableau général des résolutions (1873—1956)* (H. Wehberg, ed., Basel, Editions juridiques et sociologiques, 1957), pp. 140 et 142.

Можно либо считать, что согласие, данное после деяния, не приводит ни к оправданию противоправного деяния, ни даже к отказу от валоризации последствий, которые из него вытекают, либо, что это согласие, даже если оно не приводит к правомерности противоправного деяния, означает отказ от валоризации последствий, вытекающих из этого деяния. Кроме того, можно поставить вопрос, существуют ли пределы по времени для согласия, данного после деяния. По мнению г-на Аго, согласие, данное в определенный момент государством, постоянно оккупированным другим государством, будет иметь силу для такого положения, начиная лишь с того момента, когда оно дано. Оно приведет лишь к будущей правомерности противоправного деяния. Но почему же тогда нужно рассматривать это согласие как приводящее к отказу от валоризации последствий, вытекающих из противоправного деяния? Какой отказ здесь имеется в виду — молчаливый или предполагаемый? Эти вопросы требуют разъяснений, которые должны содержаться в комментарии к рассматриваемой статье, с тем чтобы не возникало необходимости в изменении ее формулировки.

21. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР говорит, что первая трудность, которая возникает при изучении проекта статьи 29, вытекает из самой сути этого положения, которое затрагивает аспект, являющийся гораздо более глубоким, чем простое исключение. Все согласятся с тем, что международные обязательства, если они не носят императивного характера, могут быть изменены по воле сторон. Действительно, первоначальные обязательства часто оказываются предусмотренными в контексте, в котором элемент согласия является составной частью первоначального обязательства.

22. Широко известный арест, наложенный в 1812 году Верховным судом Соединенных Штатов Америки под председательством судьи Маршалла на судно «Эксчейндж»⁴, подтвердил неотъемлемое право суверенного государства на осуществление абсолютного контроля над его территорией и над доступом на эту территорию. Гражданское судно, принадлежащее иностранному государству, может проникать на данную территорию только на основании сделанного для него исключения, другими словами, с явного или молчаливого согласия данного государства. Верховный суд постановил, что в случае военного судна согласие не могло предполагаться, если оно не было выражено, но что, согласно существовавшей практике государств, можно было с полным правом полагать, что на посещение судна, принадлежащего дружественному государству, имеется молчаливое согласие посещаемого государства. Следовательно, суд счел, что согласие могло быть молчали-

вым. Вместе с тем как только было установлено, что судно пребывает в порту с согласия заинтересованного государства, тем самым установлено право судна или государства флага на государственный иммунитет. Одно лишь отсутствие согласия может привести к исключению государственного иммунитета, то есть в данном случае необходимо было конкретно предположить, что судно получило разрешение на проникновение в воды Соединенных Штатов при условии, что оно не будет пользоваться государственным иммунитетом. Таким образом, суд пришел к заключению, что в практике государств ничто не позволяет предполагать наличие подобного соглашения. Поэтому следует считать, что согласие лежит в основе самого существования международного обязательства, и с чисто теоретической точки зрения весьма трудно ограничить понятие согласия рамками простого исключения.

23. Комиссия не должна забывать, что ее цель заключается в разработке относительно простых правил, представляющих практический интерес, в частности, для стран, которые почти не располагают юристами-международниками. Тексты и комментарии Комиссии должны, следовательно, являться документами, доступными пониманию юристов, в частности юрисконсультов, находящихся на службе у государства и международных организаций. Поэтому рассматриваемый проект статей будет неполным, если в него не включить в целом, приблизительно, в месте, отведенном статье 29, положение, посвященное согласию. Проект, безусловно, содержит достаточное количество практических указаний, предназначенных для юрисконсультов, которые занимаются изучением вопроса о присвоении, оценкой характера деяния, определением, является ли обязательство обязательством результата или средства, — то есть идут по пути, который должен пройти любой компетентный юрист с целью изучения конкретной правовой проблемы. Следовательно, с чисто практической точки зрения проект должен содержать положение о согласии, даже если для этого необходимо несколько отклониться от чисто логического построения.

24. С другой стороны, утверждать, что международное обязательство, если оно не носит императивного характера, может быть изменено по воле сторон, — это одно, но совсем другое — дать повод полагать, что вопрос согласия может оставить лазейку, чтобы можно было избежать обычных последствий ответственности, так как это может привести к результату, которого опасался г-н Ндженга, а именно: может потворствовать толкованию любого жеста как согласия. Уже подчеркивалось, что необходимо уточнить, что согласие должно быть выражено до совершения указанного деяния. Даже в этом случае проект с трудом сможет предупредить попытки государства-правонарушителя оправдать свои действия согласием другого государства. В данном проекте невозможно ни эффективно решить

⁴ W. Cranch, *Reports of Cases Argued and Adjudged in the Supreme Court of the United States*, 3rd ed. (New York, Banks Law Publishing, 1911), vol. 7, pp. 116 *et seq.*

вопрос о доказательстве существования обязательства, ни дать правила, определяющие, кто может в конкретных обстоятельствах дать согласие. В некоторых ситуациях обстоятельства дела и практика государств будут характеризоваться тенденцией установить правдоподобие молчаливого согласия, но во многих других случаях это будет иначе. В процитированном г-ном Ндженгой примере, то есть при преследовании скотокрада за пределы международных границ, согласие может быть установлено только в силу очевидного доказательства, содержащегося в практике заинтересованных государств, и в силу договоренности, существующей между ними, но вывод о наличии такого согласия не может быть сделан на основе какой-либо общей правовой нормы.

25. Помимо этого, текст проекта статей ни в коем случае не может служить средством для преодоления трудностей, связанных с доктриной признания. Общеизвестно, что признание других государств или правительств является правом суверенного государства, и большое число трудностей, устраненных делами упомянутого г-ном Ндженгой (1538-е заседание) типа, приводят к злоупотреблению этим институтом признания. Тем не менее в своем комментарии Комиссия могла бы недвусмысленно уточнить, что когда она говорит о согласии, то подразумевает нечто, предшествовавшее совершению деяния, а не отказ, не освобождение от обязательств, не уступку любого другого сорта, которая была получена вымогательством после самого события.

26. Эта статья должна быть сформулирована не с точки зрения потерпевшего государства, а с точки зрения обязательств государства, совершившего деяние. Г-н Аго, безусловно, непреднамеренно перенес акцент, но упор, сделанный на согласие потерпевшего государства, вместо упора на деяние государства, позволяет изменить первоначальный смысл статьи. Если государство действительно оказалось потерпевшим, его согласие вряд ли может быть достаточным оправданием. Конечно, необходимо уточнить, что ущерб отсутствует при наличии должным образом полученного согласия. Вместе с тем не обязательно применять такое выражение, как «действительное согласие», поскольку следует заранее полагать, что проект применяется к правомерным ситуациям. В соответствии с намерениями г-на Аго этот проект статьи может быть представлен в такой формулировке, которая бы не давала государствам возможности освобождаться от ответственности и, по крайней мере, в определенной степени затрудняла уход от ответственности.

27. В соответствии с этим г-н Квентин-Бакстер предпочитает, чтобы ссылка на императивную норму международного права фигурировала в начале текста и чтобы статья начиналась словами: «не затрагивая какой-либо императивной нормы международного права». Эта формулировка позволит с самого начала заявить, что речь идет

не о подстрекательстве к уходу от обычных последствий нарушения международного обязательства, а о наложении ограничений на любую правомерную возможность ухода от этих обязательств.

28. Один из основных аспектов современного международного права состоит в том, что многочисленные международные обязательства, в частности в областях первостепенной важности для международных отношений не являются только двусторонними. Следует иметь в виду, что, становясь членом Организации Объединенных Наций или региональных или других организаций, государства обязуются соблюдать определенные нормы поведения. Следовательно, для тех, кого беспокоят конечные последствия согласия, в проекте можно указать, что деяния остаются противоправными, если необходимое согласие не было получено от всех сторон, связанных обязательством. Совершенно очевидно, что проект касается ответственности только государств, а не каких-либо других субъектов международного права. Вместе с тем проект не ограничивается исключительно ответственностью государств в отношении других государств. По крайней мере теоретически статья 29 относится к согласию любого субъекта международного права, которое разделяет обязательства, связывающие государства. Следовательно, в статье может обуславливаться, что обязательство государства продолжает существовать до тех пор, пока оно не исключается в силу согласия всех государств и других субъектов, которые затрагиваются этим обязательством государства.

29. И наконец, г-н Квентин-Бакстер считает, что цель, которую преследовал г-н Аго в проекте статьи 29, заключается скорее в установлении определенных рамок для согласия, а не в том, чтобы рассматривать его в качестве общего исключения. Такая статья явится важным элементом положения, направленного на обеспечение целостности самих государств.

30. Г-н ДЖАГОТА говорит, что понятие согласия является центральным элементом суверенного равенства государств. Это понятие также является весьма важным в международном праве, поскольку договоры, устанавливающие права и обязанности, заключаются на основе обоюдного согласия. На самом деле, Международный Суд в отсутствие согласия не обладал бы никакой компетенцией. Что касается проекта статей, то сейчас основная проблема состоит в выяснении вопроса о том, должно ли согласие служить основой для превращения противоправного деяния в правомерное. Как свидетельствуют примеры, приводимые г-ном Аго в его докладе, этот вопрос является тонким, поскольку почти всегда разногласия сводятся к выяснению того, действительно ли согласие было дано, и в случае утвердительного ответа, в каком виде оно было дано. Следовательно, если стремиться к тому, чтобы рассмотреть статью 29 как вводящую некоторое исключе-

ние, то ее следует сформулировать в более точных выражениях, чтобы обеспечить ограниченную интерпретацию этого исключения.

31. Располагая небольшим количеством времени, г-н Джагота не смог обнаружить прямых доказательств, устанавливающих, что согласие может выступать в качестве причины исключения ответственности государств. Но причина отсутствия такого доказательства может объясняться тем, что вопрос ответственности государств еще не обсуждался под тем углом зрения, под которым он сейчас обсуждается в Комиссии, то есть не с точки зрения различных аспектов основных правил, порождающих ответственность, а с точки зрения общих правил, согласно которым ответственность возникает в результате совершения международно-противоправного деяния. В томе 8 *Справочника по международному праву*⁵ имеется ссылка на ответственность государства за ущерб, причиненный иностранцам, и на вопросы, связанные с дипломатической защитой и международными претензиями. При этом рассматривается соответствующая доктрина, но согласие нигде не упоминается в качестве обстоятельства, составляющего исключение. Тем не менее в главе, посвященной средствам защиты, согласие изучается косвенно с точки зрения понятия отказа. Последствия отказа изучаются в контексте нескольких различных ситуаций, и можно сделать вывод, что отказ задним числом от требования компенсации за ущерб, причиненный иностранцу, может использоваться как средство защиты подзащитным государством в плане ответственности. Комиссия, которая занимается более широким вопросом ответственности всей совокупности государств, должна очень внимательно следить за тем, чтобы любое общее правило, касающееся согласия, формулировалось в точных выражениях и не могло дать повода к злоупотреблениям.

32. Позиция г-на Феросты заключается в том, что согласие, если оно свободно дано и должным образом выражено, эквивалентно соглашению между сторонами. Остается изучить вопрос, должно ли согласие в смысле статьи 29 трактоваться исключительно как согласие, составляющее соглашение, и в качестве такового применимое в рамках международного права, но в таком случае необходимо выяснить, насколько необходимо предусматривать исключение. Вместе с тем если мы хотим придать согласию более широкий смысл, распространив его на одностороннее согласие, то область применимости этого понятия расширится и к ее определению необходимо будет подойти с большей осторожностью. Не следует также забывать, что если под согласием понимать соглашение, то такое согласие может включать сделанное государству предложение о вмешатель-

стве в дела другого государства и об использовании военной силы. Следовательно, необходимо ясно определить точное значение термина «согласие».

33. Кроме того, следует установить различие между согласием и отказом. В комментарии необходимо указать, что согласие, данное после совершения деяния, является в действительности отказом. Согласие исключает противоправность деяния, в то время как отказ просто является смягчающим обстоятельством.

34. Г-н Джагота поддерживает предложения, внесенные г-ном Квентин-Бакстером на текущем заседании, и г-ном Цуруокой (A/CN.4/L.291). Тем не менее, возможно, Редакционный комитет сочтет уместным сохранить формулировку «если установлено, что...», использованную г-ном Цуруокой. Если такая формулировка будет использована в статье 29, то ее можно будет использовать также и во всех других статьях, касающихся исключений, и тогда эти статьи перейдут из разряда основных правил в разряд доказательных правил.

Заседание закрывается в 18 час. 10 мин.

1541-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 29 мая 1979 года, 11 час. 45 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Беджауи, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швель, г-н Янков.

Заполнение возникших вакансий в Комиссии (статья 11 Положения) (A/CN.4/317 и Add.1 и Add.1/Corr.1 и Add.2)

[Пункт 1 повестки дня]

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ объявляет, что Комиссия на закрытом заседании избрала г-на Дженса Эвенсена от Норвегии, г-на Бутроса Гали от Египта и г-на Хулио Барбосу от Аргентины с целью заполнения вакансий, возникших в результате избрания 31 октября 1978 года г-на Роберто Аго, г-на Абдуллы эль-Эриана и г-на Хосе Сетте Камара судьями Международного Суда.

2. Трем новым членам Комиссии будут незамедлительно направлены телеграммы с приглашением принять участие в ее работе.

Заседание закрывается в 11 час. 50 мин.

⁵ M.M. Whiteman, *Digest of International Law* (Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, 1967).

1542-е ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 30 мая 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швель, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (*продолжение*) *
(A/CN.4/318 и Add.1—3, A/CN.4/L.291, A/CN.4/L.292)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ
Г-НОМ АГО (*продолжение*)

СТАТЬЯ 29 (Согласие потерпевшего государства) ¹ (*продолжение*)

1. Г-н ПИНТО напоминает, что был поднят вопрос об уместности выражения «потерпевшее государство», которое фигурирует в названии проекта статьи 29. Со своей стороны, он не находит ничего неуместного в этом выражении, которое, по его мнению, применяется в своем прямом значении, в отличие от его юридического значения, для обозначения государства, которое на самом деле является потерпевшим, но в юридическом смысле может не рассматриваться как потерпевшее. Напротив, что касается термина «согласие», то г-н Пинто всегда придерживается мнения, что это выражение следует определить тем или иным способом, чтобы уточнить, что согласие должно быть дано в ясно выраженной форме, свободно и с правовой точки зрения надлежащим образом. Оратор готов согласиться с добавлением слов «данное надлежащим образом» при условии, что это выражение будет толковаться как включающее все эти качества; в противном случае следует найти другую формулировку.

2. Г-н Пинто также присоединяется к мнению, что в своей настоящей формулировке проект указанной статьи должен толковаться в ограниченном смысле, а также что эти два положения следует поменять местами таким образом, чтобы исключение предшествовало правилу.

3. В связи с проектом статьи 29 г-н Пинто уже затрагивал вопрос (1538-е заседание), касающийся связи между понятиями противоправности и ответственности. По тем же причинам он предлагает уточнить три пункта, первый из которых касается связи между противоправным

деянием и последствиями или результатами противоправности. Если согласие на противоправное деяние дано в рамках положений статьи 29, то является ли это согласие, а следовательно и ответственность, действительным в отношении всех последствий указанного деяния или в отношении только тех последствий, наличие которых скорее всего могло предполагать государство, которое, в случае отсутствия согласия, было бы потерпевшим государством? Например, предположим, что государство А устанавливает ядерную электростанцию на территории государства В с ясно выраженным условием, что на территории этого последнего не будет мест захоронения радиоактивных отходов, и предположим, что позднее должностное лицо государства В дает разрешение на создание таких мест захоронения и в результате наносится ущерб; можно утверждать, что существует должным образом выраженное согласие в той степени, в какой указанное должностное лицо наделено компетенцией в данной области, но остается неясным, нужно ли, собственно говоря, это согласие распространять на все последствия этих мест захоронения.

4. Во-вторых, если бы исчезла ответственность, произошло ли бы то же самое с противоправностью? Предположим, например, что государство А оккупирует государство В в нарушение своих обязательств в отношении этого последнего и что государство В и все другие заинтересованные государства дают свое согласие на эту оккупацию; можно ли говорить о том, что начиная с этого момента государство А освобождается от всякой ответственности? Сверх того, предположим, что государство А получает выгоды от этой оккупации, например, с точки зрения безопасности его границ или расширения его рынков; не следует ли считать это государство ответственным за вредные последствия этой оккупации для государства В?

5. И наконец, г-н Пинто полагает, что сфера действия исключения, предусмотренного во второй фразе проекта статьи 29, слишком сильно ограничена тем, что оговариваются исключительно случаи несоответствия императивной норме международного права и что поэтому целесообразно несколько расширить область применимости этого исключения. В этой связи оратор напоминает Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами ², в которой предусматривается абсолютная ответственность в случае ущерба, причиненного на поверхности земли. Члены Комиссии помнят, что в пункте 2 статьи VI этой Конвенции, в котором предусматриваются случаи, когда освобождение от ответственности недопустимо, дается ссылка на международное право, «включая, в частности, Устав Организации Объединенных Наций».

* Перенесено с 1540-го заседания.

¹ Текст статьи см. 1537-е заседание, пункт 25.

² Резолюция 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи, приложение.

6. Г-н СУЧАРИТКУЛ одобряет идею проекта статьи 29, но считает желательным более точно определить понятие согласия, которое требуется для исключения противоправности деяния, считавшегося в противном случае международно-противоправным. Он, как и г-н Джагота, полагает, что согласие государства лежит в основе как правовой компетенции международных органов, так и двусторонних или многосторонних соглашений между государствами. По мнению оратора, согласие государства прямо или косвенно является источником любого международного обязательства, и нормы международного права существенным образом базируются на понятии согласия государства.

7. С самого начала важно проводить четкое различие между согласием и отказом, которые являются тесно связанными правовыми понятиями. Согласие исключает ответственность государства — автора деяния в той мере, в какой оно исключает противоправность этого деяния. Отказ, напротив, не исключает ни противоправности, ни ответственности; он просто является выражением намерения потерпевшего государства не настаивать на ответственности на основе предъявления иска с целью получения репараций.

8. Далее, г-н Сучариткул выражает согласие с г-ном Цуруокой (1540-е заседание) в том, что следует уточнить условия действительности согласия. В этой связи ему представляется, что момент, когда выражено согласие, имеет главенствующее значение. Однако этот момент не всегда можно легко определить с достаточной точностью, и могут возникать сомнения относительно предшествования или одновременности согласия. Так, например, во время второй мировой войны согласие на проход японских войск через территорию Таиланда было дано последним после того, как японские войска уже высадились на юге страны. Вместе с тем ни одно из послевоенных правительств Таиланда не ссылалось на это обстоятельство с целью аннулирования указанного согласия.

9. Сфера и срок действия согласия также имеют большое значение. Например, когда государство дает согласие на пролет над его территорией транспортных самолетов другого государства, то маловероятно, что это согласие в той же степени распространяется и на воздушную транспортировку войск или военного оборудования. В случае согласия государства на размещение иностранных войск на его территории срок действия этого согласия имеет очень важное значение, так как этим сроком определяется продолжительность правомерного пребывания войск. В случае Индонезии нидерландское правительство дало согласие на размещение иностранных войск на индонезийской территории. Когда Индонезия стала независимой, необходимо было получить ее согласие, так как нельзя предполагать, что государство-преемник продолжает быть связано согласием на присутствие иностранных войск, которое было дано государством-предшественником.

10. И наконец, что касается императивных норм, от соблюдения которых невозможно уклоняться на основе взаимного согласия, то здесь г-н Сучариткул, как и г-н Пинто, не видит никаких трудностей. Он полагает, что существуют другие основные нормы международного права, от соблюдения которых также нельзя уклоняться даже при наличии согласия другого государства. Например, он может себе представить, что некоторые резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности Организации Объединенных Наций предписывают для всех государств-членов обязательства, нарушение которых составляет международно-противоправное деяние.

11. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что, как подчеркнул г-н Аго в пунктах 57 и 74 своего доклада (A/CN.4/318 и Add.1—3), из того факта, что государство согласилось на поведение другого государства, которое бы при других обстоятельствах являлось нарушением международного обязательства второго государства в отношении первого государства, вытекает соглашение, предусматривающее исключение или временную отмену обязательства. Вместе с тем к этому результату может приводить лишь согласие, данное субъектом международного права; именно по этой причине согласие, данное в клаузуле Кальво контракта между иностранным гражданином и государством, не лишает государство, гражданином которого является указанный иностранец, права на оказание ему дипломатической защиты.

12. Существенным элементом утверждения г-на Аго является ограничение, в соответствии с которым, когда какая-либо норма международного права не допускает отклонений и не может быть изменена на основе соглашения между сторонами, согласие потерпевшего государства не может ни исключать, ни временно отменять данное обязательство. В результате вытекает дилемма, на которую указал сэр Фрэнсис Вэллет на 1538-м заседании: если допустить, что норма *ius cogens*, провозглашенная в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, является императивной нормой и что отклонение от этой нормы, как от всякой императивной нормы, является недопустимым, то в каком смысле следует понимать пример, приведенный в докладе г-на Аго, а именно: пример несоблюдения на основе согласия нормы, которая запрещает вступление иностранных войск на территорию государства? По мнению г-на Швобеля, на это может быть дан следующий ответ: когда иностранные войска вступают на территорию государства с согласия этого последнего, то они это делают с целью поддержания и по крайней мере в духе уважения территориальной целостности и политической независимости государства, давшего согласие. Так должно быть в большинстве случаев, если не всегда. Следовательно, если это согласие было подлинным и действительным, то не может возникнуть никаких трудностей, если только это согласие не нарушает каких-либо других

важных норм международного права, норм, которые не могут быть признаны императивными, но которые тем не менее занимают определенное положение в международном праве.

13. Возвращаясь к примеру г-на Феросты (1540-е заседание), касающемуся вступления русских войск в Венгрию в 1849 году, оратор отмечает, что в соответствии с международным правом той эпохи это вступление было более оправданным, чем вступление войск в Венгрию, которое произошло на сто лет позже, поскольку суверенная держава Австро-Венгрия дала на то свое согласие. Однако венгры не дали своего согласия, и, с точки зрения Соединенных Штатов, вожди той революции были героями. В то время не существовало термина «самоопределение», но сам принцип существовал в полной мере.

14. Одна из наиболее трудных проблем современного международного права и современных международных отношений заключается в том, чтобы примирить право правительства государства призывать иностранные войска с правом на самоопределение. Это, в частности, относится к тем частям мира, где некоторые движения, которые заявляют о своей борьбе за самоопределение, в действительности представляют собой иностранные войска или ими поддерживаются, что само по себе эквивалентно посягательству на территориальную целостность и на суверенитет государства и нарушению принципа самоопределения. Тем не менее очевидно, что Комиссия не может решить обсуждаемую проблему, и, вообще говоря, утверждение, сделанное г-ном Аго в его докладе и нашедшее свое отражение в проекте статьи 29, является оправданным.

15. Совершенно справедливо был поставлен вопрос о том, может ли поведение, на которое соглашается государство, нанести ущерб третьим государствам. Этот вопрос наводит на мысль о том, что ответственность не может быть исключительной. Если, например, государство А просит помощи государства В с целью подавления преследуемого национального меньшинства, то, даже если согласие государства А исключает возможность какой-либо жалобы на агрессию, совместная ответственность государств А и В за преследование геноцида не может быть устранена, поскольку имеет место нарушение одной из норм общего международного права и императивной нормы. В пунктах 73 и 74 доклада г-на Аго даны другие примеры, подтверждающие тот справедливый принцип, что согласие непосредственно заинтересованных государств не должно затрагивать прав третьих государств.

16. И наконец, что касается необходимости действительной и надлежащей формы согласия, то г-н Швобель полагает, что уточнение слова «согласие» не представляет большого интереса. Тем не менее он считает приемлемой формулировку, которую предлагает г-н Суруока (1540-е заседание, пункт 4); однако он предлагает несколько

изменить текст этого предложения, отредактировав его следующим образом:

«Если установлено, что государство в должной и ясной форме дало согласие на деяние другого государства, которое в отсутствие этого согласия составляло бы нарушение международного обязательства второго государства в отношении первого государства, это согласие исключает противоправность указанного деяния. Тем не менее этого не происходит, если обязательство, о котором идет речь, вытекает из императивной нормы общего международного права».

17. Г-н УШАКОВ продолжает считать, что в статье 29 проблема ответственности не ставится. Но если противоправные деяния отсутствуют, то это не потому, как он полагает вначале, что государство освобождает другое государство от обязательства по отношению к нему, отказываясь от своего права требовать осуществления этого обязательства; это происходит, поскольку между двумя государствами существует соглашение о нарушении нормы международного права, которое создает это обязательство. Таким образом, то, что присутствие иностранных войск на территории государства не составляет противоправного деяния, происходит не потому, что государство дало свое «согласие», а потому, что оно заключило с другим государством соглашение, которое помимо прочего закрепляет, вообще говоря, в весьма точных формулировках условия, при которых иностранным войскам разрешается располагаться на данной территории. Это соглашение является нарушением нормы международного права, согласно которой каждое государство обязуется не вводить свои войска на территорию другого государства. Поскольку этого обязательства больше не существует, присутствие иностранных войск на территории государства не является противоправным.

18. Следовательно, проблема, которая ставится в статье 29, не является проблемой ответственности, а является проблемой нарушения обязательства в рамках общего международного права на основе соглашения между двумя или несколькими государствами. Г-н Ушаков полагает, что в этом и заключается весьма сложная проблема, решить которую в рамках одной-единственной статьи было бы безнадежной затеей. На самом деле, некоторые обязательства согласно международному праву нарушать нельзя, и это касается не только обязательств, вытекающих из императивных норм, но также и обязательств, вытекающих, например, из ограничительного многостороннего договора, так как в этом случае указанное обязательство связывает все стороны в договоре и согласно статье 20 Венской конвенции³ нарушить такое обязательство можно лишь с согласия всех сторон. Этот вопрос также возни-

³ См. 1533-е заседание, сноска 2.

кает в случае некоторых двусторонних договоров и некоторых обычных норм международного права. Таким образом, истинная проблема заключается в действительности нарушения на основе соглашения обязательства в рамках международного права.

19. Г-н ФЕРОСТА официально предлагает заменить название статьи 29 следующим: «*Volenti non fit injuria*».

20. Что касается текста статьи, то он подерживает текст, представленный г-ном Цурукой, но предлагает после первой фразы этого текста добавить следующую фразу: «Согласие, данное таким образом, не должно нарушать прав третьих государств без их согласия».

21. Г-н ШВЕБЕЛЬ соглашается, что вопрос, который он предлагает рассмотреть Комиссии, является главным образом вопросом соглашения между непосредственно заинтересованными государствами. Тем не менее ему представляется, что г-н Аго принял правильное решение, сформулировав статью, где речь идет не о соглашении, а о согласии, и что эта статья вполне уместна в рамках кодификации права ответственности государств.

22. Кроме того, в данном контексте слово «согласие» является более точным по сравнению со словом «соглашение», поскольку в некоторых случаях действительные обстоятельства имеют больше общих черт с определенными односторонними контрактами, в силу которых во внутригосударственном праве происходит не обмен обещаниями, а совершаются некоторые действия в обмен на обещание. Например, когда таможенники государства А просят и получают у своих коллег в государстве В разрешение на переход границы с целью задержания лица, подозреваемого в провозе наркотиков, это действие заключается в подъеме пограничного шлагбаума таможенниками государства В, в то время как обещание заключается в принимаемом таможенниками государства А обязательстве покинуть территорию государства В после проникновения на эту территорию. Это замечание дополняет замечание г-на Ушакова и заключается в том, что разрешение на проникновение на территорию данного государства должно быть конкретным и ограниченным. Можно назвать несколько других примеров, некоторые из которых относятся к более тонкому вопросу о проникновении иностранных вооруженных сил на территорию государства. Например, несколько лет тому назад органы одного государства обратились за помощью к другому государству и получили такую помощь с целью возвращения к власти своего президента, который оказался жертвой государственного переворота, совершенного группой низших армейских чинов. До некоторой степени позволительно усомниться в существовании какого-либо письменного соглашения, определяющего права и обязанности каж-

дого из двух заинтересованных государств; скорее всего здесь следует говорить о некотором типе одностороннего контракта. Именно поэтому, по мнению господина Швобеля, характер согласия должен быть определен в более общих формулировках. Согласие должно быть дано в ясно выраженной форме, но не всегда существует необходимость в том, чтобы эта форма была письменной; и совершенно не обязательно, что согласие должно заключаться в обмене обещаниями.

23. Если г-н Швобель правильно понял, г-н Ушаков считает, что на основе соглашения может осуществляться нарушение императивных норм международного права. Однако сам оратор исходит из того принципа, что подобные нормы не допускают осуществления какого-либо их нарушения. Поэтому он хотел бы получить разъяснения по этому вопросу.

24. И наконец, г-н Швобель намеревался упомянуть третьи государства в формулировке, которую он представил для проекта статьи 29, но сейчас он полностью отказывается от этого предложения, поскольку в поправке г-на Цуруки делается ссылка на «нарушение международного обязательства вторым государством в отношении первого», откуда со всей очевидностью следует, что права третьих государств не затрагиваются. Тем не менее хотелось бы видеть более четкую формулировку.

25. Г-н ТИАМ сомневается в необходимости уточнять в тексте статьи 29, что согласие должно быть действительным и должным образом выраженным, поскольку это утверждение ему представляется само собой разумеющимся. Ему представляется невозможным определить все условия и обязательства, в которых может быть выражено согласие. Действительность согласия, по его мнению, является фактом, подтверждаемым судом.

26. Г-н Тиама очень хорошо понимает различие, проводимое г-ном Аго в пункте 72 его доклада, между предварительным согласием, которое является единственной действительной формой согласия, и поздним согласием, которое на самом деле является не чем иным, как отказом от права требовать ответственности, вытекающей из противоправного деяния. Но ему не совсем ясно, как можно получить совпадающее по времени согласие.

27. Г-н ДЖАГОТА говорит, что он не может согласиться с мнением г-на Тиама, в соответствии с которым слово «согласие» бесполезно дополнительно определять, употребляя какое-либо прилагательное. Со своей стороны, он считает полезным уточнить для целей правительства, юрисконсультов и судей элементы согласия, необходимые для применения статьи 29, так как это помогло бы установить ограниченное толкование понятия согласия в конкретных случаях и, кроме того, это упростило бы рассмотрение текста статьи в Шестом комитете.

28. В соответствии с этим г-н Джагота предлагает новую формулировку статьи 29 (A/CN.4/L.292), представляющую собой отредактированный текст, в котором учтены предложения, сделанные ранее г-ном Цуруокой (1540-е заседание, пункт 4) и г-ном Феростой (пункт 20, выше):

«Согласие государства

Действительное и ясное согласие, данное одним государством до совершения другим государством деяния, которое в противном случае представляло бы собой нарушение его международного обязательства по отношению к первому государству, исключает противоправность указанного деяния. Согласие, данное таким образом, не должно нарушать прав третьего государства без согласия последнего. Однако это положение не действует, если обязательство, о котором идет речь, вытекает из императивной нормы общего международного права».

29. При подготовке этого текста он оставался в рамках сферы применимости проекта статей, посвященного исключительно ответственности государства за международно-противоправное деяние. Таким образом, предлагаемое положение не является некоторым всеобщим правилом, которое могло бы распространяться на ответственность государств за деяния, которые, не будучи противоправными, тем не менее являются причиной ущерба; этот вопрос является отдельной темой, к изучению которой Комиссия приступит, лишь завершив рассмотрение текущего вопроса. В настоящий момент не представляется возможности заниматься такими вопросами, как абсолютная ответственность или ответственность, основанная на ошибке, или же форма выплаты репараций.

30. В той же степени чрезвычайно важно, чтобы в комментарии к данной статье подчеркивалось, что согласие, данное государством *после* совершения другим государством международно-противоправного деяния, равнозначно отказу от своих прав или предъявлению жалобы. Конечно, Комиссия всегда может на более поздней стадии решить, следует ли посвящать особую статью отказу, но в комментарии совершенно необходимо провести различие между согласием и отказом. Отказ затрагивает исключительно осуществление прав или предъявление жалоб, оставляя неизменным факт существования противоправности деяния. Следовательно, это одно из понятий, которые не отражены в формулировках проекта статьи 29.

31. Далее в комментарии должно быть указано, что выражение «действительное и ясное согласие» означает, что при предоставлении своего согласия государство не находилось под каким-либо давлением, что согласие не потеряло своей действительности в результате ошибки, обмана, коррупции или других изъяснов, что согласие было дано соответствующими властями государства, компетентными давать такое согласие для целей

международного права, что согласие будет ограничено толковаться в отношении его объема и что не было никаких (хорошо известных) конституционных или международных запрещений на предоставление этого согласия.

32. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что ответ на вопрос о том, почему проект статей об ответственности государств должен содержать статью, подобную статье 29, которая не является статьей об ответственности государств, заключается, несомненно, в том, что в указанной статье предусматривается важное исключение из принципа ответственности государств, и именно это данное положение занимает достойное место в проекте.

33. Он целиком поддерживает предложение г-на Джаготы, за исключением, пожалуй, ссылки на конституционные запреты в отношении согласия. Если ссылка такого рода будет фигурировать в комментарии, то он считает более предпочтительным, по аналогии с Венской конвенцией, говорить об «общепризнанных» конституционных запретах.

34. Г-н Ушаков, обращая внимание на начало формулировки проекта статьи 29: «Согласие, данное одним государством на совершение другим государством деяния», спрашивает, какое деяние имел в виду г-н Аго. Когда государство дает рыбакам, являющимся гражданами другого государства, разрешение на отлов рыбы в ее территориальных водах, можно ли считать, что оно дает свое согласие на совершение деяния, о котором идет речь? Соглашения такого рода, к их числу относится и соглашение между Советским Союзом и Японией, иногда предусматривают, что действительность разрешения на отлов рыбы ограничена определенным сезоном или определенным числом заходов. По мнению г-на Ушакова, весьма сомнительно, чтобы такие соглашения означали согласие на совершение какого-либо деяния; во всех случаях это — соглашение о передаче прав. Любое государство, осуществляя суверенитет над своими территориальными водами, может заключить с другим государством соглашение, согласно которому оно разрешает некоторым гражданам этого государства производить отлов рыбы в своих территориальных водах. Когда заключается подобное соглашение, нельзя говорить о каком-либо деянии, которое может быть противоправным. В действительности, обязательство не проводить отлов рыбы больше не существует, а, напротив, существует право на отлов рыбы. Таким образом, не было дано никакого согласия на совершение деяния, которое могло бы рассматриваться как противоправное.

35. Г-н ТАБИБИ говорит, что предложение г-на Джаготы является исключительно своевременным, так как оно помогает рассеять некоторые сомнения у членов Комиссии, которые, в частности, вызывают понятие должным образом выраженного согласия. Тем не менее положение, согласно которому согласие должно быть дано

до совершения деяния, может — несмотря на то, что оно является весьма полезным с точки зрения гарантий, — создать определенные трудности; действительно, в некоторых случаях будет очень трудно получить предварительное согласие. В атомную эпоху безопасность государств может потребовать, чтобы согласие было дано всего лишь за несколько долей секунды до совершения деяния. Возможно, г-н Джагота пожелает несколько подумать над этим вопросом.

36. Г-н РИФАГЕН отмечает, что Комиссия занимается изучением ситуаций трех различных типов. Первая ситуация характеризуется наличием письменного соглашения, то есть соглашения в письменной форме, между государством А и государством В, соглашения, которое временно отменяет обязательства первого в отношении второго или вообще его исключает. Эта ситуация учитывается правом договоров. Вторая ситуация — это та, при которой государство В, то есть государство-жертва, демонстрирует такое поведение, которое может исключить ответственность государства А, то есть государства-нарушителя. В этом случае применяется принцип *volenti non fit injuria*, и поведение, которое равносильно согласию, может иногда быть чисто односторонним. Третья ситуация подразумевает отказ государства В от права предъявлять претензии к государству А, в частности претензии на репарации. В этих трех ситуациях государство В отказывается от некоторых своих прав в отношении государства А, но возникает вопрос о том, от каких прав можно отказываться. Совершенно очевидно, что государство В может отказываться только от своих собственных прав и ни в коем случае от прав третьих государств. В тех случаях, когда имеет место нарушение императивной нормы международного права, является, безусловно, недопустимым отказываться от некоторых прав даже договорным путем, а уж тем более на основе простого согласия. Вместе с тем в других случаях государство может отказаться, например, от права на денежное возмещение, и, как правило, но не всегда, государство может, конечно, отказаться от права на применение «санкции» в том ограниченном смысле, какой придает этому термину г-н Аго.

37. Совершенно очевидно, что трудности, с которыми сталкивается Комиссия, связаны с ситуациями различных типов и различными последствиями противоправных деяний, что необходимо предусмотреть в контексте статьи 29. В этой связи г-н Рифаген сомневается, что предложение г-на Феросты, которое г-н Джагота включил в свое предложение, действительно разрешает эту трудность. Почему согласие государства В, данное в нарушение права государства С в отношении государства В, не может исключить ответственность государства А в отношении государства В? Согласие государства В на вступление вооруженных сил на его территорию может наносить ущерб правам государства С, но, несмотря на это, за-

тронет ли оно ответственность государства А, которое посылает войска на территорию государства В? По мнению г-на Рифагена, ответ, безусловно, отрицателен. Подобное согласие станет источником ответственности государства А в отношении государства С и, вероятно, ответственности государства В в отношении государства С в силу правила, касающегося помощи или поддержки одного государства другим государством, которое провозглашено в статье 27 проекта⁴. И все-таки г-н Рифаген не понимает, почему согласие государства В на вступление на его территорию войск государства А должно повлечь ответственность государства А в отношении государства В. Государство А располагает согласием государства В, хотя это согласие и нарушает права третьего государства.

38. Г-н ДЖАГОТА, ссылаясь на предложение г-на Швелебя, говорит, что, по-видимому, предпочтительнее вместо выражения «общепризнанные» конституционные запреты употреблять выражение «хорошо известные» конституционные запреты. Автор, конечно, хотел бы включить слова «хорошо известные» в текст, который он предлагает поместить в комментарии, но в таком случае эти слова могли бы также толковаться как определяющие «международные запреты», в отношении которых невозможно проводить различие между запретами «общепризнанными» и запретами других типов. Однако этот вопрос может быть легко разъяснен в тексте комментария.

39. Что касается вопроса, затронутого г-ном Табиби, то основополагающий принцип состоит в том, что согласие должно быть дано до совершения деяния, а когда важную роль играет быстрота действий, согласие может быть испрошено и получено за несколько секунд до совершения деяния по прямой линии связи или с помощью каких-либо других средств быстрой связи. Формулируя правила статьи 29, необходимо уточнить, что согласие, полученное после совершения деяния, представляет собой простой отказ и что противоправность деяния может исключаться лишь на основе предварительного согласия.

40. И наконец, высказанные г-ном Рифагеном опасения могут быть рассеяны включением положения, в соответствии с которым согласие, данное в действительной и ясной форме, не может затрагивать прав третьего государства без согласия последнего, так что противоправность деяния может быть исключена на основе соглашения всех заинтересованных сторон. Вопрос о том, всегда ли согласие может быть дано, если оно затрагивает права или обязательства третьего государства, будет обсужден в комментарии в связи с вопросом о действительности согласия.

41. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, выступая в качестве члена Комиссии, заявляет, что глава V, озаглавленная «Обстоятельства, исключющие противо-

⁴ См. 1532-е заседание, сноска 2.

правность», должна быть обязательно включена в проект. В своих первоначальных рассуждениях (A/CN.4/318 и Add.1—3, пункты 48—55) г-н Аго доказал эту необходимость, но ход дискуссии, посвященной первой статье этой главы — статье 29, наводит на мысль о сосуде Пандоры. Рассматривая вопрос об обстоятельствах, исключающих противоправность, Комиссия впервые может оказаться вынужденной высказать свое мнение о некоторых аспектах общего международного права, поскольку у нее не было еще возможности конкретно изучить эти особые обстоятельства. В своих нескольких докладах о работе предыдущих сессий Комиссия уже ссылалась на различные особые обстоятельства, которые она предполагала изучить. В настоящий момент она сталкивается с предварительными вопросами, которые могут в значительной степени осложнить разработку статей главы V.

42. Г-н Шахович полагает, что с целью преодоления этих трудностей, возможно, следует сформулировать статью, которая, будучи помещена в начале главы V, уточнит, с какой точки зрения будут рассматриваться обстоятельства, исключающие противоправность. Поскольку Комиссия сталкивается с большими трудностями и поскольку она должна закончить изучение темы об ответственности государства за международно-противоправное деяние в кратчайший срок, подобная статья будет, безусловно, полезной.

43. Г-н ФЕРОСТА, ссылаясь на поправку, которую он предложил в ходе текущего заседания (пункт 20, выше) и которая в измененной форме фигурировала в предложении г-на Джаготы (пункт 28, выше), подчеркивает, что сфера применимости исключения *jus cogens* не ограничивается нормами, провозглашенными в многосторонних договорах. Например, если говорить о нейтралитете, то ничего не мешает Швеции разрешить проход немецким войскам по своей территории. Во время войны ситуация будет другой, поскольку свобода Швеции распоряжаться своей территорией ограничена правами воюющих сторон, и Швеция должна будет подчинять свое поведение правилам нейтралитета. Во время второй мировой войны, когда Швеция разрешила проход по своей территории немецких войск, направлявшихся из Норвегии в Данию, она сделала это, конечно, с согласия союзников.

Организация работы (продолжение) *

44. Г-н СУЧАРИТКУЛ говорит, что ввиду своего позднего прибытия в Женеву он не располагал возможностью своевременно предоставить информацию о ходе работы над предварительным докладом, который он должен был представить в своем качестве Специального докладчика по вопросу об иммунитетах государств и их собственности от иностранной юрисдикции. Он

хочет надеяться, что предложение Расширенного бюро о порядке изучения вопросов, включенных в повестку дня (1539-е заседание, пункт 1), не исключает для него возможности представить указанный доклад через 3 или 4 недели, и он также надеется, что этой теме будет посвящено одно или два заседания в конце сессии.

45. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ указывает, что вопрос об иммунитетах государств и их собственности от иностранной юрисдикции является пунктом 10 повестки дня, и он будет, безусловно, изучен, когда появится доклад. В предложениях Расширенного бюро о порядке рассмотрения различных вопросов, включенных в повестку дня, указываются лишь приблизительные сроки и дается только общая схема работы Комиссии.

Заседание закрывается в 13 час.

1543-е ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 31 мая 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швобель, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение)
(A/CN.4/318 и Add.1—3, A/CN.4/L.291, A/CN.4/L.292)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ
Г-НОМ АГО (продолжение)

СТАТЬЯ 29 (Согласие потерпевшего государства) ¹ (продолжение)

1. Г-н АГО в ответ на замечания, которые вызвал проект статьи 29, прежде всего подчеркивает, что это положение является одним из самых простых в проекте и, вызвав некоторое недоумение, оно, тем не менее, не создает трудностей, которые на предыдущем заседании отметил Председатель, выступая в качестве члена Комиссии. Что касается предложения Председателя относительно помещения в начале главы V статьи, в которой уточнялись бы обстоятельства, исключающие противоправность, то г-н Аго не может с ним согласиться. Комиссия всегда воздержива-

* Перенесено с 1539-го заседания.

¹ Текст статьи см. 1537-е заседание, пункт 25.

лась от формулировки статей, которые не содержали правил, а просто носили характер объяснения. Представляется, что предлагаемая статья скорее всего имела бы отношение к юридической науке, а не к кодификации права. Кроме того, глава V покоится на достаточно прочном основании, поскольку обстоятельства, исключающие противоправность, достаточно хорошо закреплены как теорией, так и практикой государств и юриспруденцией.

2. Некоторые замечания относительно статьи 29 конкретно касаются теоретического аспекта вопроса, каким образом действует обстоятельство, исключающее противоправность. С этой точки зрения нет оснований проводить различие в зависимости от того, является ли обстоятельство, опираясь на которое государство намеревается утверждать, что противоправное деяние не имеет места, согласием потерпевшего государства, применением правомерной санкции, форс-мажорными обстоятельствами, непредвиденным случаем, правомерной защитой и даже чрезвычайными обстоятельствами. На практике положение является следующим: в отношениях между государствами имеет силу некоторая норма, которая обязует одно из государств совершать определенное действие или, напротив, воздерживаться от его совершения. Если государство, на которое возлагается это обязательство, не желает совершать требуемого от него действия или желает совершить действие, от которого оно должно воздерживаться, оно просит согласия другого государства на поведение, в данном конкретном случае не согласующееся с тем, что требует от него его обязательство. Данное ему согласие имеет вполне определенное содержание; оно действительно только для данного конкретного случая. Поскольку согласие дается в ответ на просьбу, безусловно, можно теоретически считать, что между этими двумя государствами образовалось соглашение. Тем не менее г-н Аго не желает идти слишком далеко в этом направлении. Он подчеркивает, что подобное соглашение распространяется лишь на совершение или несвершение вполне определенного деяния. Такое соглашение не является договором, из которого вытекает изменение норм. В действительности норма, из которой вытекает обязательство, остается. Государство, в отношении которого существует обязательство, соглашается не на его изменение, а на его неприменение. Конечно, в виде исключения может случиться, что нормы и обязательства, о которых идет речь, таковы, что для того, чтобы они перестали существовать, достаточно один раз принять решение об их неприменении. Но обычно государство, которое обращается с просьбой о предоставлении ему возможности действовать в определенных обстоятельствах, в которых в противном случае оно было бы связано обязательством, не имеет намерения изменять норму, из которой вытекает это обязательство. Эта норма сохраняется, и такое согласие должно испрашиваться всякий раз, ког-

да государство, связанное таким обязательством, желает совершать действия, не соответствующие тому, что от него требуется. Таким образом, роль согласия сводится к тому, чтобы сделать обязательство недействительным в некотором конкретном случае.

3. Когда государство обращается к другому государству с предложением изменить некоторую норму, имеющую силу в отношениях между ними, то в таком случае возникает вопрос не об ответственности, а вопрос, относящийся к праву договоров и более конкретно — к изменению общепринятых положений. Однако Комиссия в рамках изучаемого проекта должна ограничиться рассмотрением вопроса о том, может ли государство дать свое согласие на то, чтобы некоторая норма не применялась в некотором конкретном случае, с тем чтобы совершенное вследствие этого согласия деяние не рассматривалось в качестве противоправного.

4. В своем докладе он приводил политические спорные случаи именно потому, что они широко известны. Он не собирался ни предлагать эти случаи для решения, ни выяснять, например, является или нет в некотором конкретном случае согласие действительным. Что он хотел бы отметить, так это, что во всех этих случаях вопрос о действительности согласия обсуждался, но не оспаривался сам принцип, согласно которому должным образом данное согласие на совершение действия, не связанного с обязательством, составляет обстоятельство, исключающее противоправность такого поведения. Г-н Ушаков (1538-е заседание) совершенно правильно указал, что государство, которое дает свое согласие, освобождает другое государство от его обязательства. В действительности все, что делает первое государство, направлено на освобождение второго государства от соблюдения его обязательств в конкретном случае. Можно предположить, что в противоположность тому выводу, который можно сделать на основании упомянутых в докладе примеров, государство часто дает свое согласие на совершение другим государством действий в нарушение международного обязательства в некотором конкретном случае. Когда контрабандист, преследуемый итальянским полицейским, пересекает итало-швейцарскую границу и швейцарский полицейский позволяет итальянскому полицейскому продолжать преследование на швейцарской земле, то речь идет о соглашении между двумя государствами на законность действия, предпринятого в данном конкретном случае, но это ни в коем случае не является ни договором, ни изменением существующих норм. Г-н Рейтер (там же) подчеркнул, что некоторая норма может стать недействительной в результате одностороннего действия. Однако возможность, предсказываемая в статье 29, предполагает, что государство дает свое согласие в ответ на просьбу другого государства даже в том случае, когда это согласие дается в самый последний момент.

Но между двумя сторонами существует согласие. Безусловно, одинаковых случаев нет, и на практике следует выяснять, происходит ли временная отмена действия обязательства в каком-то конкретном случае, или это обязательство перестает существовать.

5. Наряду с тем, что, как правильно отметил г-н Фероста (1540-е заседание), всегда имеет место заключение соглашения, тем не менее не следует занимать крайнюю позицию и утверждать, что была создана новая норма и что обязательство было изменено. Поскольку обязательство остается неизменным, то этот вопрос относится к ответственности государств, а не к праву договоров. Более того, судьи, государства и авторы всегда достигали согласия. До настоящего времени Комиссия ограничивалась установлением, имело ли место международно-противоправное деяние, и изучением двух объективных элементов такого деяния. Представляется логичным, что теперь она учтет ситуации, в которых один из этих двух элементов отсутствует. В этой связи г-н Фрэнсис (там же) справедливо сослался на статью 18 проекта (Условие действительности международного обязательства для государства)². В случае, предусмотренном в проекте статьи 29, обязательство можно рассматривать как не вступившее в силу в данном конкретном случае, что означает отсутствие объективного элемента.

6. Как указал г-н Рифаген (1542-е заседание), в действительности речь идет об установлении того, каким образом можно согласиться на совершение действия вопреки существованию первоначального обязательства, которое требует совершенно иного действия. Одно из отличий, на которые указал г-н Рифаген, в точности совпадает с одним из отличий, указанных г-ном Аго, а именно: государство может испросить у другого государства его согласия либо на изменение некоторой конкретной нормы и обязательства, которое из нее вытекает, либо на однократное совершение или однократный отказ от совершения деяния в некотором конкретном случае вопреки некоторому обязательству. В этом последнем случае согласие не затрагивает обязательства и затрагивает только исключение противоправного характера этого деяния.

7. Многие члены Комиссии особо подчеркивали отличие между исключением противоправности и исключением ответственности. Некоторые поднимали вопрос о границе между ними и о том, что происходит с ответственностью, когда противоправность исключается. Другие полагали, что согласие, данное *ex post facto*, может воздействовать на ответственность, но не на противоправность. Некоторые представители стран с английским языком настаивали на отличии между понятиями «consent» и «waiver». Они подчеркивали, что если согласие дано до совершения деяния, то

последнее не может быть противоправным, поскольку нарушение обязательства не имеет места. Как указал г-н Джагота (там же), в действительности невозможно согласиться с понятием совпадающего по времени согласия. Г-н Аго использовал это выражение лишь потому, что оно встречается в практике государств, но при этом оно употреблялось не в юридическом смысле, а в обычном смысле. Это выражение применяется к таким ситуациям, когда можно считать, что согласие было дано в момент совершения деяния. Однако, конечно, правильнее всего, если оно дается заранее при том условии, что оно могло бы предотвратить данное противоправное деяние. Если оно дается после, нет никаких сомнений в том, что обязательство действует в момент совершения деяния, которое поэтому является противоправным. Конечно, государство, являющееся объектом этого деяния, всегда имеет возможность не рассматривать его как противоправное, что обычно означает, что оно не будет поднимать вопрос о последствиях и требовать репараций. По этому поводу г-н Сучариткул (там же) сослался на согласие, данное правительством Таиланда после высадки японских войск на территорию Таиланда, и на позднейший отказ правительства от валоризации последствий деяния, начало совершения которого относится к моменту, предшествующему согласию. Со своей стороны, г-н Цуруока (1540-е заседание) поднял вопрос о том, исключает ли согласие, данное в некоторый промежуточный момент, при совершении некоторого продолжительного деяния, противоправный характер этого деяния. Напрашивается отрицательный ответ в отношении части деяния, совершенного до согласия, поскольку согласия не было в начальный момент продолжительного деяния, являющегося источником ответственности. Таким образом, эта часть деяния остается противоправной, даже если более позднее согласие может означать, что не будет выдвинуто требования о репарации. Короче говоря, логика вынуждает совершенно определенно заявить, что в случае более позднего согласия имеет место международно-противоправное деяние, даже при наличии отказа от валоризации последствий. Именно в этом смысле следует проводить границу между двумя этими понятиями.

8. В свою очередь, г-н Пинто (1542-е заседание) поднял вопрос о том, полностью ли исключается возможность ответственности, когда государство соглашается на совершение деяния, которое в отсутствие согласия было бы противоправным. В этой связи г-н Аго подчеркивает, что согласие может быть дано при самых различных обстоятельствах. Одна возможность заключается в том, что государство соглашается на совершение другим государством некоторого деяния, но при условии, например, что последнее обязуется возместить ущерб лицам, которые могут пострадать в результате этого деяния. В этом случае возмещение вытекает не из ответственности за соверше-

² См. 1532-е заседание, сноска 2.

ние международно-противоправного деяния, а из соглашения, заключенного между двумя государствами. Может также возникнуть случай, когда государство дает свое согласие на совершение одного конкретного действия, снимая с него какой-либо характер правонарушения, но тем не менее такое действие влечет за собой вредные последствия на другой почве, а именно: за деятельность, которая не запрещается международным правом.

9. Что касается термина «потерпевший», который г-н Аго, проявляя осторожность, обычно заключал в кавычки, то он часто встречается в теории и практике государств. В действительности, в юридическом смысле слова государство не является «потерпевшим». Государство, которое дает свое согласие, соглашается не настаивать на своем субъективном праве на то, чтобы другое государство поступало в соответствии с обязательством. Правовая природа деяния этого государства видоизменяется, поскольку деяние более не является противоправным, но в материальном смысле деяние остается и может повлечь за собой материальный ущерб для государства, являющегося его объектом. Выражение «потерпевшее государство» является практически удобным выражением для обозначения государства, у которого есть право требовать в силу международного обязательства, чтобы поведение в отношении него не содержало определенных элементов. В самом тексте статьи 29 ему удалось избежать этого выражения, но оказалось более трудным избежать в названии, которое обязательно должно быть кратким. Проект статьи 29 может быть озаглавлен «*Volenti non fit injuria*», как это предлагает г-н Фероста (там же, пункт 19), но сокращенно можно также говорить просто о «согласии». Поскольку члены Комиссии, по-видимому, единодушны в том, что следует избегать употребления выражения «потерпевшее государство», этот вопрос может быть решен Редакционным комитетом.

10. Была широко обсуждена проблема пределов, в которых должна действовать норма, провозглашенная в проекте статьи 29. По мнению г-на Аго, предложение об исключении для императивных норм общего международного права находится в полном соответствии с направлением, которого придерживалась Комиссия при разработке данного проекта. Ссылаясь на исторический пример вступления иностранных войск в Австрийскую империю, приведенный г-ном Феростой (1540-е заседание), интервенции, которая происходила во время возникновения мятежных движений в Венгрии, г-н Аго говорит, что даже в случае иностранной интервенции он допускает, что венское правительство дало свое согласие, хотя и не в ясно выраженной форме, поскольку эта интервенция отвечала его пожеланиям. Однако, если подобная ситуация повторится в настоящее время, интервенция такого типа, возможно, будет рассматриваться как противоправная

вопреки какому угодно согласию, поскольку она будет противоречить праву народов на самоопределение, являющемуся одной из императивных норм. Напомнив, что в смысле подпункта 3b статьи 19 проекта международное преступление может, в частности, явиться следствием серьезного нарушения международного обязательства, например, обязательства, запрещающего установление или поддержание силой колониального господства, г-н Аго приводит в качестве возможного случая вновь образовавшееся независимое государство, которое может находиться в столь ослабленном состоянии, что может дать свое согласие на восстановление колониального режима. В этом случае обязательство, применимость которого в данном конкретном случае колониальная держава будет пытаться отрицать, будет обязательством, вытекающим из императивной нормы. Согласие вновь образовавшегося независимого государства не исключит противоправность характера, указанного деянием, поскольку согласие на нарушение обязательства, вытекающего из императивной нормы, является недействительным.

11. Некоторые члены Комиссии высказывали предположения о необходимости установления пределов применимости статьи 29, иных, нежели императивные нормы. Г-н Ушаков (1542-е заседание) упомянул случай ограниченных многосторонних договоров, которые могут быть изменены только с согласия всех сторон. Здесь г-н Аго должен высказать два предупреждения. С одной стороны, в проекте статьи 29 речь не идет об изменении договоров, и, с другой, противоправность аннулирования следует рассматривать отдельно. Предположим, что договор, предусматривающий некоторые обязательства, был заключен между пятью государствами и что одно из этих государств обращается к другому с просьбой дать согласие на совершение им деяния, противоречащего этому обязательству, тогда, если такое согласие дано, оно является недействительным только в том случае, если оно противоречит императивному обязательству. Но то, что это согласие было дано, и то, что были произведены действия в соответствии с этим согласием, является международно-противоправными деяниями по отношению к другим государствам — участникам соглашения. Следовательно, такую ситуацию можно упомянуть, отличая ее от случая императивной нормы, поскольку в этом последнем случае недействительным является согласие, в то время как в первом случае противоправность согласия и последующего действия имеет место только по отношению к другим сторонам. Поскольку по этому пункту у всех членов Комиссии разногласий, по-видимому, нет, будет достаточно подготовить соответствующую формулировку. Что касается заявления г-на Джаготы (1540-е заседание), то он не обнаружил конкретного примера в томе 8 *Справочника по международному праву*, поскольку в этом сборнике рассматриваются лишь вопросы ответственности за ущерб, причиненный

частным лицам. Трудно себе представить ситуацию, в которой государство дает свое согласие на совершение деяния, которое не нарушает его собственное право, но нарушает право частного лица. В таких случаях между заинтересованными государствами могут начаться переговоры с целью изменения данной нормы.

12. Что касается собственно согласия, то г-н Аго тоже считает, что статью 29 следует отредактировать в точных выражениях, которые бы не допускали злоупотреблений. Действительно, история полна примеров злоупотреблений, основанных на несуществующем согласии. Что касается посвященных порокам согласия норм Венской конвенции³, то они, очевидно, применяются в случаях, предусмотренных в статье 29. Согласие является недействительным, если имеет место ошибка, обман, подкуп или насилие. Остается выяснить, предпочитает ли Комиссия краткость и должна ли она исходить из простого предположения о том, что для наличия согласия необходимо, чтобы это согласие не было отягощено пороками — должно быть «действительно» данным. Учитывая, что лица, которые будут читать статью 29, не обязательно должны помнить о правовых нормах, касающихся действительности согласия, Комиссия может счесть уместным дать в этом положении определение согласия. С учетом полезных предложений г-на Цуруоки (1540-е заседание, пункт 4) и г-на Джаготы (1542-е заседание, пункт 28) может быть принято это второе решение, которое, таким образом, имеет определенные преимущества. В любом случае важно заранее не предполагать согласия. Вместе с тем не следует абсолютно исключать возможность неясно выраженного согласия, так как иногда поведение государства является доказательством согласия, данного в неясной форме. Короче, согласие должно быть действительным, свободно данным и не отягощенным пороками. Именно с учетом этих трех соображений и на основе многочисленных замечаний, предложенных членами Комиссии, следует искать подходящую формулировку. Как отметил г-н Квентин-Бакстер (1540-е заседание), необходимо обеспечить, чтобы норма, провозглашенная в статье 29, не могла использоваться для оправдания нарушения обязательства не совершать определенные противоправные деяния.

13. Что касается слов «если установлено», которыми начинается текст статьи 29, предложенный г-ном Цуруокой, то они могут придать провозглашенной норме вместо основополагающего доказательный характер. Если эти слова будут сохранены, то Комиссия окажется вынужденной ввести их в целый ряд других положений проекта, которые в противном случае могут, наоборот, толковаться как не подразумевающие, что некоторые деяния могут быть установлены.

14. И наконец, касаясь вопроса о месте исключения *jus cogens* в рассматриваемой статье, г-н Аго говорит, что он предпочитает, чтобы оно следовало после текста нормы.

15. Г-н УШАКОВ говорит, что пояснения г-на Аго его убедили не полностью. Он не понимает, почему нужно продолжать разговор о согласии, если очевидно, что речь идет скорее о соглашении между двумя государствами. С другой стороны, г-н Аго уточнил, что норма и обязательство продолжают существовать при наличии соглашения, относящегося к некоторому конкретному случаю. С точки зрения г-на Ушакова, то, что соглашение относится к одному или нескольким случаям, не имеет никакого значения. Независимо от того, разрешает ли государство рыбакам другого государства осуществлять рыбную ловлю в его территориальных водах в течение дня, одного года или 10 лет, независимо от того, дано ли это согласие в устной или письменной форме, заблаговременно или в последний момент, во всех этих случаях имеет место соглашение, вопреки которому норма продолжает существовать. В рассматриваемом случае эта норма касается суверенитета государств над их территориальными водами. Аналогичным образом, если глава дипломатического представительства дает свое согласие на то, чтобы полицейские аккредитованного государства проникли в помещения представительства в нарушение статьи 22 Венской конвенции⁴ ввиду присутствия в этом представительстве террористов, ситуация оказывается такой же, как если бы аккредитованное государство и аккредитующее государство заключили договор, согласно положениям которого полицейские власти второго получают разрешение на протяжении одного года или в течение неопределенного срока проникать в помещение представительства первого в тех случаях, когда туда проникают террористы. В одном и другом случае соответствующая норма Венской конвенции продолжает существовать.

16. В отношении ограниченных многосторонних договоров он считает, что субъективное право, которым согласно этому договору наделяется одна сторона, не отличается от субъективного права других сторон. Права и обязательства, вытекающие из таких договоров, распространяются на все стороны. Одна из этих сторон не может отказаться от одного из своих прав без согласия других сторон.

17. Г-н ФРЭНСИС говорит, что вопрос о форме выражения согласия органами государства продолжает вызывать у него трудности, особенно в связи с делом *Саваркара* (см. A/CN.4/318 и Add.1—3, пункт 63). Из доклада по этому делу, по-видимому, следует, что арбитраж, несмотря на то что ему было всего лишь предложено вынести свое заключение о том, должна ли Великобри-

³ См. 1533-е заседание, сноска 2.

⁴ United Nations, *Treaty Series*, vol. 500, p. 95.

тания передавать Саваркара Франции, на самом деле признал, что при его аресте были допущены некоторые отклонения от нормы. Вместе с тем французские и британские власти поддерживали контакт, и префекту французской полиции было разрешено осуществлять необходимый надзор, что ясно указывает на то, что арест Саваркара не должен был ставиться под сомнение. В любом случае он сомневается, что побег британского судна, которое стояло на якоре во французском порту и которое таким образом находилось под французской юрисдикцией, можно приравнять, например, к погоне за нарушителем, организованной полицией одного государства за пределы границ другого государства с согласия этого последнего. Следовательно, у оратора возникает вопрос, не затрагивает ли отклонение, которое констатировал арбитраж, присутствия британской полиции на французской территории и не является ли некоторым отклонением согласие французского жандарма на это присутствие и на помощь, оказанную британской полицией с целью задержания Саваркара. Это сразу же затрагивает вопрос о том, может ли орган государства, превысив строгие пределы своей власти, сделать, таким образом, правомерным некоторое противоправное деяние. В свете этих соображений и учитывая, что арбитраж констатировал отклонение при совершении этого ареста, г-н Фрэнсис не видит прямой связи между делом *Саваркара* и вопросом, который изучает Комиссия.

18. Г-н НДЖЕНГА говорит, что он также не полностью удовлетворен проектом статьи в его настоящей форме, поскольку, с его точки зрения, он дает повод к злоупотреблениям. В частности, он полагает, что, как только согласие дано, уже невозможно говорить о потерпевшем государстве. Это замечание одинаково относится и к делам типа дела Саваркара и к таким делам, в которых государство разрешает войскам другого государства располагаться на его территории или пересекать его территорию. Таким образом, он считает, что статью следует составить в более строгих формулировках в соответствии с моделью, предложенной г-ном Джаготой (A/CN.4/L.292), и оратор предлагает направить оба текста на рассмотрение Редакционного комитета.

19. Другое решение может состоять в рассмотрении вопроса с точки зрения последствий согласия государства на нарушение его прав, вместо того чтобы рассматривать его с точки зрения одного лишь согласия. В последнем случае Редакционный комитет, возможно, пожелает воспользоваться при разработке формулировки следующим текстом:

«Нарушение прав государства, совершенное с его согласия, не может явиться объектом действий со стороны вышеуказанного государства, за исключением случая, когда такое нарушение затрагивает императивную норму общего международного права. Указанное согласие является

тем не менее порочным, если оно получено путем обмана, ошибки, подкупа, принуждения или насилия, и в любом случае оно не затрагивает прав третьих государств».

20. Г-н УШАКОВ желает еще раз уточнить свою позицию: он не оспаривает принцип, который лежит в основе статьи 29, а именно, что при наличии согласия противоправное деяние не имеет места. Он сомневается в необходимости специально его провозглашать в статье и, если это действительно необходимо, в возможности точно отразить эту ситуацию в подобной статье. Он хочет надеяться, что Редакционному комитету удастся решить эту проблему.

21. Г-н АГО отмечает, что в современном языке термины «соглашение» и «согласие» являются эквивалентными и оба применяются в двух различных случаях: можно говорить о соглашении или согласии не только в одностороннем смысле, когда некоторый субъект соглашается и дает свое согласие на что-либо, но также и в двустороннем или многостороннем смысле для обозначения согласия, которое было достигнуто между сторонами. Он полагает, что разумнее всего не слишком сильно отходить от принятой терминологии и продолжать говорить о «согласии», поскольку именно этот термин употребляется в теории и юриспруденции.

22. С другой стороны, согласие государства, исключаящее противоправность деяния другого государства, зачастую является не официальным соглашением, а простым согласием. Например, если преступник, преследуемый полицией государства, скрывается в посольстве и посол разрешает полиции проникнуть в посольство с целью задержания этого преступника, то можно говорить скорее о согласии, нежели о действительном соглашении между двумя государствами.

23. В приведенном г-ном Фрэнсисом деле *Саваркара* арбитраж не заключил, что не было отклонений: он просто заключил, что британские власти не должны были возвращать Саваркара, поскольку французский жандарм дал согласие на его задержание. Правильно или неправильно поступил жандарм, дав свое согласие, — это уже совсем другой вопрос.

24. Г-н АГО прекрасно понимает сомнения г-на Ндженги, но считает более опасным сохранять молчание, нежели попытаться избежать злоупотреблений в хорошо сформулированной статье. Вторая часть предложения г-на Ндженги убедила автора в целесообразности попытки строго определить согласие, с тем чтобы избежать неправильного толкования. С другой стороны, он считает неправильным говорить о том, что последствия противоправного деяния не могут давать повода к предъявлению иска, поскольку согласие исключает не последствия противоправного деяния, а саму противоправность деяния.

25. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановляет направить проект статьи 29 Редакционному комитету.

*Предложение принимается*⁵.

Редакционный комитет

26. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) предлагает, чтобы в состав Редакционного комитета были включены следующие члены: г-н Барбоса, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Рейтер, г-н Сучариткул, г-н Ушаков, г-н Цуруока, г-н Швებель, г-н Фероста, г-н Фрэнсис и г-н Янков, учитывая, что Докладчик Комиссии г-н Дадзие является членом канцелярии Комитета.

27. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия принимает это предложение.

Предложение принимается.

Заседание закрывается в 13 час. 40 мин.

⁵ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1567-е заседание, пункты 1, 6, 7 и 40—49.

1544-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 1 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швებель, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Пятнадцатая сессия Семинара по международному праву

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает выступить старшему сотруднику по правовым вопросам г-ну Ратону, которому поручено проведение Семинара по международному праву.

2. Г-н РАТОН (Секретариат) указывает на то, что Семинар по международному праву проведет свою пятнадцатую сессию с 5 по 22 июня 1979 года. Комитет по отбору, собравшийся в конце апреля, отобрал 22 кандидата, к которым присоединятся два участника, направленные ЮНИТАР.

3. За 15 лет в Семинаре приняли участие 330 участников из 102 различных стран и 137 из этих участников получали стипендии, предоставленные различными правительствами. В 1979 году стипендии предоставили правительства Австрии, Дании, Федеративной Республики Германии, Кувейта, Нидерландов, Норвегии, Финляндии и Швеции, причем размеры их вкладов составляли от 815 до 10 260 долларов. Отчасти благодаря щедрости правительства Норвегии, более чем в три раза увеличившего свой обычный вклад, Семинар располагает в этом году суммой в 32 000 долларов, которая должна быть распределена приблизительно между 10 кандидатами.

4. Как это происходит ежегодно, в рамках Семинара будет организован ряд лекций, которые будут прочитаны сэром Фрэнсисом Вэллетом (Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров), г-ном Ушаковым (клаузула о наиболее благоприятствуемой нации), г-ном ван Бовеном, Директором Отдела по правам человека (усилия Организации Объединенных Наций в области прав человека), г-ном Рейтером (наркотики и международное право), г-ном Пинто (развитие международного обычного права путем проведения конференций Организации Объединенных Наций), г-ном Сучариткулом (разработка норм, касающихся иммунитета государств и их собственности от иностранной юрисдикции), г-ном Феррари Браво, Председателем Шестого комитета Генеральной Ассамблеи (работа Специального комитета по Уставу Организации Объединенных Наций и усилению роли Организации), г-ном Беджауи (юридические аспекты нового международного экономического порядка), г-ном Фрэнсисом (Ассоциация производителей сырьевых товаров в рамках нового экономического порядка) и г-ном Ндженгой (Конференция Организации Объединенных Наций по морскому праву).

Ответственность государств (продолжение)
(A/CN.4/318 и Add.1—3, A/CN.4/L.291, A/CN.4/L.292, A/CN.4/L.293)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ
Г-НОМ АГО (продолжение)

СТАТЬЯ 29 (Согласие потерпевшего государства)¹ (окончание)

5. Г-н УШАКОВ предлагает заменить проект статьи 29 текстом следующего содержания (A/CN.4/L.293):

«Правомерность в силу согласия

Действительное в соответствии с международным правом согласие государства на опре-

¹ Текст статьи см. 1537-е заседание, пункт 25.

деленное деяние другого государства, не соответствующее находящемуся в силе обязательству этого последнего в отношении первого государства, исключает противоправность этого деяния, если оно соответствует вышеуказанному согласию».

6. Он подчеркивает, что выражение «действительное в соответствии с международным правом» позволяет исключить без их перечисления все случаи, когда согласие являлось бы недействительным (согласие, данное под принуждением, согласие на нарушение обязательства, вытекающего из какой-либо нормы *jus cogens* или многостороннего договора ограниченного характера, и т. д.), поскольку в настоящее время перед Комиссией не стоит задача определения условий действительности согласия.

7. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ заявляет, что, по его убеждению, предложение г-на Ушакова, которое могло бы в значительной степени рассеять его сомнения в отношении проекта статьи 29, будет с полным вниманием рассмотрено Редакционным комитетом.

СТАТЬЯ 30 (Правомерное осуществление санкции)

8. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает г-ну Аго представить статью 30 (A/CN.4/318 и Add.1—3, пункт 99) следующего содержания:

Статья 30. Правомерное осуществление санкции

Международная противоправность деяния, не соответствующего тому, что при других обстоятельствах требовалось бы от государства в силу международного обязательства по отношению к другому государству, исключается, если это деяние было совершено в порядке правомерного осуществления санкции против этого другого государства вследствие совершения этим государством международно-противоправного деяния.

9. Г-н АГО говорит, что вторым обстоятельством, которое следует учитывать в качестве возможной причины исключения противоправности деяния государства, является правомерное осуществление или применение санкции. Иными словами, деяние государства, не соответствующее тому, что требовалось бы от него согласно международному обязательству, связывающему его с другим государством, не является международно-противоправным, если оно представляет собой применение в отношении этого другого государства меры, признаваемой в международном праве в качестве санкции за международное правонарушение, совершенное этим последним.

10. Термин «санкция» не следует рассматривать в слишком ограниченном или слишком широком смысле. Не следует сводить понятие санкции к использованию вооруженной силы в контексте правопорядка, рассматриваемого с точки зрения вводимых им ограничений, но не следует и подразумевать под этим термином все возможные юридические последствия международно-

противоправного деяния, включая право на получение возмещения за понесенный ущерб.

11. Осуществление санкции должно быть «правомерным». Он признает, что это прилагательное может показаться излишним, поскольку совершенно очевидно, что санкция, осуществление которой не является правомерным, не могла бы рассматриваться в качестве санкции в соответствии с международным правом. Однако во избежание любых злоупотреблений ему представляется необходимым уточнить в самом тексте статьи, что, для того чтобы исключить противоправность, осуществление санкции должно быть правомерным в данном предусматриваемом случае. Это тот же самый смысл, что он и предложил в статье 29,— следует подчеркнуть, что согласие должно быть «действительным» (1543-е заседание). Существует целый ряд международно-противоправных деяний, которые в соответствии с международным правом не оправдывают применения санкций, а дают лишь право требовать возмещения понесенного ущерба. В таких случаях потерпевшее государство может прибегнуть к правомерным мерам к применению санкционных мер лишь в том случае, если ему не удалось получить возмещение.

12. С другой стороны, некоторые виды мер, такие как вооруженные репрессалии, признававшиеся «классическим» международным правом, уже не признаются современным международным правом, или же их применение подлежит строгим ограничениям. В настоящее время наблюдается тенденция к тому, чтобы наделить правом принятия решения в отношении применения мер, связанных с использованием вооруженной силы, не «потерпевшее» государство, а иных субъектов — как правило, международную организацию, которая может поручить применение данной санкции одному из государств-членов, которое в таком случае действует в силу ответственности, возложенной на него данной организацией, а не в индивидуальном качестве. Использование вооруженной силы потерпевшим государством оставалось бы тогда противоправным даже в том случае, если бы оно действовало в ответ на международно-противоправное деяние.

13. Кроме того, даже правомерное осуществление вооруженных репрессалий перестало бы быть правомерным видом санкции, если бы эти репрессалии не были сопоставимы с ущербом, причиненным в результате данного правонарушения, и если бы они не соответствовали нормам, содержащимся в гуманитарных конвенциях. Однако лишь в части II проекта, в которой Комиссия попытается определить нормы, условия и последствия международно-противоправного деяния, она рассмотрит вопрос о том, в каком случае санкция должна рассматриваться правомерной или противоправной.

14. В международной юриспруденции между двумя мировыми войнами репрессалии считались

законными репрессалиями при условии, что они являлись ответом на международно-противоправный акт и осуществлялись в рамках определенных ограничений. Так, например, в решении от 31 июля 1928 года, касающемся ответственности Германии за ущерб, причиненный в португальских колониях на юге Африки (инцидент в Нолилаа), арбитражный суд, созданный Португалией и Германией, заявил о том, что акт репрессалий является «актом надлежащего правосудия со стороны пострадавшего государства ... совершаемым в ответ — после оставленного без внимания предупреждения — на акт, противоречащий праву, действующему в государстве-нарушителе», эффект от которого «направлен на временное приостановление в рамках отношений между двумя государствами соблюдения той или иной нормы международного права», и что репрессалия «ограничена тем опытом, который накоплен человечеством в данной области, и правилами доброй воли, применяемыми в отношениях между государствами», и «была бы неправомерной, если бы ранее совершенный акт, противоречащий международному праву, не послужил основанием для его совершения». Суд пришел к выводу о том, что «первым условием — *sine qua non* — наличия права на осуществление репрессалий является основание, возникшее в результате предварительного совершения акта, противоречащего международному праву»².

15. В своем решении от 30 июня 1930 года, касающемся ответственности Германии за акты, совершенные после 31 июля 1914 года и до вступления Португалии в войну (дело «Сисн»), Суд также указал на то, что «акт, противоречащий международному праву, может быть оправдан в качестве репрессалии, если основанием для его совершения послужил аналогичный акт»³.

16. Эта позиция соответствует однажды осуществленной государственной практике. Весьма показательными в этом отношении являются ответы государств на сформулированный Подготовительным комитетом Конференции по кодификации международного права (Гаага, 1930 год) вопрос: «Каковы условия, которые должны быть соблюдены в случае, когда государство утверждает, что оно действовало в обстоятельствах, оправдывающих политику репрессалий?». В «Основах для дискуссии», разработанных Подготовительным комитетом на основании этих ответов, было указано:

Государство не привлекается к ответственности за ущерб, причиненный иностранцу, если оно докажет, что его действия были совершены в обстоятельствах, оправдывающих применение репрессалий в отношении государства, гражданином или подданным которого является этот иностранец⁴.

17. В 1934 году Институт международного права впервые заявил в своей резолюции, касающейся режима репрессалий в мирное время, о том, что «вооруженные репрессалии запрещены на тех же основаниях, что и развязывание войны»⁵, и таким образом положил начало эволюции международного права в этой области. Эта эволюция завершилась принятием Генеральной Ассамблеей 24 октября 1970 года Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, согласно которой «государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы»⁶ (первый принцип).

18. Таким образом, государство, являющееся жертвой нарушения принятого в отношении него международного обязательства, уже не может на законном основании применять вооруженную силу против государства — автора данного нарушения, поскольку отныне международное право запрещает государствам применять в индивидуальном порядке вооруженные репрессалии против других государств и оставляет это право за международными организациями.

19. Однако запрещение «вооруженных репрессалий» не распространяется на «невооруженные» репрессалии, использование которых в принципе остается законным. Но даже в том случае, когда речь идет о невооруженных репрессалиях, право осуществлять санкции более не является монополией самого потерпевшего государства, и наблюдается все большая тенденция к тому, чтобы этим правом наделялись международные организации. В соответствии со статьей 41 Устава Организации Объединенных Наций «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от членов Организации применения этих мер», которые «могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных... или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений».

20. Что касается экономических санкций, осуществляемых по решению такой международной инстанции, как Организация Объединенных Наций, то, когда государство, связанное с другим государством торговым договором, разрывает экономические отношения с этим другим государством во исполнение решения Организации Объединенных Наций, этот разрыв экономических отношений, хотя и представляет собой нарушение договора, заключенного между двумя

² См. A/CN.4/318 и Add.1—3, пункт 86.

³ Там же, пункт 87.

⁴ Там же, пункт 88.

⁵ См. *Annuaire de l'Institut de droit international, 1934* (Brussels), vol. 38, p. 709.

⁶ Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи, приложение.

государствами, не является международно-противоправным деянием, поскольку было принято решение о таком разрыве отношений в качестве санкции за международно-противоправное деяние, совершенное другим государством. В этом случае отсутствует нарушение международного обязательства, вытекающего из договора, поскольку данное обязательство становится недействительным по отношению к этому особому случаю.

21. Точно так же, если Организация Объединенных Наций налагает эмбарго на поставки оружия какому-либо государству, с которым другие государства заключили договоры, предусматривающие продажу оружия, эти другие государства, применяя данное эмбарго, не совершают международно-противоправного деяния, поскольку в этом случае прекращение поставок оружия представляет собой правомерную санкционную меру за международно-противоправное деяние, совершенное государством, против которого направлено данное эмбарго.

22. Кроме того, если поведение, не соответствующее ранее принятому обязательству, отвечает статье 41 Устава Организации Объединенных Наций, оно не только является законным, но и обязательным; государство, которое отказывается от такого поведения, нарушает тем самым международное обязательство, возложенное на него Уставом, и, следовательно, совершает международно-противоправное деяние в отношении Организации Объединенных Наций и ее членов.

23. Международная организация может самостоятельно применять санкцию, не соответствующую принятому ею международному обязательству. Так, например, если МОТ приостановила оказание технической помощи одному из своих государств-членов в качестве санкции за международно-противоправное деяние этого государства, то она не совершила международно-противоправного деяния, приняв решение не соблюдать свои обязательства в области оказания технической помощи, которые она взяла на себя в отношении вышеназванного государства.

24. Доктрина подтверждает принцип, в соответствии с которым действие, осуществленное в качестве правомерной санкции против государства, ранее совершившего международно-противоправное деяние, не является противоправным. Тем не менее может возникнуть вопрос о том, не связано ли правомерное осуществление санкции в отношении государства, совершившего международно-противоправное деяние, с опасностью посягательства на интересы третьих государств. Г-н Аго, основываясь на практике и доктрине, считает, что любое ущемление существенного права третьего государства является неправомерным и обуславливает необходимость возмещения.

25. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что на нынешней стадии развития международного права и в условиях современной международной жизни необходимо, даже в том случае, если это вызывает сожаление, чтобы государства сохраняли за собой право осуществления репрессалий в ответ на деяния, совершаемые в нарушение их признанных прав, за одним серьезным исключением: вооруженных репрессалий. В недавнем арбитражном решении, при вынесении которого важную роль играли два члена Комиссии, дается чрезвычайно интересный анализ состояния права с точки зрения репрессалий и основного оправдания такого рода действий. Г-н Швебель не уверен в том, что данное решение было опубликовано, однако он надеется, что оно будет доведено до сведения членов Комиссии. Тот факт, что вооруженные репрессалии вполне справедливо исключены из современного международного права, не ограничивает права государства принимать меры с целью осуществления права на правомерную самозащиту, что является вопросом, рассматриваемым в докладе г-на Аго, в котором на примерах демонстрируется различие между актами репрессалий и актами правомерной самозащиты.

26. Г-н Швебель в значительной степени согласен с убедительным анализом г-на Аго и предложенной статьей, однако он был бы рад получить пояснения по одному конкретному вопросу. Каково различие — если предположить, что с точки зрения юридических последствий такое различие существует, — между теми случаями, когда в силу статьи 41 Устава Совет Безопасности требует от государств — членов Организации Объединенных Наций применять санкции против какого-то государства, и случаями, когда Совет Безопасности или Генеральная Ассамблея просто рекомендуют применение санкций против конкретного государства? В случае, когда речь идет о рекомендации, государства-члены не будут обязаны в силу статьи 25 главы VII Устава применять санкции. Если они связаны с соответствующим государством некоторыми обязательствами, которые будут нарушены вследствие применения этих санкций, будет ли разрешение, полученное ими на основании обычной рекомендации Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи — в отличие от решения, вынесенного согласно статье 41, — представлять собой достаточную юридическую защиту? На этот вопрос можно просто ответить, что если какому-либо государству в силу одностороннего права применять репрессалии или права осуществлять санкции будет разрешено совершать такие действия, которые рекомендованы резолюцией Организации Объединенных Наций, то государствам, действующим совместно, должно быть, несомненно, разрешено применять данную рекомендацию Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи.

27. С другой стороны, у него возникает вопрос, существуют ли обстоятельства, при которых отдельное государство, не уполномоченное осуществлять санкции, тем не менее может обладать правом применять эти санкции на основании рекомендации какого-либо органа Организации Объединенных Наций, или же такие обстоятельства отсутствуют, и может ли государство быть уполномочено принимать меры, которые в обычных условиях рассматривались бы как противоправные, только на основании резолюции Совета Безопасности, имеющей обязательный характер. Когда в Совете Безопасности впервые возник вопрос о санкциях против Родезии, он принял резолюцию, которая рассматривалась Соединенными Штатами Америки как резолюция, имеющая характер рекомендации, и, следовательно, как резолюция, не дающая президенту Соединенных Штатов Америки права издавать декрет, вводящий санкции против Родезии. Такой декрет был издан лишь позднее, когда Совет Безопасности принял резолюцию, носившую явно обязательный характер.

28. Г-н УШАКОВ одобряет статью 30, однако он хотел бы сформулировать оговорки в связи с выражением «правомерное осуществление санкции». Возможно, было бы преждевременным квалифицировать в качестве санкций такие меры, осуществление которых в отношении государства, совершившего противоправное деяние, будет рассматриваться как правомерное во второй части проекта статей. Кроме того, было бы также более предпочтительным говорить о деянии государства, направленном против другого государства, нежели о мерах. Именно с этой точки зрения г-н Ушаков предлагает следующую формулировку статьи 30:

«Осуществление государством в отношении другого государства, совершившего противоправное деяние, деяния в качестве закономерной меры, предусмотренной во второй части настоящего проекта статей, исключает противоправность этого деяния в случаях, когда оно не соответствует находящемуся в силе обязательству первого государства в отношении государства, совершившего указанное противоправное деяние».

Эта формулировка позволяет избежать необходимости квалифицировать как санкции, репрессалии, репрессивные меры или принудительные меры такие деяния, которые были совершены государством в отношении государства, совершившего противоправное деяние. В пункте 83 своего восьмого доклада (A/CN.4/318 и Add.1—3) г-н Аго правильно уточнил, что Комиссия не должна на нынешнем этапе рассматривать меры, которые могут быть приняты в ответ на международно-противоправное деяние. По мнению г-на Ушакова, именно этот вопрос и был бы затронут Комиссией, если бы она сохранила понятие санкции в статье 30.

29. Г-н ЯНКОВ в целом согласен со столь ясными и хорошо аргументированными выводами, содержащимися в докладе г-на Аго, который наряду с предшествующими докладами вносит весомый вклад в работу Комиссии. Если говорить более конкретно, он разделяет мнение г-на Аго по вопросу о двух весьма важных особенностях ответной реакции государств, а именно: необходимости того, чтобы действие носило правомерный характер, и такой особенности, как определение самого действия. Однако г-н Янкова, так же как и г-на Ушакова, несколько беспокоит использование слова «санкция» по той простой причине, что в современном международном праве наблюдается тенденция квалифицировать в качестве санкции те меры, которые принимаются международной организацией и носят для ее членов юридически обязательный характер. Почти очевидно, что эта тенденция полностью упрочится ко времени окончания редактирования проекта статей и что настанет время утвердить ее в форме конвенции. Сам г-н Аго неоднократно указывал на различия в понятии санкции, используемом в «классическом» и современном международном праве.

30. Г-н Аго явно не преследовал цели высказать свои замечания в связи с недавней практикой Совета Безопасности, который занял весьма четкую позицию в нескольких случаях, когда государство осуществляло репрессалии против населения другого государства под предлогом правомерной защиты, или даже в тех случаях, когда совершалось «превентивное» действие, носившее характер наказания и связанное с использованием сложных видов современного оружия. Совершенно очевидно, что такое действие должно быть чем-то вызвано, то есть оно должно представлять собой реакцию на международно-противоправное деяние, ранее совершенное другим государством. Однако в контексте статьи 30, возможно, более уместно использовать формулировку такого содержания: «меры реагирования, принятые государством в соответствии с международным правом» и «санкции, применяемые в силу правомерного решения международной организации». Подобная формулировка учитывала бы различные виды случаев, которые могут возникнуть.

31. Г-н Янков не может не согласиться с мнением, согласно которому для того, чтобы действие было правомерным, необходимо, чтобы имелось предварительное требование о возмещении ущерба. Более того, под «предварительным требованием» следовало бы подразумевать, что все процедуры подачи жалоб были исчерпаны, в частности в случае, когда речь идет о действиях принудительного характера. Уже на Конференции Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско) слово «действие» рассматривалось как подразумевающее меры принудительного или

превентивного характера. В глоссарии⁷, который был опубликован в то время и на который иногда ссылаются в настоящее время при толковании Устава, проводится различие между действиями Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности и уточняется, что в соответствии с доктриной Объединенных Наций органом, уполномоченным предпринимать «действие», является Совет Безопасности. В этой связи, возможно, будет уместным в комментарии уточнить, что Комиссия считает, что действие, носящее характер наказания, может быть предпринято только в том случае, если были исчерпаны все другие средства.

32. Наконец, сам здравый смысл требует того, чтобы ответная мера или санкция была сопоставима с международно-противоправным деянием.

33. Г-н НДЖЕНГА считает невозможным оспаривать безупречный анализ доктрины и практики государств, проведенный г-ном Аго с целью выяснения элементов, из которых складывается правомерная санкция в современном международном праве. Тем не менее было бы желательным дать более подробное объяснение причин, на основании которых г-н Аго сделал вывод о необходимости воздержаться от того, чтобы в статье 30 упоминалось неправомерное осуществление санкций. Со времени окончания второй мировой войны государствам вновь были предоставлены возможности совершать противоправные деяния в рамках международных отношений, и можно привести множество примеров, когда государства использовали силу с целью совершения действий, представляемых в качестве правомерных санкций. В одной только Африке во многих случаях совершаются явно противоправные действия, когда государство использует силу против народов, борющихся за самоопределение, и даже против соседних государств. В газетах, например, часто указывается на вторжение ротезийских вооруженных подразделений в Замбию. Данные государства используют так называемое новое понятие правомерных преследований (*legitimate hot pursuit*) с целью оправдания репрессалий, осуществляемых против других стран по той причине, что они служат прибежищем для партизан или «террористов». Случаи, которые были совершенно незаконными, возможно, участвуют вплоть до полного торжества освободительной борьбы. В то же время статья 30, в которой должны учитываться нынешние ситуации, не предусматривает такого случая, когда государство утверждало бы то, что оно действовало правомерным образом, когда оно преследовало партизан за пределами своих границ.

34. К сожалению, статья 30 может быть неправильно истолкована, если ее не будут читать одновременно с комментарием. Для того чтобы

исключить всякую возможность неправильного толкования, следовало бы включить в эту статью принцип, изложенный в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, и упомянутый г-ном Аго в пункте 89 его доклада, а именно: «Государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы». Включение этого принципа придало бы проекту статьи 30 гораздо более позитивный характер.

35. Впрочем, г-н Янков предложил весьма полезную формулировку. При некоторых обстоятельствах отдельное государство может правомерно применять санкцию, однако несомненно и то, что в современном международном праве наблюдается тенденция к тому, чтобы рассматривать «санкцию» как меру, осуществляемую во исполнение решения международной организации. Не вызывает сомнения тот факт, что санкция должна быть сопоставимой с международно-противоправным деянием, и совершенно ясно, что условием (*sine qua non*) правомерности санкции является, как указал г-н Аго в своем устном представлении, то, что она применяется в ответ на международно-противоправное деяние, совершенное ранее этим другим государством. Возможно, Редакционный комитет сочтет необходимым учесть это положение, поскольку ссылка на «совершенное ранее международно-противоправное деяние» явилась бы уточнением к случаю, рассматриваемому в статье 30.

36. По мнению г-на Ндженги, на вопрос, поставленный г-ном Швелем, а именно: является ли тот факт, что санкция соответствует рекомендации Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи, достаточным с юридической точки зрения для оправдания со стороны отдельного государства того нарушения международного обязательства, которое представляет собой эта санкция, — следует ответить утвердительно. Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея принимают рекомендацию, предусматривающую принятие санкции против данного государства, лишь в том случае, если последнее совершило серьезное нарушение международного права. Совсем недавно Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 33/182 В, требующую немедленного применения санкций против Южной Африки, поскольку эта страна не выполнила своих обязательств, касающихся плана деколонизации Намибии. В резолюции содержится рекомендация, и совершенно ясно, что каждое государство, которое осуществит эту рекомендацию, будет действовать правомерным образом. Со своей стороны, г-н Ндженга хотел бы задать вопрос, будут ли правомерными действия государства (учитывая резолюцию 33/38 В обязательного характера, требующую применения санкций против Южной Родезии), если оно в одностороннем порядке примет решение об отмене санкций, по-

⁷ L.M. Goodrich and E. Hambro, *Charter of the United Nations — Commentary and documents*, 2nd rev. ed. (Boston, World Peace Foundation, 1949).

скольку, учитывая нынешнее положение, оно считает, что правительство Родезии стало законным. По его мнению, поскольку мандатные санкции наложил Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, то ни одно государство не может отменить такие санкции в одностороннем порядке.

Заседание закрывается в 12 ч. 55 мин.

1545-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 5 июня 1979 года, 15 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Джагота, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швель, г-н Эвенсен, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Выражение приветствия г-ну Эвенсену

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ поздравляет г-на Эвенсена с его избранием и от имени Комиссии выражает сердечные приветствия в его адрес.

2. Г-н ЭВЕНСЕН благодарит Председателя и членов Комиссии за высокую честь, которую они оказали ему, избрав его в столь почетный орган Организации Объединенных Наций, каким является Комиссия международного права. Со своей стороны, он постарается внести максимальный вклад в работу Комиссии.

Ответственность государств (продолжение)
(A/CN.4/318 и Add.1—3, A/CN.4/L.294, A/CN.4/L.295)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ
Г-НОМ АГО (продолжение)

СТАТЬЯ 30 (Правомерное осуществление санкции)¹
(окончание)

3. Г-н ФРЭНСИС отмечает, что статья 30 в позитивном смысле учитывает возможность введения каким-либо отдельным государством или сообществом государств санкции в отношении государства, которое нарушило международное обязательство и, следовательно, само по себе совершило международно-противоправное деяние. По-видимому, данная статья имеет даже более далеко идущие последствия, поскольку в ней также квалифицируется ответная реакция конкретного государства или международного сообщества государств и предусматривается, что эта реакция, которая как таковая являлась бы неправомерной, утрачивает свой неправомерный характер. Можно

¹ Текст статьи см. 1544-е заседание, пункт 8.

найти логическую взаимосвязь между статьей 30 и статьей 29; эта взаимосвязь прослеживается в концепции согласия. Если государство, имеющее в силу конвенции или обычных норм международного права международное обязательство в отношении другого государства или в отношении международного сообщества, преднамеренно отказывается от этого обязательства, его действия могут рассматриваться как противоречащие праву не только потому, что оно совершило противоправное деяние, но также и потому, что можно сказать, что оно совершило два других действия. Во-первых, оно было вынуждено отказаться от своего согласия быть связанным существующим обязательством — хотя бы временно, с тем чтобы совершить данное противоправное деяние, — и, во-вторых, своим неправомерным поведением оно дало согласие на ответную реакцию со стороны другого государства или всего международного сообщества в целом. Такова действительная сущность принципа, который лежит в основе статьи 30.

4. С точки зрения санкций, осуществляемых международным сообществом, в основе этой статьи лежит расширенное толкование международного классического права, позволяющее самостоятельно вершить правосудие путем принятия мер реторсии или репрессалий и признаваемое в обычном международном праве. В этой связи г-н Фрэнсис уточняет, что он ссылается на концепцию реторсии и репрессалий не в силу ее юридического значения, а по той причине, что она ассоциируется с историческими обстоятельствами, при которых меры реторсии или репрессалий, представляющие собой односторонний акт со стороны некоторого государства, могут рассматриваться как закономерные.

5. Что касается формулировки проекта данной статьи, то основной вопрос, возникающий у г-на Фрэнсиса, заключается в том, следует ли проводить различие между случаями, когда действие, носящее характер наказания, осуществляется государством в ответ на противоправное деяние, совершенное другим государством, и случаями, когда оно осуществляется международным сообществом, которое применяет санкции в случае нарушения обязательства, влекущего за собой серьезные последствия для всего международного сообщества. Принимая во внимание весьма убедительное выступление г-на Янкова на предыдущем заседании, г-н Фрэнсис считает, что формулировка статьи 30 действительно должна устанавливать такое различие.

6. Возникает также вопрос, не создается ли впечатление, что данная статья в ее нынешней форме содержит косвенный отказ от понятия репрессалий, на которое неоднократно обращал внимание г-н Аго в своем докладе и которое занимает особое место в современном международном праве и современной международной практике. Ранее концепция репрессалий, очевидно, имела уничижительный смысл, однако вслед-

ствии усилий, которые были предприняты во время существования Лиги Наций с целью ограничения применения силы и которые нашли свое окончательное воплощение в положениях пункта 4 статьи 2 и в положениях статьи 51 Устава, она фактически утратила придаваемый ей ранее одозный оттенок, и имеются весьма основательные причины для того, чтобы эта концепция была сохранена в работах в области кодификации международного права по рассматриваемому вопросу. Как указал г-н Аго в пункте 89 своего доклада (A/CN.4/318 и Add.1—3), Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, закрепляет положение о неправомерности репрессалий, связанных с применением силы, что предполагает, что репрессалии, осуществляемые в иной форме, являются правомерными. Необходимо также учитывать, что в соответствии со статьей 51 Устава правомерная защита не имеет ничего общего с репрессалиями. Действительно, согласно проекту статьи 30 государство обязано требовать возмещения ущерба, прежде чем оно примет меры, носящие характер наказания, что исключает любую возможность приравнивания их к праву на правомерную защиту.

7. Существует множество причин, по которым следует проводить различия между санкциями, осуществляемыми государством в одностороннем порядке в ответ на противоправное деяние, совершенное другим государством, и санкциями, применяемыми, например, в организационных рамках Устава Организации Объединенных Наций. Прежде всего государство могло бы ответить на международно-противоправное деяние другим деянием, которое ранее представляло бы собой международно-противоправное деяние, но которое более не является таковым в силу нормы, изложенной в проекте статьи 30. Здесь вновь следует указать на то, что применение международных санкций в силу статьи 41 Устава несопоставимо ни по значению, ни по последствиям подобного решения со случаем, когда санкция применяется государством в одностороннем порядке вследствие совершения против него международно-противоправного деяния другим государством. В то же время существует и другая причина, которая обуславливает необходимость проведения такого различия: как он уже подчеркнул, для того чтобы иметь право принимать меры репрессалий, основываясь на статье 30, потерпевшее государство предварительно должно предъявить требование о возмещении ущерба. Напротив, можно представить себе случаи, когда согласно Уставу Совет Безопасности или Генеральная Ассамблея даже и не могли бы потребовать возвращения к *status quo ante* до принятия мер, носящих характер наказания. Таким образом, осуществлению многосторонних санкций не обязательно могло предшествовать требование

о возмещении ущерба. Более того, принцип сопоставимости может и не применяться в случае, когда речь идет о санкциях, осуществляемых против одного государства всем международным сообществом в целом.

8. Г-н Аго совершенно справедливо подчеркнул, что государство, реагирующее на противоправное деяние, совершенное против него другим государством, не должно, какими бы ни были его права, наносить ущерб интересам третьего государства, что полностью соответствует поговорке: *Sic utere tuo ut alienum non laedes*. В этом отношении г-н Фрэнсис выражает удовлетворение в связи с тем, что г-н Аго еще не пришел к твердому заключению по вопросу о чрезвычайном положении в качестве обстоятельства, способного исключить противоправность. Со своей стороны, он считает, что Комиссия должна предусмотреть лишь форс-мажорные и другие соответствующие обстоятельства, поскольку концепция необходимости явно создает почву для злоупотреблений. Ответная реакция на международно-противоправное деяние может при некоторых обстоятельствах потребовать применения силы, например, в случае правомерной защиты, однако, как только речь заходит о понятии вооруженной силы, в сознании невольно возникает отвратительное толкование, которое давали нацисты чрезвычайному военному положению во время второй мировой войны.

9. Что касается заданного г-ном Швелем вопроса (1544-е заседание), не может ли выполнение резолюции Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи, носящей характер рекомендации, рассматриваться в некоторых случаях в качестве противоправного деяния, то г-н Фрэнсис безоговорочно присоединяется к замечаниям г-на Ндженги (там же). Само собой разумеется, что при толковании положений Устава необходимо учитывать различные перспективы и связанные с ними расхождения во мнениях. Тем не менее можно утверждать, что в отношении некоторых вопросов рекомендация Генеральной Ассамблеи имеет достаточно важное значение, чтобы факт ее невыполнения мог рассматриваться в качестве противоправного деяния. В статье 18 Устава перечисляются некоторые важные вопросы. Совершенно очевидно, что принимаемые по этим вопросам решения носят обязательный характер, даже если в целом резолюции Генеральной Ассамблеи имеют лишь характер рекомендаций. Так, например, своей резолюцией 3068 (XXVIII) Генеральная Ассамблея приняла и открыла для подписания и ратификации Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него, которая вступила в силу в 1976 году. Конечно, многие государства ратифицировали эту Конвенцию, однако он убежден в том, что, даже если бы подавляющее их большинство не сделало этого, данная резолюция могла бы рассматриваться как имеющая обязательный характер. Более того, если допустить, что можно быть не-

согласным с характером рекомендаций Генеральной Ассамблеи, то это в гораздо меньшей степени относится к резолюциям Совета Безопасности. За исключением рекомендаций, касающихся статей 4, 5 и 6 Устава, Совет Безопасности вряд ли мог бы сформулировать рекомендации, которые бы не представляли собой решения в смысле пункта 3 статьи 27 Устава. Следовательно, необходимо крайне внимательно рассмотреть резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, прежде чем мы сможем утверждать, что они не являются для государств юридическими обязательствами.

10. Наконец, г-н Фрэнсис считает, что с редакционной точки зрения выбор в статье между словами «санкции» или «меры» не имеет большого значения, но важно сохранить три основных элемента: правомерное осуществление репрессалий, правомерную защиту и применение международных санкций.

11. Г-н ТАБИБИ одобряет принцип, лежащий в основе статьи 30. Формулировка названия «Правомерное осуществление санкций» является весьма уместной, поскольку вопрос о том, каким образом осуществляется санкция, имеет чрезвычайно важное значение. Как подчеркнул г-н Ндженга на предшествующем заседании, в прошлом многие страны понесли значительный ущерб вследствие неправомерного осуществления санкций. Следовательно, необходимо, чтобы в заглавии статьи по-прежнему уточнялось, что речь идет о правомерном осуществлении санкций или, как это было предложено г-ном Ушаковым (1544-е заседание), о «деянии в качестве закономерной меры».

12. Весьма важным принципом является принцип сопоставимости между противоправным деянием и ответной санкцией. Если не существует никакой соразмерности между санкцией и противоправным деянием, то сама санкция становится нарушением обязательства, возложенного на государство, которое осуществляет эту санкцию. Необходимо, как это сделал г-н Аго в своем докладе, чтобы современный юрист рассматривал санкции под совершенно иным углом зрения. Прежде колониальные державы использовали санкции в качестве инструмента, позволявшего им принимать карательные меры против более слабых народов. Необходимо, чтобы при формулировании рассматриваемой нормы Комиссия позаботилась о том, чтобы последняя исключала применение санкций, связанных с использованием вооруженной силы. Мы не должны допускать осуществления санкций, которые бы сопровождались использованием совершенных сложных видов современного оружия, и, кроме того, следует помнить, что санкции экономического, политического или иного характера могут быть столь же эффективными, как и использование силы, которое возможно лишь во исполнение решения компетентных органов Объединенных Наций в соответ-

ствии с позитивным международным правом, то есть Уставом Организации Объединенных Наций. Совершенно очевидно, что такое действие может быть предпринято только с согласия мирового сообщества и исключительно с целью наказания за совершение международных преступлений, указанных в статье 19 проекта². При разработке Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, государства-члены заняли позицию, в соответствии с которой государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы. Поэтому совершенно очевидно, что осуществление санкций, связанных с применением вооруженной силы, возможно лишь в том случае, если этого требуют интересы всего международного сообщества и если соответствующее решение было принято самой Организацией Объединенных Наций, и эти условия следовало бы предусмотреть в формулировке данной статьи.

13. По его мнению, если третьему государству наносится ущерб вследствие осуществления санкций, это государство также имеет право требовать репарации и, в случае невозможности ее получения,—осуществлять санкции. Само собой разумеется, что ни одно государство или группа государств не должны наносить ущерба третьему государству, применяя санкцию с целью наказания какого-либо члена международного сообщества.

14. Г-н ДЖАГОТА считает, что проект статьи 30 следовало бы поместить в конце главы V, поскольку более логично прежде всего рассмотреть обстоятельства, исключающие противоправность первоначального деяния, такие как согласие и форс-мажорные обстоятельства, а затем уже обстоятельства, исключающие противоправность мер, принимаемых в форме репрессалий, таких как правомерные санкции.

15. Что касается существа проекта статьи, то он считает, что концепция правомерной санкции должна быть разработана с учетом, в частности, источника и типа рассматриваемой противоправности. Так, например, первоначальное противоправное деяние может быть нарушением конвенционного или неконвенционного обязательства; вызванная им санкция может быть связана с применением вооруженной силы, что в соответствии с современным международным правом допускается только в случае исполнения решения, принятого компетентной международной организацией, такой как Организация Объединенных Наций, или других мер, принимаемых во исполнение такого решения, или же мер, принимаемых по инициативе заинтересованного государства. По этому вопросу имеются хорошо разработанная доктрина и богатая практика государств, которые в конкретном случае нарушения конвенционного обязатель-

² См. 1532-е заседание, сноска 2.

ства могли бы с пользой быть частично отражены во второй части проекта. Тем не менее если говорить о статье 30, то под правомерной санкцией подразумевается санкция, соответствующая Венской конвенции³, которая развивалась на основе этой Конвенции. В этом отношении можно привести много примеров и, в частности, временное прекращение воздушного сообщения между Пакистаном и Индией после 1971 года, которым г-ну Джаготе пришлось непосредственно заниматься в ходе тщательного рассмотрения всех элементов правомерности⁴.

16. Г-н Джагота не является безоговорочным сторонником использования слова «санкция», учитывая то значение, которое, к сожалению, приобрел этот термин, чаще всего в настоящее время ассоциируемый с использованием силы в той или иной форме. Конечно, этот термин используется также и в смысле «мер», и, если речь идет о правомерной защите,— в смысле защитных мер. Тем не менее санкция не является правомерной, если она применяется одним или несколькими государствами; она является правомерной лишь в том случае, если она применяется такой инстанцией, как Организация Объединенных Наций. Поэтому в контексте проекта статьи 30 было бы желательным, как это также указал г-н Швобель, использовать термин «мера» вместо термина «санкция». Или можно использовать два термина, причем первый, возможно, с целью определения мер, принимаемых заинтересованным государством по его собственной инициативе, а второй — с целью определения мер, принимаемых во исполнение решения компетентной международной организации. Таким образом, меры, санкционируемые Организацией Объединенных Наций, но применяемые каким-либо государством, носили бы правомерный характер. Комиссии не следует рассматривать вопрос о правомерности или неправомерности мер, принимаемых Организацией Объединенных Наций, поскольку этот вопрос не охватывается проектом статей в том виде, в каком его ясно определил г-н Аго. В то же время, если меры репрессалий являются абсолютно не сопоставимыми с первоначальным ущербом,— если, например, они полностью парализуют экономику другого государства,— то эти меры будут неправомерными и данный случай будет входить в понятие правомерности санкции.

17. Другим вопросом, который следует рассмотреть, является вопрос о первоочередных областях, в которых должны быть представлены требования о репарации, поскольку в некоторых случаях от этого зависит правомерность санкции.

18. Учитывая эти соображения, г-н Джагота предлагает несколько изменить проект статьи 30 и читать (A/CN.4/L.294):

³ См. 1533-е заседание, сноска 2.

⁴ См. Appeal relating to the jurisdiction of the ICAO Council (India v. Pakistan), Judgment: *I.C.J. Reports 1972*, p. 46.

«Правомерная мера или санкция»

Международная противоправность деяния, не соответствующего тому, что при других обстоятельствах требовалось бы от государства в силу международного обязательства в отношении другого государства, исключается, если это деяние совершено в порядке осуществления, по своей собственной инициативе или во исполнение решения компетентной международной организации, правомерной меры или санкции против этого другого государства вследствие совершения этим другим государством международно-противоправного деяния».

19. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что в целом он одобряет принцип, изложенный в проекте статьи 30. Тем не менее в отношении этого проекта статьи у него имеется два возражения, первое из которых касается слова «санкция». У него сложилось впечатление, что по сравнению с английским текстом во французском тексте это слово имеет более близкий смысл к тому, который ему следует придавать. К сожалению, слово «санкция» в конечном итоге приобрело в английском языке более узкий смысл, в частности, в международных юридических кругах, где под этим словом, как правило, подразумевают меры, принимаемые самим Советом Безопасности или во исполнение его решений. Он опасается, что, будучи использовано в таком смысле, это слово может слишком ограничить сферу применения проекта статьи, если принять во внимание необходимость учета случаев, когда меры принимаются не с целью поддержания мира и международной безопасности, а лишь с целью обеспечения гарантии того, чтобы какое-либо государство не пострадало в результате противоправного деяния, совершенного другим государством. Например, в случае нарушения договора вполне правомерным при некоторых обстоятельствах является принятие государством мер против другого государства. Поэтому он считает необходимым или расширить смысл слова «санкция», дополнив его другим словом, или найти какую-либо иную формулировку, которая бы учитывала такую ситуацию.

20. Во-вторых, сэр Фрэнсис сомневается в том, что следует ограничить применение проекта статьи последствиями «совершения этим другим государством международно-противоправного деяния». На его взгляд, следовало бы предусмотреть, желательно в контексте проекта статьи, превентивные меры, которые могли бы быть приняты Советом Безопасности или по его поручению и которые бы в обязательном порядке предшествовали данному противоправному деянию. В этой связи сэр Фрэнсис напоминает, что меры, которых потребовал Совет Безопасности в случае Родезии, были основаны на положениях статьи 39 и последующих статей Устава Организации Объединенных Наций, касающихся необходимости предотвращения нарушения мира, и что в

резолюции 217 (1965) уточнялось, что положение в Родезии представляет собой угрозу миру. Более того, статья 40 Устава предусматривает, что, прежде чем сделать рекомендации или вынести решение о принятии мер, предусмотренных статьей 39, Совет Безопасности может потребовать от заинтересованных сторон выполнения тех временных мер, которые он найдет необходимыми или желательными. Эти временные меры могут, например, предусматривать нарушение договора о поставках оружия. Далее, в соответствии со статьей 41 Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженной силы, должны применяться для осуществления его решений. По-видимому, из этих положений совершенно ясно следует, что практика Совета Безопасности заключается в принятии решений до того, как фактически имело место нарушение мира. Г-н Аго мог бы, по-видимому, рассмотреть этот вопрос и предложить соответствующее решение.

21. Г-н ФЕРОСТА считает, что необходимо сохранить проект статьи 30, но не обязательно на том месте, которое он занимает в настоящее время в главе V. Он также считает, что если будет сохранено слово «санкция», то было бы лучше говорить о правомерном «применении», а не об «осуществлении» санкции. Он считает предложение г-на Ушакова (1544-е заседание, пункт 28) весьма интересным, однако он не является сторонником включения ссылки на часть II проекта в сам текст данной статьи.

22. Предложение г-на Джаготы (пункт 18, выше) имеет, на его взгляд, то большое преимущество, что оно охватывает оба случая, когда может иметь место правомерное применение санкции: случай, когда государство действует по своей собственной инициативе, и случай, когда оно действует в соответствии с решением компетентной международной организации.

23. Наконец, г-н Фероста считает, что термин «решение», использованный в тексте, предложенном г-ном Джаготой, можно было бы заменить более нейтральным термином, поскольку, как было отмечено сэром Фрэнсисом Вэллетом, статья 40 Устава предусматривает, что для того, «чтобы предотвратить ухудшение ситуации, Совет Безопасности уполномочивается, прежде чем сделать рекомендации или решить о принятии мер, предусмотренных статьей 39, потребовать от заинтересованных сторон выполнения тех временных мер, которые он найдет необходимыми или желательными».

24. Г-н ЯНКОВ, напоминая о сообщении, сделанном им на предшествующем заседании по вопросу о различии, которое следует проводить между закономерными ответными мерами, принимаемыми государством, и санкциями, вводимыми на основании решения международной организации, предлагает следующую новую формули-

ровку названия и текста проекта статьи 30 (A/CN.4/L.295):

«Применение правомерной ответной меры или осуществление санкции»

Международная противоправность деяния, не соответствующего тому, что при других обстоятельствах требовалось бы от государства в силу международного обязательства в отношении другого государства, исключается, если это деяние совершено в порядке применения правомерной ответной меры, предусмотренной международным правом, или осуществления санкции, наложенной в соответствии с решением компетентного органа международной организации, против этого другого государства вследствие совершения этим другим государством международно-противоправного деяния».

25. Учитывая тот факт, что среди членов Комиссии, по всей видимости, наметилось принципиальное согласие, г-н Янков предлагает поручить Редакционному комитету выработать надлежащую формулировку с учетом замечаний, высказанных в Комиссии.

26. Г-н ШВЕБЕЛЬ удовлетворен формулировками, предложенными г-ном Джаготой и г-ном Янковым, которые заслуживают внимательного изучения со стороны Редакционного комитета.

27. Что касается вопроса о решениях компетентной международной организации, то у него возникает вопрос, не опровергаются ли до некоторой степени эти формулировки статьей 40 Устава, касающейся предварительных мер, которые может найти необходимыми или желательными Совет Безопасности. Конечно, в этой статье указывается как на рекомендации, так и на решения Совета Безопасности и последний, вместо того чтобы принимать решения, может делать рекомендации. К тому же он уже поступал подобным образом даже тогда, когда санкция была связана с применением вооруженной силы; так было в случае, когда он рекомендовал государствам-членам оказать помощь Корейской Республике [резолюция 83(1950)]. Совет не принял по этому поводу никакого обязательного решения. Имеются области, в которых Генеральная Ассамблея могла бы принимать решения, предусматривающие введение санкций, например, во исполнение статей 5, 6 и 19 Устава, но в целом она может сделать не больше, как принять рекомендации. Г-н Швებель хотел бы тем не менее подчеркнуть, что в статье 40 уточняется, что временные меры, которые Совет найдет необходимыми или желательными, «не должны наносить ущерба правам, притязаниям или положению заинтересованных сторон». Однако предусматриваемая Комиссией ситуация относится именно к таким ситуациям, когда правам заинтересованных сторон наносится ущерб, и поэтому Комиссия пытается предусмотреть, чтобы государство

могло при некоторых обстоятельствах совершать такие действия, которые при иных обстоятельствах представляли бы собой нарушение прав другого государства при условии, что первое государство действовало во исполнение мер, принятых компетентным международным органом, или по своей собственной соответствующей инициативе. С учетом этого может оказаться, что сама формулировка статьи 40 Устава исключает проект статьи 30 из круга вопросов, обсуждаемых Комиссией.

28. Г-н АГО констатирует, что основной принцип статьи 30, по всей видимости, получил общее одобрение и что замечания членов Комиссии главным образом касались вопросов редактирования или отдельных деталей. Он подчеркивает, что в настоящее время перед Комиссией не стоит задача определения, в каких случаях санкции являются правомерными или неправомерными, и что к этому вопросу она перейдет лишь при рассмотрении части II проекта. На данном этапе достаточно подтвердить, что ущемление субъективного права государства, которое при обычных условиях рассматривалось бы как международно-противоправное деяние, не является таковым, когда оно представляет собой правомерную ответную реакцию на международно-противоправное деяние, совершенное этим государством.

29. Что касается места статьи 30, то г-н АГО считает, что было бы логичным рассмотреть случай правомерного осуществления санкции после рассмотрения вопроса о согласии потерпевшего государства, поскольку эти два случая имеют один общий элемент, каковым является участие государства, в отношении которого совершается действие. Действительно, государство принимает участие в первом случае, поскольку оно дает согласие на совершение деяния, которое при иных условиях было бы противоправным, а во втором — поскольку оно само предварительно совершило международно-противоправное деяние. Этот элемент участия отсутствует в других случаях, таких как, например, случай форс-мажорных обстоятельств и случай непредвиденных обстоятельств.

30. У некоторых членов Комиссии возникает вопрос, идет ли речь о решении или об обычной рекомендации в том случае, когда санкция была применена в соответствии с решением международной организации. Со своей стороны, г-н АГО предпочитает предложенное г-ном Джаготой слово «решение», которое представляется ему более нейтральным. Он считает, что в задачу Комиссии не входит определение того, в каком случае решения или рекомендации Объединенных Наций являются обязательными для государств-членов. На его взгляд, достаточно сказать, что некая мера, которая могла быть международно-противоправной, не является таковой, если она совершена во исполнение решения компетентной международной организации, даже если указанная мера не является обязательной для госу-

дарств — членов организации, а просто предлагается им в качестве рекомендации. Конечно, может возникнуть вопрос о том, распространяется ли эта норма на государства, не являющиеся членами международной организации, которая приняла данное решение или данную рекомендацию.

31. Что касается термина «санкция», которому некоторые члены Комиссии, по-видимому, придают ограничительный смысл, то г-н АГО не видит каких-либо препятствий для его замены выражением «ответная мера» или «контрмера».

32. Г-н АГО отмечает, что в обоих возможных случаях правомерного осуществления санкций — а именно: когда санкция применяется непосредственно потерпевшим государством против государства, совершившего в отношении него международно-противоправное деяние, и когда санкция применяется на основании решения, принятого компетентной международной организацией (которая может поручить применение этой санкции самому потерпевшему государству или какому-либо иному государству или ряду государств, или же всем своим государствам-членам), международно-противоправное деяние совершается до применения санкций. Однако сэр Фрэнсис Вэллет считает, что меры могут быть приняты в превентивном порядке. Но трудно допустить, что международная организация может пойти на то, чтобы принять меры, которые нанесли бы ущерб международному субъективному праву государства по чисто превентивной причине. И даже если принять такую гипотезу, то не следует подразумевать, что государство может в индивидуальном порядке принимать превентивные меры. В любом случае, если Комиссия примет решение предусмотреть такой вид мер, она должна сделать это в отдельном пункте, а не в том пункте, в котором излагается общая норма.

33. Что касается редакции статьи 30, то он весьма благожелательно воспринял предложение г-на Джаготы (пункт 18, выше), хотя в то же время он готов принять к сведению и предложения г-на Ушакова (1544-е заседание, пункт 28) и г-на Янкова (пункт 24, выше). Тем не менее ему представляется более предпочтительным не ссылаться на часть II проекта статей, как этого хотел бы г-н Ушаков.

34. Г-н ФЕРОСТА предлагает заменить название статьи 30 следующим названием: «Правомерная ответная реакция на противоправное деяние государства».

35. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что в случае отсутствия возражений он будет считать, что Комиссия постановляет передать Редакционному комитету проект статьи 30, а также предложения, внесенные членами Комиссии.

*Предложение принимается*⁵.

Заседание закрывается в 18 час.

⁵ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1567-е заседание, пункты 1, 8 и 50—52.

1546-е ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 6 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Джагота, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швებель, г-н Янков.

Визит членов Международного Суда

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ приветствует Председателя Международного Суда сэра Хэмфри Уолдока, заместителя Председателя Международного Суда г-на Элиаса и судью Международного Суда г-на Морозова. Он напоминает членам Комиссии о том, что сэр Хэмфри Уолдок и г-н Элиас были председателями Комиссии международного права и на протяжении многих лет вносили выдающийся вклад в ее работу: сэр Хэмфри сыграл большую роль в кодификации права договоров и норм в области правопреемства государств в отношении договоров в качестве как Специального докладчика, так и эксперта-консультанта на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, а г-н Элиас принимал участие в кодификации различных вопросов, рассматриваемых Комиссией, и сыграл решающую роль в качестве председателя Комитета полного состава на Конференции по праву договоров.

2. Г-н Морозов, на протяжении двадцати лет представляющий свою страну в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, является одним из юристов, оказавших наибольшее влияние на общее направление деятельности по кодификации в рамках Организации Объединенных Наций; он постоянно подчеркивал необходимость в кодификации права, приспособленного к условиям современного мира. Весьма часто он играл решающую роль в принятии соответствующих рекомендаций, представленных Шестым комитетом Генеральной Ассамблеи, включая рекомендации, которые привели к принятию Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, и рекомендации, заложившие в начале 60-х годов широкую основу программы кодификации, которой и сейчас Комиссия широко руководствуется в своей работе. Г-н Морозов внес важный вклад в работу ряда специальных комитетов Организации Объединенных Наций по вопросам, касающимся международного права, а также в работу Комиссии по правам человека, членом которой он был на протяжении 20 лет.

3. При изучении отдельных задач, стоящих перед Судом и перед Комиссией, естественно,

обнаруживаются некоторые различия. Комиссия играет главным образом нормообразующую роль, поскольку ей поручено разрабатывать и формулировать правовые нормы и предлагать их государствам для принятия в качестве кодифицированного международного права. С другой стороны, Суд осуществляет судебную функцию, и в этом качестве призван толковать и применять нормы международного права при заслушивании дел, представленных на его рассмотрение. Таким образом, работа Комиссии носит более общий характер, тогда как деятельность Суда заключается в вынесении решения в конкретных случаях с учетом конкретных проблем, возникающих в ходе того или иного спора. Однако это основное различие между разработкой правовых норм и их толкованием и применением, конечно, не означает, что эти два вида правовой деятельности могут осуществляться раздельно.

4. Фактически деятельность Суда в области толкования и применения норм права существенным образом дополняет деятельность Комиссии по прогрессивному развитию и кодификации международного права. Комиссия при подготовке своих проектов постоянно учитывает решения и заключения Суда и других судебных органов в той мере, в какой они отражают международное право и его развитие, а также практику и доктрину государств. Положение о Комиссии даже предписывает ей действовать таким образом. Кроме того, при осуществлении своей судебной функции Суду часто приходится — а в будущем, вероятно, придется еще в большей степени — толковать и использовать многосторонние конвенции применительно к конкретным спорам, представленным на его рассмотрение, и, в частности, конвенции о кодификации, принятые государствами на основе проектов, разработанных Комиссией.

5. Таким образом, существует взаимное дополнение функций этих двух органов и тесная взаимосвязь результатов их работы. Однако естественная связь между Судом и Комиссией в действительности строится на еще более прочном фундаменте, а именно на их конечной цели. Ибо как Суд, так и Комиссия преследуют одну и ту же цель, которая заключается в обеспечении мира и безопасности и международного сотрудничества, основанного на международном праве. Прежде всего, именно в этом следует искать подлинную причину связи, объединяющей Суд и Комиссию, и сложившихся между ними отношений.

6. Он хотел бы также подчеркнуть важную роль в развитии этих отношений того факта, что многие члены Комиссии, а также представители в других органах, участвующих в работе по кодификации и прогрессивному развитию международного права, осуществляемой в рамках Организации Объединенных Наций, впоследствии становятся членами Суда. Фактически более

половины членом Суда были раньше членами Комиссии. Другие члены Суда являлись ранее представителями своих стран в таких органах, как Шестой комитет Генеральной Ассамблеи. Кроме того, многие в прошлом принимали участие в работе конференций по кодификации, созывавшихся под эгидой Объединенных Наций. Поэтому члены Суда обычно хорошо осведомлены о результатах процесса кодификации и благодаря личному участию в этом процессе знакомы с его методами и потребностями.

7. В связи с этим Суд с пониманием отнесся к Комиссии, позволив ей рассчитывать на помощь как в индивидуальном, так и в личном качестве г-на Аго, недавно избранного судьей Суда, для завершения безболезненного перерыва осуществляемой работы над первой частью проекта статей об ответственности государств. Он хотел бы воспользоваться предоставленной ему возможностью для того, чтобы еще раз выразить свою признательность Суду и г-ну Аго.

8. Сэр Хэмфри УОЛДОК (Председатель Международного Суда), поблагодарив Председателя за его приветственные слова, говорит, что судья Элиас и судья Морозов вместе с ним передают Комиссии наилучшие пожелания Суда.

9. Пять лет назад, когда сэр Хэмфри от имени Суда поздравлял Комиссию в связи с двадцать пятой годовщиной ее создания, она уже имела в своем активе подготовку многих важных международных конвенций, принятых на различных дипломатических конференциях. С тех пор она подготовила ряд новых конвенций — о праве преемстве государств в отношении договоров и о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера, — а также впечатляющее количество докладов по другим вопросам. Успех деятельности Комиссии не следует определять лишь с точки зрения количества подготовленных ею проектов конвенций: в то время, когда не только нормы международного права, но и сама структура международного сообщества претерпевали беспрецедентное изменение, роль докладов Комиссии, которые поясняют юриспруденцию и теорию права и способствуют достижению общего консенсуса в многочисленных областях международного права, имеет огромное значение для развития международного права на прочной основе.

10. Председатель справедливо отметил взаимодополняющий характер деятельности Комиссии и Суда; важное значение этой взаимосвязи для Суда, в частности в отношении морского права и права договоров, ясно проявляется не только в его решениях, но и в выступлениях в Суде адвокатов сторон. Между этими двумя органами действительно существует взаимодействие. С одной стороны, Комиссия помогает Суду определять направления деятельности по таким вопросам, как континентальный шельф и некоторые аспекты

права договоров, а с другой стороны, решения Суда создают основу для деятельности Комиссии в области кодификации и развития некоторых важных областей права. В частности, в качестве примера можно привести решения Суда о режиме международных проливов в деле *о проливе Корфу* и о базисных линиях в деле *о рыбных промыслах*; его толкование норм права, применяемых к оговоркам в отношении многосторонних договоров, в его консультативном заключении относительно *оговорок к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него*; и пояснение в ряде его решений принципов, регулирующих толкование договоров. Хотя такая связь характерна для конкретных видов деятельности Комиссии и Суда, она также, вероятно, объясняется тем фактом, что почти две трети членом Суда настоящего состава, включая его Председателя и заместителя Председателя, ранее были членами Комиссии. По мнению сэра Хэмфри, опыт, приобретенный столь значительной частью членом Суда во время участия в сложных дискуссиях в Комиссии, является существенным подспорьем в деятельности Суда, и, со своей стороны, оратор охотно признает себя должником Комиссии за все то, чему он научился, участвуя в ее работе. Он уверен, что его мнение разделяют все его коллеги, которым была оказана такая же честь, и от имени Суда он обращается к Комиссии с наилучшими пожеланиями успеха в ее работе на текущей сессии.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (A/CN.4/319)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ
СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ

СТАТЬЯ 42 (Действительность и сохранение договоров в силе)

11. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить свой восьмой доклад по вопросу о договорах, заключенных между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (A/CN.4/319) и, в частности, проект статьи 42, в котором говорится следующее:

Статья 42. Действительность и сохранение договоров в силе

1. Действительность договора или согласия государства или международной организации на обязательность для них договора может оспариваться только на основе применения настоящего проекта статей.

2. Прекращение договора, его денонсация или выход из него участника могут иметь место только в результате применения положений самого договора или настоящего проекта статей. Это же правило применяется к приостановлению действия договора.

3. Вышеизложенные положения применяются без ущерба для обязательств, которые могут вытекать из Устава, и в частности из статьи 103.

12. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что часть V проекта статей о договорах, заключенных между государствами и международными организациями или между международными организациями, которую Комиссии в настоящее время предстоит изучить, соответствует части V Венской конвенции о праве договоров¹, касающейся недействительности, прекращения и приостановления действия договоров. Оратор напоминает, что для многих делегаций, присутствовавших на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, эта часть Венской конвенции являлась если не наиболее важной, то, по крайней мере, наиболее спорной частью Конвенции; одни в попытке устранить основные недостатки в правовых документах видели перспективу более гуманного и более справедливого права, а другие выражали опасение по поводу того, что изучение этих недостатков может явиться серьезной угрозой для стабильности договоров.

13. Несмотря на то что Венская конвенция еще не вступила в силу, сейчас уже видно, что эти опасения необоснованны. Кроме того, хотя Конвенция еще не вступила в силу, это не имеет столь большого значения, поскольку она уже получает признание в обычном праве. В своем консультативном заключении относительно *юридических последствий для государств продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии (Юго-Западная Африка) вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности*² и в своем решении, касающемся юрисдикции Суда в деле *Юрисдикция в области рыболовства (Соединенное Королевство против Исландии)*³, Международный Суд основывался на двух из наиболее важных статей части V Венской конвенции: статье 60 (Прекращение договора или приостановление его действия вследствие его нарушения) и статье 62 (Коренное изменение обстоятельств).

14. Специальный докладчик не считает, что Комиссия столкнется с какими-либо особыми трудностями при приспособлении статей части V Венской конвенции к договорам, заключенным между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями. В Венской конвенции преобладает консенсуальная концепция договоров; и Комиссия пришла к мнению, что если международные организации могут заключать договоры, то общий принцип консенсуса, регулирующий всю Венскую конвенцию, может в равной степени применяться и к этим договорам. Исходя из этого, она поручила специальному

докладчику как можно ближе придерживаться текста Венской конвенции.

15. Однако международные организации не являются государствами: они не обладают суверенитетом и имеют лишь ограниченную компетенцию. Как отмечается в статье 6 проекта⁴,

Правоспособность международных организаций заключать договоры регулируется соответствующими правилами каждой организации.

Из этого основного принципа вытекает другое различие: если все государства с точки зрения права равны и существуют общие нормы, действующие для всех государств без исключения, то это нельзя отнести к международным организациям. Таким образом, можно утверждать, что не существует права международных организаций постольку, поскольку каждая международная организация имеет свой собственный статус, и нормы, применяемые к одной организации, не всегда могут применяться к другим.

16. Таким образом, чтобы международные организации могли заключать договоры, к ним должны применяться общие нормы, которые а priori должны быть аналогичны нормам, применяемым к государствам. Однако необходимо также учитывать особый характер международных организаций. Поэтому следует изыскать средний путь, который учитывал бы оба этих аспекта.

17. Раздел 1 части V проекта, состоящий из четырех статей (статьи 42—45), как и в Венской конвенции, посвящен общим положениям. Статья 42 проекта соответствует статье 42 Венской конвенции и касается действительности и сохранения договоров в силе.

18. В своем комментарии к статье 39 своего проекта статей о праве договоров (ставшей статьей 42 Венской конвенции) Комиссия весьма ясно отметила, что цель положений этой статьи заключается в том, чтобы

...гарантировать стабильность договоров, подчеркнуть в общем положении в начале настоящей части, что действительность и сохранение договора в силе являются нормальным состоянием вещей, от которого можно отклониться лишь в соответствии с предусмотренными причинами и в предусмотренных условиях...⁵

Комиссия полностью сознает, что часть V Венской конвенции, в которой должны перечисляться дефекты договоров, может вызвать опасения относительно действительности правила *pacta sunt servanda*. В связи с этим Комиссия должна разработать общий принцип, гарантирующий действительность договоров.

¹ Текст Конвенции, далее именуемой «Венская конвенция», см. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), стр. 287 англ. текста.

² *I.C.J. Reports 1971*, p. 16.

³ *I.C.J. Reports 1973*, p. 3.

⁴ Тексты всех статей, уже принятых Комиссией, см. *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 124 и далее англ. текста, документ A/33/10, глава V, раздел B.1.

⁵ *Ежегодник...*, 1966 год, том II, стр. 236 англ. текста, документ A/6309/Rev.1, часть II, глава II, статья 39, пункт 1 комментария.

19. Эта цель равным образом действительно в отношении договоров, заключенных между государствами и международными организациями или между международными организациями, и поэтому он придерживался положений статьи 42 Венской конвенции. Однако в этой связи он поставил перед собой два вопроса. Он считает, что первый вопрос он может решить сам, а второй вопрос он представил на рассмотрение Комиссии.

20. В рамках своего проекта статей о праве договоров Комиссия рассмотрела вопрос о том, приводит ли исчезновение того или иного государства к исчезновению договора. Этот вопрос обычно не возникает в отношении многосторонних договоров, за исключением ограниченного многостороннего договора, когда исчезновение одной из сторон ставит под сомнение предмет и цель договора, однако он, несомненно, возникает в отношении двусторонних договоров. Тем не менее Комиссия постановила отложить рассмотрение этого вопроса, поскольку она считает, что исчезновение того или иного государства ставит вопрос правопреемства государств и что все проблемы, возникающие в связи с правопреемством государств, следует рассматривать в специальной статье (статья 73) Конвенции.

21. Тот же вопрос может возникать в случае исчезновения международной организации. Вполне может возникнуть вопрос о том, что станет с двусторонним договором в случае исчезновения международной организации, являющейся его стороной, как это было в отношении Лиги Наций, или в том случае, если международная организация, являющаяся стороной договора, превращается в наднациональную организацию или в государство — вопрос, уже рассматривавшийся в контексте правопреемства государств в отношении договоров. Произойдет ли в данном случае явное и простое исчезновение договора? Он в этом не уверен. Однако он считает, что Комиссии следует исключить этот вопрос из обсуждения, и, когда она приступит к рассмотрению статьи 73, ей следует расширить оговорку, содержащуюся в этой статье в отношении правопреемства государств, с тем чтобы исключить не только вопросы, касающиеся правопреемства государств, но также и вопросы, относящиеся к правопреемству какой-либо организации другой организацией или к правопреемству организации государством.

22. Разрешение второго вопроса, вытекающего из Устава Организации Объединенных Наций, является более трудным, и это заставило Специального докладчика добавить третий пункт к статье 42. В статье 103 Устава предусматривается, что

в том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу.

Статья 30 Венской конвенции (Применение последовательно заключенных договоров, относя-

щихся к одному и тому же вопросу) начинается с оговорки, касающейся статьи 103 Устава. При разработке статьи 30 рассматриваемого проекта Комиссия также сформулировала оговорку относительно статьи 103 Устава, однако она поместила эту оговорку в конце статьи 30 и довольно изменила ее редакцию, с тем чтобы избежать необходимости занимать какую-либо позицию по вопросу о том, можно ли статью 103 истолковывать как применяющуюся к соглашениям, заключенным международными организациями.

23. В связи со статьей 27 стало уже очевидно, что принцип, содержащийся в статье 103 и заключающийся, в частности, в том, что в современном международном обществе абсолютное преимущество должно предоставляться положениям Устава, должен применяться не только к договорам, заключенным государствами, но, во многих случаях, и к договорам, заключенным международными организациями, и даже к договорам, заключенным самой Организацией Объединенных Наций. В качестве примера было отмечено, что для осуществления той или иной резолюции Совета Безопасности Организация Объединенных Наций может быть вынуждена заключить соглашение, по сравнению с которым эта резолюция будет иметь преимущественную силу, поскольку единственная цель этого соглашения будет заключаться в обеспечении выполнения резолюции. Такое соглашение остается в силе лишь в том случае, если остается в силе резолюция, на которой оно основано. Таким образом, заключение соглашения об осуществлении резолюции никоим образом не связывает Совет Безопасности, который может пересмотреть и изменить свою резолюцию и тем самым прекратить действие такого соглашения.

24. Статья 103 Устава применяется не только к положениям Устава, но также и к документам, создающим обязательства в соответствии с Уставом, а именно: к определенным резолюциям Совета Безопасности и к некоторым решениям Международного Суда. Таким образом, статья 103 имеет исключительно важное значение, и затрагиваемая в ней проблема может возникать в отношении нескольких статей. В связи с этим он считает, что в целях согласования было бы целесообразнее один раз упомянуть статью 103 в какой-либо одной статье вместо того, чтобы несколько раз ссылаться на нее в проекте. Комиссия могла бы рассмотреть это решение при повторном обсуждении проекта статей в целом.

25. Причина, по которой он предложил добавить в проекте статьи 42 пункт 3 в следующей формулировке:

Вышеизложенные положения применяются без ущерба для обязательств, которые могут вытекать из Устава, и в частности из статьи 103,

заключается не только в том, чтобы подчеркнуть, что проблема, затрагиваемая в статье 103 Устава, возникает и в отношении статьи 42, но также и

в том, чтобы несколько развить положения пункта 6 статьи 30, в котором лишь говорится, что

Предыдущие пункты применяются без ущерба для статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций.

Поднимаемая статьей 42 проблема связана также с проблемами, возникающими в связи со статьями об ответственности государств, рассмотренными Комиссией на текущей сессии, и, в частности, в связи со статьей о согласии пострадавшего государства. В отношении этой статьи некоторые члены Комиссии считают, что вряд ли можно согласиться с тем, что для государств могут возникать определенные обязательства из простого соглашения или даже из простого согласия. Эта же проблема возникает и в отношении международных организаций. Он осознает эту проблему, но считает, что Комиссия обязана учесть тот факт, что Организация Объединенных Наций не похожа на другие организации.

26. Г-н УШАКОВ, ссылаясь на пункт 1 проекта статьи 42, настаивает на необходимости предусмотреть отдельные положения для двух широких категорий договоров, к которым применяется данный проект в соответствии со статьей 1, а именно договоров, заключенных между одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями, и договоров, заключенных между международными организациями. В случае статьи 42 такое различие должно проводиться по чисто формальным причинам.

27. Трудно высказать мнение относительно общей нормы, содержащейся в пункте 1 статьи 42, поскольку она затрагивает другие статьи проекта, которые еще не сформулированы. Например, интересно узнать, будет ли в проекте содержаться статья, соответствующая статье 52 Венской конвенции, которая касается принуждения государства посредством угрозы силой или ее применения. Он не представляет, каким образом международная организация может прибегнуть к угрозе силой или ее применению в отношении другой международной организации или даже каким образом государство может принять такие меры против какой-либо международной организации.

28. В соответствии с пунктом 1 статьи 42 Венской конвенции согласие государства на обязательность для него договора может оспариваться только на основе применения этой Конвенции. Таким образом, данное государство должно быть участником этой Конвенции. В соответствии с пунктом 1 рассматриваемой статьи согласие государства или международной организации на обязательность договора может оспариваться лишь на основе применения проекта статей. До настоящего времени Комиссия разумно откладывала вопрос о том, могут ли международные организации становиться участниками между-

народной конвенции, которая может быть принята на основе проекта статей.

29. Прежде всего, в связи с пунктом 2 рассматриваемой статьи возникает проблема терминологического характера. Действительно ли будет Комиссия общепринятое в отношении государств выражение «денонсация договора» употреблять применительно к международным организациям?

30. В отношении выражения «в результате применения положений договора» в этом же пункте он отмечает, что, в то время как каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры, правоспособность организации ограничена правилами ее устава, как это предусматривается в статье 6. Следовательно, прекращение договора или его денонсация международной организацией, или выход из него этой организацией не могут осуществляться на основе применения положений договора, если эти положения не соответствуют правилам уставного документа этой организации. В отношении взаимосвязи между положениями договора и соответствующими правилами организации Специальный докладчик сослался на статью 27, озаглавленную «Внутреннее право государства и правила международной организации и соблюдение договоров». Он рассмотрел случай исчезновения международной организации. Однако что произойдет, если организация при заключении договоров внесет изменения в свои правила? Если внутреннее право того или иного государства не соответствует его международным обязательствам, это государство может внести соответствующие изменения в свое внутреннее право; фактически одна и та же воля определяет содержание его внутреннего права и содержание его обязательств по международному праву. С другой стороны, международная организация находится в ином положении, поскольку изменение ее правил является прерогативой ее государств-членов. Если они изменяют правила таким образом, что они более не соответствуют положениям договора, заключенного этой организацией, то будут ли эти правила иметь преимущественную силу по сравнению с положениями договора? И даже если правила организации не будут изменены, согласие этой организации на обязательность договора может оспариваться не на основе применения проекта статей, а исходя из действующих правил этой организации. Этот случай предусматривается в пункте 2 статьи 27. Однако что произойдет в том случае, если правила будут изменены после заключения договора? Может ли согласие организации оспариваться на основе применения этих новых правил? Этот вопрос не рассматривается в Венской конвенции, поскольку он не может возникать в отношении государств.

31. В отношении пункта 3 рассматриваемой статьи г-н Ушаков задает вопрос о том, почему положения Устава Организации Объединенных Наций должны применяться ко всем без исклю-

чения международным организациям. Он также интересуется, что означает фраза «обязательства, которые могут возникать из Устава». С другой стороны, применяется ли пункт 3 к действительности договоров или их прекращению, денонсации или к выходу из них какого-либо участника? По-видимому, нет никакой реальной связи между статьей 103 Устава и действительностью договоров, их прекращением, денонсацией или выходом из них какого-либо участника. Фактически в статье 103, помимо Устава, предусматривается другой действительный договор, и в этом случае обязательства по Уставу имеют преимущественную силу по сравнению с обязательствами по договору. Таким образом, между пунктом 3 и двумя предшествующими пунктами отсутствует прямая связь.

32. Г-н ЯНКОВ говорит, что часть V проекта является нововведением в том, что касается как международных организаций, так и права договоров в широком смысле. Фактически соответствующие положения Венской конвенции названы Специальным докладчиком «наиболее оригинальной и вызывающей наибольшее количество споров частью» (A/CN.4/319, пункт 1) Конвенции. Естественно, возрастающая роль международных организаций приведет к новым изменениям в проекте, в частности по вопросу об их правоспособности заключать конвенции и об их деятельности по содействию международному правопорядку. Часть V также направлена на обеспечение большей гибкости в отношении многосторонних договоров в целом, и в частности в отношении договоров, участниками которых являются не только государства, но также и международные организации. Это, однако, не означает, что между государствами и международными организациями исчезают различия в области заключения договоров. Напротив, чем глубже изучается роль международных организаций, тем очевиднее становится, что они обладают своей собственной особой правоспособностью. Поэтому г-н Янков считает, что положения части V совершенно обоснованно включены в общий контекст проекта.

33. Проект статьи 42 содержит общую норму, касающуюся недействительности и прекращения действия договоров, и поэтому имеет важный вступительный характер. Это положение необходимо для определения механизма и процедур, требуемых в случае недействительности, прекращения или приостановления действия договоров, участниками которых являются международные организации. В то же время следует избегать проведения какой-либо прямой аналогии с правоспособностью государств заключать договоры или с договорами, заключенными между государствами. Он полностью согласен с тем, что основная цель проекта статьи 42 заключается в обеспечении стабильности договоров, включая договоры, участниками которых являются международные организации.

34. Как поясняет Специальный докладчик в пунктах 6—12 своего доклада, существуют веские основания для включения пункта 3 в проект рассматриваемой статьи. Однако с точки зрения структуры самого проекта, вероятно, было бы целесообразнее, после того как Комиссия рассматривает остальные положения части V, добавить в соответствующем месте более общее положение, с тем чтобы оно охватывало все другие аспекты взаимосвязи между договорами и Уставом Организации Объединенных Наций, в частности статьей 103 Устава.

35. Поэтому он предлагает Комиссии предварительно принять пункт 3 проекта статьи 42 при том условии, что он может быть пересмотрен позднее в свете любых других положений, требующих подобной ссылки.

36. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ не видит никаких оснований, в отношении международных организаций, отходить от положений Венской конвенции, на которых основаны пункты 1 и 2 проекта статьи 42. Поэтому он поддерживает эти пункты.

37. С другой стороны, пункт 3 является новым и ставит весьма различные вопросы. Вероятно, можно утверждать, что этот пункт является излишним, поскольку, что касается государств — членов Организации Объединенных Наций, они по-прежнему остаются связанными положениями статьи 103 Устава независимо от положений проекта статьи 42; что же касается международных организаций, то они не являются членами Организации Объединенных Наций и вряд ли станут ими. Тем не менее оратор может предположить возможность наличия некоторых крайних обстоятельств, при которых могут возникнуть сомнения, меняется ли ситуация оттого, что та или иная международная организация является участником договора. Поэтому оратор разделяет мнение г-на Янкова относительно пункта 3, то есть он считает, что этот пункт следует мысленно взять в квадратные скобки, с тем чтобы отметить, что он вызывает определенную проблему. Кроме того, оратор считает, что на данной стадии исключение этого пункта с учетом мнений членов Комиссии, которые могут быть выражены позднее, не принесет никакого вреда.

38. Вопрос о правопреемстве, и конкретнее о правопреемстве государств, является проблемой, которая, по мнению оратора, должна быть изучена позднее в контексте статьи, соответствующей статье 73 Венской конвенции. В этой области действительно существует определенная проблема, однако применительно к международным организациям она имеет иной характер. В соответствии с Венской конвенцией о правопреемстве государств в отношении договоров⁶ право-

⁶ Текст Конвенции см. *Official Records of the United Nations Conference on Succession of States in Respect of Treaties*, vol. III (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.79.V.10), документ A/CONF.80/31.

преемство государств означает «смену одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории». На современном этапе развития международных отношений это вряд ли может быть применимо к международным организациям, хотя можно и предположить некоторые случаи, относящиеся к этой проблеме, например случай исчезновения международной организации. Тем не менее, и в этом случае понятие остается несколько отличным, и в целом он придерживается того мнения, что если международная организация исчезает, то она исчезает и как участник договора.

39. Оратор сомневается в том, что изменение правил организации окажет непосредственное влияние на положение, поскольку применение статьи 6 проекта, касающейся правоспособности международных организаций заключать договоры, должно регулироваться правилами, действующими в момент заключения организацией договора, а не каким-либо последующим изменением этих правил. С другой стороны, может возникнуть весьма реальная проблема в случае существенного изменения характера организации (например, в случае определенного ограничения ее функций), однако такая проблема должна разрешаться не в контексте проекта статей, а в свете развития события. Напротив, что касается договора, то расширение полномочий организации, по мнению оратора, не должно привести к возникновению каких-либо конкретных трудностей.

40. Все эти вопросы могут быть изучены, когда Комиссия приступит к рассмотрению положения, соответствующего статье 73 Венской конвенции, и поэтому не следует откладывать рассмотрение проекта статьи 42.

41. Г-н ФЕРОСТА считает пункты 1 и 2 статьи 42 приемлемыми при условии некоторого пояснения, в частности в отношении денонсации договора международной организацией.

42. Появление пункта 3 является несколько неожиданным. Поскольку сфера его действия является довольно широкой, вероятно, было бы целесообразнее найти для него другое место в проекте.

Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером (резолюция 33/139 Генеральной Ассамблеи, часть I, пункт 5; резолюция 33/140 Генеральной Ассамблеи, пункт 5)

[Пункт 7 повестки дня]

СОСТАВ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ

43. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что на основе проведенных консультаций он предлагает следующий состав Рабочей группы по статусу дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером:

г-н Янков (Председатель), г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фрэнсис и г-н Эвенсен.

44. Если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила принять это предложение.

Предложение принимается.

Обзор процесса заключения многосторонних договоров (резолюция 32/48 Генеральной Ассамблеи, пункт 2)

[Пункт 6 повестки дня]

СОСТАВ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ

45. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ напоминает, что Рабочая группа по обзору процесса заключения многосторонних договоров, созданная на предыдущей сессии, является небольшой группой. Группе поручено провести предварительное исследование этого вопроса. Среди рекомендаций, сформулированных Рабочей группой в ее докладе и утвержденных Комиссией, имеется рекомендация о восстановлении группы в начале тридцать первой сессии с максимальным учетом необходимости обеспечения непрерывности членства, а также о том, чтобы поручить ей представить окончательный доклад Комиссии не позднее 30 июня 1979 года ⁷.

46. Учитывая важное значение этого вопроса и необходимость составления проекта доклада, отражающего мнения всех членов Комиссии, во время консультаций было решено расширить состав Группы. Он предлагает следующий состав Группы: г-н Квентин-Бакстер (Председатель), сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Калье-и-Калье, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Ушаков, г-н Фрэнсис, г-н Суруока и г-н Янков.

47. Если нет возражений, Председатель будет считать, что Комиссия постановила принять это предложение.

Предложение принимается.

Заседание закрывается в 13 час.

⁷ См. *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 149 англ. текста, документ A/33/10, пункт 169.

1547-е ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 7 июня 1979 года, 10 час. 20 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучарит-

кул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Ферроста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швель, г-н Янков.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (продолжение) (A/CN.4/319)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ 42 (Действительность и сохранение договоров в силе)¹ (окончание)

1. По мнению г-на ПИНТО, пункт 3 статьи 42 может рассматриваться в качестве пункта, применяемого в отношении двух категорий конвенционных обязательств. К первой категории относятся международные обязательства, вытекающие из Устава Организации Объединенных Наций, который является своего рода «высшим» договором, связывающим, в принципе, только государства — члены Организации Объединенных Наций. Ко второй категории относятся обязательства, вытекающие из договора, заключенного между государствами и международной организацией или только между международными организациями. В этом случае пункт 3 также может толковаться двояким образом. Во-первых, он содержит положения, касающиеся применения заключенных впоследствии договоров, и позиция Комиссии по этому вопросу отражена в проекте статьи 30², который, в свою очередь, отражает позицию, изложенную в статье 30 Венской конвенции³. Во-вторых, проект статьи может рассматриваться как проект, касающийся противоречия между международными обязательствами, вытекающими из статьи 103 Устава, и международными обязательствами, вытекающими из такого вида договора, который предусмотрен в проекте, то есть обязательствами, не только касающимися принципа иерархии, но и затрагивающими саму основу действительности договора, как это имеет место в специально предусмотренном в проекте статьи 53 случае, когда договоры находятся в противоречии с императивной нормой общего международного права. В таком случае соответствующее положение Устава будет рассматриваться как императивная норма общего международного права, и противоречие может, по-видимому, оказывать влияние на действительность данного договора: договор будет подлежать аннулированию по требованию потерпевшей стороны и при некоторых обстоятельствах будет считаться даже недействительным *ab initio*. Следовательно, имеются веские основания для того, чтобы рассмотреть данный вопрос в той части проекта,

которая касается действительности и сохранения договоров в силе.

2. Поэтому он прекрасно понимает, почему Специальный докладчик сослался в пункте 3 на статью 103 Устава в предварительном порядке. В то же время возникает трудный вопрос о том, куда следует включить эту ссылку в проекте, учитывая, что взаимосвязь между статьей 103 Устава и вопросом о действительности договоров не совсем ясна и что в некоторых случаях могло бы иметь место дублирование положений проекта статьи 53. Например, какое-либо международное финансовое учреждение, созданное с целью предоставления займов государствам-членам исключительно на основании экономических критериев, могло бы путем заключения соглашения предоставить заем государству-члену, которое нарушает императивную норму международного права, например, проводя политику расовой дискриминации. Соглашение о предоставлении такого займа могло бы рассматриваться как несоответствующее статье 103 Устава, или Совет Безопасности мог бы принять решение о том, что ни одно международное учреждение не должно предоставлять займов данному государству; в таком случае этот вопрос подпадал бы под действие положений проекта статьи 53. Естественно, представляется трудным точно указать в письменной формулировке, какое влияние оказывает статья 103 Устава на вопрос о действительности договоров.

3. Возникает и другая проблема: в принципе на международные организации не распространяется действие положений статьи 103 Устава, которая касается исключительно государств — членов Организации Объединенных Наций, хотя пункт 6 статьи 2 Устава может касаться государств-нечленов, а пункт 2 статьи 48 — международных организаций. Поэтому он пришел к выводу о том, что вопрос о возможности применения статьи 103 при определении действительности или недействительности договоров является слишком сложным для того, чтобы его можно было рассматривать в пункте 3 проекта статьи 42 или же в пункте 6 проекта статьи 30. По его мнению, этому вопросу следовало бы отвести особое место в проекте статей в целом.

4. Приспособление Венской конвенции к конкретному случаю договоров, участниками которых являются международные организации, представляет собой весьма сложную задачу. Так, например, г-н Ушаков (1546-е заседание) упомянул о проекте статьи 52 и совершенно справедливо спорил о том, насколько уместно говорить о принуждении применительно к международным организациям. Однако принуждение необязательно подразумевает использование вооруженной силы; нетрудно представить ситуации, в которых может осуществляться принуждение экономического характера, но в этом случае Комиссия пошла бы по чрезвычайно опасному пути. Некоторые

¹ Текст статьи см. 1546-е заседание, пункт 11.

² См. 1546-е заседание, сноска 4.

³ Там же, сноска 1.

международные финансовые организации могут оказывать весьма значительное влияние на государства в своих отношениях с последними и способны принимать меры, которые можно назвать экономическим принуждением или давлением. Такая организация, например, могла бы стремиться диктовать государству экономическую политику.

5. Наконец, он хотел бы выяснить, предусмотрел ли Специальный докладчик возможность наличия особых обстоятельств, которые могли бы влиять на действительность договора, заключенного между международной организацией и одним из ее государств-членов. Можно представить себе, например, соглашение между каким-либо государством и будущим международным органом по вопросам морского дна, которое было бы заключено в обычных рамках деятельности данного органа и на которое бы распространялись некоторые нормы.

6. Г-н ЦУРУОКА говорит, что целесообразнее отказаться от предположения об исчезновении международной организации в связи с отсутствием конкретных примеров и, следовательно, материала, подлежащего не только кодификации, но даже и разработке. К тому же выработка общей нормы была бы затруднена вследствие многообразия существующих международных организаций. Если Комиссия откажется от этого предположения, то вряд ли ее упрекнут в том, что она не восполнила пробел в своей работе; в ее адрес скорее выскажут похвалу за то, что она решила подождать развития практики в этой области.

7. Что касается уместности ссылки на статью 103 Устава, то следует подчеркнуть, что хотя Устав применяется в отношении подавляющего большинства государств мира, вовсе не обязательно, что это относится и к международным организациям. Тем не менее представляется маловероятным, чтобы международные организации не считали себя связанными этим документом, поэтому в статье 42, по-видимому, необязательно явно ссылаться на «обязательства, которые могут вытекать из Устава, и в частности из статьи 103». Не исключено, что впоследствии будет возможным сделать такую ссылку в одном из общих положений проекта, но в настоящее время Комиссия могла бы ограничиться ссылкой на данную проблему в своем комментарии к рассматриваемой статье.

8. Г-н ФРЭНСИС говорит, что его позиция по вопросу о проекте статьи 42 весьма близка к позиции г-на Янкова и сэра Фрэнсиса Вэллета.

9. Что касается исчезновения международных организаций, то не следует забывать, что некоторые организации могут оставить весьма глубокие следы своего прежнего существования. Поэтому было бы опасным не предусмотреть возможность последующего рассмотрения вопроса о

правопреемстве международных организаций в более широком контексте. Он выражает удовлетворение, что во введении к своему докладу Специальный докладчик, по-видимому, предусматривает эту возможность на более поздней стадии работы над проектом статей.

10. Г-н НДЖЕНГА испытывает некоторые трудности в связи с проектом статьи 42, трудности, которые неизбежно возникают при рассмотрении вопроса о правоспособности международных организаций заключать договоры, поскольку эти организации нельзя со всех точек зрения уподобить государствам. Поэтому в рассматриваемом проекте статей не могут во всех случаях воспроизводиться термины, используемые в Венской конвенции.

11. Г-н Ндженга полностью поддерживает мнение, выраженное г-ном Пинто по вопросу о применении пункта 3 проекта статьи 42. Чрезвычайно трудно допустить, чтобы статья 103 Устава могла применяться к международным организациям, учитывая тот факт, что эта статья рассматривает обязательства членов Организации Объединенных Наций, которые все без исключения являются государствами. Поэтому г-н Ндженга предлагает Специальному докладчику исключить пункт 3 из проекта статьи, тем более что это не может нанести ущерба применению статьи 103 Устава в отношении соглашений, заключаемых между государствами и международными организациями, поскольку государства по-прежнему обязаны соблюдать свои обязательства в силу Устава.

12. Что касается влияния исчезновения международной организации на действительность или сохранение договора в силе, то следует отметить, что некоторые международные организации, еще не исчезнув, фактически утрачивают свою жизнеспособность. Другими словами, они перестают быть международными организациями, способными выполнять обязательства, которые были возложены на них в момент их создания.

13. Так, например, Восточно-Африканское сообщество еще не исчезло, но тем не менее его нельзя рассматривать в качестве действующего. Заключенные им договоры в настоящее время не могут считаться действующими, и очевидно, что договор является действительным только в том случае, если он может быть осуществлен. Прежде в период большей активности Сообщество заключило многие договоры, иногда имевшие большое значение, такие как договоры о таможенных тарифах и договор с Европейским экономическим сообществом; но во всех случаях само Сообщество и его члены являлись участниками этих договоров. Позднее члены Сообщества попытались распространить на своей собственной территории действие обязательств, взятых на себя Сообществом, избежав, таким образом, образования своеобразного вакуума в тот момент, когда Сообщество сократило свою деятельность. Такая процедура

оказалась эффективной, и не возникло никаких трудностей юридического характера, поскольку другие государства — участники данных договоров учитывали реальную ситуацию.

14. Поэтому, если говорить о действительности и сохранении в силе договоров, он не убежден в необходимости того, чтобы статья 42 имела столь строгую формулировку. Действительно, договор может быть в силе теоретически и в то же время не иметь никакого практического применения. Можно, по-видимому, попытаться улучшить редакцию данной статьи, предусмотрев такого рода ситуацию.

15. Г-н ШВЕБЕЛЬ одобряет по существу пункты 1 и 2 проекта статьи 42 и считает, что в конечном итоге пункт 3 является оправданным, несмотря на первоначально имевшиеся сомнения. Действительно, в возможном случае, когда договор, учреждающий региональную организацию, заключается с целью сокрушить какого-либо члена Организации Объединенных Наций, обязательства, возникающие на основании этого договора, противоречат обязательствам, вытекающим из статьи 103 Устава; но они также противоречат положениям проекта статьи 53, поскольку они несовместимы с императивной нормой общего международного права. Поэтому можно утверждать, что положения пункта 3 проекта статьи 42 являются излишними. В то же время можно предусмотреть случай существования противоречия между обязательствами, вытекающими из договора, и обязательствами, вытекающими из Устава, что не соответствует императивной норме международного права. Так, например, осуществление обязательства, возникающего на основе какого-либо договора, может противоречить решению Совета Безопасности, которое является обязательным для всех государств-членов, но не соответствует императивной норме международного права. В таком случае положения пункта 3 данного проекта статьи будут, очевидно, уместными.

16. На предшествующем заседании в связи с пунктами 1 и 2 был поднят вопрос о том, может ли действительность договора или согласия государства или международной организации на обязательность договора оспариваться только на основе применения данного проекта статьи. Он не может согласиться с утверждением, что международная организация могла бы на основании своих собственных правил изменять свои обязательства в силу договора или же ставить под сомнение действительность договора или данного ею согласия быть связанной вышеназванным договором. Норма заключается в том, что международные организации связаны заключенными ими договорами таким же образом, как и другие субъекты международного права, обладающие правоспособностью заключать договоры. Пункт 2 проекта статьи 27, касающийся не вопроса действительности договора, а вопроса невыполнения договора, строго соответствует этой

норме. Он предусматривает, что международная организация — участник договора не может ссылаться на правила данной организации в качестве оправдания для невыполнения этого договора, если только исполнение указанного договора в соответствии с намерениями сторон, то есть всех сторон, не подчинено осуществлению функций и полномочий данной организации. Иными словами, правила данной организации могут быть указаны в качестве оправдания для невыполнения договора лишь в том случае, если стороны согласились с тем, что вышеназванная организация может эффективно ссылаться на свои правила. Проще говоря, формула «функции и полномочия организации» означает функции и полномочия организации в том виде, в каком они были признаны сторонами в момент заключения договора, а не в том виде, который мог позднее возникнуть в результате изменений в силу правил данной организации.

17. В этом отношении он одобряет замечания сэра Фрэнсиса Вэллета (1546-е заседание) по поводу проекта статьи 6 и считает, что правоспособность международной организации заключать договоры — аспект, который, безусловно, связан с вопросом о действительности согласия данной организации, — определяется соответствующими правилами вышеназванной организации в момент заключения договора. Трудно предположить, что кто-либо придерживается иной точки зрения.

18. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик), подводя итоги прений по статье 42, констатирует, что в целом члены Комиссии считают, что пункты 1 и 2 этого положения являются приемлемыми при условии внесения некоторых уточнений, но пункт 3 мог бы быть временно или окончательно исключен. Вопрос о том, следует ли в статье 42 проводить различие между договорами, заключаемыми между государствами и международными организациями, и договорами, заключаемыми только между международными организациями, может быть решен Редакционным комитетом. Что же касается того, что, не зная содержания последующих статей, трудно высказывать свое мнение относительно статьи 42, то следует уточнить, что Комиссия никогда не примет эту статью, иначе как с условием проверки. Пункты 1 и 2 статьи 42 направлены не на то, чтобы заранее предопределить содержание последующих статей, а на то, чтобы установить принцип, в соответствии с которым Комиссия рассмотрит все возможные причины недействительности, прекращения и приостановления действия договоров, помимо причин, предусмотренных в Венской конвенции. Трудно себе представить такую ситуацию, когда Комиссия, признавая, например, настоятельную необходимость в принятии положения об исчезновении международных организаций, в то же время считала бы предпочтительным отказать от положения в связи с трудностью данного вопроса.

19. Поднятый г-ном Ушаковым на предыдущем заседании и развитый г-ном Пинто вопрос о том, применяется ли запрещение принуждения в отношении международных организаций, не стоит перед Комиссией в настоящее время. Даже когда Комиссия перейдет к рассмотрению вопроса об использовании силы в нарушение Устава, она не должна будет принимать решение о том, следует ли учитывать другие формы принуждения, помимо использования вооруженной силы, такие, например, как экономическое принуждение. Этот вопрос касается толкования Устава. Необходимо будет придерживаться точки зрения Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, в соответствии с которой понятие принуждения обязательно включает в себя принуждение с использованием вооруженной силы и, возможно, также другие формы принуждения.

20. В отличие от того, что международная организация фактически не может осуществлять принуждение в отношении другой организации, можно легко представить себе случай, когда государство может осуществить принуждение над организацией. Если бы во время волнений во Франции возникла необходимость вмешательства со стороны вооруженных сил Франции и если бы подозреваемые укрылись в здании ЮНЕСКО, вполне возможно, что французские власти посредством угрозы принуждения с применением вооруженной силы вынудили бы Директора ЮНЕСКО изменить соглашение о центральных учреждениях между этой организацией и Францией таким образом, чтобы вооруженным силам Франции было разрешено осуществлять в отношении ЮНЕСКО принуждение, которое бы противоречило Уставу Организации Объединенных Наций. Существование вооруженных сил по поддержанию мира позволяет сделать и другие предположения. В случае, когда подразделение таких вооруженных сил стало бы объектом применения насильственных мер, противоречащих Уставу, представляется маловероятным, чтобы воинская честь обязывала их командира допустить скорее уничтожение всего его личного состава, чем капитуляцию на поле боя; возможно, он счел бы разумным подписать с агрессором соглашение, в соответствии с которым он должен был бы оставить свои позиции. Будет ли действительным аналогичное соглашение между международной организацией и государством-агрессором? Именно такую возможность должна учитывать Комиссия, когда она будет разрабатывать статью, касающуюся принуждения.

21. В отношении слов «на основе применения настоящего проекта статьи» г-н Ушаков отметил, что до настоящего времени Комиссия не решила вопрос о том, могут ли международные организации стать участниками конвенции, форму которой, возможно, обретет данный проект статей. Однако Комиссия вовсе не должна высказывать своего мнения о том, в какой форме данные статьи могли бы стать обязательными для

международных организаций. Эта цель может быть достигнута с помощью различных средств, даже без участия международных организаций в качестве сторон. Так, например, Конвенция 1971 года о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами⁴, которая открыта для подписания лишь государствами, может при некоторых условиях применяться в отношении международных организаций. Это также относится и к Конвенции 1947 года о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений⁵.

22. В отличие от того, что, возможно, считает г-н Ушаков, существует взаимосвязь между пунктом 3 и пунктами 1 и 2 рассматриваемой статьи. Если справедливо, что ни положения Устава, ни вытекающие из Устава обязательства не имеют отношения к вопросу о действительности или недействительности договоров, то не менее справедливо и то, что часть V Венской конвенции также касается приостановления действия договоров. Именно возможность приостановления действия договора имел в виду Специальный докладчик, предлагая пункт 3 статьи 42. Вполне возможно, что, несмотря на решение Совета Безопасности о том, что государства — члены Организации должны воздерживаться от поддержания экономических отношений с определенным государством, одно из государств-членов заключит торговый договор с этим государством. Каково в таком случае будет влияние данного решения Совета Безопасности на этот договор? И каково будет его влияние на частные соглашения, заключенные между покупателями и поставщиками одного и другого государства? В отношении этого последнего вопроса международные суды имели возможность высказать свое мнение в связи с санкциями, предпринятыми против Италии в 1936—1938 годах. Что касается договоров, заключенных между государствами, то такое решение Совета Безопасности должно было бы повлечь за собою приостановление их действия.

23. У авторов комментариев к Венской конвенции иногда спрашивают, почему Комиссия уделила столь значительное внимание маловероятному случаю приостановления действия договора. Однако можно точно представить себе такую ситуацию, когда действие договора было приостановлено в силу решения Совета Безопасности. Именно поэтому в пункте 3 статьи 42 он сослался не только на Устав, но также и на обязательства, которые могут вытекать из Устава, как, например, обязательства, которые могут быть установлены Советом Безопасности. Поэтому в общем положении проекта необходимо предусмотреть ссылку на статью 103 Устава. Кроме того, с определенностью нельзя даже утверждать, что такая ссылка, как здесь пытались утверждать, не

⁴ Резолюция 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи, приложение.

⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 33, p. 261.

будет затрагивать третьи государства. Действительно, хотя в Венской конвенции подчеркивается, что договоры не затрагивают третьи государства, Международный Суд в своем консультативном заключении относительно *юридических последствий для государств продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии (Юго-Западная Африка) вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности*⁶ указал на то, что, хотя речь идет о государствах — членах Организации Объединенных Наций, даже третьи государства обязаны подчиняться тому, что она рассматривает в качестве действительного решения. Но, конечно, можно утверждать обратное, как это сделали некоторые члены Суда.

24. Что касается исчезновения международных организаций, то сэр Фрэнсис Вэллет (1546-е заседание) считает, что, учитывая определение, данное выражению «правопреемство государств» в Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров⁷, теперь было бы трудным использовать выражение «правопреемство международных организаций», и что данный вопрос должен быть пересмотрен к тому времени, когда начнется рассмотрение статьи 73. Так же, как и у г-на Ушакова, у него возник вопрос о том, что произойдет в том случае, когда международная организация после заключения действительного договора изменит свои правила таким образом, что она окажется не в состоянии осуществлять этот договор. По его мнению, если бы такого рода изменения были внесены в правила, касающиеся правоспособности заключать договоры, то данный договор следовало бы рассматривать как заключенный правомерным образом, если он был заключен в соответствии с правилами, действовавшими в момент его заключения.

25. Однако следует предусмотреть другой возможный случай: когда независимые государства учреждают международную организацию, целью которой является создание таможенного союза. Ассоциация, обладающая компетенцией в этой области, заключает тарифное соглашение с третьими государствами. Впоследствии государства-члены решают, что зона свободной торговли между ними является достаточной, и лишают данную ассоциацию ее правоспособности заключать соглашения с внешним миром. Что станет в таком случае с уже заключенными тарифными соглашениями? Можно утверждать, что государства — члены данной ассоциации будут по-прежнему индивидуально связаны этими договорами, причем каждое из них должно провести переговоры о внесении изменений. Можно также проводить различие между правосубъектностью данной организации и ее государств-членов и утверждать, что эти договоры стали недействительными; в таком случае возникает вопрос

об ответственности государств. Действительно, невозможно, чтобы заключение договора делало невыполнимым учредительный договор международной организации. Можно считать, что первый договор стал недействительным, однако в таком случае возникает определенная ответственность, которая обязывает начать переговоры с целью заключения нового договора. В первом случае мы рассуждаем с точки зрения правопреемства государств; а во втором случае — с точки зрения ответственности государств. К тому же предпочтительнее пользоваться выражением «передача прав организации», чем выражением «правопреемство организаций». Организация, функции которой полностью изменены или число членов которой неожиданно возросло в значительных масштабах, более не является прежней организацией, даже если ее наименование осталось неизменным.

26. Совершенно очевидно, что все эти вопросы не могут быть решены в ходе рассмотрения статьи 42. Они могут быть обсуждены, однако необходимо, чтобы Специальный докладчик получил точные инструкции, которые позволят ему разработать проект статьи. Тем не менее при разработке статьи 73 Венской конвенции Комиссия, проявив осторожный подход, оставила в стороне эти вопросы и, возможно, в данном случае целесообразно поступить точно таким же образом. На это, впрочем, можно ответить, что в таком случае никогда не будет разработан проект статей о передаче прав международных организаций в области договоров и что данный вопрос заслуживает решения.

27. Со своей стороны, г-н Пинто указал на возможность существования между международной организацией и ее государствами-членами соглашений, несколько отличных от соглашений, заключенных между этой организацией и какими-либо иными государствами. Специальный докладчик непосредственно предусмотрел этот случай в одной из статей, еще не рассмотренных Комиссией, а именно в статье 46, в связи с которой он считает трудным допустить, чтобы государство-член утверждало, что оно незнакомо с правом данной организации. Следовательно, оценка явного характера нарушения Устава не может быть одинаковой для государства-члена и для третьего государства. Поэтому он не возражает против мнения о том, что каждая международная организация создает свое право и что на некоторые соглашения между этими организациями и их государствами-членами в большей степени распространяется это конкретное международное право, чем общее международное право. Разумно согласиться с этим выводом, для того чтобы лучше учитывать характер каждой организации. В то же время можно констатировать, что практика всех международных организаций еще не настолько развита, чтобы можно было говорить о возникновении такой юридической нормы.

⁶ *I.C.J. Reports 1971*, p. 16.

⁷ См. 1546-е заседание, сноска 6.

28. Г-н СУЧАРИТКУЛ считает, что оговорка в отношении статьи 103 Устава, которая устанавливает иерархию между международными обязательствами, возложенными на государство, является необходимой, однако эта оговорка не обязательно должна содержаться в пункте 3 проекта статьи 42.

29. Что касается проблемы, возникающей в связи с исчезновением международной организации, то г-н Сучариткул отмечает, что в Юго-Восточной Азии, где насчитывается значительное число международных организаций, имеется множество примеров возникновения, исчезновения, передачи прав или правопреемства международных или региональных организаций.

30. Может произойти официальный роспуск организации, как это имело место в случае Организации договора Юго-Восточной Азии, которая прекратила свое существование в качестве организации, хотя Манильский пакт (Pacific Charter) по-прежнему находится в силе. Некоторые учреждения, возникшие на основании соглашения между этой организацией и ее государствами-членами, прекратили свое существование, как, например, Центр по борьбе против холеры, созданный в Дакке, в то время как другие по-прежнему существуют, как, например, Институт технологии для Азии.

31. Может также произойти косвенное исчезновение организации. Так, например, Азиатско-тихоокеанский совет (АЗПАК) прекратил свое существование вследствие происшедших в Азии коренных перемен, которые изменили основной характер этой организации. Многие центры, созданные под эгидой этой организации, были распущены, однако созданная в Сеуле Азиатско-тихоокеанская культурная ассоциация по-прежнему существует.

32. Наконец, может иметь место правопреемство между двумя международными организациями. Так, например, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, в состав которой входят Таиланд, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Индонезия, стала преемницей Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, в состав которой входили лишь Таиланд, Малайзия и Филиппины. Между этими двумя организациями было заключено соглашение о передаче осуществляемых проектов.

33. Что касается юридической личности международных организаций, то он подчеркивает, что в Юго-Восточной Азии не существует международной или региональной организации, обладающей такими наднациональными или надгосударственными полномочиями, как ЕЭС.

34. Г-н УШАКОВ уточняет, что сказанное им во время его последнего выступления (1546-е заседание) относится не только к статье 42, но также и ко всей части V проекта. По его мнению,

существует определенная взаимосвязь между недействительностью, прекращением и приостановлением действия договоров и соответствующими правилами организации, в частности ее учредительным документом. Например, если устав международной организации предусматривает, что эта организация имеет свою штаб-квартиру в данном конкретном государстве, что произойдет с соглашением о центральных учреждениях организации, заключенным между этим государством и данной организацией, если последняя примет решение о переводе своей штаб-квартиры в другое государство? В этом случае изменение устава данной организации влечет за собой прекращение действия договора.

35. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что в случае отсутствия возражений он будет считать, что Комиссия приняла решение передать проект статьи 42 Редакционному комитету.

*Предложение принимается*⁸.

СТАТЬЯ 43 (Обязательства, имеющие силу на основании международного права, независимо от договора)

36. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 43 (A/CN.4/319), имеющий следующее содержание:

Статья 43. Обязательства, имеющие силу на основании международного права, независимо от договора

Недействительность, прекращение или денонсация договора, выход из него одного из участников или приостановление его действия, если они являются результатом применения настоящих статей или положений самого договора, ни в коей мере не затрагивают обязанность государства или международной организации выполнять любое записанное в договоре обязательство, которое имеет силу для этого государства или для этой организации в соответствии с международным правом, независимо от договора.

37. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) отмечает, что, как указывается в комментарии, проект статьи 43 содержит лишь незначительные редакционные изменения по сравнению с соответствующим текстом Венской конвенции. Тем не менее он хотел бы подчеркнуть, что, указывая на «обязанность государства выполнять любые записанные в договоре обязательства, которые имеют силу для него в соответствии с международным правом, независимо от договора», статья 43 Венской конвенции подразумевает, что государства связаны обычными нормами. Поэтому, будучи использована в контексте отношений между международными организациями или между государствами и международными организациями, норма, содержащаяся в статье 43 Венской конвенции, подразумевает, что международные организации также могут быть связаны общими обычными нормами. На эту проблему уже было ранее указано, и она вызвала определенное беспокойство. Со

⁸ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

своей стороны, он считает невозможным отрицать существование общих обычных норм, которые применяются не только в отношении государств, но также, в зависимости от случая, в отношении международных организаций.

38. Например, в определении агрессии, данным Генеральной Ассамблеей в 1974 году⁹, термин «государство» подразумевает в зависимости от случая понятие «группы государств» и, следовательно, понятие международной организации. С другой стороны, в пункте 2 статьи 12 Хартии экономических прав и обязанностей государств¹⁰ содержатся некоторые обычные нормы и указывается, что эти нормы применяются также в отношении группировок государств. Наконец, хотя было высказано сомнение в отношении возможности для Организации Объединенных Наций стать участницей договоров гуманитарного характера, в уставе вооруженных сил по поддержанию мира говорится, что на вооруженные силы Объединенных Наций распространяются общие нормы гуманитарного права, то есть обычного гуманитарного права.

39. Таким образом, в той мере, в какой Организация Объединенных Наций представляет собой группировку государств, на нее распространяются общие обычные нормы. Впрочем, трудно допустить, что государства, связанные общей обычной нормой, могут, в случае создания международной организации, снять с себя обязательство соблюдать эту норму, используя при этом конкретный механизм юридической личности. В этой связи он напоминает, что при рассмотрении в Комиссии, а затем на Венской конференции Объединенных Наций по правопреемству государств в отношении договоров, проблем, возникших в связи с вопросом об объединении государств, по этому вопросу было принято решение, в котором указывалось, что государства не могут снимать с себя международное обязательство с помощью какого-либо юридического механизма.

40. Г-н УШАКОВ одобряет статью 43, однако он предлагает разделить эту статью на два различных пункта, первый из которых будет посвящен вопросу о договорах между государствами и международными организациями, а второй — вопросу о договорах между двумя или несколькими международными организациями. Он отмечает, что в этом случае второй пункт предусматривал бы для международной организации обязательство соблюдать нормы обычного права, существующие в рамках отношений между международными организациями. Он полагает, что это возможно.

41. Г-н ФЕРОСТА также одобряет статью 43. По его мнению, не вызывает сомнения тот факт,

⁹ Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи, приложение.

¹⁰ Резолюция 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи.

что на международные организации распространяется действие обычного права с учетом их устава.

42. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) отмечает, что в связи с разделением статьи 43 на два пункта возникает или вопрос редакционного характера, который должен решить Редакционный комитет, или вопрос по существу. Во втором случае он не может утверждать, что существуют обычные нормы, распространяющиеся только на международные организации, однако он считает, что имеются обычные нормы, общие для государств и международных организаций.

43. Г-н УШАКОВ отмечает, что это замечание также относится и к настоящему тексту, поскольку договор, о котором идет речь в статье 43, может быть договором, заключенным только между международными организациями.

44. Г-н ТАБИБИ поддерживает данный проект статьи и рекомендует передать его Редакционному комитету. Он также считает, что необходимо учитывать тот факт, что некоторые обычные нормы применяются и в случае международных организаций.

45. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ поддерживает данный проект статьи, хотя у него на данной стадии имеется одно-два небольших возражения, касающихся формы. По его мнению, следует считать, что проект статьи подразумевает формулу, аналогичную той, которая обычно содержится в заключениях судов Великобритании по вопросам фактов: «if any, which is not admitted» (если это имеет место, что не доказано).

46. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статьи 43 Редакционному комитету.

*Предложение принимается*¹¹.

Заседание закрывается в 13 час.

¹¹ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

1548-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 8 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швებель, г-н Эвенсен, г-н Янков.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (продолжение) (A/CN.4/319)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ 44 (Делимость договорных положений)

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 44 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 44. Делимость договорных положений

1. Предусмотренное в договоре или вытекающее из [статьи 56] право участника денонсировать договор, выйти из него или приостановить его действие может быть использовано в отношении только всего договора, если договор не предусматривает иное или если его участники не условились об ином.

2. На признаваемое в настоящем проекте статей основание недействительности договора, прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия можно ссылаться в отношении только всего договора во всех случаях, кроме предусмотренных нижеследующими пунктами или [статьей 60].

3. Если такое основание касается лишь отдельных положений, то на него можно ссылаться только в отношении этих положений, когда:

a) названные положения отделены от остальной части договора в отношении их применения;

b) из договора вытекает или иным образом установлено, что принятие этих положений не составило существенного основания согласия другого участника или других участников на обязательность всего договора в целом; и

c) продолжение выполнения остальной части договора не было бы несправедливым.

4. В случаях, подпадающих под действие [статей 49 и 50], государство или международная организация, имеющие право ссылаться на обман или подкуп, могут делать это либо в отношении всего договора, либо в предусмотренных пунктом 3 случаях в отношении лишь его отдельных положений.

5. В случаях, подпадающих под действие [статей 51, 52 и 53], делимость положений договора не допускается.

2. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) напоминает, что статья 44 Венской конвенции¹ носит технический характер и провозглашает общие правила (пункты 1 и 2), уточняемые исключениями (пункт 3), а также некоторыми частными правилами, касающимися определенных случаев недействительности, в связи с которыми возникают проблемы ответственности (пункты 4 и 5).

3. Поскольку речь идет о статье, которая имеет особое отношение к режиму внутреннего равновесия договора, Специальный докладчик полагает, что правила Венской конвенции можно в чистом виде применять к договорам, изучаемым Комиссией. Поэтому автор ограничился добавлением слов «или международная организация» после слова «государство» в пункте 4.

¹ См. 1546-е заседание, сноска 1.

4. Поскольку в проекте статьи 44 содержатся ссылки на другие проекты статей (статьи 49, 50, 51, 52, 53, 56 и 60), которые еще не рассмотрены Комиссией, то эти последние помещены в квадратные скобки, так как окончательный текст статьи 44 не может быть сформулирован до тех пор, пока Комиссия не утвердит указанные статьи.

5. После краткого обсуждения процедурных вопросов, в котором приняли участие г-н Ндженга, г-н Фероста, г-н Ушаков, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Табиби, г-н Фрэнсис и Специальный докладчик, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает передать в предварительном порядке проект статьи 44 Редакционному комитету при условии, что будут учтены решения, которые Комиссия может принять в отношении упомянутых в нем статей.

Предложение принимается².

СТАТЬЯ 45 (Утрата права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия)

6. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 45, который гласит:

Статья 45. Утрата права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия

ВАРИАНТ А

Государство или международная организация не вправе больше ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия на основе [статей 46—50] или [статей 60 и 62], если, после того как им стало известно о фактах, это государство или эта организация:

a) определенно согласились, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу или остается в действии; либо

b) должны в силу своего поведения считаться молчаливо согласившимися с тем, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу или остается в действии.

ВАРИАНТ В

Не вправе больше ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия на основе [статей 46—50] или [статей 60 и 62]:

a) государство, если, после того как ему стало известно о фактах, оно:

i) определенно согласилось, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу или остается в действии; или

ii) должно в силу своего поведения считаться молчаливо согласившимся с тем, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу или остается в действии;

² Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

b) международная организация, если, после того как ей стало известно о фактах, она на основании соответствующих норм организации согласилась, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу или остается в действии.

7. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) указывает, что в проекте статьи 45 также содержатся ссылки на статьи (статьи 46—50 и статьи 60 и 62), которые еще не рассмотрены Комиссией, но, кроме того, в нем поднимаются важные принципиальные вопросы, заслуживающие немедленного изучения.

8. В статье 45 Венской конвенции делается попытка просто уточнить результаты занятой государством позиции в отношении основания недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления действия договора. В этой связи в статье устанавливаются два правила. Первое, которое является неоспоримым, предусматривает, что государство в отношении себя самого может согласиться считать договор действительным, сохраняющим силу или остающимся в действии. В связи со вторым правилом, которое встретило сильную оппозицию на Венской конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, возникают проблемы, с которыми Комиссия уже сталкивалась и с которыми ей еще придется столкнуться в других статьях. Действительно, слова «в силу своего поведения», которые встречаются в подпункте *b*, не относятся к обычной области договоров, а затрагивают принцип доброй воли, так как они подразумевают случай согласия, которое представляет собой пассивное поведение. Поэтому на Конференции по праву договоров некоторые делегации опасались, что подпункт *b* предоставит государствам слишком большую свободу. В этой связи Специальный докладчик напоминает, что Венская конференция, вопреки мнению Комиссии, отвергла проект статьи 38³, в основу которого было положено заключение некоего арбитражного суда в отношении спора между Францией и Соединенными Штатами Америки, заключение, в котором суд признал возникновение действительного изменения договора в результате соответствующего поведения определенных французских органов.

9. В отношении государств Комиссия вынуждена следовать правилу, провозглашенному в Венской конвенции. Но должна ли она принимать то же самое правило для международных организаций? Если это так, то достаточно взять статью 45 Венской конвенции и ограничиться добавлением в нее слов «или международная организация» после слова «государства». Это именно то, что он предлагает в варианте А.

³ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), стр. 158 англ. текста, документ A/CONF.39/14, пункты 342—348.

10. Но можно принять другое решение, которое состоит в проведении различия между случаем государства и случаем международной организации. Такое решение предложено в варианте В. В этом варианте предлагается сохранить текст Венской конвенции для государств и изменить его для международных организаций путем более четкого принятия обычного плана. Это делается по двум направлениям: с одной стороны, понятие поведения опускается и заменяется понятием согласия, чем подразумевается согласие, выраженное более официальным образом; с другой стороны, дается ссылка на соответствующие правила международной организации. Установленное таким образом различие между случаем государства и случаем международной организации проявляется одновременно как в теоретическом, так и в практическом плане, поскольку в случае организации поведение должно проявляться в форме соглашения — то есть в форме конкретно выраженного согласия — и должно определяться соответствующими правилами организации. Следовательно, вариант В обеспечивает международным организациям лучшую защиту, чем государствам.

11. Статья 39 Венской конвенции предусматривает, что «Договор может быть изменен по соглашению между участниками». Нам представляется, что слово «соглашение» относится к любой форме согласия, включая устное согласие и даже молчаливое или подразумеваемое согласие. Можно ли предполагать, что Конференция по праву договоров допускала возможность изменения договора на основе устного соглашения? Он этого не думает, поскольку Конференция отклонила проект статьи 38, представленный Комиссией, который позволял изменять договор на основе последующей практики сторон. Можно предположить, что Конференция приняла это положение, чтобы в статье 39 указать, что, хотя поправки не подчинены таким же формальным условиям, как и договоры, тем не менее они требуют некоторого официального соглашения. Именно поэтому новый проект статьи 39, принятый Редакционным комитетом, но еще не представленный Комиссией, предусматривает, что «Договор может быть изменен путем заключения соглашения между участниками». Эта позиция, занятая Редакционным комитетом, указывает в пользу варианта В, который стремится избежать того, чтобы международные организации могли легко брать на себя обязательства в обычном плане.

12. Но проблема, однако, возникает не только в контексте договоров, но и в плане ответственности. Несмотря на усилия, которые предпринимались с целью избежать возникновения проблемы ответственности в Венской конвенции, тем не менее эта проблема возникает в нескольких статьях указанной Конвенции, а именно в статьях 49 и 50 и в статье 60. В этой связи в пункте 3 своего комментария к проекту статьи 45 Специальный докладчик указал, что «международные

организации, так же как и государства, подпадают под действие норм международных отношений, которые возлагают на субъекты международного права ответственность за их поведение».

13. Вместе с тем, хотя вариант В обеспечивает защиту международной организации в отношении договоров, он не освобождает ее от всякой ответственности. На самом деле, согласно этому варианту, тот факт, что международная организация ведет себя так, будто бы она признала действительность договора, не связывает ее на основании этого поведения в обычном плане, поскольку простое ее поведение не рассматривается в качестве согласия, но вместе с тем для этой организации в результате ее поведения может возникнуть некоторая ответственность.

14. Таким образом, он подчеркивает, что вариант В в конечном счете не исключает ответственности международной организации за ее поведение, если такое поведение наносит ущерб договаривающимся сторонам.

15. Г-н УШАКОВ спрашивает, как по отношению к международной организации следует толковать часть фразы «после того как им стало известно о фактах», которая фигурирует одновременно в вариантах А и В. Что касается варианта В, оратор может, помимо прочего, представить себе следующий случай: после того как международной организации стало известно о том, что заключенный ею договор противоречит положению ее устава, она соглашается с учетом соответствующих правил считать этот договор действительным. Это решение принимается большинством в $2/3$ голосов, в то время как для изменения положения устава требуется не только согласие большинства в $2/3$ голосов, но и ратификация большинства в $2/3$ государств-членов. Если международная организация в соответствии с правилами, определяющими ее полномочия в области заключения договоров, считает действительным договор, который противоречит положению ее устава, может ли она тем самым изменить это последнее положение?

16. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик), отвечая на первый вопрос г-на Ушакова, прежде всего уточняет, что факты, о которых могла знать международная организация, — это факты, которые могли бы позволить сослаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия. Именно соответствующие правила организации устанавливают, кому должно быть известно об этих фактах: таковыми являются органы, наделенные полномочиями ссылаться на основания, о которых идет речь, — это могут быть верховные органы, не функционирующие на постоянной основе, и даже совокупность всех государств-членов.

17. Указанная г-ном Ушаковым возможность относится к основанию недействительности договора: нарушению положений, касающихся полно-

мочий на заключение договоров, что будет рассмотрено в статье 46. В случае договора, который она заключила в нарушение своего уставного положения и который является, следовательно, недействительным, международная организация может пожелать устранить эту недействительность. И тогда соответствующие правила организации определяют, каким образом это может быть осуществлено. Но для осуществления этого необходимо изменить некоторые из указанных правил. Подобные изменения вносятся согласно самим этим правилам. Если речь идет о нарушении особо важного правила, приводящем к изменению, для которого требуется ратификация двумя третями государств-членов и, например, ратификация некоторыми вполне определенными государствами-членами, то отказ от конкретного основания недействительности может осуществляться только в соответствии с этой процедурой.

18. Г-н ПИНТО говорит, что проект статьи 45 нельзя рассматривать, не проводя различия между государствами и международными организациями, поскольку структура первых отличается от структуры вторых с точки зрения механизмов принятия решения. Это дает основания для его предпочтения варианту В.

19. Благодаря структуре и организации своего управления государство по сравнению с международной организацией располагает более широкими возможностями для принятия немедленных решений, хотя быстрота принятия решений, очевидно, зависит от конкретных государств и конкретных обстоятельств. В свою очередь, международная организация хотя и располагает большими ресурсами и персоналом, чем многие государства, но она должна мириться с более громоздким механизмом принятия решений, как это имеет, например, место, когда решение должно приниматься большинством в две трети голосов. Вместе с тем г-н Пинто не может согласиться с тем, чтобы организация рассматривалась в качестве более слабого субъекта международного права. Просто такая организация имеет свои отличия, и проект статьи должен учитывать эти отличия. Более того, особенно если международная организация носит всемирный характер, она представляет общие интересы, которые необходимо защищать. В какой-то мере можно говорить, что такую организацию следует оценивать по ее самому слабому государству-члену, и в таком случае, с точки зрения социальных интересов, более предпочтительной представляется защита, организованная в соответствии с положениями варианта В.

20. В случае международных организаций, очевидно, не существует достаточно широкой практики, свидетельствующей в пользу формулировки Венской конвенции, хотя г-н Пинто хотел бы обратить внимание на одну возможную область практики, нашедшую свое отражение в положении № 4 (1956) о займах МБРР. Пункт 7.03 статьи VII Положения № 4 о займах от 15

июня 1946 года, касающийся невозможности осуществления прав, имеет следующую формулировку:

Никакая отсрочка или упущение, которые в случае невыполнения соглашения могут произойти в осуществлении прав, полномочий или прав на предъявление иска, которыми какая-либо из сторон обладает на основе соглашения о займе или соглашения о гарантиях, не ограничивают вышеуказанных прав, полномочий или прав на предъявление иска или не могут толковаться как означающие, что данная сторона отказывается использовать в своих интересах упомянутое невыполнение соглашения или что она дала на него свое согласие; отношение этой стороны к невыполнению соглашения или отказ использовать его в своих интересах не изменяют или не ограничивают каких-либо ее прав, полномочий или прав на предъявление иска в отношении любого другого или любого нового невыполнения соглашения⁴.

Представляется, что это положение говорит в пользу формулировки варианта В.

21. В заключение г-н Пинто не оспаривает, что международные организации должны нести ответственность за свои действия, но вместе с тем он считает, что правила, регулирующие эту ответственность, должны, возможно, несколько отличаться от соответствующих правил, применимых к ответственности государств.

22. Г-н ДЖАГОТА также считает, что между государством и международной организацией существует фундаментальное различие, но тем не менее, в противоположность г-ну Пинто, он отдает предпочтение варианту А. Оратор не видит совершенно никакого ни теоретического, ни практического основания для предоставления международной организации большей, чем государству, защиты против отказа от некоторого права, как это может произойти в случае, если сохранить вариант В. На самом деле, в пункте 3 своего комментария к проекту статьи 45 сам Специальный докладчик указал, что до некоторой степени это положение будет иметь «следствием, если не целью, защиту организации от ее собственного поведения».

23. С другой стороны, что касается самого существа проекта статьи, уместно задуматься над смыслом слов «поведение» и «согласившейся», в котором они употребляются в положении ii подпункта а варианта В. Совершенно очевидно, что поведение может проявляться самым различным образом. Так, например, в случае нарушения основных положений договора затрагиваются интересы одного или других государств-участников. Если это государство явно соглашается с тем, чтобы договор оставался все-таки в силе, то такая ситуация охватывается вариантом А. Но если оно не действовало подобным образом и, кроме того, не выступило с официальным протестом против посягательства на его права, то в этом случае мы имеем дело с согласием. Потерпевшее государство не может ссылаться на нарушение

основных положений договора как на основание приостановления действия или прекращения этого договора. Подобным же образом, международная организация может уважать налагаемые договором обязательства в отношении одних государств, но не уважать их в отношении других, или, например, одной или двум сторонам может быть разрешено нарушить соглашение о займе, а другим нет. В подобных случаях невозможно сослаться на нарушение положений договора или соглашения, так как на это нарушение уже было дано согласие. Можно также представить себе случай, когда одна сторона заключает договор, полагая, что одно из его положений является недействительным. Подписание договора — это поведение, которое эквивалентно согласию с действительностью положений договора. Во всех этих случаях согласие на основе поведения в отношении договора ведет к утрате права использовать в своих интересах положения о прекращении или приостановлении действия рассматриваемого договора. Если это решение применимо в отношении государства, оно в той же самой степени должно быть применимо и к международным организациям.

24. Тогда возникает вопрос, кому следует приписывать поведение международной организации. Этот вопрос, однако, связан с вопросом о полномочиях на заключение договоров, который затрагивается в проекте статьи 46. В целях проекта статьи 45 следует исходить из предположения о том, что международная организация обладает полномочиями в этой области, поскольку, в противном случае, нельзя было бы сослаться на положение подпункта b варианта В.

25. В свете этого, по его мнению, к государствам и международным организациям необходимо подходить с одной и той же меркой и следует избегать предоставления организациям больших привилегий, чем государствам.

26. И наконец, отличие, предусмотренное в сноске 18 доклада Специального докладчика (A/CN.4/319), представляется мало оправданным. Вариант А должен применяться к обоим группам статей — статьям 46—50 и статьям 60 и 62.

27. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что данная сноска, безусловно, не очень ясна. В ней предлагается компромиссное решение между позицией г-на Рейтера, который склоняется к варианту А, и выводом, к которому привели результаты изучения текста статьи 39 Редакционным комитетом. Решение, заключающееся в выделении некоторых групп статей, по-видимому, не является самым удачным, но нельзя не согласиться с необходимостью дальнейшей защиты международных организаций в весьма важных случаях, предусмотренных в статьях 46—50 относительно действительности согласия, и в случаях, предусмотренных в статьях 60 и 62, которые

⁴ United Nations, *Treaty Series*, vol. 260, p. 396.

подвергают сомнению не существование самого соглашения, а неожиданное вмешательство посторонних явлений. Например, статья 60 затрагивает вопрос об ответственности. Как отметил г-н Пинто, Комиссия не изучала вопрос об ответственности международных организаций, который отличается от соответствующего вопроса для государства, но тем не менее этот вопрос является составной частью той же самой общей схемы. Вопросы об ответственности все-таки представляют гораздо меньше трудностей, чем вопросы о недействительности. Аналогичное соображение справедливо в случае статьи 62, касающейся коренного изменения обстоятельств.

28. Г-н НДЖЕНГА не видит никаких причин для проведения различия между государствами и международными организациями в рамках проекта статьи 45, хотя он и признает, что если международные организации утрачивают определенные права на основе согласия, то возникают некоторые затруднения. В действительности г-н Ндженга не может полностью поддержать такое правило даже в случае государств.

29. Одна из многочисленных конкретных проблем связана с трудностью определения того, кому следует приписывать поведение международной организации. Так, например, в случае займа, предоставляемого МБРР, можно считать, что тот факт, что местный представитель этого учреждения не предпринял действий с целью ликвидации задолженности в данное время, эквивалентен молчаливому согласию, на основе которого Банк отказывается от своего права. Но каковой окажется ситуация, когда этот вопрос будет поставлен перед государствами-членами, и кто будет нести ответственность за финансирование убытков? Подобным же образом, несмотря на то, что международные организации обычно пользуются налоговым иммунитетом в силу большей части соглашений о месте пребывания штаб-квартиры, иногда предусматривается взимание некоторого налога, который позднее возмещается. Однако если предположить, что международная организация по своей небрежности не затребовала возмещения, то такое поведение можно толковать как указание на то, что организация решила отказаться от своего права. И в этом случае какой будет ситуация, когда этой международной организации придется отчитываться перед государствами-членами за свое поведение и за использование крупных сумм, о которых идет речь?

30. В этой связи он может только отметить, что и с точки зрения механизмов принятия решений и с точки зрения структур международных организации отличаются от государств, и поэтому в целях проекта статьи 45 они не должны приравниваться к этим последним. Таким образом, автор склоняется в пользу варианта В.

Заседание закрывается в 11 час. 35 мин.

1549-е ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник, 11 июня 1979 года, 15 час. 05 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швებель, г-н Эвенсен, г-н Янков.

Организация работы (продолжение) *

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ сообщает о том, что Расширенное бюро рекомендует Комиссии вновь учредить на время проходящей сессии Группу по планированию при Расширенном бюро, которой будет поручено рассмотреть будущие программы и методы работы Комиссии и подготовить для Расширенного бюро соответствующий доклад и в состав которой войдут г-н Пинто (Председатель), сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Диас Гонсалес, г-н Ндженга, г-н Рейтер, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швებель и г-н Янков. В соответствии с установившимся обычаем каждый член Комиссии при желании может присутствовать на заседании Группы по планированию.

2. Если нет возражений, Председатель будет считать, что Комиссия постановила принять рекомендацию Расширенного бюро.

Предложение принимается.

3. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ напоминает, что вопрос о договорах, заключенных между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями, изучение которого Комиссия возобновила 6 июня, будет рассматриваться до 26 июня. Специальный докладчик по этому вопросу должен будет отсутствовать 18 и 19 июня, а Специальный докладчик по вопросу о праве несудоходных видов использования международных водных путей должен будет несколько дней отсутствовать в период с 20 по 26 июля, первоначально установленный для изучения этого вопроса. Бюро расширенного состава рекомендует посвятить заседания 18 и 19 июня изучению этого последнего вопроса. Что касается заседаний, проведение которых намечено на 20—26 июля и на которых не сможет присутствовать Докладчик по вопросу о праве несудоходных видов использования международных водных путей, то в ходе их проведения может быть рассмотрен первый доклад Специального докладчика по вопросу об иммунитете государства и его собственности от иностранной юрисдикции.

* Перенесено с 1539-го заседания.

4. Если нет возражений, Председатель будет считать, что Комиссия постановила принять предложение Расширенного бюро, причем вследствие этого программа работы, принятая Комиссией на ее 1539-м заседании по предложению Расширенного бюро, должна быть изменена.

Предложение принимается.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (продолжение) (A/CN.4/319)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ 45 (Утрата права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия) ¹ (продолжение)

5. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС говорит, что, учитывая логическую последовательность, которую использовал Специальный докладчик на протяжении всего проекта статей, оратор предпочитает для статьи 45 текст варианта А.

6. В случае международной организации механизм принятия договоров, предусмотренный соответствующими правилами организации, будет использоваться в обязательном порядке, независимо от того, будет ли отдано предпочтение варианту А или варианту В, причем, в первом случае, он будет использоваться косвенно, а во втором — непосредственно. В подпункте j пункта 1 статьи 2 ² дается определение выражения «правила организации», и начиная со статьи 6 складывается впечатление, что фактически речь идет о действующих правилах, касающихся правоспособности организации заключать договоры. Кроме того, в пункте 3 статьи 36 путем ссылки на «соответствующие правила этой организации» указывается, каким образом должно быть выражено согласие третьей организации.

7. Как Специальный докладчик подчеркивает в своем докладе (A/CN.4/319), защита прав международной организации обеспечена лучше, чем защита прав государства. Соблюдение правил международной организации требуется потому, что в принципе организация может действовать только в соответствии с этими правилами. Однако фактически слабость международных организаций является скорее внешней, чем действительной, поскольку организация ограничивается в своих действиях только своими правилами, да и это зависит от того, упомянуты или не упомянуты данные правила в статье 45.

8. Коренные различия, существующие между международной организацией и государством, не

позволяют приравнять их друг к другу в качестве субъектов международного права. Международная организация не обладает иными привилегиями, чем те, которыми она наделена государством-членами в соответствии с ее учредительным актом. Естественно, с течением времени многие различия сглаживаются. Достаточно напомнить в этой связи консультативное заключение Международного Суда от 11 апреля 1949 года по вопросу о компенсации за вред, причиненный служащим Организации Объединенных Наций; в этом консультативном заключении Суд признал, что существование Организации Объединенных Наций является реальностью, которую вынуждены признать все государства мира независимо от того, признали ли они данную Организацию ³. Кроме того, позднее с интересом отмечалось, что согласно мнению Суда 50 государств, представлявших в то время значительное большинство членов международного сообщества, имели в соответствии с международным правом полномочия создавать общность, обладающую объективной международной правосубъектностью, а не только правосубъектностью, признаваемой самими этими государствами ⁴.

9. Г-н СУЧАРИТКУЛ констатирует, что мнения членов Комиссии в значительной степени разделились. Одни предпочитают защитить интересы международных организаций, поскольку они являются более слабыми, чем государства; другие не хотели бы предоставлять международным организациям привилегированный статус и, с целью обеспечения равенства между государствами и международными организациями, предлагают лишить государства такой возможности, как подразумеваемое согласие в силу поведения.

10. Возможно, следует в первую очередь обеспечить защиту слабых, что является фундаментальным принципом международного права. Однако понятие слабости может быть определено только на основании другого принципа международного права, а именно принципа равенства государств. В этой связи он напоминает, что когда один из учеников Будды задал ему вопрос о том, почему между людьми не существует абсолютного равенства, последний ответил: «Посмотри на обе свои руки; каждая из них имеет пять пальцев, однако взглядишь, являются ли они одинаковыми». Действительно, в этом мире нет равенства ни между государствами, ни между международными организациями, ни между государствами и международными организациями. Тем не менее в эпоху, когда государства имеют возможность высказать свое мнение в международных учреждениях, неравенство и несправедливость являются, возможно, менее вопиющими, чем прежде.

11. Именно по той причине, что понятие согласия точно не определено, необходимо оградить

¹ Текст статьи см. 1548-е заседание, пункт 6.

² См. 1546-е заседание, сноска 4.

³ *I.C.J. Reports 1949*, p. 174.

⁴ *Ibid.*, p. 185.

слабых от его применения. В этой связи необходимо проводить различие между согласием в силу последующего поведения и согласием в силу позитивного отношения. Под согласием можно понимать простое молчаливое согласие. Поэтому следует уточнить, при каких ясно определенных обстоятельствах международное право признает, что имеет место соглашение в силу согласия. Различные резолюции Генеральной Ассамблеи, как, например, резолюции, касающиеся постоянного суверенитета государств над их природными ресурсами, деколонизации и дружественных отношений между государствами, способствуют ограничению использования понятия согласия, столь опасного для слабых.

12. Возможно, трудно сравнивать слабость одного государства со слабостью другого государства или слабость одной международной организации со слабостью другой международной организации или государства. Тем не менее очевидно, что некоторые субъекты международного права являются более слабыми, чем другие, и вряд ли можно уравнивать их между собой и отказаться от понятия соглашения в силу согласия даже в случае государств, как это предлагает г-н Джагота.

13. Г-н ФРЭНСИС говорит, что он без колебаний поддерживает текст варианта В. Упомянутые в статье 45 статьи 46—50 и 60 и 62 наделяют любое государство и любую международную организацию правом освобождать себя в некоторых конкретных обстоятельствах от обязательств, вытекающих из договора; если говорить о статье 45, то в ней сделана попытка изложить норму, касающуюся причин утраты этого права. На предшествующем заседании г-н Пинто указал на различия между международными организациями и государствами с точки зрения их организации и основной структуры. Международные организации и государства можно сравнивать лишь в том плане, что и те, и другие являются субъектами международного права, и никогда не следует забывать, что международные организации создаются государствами и функционируют в ясно определенных областях компетенции в соответствии с установленными для них правилами. Поэтому всегда следует учитывать коренные различия, которые существуют между международными организациями и государствами, и подчеркивать последствия этих различий, как, например, это сделано в статьях 19 и 19-бис, касающихся формулирования оговорок.

14. Эти различия вытекают из положений статьи 7, касающейся полномочий и специальных полномочий, и это должно быть учтено также и в статье 45. Если во время переговоров с целью заключения договора министр иностранных дел государства и глава секретариата международной организации информируют друг друга об установленных для них ограничениях, но впоследствии превысят свои полномочия и заключат дого-

вор, заинтересованное государство сможет в обычных условиях отказаться быть связанным данным договором, вступившим в силу в момент подписания, поскольку ограничения, установленные для министра иностранных дел, были доведены до сведения другой стороны. В то же время, если данное государство не воспользовалось своим правом денонсировать договор в течение установленного периода, оно в таком случае будет связано данным договором в силу положений подпункта *b* статьи 45. Иная ситуация возникает в случае подписания договора главой секретариата международной организации, которая не примет на себя обязательства по данному договору так же быстро, как и государство, по той простой причине, что на практике допускается, что международные организации и государства функционируют различным образом. Если бы даже международная организация хотела подтвердить добрые намерения главы секретариата, она должна была в обязательном порядке констатировать, что последний при подписании данного договора действовал не в соответствии с правилами организации. В подобном случае действия министра иностранных дел будут источником обязательств для государства, тогда как действия главы секретариата международной организации не свяжут данную организацию, поскольку его компетенция была ограничена соответствующими правилами организации.

15. Ранее уже упоминалось о слабости международных организаций, слабости, которую можно бы объяснить внешней строгостью их правил. Если, например, предположить, что на переговорах с целью заключения договора государство и международная организация представлены на более низком уровне, чем уровни министра иностранных дел государства и главы секретариата международной организации, и если, как это предусмотрено в проекте статьи 49, данные переговоры являются недействительными вследствие обмана или, как это предусмотрено в проекте статьи 50, подкупа какого-либо представителя, министр иностранных дел может, тем не менее, принять решение о том, что данный договор должен соблюдаться. Из статьи 45 ясно следует, что государство будет связано данным договором. В то же время, если глава секретариата международной организации, несмотря на обман или подкуп, примет решение одобрить договор, международная организация не будет связана решением главы секретариата, — хотя он, несомненно, представляет ее интересы — поскольку соответствующие правила организации не будут в данном случае соблюдены.

16. Эти примеры показывают, что в статье 45 следует учитывать различия, существующие между государствами и международными организациями с точки зрения процедуры принятия решений.

17. Г-н УШАКОВ говорит, что он предпочитает вариант В, однако он указывает, что этот

вариант не решает всех проблем. Оратор настаивает на необходимости уточнить смысл формулы «если, после того как им стало известно о фактах», которая в рассматриваемой статье применяется в отношении государств и международных организаций. Если орган государства осведомлен об определенном факте, то считается, что это государство осведомлено об этом факте в силу единства государственной власти. Например, если государство заключает с другим государством договор об оказании финансовой помощи и впоследствии узнает, что последнее совершило обманные действия, но если в то же время министерство иностранных дел первого государства по-прежнему продолжает оказывать финансовую помощь согласно договору, это государство является связанным в силу поведения этого министерства, даже если министерство действовало *ultra vires*. С другой стороны, если генеральная ассамблея международной организации принимает решение оказать финансовую помощь государству и если финансовые службы этой организации по-прежнему оказывают эту помощь, несмотря на то, что было установлено, что государство-бенефициарий совершило обманные действия, нельзя ссылаться на так называемое поведение организации или ее генеральной ассамблеи. Действительно, для международной организации не существует эквивалента органов государственной власти. Каждый орган международной организации действует в строгих пределах своей компетенции, и поведение его финансовых служб не накладывает на него каких-либо обязательств. Поведение международной организации выражается скорее в ее выступлениях, документах и особенно в решениях ее органов.

18. Статья 45 Венской конвенции⁵ позволяет государству в силу его определенного согласия или поведения отходить от некоторых положений, касающихся недействительности договоров, а именно положений статей 46—50, за исключением статей 51—53. Поэтому государство на основании статьи 46 о Положениях внутреннего права, касающихся компетенции заключать договоры, может отступать от какой-либо нормы своего внутреннего права, имеющей особо важное значение, такой как, например, норма международного права. По мнению г-на Ушакова, такая возможность не может быть предусмотрена для международной организации. Соответствующие правила, о которых идет речь в подпункте *b* варианта В, касаются заключения договоров, и не следует рассматривать их с той же точки зрения, что и правила, касающиеся изменения учредительного акта организации. Поэтому в статье 45 следовало бы исключить упоминание не только статей 51—53, но также и статьи 46.

19. Вместо того чтобы считать, что международные организации являются более слабыми,

чем государства, или, наоборот, что они равны государствам, было бы лучше признать, что они находятся в совсем ином положении, чем государства. Если бы это было не так, то на них распространялась бы Венская конвенция и разрабатываемый проект не имел смысла. Так, например, если говорить о правоспособности заключать договоры, то организации отличаются от государств, поскольку, согласно проекту статьи 6, эта правоспособность регулируется на основании соответствующих правил организации. Если организация может не обладать полномочиями заключать договоры, то любое государство имеет такую правоспособность не на основании своего внутреннего права, а в силу общего принципа, провозглашенного в статье 6 Венской конвенции. Поэтому необходимо учитывать тот факт, что международные организации могут действовать лишь согласно своим соответствующим правилам. Допускать, что международная организация может действовать в нарушение своего статута, будь то путем определенного принятия или молчаливого согласия, означало бы ставить под угрозу само ее существование, поскольку учредительный акт организации представляет собой основу ее функций и полномочий.

20. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что его общая позиция по вопросу о проекте статей заключается в том, что необходимо свести к минимуму различия между государствами и международными организациями с точки зрения их правоспособности заключать договоры и процедуры; он за такой подход, так как выступает за усиление международных организаций и их роли в международной жизни. Однако г-н Швебель сомневается в том, что международные организации будут усилены с помощью проекта статей, который направлен на ограничение их правоспособности заключать договоры в сравнении с правоспособностью государств. Он не считает, что критерий наиболее слабого участника может применяться систематическим образом. Могут возникать случаи, когда международная организация будет более сильной, чем государство. Например, является ли государство-должник, которое испытывает острую потребность в иностранной валюте, более сильным или более слабым, чем МВФ? Он не уверен, что он согласен с г-ном Ушаковым в том, что представитель международной организации не может связать эту организацию обязательствами в пределах как кажущихся, так и реальных своих полномочий. Кроме того, он сомневается в обоснованности аргумента, в соответствии с которым правоспособность международных организаций заключать договоры ограничивается их правилами. Полномочия международных организаций — это не только полномочия, которые ясно изложены в их учредительном акте. Необходимо учитывать, что на основе практики, на основе свободного и конструктивного толкования своего учре-

⁵ См. 1546-е заседание, сноска 1.

дительного акта международные организации могут развиваться и расширять свои полномочия, и должна существовать возможность осуществления этих полномочий в области заключения договоров, а также в других областях.

21. Вследствие этого он отдает предпочтение варианту А, хотя он понимает, что можно привести веские аргументы — и фактически таковые имеются — в поддержку варианта В.

22. Г-н ФЕРОСТА считает бесполезным сравнивать международные организации с государствами, пытаясь тем самым определить, являются ли они более слабыми, чем государства. Международные организации всегда являются такими, какими их хотели бы видеть государства, и их хозяевами остаются создавшие их государства. Что касается правоспособности заключать договоры, то для государств она вытекает из конкретных норм конституционного права, в то время как международные организации были вынуждены бороться за то, чтобы обрести правоспособность заключать договоры, и такая правоспособность была им предоставлена государствами только по соображениям удобства. Не вызывает сомнения тот факт, что, проводя различие между государствами и международными организациями, мы тем самым ставим организации в более низкое положение, поскольку они всегда будут обладать полномочиями, которые будут определены их учредительными актами или решениями их органов, то есть, в конечном итоге, их государствами-членами. Впрочем, ни одно из положений проекта не может помешать государствам наделить какой-либо орган весьма широкими полномочиями.

23. В конечном итоге, вариант В является единственным приемлемым вариантом, однако он может быть изменен таким образом, как это было указано г-ном Ушаковым. Нельзя действовать вопреки воле государств-членов международной организации и препятствовать им, например, уполномочивать какой-либо орган свободно заключать любой договор. Однако необходимо обеспечить, чтобы некоторые организации ощутили опасность, которая им угрожает и которая выяснилась в ходе рассмотрения статьи 45.

24. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР говорит, что в поддержку варианта В можно указать, что статья 45 Венской конвенции отражает принцип суверенитета государств и что простой факт отсутствия суверенитета у международных организаций оправдывает проведение различия между государствами и международными организациями. Можно также добавить, что статьи 46—50 касаются всех аспектов процедуры заключения договоров и что именно с точки зрения этой процедуры от международных организаций стремятся требовать соблюдения формальностей в большей степени, чем от государств. Вариант В

дает основание считать, что в отношении вопросов, которые могут возникнуть в связи с применением статей 46—50, государства уведомлены о том, что в своих отношениях с международными организациями они должны охранять свои собственные интересы, следя за тем, чтобы организация, являющаяся их партнером по договору, строго соблюдала все формальности, требуемые для заключения договоров.

25. Если взглянуть шире, то одновременно представляется, что проблема, которую рассматривает Комиссия в связи со статьей 45, является лишь прелюдией к особо важной проблеме формулировки статьи 46. Если международная организация может рассматриваться в качестве простого механизма, то очевидно, что Комиссия должна в статьях 45 и 46 предусмотреть для организаций гораздо более ограничительные положения, чем для государств. Однако он сомневается относительно того, в какой мере такая точка зрения соответствует реальности современной международной жизни.

26. Определенный интерес для него представляет средний путь, предложенный в сноске 18 доклада Специального докладчика (A/CN.4/319), который заключается в том, чтобы принять одно решение в отношении статей 46—50, а другое — в отношении статей 60 и 62. Статья 60 предусматривает случай существенного нарушения договора. Согласно Венской конвенции, существенное нарушение договора состоит, в частности, в нарушении положения, имеющего существенное значение для осуществления объекта и целей договора. В таком случае в рамках отношений между государствами статья 45 представляет несомненный интерес, поскольку она позволяет, независимо от вопросов ответственности, поддерживать отношения между государствами-участниками так, как если бы данное нарушение не было совершено. Однако те же соображения могут иметь значение и в рамках отношений между государством и международной организацией. Представляется, что даже в рамках отношений с международными организациями интересы сотрудничества и соблюдения договоров обуславливают для участников, в том числе и для международных организаций, возможность поддерживать свои отношения так, как если бы нарушение не имело места, предусмотрев в случае нарушения применение санкций, которые они считают необходимыми, и что по прошествии определенного времени такая практика могла бы установиться как для международных организаций, так и для государств.

27. В заключение г-н Квентин-Бакстер заявляет, что, полностью учитывая аргументы, выдвинутые в поддержку варианта В, он сомневается в уместности этого варианта по меньшей мере в том, что касается статей 60 и 62.

28. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) отмечает, что члены Комиссии подошли к рас-

смотрению излагаемой в статье 45 проблемы с точки зрения сходства и различия, существующего между государствами и международными организациями. Никто не утверждал, что положение международных организаций полностью соответствует положению государств, но некоторые из них — г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес и в определенной степени г-н Швебель — придают большее значение сходству и выступают в поддержку решения, предложенного в варианте А, которое основано на ассимиляции двух ситуаций; другие же придают большее значение различиям и склоняются в пользу решения, которое предложено в варианте В и которое предусматривает принцип дифференцированного подхода к международным организациям и государствам.

29. Однако существует и третья возможность, которая не была упомянута Специальным докладчиком и членами Комиссии и которая заключается в том, чтобы сблизить положение государств и положение международных организаций, исключив как для государств, так и для международных организаций подпункт *b* текста, взятый из Венской конвенции.

30. В этой связи Специальный докладчик напоминает, что Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров рассмотрела предложение об исключении подпункта *b* из текста будущей статьи 45 и что это предложение было отклонено 48 голосами против 19 при 27 воздержавшихся на 67-м заседании Комитета полного состава⁶. Отклонив проект статьи 38⁷ Комиссии международного права, который предусматривал возможность вносить изменения в договор между государствами на основе практики государств, Конференция показала, что имеются определенные сомнения относительно того, следует ли допускать, чтобы какое бы то ни было поведение могло рассматриваться как молчаливое согласие. Специальный докладчик также напоминает, что некоторые государства, ратифицировавшие Венскую конвенцию, сформулировали оговорки в отношении подпункта *b* статьи 45. Наконец, следует отметить, что согласно конституции всех государств Южной Америки международные соглашения могут вступить в силу лишь с одобрения парламента этих государств. Эта норма, возможно, нарушается на практике, но тем не менее она существует.

31. Поэтому Специальный докладчик считает, что даже в том случае, если Комиссия отклонит это третье предложение в пользу варианта В, она должна его учитывать и не должна

выходить за определенные границы в своем комментарии, когда попытается оправдать изменения, которые касаются международных организаций и которые были внесены в норму, предусмотренную в статье 45 Венской конвенции. Было бы опасным обосновывать эти изменения слишком большим различием между государствами и международными организациями, противопоставляя слабость одних силе других, поскольку такой аргумент подразумевал бы существование норм и толкований, которые в настоящее время допускаются не всеми государствами.

32. Со своей стороны, Специальный докладчик полагает, что было бы неосторожным вступать на этот третий возможный путь, однако он считает необходимым указать на этот путь в связи с его значением.

33. Как подчеркнул г-н Фероста, действительная политическая проблема заключается не в слабости международных организаций, а в противоречии, которое существует между секретариатом этих организаций и их органами, состоящими из представителей правительств. Однако Специальный докладчик отмечает, что секретариаты международных организаций пытаются помочь правительствам найти компромисс и решить свои проблемы. Поэтому, на его взгляд, было бы опасным принимать положения, которые могли бы свести на нет любую инициативу, предпринимаемую секретариатами международных организаций.

34. Как отметил г-н Квентин-Бакстер, статьи 60 и 62 по своему характеру не соответствуют статьям 46—50, поскольку они затрагивают проблему ответственности. Можно предусмотреть, чтобы с договорной точки зрения причина недействительности была сохранена, несмотря на определенное поведение, но при этом проблема ответственности все-таки остается нерешенной.

35. Как и г-н Ушаков, он считает, что статья 46 находится в центре проблемы и вопрос о ней досрочно возникает в связи со статьей 45. Он согласен с г-ном Ушаковым, что именно органы, обладающие компетенцией брать на себя обязательства от имени государства или международной организации, должны быть осведомлены о фактах и должны давать молчаливое согласие. В этой связи вызывает удивление тот факт, что в решении, вынесенном в 1963 году относительно интерпретации соглашения о воздушном сообщении от 27 марта 1946 года, заключенного между Францией и Соединенными Штатами Америки⁸, арбитражный суд указал, что второстепенные служащие технических служб могли своим поведением изменить договор, заключенный органами государства, обладающими полномочиями заключать договоры. Поэтому, говоря о международ-

⁶ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), стр. 164 и 165 англ. текста, документ A/CONF.39/14, пункт 382, раздел *b* (i), и пункт 386а.

⁷ *Ibid.*, стр. 158 англ. текста, документ A/CONF.39/14, пункты 342—348.

⁸ См. *United Nations, Reports of International Arbitral Awards*, vol. XVI (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E/F.69.V.1), стр. 5 англ. текста.

ных организациях, следует уточнить, какой орган должен быть осведомлен о фактах и на каком уровне должно проявляться его поведение. В этом отношении Специальный докладчик разделяет мнение г-на Ушакова. Однако он не согласен с ним в вопросе о значении, которое следует придавать поведению организации.

36. Действительно, если международная организация заключила договор, противоречащий основной норме ее устава, и если один из ее основных органов, состоящий из представителей государств-членов, узнав об этом факте, решает не вносить изменений в устав и соответствующие правила организации и не поднимать этот вопрос, эта организация продолжает выполнять условия данного договора. Можно вслед за г-ном Ушаковым сказать, что такая позиция ничего не меняет и что договор остается недействительным, поскольку для того, чтобы договор был действительным, необходимо, чтобы организация изменила свой учредительный устав, с тем чтобы он отвечал условиям договора.

37. Но если Комиссия займет эту крайнюю позицию, она столкнется с новой проблемой — проблемой срока давности. В этой связи Специальный докладчик напоминает, что на Конференции по праву договоров Соединенные Штаты Америки предложили поправку к будущей статье 45, предусматривавшую установление срока, по истечении которого государство более не обладает правом ссылаться на основание недействительности договора⁹. Отклонить эту поправку позволило положение, содержащееся в подпункте *b*, поскольку применение нормы, в соответствии с которой поведение государства равносильно молчаливому согласию, дает те же результаты, что и право давности.

38. В случае международных организаций, если Комиссия примет решение, что основания недействительности договора — и, в частности, причина, предусмотренная в статье 46, — остаются в силе даже тогда, когда организация ведет себя так, как если бы она молчаливо согласилась с действительностью договора, потребуются ввести норму относительно поведения, содержащегося в подпункте *b* статьи Венской конвенции.

39. Следует также учитывать другую возможность, которую Комиссия должна оговорить в своем комментарии. Если компетентный орган международной организации, зная о причине недействительности договора, большинством голосов постановляет не выносить данный вопрос на обсуждение и продолжать выполнять договор, а затем резко изменяет свою политику вследствие изменения большинства в связи с вступлением

новых государств-членов, то в таком случае возникает проблема ответственности международной организации. Следовательно, Комиссия должна оговорить эту проблему, поскольку она не может решить ее в рамках рассматриваемого проекта статей или где бы то ни было, так как в настоящее время она не рассматривает проект статей об ответственности международных организаций. Впрочем, она рассмотрит эту проблему в связи со статьей 46.

40. Что касается проблемы, возникающей в связи с вопросом о безопасности международных отношений, то Специальный докладчик указывает, что конституция Пятой Французской республики содержит норму, в соответствии с которой Франция может ратифицировать договор, противоречащий конституции, при условии изменения текста конституции до ратификации договора. Договор об учреждении ЕЭС содержит аналогичное положение, в соответствии с которым Сообщество может заключить договор, противоречащий его уставу, но при определенных условиях: по инициативе некоторых его органов должно быть запрошено мнение Суда и в отрицательном случае договор может войти в силу только после изменения учредительного устава¹⁰.

41. В заключение Специальный докладчик говорит, что, если Комиссия, избрав вариант В, решит не применять в отношении международных организаций норму, содержащуюся в подпункте *b* статьи Венской конвенции, она должна предусмотреть положение о праве давности. Однако она может решить эту проблему только после рассмотрения статьи 46.

42. Г-н УШАКОВ говорит, что ему известно, что некоторые международные организации имеют практику, противоречащую их правилам. Однако такое положение можно допускать, не закрепляя его тем не менее в общей форме, утверждая, что практика международной организации может противоречить ее собственным правилам.

43. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) отмечает, что если некоторые международные организации имеют весьма строгий учредительный устав, то могут существовать и другие организации, правила которых будут более гибкими. Полностью признавая, вслед за г-ном Ушаковым, невозможность предусмотреть общую норму, которая закрепляла бы эту гибкость, он в то же время считает возможным предусмотреть в весьма осторожной форме норму, которая бы обеспечивала для каждой международной организации свободу признания того или иного обычая в рамках ее соответствующих правил. Со своей стороны, он считает, что не следует исключать обычай для всех международных

⁹ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference (op. cit.)*, стр. 164 англ. текста, документ A/CONF.39/14, пункт 382, раздел *a* (ii).

¹⁰ См. Treaty establishing the European Economic Community (United Nations, *Treaty Series*, vol. 298, p. 3), article 228.

организаций и что Комиссии необходимо воздержаться от принятия слишком строгой формулы, которая могла бы ограничить их эволюцию.

Заседание закрывается в 18 час.

1550-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 12 июня 1979 года, 10 час. 05 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швებель, г-н Эвенсен, г-н Янков.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (продолжение) (A/CN.4/319)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ 45 (Утрата права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановление его действия)¹ (окончание)

1. Г-н ДЖАГОТА напоминает, что на предыдущем заседании Специальный докладчик отметил возможность наличия третьего решения статьи 45, которое могло бы воспроизводить вариант А без подпункта *b*. Это третье решение заслуживает внимания, поскольку исключение подпункта *b* позволило бы государствам и международным организациям — участникам договора, желающим не учитывать то или иное обстоятельство, на которое можно ссылаться как на основание недействительности договора, и сохранить данный договор в силе, договориться об этом прямо путем обмена нотами или письмами, а не косвенно в силу своего поведения или молчаливого согласия. Таким образом, Редакционному комитету следует изучить вопрос о том, не представляет ли собой этот текст приемлемого решения.

2. Специальный докладчик напомнил также о том, что на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров предложение об исключении подпункта *b* статьи 42 (впоследствии статьи 45 Венской конвенции)² было откло-

нено³. Следовательно, если Комиссия постановит исключить подпункт *b* из варианта А, то ей придется обосновать это решение. Она могла бы пояснить свою позицию, заявив, что Венская конвенция касается договоров, участниками которых являются лишь государства, и что соответственно поведение государств в их отношениях между собой имеет важное значение для определения вопроса об утрате права ссылаться на недействительность договора, тогда как проект статей, представленный Комиссии, касается договоров между государствами и международными организациями или только между международными организациями. Можно было бы добавить, что необходимо обеспечить равенство участников договора. Было бы недопустимым, если бы то или иное государство, являющееся участником договора, утратило свое право ссылаться на основание недействительности договора в силу своего поведения или молчаливого согласия, в то время как международная организация, являющаяся участником того же договора, пользовалась бы иным режимом.

3. Возникает также вопрос о том, в какой форме международная организация должна выражать свое согласие на сохранение договора в силе. Многие международные организации не имеют подобных правил о процедуре заключения договоров. В таких случаях управляющий орган организации может решить, кто должен утвердить договор или подтвердить его действительность от имени организации. Таким образом, в зависимости от практики различных организаций будет существовать определенная степень гибкости. Тем не менее, если говорить о том, что организация должна выражать свое согласие в соответствии с такой практикой, то это вовсе не означает, что ее поведение будет обязывать ее или приведет к утрате ею права ссылаться на недействительность договора. При сохранении определенной гибкости следует также обеспечивать равенство в обращении между участниками.

4. Исходя из этого, г-н Джагота предлагает Редакционному комитету рассмотреть возможность сохранения первой фразы и подпункта *a* варианта А, исключив подпункт *b*, который можно было бы заменить следующим текстом, сформулированным на основании пункта 7 статьи 37⁴:

«Согласие международной организации, предусмотренное в предыдущем пункте, регулируется соответствующими правилами этой организации».

5. Г-н СУЧАРИТКУЛ поддерживает предложение г-на Джаготы. По его мнению, цель международного права должна заключаться в защите слабых — цель, которая в прошлом не всегда достигалась. Однако условия существенным

¹ Текст статьи см. 1548-е заседание, пункт 6.

² См. 1546-е заседание, сноска 1.

³ См. 1549-е заседание, пункт 30.

⁴ См. 1546-е заседание, сноска 4.

образом изменились, и в настоящее время можно представить международное сообщество, в котором правовая защита гарантировалась бы лучше.

6. Он считает, что понятие молчаливого согласия устарело, поскольку оно вытекает из теории приобретательной и погасительной давности. Следует отметить, что в проекте статьи 45 речь идет не только о международных организациях, но также и о государствах. Таким образом, необходимо обеспечить защиту для всех слабых, независимо от того, касается ли это международных организаций или государств.

7. Г-н ТАБИБИ говорит, что аргументы, высказанные Специальным докладчиком в его докладе и устно в пользу вариантов А и В, являющиеся одинаково убедительными. Однако в свете замечаний, сделанных членами Комиссии, оратор поддерживает предложение г-на Джаготы, которое, по его мнению, отвечает всем выраженным в ходе прений требованиям и явится разумным альтернативным текстом для представления Шестому комитету Генеральной Ассамблеи. Однако, даже если Редакционный комитет примет окончательное решение в пользу третьего решения, два других следует тем не менее также включить в доклад Генеральной Ассамблеи для того, чтобы дать возможность членам Шестого комитета выразить свое мнение.

8. Г-н ФРЭНСИС говорит, что сначала предложение г-на Джаготы вызвало у него опасение, поскольку оно затрагивает основной вопрос, заключающийся в том, что, учитывая наличие подпункта *b* статьи 45 Венской конвенции, исключение соответствующего подпункта из проекта статьи 45 дает возможность утверждать, что, если в отношениях между собой государства-участники не связаны своим поведением, это объясняется лишь тем, что возникновение правовых отношений исключается в силу наличия одной или нескольких международных организаций. Кроме того, «правила организации», как это определено в подпункте *j* пункта 1 статьи 2 проекта, охватывают установившуюся практику организации, под которой, по его мнению, понимается ее поведение. Таким образом, подпункт *b* варианта В позволил бы обеспечить равенство обращения между организациями и государствами.

9. Г-н Фрэнсис напоминает, что одно из возражений, высказанных на Конференции по праву договоров против предложения об исключении подпункта *b* будущей статьи 45, заключалось в том, что в соответствии с этим положением некоторые договоры могут рассматриваться как сохраняющие свою силу, которой они не обладали бы при отсутствии этого положения. Однако многое изменилось со времени проведения этой Конференции; готова к вступлению в силу Венская конвенция и принята Конвенция о правопре-

емстве государств в отношении договоров⁵, устанавливающая принцип *tabula rasa*. В связи с этим возникает вопрос о том, не изменилась ли в настоящее время, с учетом наличия этого последнего документа, точка зрения государств, которые считали, что трудно согласиться с тем, что поведение может оказать влияние на действительность договоров. Не имея никаких веских возражений против предложения г-на Джаготы, он тем не менее хотел бы быть уверенным в том, что высказанные им соображения нет необходимости принимать во внимание.

10. Г-н ЦУРУОКА говорит, что, со своей стороны, он поддерживает вариант В при условии внесения в него некоторых изменений редакционного характера. Однако, если Комиссия примет вариант А, было бы целесообразно добавить в существующий текст новый пункт в следующей редакции:

«В любом случае государство или международная организация, ссылающиеся на основание недействительности договора на основе [статей 46—50] или [статей 60 и 62], считаются молчаливо согласившимися с действительностью договора, если прошло 12 месяцев с того момента, когда это государство или эта организация впервые осуществили свои права или получили исполнение обязательств в соответствии с договором».

Г-н Цуруока отмечает, что это предложение основано на поправке к статье 42 (впоследствии статья 45), предложенной Гайаной и Соединенными Штатами Америки на Конференции по праву международных договоров⁶.

11. Г-н ФЕРОСТА также считает, что Редакционный комитет может принять за основу для дискуссии предложение г-на Джаготы, поскольку это предложение сохраняет различие между государствами и международными организациями, которое Комиссия проводила во всех уже принятых важных статьях проекта.

12. Г-н Фероста считает, что формулировка «регулируется соответствующими правилами этой организации», предложенная г-ном Джаготой, является приемлемой. Тем не менее оратор обращает внимание Комиссии на определение, содержащееся в подпункте *j* пункта 1 статьи 2, в соответствии с которым

«правила организации» означают, в частности, учредительные акты организации и соответствующие решения и резолюции, а также установившуюся практику организации.

Оратор также обращает внимание на подпункт *b* пункта 3 и подпункт *b* пункта 4 статьи 7, в соответствии с которыми лицо считается представляющим международную организацию в целях при-

⁵ Там же, сноска 6.

⁶ См. 1549-е заседание, сноска 6.

нения текста договора или установления его аутентичности, а также в целях уведомления о согласии этой организации на обязательность для нее договора,

если из практики или из иных обстоятельств явствует, что такое лицо рассматривается как представляющее эту организацию для этой цели, без предъявления специальных полномочий.

По мнению оратора, в подпункте *j* пункта 1 статьи 2 практика международных организаций истолковывается более ограниченно, чем в подпункте *b* пункта 3 и подпункте *b* пункта 4 статьи 7.

13. Г-н ПИНТО говорит, что отдаваемое им предпочтение варианту В основывается не на соображениях об относительной силе или слабости международных организаций или государств, не на соображениях логики или законности, а на наиболее важном критерии коллективного интереса в каждом конкретном случае. Именно исходя из этого, он отдает предпочтение варианту В в силу практических обстоятельств, вытекающих из структуры, организации и процесса принятия решения международных организаций, противоположно отличающихся от обстоятельств, связанных с государствами.

14. Он не возражает против предложения г-на Джаготы (пункт 4, выше). В том случае, если будет признано нецелесообразным подвергать эти две части явно различному толкованию, предложение г-на Джаготы может быть представлено на рассмотрение Редакционного комитета.

15. В отношении предложения г-на Цуруоки (пункт 10, выше) коллективный интерес в целях обеспечения стабильности договоров вступает в противоречие с коллективным интересом, предусматривающим то или иное изменение всякий раз, когда этого требуют обстоятельства. Это предложение, по-видимому, основано на окончательной и неопровержимой гипотезе о том, что неосуществленные права следует рассматривать как утраченные. Он с готовностью изучил бы предусматриваемое в данном случае решение, если бы от правая гипотеза не была столь категоричной. При наличии возможности доказать, что неосуществление прав в течение 12 месяцев было вызвано не намерением того или иного государства не осуществлять эти права, а какими-либо другими причинами, можно было бы предположить возможность той или иной социальной перемены, полностью сохраняя стабильность договоров.

16. Г-н ДЖАГОТА хотел бы уточнить различие между установившейся практикой и поведением. Несмотря на то, что установившаяся практика может отражаться на поведении, она является процедурным вопросом, связанным с компетенцией выражать согласие от имени государства или международной организации. Напротив, положение, касающееся поведения, является

основным положением, затрагивающим утрату права путем молчаливого согласия. Однако несмотря на то, что установившаяся практика служит лишь для определения того, было ли согласие надлежащим образом выражено от имени государства или международной организации, она тем не менее содержит некоторые элементы формализма, поскольку согласие должно быть выражено ясно. Напротив, если сохранить положение относительно поведения, то согласие государства или международной организации будет рассматриваться как молчаливо выраженное в силу этого поведения.

17. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что, по всей видимости, члены Комиссии согласны представить проект статьи 45 Редакционному комитету. Комитет должен решить, что следует включить в текст статьи и о чем должно говориться лишь в комментарии, поскольку в нем могут быть изложены некоторые важные вопросы, которые нет необходимости включать в текст статьи.

18. Он не считает, что г-н Джагота прав, заявляя, что, приняв положение, которое изменило бы текст статьи 45 Венской конвенции в отношении поведения государств, Комиссия тем самым не ослабит Конвенцию, поскольку такое положение будет действовать лишь в отношении специальной категории договоров, охватываемых данным проектом статей. Следует отметить, что существуют открытые для всех государств договоры, участниками которых являются лишь одна или две международные организации. Изменив текст Венской конвенции в отношении положения государств — участников таких договоров, Комиссия должна будет принять положение, которое оказало бы влияние на отношения между государствами.

19. Значение текста Венской конвенции зависит от того, каким образом он истолковывается. Слово «поведение» в подпункте *b* статьи 45 является весьма неясным и не исключает установления определенной практики. Оно может подразумевать практику, но может также подразумевать и одно лишь поведение. Например, если государство или международная организация не ссылаются на основание недействительности договора, противоречащего конституции этого государства или уставу этой организации, то это само по себе еще является не практикой, а простым фактом. Можно сомневаться в отношении согласия с тем, что тот или иной единственный факт поведения может изменить договор, однако необходимо учитывать практику государств и нельзя отказывать международным организациям в праве иметь свою собственную практику наравне с государствами.

20. В целом он считает, что решение проблемы, вызванной статьей 45, зависит от толкования слова «поведение» в Венской конвенции. От это-

го толкования зависит ответ на вопрос, следует ли изменять текст Венской конвенции применительно к международным организациям. В связи с этим Комиссия могла бы представить несколько альтернатив Шестому комитету Генеральной Ассамблеи.

21. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что при отсутствии возражений он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статьи 45 Редакционному комитету.

*Предложение принимается*⁷.

СТАТЬЯ 46 (Нарушение положений, касающихся компетенции заключать договоры)

22. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 46 (A/CN.4/319), в которой говорится следующее:

Статья 46. Нарушение положений, касающихся компетенции заключать договоры

1. Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения.

ВАРИАНТ А

2. Международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что ее согласие на обязательность для нее договора было выражено в нарушение того или иного положения норм этой организации, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности ее согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы организации особо важного значения,

3. Нарушение является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства и любой организации, действующих в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой.

ВАРИАНТ В

2. Нарушение, предусматриваемое в предыдущем пункте, является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой.

3. Международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что ее согласие на обязательность для нее договора было выражено в нарушение того или иного положения норм этой организации, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности ее согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы организации особо важного значения.

4. Нарушение, предусматриваемое в пункте 3, является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства, не являющегося членом соответствующей организации, и для любой международной организации, действующей в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой этой организации.

⁷ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

23. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) предлагает внести в текст варианта В два небольших изменения, добавив в пунктах 2 и 4 после слов «любого государства» слова «или любой международной организации».

24. Специальный докладчик напоминает, что, в то время как вопрос, рассматриваемый в статье 46 Венской конвенции, вызвал многочисленные прения теоретического характера, Комиссия и Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров руководствовались главным образом практическими соображениями, поскольку они считали существенно важным обеспечить стабильность международных отношений в том, что касается договоров. Как в Комиссии, так и на Венской конференции было высказано мнение о том, что, если согласие государства на обязательность для него договора было выражено в отношении того или иного положения его внутреннего права, регулирующего компетенцию заключать договор, то это государство может ссылаться на такой факт как на основание недействительности его согласия лишь в двух случаях: нарушение должно быть явным, и оно должно касаться нормы внутреннего права этого государства, имеющей особо важное значение.

25. На Конференции по праву договоров это правило было дополнено положением, взятым из комментария Комиссии к статье 43 (впоследствии статье 46) и определяющим, что подразумевается под «явным нарушением»⁸. Это положение было принято 94 голосами лишь при 3 воздержавшихся, причем никто не голосовал против⁹.

26. Следует ли эту норму Венской конвенции просто применять к международным организациям без каких-либо изменений, следует ли отказаться от нее в отношении этих организаций или следует приспособить ее к их положению?

27. Он выступает против того, чтобы в отношении международных организаций отказаться от нормы, сформулированной в статье 46 Венской конвенции, поскольку, по его мнению, невозможно предоставить им абсолютно неограниченное право ссылаться на нарушение их собственных правил, касающихся компетенции заключать договоры, как на основание недействительности договора. Фактически нарушение того или иного соответствующего правила международной организации в большинстве случаев является нарушением договора, поскольку международные

⁸ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), стр. 166 англ. текста, документ A/CONF.39/14, пункт 394f.

⁹ *Ibid.*, *Second session, Summary records of the plenary meetings and of the meetings of the Committee of the Whole* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.6), стр. 88 англ. текста, 18-е пленарное заседание, пункт 38.

организации создаются путем заключения договоров. Соответственно содоговаривающееся государство не может отказаться признать согласие международной организации в силу того, что оно не согласно с толкованием этой организацией ее внутренних правил, ибо такое государство является третьей стороной в отношении договора. Таким образом, нельзя позволить международной организации неограниченно ссылаться на нарушение одного из ее правил, поскольку это позволило бы ей выходить из всех заключенных ею договоров.

28. Исходя из этого, он предлагает два решения: первое (вариант А) заключается в том, чтобы просто распространить на международные организации действие компромисса, достигнутого на Венской конференции в отношении государств; второе (вариант В) заключается в сохранении нормы Венской конвенции в отношении государств и в ее изменении в отношении международных организаций.

29. Он считает, что даже в случае принятия решения об изменении нормы Венской конвенции необходимо сохранить условие, в соответствии с которым нарушенная норма должна иметь «особо важное значение», поскольку он не считает необходимым предоставлять международным организациям защиту, выходящую за пределы действия их особо важных норм. Очевидно, может возникнуть вопрос о том, что необходимо понимать под «особо важной» нормой. Вероятно, Комиссия могла бы уточнить это в тексте данной статьи или в своем комментарии.

30. Он считает также, что необходимо сохранить условие, в соответствии с которым нарушение должно быть «явным». Однако в связи с этим условием возникает и много проблем. Если в пункте 2 статьи 46 Венской конвенции предусматривается, что

Нарушение является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой,

то это касается любого государства без какого бы то ни было различия.

31. Однако для данного проекта статей характерна специфическая гипотеза о государствах — членах международной организации. Эта гипотеза является специфической, поскольку личность международной организации не полностью устраняет личность ее государств-членов. В этой связи оратор напоминает, что члены Комиссии выступили с возражениями, когда он в связи со статьей 36 высказал предположение о том, что государства-члены всегда являются третьей стороной в отношении той или иной международной организации.

32. Если международная организация заключила договор с одним из ее государств-членов,

то имеет ли это государство право заявлять, что ему неизвестны соответствующие правила этой организации? Оратор считает, что было бы слишком заявлять, что оно имеет такое право, ибо именно государства-члены разрабатывают соответствующие правила организации и создают органы, заключающие договоры от имени организации. Таким образом, государства — члены международной организации обязаны знать, противоречит ли тот или иной договор соответствующим правилам этой организации.

33. Специальный докладчик считает, что для обеспечения стабильности международных отношений в связи с соглашениями между международной организацией и ее государствами-членами нет необходимости в столь строгой норме, которая предусматривается в пункте 2 статьи 46 Венской конвенции. В связи с этим оратор исключил ссылку на государства-члены из текста пункта 4 варианта В. Он также исключил ссылку на международные организации, являющиеся членами данной организации, которые следует отождествлять с государствами-членами, поскольку он считает, что нельзя не учитывать положение той или иной международной организации, являющейся членом другой организации.

34. Что касается недействительности договоров, заключенных между той или иной международной организацией и ее государствами-членами, то в комментарии к рассматриваемой статье ясно указывается, что обычно существуют соответствующие правила и практика данной организации, определяющие условия, при которых можно ссылаться на недействительность договора.

35. Было бы опасно заявлять, что статья 46 поможет разрешить весьма деликатный вопрос, поскольку именно каждая организация должна определять, при каких условиях можно ссылаться на недействительность договора, заключенного ею с ее государствами-членами. Проект статьи 46 регулирует лишь внешние отношения международных организаций, в которых должна быть стабильность; однако он не предназначен для того, чтобы регулировать их внутренние отношения со своими государствами-членами, которые изменяются в зависимости от той или другой организации. Специальный докладчик отмечает, что в результате исключения ссылки на государства-члены из текста пункта 4 варианта В, предлагаемого для определения того, когда нарушение является явным, из сферы применения статьи 46 одновременно исключаются все договоры, заключенные между международными организациями и их государствами-членами, включая договоры, заключенные между Организацией Объединенных Наций и специализированными учреждениями.

36. Г-н УШАКОВ говорит, что в целом он разделяет мнения, выраженные Специальным докладчиком в его комментарии к статье 46 и в его устном выступлении. Для того чтобы ясно

понять, каким образом положение международной организации отличается от положения того или иного государства в соответствии со статьей 46, необходимо прежде всего сослаться на соответствующую статью Венской конвенции. В соответствии с положением этой статьи государство может ссылаться как на основание недействительности его согласия на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, лишь в том случае, если данное нарушение является явным и касается нормы его внутреннего права особо важного значения. Положение этой статьи обосновывается четырьмя соображениями, касающимися исключительно государств, а не международных организаций.

37. Во-первых, каждое государство является творцом своего внутреннего права; в соответствии со статьей 45 Венской конвенции оно даже может определенно или в силу своего поведения отступить от основных норм своего внутреннего права, касающихся заключения договоров, поскольку международные обязательства этого государства и содержание его внутреннего права определяются одной и той же волей. Международная организация также является творцом своего учредительного документа и своих других соответствующих правил, однако несколько отличным образом. В частности, орган той или иной международной организации, уполномоченный заключать договоры, связан соответствующими правилами этой организации, которые он не компетентен изменять, поскольку их изменение осуществляется в соответствии с процедурой, изложенной в других правилах, которые, например, могут предусматривать принятие решения другим органом или ратификацию государствами-членами.

38. Во-вторых, как отметил Специальный докладчик в пункте 1 своего комментария к статье 46, «каждое государство само решает вопрос о гарантиях, необходимых для того, чтобы его внутреннее право, касающееся компетенции в области заключения договоров, не было нарушено». Государство может решить вопрос о таких гарантиях, учитывая единство государственной власти. Фактически существует иерархия государственных органов, и поведение органа, заключающего договор, может контролироваться вышестоящим органом. Однако в отношении международных организаций положение иное, поскольку органы международных организаций не зависят друг от друга. Несмотря на то, что иногда один орган той или иной международной организации может так или иначе контролировать другой орган, тем не менее подлинной иерархии органов международных организаций не существует.

39. В-третьих, положения внутреннего права государств, касающиеся компетенции заключать договоры, иногда являются весьма сложными.

Например, как определить, компетентна ли метеорологическая служба Советского Союза заключать соглашения с метеорологической службой Франции? Именно поэтому в статье 46 Венской конвенции говорится лишь о нормах внутреннего права особо важного значения, подразумевая, в частности, что то или иное государство обязано знать конституции государств, с которыми оно заключает договоры. Равным образом, государства обязаны знать, в каких пределах президент Соединенных Штатов Америки может заключать соглашения в упрощенной форме или каково содержание закона о заключении и денонсации соглашений, обнародованного в Советском Союзе в 1978 году. Напротив, нельзя требовать от государства, чтобы оно анализировало внутреннее право другого государства, с тем чтобы определить, компетентна ли метеорологическая служба этого государства заключать договоры. Именно в силу того, что часто бывает трудно знать положения внутреннего права того или иного государства, касающиеся компетенции заключать договоры, в статье 46 ясно упоминаются нормы особо важного значения. Международная организация находится в ином положении, поскольку для государства или для другой международной организации относительно легко узнать ее соответствующие правила. В соответствии с мнениями, выраженными международными организациями и проанализированными Специальным докладчиком в пункте 4 комментария к рассматриваемой статье, партнер той или иной организации получает регулярную информацию об эволюции положения, касающуюся всех этапов заключения соглашения, в частности с помощью административной переписки. Ничто не должно препятствовать тому или иному государству или той или иной международной организации обращаться к международной организации, с которой ведутся переговоры о заключении соглашения, с просьбой пояснить ее соответствующие правила. Напротив, может показаться неуместным обращаться к государству с просьбой пояснить, действительно ли те или иные его службы, предлагающие заключить договор, обладают компетенцией делать это.

40. В-четвертых, в пункте 2 статьи 46 Венской конвенции уточняется, что

Нарушение является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой.

В отношении заключения договоров государствами существует давно установившаяся практика, и пункт 2 статьи 7 Венской конвенции, в соответствии с которым главы государств, главы правительств и министры иностранных дел обладают необходимой компетенцией в целях совершения всех актов, относящихся к заключению договора, лишь подтверждает эту древнюю практику. Равным образом, существует установившаяся практика, в соответствии с которой мирные договоры

никогда не заключаются подчиненными органами власти. Можно также согласиться с тем, что в настоящее время существует установившаяся практика, а не просто повторяемое поведение, в соответствии с которой министры гражданской авиации могут заключать соглашения в сфере своей компетенции. Однако в отношении международных организаций не существует никакой обычной и тем более древней практики заключения договоров. Например, нельзя сказать, что именно глава секретариата той или иной международной организации заключает соглашения от имени этой организации. Таким образом, было бы преждевременным говорить об обычной практике международных организаций.

41. Наконец, в рассматриваемой статье необходимо сослаться не на нормы особо важного значения организации, а на любые ее нормы, касающиеся компетенции заключать договоры. В случае необходимости можно было бы ограничиться нормами учредительных документов этой организации или любыми другими важными соответствующими нормами.

42. В отношении пункта 6 комментария к рассматриваемой статье, в котором Специальный докладчик ставит вопрос о том, теряет ли сама организация после того, как она «уведомила» своего партнера о своей воле, право объявить недействительным это уведомление, ссылаясь на нарушение норм организации, относящихся к компетенции заключать договоры, г-н Ушаков говорит, что этот вопрос не имеет отношения к делу. В отношении государств в статье 46 не предусматривается случай, когда парламент после ратификации договора и уведомления о своей ратификации государства-партнера заявляет, что его решение противоречит конституции. В ней предусматривается случай, когда высшестоящий орган ссылается на недействительность согласия нижестоящего органа. Именно это произойдет, если правительство заявит, что договор был заключен одним из его министерств, которое не обладает подобной компетенцией. Равным образом, высшестоящий орган той или иной международной организации может сослаться на недействительность согласия нижестоящего органа, который заключил договор. Именно поэтому соглашения, предусматриваемые в статье 43 Устава Организации Объединенных Наций, могут заключаться лишь Советом Безопасности. Если Генеральный секретарь заключит такие соглашения без специального разрешения, Совет Безопасности может заявить, что Генеральный секретарь действовал в нарушение Устава и что его согласие является недействительным. Однако ни в рассматриваемой статье, ни в соответствующей статье Венской конвенции не предусматривается случай, когда тот или иной орган после совершения действия констатирует, что он действовал в нарушение норм, касающихся правоспособности заключать договоры.

43. В отношении редакции статьи он выражает сомнение по поводу того, что внесенные Специальным докладчиком устные поправки к пунктам 2 и 4 варианта В рассматриваемой статье являются целесообразными. Предложенная новая формулировка дает возможность предполагать, что все государства должны поступать в соответствии с обычной практикой международных организаций и что, наоборот, все организации должны поступать в соответствии с обычной практикой государств. Таким образом, предыдущая формулировка является более предпочтительной.

44. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что, по мнению г-на Ушакова, по-видимому, в конечном счете лишь государства определяют, что является обычной практикой, а знание этой практики доводится до сведения международных организаций, которые обязаны сослаться на нее. По мнению Специального докладчика, нет никаких возражений против того, чтобы отразить этот нюанс в пункте 2 или даже в пункте 4 варианта В.

45. Выступая далее в качестве члена Комиссии, г-н Рейтер выражает согласие с г-ном Ушаковым в том, что не существует обычной практики, присущей всем международным организациям, несмотря на появление тенденции, например, возлагать определенные функции на постоянного и единственного представителя организации в лице ее генерального секретаря. Напротив, в отношении государств практика, предусматриваемая в статье 7 Венской конвенции, является установившейся. Несмотря на то, что действительно было бы опасным пытаться установить структурное сходство между международными организациями для определения общей практики, факт остается фактом: каждая организация может иметь свою собственную обычную практику. По общему признанию, существуют международные организации, в учредительных документах которых не содержится никакого положения, касающегося компетенции заключать договоры, но в целом устанавливается практика, из которой вытекает норма, и именно на этой основе можно считать, что обычная практика существует. Государство, доверившееся подобной практике со стороны международной организации, находит, таким образом, в положении, которое требует определенной защиты.

46. Например, можно представить, что та или иная экономическая организация заключает договоры об экономической помощи с государствами, несмотря на то что в ее учредительном акте не предусматривается заключение подобных соглашений. Если после заключения шести соглашений подобного рода с различными государствами она заключает аналогичное соглашение с седьмым государством, то это государство будет полагаться на такую практику. Даже если предыдущие соглашения были заключены одним из директоров организации, а совет управляющих отметил

в момент заключения седьмого соглашения, что этот директор не обладает соответствующей компетенцией, тем не менее уже будет существовать определенная практика организации, особенно если прошло некоторое время до того, как совет управляющих узнал о подобном положении. Такая практика может быть изменена, однако из уважения к государствам-партнерам нельзя признать, что эти шесть предыдущих соглашений будут считаться недействительными.

47. Комиссия уже признала, что практика международной организации не создается сразу, и в настоящее время она не может отрицать существования подобной практики. Несомненно, что международные организации могут злоупотреблять подобной практикой; однако возможно также, что обычная практика организации может исправить недостатки ее учредительного акта и позволить ей осуществлять ее функции. Таким образом, признание соглашений, заключенных в силу подобной практики, недействительными означало бы нанесение такой организации непоправимого ущерба.

Заседание закрывается в 13 час.

1551-е ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 13 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Кастаньеда, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швებель, г-н Эвенсен.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (продолжение) (A/CN.4/319, A/CN.4/L.296)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ 46 (Нарушение положений, касающихся компетенции заключать договоры) ¹ (продолжение)

1. Г-н ПИНТО говорит, что проверка конституционности договоров является делом каждого государства. В компетенцию государства-участника не входит проверка конституционности выра-

жения согласия государства. Это тем не менее не означает, что право не требует проявления минимума осторожности и осмотрительности со стороны участников. Последние должны в определенной степени проявлять осторожность и обычное внимание, для того чтобы иметь основания с полным правом говорить о своей уверенности в том, что какое-либо государство обладает компетенцией заключать договор. Однако они не обязаны выходить за рамки того, что требует в таком случае обычная осторожность. Партнер, например, может потребовать ознакомления с полномочиями лица, которое выражает согласие государства, или запросить мнение высокопоставленного чиновника юридических служб государства, который мог бы засвидетельствовать, что все необходимые конституционные подтверждения согласия и одобрения были даны. Любая практика, рассматриваемая в качестве обычной практики в рамках отношений между заинтересованными сторонами, будет достаточной, и нет необходимости подобного ознакомления с юридической системой государства-участника. Другим требованием является то, что конвенционный партнер должен руководствоваться в своих действиях доброй волей и не должен использовать факт отсутствия компетенции, о котором ему было известно заранее, в противоправных целях. Если условия обычной практики были соблюдены и если проявление доброй воли не вызывает сомнений, партнер может основываться на молчаливом подтверждении государством того, что его согласие быть связанным тем или иным договором является действительным, и государство не может заявить о недействительности договора, ссылаясь на то, что не было соблюдено одно из положений его внутреннего права.

2. Статья 46 Венской конвенции ² предусматривает исключение из этого правила, и Специальный докладчик предлагает, чтобы проект статьи 46 также содержал такое исключение. Статья 46 Конвенции составлена в весьма сжатой форме. Правило и исключение тесно переплетаются друг с другом, и поэтому правило должно быть исключено из формулировки исключения. Специальный докладчик предлагает, чтобы в проекте статьи 46 была использована та же формулировка. С целью обеспечения стабильности конвенционных отношений участник может с полным основанием сослаться на молчаливое подтверждение государством конституционности выражения его согласия, если только нарушение внутреннего права не является явным и значительным. В случае, когда нарушение внутреннего права должно было быть известным его партнеру, — то есть если оно «объективно очевидно», поскольку оно сразу же становится явным и является значительным по своему характеру, — государство может обоснованно утверждать, что несоблюдение его внутреннего права делает недействительным его согласие быть

¹ Текст статьи см. 1550-е заседание, пункт 22.

² См. 1546-е заседание, сноска 1.

связанным договором и что его партнер должен был знать и фактически знает об этом и не может воспользоваться этим в отношении государства, которое в таком случае оказывается действительно в невыгодном положении. В то же время для того, чтобы такая ситуация имела место, необходимо, чтобы по своей форме и содержанию нарушение внутреннего права было абсолютно признанным.

3. Вопрос, находящийся на рассмотрении Комиссии, заключается в том, существует ли такое правило и такое исключение и должны ли они быть предусмотрены в рамках конвенционных отношений между государствами и международными организациями или между международными организациями. Было указано, что если правило и исключение, подтвержденные в статье 46 Венской конвенции, являются разумно допустимыми в рамках отношений между государствами, их применение не может непосредственно распространяться на конвенционные отношения с международными организациями. Было также указано, что государство само определяет свое внутреннее право и поэтому имеет более широкие возможности с точки зрения выбора способа юридического выражения или изменения своего согласия, а также с точки зрения принятия ответных мер в связи с нарушениями его внутреннего права и сохранения действительности договоров таким образом, чтобы обеспечить защиту третьих сторон. В то же время международные организации не обладают такой гибкостью и в своих действиях строго ограничены сферой компетенции, установленной для них в их учредительном акте. Термин «явное» имеет неодинаковое значение для государств и организаций, поскольку факты становятся «явными» для государств в более полной мере, чем для международных организаций. Он полностью присоединяется к этим замечаниям и уже неоднократно говорил о том, что между государствами и международными организациями существуют коренные различия, которые, как правило, препятствуют тому, чтобы они рассматривались на равной основе. Эти различия касаются внутренней организации, сферы компетенции и процедур принятия решений. Однако более всего международную организацию отличает то, что она является творением ее членов и имеет ясно определенные коллективные функции и цели, которые соответствуют высшим интересам и для осуществления которых она была задумана, создана, и эти функции и цели она обязана выполнять.

4. Учитывая эти соображения, было бы предпочтительным не воспроизводить формулировку статьи 46 Венской конвенции как таковую в контексте конвенционных отношений между государствами и международными организациями или между международными организациями, а обратить должное внимание на особый характер этих отношений, учитывая коллективные характер и цели организации-участника. Следовательно,

если исходить из того, что норма, содержащаяся в статье 46, должна быть включена в проект, то он также должен содержать отдельную норму, касающуюся государств и организаций. Таким образом, он отдает предпочтение варианту В.

5. В то же время вариант В в его нынешней форме имеет недостатки и неточности, которые несомненно будут устранены Редакционным комитетом. Как указал г-н Ушаков (1550-е заседание), содержание выражения «обычная практика» является неопределенным. Тем не менее можно говорить об обычной практике между государством и организацией, членом которой является данное государство. Были разработаны процедуры, которые позволяют производить более полный обмен информацией между организациями и их членами во время подготовительных переговоров с целью заключения договора. Применение варианта В, по-видимому, предусмотрено в области отношений между организациями и государствами-нечленами, как это можно было бы заключить из определения «явного» нарушения, содержащегося в пункте 4.

6. Если придерживаться точки зрения, отличной от той, на которой основан вариант В, то следовало бы, в первую очередь, уточнить смысл выражения «обычная практика» в каждом конкретном случае; во-вторых, следовало бы включить даже весьма общую ссылку на нормы, которые применялись бы в отношении весьма многочисленных соглашений между государствами и международными организациями, членами которых они являются; и, в-третьих, учитывая коллективные цели, которые преследуют международные организации, — ограничить применение нормы, предусмотренной в пункте 3, не только теми случаями, когда нарушение не является «явным» и «значительным», но также и случаями, когда недействительность договора приводит к возникновению ситуации, несовместимой с объектом и целями данной организации.

7. Г-н ЭВЕНСЕН разделяет многие сомнения, высказанные г-ном Ушаковым и г-ном Пинто в связи со статьей 46. Различия между международными организациями и государствами таковы, что Комиссия должна проявлять осторожность в тех случаях, когда она попытается провести параллель между этими образованиями в связи с вопросами, которые будут рассмотрены в статье 47 (A/CN.4/319). Тем не менее очевидно, что даже в том случае, если значение положений статьи 47 является скорее теоретическим, чем практическим, было бы целесообразным, если бы международные организации имели возможность ссылаться на нормы, которые облегчат для них заключение международных договоров и будут способствовать признанию их государствами в качестве участников. Поэтому положения статьи 46 должны отражать равновесие между этими различными соображениями, и он считает, что вариант В является более предпочтительным.

8. Однако у него вызывает беспокойство весьма неопределенная формулировка пункта 4 варианта В. Критерий «обычной практики» может оказаться трудно применимым в случае международной организации, особенно в том, что касается ее полномочий заключать договоры. Кроме того, норма, которая будет применяться в отношении государств, не является достаточно ясной, поскольку в тексте определено не уточняется — и возможно даже, что это делается умышленно, — что пункт 4 применяется лишь в отношении государств, не являющихся членами заинтересованной организации. Можно было бы вполне истолковать текст пункта 4 как означающий, что возможная осведомленность государства, нечлена организации, является критерием явного характера нарушения. Несмотря на формулировку пункта 4, не вызывает сомнения тот факт, что в отношении государств, не являющихся членами данной организации, должен применяться иной критерий.

9. Наконец, требование проявлять добрую волю несомненно распространяется на всех участников договора. Поэтому вызывает сожаление, что оно упоминается лишь в конце пункта, вследствие чего может создаться впечатление, что оно относится лишь к международным организациям, а не к государствам.

10. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) хотел бы уточнить, что в данной статье отдельно рассматривается согласие государств и согласие международных организаций. Не только пункт 1, но также и пункт 2 варианта В касаются согласия государств. Упоминание доброй воли, содержащееся в вариантах А и В, относится, таким образом, к государствам, поскольку оно содержится в конце пункта 3 варианта А и в конце пункта 2 варианта В. Если Комиссия считает, что не следует отходить от положений Венской конвенции в отношении согласия государств, то будет достаточным не добавлять в варианте В слов «или любой организации», которые он устно предложил (1550-е заседание, пункт 23). Однако само собой разумеется, что в случае, когда организация вступает в отношения с государством с целью заключения соглашения, она оказывается в таком же положении, как и любое государство с точки зрения оценки согласия государств.

11. Г-н ШВЕБЕЛЬ высказывается в пользу варианта А. Норма особо важного значения, предусмотренная в статье 46 Венской конвенции, является удовлетворительной нормой, которая несомненно должна быть воспроизведена в проекте статей в отношении государств. Она должна также применяться в некоторой степени и в отношении международных организаций, поскольку в обратном случае, как указал Специальный докладчик, обязательства, взятые на себя международными организациями, были бы недействительными в случае нарушения положения, содержащегося в правилах заинтересованной междуна-

родной организации, независимо от того, будет ли разумным считать, что государство, с которым организация заключила договор, знало о данном нарушении. Договоры, заключенные международными организациями, не могут быть поставлены в зависимость от обстоятельств и должны быть в одинаковой степени обязательными как для международных организаций, так и для государств.

12. Естественно, эта основная позиция должна иметь определенные нюансы. Именно это вполне справедливо предусмотрено в варианте А, поскольку возможность для международной организации, так же как и для государств, аннулировать договор по причине нарушения положений, касающихся правоспособности заключать данный договор, ограничивается в нем теми случаями, когда нарушенная норма имеет особо важное значение или же само нарушение является явным. Правила международной организации в общих выражениях, но вполне правильно определены в подпункте j пункта 1 статьи 2³ как представляющие собой учредительные акты организации, ее соответствующие решения и резолюции, а также ее установившуюся практику. Можно представить себе случай, когда бы международная организация заключила договор не в нарушение своего учредительного акта, ни даже соответствующих решений и резолюций, то есть, по всей видимости, ее правил процедуры или других аналогичных по форме правил, а в нарушение установившейся практики, которая в то же время не являлась бы общепризнанной или же значительной по своим масштабам. В таком случае заинтересованная международная организация не должна была бы иметь возможность ссылаться на недействительность договора в случае, если бы нарушение ее правил в области заключения договоров не было бы явным и не касалось бы правила, имеющего особо важное значение.

13. Вариант В имеет тот недостаток, что сфера применения статьи 46 ограничивается в нем случаями, когда нарушение правил, касающихся компетенции международной организации, является объективно очевидным для любого государства, не являющегося членом данной организации, и для любой иной международной организации-участника. Именно в этом, по-видимому, заключается смысл варианта В. В то же время, если малое государство — член того или иного учреждения системы Организации Объединенных Наций, не обладающее ресурсами как в юридическом, так и в ином плане, заключает с вышеуказанным учреждением соглашение об оказании технической помощи в соответствии с практикой этого учреждения, должно ли данное учреждение иметь возможность аннулировать соглашение на том основании, что — даже в том случае, если нарушение его правил не было явным и не каса-

³ См. 1546-е заседание, сноска 4.

лось какого-либо правила, имеющего особое значение, — все члены данного учреждения должны по определению досконально знать его правила? Значение столь требовательного положения является очевидным в случае организаций, состоящих из ограниченного числа членов, таких как ЕЭС, поскольку можно вполне обоснованно считать, что каждый член знает или должен по определению знать правила Сообщества, касающиеся заключения договоров. В то же время такую позицию было бы весьма трудно отстоять в случае организаций, носящих всеобщий характер. Г-н Швобель серьезно сомневается в том, что можно считать, что все государства точно знают правила и практику организации всеобщего характера, членами которой они являются. Не следует забывать, что даже государства, имеющие крупные службы по иностранным делам, не всегда могут полностью регулировать свою деятельность в области договоров. Было бы неправомерным утверждать, что заключение договоров подлежит общему контролю или же что государство, которое отходит от одной из своих конституционных норм, делает это преднамеренно. Многие договоры заключаются не службами иностранных дел, а администрацией, которая плохо знакома с правилами заключения договоров. Могут ли менее крупные государства, которым едва удается содержать постоянную миссию при штаб-квартирах различных учреждений, считаться полностью осведомленными о правилах таких технических учреждений, как ИКАО, ВМО, ВОЗ или даже Организация Объединенных Наций?

14. Совершенно очевидно, что предоставление международным организациям исключительных возможностей воздерживаться от соблюдения их договорных обязательств не содействует осуществлению целей, которые в конечном итоге оправдывают их создание государствами. Необходимо, чтобы правоспособность международных организаций заключать договоры могла бы по возможности совершенствоваться в соответствии с правилами этих организаций. Тем не менее, как признается Комиссией в данном ею определении, должна существовать возможность эволюции самих этих правил. В бытность свою первым председателем Сената Соединенных Штатов Америки Джефферсон подготовил выдающийся свод парламентских правил и комментариев, который в течение длительного времени оказывал решающее влияние на деятельность Сената. Джефферсон дал правильный анализ сферы распространения правоспособности заключать договоры, однако некоторые ограничения, которые были установлены в соответствии с этими правилами, прекратили свое действие вследствие исторических событий и свободного толкования Конституции Верховным судом Соединенных Штатов. Так, например, Джефферсон утверждал, что договоры могут заключаться только по согласованному объектам договоров. Однако трудно себе представить, чтобы право-

способность Соединенных Штатов заключать договоры могла быть в XX веке ограничена объектами договоров XVIII века, что исключало бы, например, договор о нераспространении ядерного оружия. Конечно, можно справедливо утверждать, что международная организация не является государством, которое обладает суверенными полномочиями. Можно считать, что если Организация Объединенных Наций будет существовать в течение 200 лет, то цели ее Устава определены достаточно широко, что позволяет ей заключать договоры по весьма разнообразным вопросам; однако это не обязательно относится к другим международным организациям, правила которых в таком случае должны были бы толковаться весьма свободно.

15. Таким образом, Комиссия должна исходить из наиболее отдаленной перспективы по примеру Верховного суда Соединенных Штатов после эпохи Джефферсона, когда судья Холмс писал, что Суд дает толкование Конституции, эволюцию которой не мог предвидеть ни один из самых дальновидных ее составителей. Учредительные акты международных организаций должны рассматриваться с аналогичной точки зрения. Естественно, это не означает, что международные организации должны иметь право или быть обязанными аннулировать договоры, заключенные ими в произвольном порядке, поскольку такое решение не способствовало бы ни сохранению механизма заключения договоров, ни развитию международных организаций.

16. Г-н ДЖАГОТА говорит, что он скорее отдает предпочтение варианту А, в пользу которого весьма смело высказался Специальный докладчик.

17. Естественно, он признает наличие коренных различий между государствами и международными организациями. Как отметил г-н Ушаков, рассматриваемый проект статей был бы излишним, если бы было иначе, поскольку положения Венской конвенции могли бы в таком случае применяться *mutatis mutandis* в отношении международных организаций. Эти различия уже были учтены при разработке проекта статей, и в некоторых случаях для международных организаций были предусмотрены особые положения. Так, в статье 7 слово «полномочия» употребляется применительно к государствам, а слова «специальные полномочия» — применительно к международным организациям. На предшествующей сессии Комиссия также проводила различие, рассматривая права и обязанности третьих государств и третьих международных организаций по договорам, заключаемым между государствами и международными организациями или между международными организациями, подтверждением чему является тот факт, что предоставление прав в одном случае является следствием соглашения или молчаливого соглашения, а в другом случае — следствием исключитель-

но соглашения, данного в соответствии с правилами международных организаций⁴

18. В случае стабильности конвенционных отношений или сохранения в силе договоров, необходимо учитывать эти различия. Тем не менее г-н Джагота считает, что такое необходимое различие не должно проводиться ни в статье 45⁵, ни в статье 46. На статью 46 могло бы сослаться государство, которое, нарушив одно из положений своего внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, имело бы возможность утверждать, что договор является недействительным, поскольку лицо, выразившее согласие на обязательность этого договора, не обладало соответствующей компетенцией или действовало в нарушение конституции. На данную статью могла бы также сослаться международная организация, которая имела бы возможность утверждать, что лицо, выразившее согласие, не обладало соответствующей компетенцией или нарушило одно из основных правил данной организации. Совершенно очевидно, что речь должна идти о правиле, имеющем особо важное значение, поскольку в обратном случае организация согласно данной статье имела бы право в любой момент изменить свое отношение к договору. В пунктах 3b и 4b статьи 7 уточняется, кто может рассматриваться в качестве представителя международной организации в целях установления аутентичности текста договора и уведомления о согласии этой организации на обязательность для нее договора. Тем не менее согласно статье 8 проекта международная организация всегда имеет возможность подтвердить обязательность договора, несмотря на тот факт, что представлявшее ее лицо действовало не в соответствии с правилами данной организации. В то же время если говорить о нарушении, предусмотренном в статье 46, то возникает вопрос, может ли международная организация заявить о том, что она не намерена подтверждать договор в соответствии со статьей 8 и что она хотела бы, чтобы он был недействительным *ab initio*, поскольку представлявшее ее лицо не обладало необходимой компетенцией?

19. Государства не могут быть полностью осведомленными о «правилах» международной организации, если учитывать, что, согласно пункту 1j статьи 2, под этим термином подразумевается не только учредительный акт организации, но также и соответствующие решения и резолюции и ее установившаяся практика. Следовательно, государство не сможет следить за тем, чтобы все соответствующие правила международной организации были соблюдены, в то время как международная организация со своей стороны могла бы воспользоваться фактом несоблюдения ее правил, для того чтобы объявить данный договор недействительным.

⁴ См. *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 124 англ. текста, документ A/33/10, пункт 132.

⁵ См. 1548-е заседание, пункт 6.

20. Поэтому необходимо, чтобы в статье 46 были предусмотрены строгие положения. Такие положения фактически предусмотрены в пункте 1 варианта А в том месте, где речь идет о государствах, и в пункте 2 этого варианта, где речь идет о международных организациях. В последнем случае необходимо, чтобы правило организации имело особо важное значение, а нарушение было явным. Специальный докладчик указал на то, что нарушение должно быть явным с точки зрения практики, что можно относительно легко установить, если речь идет о практике государств в области заключения договоров, но что в то же время было бы весьма трудным, если речь идет о практике международных организаций. Следует ли учитывать практику международных организаций в целом или лишь практику конкретной организации, которая ссылается на положения статьи 46? Более того, если нарушение должно быть явным для государства, следует ли проводить различие между государствами-нечленами и государствами — членами данной организации? Возможно, что государства-члены в большей степени знакомы с правилами организации и лучше знают, имеет ли данное правило особо важное значение. В этом случае возникает вопрос о том, следует ли очевидное для государства-члена нарушение считать уместным или считать исключительным. Если бы это считалось исключительным, то тогда организация смогла бы в любой момент денонсировать договор, заключенный с одним из ее государств-членов. Тем не менее в пункте 18 своего комментария (A/CN.4/319) Специальный докладчик предусмотрел решение проблемы, которая могла бы возникнуть в рамках, например, ЕЭС. Будущее того или иного договора, заключенного между ЕЭС и одним из его государств-членов, будет определяться с помощью специальной правовой системы, которая регулирует отношения между ЕЭС и его государствами-членами, а не на основании положений статьи 46 проекта. Тем не менее Специальный докладчик отметил в сноске 30 своего доклада, что определение очевидности нарушения, предложенное в пункте 4 статьи 46, не будет применяться в отношении договоров, заключенных между организациями всеобщего характера и их государствами-членами; это означает, что Организации Объединенных Наций было бы проще сослаться в связи с договорами, заключенными с государствами-членами, на любое нарушение правила, имеющего особо важное значение.

21. Он, со своей стороны, считает, что пункт 4 статьи 46 не является необходимым или целесообразным и что он мог бы вызвать определенные трудности; действительно, Объединенные Нации могли бы воспользоваться им, заявив, что нарушенное правило имеет особо важное значение, в то время как другие участники договора рассматривали бы его в качестве правила, имеющего второстепенное значение. Естественно, в случае нарушения правила Объединенных

Наций, имеющего важное значение, договор должен быть объявлен недействительным; однако даже в других случаях интересы самой Организации Объединенных Наций не были бы ущемлены, поскольку в силу статьи 103 Устава обязательства государств-членов по Уставу имели бы преобладающее значение по сравнению с их обязательствами в силу данного договора. По этой причине пункт 4 статьи 46 мог бы быть просто исключен.

22. Так же, как и Специальный докладчик, он считает, что в целях статьи 46 вопрос о том, является ли то или иное правило международной организации особо важным, должен рассматриваться с учетом практики только этой организации.

23. В заключение г-н Джагота указывает на то, что статья 46 должна состоять из пункта 1 в его нынешней формулировке и пунктов 2 и 3 варианта А. В последнем пункте следовало бы после слов «в соответствии с обычной практикой» поместить слова «в рамках отношений между государствами и этой организацией, соответственно». Выделив запятой слово «соответственно», мы бы тем самым учли замечание г-на Эвенсена в отношении обязательства проявлять добрую волю.

24. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик), отвечая на замечания, высказанные до настоящего времени по проекту статьи 46, констатирует факт совпадения взглядов по двум пунктам в подавляющем большинстве случаев.

25. С одной стороны, члены Комиссии, по всей видимости, являются сторонниками того, чтобы придерживаться норм Венской конвенции, касающихся согласия государств. Если по этому вопросу должно быть принято решение, то оно, очевидно, повлияет на предшествующие статьи проекта. Поэтому было бы желательным, чтобы в соответствующее время Редакционный комитет рассмотрел статью 46 до статьи 45. Если следовать логике, то Комиссия должна будет одобрить также пункт 2 варианта В, поскольку это положение касается лишь согласия государств. Возможно, использованная формула могла бы быть также улучшена таким образом, чтобы в ней уточнялось, что обычная практика, о которой идет речь в данной статье, является не практикой государств, а практикой, которая вытекает из отношений с этими государствами. Представляется маловероятным, чтобы международная организация, если говорить о согласии того или иного государства, имела практику, отличную от ее практики с другими государствами.

26. С другой стороны, члены Комиссии в целом, по-видимому, считают, что было бы опасным ссылаться на общую практику международных организаций. Между международными организациями существует столько различий, что следует предоставить каждой из них возможность определения своей практики.

27. Если говорить о других вопросах, то имеются недопонимания между Специальным докладчиком и некоторыми членами Комиссии. Так, например, особо подчеркивая принципиальное различие между государствами и международными организациями, как это сделал г-н Ушаков, некоторые члены Комиссии пытались утверждать, что в варианте А организации уподобляются государствам, в то время как в варианте В учитываются имеющиеся между ними различия. В действительности оба эти варианта основаны на ассимиляции, как это вытекает из сходства между пунктом 3 варианта А и пунктом 2 варианта В и между пунктом 2 варианта А и пунктом 3 варианта В. Члены Комиссии, которые, как, например, г-н Швებель и г-н Джагота, высказались в пользу варианта А, высказались таким образом в пользу ассимиляции, в то время как те члены Комиссии, которые высказались в пользу варианта В, высказались, по-видимому, в пользу проведения более ярко выраженного различия.

28. Первоначально он отдавал предпочтение ассимиляции, однако он был вынужден констатировать, что понятие явного характера нарушения имеет разное значение в случае соглашения, заключенного между организацией и одним или несколькими ее членами, или соглашения, заключенного с государствами-нечленами. Считается, что государства-члены лучше знакомы с правилами организации, чем другие государства. Очевидно, приводя в качестве примера Организацию Объединенных Наций, он, как это показал г-н Швებель, сделал не самый удачный выбор. Он был вынужден также признать, что в случае, когда речь идет о договоре между организацией и одним или несколькими ее членами, вопрос о недействительности не подпадает под действие норм общего международного права и, в частности, норм, изложенных в статье 46. Такого рода случаи должны рассматриваться на основании конкретного права и практики организации. Этот подход имеет свои преимущества как теоретического, так и практического характера; он не только позволяет учитывать специфику каждой организации, но также и исключает необходимость разработки норм, которые могли бы применяться как в отношении Организации Объединенных Наций, так и в отношении того или иного регионального банка или специализированного учреждения, имеющего такую богатую практику, как, например, МОТ. Учитывая предостережение, высказанное г-ном Эвенсеном, может возникнуть вопрос о том, не следует ли обеспечить такую ситуацию, когда максимально возможное число вопросов решалось бы каждой организацией в соответствии с ее правом.

29. В то же время в связи с этим подходом было высказано множество критических замечаний. Было указано на невозможность принятия аналогичного подхода в отношении крупной организации, как, например, Организация Объе-

диненных Наций, и в отношении мелких организаций и что текст проекта статьи 46 является недостаточно ясным. Он уже дал разъяснения по этим двум вопросам. Было также отмечено, что в конце варианта В, где отдается предпочтение ассимиляции, Специальный докладчик поместил пункт, в котором содержатся важные исключения, признавая, что понятие правил, имеющих особо важное значение, является допустимым. Г-н Ушаков, по всей видимости, склонен считать, что для организации все правила имеют особо важное значение, что повлекло бы за собой необходимость изменения пункта 3. Другие члены Комиссии, например г-н Пинто, подчеркнули значение целей каждой организации. Конечно, можно было бы допустить, что Комиссия стремится определить в целом правила международных организаций, имеющие особо важное значение, и обратить особое внимание на цели каждой из этих организаций. В этой связи следует вспомнить консультативное заключение Международного Суда по вопросу о *некоторых расходах Организации Объединенных Наций*, из которого следует, что данные расходы являлись расходами Организации Объединенных Наций, поскольку они соответствовали общим целям Организации. Лично сам г-н Рейтер сомневается в том, что любое уточнение, касающееся особо важного характера правил, приводит к отказу от установления действительных норм для всех международных организаций. Что касается договоров между государствами, то Комиссия воздержалась от конкретного уточнения, какие нормы внутреннего права имеют особо важное значение, и таким же образом ей следовало бы поступить в отношении международных организаций.

30. Г-н Джагота и г-н Швებель высказались в пользу установления полного сходства между нормами, касающимися согласия международных организаций, и нормами, касающимися согласия государств. Г-н Джагота избрал даже более радикальный подход, чем Специальный докладчик, поскольку он считает бесполезным проводить различие между соглашениями, которые организация заключает с государствами-членами, и соглашениями, которые она заключает с государствами-нечленами. Г-н Швებель продемонстрировал, что практика государств в области заключения договоров имеет сложный характер и что предусмотренная в статье 46 норма является достаточно гибкой. В то же время г-н Джагота показал, в какой степени предшествующие статьи, в частности статья 7, являются обязательными для Комиссии. Предложенная им новая формулировка пункта 3 варианта А (см. выше пункт 23) была бы весьма удачной, если бы Комиссия пошла по избранному им пути.

31. Г-н Ушаков считает необходимым проводить различие между согласием международных организаций и согласием государств, поскольку в случае международной организации невозможно заранее определить, каковы ее пра-

вила, имеющие особо важное значение. Предлагаемая им формулировка рассматриваемой статьи (A/CN.4/L.296)⁶ по ряду пунктов не совпадает с соответствующей статьей Венской конвенции.

32. По мнению г-на КВЕНТИНА-БАКСТЕРА, проект статьи 4 является необходимым продолжением проекта статьи 6. По весьма важным причинам компетенция государств отличается от компетенции международных организаций. Даже если в проекте статьи 46 используются одни и те же термины применительно к государствам или международным организациям, этот проект статьи не будет играть в рамках всего проекта такую же роль, какую играет статья 46 в рамках Венской конвенции. В этой Конвенции норма, предусмотренная в статье 46, вытекает из основополагающей нормы, которую она уточняет; в соответствии с этой нормой государства обладают общей компетенцией, которой при обычных условиях они не могут быть лишены, в то время как норма, содержащаяся в проекте рассматриваемой статьи, является необходимым отражением ограниченной компетенции международных организаций.

33. Необходимо стремиться, по возможности, уравнивать положение государств и международных организаций, поскольку последние стали действующими лицами, а также инструментами политики в мире государств и должны, по возможности, применять те нормы, которые были установлены для них государствами.

34. Можно принять одинаковый текст для государств или международных организаций с некоторыми различиями. Во-первых, если в Венской конвенции говорится о «внутреннем праве» государства, то в проекте статей используется выражение «правила организации» и дается определение этого выражения. Не следует отказываться от этого выражения, говоря о внутреннем праве организации. Кроме того, выражение «обычная практика» не может использоваться в обобщающем смысле применительно к организациям. Даже с учетом поправки, предложенной г-ном Джаготой, он вряд ли смог бы согласиться с вариантом А.

35. Спрашивается, действительно ли в данном случае Комиссия должна чрезмерно стремиться к проведению в тексте различия между государствами, которые являются членами организации, и государствами, которые не являются ее членами. Выражение «любое государство» не может, естественно, истолковываться как подразумевающее только государства, которые являются членами организации, за исключением случая, когда участниками договоров могут быть только государства — члены организации. Будучи не в состоянии допустить, как это делает г-н Швებель,

⁶ Текст воспроизведен в кратком отчете 1552-го заседания, пункт 15.

что вариант А является удовлетворительным, г-н Квентин-Бакстер считает также, что во многих случаях было бы мало реальным провести четкое различие между государствами, являющимися членами организации, и государствами, не являющимися ее членами.

36. Другим моментом, который следует учитывать, является то, что лица, действующие от имени организации и не обязательно осведомленные о всех правилах этой организации, очень часто находятся под влиянием сотрудников организации, ответственных за проведение переговоров. Следует надеяться, что принципа доброй воли будет достаточно для гарантии того, что организации будут соблюдать заключенные соглашения. Как указал Специальный докладчик в своем комментарии, если исходить из того, что известно о практике международных организаций, то можно заключить, что между государствами и организациями обычно не возникает серьезных расхождений во взглядах по такого рода вопросам по той простой причине, что организации являются творением государств и что их цель заключается в том, чтобы служить последним, а не стремиться нарушать принятые в отношении государств обязательства. Более того, такая политика является основной гарантией для обеих сторон. Если создается впечатление, что имело место какое-либо неправильное действие, государства или, по меньшей мере, те из них, которые являются членами данной организации, могут потребовать от организации исправить такое положение. Нет необходимости противопоставлять право и политику, и следует стремиться уравнять положение государств и международных организаций, как это попытался сделать Специальный докладчик в варианте В.

37. Основное различие между государствами и международными организациями отчасти заключается в том, что уставы и правила организаций относятся к области публичного права и что государства, имеющие отношения с организациями, знают эти правила. Тем не менее выражение «нормы организации» в том виде, в каком оно используется в пункте 3 варианта В, означает нечто большее, чем то, что подразумевается под установившейся практикой организации. В области практики организации, имеющие отношения с государствами в соответствии с договорами, должны согласиться с тем, что они не могут злоупотреблять таким аргументом, как сложный характер их правил, с целью отказа от своих обязательств. Именно при этом условии они пользуются привилегией заключать договоры с государствами.

38. Наконец, большое значение придается слову «явный». Только в контексте пункта 3 варианта В трудность, связанная с необходимостью определения того, что представляют собой правила, имеющие особо важное значение, чаще всего будет преодолеваться благодаря

использованию слова «явный». Все то, что содержится в конституции или предусматривается в обнародованных решениях, будет носить явный характер. Для многого другого такой характер будет отсутствовать. Однако в пункте 4 варианта В взаимосвязь меняется. Так, в пункте 3 условие особо важного значения правила в определенной степени связано с «явным» характером нарушения, причем текст того, что было явным, остается без изменения. В пункте 4 знание обычной практики организации, по всей видимости, предполагается со стороны другой конкретной организации, причем слово «явный» подразумевает предполагаемое знание правил. Это различие между установившейся практикой, о которой говорится в определении «организации» в подпункте j статьи 2, и обычной практикой, упоминаемой в рассматриваемом проекте статьи, возможно, является произвольным. Однако, если смысл термина «явный» должен определяться «обычной практикой», использование этого термина во многом утрачивает свое значение.

Заседание закрывается в 12 час. 55 мин.

1552-е ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 14 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Гали, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Кастаньеда, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швельбел, г-н Эвенсен.

Выражение приветствия г-ну Гали

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ поздравляет г-на Гали с его избранием и обращается к нему с приветствием от имени Комиссии.

2. Г-н ГАЛИ благодарит членов Комиссии за свое избрание. Он заявляет, что смог в полной мере оценить практическое значение международного права, и в частности принципа *pacta sunt servanda*, в ходе трудных переговоров, которые привели к заключению в Вашингтоне мирного договора между Египтом и Израилем. Этот договор основан на нормах международного права, и в тех случаях, когда мнения относительно толкования его положений расходились, стороны всегда обращались к международному праву. Оратор выражает мнение, что международное право яв-

ляется одним из основных инструментов преодоления политических трудностей.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (продолжение) (A/CN.4/319, A/CN.4/L.296)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ 46 (Нарушение положений, касающихся компетенции заключать договоры)¹ (окончание)

3. Г-н ТАБИБИ говорит, что в современном международном сообществе роль международных организаций стала одним из фактов повседневной жизни. Учредительные акты этих организаций отражают коллективное мнение суверенных государств, и все решения, принимаемые в данных организациях, таких как Организация Объединенных Наций, принимаются суверенными государствами. Кроме того, эти организации черпают свою силу у государств-членов через посредство своих учредительных актов. Соответственно в международных организациях можно отметить те же самые тенденции, что и в суверенных государствах, хотя между ними, несомненно, существуют различия. В варианте В, предложенном Специальным докладчиком, который оратор склонен поддержать, учтены одновременно различия и сходные черты государств и международных организаций.

4. Что касается вопроса об обычной практике, оратор выражает несогласие с г-ном Джаготой (1551-е заседание) в том, что практика международных организаций не находится на том же уровне, что и практика государств. На обычную практику государств в области договорных отношений опираться нельзя. В прошлом договоры навязывались сильными государствами слабым государствам. Нынешняя обычная практика, в силу которой государства заключают договоры на основе равенства, сложилась лишь в последнее время с появлением позитивного международного права, включающего Устав Организации Объединенных Наций. Соответственно можно считать, что начало существованию обычной практики международных организаций и обычной практики государств было положено примерно в одно и то же время. В связи с этим необходимо уделять внимание не только классическим принципам международного права, но и новому праву международных организаций.

5. Предложенный Специальным докладчиком вариант В обеспечивает необходимую гибкость, которая, как можно надеяться, по мнению оратора,

будет сохранена в заключительном проекте статей.

6. Г-н СУЧАРИТКУЛ считает приемлемыми варианты А и В, хотя он предпочитает вариант В. Он не выступает против принципа, согласно которому следует в возможно большей степени приравнивать международные организации к государствам в вопросах, охваченных статьей 46; однако он испытывает некоторые затруднения в связи с выражением «обычная практика», которое фигурирует в пункте 3 варианта А и в пункте 4 варианта В проекта рассматриваемой статьи, а также в пункте 2 текста, предложенного г-ном Ушаковым (пункт 15, ниже). Эту формулу нельзя рассматривать как единичный акт или изолированное явление, поскольку для установления обычной практики необходим целый ряд действий. Речь идет об обычной практике в отношениях между сторонами договора, то есть между государствами или между государствами и международными организациями.

7. Он выражает признательность г-ну Ушакову за то, что он подчеркнул (1550-е заседание) различие между государствами и международными организациями в этом смысле. Фактически если обычная практика государств и существует, то нет обычной практики, общей для международных организаций.

8. По сути, он даже задает вопрос, можно ли реально говорить об обычной практике того или иного государства; и в этом отношении он разделяет точку зрения г-на Швелея, высказавшего сомнения в отношении практики его собственной страны. В случае страны, такой как Таиланд, в которой существует установившаяся практика, практика в отношении компетенции заключать договоры претерпела изменения вследствие развития деятельности государства во всех областях. Министерству иностранных дел более не принадлежит исключительная компетенция заключать договоры; хотя основные договоры по-прежнему относятся к его компетенции, второстепенные договоры в настоящее время относятся к компетенции других министерств. Таким образом, практика того или иного государства не является неизменной, а постоянно развивается.

9. В том что касается обычной практики международных организаций, необходимо учитывать новые организации, создаваемые ежегодно. Однако заранее трудно определить, какой будет обычная практика этих организаций, и, таким образом, как предлагает Специальный докладчик, необходимо ограничиться следующей практикой государств и международных организаций.

10. Даже в случае давно созданных международных организаций, таких как ЕЭС, практика не всегда позволяет разрешить проблемы, которые могут возникнуть. Например, в случае соглашения о региональном отделении, только что подписанного с ЕЭС, Таиланд должен был принять закон,

¹ Текст статьи см. 1550-е заседание, пункт 22.

признающий правосубъектность и правоспособность Сообщества, поскольку оно потребовало признания его правосубъектности не только в рамках международного права, но и во внутреннем праве Таиланда. Были использованы прецеденты, такие как соглашения, заключенные Сообществом с Бельгией и Японией, поскольку обычная практика Сообщества не существовала. По сути, хотя государства всегда признают правосубъектность Сообщества в рамках международного права, они не всегда признают ее в рамках своего внутреннего права.

11. В том что касается пункта 4 варианта В, согласно которому «нарушение... является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства... и для любой международной организации, не являющихся членами соответствующей организации»*, оратор задает вопрос, нельзя ли провести также различие между различными категориями членов той или иной международной организации. Например, в ЭСКАТО имеется несколько категорий членов: члены-основатели — такие как Великобритания, Нидерланды, СССР, Соединенные Штаты Америки и Франция; региональные члены, внерегиональные члены и ассоциированные члены, подобно Гонконгу. Азиатский банк развития также имеет несколько категорий членов: члены-основатели; члены, вносящие взносы в Азиатский фонд развития, такие как Япония и Соединенные Штаты Америки; и члены, получающие займы в Фонде. Вопрос, который он хотел бы поставить перед Комиссией, заключается в следующем: следует ли наделять эти различные категории членов различной компетенцией заключать договоры.

12. Г-н РИФАГЕН считает, что статья 46 Венской конвенции² является достаточно гибкой для того, чтобы быть применимой к согласию международных организаций на обязательность для них того или иного договора. Наиболее труднопреодолимым препятствием для ссылки на недействительность в соответствии с этой статьей является условие, согласно которому нарушение внутренних норм, касающихся компетенции, должно быть явным для другой стороны или других сторон. Кроме того, это препятствие является особо труднопреодолимым в том случае, если ограничения, устанавливаемые внутренним правом, относятся к существу, а не к процедуре. Во многих случаях возможны сомнения относительно того, какой орган государства компетентен заключать тот или иной конкретный договор. Кроме того, часто среди государств — членов той или иной организации существует добросовестное расхождение мнений относительно способности организации заключать договоры. С уче-

* *Примечание переводчика:* Фактический текст пункта 4 варианта В статьи 46 гласит: «...для любого государства, не являющегося членом соответствующей организации, и для любой международной организации...» (A/CN.4/319, стр. 19).

² См. 1546-е заседание, сноска 1.

том этого расхождения мнений едва ли можно сказать, что влияние этих ограничений является в достаточной степени объективно очевидным для того, чтобы быть явным для третьих государств.

13. Влияние внутренних правил и процедур является таким, что часто трудно представить себе случаи, в которых может использоваться статья 46. Например, в соответствии с конституционным правом Нидерландов перед заключением главой государства того или иного договора необходимо согласие парламента, если только данный договор не рассматривается как имеющий первоочередное значение для интересов государства, в каком случае предварительное согласие не является необходимым. В подобных случаях нет объективного критерия, который мог бы быть явным для третьих государств. С другой стороны, ЕЭС имеет внутренние правила, позволяющие любому государству обратиться в Суд ЕЭС с запросом относительно того, имеет ли Сообщество полномочия заключать тот или иной определенный договор. Если договор будет заключен несмотря на отрицательное решение Суда, то будет существовать объективно очевидный критерий, который будет явным для всех.

14. Таким образом, существует взаимодействие между внутренними конституционными нормами, применением статьи 46 Венской конвенции и рассматриваемым проектом статьи. Поскольку статья 46 Венской конвенции является достаточно гибкой для учета этого взаимодействия, она может применяться к согласию международных организаций на обязательность для них того или иного договора, без необходимости внесения в нее каких-либо поправок.

15. Г-н УШАКОВ зачитывает предлагаемый им текст статьи 46 (A/CN.4/L.296):

«1. Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора между одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения.

2. Нарушение, указанное в пункте 1, является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой, и в силу указанного оно явно также для любой международной организации.

3. Международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что ее согласие на обязательность для нее договора было

выражено в нарушение того или иного положения соответствующих правил этой организации, касающегося компетенции заключать договоры, как на основании недействительности ее согласия, если только данное нарушение не было явным.

4. Указанное в пункте 3 нарушение соответствующего правила данной организации относительно компетенции заключать договоры является явным, если это правило при добросовестном толковании является очевидным».

16. Он отмечает, что пункт 1 предложенного им текста следует тексту Венской конвенции, поскольку в нем идет речь о государствах. В соответствии с Венской конвенцией государство может ссылаться на свое внутреннее право как на основание недействительности его согласия лишь в известных пределах, предназначенных для защиты других сторон договора: нарушенная норма внутреннего права должна иметь «особо важное значение», и нарушение должно быть «явным». Согласно пункту 2 текста Венской конвенции

нарушение является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой.

Таким образом, по его мнению, нарушение является очевидным, если нарушенная норма является явной, иными словами, если речь идет о норме международного права, основанной на обычной практике государств, то есть об обычной норме. Таким образом, пункт 2 текста Венской конвенции ввел, наряду с ссылкой на внутреннее право государств, ссылку на обычные нормы международного права. Однако обычные нормы международного права должны быть известны всем международным организациям, и именно поэтому оратор включил в пункт 2 своего предложения слова «и в силу указанного оно явно также для любой международной организации».

17. Например, если обычная норма международного права предусматривает, что представитель того или иного государства при международной организации может вести переговоры с этой организацией с целью заключения договора, однако не компетентен связывать государство своей подписью, то государство, представитель которого нарушил эту норму, поставив свою подпись, может сослаться на это нарушение обычной нормы международного права как на основание недействительности его согласия на обязательность для него договора, поскольку эта норма должна быть известна международной организации.

18. Однако, наряду с обычными нормами международного права, существуют нормы внутреннего права особо важного значения, которые должны быть известны другим сторонам дого-

вора. Таким образом, государство может сослаться на эти нормы особо важного значения для обоснования недействительности договора. С другой стороны, во внутреннем праве каждого государства существуют весьма нечеткие нормы, которые не всегда хорошо известны даже юристам самого данного государства и осведомленности о которых нельзя требовать от других государств или международных организаций. Именно поэтому необходимо указать, в том что касается внутреннего права государства, что нарушенная норма должна иметь «особо важное значение».

19. Однако в случае международных организаций такое указание не является необходимым, поскольку с правилами международных организаций легко ознакомиться. Именно поэтому, по мнению оратора, в пункте 3 его поправки достаточно указать, что нарушение соответствующих правил организации должно быть явным, без указания на то, что оно должно относиться к правилу особо важного значения.

20. В случае международных организаций, как и в случае государств, нарушение является явным, если нарушенное правило является явным, то есть объективно очевидным для всех при добросовестном толковании. Однако согласно определению, содержащемуся в пункте 1 j статьи 2³, выражение «правила организации» означает не только учредительные акты организации, которые считаются очевидными, но и ее соответствующие решения и резолюции, а также ее практику, которые являются двусмысленными или нечеткими. Если практика или резолюции международной организации являются нечеткими, она не может сослаться на них. Она может сослаться только на такую практику или такие резолюции, которые являются очевидными при добросовестном толковании, поскольку ее партнеры должны быть знакомы с этими резолюциями и этой практикой. Таким образом, партнеры международной организации будут в достаточной степени защищены, если предусмотреть, что нарушенное правило должно быть «очевидным». Нет необходимости уточнять, что оно должно быть очевидным «для любого государства и для любой международной организации, не являющихся членами соответствующей организации»*. Если правило является очевидным, оно очевидно для всех государств и всех организаций, независимо от того, являются они ее членами или нет.

21. Г-н ФЕРОСТА говорит, что первоначально он поддерживал вариант В, однако в свете обсуждения он теперь считает, как и г-н Рифаген, что вариант А является предпочтительным, поскольку он более гибкий.

22. По мнению оратора, г-н Ушаков прав, указав, что международные организации в качестве субъектов международного права связаны также

³ См. 1546-е заседание, сноска 4.

* См. примечание в пункте 11 настоящего документа.

обычным международным правом. Однако он выражает сомнение в справедливости утверждения, как сказано в пункте 2 предложения г-на Ушакова, что нарушение, очевидное для любого государства, «в силу указанного... явно также для любой международной организации», поскольку это означало бы, что международные организации связаны обычным правом в том, что касается некоторых видов деятельности государств. Он задает также вопрос, можно ли говорить об «очевидном правиле» и целесообразно ли вводить это новое понятие наряду с понятием «явное нарушение».

23. Оратор предлагает передать проект статьи 46 в Редакционный комитет.

24. Г-н КАСТАНЬЕДА говорит, что он отдаст предпочтение варианту А по той основной причине, что он лучше обеспечивает поддержание стабильности договоров и в достаточной степени учитывает различия между соответствующим положением международных организаций и государств в том, что касается согласия на обязательность для них договора. По этой же причине в пункте 4 варианта В целесообразно исключить различие между государствами-членами и государствами, не являющимися членами соответствующей организации, хотя он придает известное значение замечаниям, сделанным Специальным докладчиком в сноске 30 его доклада (A/CN.4/319).

25. Основная задача Комиссии заключается в обеспечении большей стабильности договоров. Даже в том, что касается пункта 1 проекта статьи 46, возможно возникновение проблем, связанных с исполнительными соглашениями. Сам вопрос о применимости Венской конвенции может вызвать различные толкования в этом отношении. Хотя в конституциях ряда стран, таких как Соединенные Штаты Америки, проводится различие между договорами, которые должны ратифицироваться законодательным органом, и договорами, в отношении которых такая ратификация не является необходимой, в конституциях многих других стран не содержится таких положений. Тем не менее для практических целей некоторые страны, к числу которых относятся Мексика и многие латиноамериканские государства, сочли необходимым заключить многочисленные международные соглашения, которые не ратифицированы их законодательными органами. В подобных случаях возможна ссылка на пункт 1 проекта статьи 46 для обоснования недействительности согласия. Речь идет о серьезной проблеме, если учесть, в частности, то, что правовая теория не обеспечивает приемлемого определения исполнительного соглашения, в отличие от договоров, требующих ратификации.

26. Аналогичные случаи могут возникнуть в отношении международных организаций, и поэтому необходимо стремиться обеспечить поддержа-

ние стабильности договоров и свести к минимуму возможность ссылки на недействительность на основании несоблюдения определенных положений при выражении согласия. Поэтому было бы целесообразно принять принцип, предложенный г-ном Ушаковым, согласно которому нарушение должно быть явным для любой международной организации, а не критерий особо важного значения нарушенного правила для соответствующей организации. Последний критерий оказалось бы невозможным применять в тех случаях, в которых соответствующее правило не включено в учредительный акт или в ясно сформулированное решение, принятое основным органом организации.

27. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик), делая обзор дальнейших замечаний по статье 46, отмечает, что в том, что касается согласия государств, члены Комиссии в большинстве выступают за использование формулировки соответствующей статьи Венской конвенции. Вопрос о том, следует ли сохранить в пункте, относящемся к согласию государств, ссылку на международные организации, должен быть решен Редакционным комитетом.

28. Члены Комиссии, по-видимому, считают также, что пункт 4 варианта В не является убедительным. Таким образом, вопрос о государствах-членах и государствах, не являющихся членами, не должен рассматриваться в обсуждаемой статье, а может в лучшем случае быть упомянут в комментарии. В этой связи оратор отмечает, что в случае исключения пункта 4 вариант В будет полностью исключен, поскольку он более не будет отличаться от варианта А.

29. В настоящее время в результате обсуждения складываются две тенденции. Первая заключается в поддержке варианта А, пункт 3 которого может быть рассмотрен Редакционным комитетом в свете формулировки, предложенной г-ном Джаготой (1551-е заседание, пункт 22). Вторая нашла отражение в тексте статьи 46, предложенном г-ном Ушаковым (пункт 15, выше). Те члены Комиссии, которые склонны поддерживать вариант В, предпочли бы, в том что касается согласия организаций, положение, основанное на предложении г-на Ушакова. Это предложение характеризуется опущением ссылки на особо важное значение соответствующих правил организации; таким образом, учитывается нарушение любого соответствующего правила организации. Кроме того, это предложение содержит определение явного нарушения без ссылки на практику в отношении согласия международных организаций. Поскольку каждая из обеих тенденций представлена проектом статьи, Редакционный комитет может сам вынести решение, следует ли Комиссии представить оба варианта или лишь один, упомянув второй вариант в комментарии.

30. Из замечаний г-на Ушакова явствует, что исключение ссылки на особо важное значение

правила обеспечит в принципе лучшую защиту для международных организаций. По сути, существует тенденция считать, что явный характер нарушения является основным критерием и что, в целях упрощения, можно опустить ссылку на особо важное значение нарушенного правила; требование того, чтобы нарушение было явным, обеспечит достаточную защиту для третьих сторон. Развивая эту точку зрения, г-н Ушаков выдвинул идеи более либеральные, чем содержащиеся в варианте А: он утверждает, что не только нарушение, но и правило должно носить явный характер.

31. Другие члены Комиссии, такие как г-н Кастаньеда и г-н Рифаген, придерживаются мнения, что нормы внутреннего права государств, касающиеся компетенции заключать договоры, не являются очевидными. Он полностью согласен с ними, однако не может признать а *confatio*, что правила международных организаций в данном вопросе являются ясными. Учредительные акты международных организаций весьма часто плохо сформулированы, и в Уставе Организации Объединенных Наций, который должен служить образцом, почти ничего не говорится о вопросе о компетенции заключать договоры, за исключением нескольких случаев, в которых упоминаются договоры, которые может заключать Совет Безопасности. В данной сфере все вытекает из практики. В некоторых организациях действительно существуют правила, касающиеся заключения договоров, однако эти правила являются настолько сложными, что постоянно становятся предметом дискуссии, поскольку каждый толкует их по-своему. Если Комиссия отдает предпочтение предложению г-на Ушакова, она, таким образом, примет более далеко идущий текст, чем вариант А, и сможет обеспечить общее согласие лишь в той степени, в какой каждый будет толковать ее по-своему. В конечном счете необходимо, чтобы у Комиссии была возможность выбора между вариантом А с незначительными поправками, текстом, предложенным г-ном Ушаковым, с некоторыми изменениями и данным неизменным текстом, который будет толковаться по-разному.

32. Выступая далее в качестве члена Комиссии и напомнив, что он сам склонен поддержать вариант А, оратор высказывает два замечания. Во-первых, хотя он мог бы без сожаления отказаться от пункта 4 варианта В, следует напомнить, что нормы, изложенные в проекте статей, носят второстепенный характер. При обсуждении статьи 42⁴ было указано, что в последующих статьях будут охвачены все причины недействительности, прекращения или приостановления действия того или иного договора. В пункте 3 статьи 42 содержится оговорка в отношении обязательств, которые могут вытекать из статьи 103 Устава. Оратор говорит, что он все более

убеждается в том, что Редакционный комитет должен будет рассмотреть вопрос о включении в это положение ссылки на соответствующие правила организации в отношении договоров, касающихся отношений между членами. В связи с этим он отказался бы от пункта 4 варианта В при условии наличия оговорки в отношении соответствующих правил организации. Кроме того, в соответствии со статьей 5 Венской конвенции последняя применима к любому договору, являющемуся учредительным актом той или иной международной организации, и к любому договору, принятому в рамках международной организации, без ущерба для любых соответствующих правил организации.

33. Во-вторых, не существует общей обычной практики международных организаций, однако та или иная конкретная организация может иметь свою собственную обычную практику. Практика может уже существовать и представлять определенную ценность, еще не будучи включенной в правила организации и не составляя установившейся практики в соответствии с пунктом 1/ статьи 2 проекта. В связи с этим Редакционный комитет может рассмотреть вопрос о включении в статью 46 ссылки на обычную практику соответствующей организации. Учитывая, что лишь установившаяся практика является частью правил организации, нельзя возражать против того, что такая ссылка является необходимой, так как соответствующие правила организации уже были упомянуты. В любом случае этот вопрос следует рассмотреть в комментариях.

34. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ объявляет, что в случае отсутствия возражений он будет считать, что Комиссия постановляет передать проект статьи 46 в Редакционный комитет для рассмотрения в свете замечаний и предложений, высказанных в ходе прений.

*Предложение принимается*⁵.

СТАТЬЯ 47 (Специальные ограничения правомочия на выражение согласия или уведомления о согласии на обязательность договора)

35. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 47 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 47. Специальные ограничения правомочия на выражение согласия или уведомления о согласии на обязательность договора

1. Если правомочие представителя на выражение согласия государства на обязательность для него конкретного договора обусловлено специальным ограничением, то на несоблюдение представителем такого ограничения нельзя ссылаться как на основание недействительности выраженного им согласия, если только другие участвовавшие в переговорах государства и международные органи-

⁴ См. 1546-е заседание, пункты 11 и далее.

⁵ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

зации не были уведомлены об ограничении до выражения представителем такого согласия.

2. Если правомочие представителя на уведомление о согласии организации на обязательность для нее конкретного договора обусловлено специальным ограничением, то на несоблюдение представителем такого ограничения нельзя ссылаться как на основание недействительности согласия, о котором он уведомил, если только участвовавшим в переговорах государствам и другим организациям не было сообщено об ограничении до уведомления представителем о таком согласии.

36. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что норма, изложенная в проекте 47, является нормой, основанной на здравом смысле, которая не должна вызвать каких-либо трудностей. Она относится к случаям, в которых представитель того или иного государства или той или иной международной организации получает, наряду с полномочиями, инструкции, ограничивающие эти полномочия. Если заинтересованные государства или организации не были уведомлены об этих ограничениях до выражения согласия или уведомления о согласии соответствующего государства или организации, то на них нельзя ссылаться как на основание недействительности выраженного ими согласия.

37. Как и в других положениях проекта, в отношении представителей международных организаций используется слово «уведомление», а не слово «выражение». Соответственно рассматриваемая статья содержит незначительные редакционные изменения, как в заголовке, так и в тексте, по сравнению с соответствующей статьей Венской конвенции, помимо того факта, что она состоит не из одного, а из двух пунктов, посвященных соответственно представителю того или иного государства и представителю той или иной международной организации.

38. С целью учета всех видов договоров, рассматриваемых в проекте статьи, слова «участвовавшим в переговорах государствам и другим организациям» в конце пункта 2 статьи 47 следует заменить словами «в зависимости от обстоятельств, участвовавшим в переговорах государствам или государствам и другим организациям, или другим организациям».

Заседание закрывается в 12 час. 50 мин.

1553-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 15 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Гали, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Кастаньеда, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н

Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швебель, г-н Эвенсен.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (продолжение) (A/CN.4/319)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ 47 (Специальные ограничения правомочия на выражение согласия или уведомления о согласии на обязательность договора) ¹ (окончание)

1. Г-н УШАКОВ сомневается в необходимости пункта 2 проекта статьи 47. В действительности существует большое различие между правомочием на выражение согласия на обязательность договора для государства и правомочием на уведомление о согласии международной организации. Согласно практике государств и в соответствии со статьей 7 Венской конвенции ² и подходящей статьей проекта некоторые лица считаются, без необходимости предъявления полномочий, представляющими свое государство в целях выражения согласия этого государства на обязательность для него договора. В случае международных организаций такое положение не имеет места, так как решение организации об обязательности для нее договора всегда исходит от соответствующего компетентного органа. Поэтому в пункте 4 статьи 7 проекта ³ речь идет не о выражении согласия международной организации, а об уведомлении о таком согласии. Пункт 2 рассматриваемой статьи как раз касается такого уведомления. Г-н Ушаков ставит вопрос о том, каким ограничением может быть обусловлено правомочие на уведомление о согласии, исходящем от некоторого органа организации. Представитель, наделенный таким правомочием, может сделать уведомление или может его не сделать, но он не может сделать его частично или в предварительном порядке. При таких условиях пункт 2 статьи 47 представляется излишним.

2. В связи с рассматриваемым проектом статьи также возникает вопрос об отношении между статьями 7 и 11 проекта. Два пункта, из которых состоит статья 11, озаглавленная «Способы выражения согласия на обязательность договора», относятся соответственно к согласию государства и к согласию международной организации. В выражениях пункта 2 со-

¹ Текст статьи см. 1552-е заседание, пункт 35.

² См. 1546-е заседание, сноска 1.

³ Там же, сноска 4.

гласие международной организации на обязательность для нее договора может быть выражено подписанием договора, обменом документами, образующими договор, актом официального подтверждения, принятием договора, его утверждением, присоединением к нему или любым другим способом, о котором условились. Все эти различные способы, за исключением подписания, подразумевают наличие решения компетентного органа организации. Однако не может быть и речи о наличии у представителя организации правомочия в целях прямого и окончательного подписания договора, обязательного для этой организации. Наличие пункта 2 статьи 47 может быть оправдано только в том случае, если упомянутая возможность предусмотрена в статье 11. Отсюда он делает заключение, что Комиссия, вероятно, ошиблась, предусмотрев в статье 11, что согласие организации на обязательность для нее договора может быть выражено подписанием договора.

3. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) ни в коей мере не разделяет опасений г-на Ушакова. Что касается возможности обусловить специальным ограничением правомочия на уведомление о согласии международной организации, он может привести следующий пример: ознакомившись с текстом договора, постоянный орган некоторого таможенного союза наделяет своего представителя полномочиями на подписание этого договора при условии, что он добьется отказа другой стороны от некоторой оговорки, сделанной в момент принятия текста договора; если этот представитель, не добившись желаемого отказа, подписывает договор, определенно связывая организацию, и если его инструкции оставались секретными, то в этом случае применяется статья 47.

4. Что касается отношения между статьями 7 и 11, то он отмечает, что в пункте 4 статьи 7 Комиссия не стала уточнять способы уведомления, которые могут применяться. Слово «уведомление» было использовано именно по настоянию г-на Ушакова, несмотря на достаточно сильную оппозицию, и не для того, чтобы исключить возможность выражения согласия международной организации на обязательность для нее договора подписанием договора, поскольку это предусматривается пунктом 2 статьи 11, а для того, чтобы установить порядок полномочий международных организаций. Таким образом, своим заявлением г-н Ушаков либо призывает к изменению статей, предшествующих рассматриваемой статье, либо стремится показать, что Комиссия ошиблась, употребив слово «уведомление». В последнем случае целесообразнее примириться с этой ошибкой в интересах логического соответствия с предшествующими статьями.

5. Г-н УШАКОВ отмечает, что понятие уведомления не относится к представителям международных организаций. Например, представитель государства может уведомить о ратификации

этим государством. Если передаваемое им решение подписано главой государства, ему не нужно представлять полномочий, в противном случае он должен их представить. Именно потому, что организация сама по себе не может подписывать своих решений, в статье 7 предусматривается, что представитель уведомляет о согласии организации. В случае государств полномочие на подписание договоров может быть заранее передано отдельному лицу, в то время как в случае международных организаций ее компетентный орган должен принять решение относительно текста договора и только после этого уполномочить представителя подписать его. В соответствии с этим и была отредактирована статья 7. Однако в статье 11 предусматривается, что договор, участником которого является организация, может быть подписан ее представителем. Надо либо привести статью 7 в соответствие со статьей 11, либо, что более правильно, опустить в статье 11 упоминание о подписании договора.

6. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) считает, что замечания г-на Ушакова поднимают вопросы одновременно по форме и по существу. Существенная часть состоит в том, что г-н Ушаков хотел бы запретить международным организациям заключать договоры, которые бы их связывали только на основании подписи их представителя. Однако практика показывает, что многие организации наделяют своих исполнительных секретарей или своих генеральных секретарей полномочиями на подписание соглашений, которые таким образом становятся окончательными. Учитывая эту практику, Комиссия упомянула подписание договора среди способов выражения согласия организации на обязательность для нее договора. Однако г-н Ушаков исключительно в угоду терминологии пытается поставить все под сомнение. В проекте статьи 47 слову «уведомление» было отдано предпочтение перед словом «выражение» лишь по соображениям соответствия с другими уже принятыми статьями. При таких обстоятельствах Комиссия может лишь принять к сведению заявление г-на Ушакова и отложить его рассмотрение до второго чтения проекта статей.

7. Г-н ДЖАГОТА отмечает, что г-н Ушаков, по-видимому, придерживается мнения, что процедуры заключения договоров международной организацией отличаются от процедур заключения договоров государствами в том, что они носят более официальный характер. Другими словами, международной организации разрешается связывать себя договором только в том случае, если компетентный орган этой организации вынесет соответствующее решение, и только после принятия этого решения может быть распространено уведомление о согласии организации на обязательность для нее указанного договора. Отсюда г-н Ушаков делает вывод, что не может быть содержащихся в секрете ограничений уведомления о согласии международной организации быть

связанной определенным договором. Тем не менее необходимо учитывать процедуру, которой обычно следуют государства и международные организации при заключении договоров. В этой связи Специальный докладчик установил в статье 47 вполне оправданное отличие между государствами и международными организациями, указав, что согласие государства выражается, в то время как о согласии международной организации уведомляют.

8. Статья 7 проекта уточняет, кто обладает полномочиями на выражение согласия или на уведомление о согласии на обязательность договора, а в статье 11 рассматривается вопрос о способах выражения согласия или уведомления о согласии. Что касается проекта статьи 47, то он посвящен не вопросу о полномочиях на выражение согласия или уведомления о согласии, а совершенно другому вопросу об ограничениях, которые могут налагаться на эти полномочия. Проект статьи действительно предусматривает, что, если полномочие представителя государства или международной организации обусловлено какими-либо ограничениями, независимо от того, носят они или не носят конфиденциальный характер, они должны быть доведены до сведения другой стороны в переговорах, чтобы государства или организации имели возможность на них сослаться в случае их несоблюдения. Если внимание государства, которое участвует в переговорах, обращено официально или неофициально на тот факт, что представитель другого участвующего государства обязан сделать оговорку в отношении некоторого пункта договора, и если этот представитель, не сделав ее, собирается подписать весь договор в целом, то первое государство обязано удостовериться в том, что представитель другого государства получил тем временем разрешение на подписание договора без внесения оговорки; в противном случае применяются положения пункта 1 статьи 47. То же самое правило применяется *mutatis mutandis* к международным организациям.

9. В проекте совершенно справедливо проводится различие между вопросом о правомочии должностного лица выражать согласие или уведомлять о согласии на обязательность договора — этот вопрос является объектом статей 7 и 11 — и вопросом об ограничениях этого правомочия — этот вопрос рассматривается в проекте статьи 47. Исключительно в редакционных целях в этой статье устанавливается различие между государствами и международными организациями, поскольку одно и то же правило применяется как к международным организациям, так и к государствам. Если мы захотим рассматривать статью 47 просто как некоторый особый аспект вопроса о правомочии на выражение согласия или на уведомление о согласии на обязательность договора, то нам придется пересмотреть всю совокупность статей 7, 11 и 47.

10. Г-н УШАКОВ недоумевает, каким образом можно сделать вывод о том, что пункт 4b статьи 7 позволяет некоему лицу выразить согласие, а не уведомить о согласии организации. Он не может себе представить, чтобы из практики или из других обстоятельств вытекала возможность рассматривать некоторое лицо в качестве представителя организации правомочно выражать согласие этой организации без предоставления ему таких полномочий. Совершенно невозможно считать, что практика позволяет некоторым лицам прямо связывать договорами международные организации, как она это позволяет в случае государств главам государств, главам правительств и министрам иностранных дел. В действительности в пункте 4 статьи 7 речь идет о совершенно ином понятии — о понятии уведомления, которое существует также и в случае государств. Так, например, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций обычно правомочен доводить до сведения решения Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Любое другое лицо должно иметь на это специальное разрешение. Вместе с тем, и в одном и в другом случае речь лишь идет о распространении информации о действиях или решениях. Правомочие на подписание договора может быть дано представителю организации лишь на основании решения компетентного органа, и это никогда не может быть сделано заранее, как это имеет место в случае государств.

11. Г-н ФРЭНСИС говорит, что предложенная Специальным докладчиком формулировка не создает для него никаких трудностей по существу. Вопрос о заключении договора международной организацией должен рассматриваться с учетом положений статьи 6 и других статей, в особенности статей 7 и 11, проекта. Аргументация г-на Ушакова оправдана, когда, например, согласие затрагивает вопрос, требующий от международной организации принятия решения. Однако в силу подпункта j пункта 1 статьи 2 правила организации включают не только решения этой организации, но также и ее твердо установленную практику. Например, твердо установленной практикой Организации Объединенных Наций является создание бюро ПРООН в государствах-членах, и он убежден, что компетентные должностные лица ПРООН обладают правомочием на заключение с такими государствами-членами соглашений, необратимым образом связывающих обе стороны. Правовую эффективность такой твердо установленной практики трудно оспаривать.

12. Если правомочие Генерального секретаря Организации Объединенных Наций обусловлено некоторым ограничением, противоречащим обычной практике в области заключения договоров, и если это ограничение не доведено до сведения другого государства, участвующего в переговорах, то этот вопрос со всей очевидностью подпадает под действие положений статьи 47. На-

против, твердо установленная практика международной организации может быть таковой, что она делает излишним предоставление в каждом отдельном случае соответствующих полномочий в письменной форме. В отношении применения статьи 47 важно особо уточнить, что всякое изменение твердо устанавливаемой практики международной организации должно доводиться до сведения всех заинтересованных сторон. По его мнению, недостаточно одних лишь заверений организации в том, что она уполномочила главу своего секретариата уведомить другие стороны о соответствующем изменении. Она должна убедиться, что эти стороны действительно были проинформированы.

13. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что не так уж трудно представить себе случаи, когда Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций может обладать полномочиями на заключение на основе обмена письмами соглашения, эквивалентного договору, на основании которого будут установлены мероприятия, носящие обязательный характер и касающиеся представителя-резидента в государстве-члене, без какого-либо вмешательства со стороны Генеральной Ассамблеи с целью утверждения этих мероприятий. Вышеуказанные мероприятия могут соответствовать твердо установленным директивам или некоторым предшествующим мероприятиям, уже одобренным компетентным органом Объединенных Наций. Вместе с тем Генеральный секретарь может изменить эти мероприятия, с тем чтобы приспособить их к местным условиям, и наложить ограничения на действия своего представителя, который, представляя его самого, будет одновременно представлять Организацию. Такая практика применяется в случае информационных центров, созданных Объединенными Нациями во многих странах.

14. Даже в более важных случаях всегда ли, например, соглашения, заключенные Организацией Объединенных Наций с принимающими государствами в целях содержания вооруженных сил по поддержанию мира, утверждаются Советом Безопасности или Генеральной Ассамблеей. На практике Генеральный секретарь может ограничиться представлением доклада с описанием его деятельности и его намерений; одобряя этот доклад, компетентный орган тем самым одобряет действия Генерального секретаря. Таким же образом, если командующий силами Объединенных Наций по поддержанию мира заключает соглашение о прекращении огня с целью предоставления своим войскам свободы перемещения, предусмотренной в соответствующей резолюции Совета Безопасности, то по сути дела такое соглашение является договором, даже если окажется, что оно не было предварительно одобрено Объединенными Нациями. Это соглашение будет отражено в донесении командующего Генеральному секретарю, который, в свою очередь,

поставит в известность компетентный орган Организации Объединенных Наций.

15. Совершенно очевидно, что могут возникнуть многочисленные ситуации, в которых окажутся применимыми положения статьи 47, даже в случае Объединенных Наций, уже не говоря о таможенных союзах, на которые ссылается Специальный докладчик. Соответственно он склонен принять проект статьи 47 в целом, и он сомневается в том, что этот текст требует каких-либо редакционных изменений.

16. Г-н СУЧАРИТКУЛ одобряет проект статьи 47, который ему кажется прекрасно согласующимся с практикой. Полномочия представителей часто оказываются ограниченными, например, временем или финансовыми соображениями, и представляется справедливым, что если эти ограничения не доведены до сведения другой договаривающейся стороны, то представляемое государство или организация не могут ссылаться на несоблюдение данных инструкций.

17. Г-н ФЕРОСТА считает, что проект статьи 47 соответствует практике государств и международных организаций. Что касается формы, то, возможно, следовало бы уточнить, что организации, о которых в пункте идет речь, являются «международными» организациями. Кроме того, если Комиссия придет к выводу о том, что слово «выражение» может быть восстановлено в некоторых статьях, то то же самое следует сделать и в пункте 2 рассматриваемой статьи.

18. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ объявляет, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановляет передать статью 47 Редакционному комитету, который при ее изучении учтет результаты обсуждения в Комиссии.

Предложение принимается⁴.

Заседание закрывается в 11 час. 30 мин.

⁴ Рассмотрение текста, предложенного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

1554-е ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник, 18 июня 1979 года, 15 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швобель, г-н Эвенсен.

Право несудоходных видов использования международных водных путей (A/CN.4/320 и Corr.1)

[Пункт 5 повестки дня]

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику г-ну Швобелю представить свой первый доклад по праву несудоходных видов использования международных водных путей (A/CN.4/320).

2. Г-н ШВЕБЕЛЬ отмечает, что он взялся за изучение данного вопроса без предварительного составленного мнения. Как явствует из значительного множества договоров и практики государств, этот вопрос, несмотря на присущие ему явные научно-технические аспекты, имеет чисто юридическое содержание. В проведенном ФАО¹ исследовании значится более 2000 международно-правовых документов по водным ресурсам, датированных с 1805 по 1977 год. Многочисленные международно-правовые проблемы, возникающие в связи с использованием международных водных путей, представляются крайне интересными и существенно важными. Вода в такой же степени необходима для жизни, как и воздух, и также представляет собой универсальное вещество, пересекающее национальные границы на земной поверхности и под ней. Вода особенно подвержена истощению и порче. Спрос на воду будет по-прежнему возрастать по мере бурного роста населения земного шара, расширения индустриализации, урбанизации и сельского хозяйства, а также увеличения потребностей в области энергетических ресурсов. В некоторых случаях запасы воды можно расширить, но в других случаях эти запасы подвергаются загрязнению и истощению или просто становятся непригодными. Без должного регулирования вода может затоплять целые районы, унося тысячи человеческих жизней.

3. Проблемы пресной воды относятся к числу наиболее серьезных проблем, с которыми сталкивается человечество. Вряд ли можно переоценить значение воды для социально-экономического развития всех стран и даже для сохранения самой жизни. Существенно важной проблемой является экологическое регулирование водоснабжения.

4. Проблемы соленой воды, подобно некоторым проблемам, связанным с пресной водой, носят, по существу, международный характер. Проблемы пресной и соленой воды являются взаимосвязанными в результате гидрологического цикла, взаимодействия пресноводных источников и соленой воды, а также в результате того факта, что рыба водится как в пресной, так и в соленой

воде. Дополнительную взаимосвязь можно подтвердить той важной ролью, которую Комиссия играет в работе Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву. Учитывая богатый опыт Комиссии, полученный ею в процессе кодификации и прогрессивного развития права, он надеется, что под ее руководством будет решен вопрос о том, в какой степени нынешний процесс кодификации должен также соответствовать физическим реальностям и в какой степени результат этого процесса должен включать совместные процедуры. Некоторые положения обсуждаемого в настоящее время договора в области морского права могут сыграть важную роль в работе Комиссии по вопросу о несудоходных видах использования международных водных путей.

5. Не все аспекты водных проблем имеют международное значение, поэтому спорным вопросом является даже круг полномочий Комиссии, который в целом не распространяется на проблемы пресной воды. Но чтобы человечество могло эффективно решать сложнейшие проблемы водных ресурсов, международному сообществу необходимо прогрессивно развивать и кодифицировать соответствующие принципы международного права, разрабатывать процедуры его применения и создавать учреждения в целях его постоянного развития. Такая необходимость изложена в рекомендации 92 Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам, состоявшейся в марте 1977 года².

6. В области прогрессивного развития и кодификации принципов международного права, касающегося несудоходных видов использования международных водных путей, Комиссия сталкивается с трудной задачей в силу двух основных причин. Во-первых, наблюдаются различия в топографических и политических особенностях отдельных водных путей, а также в характере их использования. Как отмечается в пункте 65 доклада оратора, это привело к тому, что такие ученые, как Брайерли и Сосер-Холл, стали сомневаться в целесообразности разработки универсального права международных водных путей. Однако не следует преувеличивать различия в характере и видах использования международных водных путей, поскольку им также присущи и общие особенности. Именно Комиссии и предстоит доказать свое мастерство путем установления необходимого равновесия между частным и общим. Эта идея пропагандировалась Комиссией в ее комментариях по данному вопросу, содержащихся в докладе о работе ее двадцать восьмой сессии³. Комиссия, вероятно, обнаружит, что некоторые принципы и процедуры уже существуют, либо находясь в скрытом виде в огромной

¹ *Systematic index of international water resources, treaties, declarations, acts and cases by basin*, Legislative Study No. 15 (Rome, FAO, 1978).

² Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.77.II.A.12), стр. 65.

³ Ежегодник..., 1976 год, том II (часть вторая), стр. 188, документ A/31/10, пункт 164.

совокупности практики государств, либо в некоторой степени образуя часть общепризнанного международного права.

7. Вторая основная проблема, с которой сталкивается Комиссия, заключается в том, что государства осуществляют исключительную юрисдикцию в отношении своих соответствующих территорий, несмотря на то что вода является движущимся веществом. Они считают своей собственностью воды, протекающие по их территории или под ней. Государства проявляют осторожность в связи с совместным использованием своих водных ресурсов, поэтому они неохотно берут на себя международные обязательства в отношении водных ресурсов. Одно время некоторые государства поддерживали даже доктрину Хармона, согласно которой международное право не возлагает на государства никаких обязательств по отношению к другим государствам при осуществлении его суверенной власти в отношении вод, находящихся в пределах действия его юрисдикции, даже если эти воды протекают также по территории другого государства. Однако в настоящее время доктрина Хармона признается устаревшей. Эта доктрина, например, была отвергнута Соединенными Штатами Америки, а один из ведущих современных юристов по международному публичному праву подверг ее серьезной критике, подчеркнув при этом, что владение территорией не только предоставляет права, но и накладывает обязательства на определенное государство⁴. Этот специалист отстаивает принципы общности интересов и равноправия всех прибрежных государств, а также обязанности государства предотвращать нанесение значительного ущерба правам соседнего государства; вместе с другими современными авторитетными экспертами он отстаивает идею справедливого распределения благ, связанных с использованием водами международных водных путей⁵.

8. Поскольку государства болезненно реагируют на все вопросы, связанные с находящимися на их территориях водными ресурсами, то перед Комиссией возник труднейший вопрос в рамках второй основной проблемы: как определить международный водный путь. Из ответов на вопросник⁶ Комиссии видно, что значительное число государств отвергает географическую концепцию международного водосборного бассейна в качестве соответствующей основы для исследования Комиссии, несмотря на факт взаимодействия вод водосборного бассейна, состоящих из грунтовых и поверхностных вод, и несмотря на то, что, как подтверждается различными современ-

ными договорами, значительное число других государств и таких организаций, как Институт международного права и Ассоциация международного права, рассматривает водосборный бассейн в качестве основной особенности международного водного пути. Рассматриваемые государства используют определение международной реки, содержащееся в Заключительном акте Венского конгресса, «как реки, отделяющей или пересекающей территорию двух или более государств»⁷. Однако это определение, составленное в тот период, когда знания о гидрологическом цикле были весьма примитивными, не отвечает нынешним потребностям международного сообщества в условиях беспрецедентного увеличения спроса на пресную воду. Если Комиссия будет пользоваться таким устаревшим понятием, то ее задача будет заключаться скорее в регрессивном, а не прогрессивном развитии права.

9. Дополнительный аргумент, выдвигаемый целым рядом государств, в том числе крупными прибрежными странами, заключается в том, что в значительной части договоров, связанных в основном, по общему признанию, с одним судоходством, международные водные пути рассматриваются в качестве прилегающих или последовательных международных рек. Прибегая снова к определению, которое выработано Венским конгрессом и которое согласно их заявлениям является общепризнанным в качестве обычного международного права, эти государства утверждают, что в результате принятия концепции водосборного бассейна обширные участки водной и земной поверхности будут или могут быть подчинены таким международным обязательствам, которые являются не только неприемлемыми, но и излишними. Государству, на территории которого протекают воды из иностранной части бассейна, необходимо только пожаловаться, если на количестве или качестве этих вод действительно отрицательно сказывается деятельность в этой части бассейна; нет уверенности для предположения, что дела обстоят именно так. В обоснование этого утверждения приводилось арбитражное решение в связи с озером Ланукс⁸.

10. Помимо позиций государств, которые либо придерживаются, либо отвергают концепцию водосборного бассейна, имеются и другие подходы. Один из таких подходов заключается в том, что международный водный путь необходимо определить в качестве речного бассейна, то есть реки и ее притоков, исключая грунтовые воды. Эта концепция имеет много положительных сторон, поэтому ее поддержал предыдущий Специальный докладчик по данному вопросу⁹. Другой подход, вытекающий из ответов таких стран, как Канада, Франция и Никарагуа, заклю-

⁴ E. Jiménez de Aréchaga, «International law in the past third of a century», *Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye*, 1978—1 (Alphen aan den Rijn, Sijthoff and Noordhoff, 1979), vol. 159, p. 192.

⁵ *Ibid.*, pp. 192—200.

⁶ См. *Ежегодник...*, 1976 год, том II (часть первая), стр. 189 и далее, документ A/CN.4/294 и Add.1; и *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть первая), документ A/CN.4/314.

⁷ См. A/CN.4/320, пункт 43.

⁸ См. United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*, vol. XII (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.63.V.3), стр. 281 англ. текста.

⁹ См. A/CN.4/320, пункт 47.

чается в принятии прилегающих и последовательных международных рек в качестве минимального рабочего определения, но с последующим дополнением его концепцией водосборного бассейна в отношении конкретных видов использования или злоупотребления водными ресурсами. Еще один подход связан с теми государствами, которые возражают против принятия каких-либо обязательств в связи с определением, основанным на концепции водосборного бассейна, но не обязательно возражают против идеи принятия добровольных обязательств в связи с конкретным водосборным бассейном. Этот убедительный аргумент хорошо изложен в ответе Польши, и Комиссия может счесть целесообразным продолжить обсуждение этого вопроса. Проект статей составлен таким образом, что этим подходом можно воспользоваться.

11. Дополнительная возможность заключается в обеспечении государств своего рода рамочной конвенцией, расширенной за счет дополнительных статей, предусматривающих возможные методы принятия конкретных обязательств в связи с отдельным водным путем, а также в сочетании этой конвенции с факультативной статьей, посредством которой государства — участники конвенции могут на основе данной конвенции определить рамки их обязательств в связи с данным водным путем посредством ссылки либо на последовательные и прилегающие международные реки, озера и каналы, либо на вышеперечисленные плюс их притоки, включая притоки, полностью находящиеся на территории одного государства, то есть на речную систему, либо на вышеперечисленные плюс грунтовые воды, то есть на водосборный бассейн. Во всяком случае Комиссии необходимо полностью учесть различия во мнениях государств в отношении принятия концепции водосборного бассейна в качестве основы для ее работы, которая вряд ли окажется полезной, если ее проект статей не сможет получить поддержки значительного числа прибрежных стран. Имеется много других областей, в отношении которых можно добиться согласия государств, поэтому в любом случае на своей двадцать восьмой сессии Комиссия постановила продолжить свою работу, не затрагивая на начальном этапе вопрос определения¹⁰.

12. Возвращаясь к самому докладу, оратор отмечает, что цель этого доклада заключается в определении концептуальной и методологической основы для рассмотрения права несудоходных видов использования международных водных путей, а не в рассмотрении самой сути права, за исключением случаев, связанных с проектом статей 8, 9 и 10, касающихся вопросов информации. Если основной подход доклада и проекта статей будет признан приемлемым, то можно будет разработать дополнительные статьи по кате-

гориям использования международных водных путей; по таким специализированным вопросам, как борьба с наводнениями, эрозия почвы, седиментация, интрузия соленой воды, прибрежные воды, устья и, возможно, засуха; по взаимосвязи и предоставлению приоритета отдельным категориям использования; по взаимосвязи между такими вопросами, как борьба с наводнениями и эрозия почвы, а также между такими конкретными видами использования, как орошение, и такими специализированными проблемами, как эрозия почвы. Проблему загрязнения можно рассмотреть в связи с отдельными видами использования. Общие принципы права международных водных путей должны занять должное место, но за них лучше приняться и определить посредством предварительного рассмотрения отдельных видов использования.

13. Комиссии необходимо будет рассмотреть организационные мероприятия по совместному использованию международных водных путей, а также положения об урегулировании споров. Что касается организационных мероприятий, то Комиссия может запросить мнение заинтересованных учреждений; для пользы дела можно также запросить отзывы на настоящий и последующие доклады у таких органов, как международные речные комиссии, у таких международных банков, как Всемирный банк и Межамериканский банк развития, а также у таких региональных учреждений и органов системы Организации Объединенных Наций, как ПРООН, ЭСКАТО, ЕЭК, ОЭСР. Под эгидой одного фонда Канады в настоящее время готовится перспективное исследование о деятельности международных речных комиссий.

14. Касаясь главы I своего доклада, автор отмечает, что на заре человеческой истории цивилизация зарождалась вокруг таких рек, как Нил, Тигр, Евфрат, Инд, Желтая река, а также рек Персии и Перу. Древние цивилизации разработали важные области водного права, поэтому прилагаемые ими большие усилия по регулированию рек были весьма успешными. Однако лишь в XVII и XVIII веках человек начал осмысливать гидрологический цикл, но для полного объяснения взаимосвязи между поверхностными и грунтовыми водами, а также единства водосборного бассейна потребовались достижения современной науки.

15. В пунктах 8—31 доклада излагаются некоторые особые свойства воды в целях обеспечения основы для научного подхода Комиссии к проблемам международных водных путей. В проекте статей необходимо учесть физические особенности пресной воды, поэтому Комиссии необходимо знать, какими эти особенности являются. Комиссии потребуются технические консультации, но что касается основных факторов, то они изложены в классических трудах, выдержки из которых приводятся в этом докладе.

¹⁰ Ежегодник..., 1976 год, том II (часть вторая), стр. 188, документ A/31/10, пункт 164.

16. В пунктах 9—21 доклада приводится краткая характеристика гидрологического цикла, являющегося таким процессом, посредством которого вода, выпавшая из атмосферы на землю, в конечном итоге возвращается в атмосферу, а затем снова выпадает в виде атмосферных осадков. Согласно научной оценке, атмосферная вода выпадает на землю и вновь замещается через каждые 12 дней. Сохранение этого цикла обеспечивается различными путями: вода может впитываться в землю, в конечном счете смешиваясь с грунтовыми водами; она может направляться в водные пути либо реки или может возвращаться в атмосферу посредством транспирации или испарения. Вода пополняет запасы поверхностных потоков и озер путем выпадения непосредственно на поверхность водного пути, путем прохождения через почву или по ее поверхности в качестве стока или путем просачивания в землю до тех пор, пока она не достигнет грунтовых вод. Грунтовые воды находятся под поверхностью земли, задерживаются слоями водонепроницаемой горной породы и, как правило, характеризуются медленным и постоянным стоком. Роль водного пути в гидрологическом цикле заключается в направлении поверхностных и грунтовых вод в море. Поверхностный сток является наиболее видимым источником влаги для водных путей, но он является менее важным, чем грунтовые воды, которые, по мнению специалистов, составляют примерно 97 процентов водных ресурсов земли, исключая океаны, ледниковый покров и ледники; если бы прекратилось течение грунтовых вод, то резко сократилось бы количество воды в водных путях. Как объясняется далее в пункте 21 доклада, имеются неопровержимые доводы в пользу включения грунтовых, а также поверхностных вод в комплекс вопросов о международных водных путях, которые Комиссии предстоит рассмотреть. Процессы испарения, аэрации, просачивания и смешения позволяют воде самоочищаться. Отдельные водные пути характеризуются различиями в количестве, качестве и расходе воды, а также в зарегистрированных сезонных колебаниях.

17. Международные последствия физических особенностей водных ресурсов являются очевидными: во-первых, водные ресурсы не ограничены пределами политических границ, а, во-вторых, их природа такова, что они передают изменения, происходящие в одном районе, в другой район. В одном из исследований Организации Объединенных Наций¹¹ уже охарактеризована степень транснационального воздействия водных ресурсов.

¹¹ См. United Nations, *Management of international water resources: institutional and legal aspects — Report of the Panel of Experts on the legal and institutional aspects of international water resources development*, Natural Resources/Water Series No. 1 (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.75.II.A.2), пункты 21 и 22.

18. Таким образом, в главе I доклада излагается научная основа для рассмотрения Комиссией данного вопроса; в ней подчеркивается первый основной вопрос, требующий внимания Комиссии, а именно сопоставление общих особенностей и различий водных путей, но в то же время в ней устанавливается логическая связь со второй проблемой, касающейся определения международного водного пути. В главе II конкретно рассматривается эта вторая проблема. Государствам был задан вопрос о том, является ли концепция водосборного бассейна подходящей основой для исследования правовых аспектов проблемы использования и загрязнения международных водных путей. Хотя гидрологические факторы, как представляется, подтверждают концепцию водосборного бассейна, некоторые государства придерживаются классической точки зрения о том, что международным водным путем является река, отделяющая или пересекающая территорию двух или более государств. В более совершенном варианте концепции водосборного бассейна, известном специалистам в области водных ресурсов в качестве «международной системы водных ресурсов», учитывается основополагающая роль воды в атмосфере и воздействие деятельности по изменению погодных условий на запасы воды. Однако доклад не рассматривает этого понятия и не выходит за рамки предыдущего рассмотрения Комиссией данного вопроса.

19. Оратору интересно будет услышать мнения членов Комиссии о том, насколько правильно ему удалось представить научные факты, касающиеся пределов международных водных путей, а также их мнения о представленном Афро-азиатским консультативно-правовым комитетом проекте предложений по праву международных рек¹². Эти предложения включают определение международного водосборного бассейна, приведенное в Хельсинкских правилах использования вод международных рек, которые были приняты Ассоциацией международного права в 1966 году¹³. Он надеется, что Комиссия придаст должное значение Хельсинкским правилам, в которых применяется концепция международного водосборного бассейна, а также принципам неморского использования международных вод, которые были сформулированы в 1961 году Институтом международного права¹⁴. Он также надеется, что Комиссия полностью учтет тот факт, что концепция водосборного бассейна находит свое отражение в целом ряде современных договоров, включая Амазонский пакт¹⁵, Акт о судоходстве и эконо-

¹² Asian-African Legal Consultative Committee, *Report of the Twelfth Session, held in Colombo from 18th to 27th January 1971* (New Delhi, 1972), chap. IV, annex 1.

¹³ См. A/CN.4/320, пункт 34.

¹⁴ *Annuaire de l'Institut de droit international*, 1961 (Basel), vol. 49, t. II, pp. 370—372.

¹⁵ American Society of International Law, *International Legal Materials* (Washington, D.C.), vol. XVII, No. 5, September 1978, p. 1045.

мическом сотрудничестве между государствами бассейна реки Нигер¹⁶, Конвенцию об общем освоении бассейна реки Сенегал¹⁷, Договор о бассейне реки Меконг¹⁸ и Соглашение между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой о реках Аргунь и Амур¹⁹.

20. Однако на основе вышесказанного, а также пункта 55 его доклада Комиссия сможет сделать вывод о том, что оратор считает своим долгом учесть в данном проекте не только наметившиеся расхождения во мнениях государств относительно того, что составляет международный водный путь, но и принятое на ее двадцать восьмой сессии решение Комиссии отложить рассмотрение вопроса об определении международного водного пути²⁰.

21. Однако в силу целого ряда причин Специальный докладчик счел целесообразным в главе II доклада предложить начальную статью о сфере применения данного проекта. Прежде всего, история данного вопроса свидетельствует о наличии существенных разногласий между государствами в связи с этой проблемой. Поэтому неспособность установить общую отправную точку мешает разработке логически последовательного свода норм. Во-вторых, заявление с указанием на то, что данный проект статей касается международных водных путей, даже хотя этот термин и не определен, внесет ясность, что сюда не относятся дождевые осадки, вода в океане, тучи, туман, снег и град. В формулировке пункта 1 начальной статьи учитываются некоторые проблемы, касающиеся пользования водами, и, таким образом, принимаются во внимание те предложения, которые государства сделали в своих ответах на вопросник Комиссии. Эта статья может быть расширена в целях рассмотрения воздействия международных водных путей на устья и прибрежные воды, возможно, по схеме, совместимой с близкими положениями статей о морском праве. Как объясняется в пункте 59 доклада, статья о сфере применения проекта необходима также для установления того, что именно факт пользования водами, а не личность пользователя приведет этот проект статей в действие.

22. В начале статьи 1 проекта делается ссылка на «пользование», а не на «несудоходные виды использования», поскольку в ответах государств на вопросник Комиссии правильно отмечалось, что данный проект статей должен учитывать

¹⁶ См. A/CN.4/320, пункт 98.

¹⁷ См. *Ежегодник...*, 1976 год, том II (часть первая), стр. 240, документ A/CN.4/295, пункт 33.

¹⁸ *Legislative texts and treaty provisions concerning the utilization of international rivers for other purposes than navigation* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.63.V.4), стр. 267 англ. текста.

¹⁹ *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*, вып. XVII и XVIII, М., 1960, стр. 634 и далее.

²⁰ См. *Ежегодник...*, 1976 год, том II (часть вторая), стр. 188, документ A/31/10, пункт 164.

взаимодействие между несудоходными видами использования и судоходством. Потребности судоходства отражаются на количестве и качестве воды, предназначенной для других видов использования. Это является основой для формулировки пункта 2 данной статьи.

23. В главе III доклада как раз рассматривается первая основная проблема Комиссии — разнообразие водных путей. Общие нормы, разработанные в этой связи Институтом международного права и Ассоциацией международного права, в частности Хельсинкские правила, разработанные Ассоциацией, обсуждаются в докладе (пункты 66—84) с единственной на данном этапе целью — показать, что такие общие нормы могут потребовать дополнения в виде новых форм, разработанных применительно к отдельным водным путям. На своей двадцать восьмой сессии²¹ Комиссия уже признала этот факт.

24. В пунктах 86 и далее настоящего доклада рассматривается первый современный договор, которым проводится в жизнь концепция развития водного пути на основе бассейна, а именно Конвенция о производстве гидравлической энергии, затрагивающей более чем одно государство (Женева, 1923 год)²². Эта Конвенция представляет особый интерес в том смысле, что в ней предусматривается заключение государствами, заинтересованными в совместном производстве гидравлической энергии, соглашений, которые можно назвать соглашениями об «осуществлении», или «пользователе», или «системе» и которые придадут конкретный характер общим обязательствам по данной Конвенции путем рассмотрения любого из восьми вопросов, перечисленных в пункте 89 доклада оратора. Подобные дополнительные соглашения о конкретных видах использования отдельных водных путей можно расширить за счет статей с изложением общих принципов в отношении международных водных путей. С учетом этого — иными словами, объединяя подход Хельсинкских правил и принципы, сформулированные Институтом международного права, с подходом Женевской конвенции 1923 года и не предвещая окончательного разрешения вопроса о том, что является предметом обсуждения: реки, речные системы или водосборные бассейны — он предлагает проект статей 2, 3 и 4 в качестве решения основной проблемы разнообразия водных путей.

25. В статье 2 слова «государство, которое предоставляет воды для пользования» означают государство, воды которого пополняют международный водный путь; остается без ответа вопрос о том, пополняется ли этот водный путь одним поверхностными водами или также грунтовыми водами; не решен также вопрос о том, какие поверхностные воды имеются в виду, то есть

²¹ Там же.

²² См. A/CN.4/320, пункт 86.

относятся ли сюда притоки. Часть фразы «государство.., которое использует воды международного водного пути» также относится к гражданам — отдельным и юридическим субъектам — этого государства. Выражение «государство-пользователь» было принято потому, что оно является нейтральным с точки зрения сферы применения данного проекта статей, хотя, по мнению оратора, более удачным термином был бы термин «государство системы», указывающий на то, что государства, заинтересованные в определенном международном водном пути, составляют взаимосвязанную систему. А еще более удачным может быть выражение «государство бассейна», которое вызывает смысловые ассоциации с регулированием международных водных путей в рамках бассейна. Он надеется, что Комиссия рассмотрит возможности употребления одного из двух последних терминов.

26. В статье 3 содержится конкретное предложение, которое по мере необходимости может быть дополнено в последующих статьях проекта.

27. В статье 4, которая не претендует на полноту изложения, содержатся три основополагающих определения. Государство может стать участником настоящих статей при том условии, что оно является государством-пользователем, как определено в статье 2, но сюда не относятся те государства, которые не представляют вод для пользования и не используют воды международного водного пути. Поэтому формулировку статьи 2, возможно, необходимо изменить следующим образом:

«Для целей настоящих статей государство, которое предоставляет воды для пользования или использует воды, либо государство, которое предоставляет воды для пользования и которое использует воды международного водного пути, рассматривается в качестве государства-пользователя».

Но даже при использовании этой более широкой формулировки государства, которые не предоставляют вод для пользования и не используют воды какого-либо водного пути, не могут быть участниками настоящих статей, а представляется целесообразным, чтобы средству кодификации была оказана поддержка со стороны максимального числа членов международного сообщества. Из статьи 4 явствует, что «договаривающееся государство» без принуждения соблюдает общие и остаточные принципы и процедуры настоящих статей, не принимая более конкретных обязательств, предусматриваемых соглашением о пользовании.

28. Что касается термина «государство-сопользователь», то при нормальных обстоятельствах можно предположить, что если государство-пользователь готово стать участником соглашения о пользовании, как определяется в данном проекте статей, то оно готово также стать участником

настоящих статей, поскольку определенное соглашение в соответствии с настоящими статьями может рассматриваться соглашением о пользовании только в том случае, если оно связано с этими статьями, как предусматривается в статье 5 проекта. Но если государство-пользователь предпочитает действовать лишь в рамках конкретного международного водного пути, то не должно быть никаких возражений против того, чтобы оно стало участником определенного соглашения о пользовании при выполнении двух условий: во-первых, необходимо также наличие одного или нескольких других государств-пользователей, являющихся участниками как настоящих статей, так и соглашения о пользовании, в целях обеспечения того, чтобы данное соглашение о пользовании не выходило за рамки настоящих статей; во-вторых, данное соглашение о пользовании должно усиливать основные, даже «остаточные» принципы настоящих статей, предусматривая их применимость к отношениям между участниками соглашения о пользовании в связи с вопросами, не регулируемые данным соглашением о пользовании. Проект статей 5 и 6 был подготовлен в свете этих соображений, которые более подробно объясняются в пунктах 92—101 этого доклада. Возможно, в конце пункта 1 статьи 6, *ex abundanti cautela*, следует добавить слова «что будет в нем предусмотрено».

29. Учитывая намерение Комиссии придать сфере применения данного проекта статей остаточный характер, в пункте 2 статьи 6 участникам соглашения о пользовании предоставляется возможность приводить предусматриваемые настоящими статьями обязательства в соответствие с их конкретными целями. Иной подход может заключаться в том, чтобы добиваться от участников соглашения о пользовании, находящегося в пределах настоящих статей, применения принципов и процедур, изложенных в настоящих статьях, независимо от положений данного соглашения о пользовании. Хотя этот подход может усилить действие настоящих статей, он может также отбить у государств-пользователей желание заключать соглашения о пользовании в рамках настоящих статей, поскольку в результате этого подхода на государства, не являющиеся участниками настоящих статей, будут налагаться обязательства, на которые они не давали своего согласия в договорном порядке. Для государств отдельного международного водного пути может быть даже целесообразным заключить договор на таких условиях, которые не соответствуют условиям настоящих статей. Комиссия сможет убедиться в том, что данный проект не лишает такие государства возможности заключать соглашения о пользовании, не связанные с настоящими статьями. Все, что подразумевается в статье 5, сводится к тому, что для целей настоящих статей соглашение о пользовании не будет таковым, если по крайней мере один участник этого соглашения не будет одновременно участником настоя-

щих статей: согласно статье 6 такое соглашение о пользовании возможно лишь в пределах настоящих статей, которые затем в остаточном порядке будут распространяться на государства-пользователей, не являющиеся участниками настоящих статей. Естественно, настоящие статьи не будут применяться к соглашениям о пользовании, которые заключены полностью за пределами их сферы применения.

30. Статья 7 является последней из статей, касающихся вопроса о согласовании необходимости выработки общих принципов с разнообразием водных путей. На первый взгляд может показаться неожиданным незначительное число требуемых ратификаций или присоединений, поскольку вполне справедливо, что в конвенциях, основанных на утвержденных Комиссией проектах статей, обычно предусматривалось значительное число ратификаций или присоединений для их вступления в силу. Но цель статьи 7 заключается в том, чтобы добиться вступления настоящих статей в силу применительно к отдельному международному водному пути, а не ко всем участникам настоящих статей. При рассмотрении вопроса о международных водных путях Комиссии приходится иметь дело с новым положением: она добивается установления международных принципов и процедур остаточного характера, которые для обеспечения их эффективности должны действовать в пределах каждого отдельного водного пути. При таком положении дел количественная гарантия не является пригодным принципом; настоящие статьи — даже в случае присоединения к ним 35 или более государств — без такого положения, которое содержится в статье 7, не будут иметь практического значения, если в числе этих 35 присоединившихся государств не будет двух таких государств, которые находились бы на одном и том же водном пути. По существу такая судьба постигла упоминаемую ранее Женевскую конвенцию 1923 года. Более полно он объяснил это положение в пунктах 102—109 данного доклада. В частности, содержание пунктов 108 и 109, по его мнению, оправдывает принятие такого незначительного числа государств, как два, для целей приведения в силу настоящих статей применительно к отдельному водному пути. Как отмечается в пункте 110, можно отложить рассмотрение вопроса о том, должно ли в настоящих статьях содержаться положение об их общем вступлении в силу.

31. Теперь у Комиссии может создаться впечатление, что данный проект построен таким образом, чтобы окольными путями добиться того, чего он избегает достигнуть прямым путем, иными словами, что в нем фактически принимается концепция водосборного бассейна, несмотря на то, что в докладе Специального докладчика и в его теперешнем представлении не признается этого. Возражая против такого обвинения, оратор заявляет, что он не обязательно является виновным. Во-первых, в данном проекте статей речь идет не

о бассейнах, а о международных водных путях. Во-вторых, гидрологи, инженеры и консультанты, которые готовили исследование для Секретариата Организации Объединенных Наций, излагают эту проблему понятиями водосборного бассейна; таким образом, ссылки на их работу едва ли смогут избежать этой концепции. В-третьих, он не считает, что в теперешнем виде настоящие статьи требуют от Комиссии какого-либо обязательства в отношении одного или другого подхода.

32. Это заключение можно наглядно объяснить на примере использования факультативной статьи — возможности, о которой он упоминал ранее. Предположим, что водами водосборного бассейна, через который протекает река Извилистая, пользуются три государства. Государство А пересекается отрезком этой реки. Государство В пересекается отрезком этой реки, а также ее притоками, которые полностью расположены на территории государства В. Государство С является источником грунтовых вод, которые просачиваются в государство В, а затем через притоки попадают в саму реку Извилистая. Государство С не является прибрежным государством, но оно является государством бассейна. Если все государства А, В и С примут концепцию водосборного бассейна и все захотят стать участниками настоящих статей или соглашения о пользовании, заключаемого в рамках настоящих статей, или настоящих статей и соглашения о пользовании, то все эти три государства могут сделать выбор в этом отношении. Настоящие статьи вступят в силу применительно к реке Извилистая и будут обязательными для государств А, В и С. В качестве альтернативы, если государство А, приняв концепцию прибрежного государства, пожелает на основе настоящих статей и соглашения о пользовании вступить в сношение с государством В, то оно может уточнить в соответствии с факультативной статьёй, что оно считает настоящие статьи и данное соглашение о пользовании применимыми лишь к прибрежным государствам. После такого уточнения государство А будет осуществлять связи лишь с государством В, если государство В примет условия государства А. В этом случае между государствами А и В установятся договорные отношения, и в соответствии со статьей 7 настоящие статьи вступят в силу для этих двух государств в отношении водного пути реки Извилистая. Но государство В может применить по отношению к государству С тот же подход, что и по отношению к государству А, то есть концепцию прибрежного государства. В этом случае государство С не может стать участником настоящих статей в отношении этого водного пути. С другой стороны, государство В может заявить, что оно желает распространить действие настоящих статей, а также другого соглашения о пользовании на его отношения с государством С — соседним государством бассейна, не являющимся прибрежным государством, — и на притоки и грунтовые воды, втекающие в ре-

ку Извилистая. В этом случае между государствами В и С установятся договорные отношения.

33. По мнению оратора, такой подход соответствует Венской конвенции о праве международных договоров²³, но в связи с ним могут возникнуть значительные сложности, поэтому он требует тщательного рассмотрения. Это не означает, что он обязательно рекомендует применять факультативную статью, он просто желает подчеркнуть, что данный проект не предрешает вопроса о том, какой определенный подход следует принять.

34. Глава IV данного доклада является важной в силу двух причин. Во-первых, в предлагаемом в ней проекте статей излагаются основные обязательства, которые предстоит принять договаривающимся государствам, а также предусматривается, что эти государства могут взять дополнительные обязательства посредством заключения соглашений о пользовании. Кроме того, государствам-сопользователям предоставляется возможность брать на себя обязательства в отношении сбора и обмена данными. Предполагается, что обязательства такого рода, принимаемые государством-сопользователем и договаривающимся государством в соответствии с соглашением о пользовании, могут быть шире, чем минимальные обязательства по сбору и обмену данными, которые принимаются договаривающимся государством в соответствии с настоящими статьями. Во-вторых, обязательства, предусмотренные в статьях 8—10, касаются существа вопроса; как подчеркивалось в пункте 31 уже цитированного исследования Организации Объединенных Наций²⁴, сбор и обмен данными имеет крайне важное значение для регулирования международных водных путей, а также для любого конструктивного развития международного права по данному вопросу.

35. В значительном числе договоров в качестве основных принципов содержатся положения о сборе и обмене информацией о водных ресурсах. Такие комиссии, созданные для регулирования режима рек, как Дунайская комиссия, Международная комиссия по Рейну и Международная объединенная комиссия, учрежденная Канадой и Соединенными Штатами Америки, выполняют крайне необходимую функцию по сбору данных. В международных декларациях и резолюциях также признается значение сбора данных; к числу таких международных документов относятся: Хартия экономических прав и обязанностей государств²⁵ (статья 3), рекомендация 51, принятая Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека сре-

ды²⁶, и Проект принципов поведения в области окружающей среды для руководства государств в вопросах охраны и гармоничного использования природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами, утвержденный в 1978 году Межправительственной рабочей группой экспертов по природным ресурсам, принадлежащим двум или нескольким государствам²⁷. Практика государств и декларации международных органов, поддерживающих обязательство по сбору и обмену данными о международных водных путях, являются настолько важными, что некоторые наблюдатели пришли к выводу о том, что уже появилась норма международного права по этому вопросу. Соответствующее заявление в этой связи было недавно сделано Юрисконсультom г-ном Эриком Сеем в одной из статей, написанных им в личном качестве²⁸.

36. В статьях 8 и 9 учитывается возможное различие в количестве данных, необходимых для отдельного водного пути. В пункте 1 статьи 8 излагается требование о сборе минимального количества информации, общей для всех водных путей. Однако ввиду ограниченности технических знаний по данному вопросу он не пытался точно определить элементы, связанные со сбором данных. Пропуски, оставленные в статье 8, а также пропуск в пункте 1 статьи 9 свидетельствуют о том, что Комиссия нуждается в консультациях экспертов. Поскольку между соответствующими методами и ресурсами стран наблюдаются определенные различия, то в пункте 2 статьи 8 предусматривается лишь обязательство в отношении приложения «необходимых усилий». Пункт 3 связан со специальной проблемой, возникающей в связи с качеством воды и другой информацией. Необходимость информации о качестве воды является бесспорной, однако можно подвергнуть сомнению целесообразность установления единообразных, универсальных требований. Сбор данных о качестве воды является таким вопросом, в связи с которым соглашения о пользовании могут приобрести особое значение.

37. В пункте 1 статьи 9 рассматривается вопрос о совместном использовании данных, собираемых в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 8. Возможно, необходимо обязать договаривающиеся государства разделить необходимый минимум информации не только с другими договаривающимися государствами и государствами-сопользователями, но и с недоговаривающимися государ-

²³ Текст Конвенции, далее именуемой «Венская конвенция», см. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), стр. 287 англ. текста.

²⁴ См. сноску 11, выше.

²⁵ Резолюция 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи.

²⁶ Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей человека среде, Стокгольм, 5—16 июня 1972 года (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.73.II.A.14), часть первая, глава II, раздел В.

²⁷ UNEP/GC.6/17.

²⁸ E. Suy, «Innovations in international law-making processes», *The International Law and Policy of Human Welfare*, eds. R. St. John MacDonald, D.M. Johnston and G.L. Morris (Alphen aan den Rijn, Sijthoff and Noordhoff, 1978), p. 187.

ствами или даже со всеми государствами, которые пожелают ее получить; однако подобное положение, наряду с другими недостатками, будет в меньшей степени стимулировать государства к присоединению к настоящим статьям и соглашениям о пользовании, заключаемым в рамках настоящих статей.

38. В пункте 2 статьи 9 содержится требование о приложении лишь «необходимых усилий» в связи с предоставлением других данных, помимо необходимого минимума информации. Комиссия заметит, что в этой статье налагается обязательство на государства-сопользователи, даже несмотря на то, что, согласно определению, они не являются участниками настоящих статей. Очевидно, представляется целесообразным, чтобы на государство-сопользователь также налагалось обязательство прилагать «необходимые усилия» по сбору и предоставлению данных, предусмотренных в пункте 1 статьи 8. Оратор предусматривает, что государства-сопользователи будут принимать оба обязательства посредством заключения соглашений о пользовании в рамках настоящих статей. Возможно, статьи о сборе и обмене данными и расходах следует переработать в целях более четкого отражения создавшегося положения. Статья 10, в которой рассматривается вопрос о расходах по сбору и обмену данными, не требует разъяснений.

39. Ясно, что на данном этапе Комиссия не может еще рассмотреть данный проект статей, тем более завершить работу по нему. Однако он надеется, что Комиссия сможет указать на то, является ли, по ее мнению, его основной подход рациональным. Он также надеется на возможность обсудить настоящие статьи в ходе данной сессии, но несколько позже.

40. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ отдает должное Специальному докладчику за его первый доклад, в котором рассматривается сложный вопрос, требующий значительного внимания со стороны Комиссии. Он надеется, что даже на данном этапе члены Комиссии смогут высказать основные мнения по данному вопросу и таким образом окажут содействие Специальному докладчику в его дальнейшей работе в связи с этой проблемой.

41. Г-н РИФАГЕН отмечает, что из четкого и обстоятельного доклада Специального докладчика становится вполне очевидным тот факт, что, как показывают современные научные знания и технология, международная система разделения всей окружающей среды на отдельные так называемые территории, состоящие из отдельных так называемых суверенных государств, является во многих отношениях устаревшей. Это особенно относится к проблеме воды, будь то морской или пресной воды, поскольку она находится в постоянном движении. Можно с уверенностью заявить, что для территорий государств характерно то, что они не являются своего рода водонепрони-

цаемыми отсеками. Даже вопрос передвижения людей через международные границы — хотя государства могут физически помешать ему или принять законодательные меры против него путем осуществления своих суверенных прав — в соответствии с международным правом считается предметом таких норм, которые устанавливают предел подобным ограничениям. Эти нормы вытекают из принципа *jus communicationis*, который — хотя некоторые авторы заявляют, что он не существует, — тем не менее лежит в основе многих норм позитивного международного права. Поэтому системе межгосударственного раздела мира следует дополнить системой межгосударственного сотрудничества по вопросам естественных каналов связи, рассматриваемых ими в качестве части их самостоятельной территории.

42. Разработка свода норм международного права, касающихся несудоходных видов использования международных водных путей, является необходимой, поскольку в таких нормах предполагаются ограничения на суверенитет государств в отношении их территорий. Многие соответствующие нормы международного права уже существуют, хотя в основном они являются договорными нормами, главным образом касающимися конкретных видов использования отдельных видов водных путей, точнее судоходных видов использования водных путей, называемых международными реками. Однако в рассматриваемых конвенциях содержатся нормы о других видах использования территорий, таких как строительство мостов через рассматриваемую реку полностью на территории одного государства или строительство других сооружений, которые не входят в рассматриваемую реку, но тем не менее влияют на ее использование в целях судоходства. В международных нормах также рассматривается проблема воздействия судоходных видов использования рек на другие вопросы; в целях предотвращения загрязнения разработаны нормы о строительстве и проектировании судов, перевозящих опасные грузы. Следовательно, данный вопрос требует широкого подхода не только к масштабам использования водных ресурсов и водных путей, но и к таким природным явлениям, как наводнения, эрозия почвы, седиментация и интрузия соленой воды. Однако любой обширный свод норм общего международного права, который может быть разработан Комиссией, может служить лишь в качестве основы для более конкретных договорных норм, которые предстоит установить в отношении наиболее заинтересованных государств.

43. Задача формулирования такой основы представляется невероятно трудной, поскольку она должна включать тщательный анализ многих существующих договорных норм в целях установления их общих правовых элементов и проведения грани между этими нормами и чисто организационными и административными вопросами.

44. Подход, используемый Специальным докладчиком в его проекте статей, в целом является наиболее приемлемым, хотя в связи с ним явно возникает целый ряд вопросов. Первый вопрос касается взаимосвязи между данным проектом статей и существующими нормами общего обычного международного права. Как явствует из такого выражения, употребляемого в статье 4, как «государство— участник настоящих статей», цель данного проекта, несомненно, заключается в том, чтобы составить основу для разработки конвенции. Поэтому на определенном этапе Комиссии следует уточнить, что настоящие статьи не наносят ущерба нормам общего обычного права, касающимся пользования водами международных водных путей, поскольку общепризнанным является тот факт, что в соответствии с современным международным правом государства не пользуются полной свободой при определении вида использования таких вод на своей территории.

45. Аналогичный вопрос возникает в отношении взаимосвязи между данным проектом статей и существующими и будущими межгосударственными соглашениями о пользовании. В этом контексте особенно важными являются определения «соглашения о пользовании» и «государства-пользователя» для целей данного проекта статей. Из статьи 5 следует сделать вывод, что данный проект статей распространяется лишь на те соглашения о пользовании, по крайней мере один участник которых является также участником настоящих статей, а также лишь на будущие соглашения о пользовании. Поэтому на определенном этапе необходимо определить взаимосвязь между данным проектом статей и существующими договорными нормами международного права.

46. В пункте 2 статьи 6 предусматривается, что данный проект статей применяется также к государствам, не являющимся участниками настоящих статей, если они являются участниками соглашения о пользовании. По отношению к настоящим статьям эти государства являются третьими государствами, поэтому необходимо определить, будет ли этот пункт подчиняться нормам, изложенным в статьях 34—38 Венской конвенции. По его мнению, обстоятельства, связанные с видами использования международных водных путей, несколько отличаются от обстоятельств, предусмотренных в этих статьях. Но если можно сказать, что государство-пользователь, заключающее соглашение о пользовании с другим государством-пользователем— зная при этом, что последнее является участником настоящих статей,— признает применимость настоящих статей по отношению к себе при решении вопросов, регулируемых данным соглашением, то настоящие статьи можно истолковывать как кодифицирующие существующее обычное международное право, а в этом случае применяется статья 38 Венской конвенции. Подобное толкование, конечно, можно обосновать необходимостью разработки норм международного права для регулирования

использования такого разделяемого природного ресурса, как международный водный путь, но этот вопрос требует менее согласованного подхода, чем вопрос, рассматриваемый в Венской конвенции. К тому же заинтересованные договаривающиеся государства и государства-сопользователи должны стать государствами-пользователями в отношении одного и того же международного водного пути. Когда путем заключения соглашения о пользовании они признают совместное использование определенного ресурса, то представляется вполне справедливым, чтобы настоящие статьи применялись ко всем этим государствам, даже если они не все являются участниками настоящих статей.

47. Что касается приводимого в статье 2 определения о государстве-пользователе, то государство, которое использует воды международного водного пути, несомненно, является государством-пользователем по отношению к этому водному пути; но вполне закономерным является вопрос о том, становится ли государство, которое использует электроэнергию, производимую в другом государстве с помощью вод определенного международного водного пути, государством-пользователем по отношению к этому международному водному пути. Аналогичный вопрос заключается в том, можно ли рассматривать государство, которое использует воды определенного международного водного пути исключительно для целей судоходства, в качестве государства-пользователя по отношению к этому водному пути. Очевидно, в некоторых случаях его можно считать государством-пользователем, поскольку оно должно выполнять те же обязательства— например, по предотвращению загрязнения водной среды,— что и другие государства, использующие этот водный путь для целей судоходства. Но в других случаях оно, безусловно, не является государством-пользователем. Поэтому необходимо найти подходящую формулировку для определения термина «государство-пользователь». Еще один вопрос возникает в связи с содержащимся в статье 2 определением о том, что государством-пользователем является такое государство, которое предоставляет воды для пользования и использует воды международного водного пути, но он уверен, что требование о том, чтобы государство служило источником вод определенного водного пути, не заключается в исключении расположенных вниз по течению государств из категории государств-пользователей. Цель содержащегося в статье 2 определения также не заключается в априорном исключении того государства, на территории которого берет начало определенный водный путь, но которое фактически не использует воду этого водного пути.

48. Было бы весьма полезно услышать мнение Специального докладчика по этим вопросам.

49. Г-н СУЧАРИТКУЛ говорит, что в данный момент он ограничится несколькими предвари-

тельными замечаниями и не будет подробно обсуждать статьи, представленные в познавательном докладе Специального докладчика, которому необходимо отдать должное за то, что он подчеркнул научно-технические аспекты данной проблемы.

50. Подход Комиссии к этому вопросу, несомненно, должен учитывать достижения науки. Поэтому он с удовлетворением отмечает содержащуюся в докладе главу IV о регулировании сбора и обмена данными — вопрос, в связи с которым создались серьезные проблемы в Комитете по координации обследования бассейна нижнего течения реки Меконг. Еще одна проблема заключается в том, что некоторые реки пересекают территорию или образуют границу многих государств; кроме того, в некоторых случаях расположения вниз по течению прибрежные государства находятся во власти расположенных вверх по течению прибрежных государств. Поэтому важно определить статус стран по отношению к соглашению о пользовании.

51. С несудоходными видами использования международных водных путей связаны не только многочисленные технические проблемы, касающиеся регулирования речных ресурсов, но и многие правовые проблемы. Уже в 1968 году Организация Объединенных Наций создала Группу экспертов по правовым и институциональным аспектам освоения международных водных ресурсов. В связи с осуществлением в Юго-Восточной Азии целого ряда речных проектов возникли определенные соглашения о пользовании, например, об использовании электроэнергии, но в связи с осуществлением проектов по строительству плотин на основных реках возникли серьезные правовые, экономические, социальные и другие проблемы. Трудности правового характера можно, конечно, преодолеть, если государства должным образом проявят политическую волю. Данный проект статей может, пожалуй, служить в качестве образца для тех государств, которые желают заключить соглашения о пользовании. Мир вступает в новую эру в области международного права, в котором при любых обстоятельствах должен сохраняться сбалансированный подход.

Заседание закрывается в 18 час.

1555-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 19 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Джагота, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Ри-

фаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Швель, г-н Эвенсен.

Дань памяти профессора Д. П. О'Коннелла

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ информирует Комиссию о печальном известии, полученном недавно, — о смерти профессора Д. П. О'Коннелла, ученого, который хорошо известен членам Комиссии и который внес весомый вклад особенно в исследование вопроса о правопреемстве государств. Он предлагает Комиссии отправить послание с соболезнованием семье профессора О'Коннелла.

Предложение принимается.

Право несудоходных видов использования международных водных путей (продолжение) (A/CN.4/320 и Согг.1)

[Пункт 5 повестки дня]

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА (продолжение)

2. Г-н ФРЭНСИС отмечает, что предварительный, но не лишенный совершенства доклад Специального докладчика, несомненно, вызовет огромный интерес у юристов всего мира. Оратор имеет в виду, например, интерес, проявленный к данному вопросу на девятнадцатой сессии (1978 год) Афро-азиатского консультативно-правового комитета, на котором он присутствовал в качестве наблюдателя Комиссии. Впервые в своей истории Комиссия берется за осуществление задачи кодификации не на основе абстрактных правовых теорий, а на основе научно-технических данных. Кроме того, она рассматривает вопрос о международном регулировании одного из наиболее важных аспектов национального развития, а именно рационального использования ресурсов.

3. Из ответов государств на вопросник¹ Комиссии явствует, что сразу невозможно принять решение в отношении того, следует ли считать географическую концепцию международного водосборного бассейна в качестве основы для исследования правовых аспектов несудоходных видов использования международных водных путей. Кроме того, очевидным является тот факт, что любой принимаемый Комиссией проект статей должен иметь «остаточный» характер и быть приемлемым для широкого числа государств, а также должен учитывать взаимосвязь между несудоходными и судоходными видами использования международных водных путей и такие вопросы, как борьба с наводнениями и эрозия почвы.

¹ См. 1554-е заседание, сноска 6.

4. Некоторые основные вопросы необходимо будет решить с самого начала. Например, предположим, что крупный водный путь, используемый, в частности, для целей судоходства, пересекает территорию нескольких государств и имеет важный приток, полностью находящийся в другом государстве, территория которого примыкает к этому крупному водному пути лишь в месте слияния последнего с этим притоком. Какими должны быть международные обязательства последнего государства — в связи с судоходством и другими видами использования основного водного пути — по отношению к прибрежным государствам, расположенным ниже по течению от места слияния? А если водный путь граничит с несколькими государствами и если в результате выпадения дождевых осадков в расположенном выше по течению государстве возникает наводнение в расположенном ниже по течению государстве, то какими должны быть международные обязательства первого государства по отношению к последнему? Таковыми являются некоторые из его соображений по докладу Специального докладчика. Без особых колебаний оратор поддерживает общий подход Специального докладчика.

5. Г-н ТАБИБИ заявляет, что данный вопрос имеет важное экономическое, социальное и политическое значение и должен рассматриваться с предельной тщательностью. Комиссии повезло, что Специальный докладчик происходит из страны, которая не только обладает огромным научным и техническим опытом, но и полностью осознает рассматриваемые проблемы, поскольку она является расположенным выше по течению прибрежным государством по отношению к Мексике и расположенным ниже по течению прибрежным государством по отношению к Канаде.

6. С учетом роста населения в мире и достижений науки и техники рассмотрение Комиссией несудоходных видов использования международных водных путей становится крайне важным вопросом. В последние годы органы в системе Организации Объединенных Наций и такие неправительственные организации, как Ассоциация международного права и Институт международного права, занимаются поисками путей урегулирования и усовершенствования использования водных ресурсов, но, как представляется, их подход к данному вопросу строится на разных принципах — на региональной и географической основе, — в результате чего отсутствуют четкие и универсальные принципы международного права по данному вопросу. Один из юристов выразил сомнение в отношении того, что международным правом, в отличие от гражданского или общего права, признается какой-либо сервитут, предоставляющий право на непрерывный сток водных путей; расположенные выше по течению государства не признали никакого общего обязательства, в соответствии с которым они должны воздерживаться от отвода вод, лишая таким

образом расположенные ниже по течению государства тех благ, которые они могли бы получать от совместного использования рек. Лишь в договорном порядке расположенные выше по течению государства признали определенные ограничения в этом отношении. Другие авторы сделали аналогичные выводы о том, что не существует никаких общепризнанных норм международного права относительно экономических видов использования международных рек. Ни один международный суд не выносил такого решения, которое бы непосредственно касалось правовых принципов, затрагивающих вопрос об отводе вод международных водных путей. При вынесении своего решения по делу *Отвод вод реки Маас*² Постоянная Палата Международного Правосудия недвусмысленно ограничилась положениями соответствующего договора и отказалась рассматривать обычные нормы международного права, касающиеся международных водных путей.

7. Свод норм, предложенный Институтом международного права еще в 1911 году, а также различные и иногда противоречивые проекты, принятые Ассоциацией международного права после 1954 года, представляют собой преждевременные попытки достичь кодификации. Некоторые решения Верховного суда Соединенных Штатов Америки внесли определенный вклад в прецедентное право, регулирующие права и обязанности прибрежных штатов, но эти штаты образуют часть федерации; кроме того, ни в одном решении суд не ссылаясь на какую-либо конкретную норму международного права, применимую к использованию вод отдельной реки. Один комментатор отметил, что при формулировании подлежащих применению норм Верховный суд Соединенных Штатов Америки не был вынужден искать разъяснения в международном праве, поэтому суд решительно опроверг возможность того, чтобы какое-либо американское общество на законном основании в пределах его границ отвлекало или использовало — по своему усмотрению — воды водного пути, протекающего между штатами, не принимая во внимание того ущерба, который в результате подобного действия может быть нанесен другим странам, имеющим право на использование этого водного пути ниже границ данного сообщества.

8. Ясно, что право несудоходных видов использования рек развито еще не в полной мере. Каждая река имеет свои собственные исторические, социальные, географические и гидрологические особенности. Мнения в отношении видов использования международных рек подвергались значительным изменениям; один австрийский автор утверждал, что большинство теоретиков со времен Гроция и вплоть до конца XIX века просто рассматривали этот вопрос в соответствии с их общей идеологической кон-

² P.C.I.J., Series A/B, No. 70, p. 4.

цепцией международного права. В 1895 году в период конфликта между Соединенными Штатами и Мексикой в связи с водами реки Рио-Гранде генеральный прокурор Соединенных Штатов Америки Хармон высказал точку зрения о том, что международное право не обязывает Соединенные Штаты использовать свои воды совместно с Мексикой, поскольку на их собственной территории Соединенные Штаты обладают постоянным суверенитетом над водами реки Рио-Гранде. Хотя в настоящее время Соединенные Штаты вряд ли будут защищать доктрину Хармона в силу того значения, которое они придают своим интересам в качестве расположенного ниже по течению прибрежного государства, многие по-прежнему ссылаются на аргумент суверенитета. Резолюцию 3171 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи, касающуюся вопроса о неотъемлемом суверенитете над природными ресурсами, можно в некоторых отношениях рассматривать как своего рода возрождение доктрины Хармона.

9. Неэффективность этой доктрины можно, видимо, объяснить появлением в международном праве вынужденного обязательства. Один из авторов справедливо отметил, что все юридически действительные законы, будь они национальные или международные, должны быть плодом практического опыта. Другие юристы считают, что страны должны вести переговоры в целях решения отдельных проблем, касающихся международных рек. Если, как утверждают, бассейны международных рек представляют собой единое целое, находящееся в совместном владении соответствующих прибрежных государств, то первая обязанность этих государств — консультироваться друг с другом. Хотя обязанность вести переговоры без использования каких-либо правовых норм, регулирующих предмет переговоров, может показаться несколько проблематичной, тем не менее удовлетворительные результаты в отношении международных рек были достигнуты именно путем переговоров. Однако в некоторых случаях участвующее в переговорах государство может попытаться затребовать высокую цену за данное им согласие, чего оно никак не могло бы добиться при наличии широких и общепризнанных принципов.

10. В определенной мере вопрос о несудоходных видах использования водных путей не созрел для кодификации. Каждая река обладает уникальными особенностями; кроме того, мало известно о возвратном стоке, подземных водах и циклическом характере ламинарных потоков. Опыт показывает, что, хотя некоторые принципы применимы ко всем странам, за пределами минимального свода норм трудно добиться быстрого развития. Поэтому Комиссии необходимо осторожно продолжать свою работу, учитывая при этом принцип национального суверенитета, а также право народов на свои природные ресурсы — право, требующее соблюдения нормы, в соответствии с которой каждое государство

должно вести себя таким образом, чтобы не наносить ущерба правам и интересам других государств.

11. Упомянутый Специальным докладчиком принцип справедливого распределения водных ресурсов был принят Ассоциацией международного права. Наилучшим способом обеспечения справедливого распределения водных ресурсов является проведение прямых консультаций между заинтересованными сторонами. В этой связи оратор задал вопрос, не противоречат ли Хельсинкские правила, принятые в 1966 году Ассоциацией международного права³, принципам, принятым той же Ассоциацией в Дубровнике в 1956 году⁴ и в Нью-Йорке в 1958 году⁵.

12. Рекомендации беспристрастных технических комиссий могут оказаться наилучшим подспорьем в деле урегулирования споров в связи с международными водными путями посредством добровольных соглашений. По мнению одного из авторов, юристы-международники должны проявлять осторожность при провозглашении принципов материального международного права, но вместе с тем они должны быть инициаторами и предлагать такие процедуры, на основе которых можно разработать добровольное соглашение и добровольные процедуры в целях урегулирования споров.

13. Что касается определения международного водного пути, то, по его мнению, Генеральная Ассамблея допустила ошибку, приняв концепцию водного пути, изложенную в Хельсинкских правилах. В Заключительном акте Венского конгресса было просто указано, что международной рекой является река, пересекающая или разделяющая территории двух или более государств⁶. Разумеется, она может быть последовательной или прилегающей, когда она служит в качестве границы между государствами; если река является последовательной, то она находится под действием национальной юрисдикции; если она прилегающая, то суверенитет над ней является неполным, поэтому для использования вод этой реки требуется предварительное соглашение. Термин «водосборный бассейн», хотя и расплывчатый, вполне подходит для применения в техническом контексте; для целей же исследования правовых аспектов, связанных с видами использования пресной воды, представляется более подходящим использовать термины «водные пути» или «международные реки» или «воды».

14. Он был бы признателен Специальному докладчику за разъяснение целого ряда вопро-

³ См. A/CN.4/320, пункт 34.

⁴ ILA, *Report of the Forty-seventh Conference held at Dubrovnik, August 26th to September 1st, 1956* (London, 1957), p. x, resolution 3.

⁵ ILA, *Report of the Forty-eighth Conference held at New York, September 1st to September 7th, 1958* (London, 1959), p. viii, resolution 1.

⁶ См. A/CN.4/320, пункт 43.

сов, после чего он смог бы занять определенную позицию в отношении данного проекта статей. Во-первых, правильно ли поступила Генеральная Ассамблея, приняв концепцию несудоходных видов использования международных водных путей вместо четкой исторической концепции водных путей, используемых для целей орошения? Во-вторых, следует ли Комиссии уделять большее внимание Хельсинкским правилам, а не другим документам, принятым Ассоциацией международного права, учитывая тот факт, что многие из этих правил были сформулированы в целях защиты особых интересов некоторых государств? В-третьих, касается ли Комиссия при рассмотрении настоящего вопроса водных путей или всей национальной территории государств, имеющих озера или реки? Необходимо помнить, что в некоторых случаях водосборный бассейн может охватывать всю территорию определенного государства. Должно ли — если учесть концепции территориальной целостности и права народов на суверенитет над своими природными ресурсами — прибрежное государство открывать свои водные пути для инспекции со стороны соседнего прибрежного государства ради одного сотрудничества? Если Комиссия сочла нужным одобрить подход водосборного бассейна, то она должна также признать, что все прибрежные государства должны с готовностью поделиться богатствами своего континентального шельфа и своих территориальных вод с другими странами соответствующего континента, особенно со странами, не имеющими выхода к морю и находящимися в географически неблагоприятном положении. Кроме того, обязательство в отношении сбора и обмена данными может оказаться крайне обременительным для некоторых стран.

15. К сожалению, у Комиссии мало времени для рассмотрения настоящего доклада, однако она должна изложить свою точку зрения по данному вопросу, с тем чтобы оказать содействие Специальному докладчику в его будущей работе. Среди государств-членов необходимо распространить дополнительный вопросник, поскольку число государств, которые ответили на предыдущий вопросник, составляет лишь незначительную часть общего числа членов Организации Объединенных Наций.

16. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС разделяет мнение Специального докладчика о том, что между находящимся в процессе разработки морским правом и вопросом несудоходных видов использования международных водных путей существует определенная взаимосвязь, что требует развития нового международного права. Что касается развивающихся стран, в частности стран Латинской Америки, то вода имеет для них существенное значение; она рассматривается в качестве природного ресурса, поэтому как расположенные выше по течению, так и расположенные ниже по течению прибрежные государства обязаны сохранять и охранять водные ресурсы.

17. До настоящего времени международные водные пути рассматривались в праве как часть *jus communicationis*, однако использование водных путей в качестве транспортного средства связано с целым рядом факторов, причиняющих вред использованию водного пути для других целей человечества. Следовательно, цель Комиссии должна заключаться в справедливом регулировании использования международных водных путей в интересах всех стран. Свод правовых норм, регулирующих использование международных водных путей, фактически существует, но эти нормы содержатся в двусторонних и многосторонних соглашениях, заключенных между непосредственно заинтересованными государствами. Некоторые из этих соглашений являются существенно важными. Например, последнее соглашение, заключенное в 1978 году между прибрежными государствами бассейна реки Амазонки⁷, охватывает площадь в 4 787 000 квадратных километров. Однако в существующих соглашениях нет указания на общие нормы, которые будут иметь силу во всех случаях.

18. В связи с этим доклад Специального докладчика имеет огромное значение. Его вводная часть является приемлемой, но что касается самого проекта, то оратор видит мало смысла в обсуждении «сопутствующих проблем», упоминаемых в пункте I статьи 1, когда цель данных статей заключается именно в рассмотрении этих проблем совместно с другими такими вопросами, как загрязнение. Статья 5 является несовместимой со статьей 6 Венской конвенции⁸. Право основывается на свободно выраженной воле участников определенного договора; в статье 5 проекта должен отражаться этот фундаментальный принцип и точно указываться на то, что данный проект статей будет регулировать отношения между государствами-пользователями при отсутствии соглашения между участниками. В противном случае Комиссия будет ограничивать правоспособность государств свободно заключать соглашения.

19. Однако настоящий доклад, в котором содержатся важные научные и технические данные, представляет собой подходящую исходную точку для рассмотрения Комиссией данного вопроса, но тем не менее представляется важным принять осторожный подход при формулировании статей по такому важному вопросу, как сохранение и использование международных водных путей. Очевидным является тот факт, что расположенные выше по течению прибрежные государства имеют право на использование вод на своей территории, но они не должны использовать их таким образом, чтобы причинять вред правам расположенных ниже по течению прибрежных государств, поскольку эти воды представляют собой разделяемое естественное богатство, ко-

⁷ Там же, пункт 98.

⁸ См. 1554-е заседание, сноска 23.

торое должно охраняться всеми заинтересованными государствами. В настоящее время такой подход принимается во все большем числе соглашений, заключаемых в связи с вопросами региональной интеграции.

20. Г-н ДЖАГОТА отмечает, что посредством рассмотрения вопроса о международных водных путях Комиссия сможет внести значительный вклад в решение важной и трудной проблемы. Но учитывая характерные особенности данного вопроса, необходимо полностью осмыслить соответствующие научно-технические данные.

21. В соответствии с резолюцией 2669 (XXV) Генеральной Ассамблеи центральным вопросом, который Комиссии необходимо рассмотреть, является вопрос о несудоходных видах использования международных водных путей, поскольку именно в этой области требуется еще развитие и кодификация права. По сравнению с этой областью судоходные виды использования в значительной степени являются уже урегулированными. К несудоходным видам использования относятся использование водных ресурсов для бытовых целей, орошения, сельского хозяйства, промышленности, производства гидроэлектроэнергии и рыболовства, причем все эти виды являются особенно важными для развивающихся стран. Поэтому вопрос заключается в том, как содействовать совместному и справедливому использованию водных ресурсов для социального и экономического развития этих стран, не игнорируя при этом потребности развитых стран. В отношении судоходных видов использования оратор не противопоставляет свое мнение мнению Комиссии, однако это не исключается на более позднем этапе. Г-н Фрэнсис справедливо обратил внимание на вопрос об обязательствах того государства, по территории которого протекает важный приток основной реки, используемой в значительной степени для целей судоходства.

22. Оратор разделяет мнение о том, что прежде всего Комиссии необходимо рассмотреть виды использования международных водных путей, затем связанные с этим специализированные проблемы и лишь затем взаимосвязь между этими двумя вопросами. Он также разделяет мнение о том, что поскольку не существует общего закона по данному вопросу и поскольку все реки и речные системы обладают своими собственными характерными особенностями, то государства, использующие определенную речную систему, должны свободно регулировать эту систему таким образом, который они считают подходящим, но который не выходит за рамки основных общих норм. Задача же Комиссии заключается в формулировании этих норм. При этом ей необходимо воспользоваться огромным количеством имеющейся литературы и информации, с тем чтобы определить, какие нормы являются общими и, следовательно, основополагающими по своему характеру, а какие

нормы имеют характер отдельных положений и могут быть охвачены соглашениями о пользовании. В некоторых соглашениях о пользовании содержится статья, в которой предусматривается, что согласно международному праву данное соглашение не затрагивает обязательств и прав его участников. В таких случаях трудно провести различие между основополагающими и частными правовыми нормами, но тем не менее необходимо обеспечить такую возможность в тех случаях, когда имеется ссылка на условия самих соглашений и на деятельность других органов, занимающихся этим вопросом. Комиссии необходимо будет рассмотреть взаимосвязь между основополагающими нормами и соглашениями о пользовании.

23. Оратор одобряет мнения, выраженные в пункте 55 доклада Специального докладчика относительно определения термина «международного водного пути», а также разделяет мнение о том, что Комиссии необходимо рассмотреть этот вопрос позднее. Поскольку основные вопросы, по-видимому, будут касаться притоков и грунтовых вод, то Специальный докладчик может счесть целесообразным разработать дополнительные статьи, охватывающие эти два вопроса, а также такую факультативную статью, о которой упоминалось в его вступительном заявлении (1554-е заседание, пункт 11). Это должно обеспечить эффективное решение проблемы, возникшей в результате расхождения во мнениях в связи с вопросом определений.

24. Возвращаясь к имеющемуся проекту статей (A/CN.4/320, пункт 2), он отмечает, что статьи 1, 2 и 3 в целом являются приемлемыми. В связи с проектом статьи 2 он задает вопрос: будет ли третья страна, использующая определенную реку исключительно для транспортных целей, рассматриваться как государство-пользователь? Этот вопрос утратит значительную долю своей значимости, если данный проект статей будет ограничиваться несудоходными видами использования, однако необходимо рассмотреть другие такие вопросы, как вопрос о наличии электростанции в третьей стране, использующей воды определенного международного пути, который она не пополняет своими водами и который она непосредственно не использует в других отношениях.

25. Оратор предлагает Комиссии вернуться к рассмотрению проекта статьи 4, когда она завершит изучение основных вопросов, связанных с этой статьей.

26. Проект статей 5, 6 и 7 имеет решающее значение, поскольку этими статьями устанавливается связь между основополагающими нормами и соглашениями о пользовании. Если определенным международным водным путем пользуются четыре государства — А, В, С и D, — из которых одно государство А является участником настоя-

ших статей, то согласно статье 5 государствам В, С и D будет предоставлено право выбора и они смогут стать участниками соглашения о пользовании, касающегося данного водного пути. В этом случае будет применяться пункт 1 статьи 6, иными словами, это соглашение о пользовании должно будет соответствовать основополагающим нормам. Кроме того, согласно пункту 2 статьи 6 любые вопросы, не урегулированные этим соглашением о пользовании, будут в «остаточном» порядке подчиняться основополагающим нормам. Но статья 7 приведет настоящие статьи в действие применительно к данному международному водному пути лишь в том случае, если участниками этих статей будут два государства. Следовательно, на каком основании могут настоящие статьи распространяться на государства В, С и D при таком положении, когда лишь один из соответствующих партнеров, то есть государство А, является участником настоящих статей?

27. Конечно, если в этих статьях будут содержаться обычные нормы международного права, то они будут распространяться на государства В, С и D независимо от того, являются они или не являются участниками настоящих статей. Однако такое положение совершенно отличается от нового предложения Специального докладчика. Если, согласно этому предложению, государства В, С и D решат заключить соглашение о пользовании, то это должно соответствовать основополагающим нормам даже в том случае, если эти государства не являются участниками настоящих статей. Такое положение было бы лишено практической пользы и, кроме того, являлось бы совершенно ложной основой для сочетания основополагающих и частных правовых норм. Если цель соглашения о пользовании заключается в предоставлении автономии его участникам, — с тем чтобы они могли учитывать характерные особенности международного водного пути посредством использования его по своему усмотрению, — то основополагающие правовые нормы не должны распространяться на эти государства, если только они не являются участниками соответствующих правовых документов. Эту проблему также нельзя решить путем замены слов «одно или несколько государств-пользователей» в проекте статьи 5 словами «два или более государств-пользователей», поскольку остается нерешенной правовая проблема, связанная с тем, как обязать государства, примыкающие к международному водному пути, выполнять непринятые ими основополагающие нормы. Короче говоря, этого можно достигнуть путем согласия, поскольку такие государства имеют право выбора и могут стать участниками настоящих статей, но это неравносильно правовому требованию.

28. Специальный докладчик объяснил на 1554-м заседании, почему в проекте статьи 7 он провел различие между общим и частным вступлением настоящего проекта статей в силу и почему в этом отношении Конвенция о производстве

гидравлической энергии, затрагивающем более чем одно государство⁹, оказалась неэффективной. По его мнению, данная Конвенция могла бы оказаться полезной на практике лишь в том случае, если бы она действительно основывалась на обычном праве, а тогда она также распространялась бы и на нормы, которые Комиссии предстоит разработать. В этой связи он полностью одобряет заявление, содержащееся в пункте 109 доклада; в той мере, в какой проект настоящих статей кодифицирует обычное международное право, в нем формулируется право, обязательное для всех государств, независимо от того, являются они или не являются участниками настоящих статей. Поэтому на данном этапе Комиссии необходимо, возможно, сосредоточить свое внимание на вопросе качества тех основополагающих норм, которые она пытается разработать. Собственный опыт ему подсказывает, что вопрос регулирования отдельного международного водного пути всегда решался на основе общего международного права. В любом случае вступление этих норм в силу необходимо обусловить ратификацией или присоединением к ним именно двух государств. Единственный прецедент в этом отношении можно обнаружить в статье 20 Конвенции 1965 года о транзитной торговле государствами, не имеющими выхода к морю¹⁰, но в этом случае положения о вступлении в силу имеют общий, а не частный характер.

29. В свете этих соображений оратор предлагает Комиссии вновь вернуться к рассмотрению проекта статей 5, 6 и 7 после изучения связанных с ними основных вопросов.

30. Проект статей 8, 9 и 10 касается основных вопросов сотрудничества и экономического развития. Пункт 1 статьи 9 обязывает договаривающиеся государства предоставлять данные государствам-пользователям и другим договаривающимся государствам. Было бы лучше, по его мнению, если бы любое подобное обязательство регулировалось соглашением о пользовании в соответствии с общей практикой, а не в соответствии с основополагающими нормами. Примеры, приведенные в пункте 129 доклада Специального докладчика, подтверждают это мнение. Кроме того, на основании содержащейся в пункте 1 статьи 9 ссылки на пункт 2 статьи 8 желаемое превращается в императивное обязательство. Тем не менее оратор согласен с теми широкими принципами, которые лежат в основе положений о сборе и обмене данными, хотя, вероятно, их можно расширить и включить в данный проект статей на более позднем этапе.

31. В заключение он настоятельно рекомендует Комиссии сосредоточить свое внимание на материальном праве несудоходных видов использования международных водных путей, прежде чем приступить к вопросу о связи между осново-

⁹ См. A/CN.4/320, пункт 86.

¹⁰ United Nations, *Treaty Series*, vol. 597, p. 3.

полагающими нормами и соглашениями о пользовании.

32. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ отмечает, что, по сложившемуся у него впечатлению, члены Генеральной Ассамблеи проявляют к рассматриваемому вопросу, возможно, более подлинный интерес, чем к любым другим вопросам, которыми Комиссия занимается в настоящее время. Поэтому будет весьма досадно, если Комиссия не сможет составить определенный отчет по данному вопросу. Он предлагает пока не закрывать прения по данному пункту, в связи с чем на нынешней сессии Комиссии необходимо поставить перед собой минимальную задачу, которая, по его мнению, должна заключаться в принятии статьи о сфере применения данного проекта статей. Кроме того, поскольку представленная Специальным докладчиком техническая информация четко указывает на то, что вопрос предоставления вод, как он трактуется в проекте статьи 2, неотделим от вопроса использования вод, то, согласно предположению оратора, Комиссия согласится с возможностью объединения концепции предоставления вод с концепцией использования вод, изложенной в проекте статьи 1, с тем чтобы создать основу для ключевой статьи и представить ее на рассмотрение Генеральной Ассамблеи на ее следующей сессии.

33. По его мнению, проект статьи 3, в которой предусматривается, что данные статьи могут дополняться соглашениями о пользовании, необходимо рассматривать в сочетании с проектом статей 4—7, поскольку все они связаны с одной и той же проблемой взаимосвязи. Он разделяет мнение о том, что эти статьи, а также вопрос определения международного водного пути необходимо рассмотреть на более позднем этапе. Специальным докладчиком были выдвинуты убедительные доводы в пользу установления своего рода взаимосвязи между данными статьями и соглашениями о пользовании, однако трудно предвидеть, как необходимо выразить эту взаимосвязь и что именно она должна собой представлять. Прежде чем она сможет сделать какой-либо вывод по данному вопросу, Комиссии необходимо будет дополнительно рассмотреть содержание проекта настоящих статей. Однако, как явствует из огромного количества имеющейся информации о существующих соглашениях, существенно важно данные статьи составить таким образом, чтобы эти соглашения имели соответствующую сферу применения. Поэтому оратор может в целом согласиться с концепцией рамочного соглашения. Этот аспект данного вопроса должен быть выделен в докладе Комиссии.

34. При рассмотрении данного вопроса в целом Комиссии необходимо сосредоточить внимание на проблеме использования вод международных водных путей, а не на вопросе международных водных путей в качестве отвлеченного понятия. Кроме того, в своем докладе Комиссии

необходимо предложить Специальному докладчику более тщательно изучить различные виды использования вод, с тем чтобы в 1980 году рекомендовать Комиссии возможный порядок рассмотрения различных аспектов данного вопроса, а также, возможно, предложить проект некоторых дополнительных статей. Оратор признателен Специальному докладчику за то, что он уже представил проект целого ряда статей. Важно, чтобы Комиссии не предложили принять решение по отдельным статьям и чтобы члены Комиссии могли рассматривать данные статьи в определенной перспективе. Он надеется, что к началу следующей сессии Комиссии Специальный докладчик сможет расширить эту перспективу.

35. Г-н ТАБИБИ разделяет мнения, выраженные сэром Фрэнсисом Вэллетом в отношении того, каким образом Комиссии необходимо построить свою дальнейшую работу. Он предлагает составить план-расписание работы Комиссии таким образом, чтобы предоставить членам Комиссии больше времени для рассмотрения данного пункта.

Заседание закрывается в 13 час. 10 мин.

1556-е ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 20 июня 1979 года, 10 час. 15 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Швельбел, г-н Эвенсен.

Право несудоходных видов использования международных водных путей (продолжение) (А/СН.4/322 и Согг.1)

[Пункт 5 повестки дня]

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА (продолжение)

1. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что, поскольку члены Комиссии входят в ее состав не как представители правительств, а как эксперты по международному праву, им иногда легче, чем представителям, учесть различные аспекты ситуации. Поэтому, хотя он и признает, что рассматриваемый вопрос представляет непосредственно для Соединенного Королевства лишь ограниченный интерес, он считает, что, ввиду значения рассматриваемого вопроса для международных отношений, каждому члену Комиссии следует непременно изложить свои взгляды. Он считает также, что юристам необходимо иметь общее представление

о технических аспектах вопроса и потому испытывает удовлетворение в связи с характеристикой этих аспектов, которая содержится в докладе Специального докладчика.

2. Однако эта общая характеристика является лишь первым шагом, и в поисках дополнительной информации он обратился к докладу Генерального секретаря о правовых проблемах, касающихся несудоходных видов использования международных водных путей¹. Хотя этот документ является ценным источником информации, в нем нет каких-либо важных технических сведений, поскольку он почти полностью посвящен трудам и исследованиям неправительственных организаций, таких как Международная ассоциация юристов. В этих условиях было бы неплохо, если бы Комиссия могла получить по ходу работы одну или несколько библиографий о воде, касающихся конкретных тем, которые рассматриваются Комиссией. Возможно, Секретариат и Специальный докладчик учтут это. Он имеет в виду не исчерпывающую библиографию, а своего рода руководство, которое позволит членам Комиссии получить доступ к источникам технической информации и, таким образом, расширить свои познания о рассматриваемых проблемах. Таким документом, из которого члены Комиссии могли бы почерпнуть полезную справочную информацию, является публикация *Юнитар ньюс*, где в девятом томе за 1977 год рассматриваются общие проблемы воды. В нем также содержится карта различных систем бассейнов рек всего мира, о которых члены Комиссии должны иметь некоторое представление.

3. Он согласен с тем, что в будущем работа Комиссии должна сосредоточиться на различных видах использования воды. Он будет склонен включить сюда и загрязнение воды, хотя, строго говоря, это является уже злоупотреблением, а не использованием воды. Что касается выбора тем, то он, безусловно, поддержит включение вопроса об использовании воды для ирригации в число рассматриваемых Комиссией видов использования воды. Он напоминает членам Комиссии пункт 1 дополнительного доклада Генерального секретаря о правовых проблемах, касающихся несудоходных видов использования международных водных путей², в котором излагается предложение по данному вопросу представителя Боливии, внесенное им на заседании Шестого комитета в ходе четырнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи. В этом предложении содержится ряд идей о возможном предварительном подходе, и он не видит оснований для того, чтобы оспаривать его.

4. Статьи об обмене и сборе информации являются необходимой частью проекта, однако из

¹ *Yearbook...*, 1974, vol. II (Part Two), p. 33, document A/5409 (этот документ по техническим причинам не включен в *Ежегодник...*, 1974 год).

² *Ежегодник...*, 1974 год, том II (часть вторая), стр. 39, документ A/CN.4/274.

заявлений г-на Джаготы и г-на Табиби (1555-е заседание) ясно, что они потребуют более внимательного изучения.

5. И наконец, поскольку за последние три миллиарда лет объем имеющейся воды значительно не изменялся, он предлагает Комиссии при изучении вопроса оперировать категориями не объема, а распределения и качества воды.

6. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР говорит, что Генеральная Ассамблея, несомненно, проявляет пристальный и неослабевающий интерес к работе Комиссии в области права несудоходных видов использования международных водных путей, а Комиссии как органу юристов безразличны политические соображения, которыми руководствуются страны в связи с этим вопросом. И действительно, в своей практической деятельности она постоянно учитывает основные политические интересы международного сообщества и определяющие их мотивы. Рассматривая такой предмет, как правопреемство в отношении договоров, Комиссия положила в основу своего проекта концепцию деколонизации и принцип *tabula rasa*, пытаясь одновременно укрепить преемственность в других направлениях. Однако в данном случае она сталкивается не с широким размежеванием интересов в соответствии с региональными особенностями, а с размежеванием интересов между соседними странами.

7. Как уже указывалось, в прошлом позиции стран по этому вопросу лишь ненамного выходили за рамки обоснования узких национальных интересов. Если то же самое будет теперь сказано и о Комиссии, то это приведет к резкому падению уважения, которым Комиссия пользуется. Для преодоления трудностей недостаточно лишь просто заявить, что в составе Комиссии должны быть члены из нескольких государств, расположенных в верхнем и нижнем течении рек, а также из государств со смешанными интересами. Проблемы слишком привязаны к местным условиям и актуальны, чтобы подобного рода заверения могли всерьез успокоить государство, у которого есть крупные интересы в этой области и нет ни одного гражданина в числе членов Комиссии. Поэтому важно, чтобы Комиссия постоянно помнила о том, что она должна проявлять объективность, подобно членам международного трибунала, разбирающим спорное дело. Лишь в этом случае мировое общественное мнение будет уверено, что небольшая группа экспертов, действующих в своем личном качестве, сможет внести крупный вклад в изучение этого вопроса. Что касается его самого, то он не сомневается в их способности сделать это.

8. Он согласен, что на нынешней сессии Комиссия должна принять проект статьи 1 (A/CN.4/320, пункт 2), и считает, что в этом вопросе прослеживается единство взглядов. Он активно поддерживает предложение, относящиеся к этой статье, однако признает, что ее концепции и

формулировку следует обсудить отдельно на последующих этапах. Он также признает необходимость рассматривать использование во всех его аспектах, не выпуская из виду, что полностью отделить использование от вклада никогда не удастся. Кроме того, ограничить число видов использования нелегко. Большинство городов мира, не являющихся морскими портами, расположено на реках, зачастую по экономическим, торговым или сельскохозяйственным соображениям, однако почти столь же часто по соображениям рекреационного характера или планировки.

9. Касаясь связи между проектом статей и общим международным правом, он говорит, что в решениях Международного Суда по делам *континентального шельфа Северного моря*³ было подчеркнута различие между делимитацией и распределением. Суд заявил, что что-либо находящееся в пределах национальной юрисдикции принадлежит государству, с которым оно имеет наиболее тесную естественную связь. Речь не идет о присуждении чего-либо кому-либо; все сводится лишь к определению, кому что принадлежит. Суд указал на отсутствие единого решения или правила, которое надлежит применять вместо всех других правил, и что необходимость в переговорах и урегулировании между прилежащими государствами по-прежнему сохраняется.

10. Хотя это понятие повсеместно используется в судебных процессах, оно несет в себе определенную сложность. При разборе контракта или завещания суды не присуждают что-либо одной стороне и не отбирают у другой, а определяют, кому что принадлежит. Определение подводных границ может оказаться сложным делом, однако дать его будет относительно нетрудно, если при рассмотрении проектов статей будут учтены необходимые факторы. Принцип остается тот же. В этой связи он напоминает членам Комиссии пункт 80 доклада Специального докладчика, в котором говорится:

Принцип нанесения ущерба другим при использовании своих собственных ресурсов требует наличия критерия для определения того, что является чьей-то собственностью, что представляет собой ущерб и где находится разграничительная черта между допустимыми и недопустимыми размерами ущерба.

Формулирование критерия вреда может оказаться самой сложной задачей, однако именно это понятие, определенное с учетом всех взаимоисключающих точек зрения, позволит ввести в проект понятие делимитации, установить, что кому принадлежит и где лежит граница особых национальных интересов. Эти принципы следует, возможно, рассматривать в связи с доктринами, лежащими в основе настоящего исследования.

11. Как справедливо было отмечено, отказ Соединенных Штатов Америки от доктрины Хар-

мона объяснялся, возможно, новым пониманием национальных интересов. В основе межгосударственного права, развиваемого Комиссией, всегда лежит, естественно, учет национальных интересов, однако оно стало более просвещенным и выполняет обычные юридические функции, позволяя получать другим то, что требуется кем-либо для себя. Принцип национального суверенитета над природными ресурсами можно, вероятно, рассматривать как современный эквивалент доктрины Хармона; однако этот принцип, столь близкий сердцу всех членов Организации Объединенных Наций, процветает в рамках всемирной организации, которая придает особое значение взаимозависимости, определенной заботе об интересах других людей, так же как и своих собственных, и долгу перед международным сообществом, что представляет собой необходимую плату за преимущества, которые дает национальный суверенитет над природными ресурсами.

12. Определенное чувство удовлетворения могут внушать принципы, сформулированные в связи с делами о *континентальном шельфе Северного моря*, один из которых сводится к тому, что подход к равенству должен быть однозначным⁴. Таким образом, ясно, что целью проекта статей не является сглаживание естественного неравенства между государствами в том, что касается ресурсов, или затушевывание основополагающего значения принципа национального суверенитета над природными ресурсами. Однако ясно, что в условиях как прежнего, так и современного права, особенно в связи с использованием воды, всегда существовало понимание ответственности перед соседями за то, как используются природные ресурсы суверенной территории. Трудно представить, чтобы страна, через которую протекает река, полностью лишилась ее в результате применения современной техники государством, расположенным выше по течению реки. Также невозможно себе представить, чтобы государство, лежащее в нижнем течении реки, преградило путь естественному движению воды плотиной, что привело бы к затоплению земель в соседнем государстве. Именно в этой области скорее всего можно обнаружить основные обязанности.

13. Он полностью согласен с тем, что существует постоянная необходимость в заключении соглашений о пользовании между прилегающими государствами или государствами, имеющими общие интересы в связи с конкретным источником воды, и что использование общего принципа явно недостаточно. Общие правила, сформулированные Комиссией в отношении соглашений о пользовании, далеко выходят за рамки «остаточных» правил, однако, поскольку эти правила вытекают из основных принципов обычного права, они признаются с тех пор, как государства начали регулировать совместное пользование своими ресурсами, и неоднократно подкреплялись доктринами

³ *I.C.J. Reports 1969*, p. 3.

⁴ *Ibid.*, p. 50.

Организации Объединенных Наций. Именно на этой основе Комиссия сможет успокоить тех из представителей правительств, у которых мог возникнуть вопрос о том, не торгует ли она их природными ресурсами.

14. Г-н УШАКОВ говорит, что, поскольку физическое и юридическое положение международных водных путей крайне неодинаково, Комиссии следует разработать правила общего характера, которые можно будет использовать применительно к любой ситуации. Эти правила должны быть юридическими, а не техническими. Однако правила, предложенные в проекте статей 8, 9 и 10, являются скорее техническими, чем юридическими, а положения статьи 8 имеют недостаточно общий характер, чтобы их можно было использовать применительно ко всем ситуациям.

15. По его мнению, нет необходимости в сборе и обмене технической информацией о каждом международном водном пути. Подобная деятельность является оправданной лишь в отношении эксплуатируемых международных водных путей. Кроме того, информация, упомянутая в статье 8, не имеет отношения ко всем регионам мира. Так, например, данные об испарении воды касаются главным образом тропических стран, в то время как такие страны, как Советский Союз, более заинтересованы в информации, касающейся льда, покрывающего некоторые реки зимой. Поскольку техническая информация, касающаяся международных водных путей, зависит от географических регионов, было бы невозможно перечислить все данные, необходимые для изучения этих водных путей. Поэтому было бы предпочтительно не уточнять данные в проекте и заменить статьи 8, 9 и 10 статьями более общего характера, предусматривающей, что заинтересованные государства должны сотрудничать в изучении некоторых международных водных путей и в обмене информацией.

16. Проект статей, представленный Комиссии, был разработан, как если бы он составлял часть проекта Конвенции, однако он считает, что подобный подход противоречит мандату и практике Комиссии. От Комиссии требуется готовить не проекты конвенций, а лишь проекты статей, и только Генеральной Ассамблее принадлежит право решать, как использовать эти статьи, когда они будут завершены. Поэтому невозможно заранее знать, станут ли проекты статей многосторонней конвенцией.

17. В основе проекта статьи 2 лежит концепция «международного водосборного бассейна». Следует отметить, что в соответствии с определением этого термина, сформулированным Ассоциацией международного права на Хельсинкской конференции 1966 года, которое Специальный докладчик включил в свой доклад (A/CN.4/320, пункт 34), национальный водный путь, протекающий через территорию одного государства, может стать международным водным путем, если

в него поступают подземные воды с территории другого государства.

18. В проекте статьи 1 понятие «пользования» может включать или исключать понятие «потребления». Было бы желательно избрать последнюю альтернативу. Определение сферы применения проекта статей, содержащееся в пункте 1 статьи 1, не соответствует названию предмета. По его мнению, существует разница между «правом пользования» и «пользованием» водными путями. Ему также не понятно, почему термин «несудоходное» не был использован в статье. Означает ли это, что судоходство включено в сферу проекта статей или же косвенно исключается названием предмета? Он полагает, что было бы лучше повторить название предмета и указать в пункте 1 статьи 1, что «настоящие статьи применяются к праву несудоходных видов использования международных водных путей...».

19. В отношении пункта 2 статьи 1 он указывает, что подавляющее большинство международных водных путей несудоходно и что проект статей должен применяться именно в отношении этих водных путей, поскольку крупнейшие международные реки уже охвачены соглашениями, заключенными между прибрежными государствами. Он уже вносил предложения о проведении различия между международными реками, которые являются судоходными водными путями и могут использоваться всеми государствами, и многонациональными реками, которые не являются судоходными водными путями и используются лишь прибрежными государствами.

20. Г-н ФЕРОСТА считает, что могут возникнуть некоторые трудности из-за недостаточно полного знания существующих прав и обязанностей государств, вытекающих из общих правил международного обычного права. В ходе обсуждения упоминался национальный характер рек, однако, по его мнению, суверенитет государства над массой воды, протекающей через его территорию, дополняется некоторыми обязанностями. Г-н Квентин-Бакстер указал, что невозможно представить, чтобы одно государство преградило путь реке плотиной на своей территории до того, как она достигнет государства, расположенного ниже по течению реки, или чтобы государство, расположенное в нижнем течении реки, направило воду вспять на территорию государства, расположенного в верхнем течении реки. Однако с развитием техники эти возможности стали вполне реальными. В этом случае в действие вступят правила обычного права: с одной стороны, государство, расположенное в верхнем течении реки, будет обязано выпустить определенный объем воды из пределов своей территории, а с другой стороны, государство, расположенное в нижнем течении реки, будет вправе ожидать, что вода будет поступать на его территорию с сезонными интервалами. Можно сказать, что то же самое относится к озерам, поделенным между рядом государств, таким как Женевское и Боденское.

21. Другой важной областью применения современной техники является использование воды в качестве средства привлечения туристов. Так, например, ниагарский водопад Хорсшу возник в значительной степени в результате инженерных работ.

22. Г-н НДЖЕНГА благодарит Специального докладчика за научно-техническую информацию, содержащуюся во вводной части его всеобъемлющего и чрезвычайно поучительного доклада. Он выражает надежду, что способность воды к самоочищению, на которую ссылаются в пунктах 22 и 23 доклада, не породит самоуспокоенности в отношении задачи предотвращения загрязнения, ибо следует помнить, что значительная часть населения развивающихся стран, в частности в Африке, берет воду непосредственно из рек. Безусловно, человечество должно принимать во внимание способность воды к самоочищению, однако оно должно также предотвратить выброс токсичных веществ в водные пути.

23. Он спрашивает, разумно ли было со стороны Комиссии откладывать разработку определения международного водного пути⁵, поскольку разрабатывать правила, не имея надлежащего определения того, о чем идет речь, будет затруднительно. Так, например, вполне возможно, что правительства согласятся с правилами о международных водных путях, определяемых как последовательно проходящие или прилегающие реки, однако станут решительно возражать против этих же правил, если они будут применяться в более широком контексте международных водосборных бассейнов. А пока он еще твердо не решил, какой подход будет наилучшим. У него создается впечатление, что Специальный докладчик склоняется в пользу концепции международного водосборного бассейна. Во всяком случае, поскольку существует, по-видимому, некоторое расхождение во мнениях между членами Комиссии и поскольку само содержание правил будет зависеть от определения международного водного пути, Комиссии следует рассмотреть этот вопрос как можно раньше.

24. Вторая проблема заключается в том, возможно ли или полезно ли будет, учитывая многообразие видов пользования и особенностей рек и даже водосборных бассейнов, формулировать общие правила, применимые ко всем случаям. В этом вопросе он согласен с точкой зрения Брайерли, приведенной Специальным докладчиком в пункте 65 его доклада, согласно которой нельзя добиться правового регулирования рек с помощью норм, касающихся в целом всех рек, поскольку политические факторы, которые необходимо учитывать, различаются между собой, равно как и возможные виды использования рек. Общие правила могут оказаться настолько об-

щими по своему характеру, что от них будет не много пользы для кодификации права, и мало вероятно, чтобы Комиссия смогла разработать всеобъемлющий свод правил, который будет приемлем для широкого круга государств. Ясно, что необходимо проведение дальнейшего обмена мнениями для определения того, действительно ли следует составлять общий свод правил о международных водных путях. В целом, отсутствие общих принципов, применимых ко всем международным водным путям, не оказалось крупным препятствием на пути переговоров между государствами в целях сотрудничества в области использования международных водных путей.

25. Вода является наиболее важным видом природных ресурсов, ибо от нее зависит вся жизнь. Немногие государства, если таковые вообще найдутся, согласятся с тем, что они не должны иметь возможности пользоваться в полном объеме водой в пределах своих национальных границ. Он, естественно, не присоединяется никоим образом к доктрине Хармона, однако полное и ответственное использование государством международного водного пути не обязательно должно противоречить охране интересов государств, расположенных в его нижнем течении. Поэтому упор следует сделать на сотрудничестве между государствами в использовании водных путей, а не на ограничении прав государств в пользовании ими. Он не представляет, как можно лишить какое-либо государство, если оно не наносит ущерба интересам других государств, возможности всесторонне использовать свои водные ресурсы. Было бы неосторожно слишком полагаться на Хельсинкские правила⁶, которые не учитывают постоянного суверенитета государств над своими ресурсами.

26. При отсутствии у членов Комиссии согласия в отношении своего основного подхода многие проекты статей порождают серьезные проблемы. Некоторые из них недостаточно ясно сформулированы: например, в статье 2 трудно понять, являются ли два элемента выражения «предоставляет воды для использования и которое использует» отдельными или они связаны между собой. В силу своих климатических условий Египет, например, не пополняет воды Нила, однако, тем не менее, он пользуется этими водами.

27. И наконец, многие статьи могут наложить на государство бремя, которое будет рассматриваться ими как неоправданное. Категорично сформулированная статья 8 налагает на договаривающиеся государства обязательства собрать значительное количество данных, что будет для них обременительно, в особенности если Комиссия решит позднее остановиться на концепции международного водосборного бассейна. Поэтому упор в формулировке статьи должен быть сделан на сотрудничество между государствами, а не на

⁵ См. *Ежегодник...*, 1976 год, том II (часть вторая), стр. 188, документ A/31/10, пункт 164.

⁶ См. A/CN.4/320, пункт 34.

обязательство перед другими государствами, что более соответствовало бы статье 3 Хартии экономических прав и обязанностей государств⁷ и рекомендации 51 Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде⁸.

28. Г-н РЕЙТЕР говорит, что он хочет указать лишь на то, что рассматриваемый предмет налагает ограничения как на территориальный суверенитет государств, так и на восприятие рек древними народами, которые рассматривали их как божества. Поэтому Комиссия должна найти золотую середину между абсолютным соблюдением принципа территориального суверенитета и запрещением использования или проведения работ на международных водных путях. Возможно, ей следует руководствоваться позицией, избранной ЕЭК в отношении гидротехнических работ, которая заключается, в частности, в том, что предпочтение должно отдаваться концепции пользы для человека в рамках национальных границ, как если бы река не была международной. Постановления верховных судов Соединенных Штатов Америки и Швейцарии могли бы стать примером в этом вопросе.

29. Что касается метода работы, то, по его мнению, крайняя сложность вопроса с самого начала затруднит составление ясного представления. На первом этапе подход должен быть самым широким; позднее его всегда можно будет сузить.

30. Составлять проекты статей на данном этапе работы одновременно и полезно и неосторожно. Не имея таких статей, Комиссия не сможет продвинуться в своей работе вперед, однако они неизбежно породят критику. Нет оснований для того, чтобы предполагать, что Специальный докладчик рассматривает статьи как часть конвенции. Результатом работы Комиссии может стать декларация или примерное соглашение; в любом случае Комиссия всегда рассматривала подготовку проекта статей в качестве полезного метода работы.

31. Г-н ШВЕБЕЛЬ (Специальный докладчик) говорит, что времени для подведения итогов обсуждения в Комиссии осталось мало, однако он попытается сделать некоторые выводы и ответить на некоторые из поставленных вопросов.

32. За немногими выделяющимися исключениями, члены Комиссии, по-видимому, поддерживают основной подход, избранный в докладе и в проекте статей. Сфера применения статей, определенная в статье 1, является в основном приемлемой. Действительно, в этой статье вопрос об определении понятия международного водного пути откладывается на будущее, однако и в данном случае идея отложить рассмотрение этого спорного вопроса пользуется общей, если не еди-

нодушной поддержкой. В то же время некоторые члены Комиссии указали, что на определенной стадии проблема эта должна быть рассмотрена. Комиссия заметно более положительно, чем в 1976 году, отнеслась к избранию концепции международного водосборного бассейна для определения понятия международного водного пути, однако по крайней мере три члена выступили против подобного подхода. Эту трудность можно было бы преодолеть путем включения в проект статей факультативного положения, которое позволит государствам, насколько это их касается, уточнить, что статьи относятся к последовательно проходящим или прилегающим рекам, к речному бассейну или к международному водосборному бассейну.

33. Большинство членов поддержало разработку статей таким образом, чтобы они образовали основу конвенции, которая заложит общие принципы права несудоходных видов использования международных водных путей, обязательные для ее участников, и которая будет дополнена соглашениями о пользовании или системными соглашениями, которые позволят государствам, прилегающим к конкретному водному пути, разработать подробные договоренности и обязательства, определяющие пользование данным водным путем.

34. Комиссия рассмотрела также вопрос о связях между общими принципами и намеряемыми соглашениями о пользовании. Хотя некоторые члены готовы присоединиться к подходу, избранному в статьях 3—7, другие сомневаются в его реальности. Вопрос о связях следует тщательно пересмотреть. Г-н Ушаков не обсуждал недостатков этих связей, а просто указал, что поскольку статьи 3—7 были составлены в виде договора, от них следует отказаться, потому что Комиссия не может в настоящее время предполагать, что проект станет в будущем Конвенцией. Однако пока наилучшим методом было бы составлять статьи в форме конвенции при том условии, что Комиссия может в любое время решить, в какой форме она представит статьи Генеральной Ассамблее. Естественно, что государства-члены вправе поступать с проектами Комиссии так, как они сочтут нужным.

35. Пересмотр так называемой проблемы связей не рассматривается как дело первостепенной важности. Комиссия полагает, что было бы лучше, чтобы он указал конкретные виды использования водных путей и порядок их обсуждения; затем подготовил доклады и проект статей, излагающих принципы права, которые относятся или должны относиться к таким видам использования, и обратил внимание на дополнительную роль соглашений о пользовании или системных соглашений. После составления статей можно будет определить, являются ли сформулированные в них принципы кодификацией или прогрессивным развитием международного права; сами статьи явятся

⁷ Резолюция 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи.

⁸ См. 1554-е заседание, сноска 26.

связующим звеном между этими принципами и соглашениями о пользовании.

36. Кроме того, была выражена поддержка идеи о том, что в проекте статей должны быть полностью учтены физические свойства воды и что следует получить научно-технические консультации. Эта поддержка была сформулирована, однако, в несколько общих выражениях, и ее последствия не ясны.

37. Члены Комиссии, за двумя или тремя исключениями, сочли, что в статьях должна быть рассмотрена проблема сбора и обмена информацией и сопряженных затрат. Прослеживается готовность сформулировать связывающие обязательства в этой связи, хотя некоторые члены решительно высказались за то, чтобы выдвигать лишь рекомендательные указания. Г-н Ушаков отметил, что некоторые водные пути не эксплуатируются и что, следовательно, будет излишне обязывать государства вести сбор данных обо всех водных путях. Это замечание можно было бы удовлетворить, введя положение о том, что государства должны выполнять свои обязательства или следовать руководящим указаниям лишь в отношении международных водных путей, которые эксплуатируются. В то же самое время даже небольшой водный путь имеет тенденцию быть использованным в той или иной степени.

38. Возможно, самым главным выводом, который следует сделать из обсуждения, является вывод о том, что почти каждый выступивший член Комиссии счел кодификацию и прогрессивное развитие этого вопроса своевременными. Только два члена выразили сомнение.

39. Г-н Рифаген (1554-е заседание) и г-н Фероста указали на необходимость уточнения связей между статьями и обычным международным правом. Большинство членов Комиссии также, по-видимому, поддерживают точку зрения о том, что в соответствии с обычным международным правом государства не обязаны действовать в отношении международных водных путей лишь по своему усмотрению.

40. Было отмечено, что статьи, вероятно, не будут определять существующие соглашения о пользовании, и возник вопрос о том, можно ли предполагать, что они будут определять будущие соглашения о пользовании. Если государство, не подписавшее статей, заключит соглашение о пользовании с государством, подписавшим статьи, оно признает, в соответствии с положениями соглашения о пользовании, статью 6 проекта. Речь не будет идти о навязывании статей государству-пользователю, поскольку это государство выразит свое согласие присоединением к соглашению о пользовании, в котором уточняется, что его участники согласны с тем, что статьи будут применяться к соглашению о пользовании по методу остаточной юрисдикции, за исключением тех случаев, когда соглашение о пользовании изменит положения

статей. По его мнению, это полностью соответствует основополагающим принципам Венской конвенции о праве договоров⁹. Г-н Джагота (1555-е заседание) не верит, что в свете такого требования государство-пользователь, не подписавшее статей, заключит соглашение о пользовании и согласится с положениями статьи 6. Безусловно, вопрос этот требует дальнейшего рассмотрения. В докладе сделано разумное предположение о возможности возникновения ситуаций, когда государство, не желающее признавать всех положений статей, фактически согласится с соглашением о пользовании, включающим положения статей исключительно «остаточным» образом и в то же время позволяющим сторонам изменять эти положения в соответствии со своими потребностями.

41. Что касается вопроса о том, в какой степени в статьях должно учитываться судоходное использование международных водных путей, то он полагает, что эти виды использования нельзя исключить полностью в силу их воздействия на несудоходные виды использования.

42. Было задано несколько вопросов в связи с определением понятия государства-пользователя, содержащегося в статье 2. Например, включает ли это определение государства, которые лишь пользуются водным путем, однако не питают его? А с учетом данных о гидрологическом цикле, какое государство может рассматриваться как питающее водный путь? Короче, ответ на эти вопросы требует дополнительных размышлений.

43. Что касается некоторых вопросов г-на Табиби (там же), то, как ему кажется, Генеральная Ассамблея не принимала решения об ограничении этой темы реками, равно как и не принимала решения о признании концепции водосборного бассейна. Он считает, что в Хельсинкских правилах получило отражение наиболее обоснованное мнение Ассоциации международного права по данному вопросу. Проблемы суши будут затрагиваться в статьях лишь постольку, поскольку это необходимо для решения вопросов пользования и злоупотребления водой. Кроме того, никто не предлагает, чтобы соседние прибрежные страны проводили консультации по всем аспектам своего экономического планирования, а лишь чтобы они производили сбор и обмен минимальными сведениями об общих водных путях.

44. Что касается вопроса о том, насколько подробными и техническими должны быть статьи, то он в своем качестве Специального докладчика имел в виду статьи, которые будут выходить за рамки общих принципов Хельсинкских правил. Его точка зрения, как это видно из статей 8, 9, 10, заключалась в том, что Комиссия сможет подробно рассмотреть некоторые виды пользования международными водными путями, стремясь определить основной комплекс обязательств, которые будут приняты государствами, подписав-

⁹ См. 1554-е заседание, сноска 23.

шими статьи, и указать на другие вопросы, которые государства — участники соглашения о пользовании, возможно, пожелают принять во внимание. Подобный подход может оказаться нереальным, однако было бы чрезвычайно полезно узнать, желает ли Комиссия двигаться и дальше в этом направлении. Очевидно, было бы гораздо легче подготовить проект исходя из Хельсинкских правил, чем проект, в котором будут учтены технические аспекты и предпринята попытка сформулировать по ним правила.

45. Что касается замечаний г-на Ндженги, то очевидно, что осуществление постоянного суверенитета над природными ресурсами, как и осуществление суверенитета в целом, регулируется международным правом. Государства не обладают полной свободой действий в отношении общих водных путей. Как указал г-н Рейтер, если члены Комиссии не согласны с этим положением, то разрабатывать дальше проект статей в этой области бесполезно.

46. И наконец, г-н Квентин-Бакстер отметил, что проблема не носит идеологического характера; эта проблема касается интересов государств, которые совместно пользуются международными водными путями. Это является поводом для оптимизма, поскольку означает, что в отличие от некоторых других вопросов рассматриваемый вопрос не отягощен факторами, значительно затрудняющими для государств достижение соглашения.

Заседание закрывается в 13 час.

1557-е ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 21 июня 1979 года, 10 час. 05 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Швельбель.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (продолжение) * (A/CN.4/319)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ 48 (Ошибка)

* Перенесено с 1553-го заседания.

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 48 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 48. Ошибка

1. Государство или международная организация вправе сослаться на ошибку в договоре как на основание недействительности их согласия на обязательность для них этого договора, если ошибка касается факта или ситуации, которые, по предположению этого государства или этой организации, существовали при заключении договора и представляли собой существенную основу для их согласия на обязательность для них данного договора.

2. Пункт 1 не применяется, если названное государство или названная международная организация своим поведением способствовали возникновению этой ошибки или обстоятельства были таковы, что это государство или эта организация должны были обратить внимание на возможную ошибку.

3. Ошибка, относящаяся только к формулировке текста договора, не влияет на его действительность; в этом случае применяется [статья 79].

2. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что статья 48 является первой из пяти статей о недействительности согласия. Как Комиссия, так и Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров уделяли особое внимание подготовке соответствующих статей Венской конвенции¹, которые были приняты значительным большинством. Поскольку эти статьи Венской конвенции касаются элемента согласия каждого договора, он считал, что они могут быть перенесены с большими или меньшими редакционными изменениями в подготавливаемый проект.

3. В статье 48 он предложил лишь незначительные редакционные изменения. Следует отметить, что статья 48 Венской конвенции основана на общепринятой международной юриспруденции; это нашло выражение, в частности, в решении Международного Суда по делу *относительно храма Preah Vihear*² 1962 года.

4. Г-н УШАКОВ говорит, что рассматриваемая статья является приемлемой, хотя ее можно сформулировать таким образом, чтобы провести различие между договорами, заключаемыми между государствами и международными организациями, и договорами, заключаемыми между двумя или более международными организациями. Кроме того, в связи с пунктом 2 возникают два вопроса, на которые следует дать ответ в комментарии. Во-первых, каким образом международная организация своим поведением способствует возникновению ошибки? Может ли она способствовать возникновению ошибки, если ни один из ее органов не изложил соответствующую позицию? Во-вторых, каким образом можно привлечь внимание организации на возможную ошибку, если ошибка не была доведена до сведения компетентного органа?

¹ См. 1546-е заседание, сноска 1.

² *I.C.J. Reports* 1962, p. 6.

5. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что, по его мнению, г-н Ушаков считает, что невозможно на практике определить поведение международной организации тем же образом, что и государства. Кроме того, оценка обстоятельств, в которых следует обратить внимание организации на ошибку, и определение органа, который надлежит уведомить в конкретном случае, будут происходить в ином порядке, чем для государства. Г-н Ушаков говорит главным образом о том случае, когда окончательными полномочиями обязывать организацию располагает непостоянный орган; таким образом, он хотел бы разъяснить в комментарии, что поведение организации не может определяться тем же образом, что и государства, и, ссылаясь на последнюю фразу пункта 2 статьи 48, что принципы, изложенные для международных организаций, не могут быть такими же общими, как и для государств, и что необходимо учитывать внутреннюю структуру организации.

6. Представляется очевидным, что в статье 48 Венской конвенции и, более того, в статьях 49 и 50 вопрос о действительности согласия совпадает с вопросом об ответственности. Факт способствования своим поведением возникновению ошибки подразумевает по крайней мере небрежность или неосторожность со стороны международной организации. Однако в ходе подготовки проекта статей об ответственности государств Комиссия во всех случаях не затрагивала вопрос об ответственности международных организаций. Короче говоря, представляется целесообразным рассмотреть проблему в комментарии к рассматриваемой статье, указав, что в оценке поведения международной организации необходимо учитывать особенности внутренней структуры.

7. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что различие между государствами и международными организациями отчетливо прослеживается во многих положениях проекта статей. Однако в том, что касается пункта 2 статьи 48, Комиссия сталкивается не с проблемой различия между государствами и международными организациями, а с вопросом доказательства, иными словами, каким образом установить, что поведение международной организации способствовало возникновению ошибки.

8. Подобные вопросы часто возникают в процессе кодификации права. В прошлом Комиссия неоднократно формулировала общие нормы, осознавая, что некоторые из них могут оказаться трудными для применения в силу разнообразия обстоятельств. Например, каким образом можно установить объект и цель договора? Фактически отсутствует общий ответ, так как эту проблему надлежит решить в контексте каждого рассматриваемого случая. Комиссия признала, вне всякого сомнения, что международная организация может в принципе располагать статусом и полномочиями, необходимыми для заключения между-

народных договоров; что поэтому организация может вести себя сообразно требованиям этой цели. Следовательно, обстоятельства конкретного случая могут быть изучены для определения, способствовало ли поведение организации возникновению ошибки или нет. Ввиду разнообразия международных организаций и способов их функционирования трудности такого исследования могут оказаться значительными, однако это не влечет изменения принципа, лежащего в основе статьи 48. Наилучшим способом явилось бы рассмотрение этого вопроса в комментарии при том, что текст статьи остался бы без изменений.

9. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии принять решение о передаче проекта статьи 48 в Редакционный комитет для рассмотрения в свете дискуссии.

*Предложение принимается*³.

СТАТЬЯ 49 (Обман)

10. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 49 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 49. Обман

Если государство или международная организация заключили договор под влиянием обманных действий другого государства или другой международной организации, участвовавших в переговорах, то это государство или эта международная организация вправе ссылаться на обман как на основание недействительности своего согласия на обязательность для них договора.

11. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что соответствующая статья Венской конвенции не повлекла возникновения каких-либо трудностей на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров и что рассматриваемая статья отличается от нее лишь небольшими редакционными изменениями.

12. Г-н УШАКОВ говорит, что статья 49 в том виде, в каком она сформулирована, является для него неприемлемой. Ему не ясно, что представляют собой обманные действия со стороны международной организации. В случае государства положение является очевидным: поведение представителя государства, наделенного всеми полномочиями на заключение определенного договора, должно признаваться как поведение этого государства. Если он совершает обманное действие, он возлагает на государство обязательство даже в том случае, если он выходит за рамки своих полномочий. С другой стороны, для признания поведения международной организации обманным необходимо, чтобы компетентный орган этой организации совершал обманные действия с ведома ее представителя, наделенного полномочиями на участие в переговорах. Очевидно, что такой

³ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

случай очень трудно представить. Если Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций наделяет лицо полномочиями представлять Организацию в переговорах и это лицо совершает обманные действия, Организация вряд ли будет нести ответственность.

13. В заключение он заявил, что проект статьи 49 должен охватывать лишь случаи обманных действий государства, но не международной организации.

14. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что замечания г-на Ушакова напомнили ему времена XIX столетия, когда государства постепенно разрабатывали национальное право корпораций. В английском праве серьезно оспаривалась возможность реальной вины за уголовное преступление и обманные действия корпорации, в которой не было ни одного человека. К счастью, развитие права произошло в реалистическом направлении, и было признано, что корпорация может быть признана виновной. Как только было признано, что корпоративный орган, как национальный, так и международный, имеет юридическое лицо, было также признано, что он способен принимать участие во всевозможных незаконных действиях.

15. В современном внутреннем и международном праве многие международные организации признаются как имеющие корпоративные полномочия, и мнение о том, что международная организация имеет объективное юридическое лицо, было подтверждено Международным Судом в ряде случаев. Если Комиссия пытается всесторонне рассмотреть элементы, которые могут лишить юридической силы согласие или создать условия для недействительности договора, ей необходимо рассмотреть возможность ответственности международной организации за обман. Примечательно, что в международном праве понятие обмана сформулировано чрезвычайно уклончиво. Он не может припомнить какой-либо международный случай, когда государство было признано виновным в обмане. Однако отсутствие случая подобного вида не дает основания для устранения принципа. Очевидно, что в связи с этой статьей возникает проблема, но эту проблему следует рассмотреть в комментарии, а не в самой статье.

16. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) соглашается с тем, что примеры обманных действий, совершаемых государствами, не являются многочисленными. Во время обсуждения Комиссией текста, который затем стал статьей 49 Венской конвенции, была создана ссылка на договор, заключенный в прошлом между колониальной державой и независимым африканским государством, в тексте которого, написанном на двух языках, было преднамеренное противопоставление⁴. Существовали также мюнхенские соглашения, подписанные Францией, которые представители

Свободной Франции в Лондоне впоследствии поспешили объявить недействительными. Однако после второй мировой войны появилась необходимость юридически обосновать их недействительность. Франция считала, что в ходе Нюрнбергского процесса было установлено, что во время мюнхенских соглашений немцы уже приняли решение о вторжении в Чехословакию. Следовательно, имел место обман, так как немцы заставили французские власти поверить, что для сохранения мира необходимо частично пожертвовать одним из своих союзников.

17. В случае международных организаций представляется возможным, что глава отделения международного банка, который уже заключил соглашение о займах с несколькими развивающимися странами, может принять решение о предоставлении представителю банка очень широких полномочий для ведения переговоров о новом займе с одной из этих стран, одновременно приняв секретное решение о введении в исполнение гарантии, данной этой страной в отношении предыдущего обязательства, которое она не смогла выполнить. Таким образом, данное государство может на полных основаниях предположить, что банк совершил обман, так как это государство никогда не дало бы согласия на новое соглашение, если бы оно знало о намерениях банка. Полагая, что развивающиеся страны опасаются не только великих держав, но также определенных международных организаций, располагающих крупными финансовыми средствами, он не считает целесообразным исключение таких случаев. Во время рассмотрения Комиссией⁵ текста, который затем стал статьей 50 Венской конвенции (Подкуп представителя государства), половина ее членов, в отличие от него самого, сочла, что этот случай также не следует охватывать.

18. Г-на Ушакова, видимо, беспокоит то, что в большинстве случаев этот обман может совершаться не органом, наделенным полномочиями на принятие решений, а представителем, действующим за пределами своих полномочий, при этом поведение лица, которое не располагает «полномочиями» на совершение обманных действий, не может быть отнесено за счет организации. Эта точка зрения подтверждает тот факт, что проект статей 48, 49 и 50 имеет отношение как к праву договора, так и к праву ответственности. Лично он склонен признать, что международная организация, как и государство, может нести ответственность за действия одного из своих агентов, выходящие за пределы его полномочий. Непринятие этого принципа может привести к отрицательным последствиям. Если, перефразируя английский афоризм, что «король не может совершать неправильных действий», утверждается, что между-

⁴ См. *Ежегодник...*, 1963 год, том I, стр. 27 англ. текста и далее, 678-е и 679-е заседания.

⁵ См. *Ежегодник...*, 1966 год, том I (часть вторая), стр. 140—148 англ. текста, 862-е заседание, пункты 81 и далее, 863-е заседание, пункты 156 и 157, и 865-е заседание, пункты 1—27.

народная организация не может совершать неправильных действий, это переносило бы на благо международных организаций, которые в конечном итоге являются созданиями государств, принцип, который не предполагался для применения даже по отношению к государствам. По его мнению, если агент международной организации действует за пределами своих полномочий, организация должна взять на себя часть ответственности, даже если такая ответственность определяется в соответствии с нормами иными, чем те, которые применяются по отношению к государствам. Вопрос ответственности международных организаций безусловно не следует рассматривать в рамках проекта статьи 49, и даже отсутствует определенность в том, что Комиссия в конечном итоге рассмотрит его, хотя, видимо, его следует упомянуть в комментарии к этой статье. Комиссия может также рассмотреть этот вопрос в комментарии к статье 73, относящейся к оговоркам, необходимость в которых возникает в определенных обстоятельствах, таких как возникновение международной ответственности.

19. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что он полностью согласен с анализом Специального докладчика. Что касается вопроса об ответственности международных организаций в соответствии с международным правом, можно напомнить, что в редких случаях члены вооруженных сил Организации Объединенных Наций по поддержанию мира действовали за пределами установленных полномочий и Организация Объединенных Наций принимала на себя ответственность за их действия. Это произошло в Конго, когда ряд исков был оплачен Генеральным секретарем путем использования средств, выделенных Генеральной Ассамблеей для этой цели. Кроме того, примеры, приведенные во время обсуждения вопроса о полномочиях агентов международных организаций на заключение международных соглашений, обязательных для этих организаций⁶, имеют отношение к проекту статьи 49. Легко представить случаи, когда, несмотря на то, что верховный орган соответствующей международной организации не является стороной действия, обманное действие тем не менее может быть отнесено на счет международной организации, исходя из общих принципов ответственности и принципа ответственности вышестоящего.

20. Г-н ФЕРОСТА, ссылаясь на замечания докладчика, указывает, что во время разработки статьи 50 Венской конвенции факт существования подкупа отрицался не только некоторыми членами Комиссии, но и определенными делегациями на Конференции по праву договоров, но было также заявлено, что в любом случае подкуп уже охватывается положениями статьи 49 об обмане. Если включить случай подкупа в число случаев обмана, последние не будут столь редкими и могут быть отнесены на счет международных органи-

заций, а также государств. Более того, как представитель, так и компетентный орган международной организации может совершать обманные действия и быть виновным в подкупе представителя государства. Поэтому в проекты статей 49 и 50 необходимо включить положение на случай обмана и подкупа со стороны международной организации.

21. Г-н УШАКОВ считает проект статьи 49 приемлемым в той мере, в какой это касается обманных действий со стороны компетентного органа организации. В любом случае в связи с этим положением не возникает какого-либо вопроса ответственности. Согласно положениям, предусмотренным в проекте статей об ответственности государства, двумя составляющими элементами международно-неправомерных действий являются поведение, относимое на счет государства, и нарушение международного обязательства этого государства⁷. Что касается статьи 49, то речь идет лишь о поведении международной организации. Поэтому вопрос лишь об обманных действиях организации возникает не в связи с ответственностью, а в связи с недействительностью согласия. Необходимо установить, может ли поведение представителя организации быть отнесенным за счет этой организации, если он действовал за пределами своих полномочий. Что касается государств, то этот вопрос рассматривается в статье 10 проекта статей об ответственности государств⁸, и в связи с этим возник ряд трудностей. Готова ли сейчас Комиссия подтвердить, что обманные действия любого лица, представляющего международную организацию, рассматриваются как поведение этой организации, даже если он действовал за пределами своих полномочий?

22. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что, по его мнению, г-н Ушаков считает, что статьи 48—50 не следует применять по отношению к международным организациям исходя из предпосылки, что статьи 46⁹ не существует. Чего г-н Ушаков опасается, так это того, что представитель международной организации, которого необходимо наделить специальными полномочиями и который, как правило, не вправе обязывать организацию лишь своей подписью, может совершить обманные действия, которые будут отнесены за счет организации независимо от статьи 46,— положение, в соответствии с которым такие действия могут не относиться за счет организации. Если такова позиция г-на Ушакова, он не возражает против включения в комментарий положения о том, что статьи 48—50 следует толковать как наносящие ущерб случаям, когда лицо, участвующее в переговорах о заключении договора с международной организацией и дейст-

⁷ См. *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 78 англ. текста, документ A/33/10, часть III, раздел В, 1, статья 3.

⁸ Там же.

⁹ См. 1550-е заседание, пункт 22.

⁶ См. 1553-е заседание, пункты 13 и далее.

вующее в соответствии с обычной практикой и добрыми намерениями, устанавливает, что представитель этой организации не действует в соответствии с установленными для него правилами организации. Г-н Ушаков, видимо, считает, что различия между государствами и международными организациями не отражены в статьях 48—50. Он бы не стал возражать против статьи об обмане и, в частности, обмане со стороны международной организации при условии, что такой обман представлял собой в первую очередь действия органа, наделенного полномочиями на заключение договоров. Если автором обмана не является орган, наделенный полномочиями на заключение договоров, определенную ссылку следует по крайней мере сделать в комментарии к ограничениям, введенным статьей 46 в случаях действия, выходящего за рамки полномочия.

23. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что необходимо учитывать один принципиальный момент: сам факт, что действие является неправомерным, не обязательно превращает его в действие, выходящее за рамки полномочий в отношении международной организации. Было бы весьма нежелательным формулировать комментарий таким образом, который дает основание предположить, что по причине неправомерности действия оно автоматически становится действием, выходящим за пределы полномочий,— точка зрения, которая должна быть решительно отвергнута Комиссией. Если совет международной финансовой организации располагал определенными полномочиями на предоставление займов и заключение соглашений с государствами для этой цели, является невероятным то, что, действуя в рамках своих полномочий, совет может совершить обманные действия.

24. В Соединенном Королевстве произошел знаменитый случай, связанный с «Лондон дженерал омнибус компани», в те времена, когда омнибусы ходили на конной тяге. Несчастный случай произошел из-за быстрой езды. Суд провел различие между случаем, когда кучер плохо управлял лошадьми — например, чрезмерно пользуясь кнутом,— двигаясь по соответствующему маршруту, и случаями, когда кучер не следовал соответствующим маршрутам, а, как говорилось тогда в английском праве, следовал «маршрутом, выбранным по своему собственному усмотрению». В последнем случае компания не несла ответственность за действие, совершенное кучером, если отсутствовали доказательства в пользу противного.

25. Этот пример, возможно, является несколько элементарным, однако он дает наглядное представление о том виде различия, которое можно провести в отношении международных организаций. В тех случаях, когда официальный представитель международной организации совершает обманные действия в ходе выполнения своих обязанностей, организация не вправе утверждать,

что такое действие выходит за рамки его полномочий. С другой стороны, если должностное лицо следует «маршрутом, выбранным по своему собственному усмотрению», совершенное им действие может рассматриваться как выходящее за рамки полномочий. Комиссии следует отметить в комментарии, что имеется возможность существования нескольких случаев, когда международная организация может совершать обманные действия в рамках осуществления своих полномочий, однако она тем не менее должна допустить такую возможность.

26. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает членам Комиссии принять решение о передаче проекта статьи 49 на рассмотрение Редакционного комитета в свете дискуссии.

*Предложение принимается*¹⁰.

СТАТЬЯ 50 (Подкуп представителя государства или международной организации)

27. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 50 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 50. Подкуп представителя государства или международной организации

Если согласие государства или международной организации на обязательность для них договора было выражено в результате прямого или косвенного подкупа их представителя другим участвующим в переговорах государством или международной организацией, то первое государство или международная организация вправе ссылаться на такой подкуп как на основание недействительности их согласия на обязательность для них такого договора.

28. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что в связи с проектом статьи 50 возник вопрос о том, может ли подкуп быть действием международной организации. Хотя случаи подкупа государства сравнительно многочисленны, имеется мало юридических решений по этому вопросу, и таковые отсутствуют в отношении подкупа международными организациями. В случае принятия весьма широкого определения подкупа легко представить случаи, которые касаются государств, однако которые могут также включать организации. Например, при обсуждении вопроса о снятии оговорки к договору не обязательно могут предлагаться деньги, а может быть дано обещание назначить кого-либо на пост или подержать его избрание.

29. При обсуждении статьи 50 члены Комиссии, видимо, выскажутся против возражения, заявленного г-ном Ушаковым в отношении статьи 47 (1553-е заседание). При составлении статьи 7 и далее¹¹ Комиссия была вынуждена решить терминологическую проблему. Выражения «полномочия», «ратификация» и «выражение

¹⁰ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

¹¹ См. 1546-е заседание, сноска 4.

согласия» были заменены в отношении международных организаций выражениями «полномочия»*, «официальное подтверждение» и «уведомление о согласии». Для учета этих различий существовало 2 способа: разделить статью 50 Венской конвенции на 2 части, что сделало бы текст рассматриваемой статьи неуклюжим, или использовать тонкости редакционного характера, чему он отдал предпочтение. Именно поэтому он остановил свой выбор на формуле «if the expression by a State or an international organization of consent», а не на формуле «if the expression of a State's or international organization's consent».

30. Г-н УШАКОВ указывает, что в проекте статьи 50 слово «представитель» означает лицо, которое наделено полномочиями связывать государство или международную организацию обязательствами договора. Однако он не считает, что Комиссия предусматривала эту возможность в отношении международных организаций. Фактически пункт 4 статьи 7 предусматривает случай, когда «лицо считается представляющим международную организацию в целях уведомления о согласии этой организации на обязательность для нее договора...». Таким образом, тогда как представитель государства может «выразить» согласие государства быть связанным обязательствами договора, представитель международной организации может лишь «уведомить» о согласии организации. Используя термин «уведомлять» вместо термина «выражать» с ссылкой на международные организации, Комиссия желала, как это заявлено в пункте 11 ее комментария к статье 7, четко определить, что

воля организации считать договор обязательным для себя должна определяться с учетом уставных норм каждой организации и что действие ее представителя состоит в уведомлении об этой воле, при этом, по крайней мере в данном проекте статей, он не получает полномочия самостоятельно решать вопрос о согласии организации на обязательность для нее договора¹².

31. Различие, проводимое между государствами и международными организациями в отношении выражения согласия быть связанными обязательствами договора, объясняется логическим путем на практике. Государство может заблаговременно уполномочить лицо заключить договор от его имени, не имея сведений о точном содержании договора, так как представитель государства может поддерживать с ним постоянный контакт, информировать его о результатах переговоров и получать инструкции. С другой стороны, когда речь идет о международной организации, орган, который не проводит свои совещания на постоянной основе, как, например, Совет Безопасности или Генеральная Ассамблея Организации

Объединенных Наций, не может предоставить лицу полномочий на заключение договора, содержание которого ей неизвестно, так как только этот орган должен решать вопрос об обязательности этого договора для международной организации. Если Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций может подписать договор от имени Организации, он действует не в рамках личных полномочий, а в рамках полномочий органа Организации Объединенных Наций. Именно поэтому в статье 7 предусмотрено, что лицу не могут быть предоставлены полномочия окончательно установить обязательность международного договора для международной организации. Аналогичная проблема поднята также в статье 47 и в статье 51.

32. В связи со статьей 50 возникает другая проблема, которая также возникает в связи со статьей 49: каковы возможные методы подкупа международной организации, представителя государства или другой международной организации?

33. Г-н ТАБИБИ говорит, что он поддерживает проект статьи 50 и рекомендует передать его в Редакционный комитет. По его мнению, весь раздел 2, посвященный недействительности договоров, представляет особое значение с точки зрения необходимости защиты как государств, так и международных организаций против извращения согласия. Рост участия организаций в процессе заключения договоров означает рост возможностей для подкупа.

34. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что замечание г-на Ушакова наводит на мысль, что электронно-вычислительные машины не выражают согласия международной организации быть связанной договором; даже если они выражают такое согласие, их программирование, вероятно, осуществляется органом, состоящим из людей. Лицо действует от имени международной организации, выражая согласие или сообщая его; лицо может также действовать от имени органа, и в случае Генерального секретаря Организации Объединенных Наций лицо и орган в некотором смысле совпадают.

35. Он высоко ценит мысль, заложенную в теорию, которую разработал г-н Ушаков, однако считает, что она имеет роковое последствие, так как не соответствует фактам. В качестве примера он указал Комиссии на обмен письмами, устанавливающий согласие между Организацией Объединенных Наций и правительством Кипра относительно статуса вооруженных сил Организации Объединенных Наций для поддержания мира на Кипре¹³. Члены Комитета могут удостовериться в том, что в этих двух письмах, которыми обменялись Генеральный секретарь и министр иностранных дел Кипра, отсутствует какая-либо ссылка

* Относится только к тексту на английском языке.

¹² *Ежегодник...*, 1975 год, том II, стр. 215, документ A/10010/Rev.1, глава V, раздел B.2, статья 7, пункт 11 комментария.

¹³ United Nations, *Juridical Yearbook*, 1964 (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № 66.V.4), pp. 40—50.

на ратификацию Советом Безопасности или Генеральной Ассамблеей. По его мнению, соглашением считалось в то время и, весьма вероятно, считается до сих пор то соглашение, которое заключил Генеральный секретарь и которое является обязательным для Организации Объединенных Наций и правительства Кипра.

36. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) отмечает, что г-н Ушаков поднял два различных вопроса: вопрос о подкупе международной организацией и вопрос о подкупе представителя международной организации. По поводу первого вопроса г-н Ушаков высказал те же соображения, что и в отношении предыдущей статьи; в отношении второго вопроса он сослался как на терминологические соображения, так и на существо.

37. В отношении терминологии Специальный докладчик считает, что термин «сообщать», временно принятый — правильно или неправильно — в статье 7 в отношении согласия международных организаций, не должен ставиться вновь под вопрос. В противном случае необходимо отказаться от сравнительно простой формулы, которую он предложил для проекта статьи 50, и принять более сложную формулировку, которая отличает выражение согласия для государств от уведомления о согласии для международных организаций.

38. Что касается существа вопроса, он не согласен с г-ном Ушаковым. Выдержка из комментария к статье 7, процитированная г-ном Ушаковым, содержит весьма важное ограничение в фразе «по крайней мере в данном проекте статей». Комиссия считала, что в соответствии с общим международным правом имеются определенные лица — главы государства, главы правительства и министры иностранных дел, — которые в силу своих функций и без предъявления полномочий могут выражать согласие государства на обязательность для него договора. Однако с учетом того, что в настоящее время отсутствует какая-либо общая практика в отношении международных организаций, Комиссия не сочла возможным в случае таких организаций устанавливать общее правило, дающее эквивалентные полномочия лицам.

39. Тем не менее, хотя и отсутствует общая практика применительно к международным организациям, каждая организация располагает своей собственной практикой. Таким образом, хотя международная организация не может уполномочить представителя дать согласие на обязательность договора в силу общей практики, она может сделать это в силу своей собственной практики, и именно в этом он не согласен с г-ном Ушаковым. Определенные международные организации иногда фактически наделяют представителя полномочиями, выходящими за рамки чисто автоматического уведомления о согласии.

40. Он считает, что практика каждой международной организации должна уважаться и что

международным организациям не следует препятствовать развиваться в том направлении, которое они считают приемлемым, путем принятия норм, являющихся слишком негибкими. С редакционной точки зрения он считает, что было бы целесообразнее отделить выражение согласия государства от уведомления о согласии международной организации, указав в комментарии, каким образом слово «уведомить» интерпретируется определенными членами Комиссии.

41. Г-н УШАКОВ говорит, что, по его мнению, заявление о том, что лицо может быть уполномочено международной организацией на установление обязательности для нее договора, противоречило бы практике международных организаций и их уставным документам, так как это позволило бы лицам заменить компетентные органы организации и, возможно, действовать против воли этих организаций.

42. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что в отсутствие возражений он будет считать, что Комиссия постановляет передать проект статьи 50 Редакционному комитету.

*Предложение принимается*¹⁴.

Заседание закрывается в 13 час.

¹⁴ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

1558-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 22 июня 1979 года, 10 час. 15 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Ушаков, г-н Фрэнсис, г-н Швებель, г-н Эвенсен.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (продолжение) (A/CN.4/319)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ 51 (Принуждение представителя государства или международной организации)

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 51 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 51. Принуждение представителя государства или международной организации

Согласие государства или международной организации на обязательность для них договора, которое было выражено в результате принуждения их представителя действиями или угрозами, направленными против них, не имеет никакого юридического значения.

2. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что к статье 51 относятся те же замечания, что и к статье 50. Как следует из обсуждения последней (1557-е заседание), статью 51 также необходимо разделить на два пункта, один из которых должен касаться государств, а другой — международных организаций.

3. Г-н УШАКОВ считает, что проект статьи 51 связан с той же проблемой, что и проект статьи 50. Поэтому он предлагает передать его в Редакционный комитет.

4. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статьи 51 в Редакционный комитет.

Предложение принимается¹.

СТАТЬЯ 52 (Принуждение государства или международной организации посредством угрозы силой или ее применения)

5. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 52 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 52. Принуждение государства или международной организации посредством угрозы силой или ее применения

Договор является ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций.

6. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что, за исключением названия, в проекте статьи 52 воспроизведен соответствующий текст Венской конвенции² без каких-либо изменений.

7. Г-н УШАКОВ не понимает, что имелось в виду под «угрозой силой или ее применения» в отношении договора между двумя или более международными организациями. Он также хотел бы знать, что подразумевается под словом «угроза»: угроза применения вооруженной силы, предусмотренной Венской конвенцией, или какое-либо политическое, дипломатическое или экономическое давление? В любом случае он не понимает, как можно говорить об одной международной организации, принуждающей другую посредством угрозы силой или ее применения.

¹ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

² См. 1546-е заседание, сноска 1.

8. Поэтому он предлагает разделить проект статьи 52 на два пункта, причем один из них должен касаться договоров между государствами и международными организациями, а другой — договоров между двумя или более международными организациями.

9. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ разделяет опасения г-на Ушакова, поскольку Устав Организации Объединенных Наций был создан для регулирования отношений между государствами, а не между международными организациями и был сформулирован соответствующим образом. С другой стороны, если смотреть с точки зрения принципов международного права, а не Устава как такового, то, по его мнению, существует вполне реальная необходимость предусмотрения в рамках проекта статьи 52 возможности использования международной организацией силы в противоречие этим принципам. Например, если предположить, что шестью государствами была создана какая-либо организация для их коллективной защиты, может возникнуть вопрос о том, будет ли применение силы со стороны такой организации действительно осуществлением права на самозащиту в соответствии с принципами Устава или оно будет нарушением территориальной целостности и политической независимости другого государства. Такое нападение нельзя исключать как с юридической, так и с практической точек зрения — хотя, конечно, остается надеяться, что оно никогда не произойдет, — и оно может привести к навязыванию договора государству, ставшему объектом нападения. Таким образом, в проекте статей несомненно будет иметься пробел, если не будет предусмотрена подобная ситуация, и сам оратор не может при таких обстоятельствах утверждать, учитывая, что положения Устава распространяются лишь на государства — члены ООН, что такие действия не будут противоречить принципам международного права, воплощенным в Уставе, и что подобный договор не должен по этой причине рассматриваться как не имеющий юридической силы.

10. По его рассуждениям, распространяющимся на статью 52, а также и на все проекты статей, статья должна формулироваться для учета чрезвычайных ситуаций, с тем чтобы она применялась в тех случаях, когда она действительно должна применяться. Это также является одной из проблем, которая, по его мнению, должна быть упомянута в комментарии.

11. Хотя вооруженный конфликт между двумя организациями, вероятно, является в некотором роде надуманной идеей, он все же является возможностью, которую было бы неразумно исключать. Например, конфликт между государствами может произойти под прикрытием конфликта между международными организациями.

12. Г-н ШВЕБЕЛЬ высказывается в поддержку замечаний сэра Фрэнсиса Вэллета.

13. В статье 53 Устава Организации Объединенных Наций предусматривается использование региональных соглашений или органов для принудительных действий, и, естественно, остается надеяться, что такие действия будут применяться лишь в соответствии с положениями Устава, но оратор задает вопрос о том, дает ли современная история основание на подобную надежду. Имелись случаи применения военными и другими союзами силы против какого-либо государства или извещения о намерении поступить подобным образом при определенных условиях, которые, мягко говоря, были чрезвычайно сомнительными и вызвали постановку серьезных вопросов о нарушении Устава и норм международного права. По его мнению, нельзя исключать возможность применения государством или группой государств силы против международной организации. Международная организация вполне может стать объектом угрозы или даже применения силы со стороны могущественного государства. В этой связи он имеет в виду не такие организации, как ЮНЕСКО или МОТ, а многие другие существующие организации, такие как таможенные союзы и ассоциации, с участием небольшого числа государств, созданные в целях экономического сотрудничества. Две международные организации могут также применить силу по отношению друг к другу. И здесь он вновь имеет в виду не такие организации, как ЮНЕСКО или МОТ, а, например, региональные организации, созданные для целей обороны. Однако то, что один считает обороной, другой может считать нападением. Это не означает, что нельзя вынести объективное суждение, но суждения часто различаются, и любое подобное суждение вполне может быть высказано через какую-либо организацию, а также каким-либо государством. Поэтому в принципе оратор не видит оснований для невключения статьи в предложенной формулировке.

14. Г-н РИФАГЕН говорит, что, насколько он понимает статью 52, она не ограничивается применением силы со стороны одного из участников договора, поскольку применение силы третьей стороной также может привести к лишению договора силы. Кроме того, данный проект не предусматривает применение силы международной организацией, хотя это также возможно. Поэтому он считает, что этот проект статьи является необходимым и должен быть сохранен в предложенном виде.

15. Г-н ПИНТО выражает согласие с необходимостью сохранения проекта статьи 52, но хотел бы узнать, намерен ли Специальный докладчик расширить комментарий, уточнив, что данная статья охватывает применение не только вооруженной силы, но также других видов силы. Этот вопрос обязательно возникнет на любой дипломатической конференции, на которой будут рассматриваться проекты статей.

16. Г-н НДЖЕНГА говорит, что он готов согласиться с проектом статьи 52, поскольку

международная организация может использовать силу для обеспечения заключения договора, хотя такая возможность является не совсем реальной. Однако он не понимает, чем лучше вариант с включением выражения «воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций». По его мнению, это выражение вводит в заблуждение, поскольку по сути дела оно относится к пункту 4 статьи 2 Устава, которая начинается словами «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются...», и, таким образом, явно не имеет ничего общего с международными организациями. Поэтому он считает, что ссылку на Устав следует исключить. Тогда можно будет учесть не только военную силу, но также и другие виды силы,— как это отметил г-н Пинто,— и текущие события, как это отражено в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций³, и любые другие результаты, достигнутые Специальным комитетом по усилению эффективности принципа неприменения силы в международных отношениях. Другими словами, по его мнению, при наличии ссылки на Устав данная статья будет без необходимости ограниченной, без веского для этого основания.

17. Г-н ШВЕБЕЛЬ говорит, что он очень хотел бы узнать мнение Специального докладчика по важному вопросу, поднятому г-ном Ндженгой. Его непосредственной реакцией было желание сохранить ссылку на Устав, поскольку она является стандартной и можно легко определить, что она связана с пунктом 4 статьи 2. Г-н Ндженга отметил, что пункт начинается со слов «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются...». В ответ оратор хотел бы, во-первых, отметить, что, как об этом свидетельствует Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, Организация Объединенных Наций специально толковала это положение как относящееся не только ко всем членам, но также и ко всем государствам; и, во-вторых, в статье 2 Устава предусмотрено: «Организация и ее Члены действуют в соответствии со следующими Принципами». А если эти принципы являются обязательными для Объединенных Наций как организации, то почему они не должны быть также обязательными для других международных организаций?

18. Следующее положение заключалось в том, что, даже если, несмотря на положения первой фразы статьи 2 Устава, обязательства считаются распространяющимися только на государства, а не на международные организации, единственным предметом, интересующим Комис-

³ Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи, приложение.

сию в этой связи, являются организации государств, другими словами, межправительственные организации. И если государства принимают на себя обязательства индивидуально, что, несомненно, является обязательством *ius cogens*, они также обязаны выполнять эти обязательства как коллектив, когда они действуют через посредство международной организации.

19. Г-н ФРЭНСИС говорит, что он также согласен с необходимостью статьи 52, поскольку угроза силой или ее применение против какой-либо международной организации или со стороны самой международной организации являются не такими уже нереальными. Например, организация, пославшая контингенты войск по поддержанию мира на какую-либо территорию, может воспользоваться их присутствием для обеспечения подписания какого-либо договора страной, которой принадлежит эта территория. И наоборот, нетрудно представить, что руководитель какого-либо регионального отделения Организации Объединенных Наций может быть вынужден под угрозой несдержанного главы государства — например, под угрозой занять штаб-квартиру отделения — принять определенные меры в отношении ведения переговоров о каком-либо договоре.

20. Следует ли сохранить ссылку на Устав в этом проекте статьи — будет зависеть от ответа на вопрос г-на Пинто. В ходе прений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи о Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, а также об определении агрессии малые государства заявили, что понятие о применении силы должно включать не только вооруженную силу, но также и другие виды силы, хотя были и сторонники традиционного толкования. Поэтому, если Специальный докладчик хочет расширить понятие силы в проекте статьи 52, можно будет достигнуть большей гибкости путем исключения выражения «воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций».

21. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что термин «сила» был предметом тщательного рассмотрения на Конференции Организации Объединенных Наций по праву международных договоров, принявшей резолюцию в отношении мер, которые можно считать не затронувшими вооруженной силы⁴. Он считает аксиомой то, что формулировка проекта статьи 52 будет толковаться так же, как точно такая же формулировка, содержащаяся в статье 52 Венской конвенции, которая подробно и долго рассматривалась до того, как она была принята Конференцией. Задача Комиссии в данный момент состоит в адаптации Вен-

ской конвенции о праве международных договоров к потребностям международных организаций, и, по всей видимости, необходимо изменить положения статьи 52 Венской конвенции по той простой причине, что данный проект статьи охватывает не только государства, но также и международные организации.

22. При рассмотрении вопроса об угрозе силой или ее применении естественным является принятие во внимание первой части пункта 4 статьи 2 Устава, где говорится об угрозе силой и ее применении «против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства», но естественным также является и опущение последней части данного пункта, где содержится требование о том, чтобы государства воздерживались от угрозы силой или ее применения «каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций». Правовые последствия всего этого пункта в целом будут учтены, если данный проект статьи будет сформулирован аналогично формулировке, содержащейся в Венской конвенции. Он вполне сознает тот факт, что толкование пункта 4 статьи 2 Устава может быть различным, но многочисленные цели Организации Объединенных Наций перечислены в статье 1 Устава, и поэтому сфера охвата пункта 4 статьи 2 не является такой ограниченной, как отмечалось в ходе дискуссии. Ссылка на принципы международного права, воплощенные в Уставе, свидетельствует о намерении использовать достаточно общие выражения, которые уже освящены их употреблением и прецедентом для которых является статья 52 Венской конвенции. Поэтому было бы целесообразно не пользоваться данной формулировкой.

23. Г-н ФРЭНСИС говорит, что он хотел бы лишь определить, изменилось ли традиционное толкование понятия силы со времени дискуссий на Конференции Организации Объединенных Наций по праву международных договоров, то есть во время разработки Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, или в ходе работы Специального комитета по вопросу об определении агрессии. Он отметил, что в 1977 году, во время рассмотрения Шестым комитетом пункта, касающегося заключения всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях, было высказано мнение о том, что сила должна рассматриваться как нечто большее, чем просто вооруженная сила⁵.

24. Г-н ПИНТО говорит, что целью его предыдущего вопроса было выяснение того, хочет ли Специальный докладчик отметить в своем комментарии, что понятие, лежащее в основе

⁴ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), стр. 285 англ. текста, документ A/CONF.39/26, приложение.

⁵ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать вторая сессия, Приложение*, пункт 112 повестки дня, документ A/32/433, пункт 220.

выражения «принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций», эволюционировало, или, поскольку в данном проекте статей положения Венской конвенции просто распространены на международные организации, нет необходимости в дальнейшей разработке концепции силы для учета озабоченности, которая, несомненно, будет высказана на любой дипломатической конференции, созванной для рассмотрения этих проектов статей.

25. Со времени проведения Конференции по праву международных договоров прошло десять лет, и, по мнению оратора, нельзя утверждать, что концепция силы осталась неизменной. По всей видимости, г-н Ндженга счел выражение «принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций» неприемлемым не просто по той причине, что Устав не относится к международным организациям, а из-за того, что в нем не учтены все появившиеся в настоящее время возможности применения силы международными организациями. Если в комментарии не будет содержаться каких-либо пояснений в отношении проекта статьи 52, он может создать впечатление о том, что Комиссия не в курсе тех изменений, которые произошли за это время.

26. Г-н РИФАГЕН говорит, что он сам присутствовал на Конференции по праву международных договоров и принимал участие в обсуждении Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, и теперь он высказывается за сохранение существующей формулировки проекта статьи 52. На Конференции обеспечение надежности договоров было для многих государств одной из первостепенных задач. Комиссии не следует спешить и одобрять статью, которая приведет к лишению договора его юридической силы; необходимо помнить о том, что применение силы включает законное применение силы государствами, например, при самообороне или по распоряжению Совета Безопасности. Законное применение силы может привести к заключению договора о мире, и совсем не трудно представить себе обстоятельства, при которых международная организация, например Организация Объединенных Наций, станет участником договора о мире. Государства, представленные на Конференции о праве договоров, хорошо понимали, что невозможно объявить все договоры о мире не имеющими юридической силы. Кроме того, как видно из названия Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в ее основе лежали принципы Устава. Поэтому проект статьи 52 также следует толковать с учетом этой Декларации.

27. По этим причинам он полагает, что предложенная формулировка является вполне удовлетворительной, и он хотел бы вновь заявить, что, по его мнению, эта статья не ограничивается применением силы каким-либо участником договора; она также охватывает применение силы третьим государством или международной организацией, либо по распоряжению международной организации.

28. Г-н УШАКОВ считает, что в отношении договоров между государствами и международными организациями эта формулировка положения Венской конвенции должна быть сохранена. В статье 3 Венской конвенции уточняется, что тот факт, что Конвенция не применяется к «международным соглашениям, заключенным между государствами и другими субъектами международного права или между такими другими субъектами международного права... не затрагивает... применения настоящей Конвенции к отношениям государств между собой в рамках международных соглашений, участниками которых являются также другие субъекты международного права». Таким образом, Венская конвенция распространяется на отношения между государствами даже в соответствии с соглашениями, участниками которых являются международные организации. Поэтому, если государство применяет угрозы или силу к другому государству или международной организации для того, чтобы добиться заключения договора между государствами и международными организациями, то на это распространяются положения Венской конвенции.

29. Но текст Конвенции не может быть сохранен для договоров, заключенных только между международными организациями. В этом случае нельзя ссылаться на принципы Устава Организации Объединенных Наций, поскольку на государства и международные организации, не являющиеся членами Организации Объединенных Наций, не распространяются положения Устава.

30. Поэтому он полагает, что эта норма Венской конвенции должна быть сохранена для договоров между государствами и международными организациями и что для договоров между двумя или более международными организациями необходимо разработать другую отдельную норму. По его мнению, невозможно разработать единую норму для обоих видов договоров, поскольку такая норма не будет распространяться на иные международные организации, кроме Организации Объединенных Наций. Таким образом, она не будет общей нормой, применимой к любой ситуации.

31. Что касается применения вооруженной силы, то возникает вопрос о том, будет ли в примере, приведенном сэром Фрэнсисом Вэллетом и касающемся конфликта между двумя международными оборонными организациями, во-

оруженная сила направлена против одной из этих организаций как таковой или против государств, являющихся ее членами. В первом случае будет ли применяться вооруженная сила против штаб-квартиры этой организации, ее органов, ее секретариата или ее руководителя?

32. В случае простого экономического или финансового давления может ли, например, какой-либо международный валютный фонд отказаться предоставить заем государству, поскольку заключение соглашения о займе было обеспечено при помощи какого-либо давления? По мнению оратора, Комиссии следует разъяснить все эти вопросы в комментарии.

33. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что соответствующее замечание г-на Рифагена в отношении применения силы по распоряжению Совета Безопасности напоминает о положениях главы VIII Устава, касающихся региональных соглашений, которые относятся к настоящей дискуссии. Статья 53 Устава вполне ясно предусматривает не только применение вооруженной силы, но также и незаконное применение силы региональными учреждениями. В этой статье предусмотрено, что «Совет Безопасности использует, где это уместно, такие региональные соглашения или органы для принудительных действий под его руководством», но что «никакие принудительные действия не предпринимаются, в силу этих региональных соглашений или региональными органами, без полномочий от Совета Безопасности»; далее уточняется исключение, а именно «мер, предусмотренных... против любого вражеского государства». Таким образом, в Уставе предусмотрены чрезвычайно ясные принципы права в отношении региональных учреждений, которые должны по их характеру рассматриваться как международные организации.

34. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что Комиссии не следует занимать какую-либо позицию в отношении характера силы, но ограничиться напоминанием в комментарии того, что было сказано по данному вопросу на Конференции по праву договоров. Ей также следует просить Секретариат извлечь из отчетов Организации Объединенных Наций выступления по данному вопросу на Генеральной Ассамблее.

35. Он отметил, что Конференция по праву договоров могла сослаться в статье 52 Венской конвенции только на Устав Организации Объединенных Наций. Причина, по которой она сослалась на принципы международного права, воплощенные в Уставе, заключается в том, что она намеревалась эту статью распространить также на договоры, заключенные до принятия Устава. Поскольку она считает, что в течение периода, непосредственно предшествовавшего принятию Устава, государства заключили ряд договоров, которые следует рассматривать как недействительные. Комиссии был задан вопрос о том, как

долго действовали эти принципы, поскольку если они существовали всегда, то можно поставить под вопрос большинство территориальных договоров, что поставит под угрозу международный территориальный порядок. Комиссия отметила, что она не компетентна для ответа на этот вопрос, но что эти принципы, несомненно, находились в силе приблизительно с 1928 года, когда Лига Наций приняла свои основные документы.

36. В связи с определением агрессии Генеральная Ассамблея уже поднимала вопрос о том, может ли международная организация прибегнуть к незаконному применению вооруженной силы. По смыслу статьи 1 (Определение агрессии⁶) термин «государство» «включает понятие «группа государств» в том случае, где это необходимо». По его мнению, этот вопрос скорее заключается не в том, следует ли проводить различие между договорами, заключенными между государствами и международными организациями, и договорами, заключенными между одними лишь международными организациями, а в том, может ли международная организация применять силу незаконным путем.

37. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановляет передать проект статьи 52 в Редакционный комитет.

Предложение принимается⁷.

Заседание закрывается в 13 час.

⁶ Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи, приложение.

⁷ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

1559-е ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник, 25 июня 1979 года, 15 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Ушаков, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Эвенсен.

Выражение приветствия г-ну Барбосе

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ поздравляет г-на Барбосу с его избранием и представляет его Комиссии.

2. Г-н БАРБОСА благодарит членов Комиссии за приветствие в его адрес и за оказанную

ему честь быть избранным ее членом — честь, налагающую на него обязанность приложить все усилия для поддержания традиционно высокого уровня ее работы.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (продолжение) (A/CN.4/319)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ 53 (Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права (*jus cogens*))

3. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 53 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 53. Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права (*jus cogens*)

Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящего проекта статей, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

4. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что проект статьи 53 идентичен соответствующей статье Венской конвенции¹, в которой предусматривается, что государства не могут нарушать императивные нормы общего международного права. Поскольку международные организации создаются на основе договоров, заключенных государствами, нельзя допустить, чтобы они были освобождены от соблюдения этих норм. Поэтому проект должен включать статью, аналогичную статье 53 Венской конвенции.

5. Остается открытым вопрос о том, уместно ли в рассматриваемой статье выражение «международным сообществом государств» и не следует ли добавить слова «и международными организациями». Он считает, что добавления этих слов породит лишь трудности. Международное сообщество государств является унитарным понятием, которое не требует какого-либо упоминания о международных организациях.

6. Г-н ЦУРУОКА одобряет рассматриваемый проект статьи.

7. Г-н УШАКОВ не уверен в том, что императивные нормы общего международного права, которые, безусловно, обязательны для государств,

имеют обязательный характер и для международных организаций. Этот вопрос должен быть рассмотрен в комментарии.

8. Г-н ФРЭНСИС говорит, что статья 53 в той форме, в которой она предложена Специальным докладчиком, является для него неприемлемой. Он, однако, полагает, что следовало бы опустить слово «государств» из фразы «международным сообществом государств в целом», поскольку статья налагает обязательства не только на государства, но также и на международные организации как субъекты международного права.

9. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС говорит, что в ходе обсуждений на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров была со всей очевидностью продемонстрирована необходимость и обоснованность текста статьи 53 Венской конвенции. Нет, безусловно, никаких причин для того, чтобы освобождать международные организации от соблюдения правил *jus cogens*. Поэтому он всецело поддерживает формулировку проекта статьи и точку зрения Специального докладчика о том, что «международное сообщество государств в целом» должно рассматриваться как унитарная концепция.

10. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что проект статьи 53 имеет огромное значение и что ее действие должно распространяться не только на государства, но и на международные организации. Однако, как и г-н Фрэнсис, он испытывает некоторые сомнения в связи с включением слова «государств».

11. Статья 53 Венской конвенции подверглась необычайно тщательному изучению, и фраза «императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом» была включена лишь после продолжительных обсуждений. Конференция пришла к убеждению, что императивная норма общего международного права должна быть признана международным сообществом в целом, поскольку добиться признания со стороны каждого государства мира невозможно. Мотивы, определившие подобный подход, сводились к тому, что императивные нормы носят в традиционном международном праве исключительный характер и не должны восприниматься пренебрежительно. Все это относится и к международным организациям, и он стал бы настаивать на этом мнении, если бы в пункте 1i статьи 2² международная организация не была определена как межправительственная, то есть как межгосударственная организация. Поэтому принятие и признание международным сообществом государств императивного характера нормы кос-

¹ См. 1546-е заседание, сноска 1.

² Там же, сноска 4.

венно означает, что то же самое принимается и признается и международными организациями.

12. С другой стороны, опущение слова «государств» вызывает ряд трудностей, поскольку статья станет отличаться от соответствующего текста Венской конвенции, а государства и международные организации как члены международного сообщества будут поставлены ею в равное положение. Одно дело заявлять, что международная организация обладает международной правосубъектностью и правоспособностью заключать договоры, однако совершенно другое дело приравнивать международные организации к государствам в том, что касается императивных норм общего международного права. Поэтому, несмотря на некоторые сомнения, он склоняется в пользу текста, представленного Специальным докладчиком.

13. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) указывает, что, если Комиссия остановится на выражении «международным сообществом государств в целом», она должна будет оправдать опущение слова «государств». Однако это изъятие может приобрести принципиальное значение, с чем, возможно, согласятся не все правительства. Безусловно, существует несколько категорий субъектов международного права, как было показано в консультативном заключении Международного Суда по делу *о возмещении за вред, причиненный служащим Организации Объединенных Наций*³, однако несомненным является то, что существуют первоначальные члены-государства и вторичные члены международного сообщества. Государства могут создавать юридические субъекты — международные организации, — являющиеся частью международного сообщества, через которых они действуют. Если Комиссия станет утверждать, что международные организации могут создавать прецеденты, имеющие обязательный характер для государств, она затронет тем самым сферу международных обычаев, что, безусловно, вызовет всеобщее недоумение. Некоторые могут заявить, что частные лица также являются субъектами международного сообщества в целом. Для того чтобы беспричинно не настораживать правительства, было бы, по-видимому, желательно сохранить формулировку соответствующей статьи Венской конвенции в прежнем виде.

14. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что если не будет возражений, то он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статьи 53 Редакционному комитету.

*Предложение принимается*⁴.

³ *I.C.J. Reports 1949*, p. 174.

⁴ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

СТАТЬЯ 54 (Прекращение договора или выход из него в соответствии с положениями договора или с согласия участников)

и

СТАТЬЯ 57 (Приостановление действия договора в соответствии с положениями договора или с согласия участников)

15. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить одновременно проекты статей 54 и 57 (A/CN.4/319), поскольку они аналогичны. Статьи гласят:

Статья 54. Прекращение договора или выход из него в соответствии с положениями договора или с согласия участников

Прекращение договора или выход из него участника могут иметь место:

a) в соответствии с положениями договора; или

b) в любое время с согласия всех участников по консультации с государствами или международными организациями, выступающими лишь в качестве договаривающихся государств или договаривающихся международных организаций.

Статья 57. Приостановление действия договора в соответствии с положениями договора или с согласия участников

Приостановление действия договора в отношении всех участников или в отношении какого-либо отдельного участника возможно:

a) в соответствии с положениями договора; или

b) в любое время с согласия всех участников по консультации с государствами или международными организациями, выступающими лишь в качестве договаривающихся государств или договаривающихся международных организаций.

16. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) указывает, что в Венской конвенции проводится различие между «договаривающимися государствами» и «участниками». До вступления в силу многостороннего договора государства выражают индивидуально свое согласие выполнять обязательства по договору. Таким образом они становятся договаривающимися государствами. Когда условия вступления в силу договора оказываются выполненными, договаривающиеся государства приобретают статус участников. Однако иногда договаривающееся государство может не стать в этот момент участником договора, потому что, выражая свое согласие соблюдать положения договора, оно обусловило вступление в силу своих обязательств выполнением определенных формальностей. Такой случай имел бы место, если бы государство пожелало сначала привести в соответствие с конкретным договором свое внутреннее право. Вызывающая некоторое удивление формулировка подпункта b) статей 54 и 57 Венской конвенции объясняется стремлением предусмотреть этот случай.

17. При составлении проектов статей 54 и 57 за образец были взяты соответствующие статьи Венской конвенции, поскольку международная

организация может оказаться в такой же ситуации, что и государство, которое в момент выражения своего согласия выполнять обязательства по договору откладывает признание договора в качестве имеющего для него силу до завершения определенных процедур. Международная организация может, например, пожелать отменить одно из своих решений, прежде чем определенный договор приобретет для нее силу.

18. В заключение он поясняет, что причина, по которой он отказался в двух рассматриваемых статьях от проведения различия между договорами, заключенными между государствами и международными организациями, и договорами, заключенными между международными организациями, кроется в том, что, как уже указала Комиссия, выражение «государствами или международными организациями» не обязательно подразумевает участие государств и потому относится к обеим категориям договоров.

19. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ отмечает, что в подпункт *b* проекта статей 54 и 57 было включено слово «лишь», которого нет в соответствующих статьях Венской конвенции; Редакционный комитет, несомненно, пожелает рассмотреть этот вопрос.

20. Г-н ФРЭНСИС, касаясь подпункта *b*, говорит, что аналогичные положения Венской конвенции распространяются на все государства, не выполнившие определенных процедур, в то время как проекты статей 54 и 57 касаются как государств, так и международных организаций. Он спрашивает, не следует ли в выражении «по консультации с государствами или международными организациями» заменить слово «или» словом «и», ибо нынешнюю формулировку можно понять как означающую либо с государствами, либо с международными организациями.

21. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) указывает, что если слово «или» заменить словом «и», то в подпункте *b* каждой из двух статей придется проводить различие между двумя большими группами договоров, а последнюю часть этого положения сформулировать следующим образом: «по консультации, в зависимости от случая, с международными организациями, выступающими лишь в качестве договаривающихся международных организаций, или с государствами и международными организациями, выступающими лишь в качестве договаривающихся государств или договаривающихся международных организаций». Если Комиссия согласна со смыслом, вкладываемым в слово «или», то ей не потребуются проводить это различие и она сможет обойтись без использования весьма громоздкой формулировки.

22. Г-н УШАКОВ отмечает, что «государство-участник» остается все же «договаривающимся государством» и что слова «по консультации с прочими договаривающимися государст-

вами» были использованы в Венской конвенции обоснованно. В рассматриваемых проектах статей можно было бы использовать следующую формулировку: «по консультации с прочими договаривающимися государствами и прочими договаривающимися международными организациями».

23. Г-н ЦУРУОКА говорит, что вопросы, возникающие в связи с рассматриваемыми статьями, касаются лишь формулировок, и предлагает передать их Редакционному комитету.

24. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что если не будет возражений, то он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статей 54 и 57 Редакционному комитету.

*Предложение принимается*⁵.

СТАТЬЯ 55 (Сокращение числа участников многостороннего договора, в результате которого оно становится меньше числа, необходимого для вступления договора в силу)

25. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 55 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 55. Сокращение числа участников многостороннего договора, в результате которого оно становится меньше числа, необходимого для вступления договора в силу

Если договором не предусматривается иное, многосторонний договор не прекращается по причине только того, что число его участников стало меньше числа, необходимого для вступления в силу договора.

26. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что проект статьи 55 идентичен соответствующей статье Венской конвенции. Он подчеркивает, что слова «по причине только» должны показать, что другие причины могут привести к прекращению действия многостороннего договора при выходе из него участника, хотя это происходит с общими многосторонними договорами редко. С другой стороны, закрытые международные договоры могут лишиться своего предмета и смысла, если хотя бы одна из сторон выйдет из него. Еще в процессе подготовки проекта статей об оговорках Комиссией был рассмотрен случай, когда несколько государств и одна международная организация заключают договор об оказании государству технической помощи через организацию. Поскольку организация будет выполнять функции, имеющие важнейшее значение для осуществления договора, то договор прекратит свое существование, если организация выйдет из него. Хотя подобные случаи пока, по-видимому, не возникали, их следует предусмотреть, и рассматриваемая статья является оправданной.

27. Г-н УШАКОВ указывает, что договор, заключенный между государством и междуна-

⁵ То же

родными организациями, мог бы содержать положение, обуславливающее его вступление в силу его ратификацией минимальным числом государств и минимальным числом организаций. Этот случай не предусмотрен рассматриваемым проектом статьи в его нынешней формулировке.

28. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) соглашается, что эту возможность, несмотря на ее несколько теоретический характер, можно упомянуть в комментарии к статье 55 или отразить в тексте статьи. В последнем случае текст должен заканчиваться следующими словами: «независимо от того, выражено ли это число в отношении к общему числу участников или же оно установлено с учетом их характера».

29. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что проект статьи 55 довольно необычен, поскольку в современных конвенциях основным фактором при вступлении конвенции в силу является обычно число документов о ратификации или признании, а не число участников. Это особо относится к многосторонним договорам, составленным под эгидой Организации Объединенных Наций. Передача на хранение документа о ратификации не обязательно равнозначна присоединению к числу участников договора, поскольку в этом случае возможна задержка. Так, в некоторых морских конвенциях предусматривался 12-месячный перерыв между датой ратификации и датой вступления в силу, с тем чтобы государства успели внести в свое законодательство необходимые изменения. В подобных случаях в заключительных положениях определяется, будет ли вступление в силу договора зависеть от числа представленных документов о ратификации или от числа участников.

30. Как он понимает, возможность привести проект статьи в соответствие с современной договорной практикой отсутствует, поскольку Комиссия должна использовать критерий количества участников. Одним из преимуществ термина «участники» является то, что в соответствии с ранее принятыми определениями, он охватывает как государства, так и международные организации. Однако теоретически вероятность отклонений остается весьма значительной. С одной стороны, договор может быть открыт для государств и международных организаций без различия, и в этом случае его вступление в силу будет определяться прежде всего числом документов о ратификации или признании. С другой стороны, безусловно, имели и будут иметь место случаи, когда само существование многостороннего договора зависит от присоединения к нему международной организации. Ему кажется, что проекты статей не будут применимы в подобных случаях, потому что договор вступит в силу лишь тогда, когда заинтересованная международная организация и, кроме того, определенное число государств станут его участниками или представят свои документы. Иными сло-

вами, тут идет речь не о числе, а о чем-то другом. Однако до тех пор, пока все сводится к числу участников, важно знать, является ли участник международной организацией или государством.

31. Поэтому будет логично не пытаться изменять формулировку статьи, что создало бы лишь новые сложности, а изложить эти замечания в комментарии, подчеркнув, в частности, что в проекте статьи речь идет лишь о случае, когда число участников оказывается меньше числа, необходимого для вступления в силу многостороннего договора.

32. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) отмечает, что замечания членов Комиссии относятся главным образом к комментарию к проекту статьи 55, который должен отразить положительные стороны статьи.

33. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что если нет возражений, то он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статьи 55 Редакционному комитету.

Предложение принимается ⁶.

СТАТЬЯ 56 (Денонсация договора или выход из договора, не содержащего положения о его прекращении, денонсации или выходе из него)

34. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 56 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 56. Денонсация договора или выход из договора, не содержащего положения о его прекращении, денонсации или выходе из него

1. Договор, который не содержит положений о его прекращении и который не предусматривает денонсации или выхода из него, не подлежит денонсации, и выход из него не допускается, если только:

- a) не установлено, что участники намеревались допустить возможность денонсации или выхода; или
- b) характер договора не подразумевает права денонсации или выхода.

2. Участник уведомляет не менее чем за двенадцать месяцев о своем намерении денонсировать договор или выйти из него в соответствии с пунктом 1.

35. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) указывает, что Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров пришлось решать вопрос о том, возможна ли денонсация или выход из договора, в котором отсутствует положение о его прекращении и не предусматривается денонсации или выхода из него. Она могла рассматривать договоры как вечные в соответствии с принципом *pacta sunt servanda* или же, напротив, считать, что каждая сторона может выйти из договора по своему усмотрению, что лишило бы его всякого смысла. Сделав оговорку о полном изменении обстоятельств, Конференция

⁶ То же.

избрала промежуточную позицию: в принципе, подобные договоры не подлежат денонсации и выход из них не допускается, если только не установлено, что стороны намеревались предусмотреть возможность денонсации или выхода или если право денонсации или выхода может быть выведено из характера договора. Второе условие вызвало среди участников Конференции широкую полемику.

36. Из-за этого второго условия он долго сомневался, прежде чем предложить статью 56, которая идентична соответствующей статье Венской конвенции. Ибо остается открытым вопрос о том, существуют ли какие-либо договоры, заключенные между государствами и международными организациями, сама природа которых может допускать право денонсации и выхода из них. Лично он считает, что такой характер могут носить, например, соглашения о штаб-квартире. Каждая международная организация вправе выбирать себе штаб-квартиру в соответствии с учредительным документом, и нет оснований предполагать, что компетентные органы организации, заключая соглашение о штаб-квартире, намерены отказаться от этого права. С другой стороны, можно ли представить, чтобы соглашение о штаб-квартире наделило государство, принимающее организацию, правом удерживать штаб-квартиру организации на своей территории? С юридической точки зрения можно признать, что в силу своего характера соглашение о штаб-квартире может быть денонсировано заинтересованной организацией. И действительно, трудно согласиться с тем, что организация может утратить право выбора места расположения собственной штаб-квартиры. Ни в одном из рассмотренных им соглашений о штаб-квартире он не обнаружил положений ни о продлении соглашения, ни о его денонсации. Короче, компромиссное решение, содержащееся в статье 56 Венской конвенции, также, по-видимому, имеет смысл в контексте проекта статей.

37. Г-н УШАКОВ, касаясь пункта 1а, указывает, что применительно к договору между международными организациями денонсация или выход из договора, упомянутые в этом положении, могут быть совершены любой международной организацией, участвующей в договоре. С другой стороны, в случае договора между государствами и международными организациями денонсация или выход из договора могут быть осуществлены только международной организацией или же только государством. Этот момент следует уточнить, если не в тексте статьи, то хотя бы в комментарии.

38. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) поясняет этот момент примером. Предполагаемые шесть государств и международная организация заключают договор о технической помощи, ответственность за оказание которой возлагается на международную организацию. В этом случае

правом денонсации или выхода из договора наделяется международная организация, а не государства-участники. В противоположном случае возможностью денонсировать договор или выйти из него будут обладать государства, а не международная организация. Этот вопрос может быть, естественно, рассмотрен Редакционным комитетом или включен в комментарий.

39. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что если нет возражений, то он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статьи 56 Редакционному комитету.

*Предложение принимается*⁷.

СТАТЬЯ 58 (Приостановление действия многостороннего договора по соглашению только между некоторыми участниками)

40. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 58 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 58. Приостановление действия многостороннего договора по соглашению только между некоторыми участниками

1. Два или несколько участников многостороннего договора могут заключить соглашение о временном приостановлении действия положений договора только в отношениях между собой, если:

- a) возможность такого приостановления предусматривается договором; или
- b) указанное приостановление не запрещается договором и:
 - i) не влияет ни на пользование другими участниками своими правами, вытекающими из данного договора, ни на выполнение ими своих обязательств;
 - ii) не является несовместимым с объектом и целями договора.

2. Если в случае, подпадающем под действие пункта 1а, договором не предусматривается иное, то указанные участники уведомляют других участников о своем намерении заключить соглашение и о тех положениях договора, действие которых они намерены приостановить.

41. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что, как указано в комментарии, проект статьи 58 идентичен соответствующей статье Венской конвенции. Он указывает, что статьи 41 и 58 Венской конвенции полностью совпадают. Положения, касающиеся соглашений *inter se* о приостановлении действия положений многостороннего договора, полностью соответствуют положениям, касающимся соглашений *inter se* о внесении в многосторонний договор изменений. Такое же соответствие существует между проектом статьи 58 и проектом статьи 41, который был рассмотрен Комиссией на ее тридцатой сессии⁸ и который был только что утвержден Редакционным комитетом в варианте II. Этот вариант соответствует тексту Венской конвенции, в то

⁷ То же.

⁸ См. *Ежегодник...*, 1978 год, том I, стр. 185 англ. текста, 1508-е заседание, пункт 28.

время как вариант I отходит от него, предусматривая три категории многосторонних договоров. Он считает, что решение Редакционного комитета следовать в статье 41 тексту Венской конвенции предопределяет формулировку проекта статьи 58. Поэтому он предлагает передать проект статьи 58 Редакционному комитету.

42. Г-н УШАКОВ говорит, что в связи с проектом статьи 58 встает тот же вопрос, что и в случае со статьей 58 Венской конвенции: в названии проекта статьи речь идет о «приостановлении действия многостороннего договора», что, по-видимому, указывает на то, что может быть приостановлено действие всего договора, в то время как в пунктах 1 и 2 рассматривается лишь приостановление действия некоторых положений договора, что означает, что сам договор продолжает действовать. За исключением этого несоответствия, проект статьи 58 приемлем и может быть передан Редакционному комитету.

43. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) считает, что г-н Ушаков прав и что название статьи 58 Венской конвенции должно иметь следующую формулировку: «Приостановление действия положений многостороннего договора по соглашению только между некоторыми участниками». Что касается его лично, то он не хочет отходить от текста Конвенции.

44. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статьи 58 Редакционному комитету.

Предложение принимается⁹.

СТАТЬЯ 59 (Прекращение договора или приостановление его действия, вытекающие из заключения последующего договора)

45. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 59 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 59. Прекращение договора или приостановление его действия, вытекающие из заключения последующего договора

1. Договор считается прекращенным, если все его участники заключат последующий договор по тому же вопросу и:

a) из последующего договора вытекает или иным образом установлено намерение участников, чтобы данный вопрос регулировался этим договором; или

b) положения последующего договора настолько несовместимы с положениями предыдущего договора, что оба договора невозможно применять одновременно.

2. Действие предыдущего договора считается лишь приостановленным, если из последующего договора вытекает или иным образом установлено, что таково было намерение участников.

⁹ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1576-е заседание.

46. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) указывает, что проект статьи 59, который идентичен соответствующей статье Венской конвенции, касается намерений сторон и потому затрагивает лишь чисто консенсуальные аспекты международного соглашения.

47. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статьи 59 Редакционному комитету.

Предложение принимается¹⁰.

СТАТЬЯ 60 (Прекращение договора или приостановление его действия вследствие его нарушения)

48. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи 60 (A/CN.4/319), который гласит:

Статья 60. Прекращение договора или приостановление его действия вследствие его нарушения

1. Существенное нарушение двустороннего договора одним из его участников дает право другому участнику сослаться на это нарушение как на основание для прекращения договора или приостановления его действия в целом или в части.

2. Существенное нарушение многостороннего договора одним из его участников дает право:

a) другим участникам — по соглашению, достигнутому единогласно, — приостановить действие договора в целом или в части или прекратить его либо:

i) в отношениях между собой и государством или международной организацией, нарушившими договор, либо

ii) в отношениях между всеми участниками;

b) участнику, особо пострадавшему в результате нарушения, сослаться на это нарушение как на основание для приостановления действия договора в целом или в части в отношениях между ним и государством или международной организацией, нарушившими договор;

c) любому другому участнику, кроме нарушивших договор государства или международной организации, сослаться на это нарушение как на основание для приостановления действия договора в целом или в части в отношении самого себя, если договор носит такой характер, что существенное нарушение его одним участником коренным образом меняет положение каждого участника в отношении дальнейшего выполнения им своих обязательств, вытекающих из договора.

3. Существенное нарушение договора — для целей настоящей статьи — состоит:

a) в таком отказе от договора, который не допускается настоящими статьями; или

b) в нарушении положения, имеющего существенное значение для осуществления объекта и целей договора.

4. Предыдущие пункты не затрагивают положений договора, применимых в случае его нарушения.

5. Пункты 1, 2 и 3 не применяются к положениям, касающимся защиты человеческой личности, которые содержатся в договорах, носящих гуманитарный характер, и особенно к положениям, исключаящим любую форму репрессалий по отношению к лицам, пользующимся защитой по таким договорам.

¹⁰ То же.

49. Г-н РЕЙТЕР (Специальный докладчик) говорит, что, за исключением некоторых незначительных редакционных изменений, проект статьи 60 идентичен соответствующей статье Венской конвенции. Это очень важная статья, которая, хотя и не затрагивает проблемы ответственности, касается возможных последствий нарушения двустороннего или многостороннего договора для отношений между сторонами.

50. Г-н УШАКОВ говорит, что было бы, возможно, лучше рассмотреть отдельно вопрос о договорах между государствами и международными организациями и вопрос о договорах только между международными организациями. Однако он оставляет принятие решения по этому вопросу на усмотрение Редакционного комитета.

51. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что не видит необходимости в проведении в проекте статьи различия между различными категориями договоров, поскольку вопрос о последствиях нарушения договора государством или международной организацией в действительности не связан с характером международной организации. Поэтому нет необходимости изменять проект статьи, хотя некоторые второстепенные вопросы редакционного характера, возможно, и требуют внимания.

52. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что если нет возражений, то он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статьи 60 Редакционному комитету.

*Предложение принимается*¹¹.

Заседание закрывается в 17 час. 30 мин.

¹¹ То же.

1560-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 26 июня 1979 года, 10 час. 15 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, г-н Беджауи, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Эвенсен.

Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2)

[Пункт 3 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ
СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ

СТАТЬЯ А (Переход государственных архивов)

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить свой одиннадцатый доклад о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2), и в частности проект статьи А (там же, пункт 89), который гласит:

Статья А. Переход государственных архивов

1. Если не установлена иная договоренность или не решено иначе и с соблюдением положений пункта 3, ниже, государственные архивы любого рода, относящиеся исключительно или главным образом к территории, затрагиваемой правопреемством государств, или принадлежащие ей, переходят к государству-преемнику.

2. Государство-преемник разрешает любое подходящее воспроизведение переходящих к нему государственных архивов для нужд государства-предшественника [или любого третьего заинтересованного государства].

3. Если не установлена иная договоренность или не решено иначе, государство-предшественник сохраняет подлинники упомянутых в пункте 1, выше, государственных архивов, когда они имеют характер суверенитета, но обязано разрешать любое подходящее воспроизведение их для нужд государства-преемника.

2. Г-н БЕДЖАУИ (Специальный докладчик) напоминает, что в резолюции 33/139, принятой Генеральной Ассамблеей на ее тридцать третьей сессии, Генеральная Ассамблея обратилась к Комиссии с просьбой закончить на тридцать первой сессии рассмотрение в первом чтении проекта статей о правопреемстве государств в отношении государственной собственности и государственных долгов. Он напоминает также, что на предыдущей сессии Комиссии некоторые члены высказали пожелание о том, чтобы проект статей завершился положениями, касающимися правопреемства в отношении государственных архивов. Представляя в своем одиннадцатом докладе шесть проектов статей о правопреемстве в отношении государственных архивов, он стремился выполнить это двойное пожелание. Поскольку вопрос о правопреемстве в отношении государственных архивов является сложным и трудным, он считает, что Комиссии следует помочь государствам избежать споров в связи с архивами, предложив им правила в этой области. Он также связывает с этим вопросом возможность обогатить проект статей. И наконец, коль скоро проект статей должен быть представлен Конференции полномочных представителей, то он считает, что будет лучше, если Конференция сможет располагать слишком обильными материалами, нежели чем недостаточными.

3. Специальный докладчик полагает, что принятие положений о правопреемстве в отношении государственных архивов оправдывается по четырем причинам, которые связаны с особым характером государственных архивов и конкретными проблемами, возникающими в их связи

при правопреемстве государств. Во-первых, являясь движимой собственностью того же вида, что и собственность, о передаче которой Комиссией уже принято решение, государственные архивы выделяются тем, что являются воспроизводимой собственностью; это облегчает их передачу и позволяет удовлетворить интересы как государства-предшественника, так и государства-преемника. Во-вторых, государственные архивы представляют собой общее достояние. Поэтому, соблюдая целостность архивных фондов, необходимо признавать права всех государств, совместно владеющих этим наследием. В-третьих, если возможно представить себе существование государства-преемника, лишеного некоторых видов движимой или недвижимой собственности — например национального морского флота — без ущерба для его жизнеспособности, то государство без архивов представить нельзя. В-четвертых, архивы могут являться документальным дополнением движимой или недвижимой собственности, переданной государству-преемнику или оставшейся у государства-предшественника.

4. Проблема государственных архивов вызвала широкие прения, которые Специальный докладчик попытался изложить в своем одиннадцатом докладе. Хотя международные организации никогда не занимались судьбой других видов движимой собственности в случае правопреемства государств, они пытались пробудить интерес государств к проблеме архивов; эти попытки предпринимались не только ЮНЕСКО, но также Организацией Объединенных Наций и другими международными организациями, такими как ОАЕ, или конференциями неприсоединившихся стран. Будет достойно сожаления, если Комиссия не примет положений о столь сложной проблеме.

5. Чтобы облегчить Комиссии решение ее задачи и позволить ей закончить рассмотрение в первом чтении проекта статей о государственной собственности и государственных долгах на нынешней сессии, как просила ее об этом Генеральная Ассамблея, Специальный докладчик предлагает, чтобы в то время, пока Комиссия будет рассматривать 6 проектов статей о государственных архивах, Редакционный комитет повторно рассмотрел 25 проектов статей, которые были приняты раньше¹. Он подчеркивает, что эти 25 проектов статей не вызовут серьезных затруднений и что несколько остающихся проблем могут быть решены Редакционным комитетом. Что касается положений о мирном урегулировании споров, которые должны дополнить проект статей, то он предлагает взять за

образец Венскую конвенцию о правопреемстве государств в отношении договоров².

6. Одиннадцатый доклад Специального докладчика состоит из двух глав, в одной из которых рассматривается роль государственных архивов в современных международных отношениях и в правопреемстве государств, а в другой — положения, относящиеся к различным типам правопреемства государств в отношении государственных архивов.

7. В первой главе он рассмотрел проблему государственных архивов в современных международных отношениях, начав с определения понятия архивов, затрагиваемых правопреемством государств. Он не счел нужным выделять для этого определения статью, однако проанализировал содержание понятия архивов и попытался дать определение этого понятия в соответствии с практикой государств в области правопреемства государств.

8. Из ответов 33 государств на вопросник, составленный Международной конференцией за круглым столом по архивам, следует, что под архивами подразумевается обычно «документация, собираемая учреждениями или же физическими или юридическими лицами в процессе их деятельности и специально сохраняемая»³. Таким образом, понятие государственных архивов может быть определено как документация, собираемая государственными учреждениями в ходе их деятельности и специально сохраняемая ими.

9. В своих предыдущих докладах он провел черту между архивами административными, которые служат административным потребностям, и историческими, которые используются в научных целях. Однако это различие не носит абсолютного характера: во-первых, потому что исторические архивы являются часто всего лишь устаревшими административными архивами и, во-вторых, потому что органы власти обращаются иногда для нужд повседневного управления к историческим архивам, и, наоборот, исследователи еще шире используют современные административные архивы, если государство открыло к ним доступ.

10. В любом случае дать определение архивов нелегко, поскольку не существует также абсолютного различия между документами архивными, библиотечными и музейными. Письменный характер документа не является определяющим критерием, поскольку архивы не обязательно состоят из письменных документов; они могут включать, в частности, нумизматические

¹ Тексты всех статей, уже принятых Комиссией, см. *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 111 и далее англ. текста, документ A/33/10, глава IV, раздел B.1.

² Текст Конвенции см. *Official Records of the United Nations Conference on Succession of States in respect of Treaties*, vol. III (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.79.V.10), документ A/CONF.80/31.

³ См. A/CN.4/322 и Add.1 и 2, пункт 8.

коллекции, иконографические документы, фотографии, звуковые документы и кинофильмы. Архивные документы могут находиться в библиотеках или в музеях, и наоборот, библиотечные или музейные документы могут находиться в архивах. Национальные архивы могут также включать предметы, конфискованные полицейскими властями, или же вещественные доказательства по уголовным делам, а также модели, рисунки, макеты и образцы.

11. Из практики государств, которая чрезвычайно богата в этой области, видно, что выражение «государственные архивы» понимаются обычно в самом широком смысле как «государственные документы любого рода». В случае правопреемства государств содержание понятия государственных архивов определяется внутренним законодательством государства-предшественника, действовавшим в этом момент; из этого определения должно также исходить государство-преемник. Выражение «государственные документы любого рода» указывает на то, что речь может идти об архивах любого рода, принадлежащих государству-предшественнику. В этом случае имеется в виду принадлежность архивов. Это выражение подразумевает также тип архивов — будь то архивы дипломатические, политические, административные, военные, гражданские или духовные, исторические или географические, законодательные, судебные, финансовые, налоговые или кадастровые; характер архивов — независимо от того, секретные они или открыты для публики; и вид документов — рукопись или печатный текст, рисунок, фотография или фильм, на бумаге или на пергаменте, подлинник или копия. Подробный перечень, который содержится в статье 2 Соглашения от 23 декабря 1950 года, заключенного между Италией и Югославией вслед за Мирным договором от 10 февраля 1947 года⁴, наглядно свидетельствует о разнообразии документов, охватываемых выражением «государственные архивы».

12. В современном мире архивы играют очень важную роль. И действительно, как было заявлено экспертами, собравшимися по инициативе ЮНЕСКО в марте 1976 года, они являются «важной частью наследия любой нации. Они не только содержат данные об историческом, культурном и экономическом развитии страны и являются основой национальной самобытности, но также представляют собой важнейшие документы, подтверждающие права каждого гражданина»⁵. Кроме того, научно-техническая революция и успехи информатики внесли изменения в постановку проблемы государственных архивов при правопреемстве государств. И действительно, трудности, возникавшие в прошлом между государствами в силу неделимости архи-

вов, могут быть сегодня отчасти устранены благодаря современным средствам воспроизведения. Тем не менее копия документа, какой бы достоверной она ни была, не сравнится с документом в подлиннике. Воспроизведение документов является всего лишь средством облегчения передачи архивов от государства-предшественника государству-преемнику и не должно заслонять того факта, что государство-преемник обладает правом собственности на архивы.

13. Хотя в условиях, когда информация стала одним из рычагов власти, владение архивами и их использование имеют огромное значение, ценность архивов объясняется также тем, что они являются важнейшей частью культурного наследия любой национальной общности. Именно этим объясняется интерес, проявляемый ЮНЕСКО к данной проблеме, и ее деятельность в целях возвращения архивов не только как таковых, но и в рамках восстановления и охраны культурного наследия стран. Народы, освободившиеся от колониализма, требуют в настоящее время признания их права на культурное наследие в рамках нового международного культурного порядка; они пытаются восстановить утраченную коллективную «культурную память» и свою культурную индивидуальность, которые представляют собой саму основу их национальной самобытности. Так, четвертая Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшаяся в сентябре 1973 года в Алжире, приняла декларацию о сохранении и развитии национальной культуры, в которой она указала на «необходимость развития национальной культурной самобытности и устранения пагубных последствий колониальной эпохи в целях сохранения национальных культур и традиций»⁶. Точно так же в своей резолюции 31/40 от 30 ноября 1976 года Генеральная Ассамблея заявила о своей убежденности в том, «что охрана всеми средствами национальной культуры и наследия является неотъемлемой частью процесса сохранения и будущего развития культурных ценностей», и подтвердила, что «возвращение одной стране принадлежащих ей... рукописей, документов и любых других культурных или художественных богатств представляет собой шаг вперед на пути к укреплению международного сотрудничества и сохранению и будущему развитию культурных ценностей».

14. Таким образом, в соответствии с новым международным культурным порядком каждый народ должен обладать правом на свое культурное, и в частности архивное, наследие. Однако в настоящее время все или практически все источники по истории Африки и Латинской Америки находятся под контролем в Европе, поскольку хранятся в европейских архивах.

⁴ Там же, пункт 23.

⁵ Там же, пункт 25.

⁶ Там же, пункт 55.

15. Практика государств в области архивов при правопреемстве государств показывает, что практически во всех соглашениях о правопреемстве государств, заключенных между европейскими странами с 1600 года до наших дней, имеются положения о передаче архивов, в то время как в соглашениях о правопреемстве государств, заключенных в ходе деколонизации, такие положения практически всегда отсутствуют. Хотя захват архивов происходил во все времена и повсеместно, такие архивы почти всегда возвращались в конечном счете их владельцам, за исключением случаев деколонизации. Практика государств показывает также, что административные архивы, которые наиболее необходимы для повседневного ведения государственных дел, почти всегда оставались государству-преемнику. Исторические архивы, напротив, порождали гораздо больше трудностей, чем административные; их передача носила тенденцию зависимости от обстоятельств, отчего не всегда удается определить, в соответствии с какими принципами они были переданы государству-преемнику или, напротив, сохранены государством-предшественником.

16. Он считает, что отсутствие положений об архивах практически во всех соглашениях о правопреемстве государств, заключенных в процессе деколонизации, объясняется несколькими причинами. Прежде всего на первом этапе деколонизация не затронула всех сфер, а проблема архивов возникла только позже. С другой стороны, новые независимые государства немедленно столкнулись с неотложными экономическими проблемами, что помешало им оценить проблему архивов. Отсутствие с их стороны интереса к этой проблеме объясняется также отсталостью, унаследованной ими от колониализма. И наконец, соотношение сил, существовавшее между бывшими управляющими державами и новыми независимыми государствами, позволило этим державам решить проблему архивов в своих интересах.

17. Учитывая сложность проблемы архивов, он полагает, что Комиссии следует ограничиться разработкой общих юридических положений, предоставив заинтересованным государствам возможность выработать подходящее решение для каждого конкретного случая. Комиссия должна учитывать новые требования государств в том, что касается их права на архивы и на их культурное наследие. Она должна также способствовать культурному обмену между государствами, открывая исследователям каждого государства доступ к историческим архивам других государств, поскольку архивы, имеющие значение для истории одного государства, почти всегда разбросаны по нескольким странам. Она должна также помочь всем странам осознать свою взаимозависимость в области исторических архивов, с тем чтобы они научились, по выражению

ЮНЕСКО, совместно «распоряжаться памятью мира»⁷.

18. Он считает необходимым освободить от мифов проблемы, имеющие отношение к спорам по поводу архивов. Передача архивов, если она законна, не должна выглядеть как обеднение национального наследия, ибо сотрудничество между государством-предшественником и государством-преемником может облегчить эту задачу. Необходимо избегать случайных пополнений архивных фондов. Необходимо также избегать проволок, которые ведут лишь к затягиванию споров. И наконец, возможности воспроизведения на микрофильмах не должны заслонять права собственности на документы в подлиннике.

19. Еще в большей степени, чем для других видов государственной собственности, принцип передачи от государства-предшественника государству-преемнику обязателен для архивов, имеющих отношение к суверенитету и самому существованию государства. При этом следует исходить из того, что документы, являющиеся предметом архивного спора, представляют интерес как для государства-предшественника, так и для государства-преемника. Любые переговоры должны начинаться с признания этой взаимной заинтересованности и добросовестно вестись двумя государствами в поисках удовлетворительного решения. Подобное решение может быть найдено путем применения различных принципов.

20. Принцип территориального происхождения применяется в случае вывоза архивов с территории, которая затрагивается правопреемством государств. Он охватывает архивы, поступившие с этой территории, причем под этой идеей происхождения подразумевается идея собственности на архивы. Используемый сначала применительно к административным архивам принцип территориального происхождения стал также применяться к историческим и культурным архивам. Этот принцип не является, однако, абсолютно надежным критерием, поскольку иногда бывает, что архивы, обязанные своим происхождением территории, которая затрагивается правопреемством, и по своему происхождению связанные с этой территорией, не передаются, и таким образом этот принцип не может быть применен.

21. Принцип функциональной связи позволяет передавать архивы, которые не находились на территории, однако имеют к ней отношение. Существует несколько путей смягчения последствий применения этого принципа. Во-первых, можно воспользоваться микрофильмированием. Во-вторых, может быть принят во внимание принцип соблюдения целостности архивных фондов, согласно которому следует не нарушать неделимую совокупность, которую могут представлять центральные архивы государства-предшественника,

⁷ Там же, пункт 67.

относящиеся к территории, затрагиваемой правопреемством государств. В-третьих, можно действовать, исходя из понятия совместного наследия, согласно которому архивы могут представлять интерес как для государства-предшественника, так и для территории, являющейся объектом правопреемства. Это понятие, родившееся в ЮНЕСКО, может натолкнуть на решение в той степени, в которой государства готовы воспользоваться им, проявляя добросовестность и воздерживаясь от всяких злоупотреблений с присвоением архивов.

22. Принцип территориальности архивов подразумевает передачу документов какой-то территории таким путем, который позволит обеспечить ее права, возможности для выполнения обязательств, преемственность в управлении и защиту интересов местного населения, иными словами, будет способствовать сохранению жизнеспособности территории.

23. Необходимо также упомянуть два вспомогательных принципа: право на получение взамен переданного документа копии и право на компенсацию в виде документов равной ценности. Первый часто позволяет найти приемлемое решение, однако не должен заслонять собой права законной собственности одного из государств на архивы в подлиннике. Второй принцип касается ситуации, когда по различным причинам, таким как необходимость сохранения целостности архивных фондов, трудно передать архивные фонды или документы в силу их огромной культурной или исторической ценности. В таких случаях заинтересованные государства могут договориться об их замене документами, имеющими эквивалентное значение, что позволит удовлетворить двойное требование о ценности исторической и о ценности административной.

24. Предлагаемый им проект статьи А является положением общего характера о передаче архивов государству-преемнику и распространяется на все виды правопреемства государств. Это положение можно было бы включить в раздел I (Общие положения) части I (Правопреемство государств в отношении государственной собственности), где оно предшествовало бы, таким образом, положениям об отдельных видах правопреемства государств в отношении государственных архивов. При составлении проекта статьи А за образец была взята статья 9, в которой излагается общий принцип перехода государственной собственности, если только она «находится на территории, затрагиваемой правопреемством государств». Однако, поскольку архивы часто вывозятся государством-предшественником незадолго до правопреемства государств, необходимо дополнить статью 9, предусмотрев также переход архивов, находящихся за пределами территории. С другой стороны, любая государственная собственность, о которой говорится в статье 9, может быть присвоена

государству-преемнику, чего не происходит в случае с архивами, которые могут представлять одновременно интерес и для обоих государств — для государства-предшественника и для государства-преемника. Однако особенностью архивов является то, что они могут быть воспроизведены, и их копирование позволяет, таким образом, удовлетворить интересы как государства-предшественника, так и государства-преемника.

25. В пункте 1 проекта статьи излагается принцип приоритета соглашения между сторонами, которые свободны договариваться о любом решении. Затем в соответствии со статьей 9 излагается принцип перехода архивов применительно к «государственным архивам любого рода, относящимся исключительно или главным образом к территории, затрагиваемой правопреемством государств, или принадлежащим ей».

26. В соответствии с пунктом 2, в случае перехода архивов согласно положениям пункта 1, государство-предшественник вправе получить копии архивов, которые оно передает. Он полагает, что эту возможность следовало бы предоставить даже любому заинтересованному третьему государству; действительно, часть населения территории, затрагиваемой правопреемством государств, может покинуть эту территорию и поселиться на территории государства-предшественника или на территории третьего государства. В последнем случае третьему государству могут потребоваться некоторые административные архивы, и в этом случае оно должно обладать возможностью получить их с целью управления этой частью населения.

27. И наконец, в пункте 3 смягчены положения пункта 1. В случае, когда архивы связаны с суверенитетом, государству-предшественнику может быть трудно расстаться с подлинниками. В этом случае государству-преемнику следует предоставить право получения копий. По истечении определенного времени некоторые из архивов, оставшиеся у государства-предшественников, в любом случае становятся доступными общественности в соответствии с законодательством этого государства. Поэтому нет причин для того, чтобы лишать государство-преемник возможности воспроизводить эти архивы.

28. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ поздравляет и благодарит Специального докладчика за составление одиннадцатого доклада о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров.

29. Как напомнил Специальный докладчик, Генеральная Ассамблея в своей резолюции 33/139 рекомендовала Комиссии продолжить на текущей сессии свою работу в области правопреемства государств в других областях, помимо договоров, с тем чтобы закончить рассмотрение в первом чтении проекта статей о правопреемстве государств в отношении государственной собственности и государственных долгов.

30. После проведения прений по процедурным вопросам, в которых приняли участие г-н УШАКОВ, сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ, г-н РЕЙТЕР, г-н ФРЭНСИС и г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ констатирует, что в целом члены Комиссии выражают пожелание, чтобы Редакционный комитет начал в ближайшее время рассмотрение первых 25 статей проекта и чтобы Комиссия посвятила три следующие недели изучению шести проектов статей о правопреемстве в отношении государственных архивов, которые были представлены Специальным докладчиком.

Заседание закрывается в 13 час. 05 мин.

1561-е ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 27 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, г-н Беджауи, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Эвенсен.

Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (продолжение) (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2)

[Пункт 3 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ А (Переход государственных архивов)¹ (продолжение)

1. Г-н РИФАГЕН говорит, что из доклада Специального докладчика ясно следует, что подход к государственным архивам не может быть точно таким же, как к другим видам государственной собственности. В принципе, ценность этих архивов заключается в содержащихся в них сведениях. Сведения же эти могут быть извлечены из архивов при помощи различных средств воспроизведения, причем сами подлинники представляют собой культурные ценности. Проблема эта имеет три аспекта: во-первых, функциональный аспект, который связан с информацией, содержащейся в архивах; во-вторых, физический и территориальный аспект, который касается подлинников как таковых; в-третьих, аспект, который можно было бы определить как «персональный», заключающийся в том, что некоторые архивы содержат сведения конфиденциального характера и могут поэтому рассматриваться как «архи-

вы, имеющие характер суверенитета». При любом виде правопреемства государств общая проблема заключается в определении характера связей, существующих между архивами и государством-предшественником или государством-преемником. Рассматривая вопрос под таким углом зрения, нельзя с уверенностью сказать, что такие виды правопреемства государств, как отделение части территории от одного государства, объединение или разделение государств, которые могут наложиться друг на друга, действительно нуждаются в различных режимах. Безусловно, значение различных критериев распределения архивов может меняться в зависимости от типа правопреемства, в особенности при рождении нового государства в результате деколонизации. Было бы, возможно, целесообразно посвятить этой ситуации отдельную статью. Что касается других типов правопреемства государств, то он склоняется к мысли, что будет достаточно изложить общее правило, хотя может существовать мнение, допускающее определенное упрощение критериев.

2. В проекте статьи А учтены три аспекта упомянутой выше проблемы, однако нет уверенности в том, что предусматриваемые в статьях В и Е ситуации (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add. 1 и 2, пункты 140 и 204), то есть передача части территории от одного государства другому и отделение части или частей территории от государства, действительно настолько отличаются между собой, что должны быть предметом двух отдельных статей. Точно так же из статьи D (там же, пункт 154), касающейся объединения государств, по-видимому, совершенно ясно, что архивы могут перейти лишь к новому государству.

3. Г-н РЕЙТЕР считает, что наиболее трагичной стороной колониального господства является, безусловно, посягательство на душу колонизованных народов. Необходимо, как указал Специальный докладчик, изменить подобную ситуацию, хотя возможности Комиссии ограничены даже в области государственных архивов. Действительно, эта проблема выходит за рамки деятельности Комиссии.

4. По его мнению, в связи с проектами статей о правопреемстве в отношении государственных архивов, возникает шесть вопросов. Во-первых, следует ли давать определение государственных архивов в проекте? Хотя Специальный докладчик и не выдвигает подобного предложения, он не стал бы возражать против определения. В таком случае можно спросить, следует ли это определение позаймствовать из внутреннего права, в данном случае государства-предшественника, или международного права, то есть разрабатываемого в данный момент проекта статей. Для этого необходимо обратиться к уже принятым статьям. Определение государственной собственности, содержащееся в статье 5², отсылает к внутрен-

¹ Текст статьи см. 1560-е заседание, пункт 1.

² См. 1560-е заседание, сноска 1.

нему праву государства-предшественника. Поэтому любое определение государственных архивов, отличающееся от этого общего определения, должно быть, по-видимому, должным образом обосновано.

5. Если Комиссия не даст определения государственных архивов, то будет применяться статья 5 и именно внутреннее право государств-предшественников будет в каждом случае определять содержание понятия государственных архивов. Это решение не было бы плохим, так как большинство стран и, в частности, бывшие колониальные державы, обладают законодательством о государственных архивах. Однако, поскольку понятие архивов является очень широким и может охватывать как государственные документы, так и библиотеки или же нумизматические коллекции, существует опасность оказаться перед лицом крайне различных определений внутреннего права.

6. Поэтому для обеспечения определенного единообразия было бы, возможно, желательно, чтобы Комиссия уточнила, что под внутренним правом в данном случае подразумеваются законы, касающиеся обычно той или иной области, вне зависимости от того, используется ли внутренним законодательством термин «архивы» или какой-либо другой термин. В целом внутренним правом предусматривается, что государственные архивы включают все зарегистрированные бумаги и документы, что подразумевает наличие классификации. К государственным архивам могут относиться по классификации даже собрания частных документов; так, например, во Франции бухгалтерские книги и журналы классифицируются как государственные архивы, потому что они состоят из документов, представляющих большую ценность для истории страны. С другой стороны, внутренним правом иногда рассматриваются в качестве государственных архивов все документы, в которых идет речь о государственных делах или которые идут за подписью официальных государственных лиц, даже если они не подпадают по классификации под определение государственных архивов. Так, личная переписка главы государства не относится к государственным бумагам, но если какое-то письмо из этой переписки содержит хотя бы небольшое упоминание о государственных делах, то оно становится государственным документом. Например, если бы эмир Абдель-Кадир написал частное письмо с замечаниями об алжирском государстве доколониальной эпохи, в соответствии с внутренним правом Франции это письмо являлось бы частью государственных бумаг Франции и деколонизация не отменила бы этого правила. Однако в соответствии с международным правом, зафиксированным в проекте, данное письмо должно было бы перейти к Алжиру.

7. Подобные соображения о защите могут касаться не только государственных документов.

Если внутренним правом государства-предшественника предусматривается, что некоторые предметы культурного и исторического характера, принадлежащие колонии, неотчуждаемы, то эти предметы не должны отчуждаться и после деколонизации. Таким образом, в отношении архивов Комиссии не следует отходить от данного в статье 5 определения государственной собственности, но ей следует уточнить, что, по ее мнению, входит в понятие государственных архивов.

8. Во-вторых, действительно ли нужно составлять статьи, специально посвященные государственным архивам? При отсутствии подобных статей государственные архивы подпадали бы под действие проекта, поскольку они являются государственной собственностью. В связи с этим вновь встает вопрос о необходимости статей 5, 9 и пункта 3 статьи 13. В соответствии с общим правилом, изложенным в статье 9, государственная собственность, находящаяся в момент правопреемства государств на территории, затрагиваемой правопреемством государств, переходит к государству-преемнику. Специальный докладчик вовсе не уверен, что все государственные архивы, расположенные на территории государства-преемника, переходят к этому государству. Он предложил сделать исключение в отношении «архивов, которые имеют характер суверенитета». Что касается административных государственных документов, касающихся, например, организации воинских подразделений колониальной державы, то можно ожидать, что новое независимое государство без особого труда расстанется с ними, однако, действительно ли оно обязано возвращать их, потому что эти документы касаются суверенитета? Специальный докладчик отвечает на этот вопрос положительно, указывая, что некоторые виды движимой собственности, находящейся на территории государства-предшественника, должны перейти к государству-преемнику, что противоречит толкованию а *contrario* общего принципа, изложенного в статье 9.

9. В этой связи он отмечает, что правило, предложенное Специальным докладчиком в проекте статьи А, применимо ко всем случаям, в то время как правило о передаче движимой собственности, находящейся на территории государства-предшественника, действует лишь при возникновении новых независимых государств, что предусмотрено в статье 13. В этом вопросе он разделяет чувство озабоченности г-на Рифагена.

10. В-третьих, необходимо отдельно разрешить две группы предварительных вопросов соответственно: о переходе государственных архивов и о статусе государственных архивов, представляющих общий интерес, независимо от того, будут они переданы или нет.

11. В-четвертых, какова характеристика правил о переходе государственных архивов? Конечно, было бы желательно, чтобы эти правила отли-

чались четкостью и ясностью и применялись автоматически. Если правила о переходе, которые формулирует Комиссия, будут лишены ясности, то их применение породит немало затруднений. Комиссия может также расценить некоторые случаи как простые, в то время как в других принимать во внимание противоречивые принципы. Применительно к случаям подобного рода она может, не формулируя правил, указать принципы, как, например, принцип добросовестного ведения переговоров с соблюдением некоторых вспомогательных принципов. Если Комиссия провозгласит обязанность вести переговоры, она должна будет дополнительно перечислить принципы ведения переговоров.

12. В-пятых, в каких случаях переход архивов осуществляется автоматически? Он различает три случая. Во-первых, это простой случай, специально не предусмотренный проектом статьи А: когда архивы находятся на территории государства-преемника, за тем исключением, которое было предложено Специальным докладчиком относительно документов, касающихся суверенитета. Затем в связи с новыми независимыми государствами идет случай правопреемства в отношении документов, которые появились до деколонизации и могут рассматриваться как государственные документы. Этот случай свидетельствует о необходимости разработки международного определения государственных документов, ибо приходится опасаться, что простая ссылка на право некоторых человеческих обществ, предшествовавших колонизации и обладавших государственными документами, недостаточна для их должной защиты. И наконец, случай, когда государственные документы находятся на территории государства-преемника до правопреемства государств, однако передаются в ходе периода, квалифицированного Специальным докладчиком как подозрительный.

13. В своем докладе и проекте статьи А Специальный докладчик счел возможным воспользоваться другими критериями, такими, как критерий территориальной принадлежности. По мнению г-на Рейтера, этот критерий будет приемлем лишь в случае, если он получит четкое определение. Что касается критерия функциональной связи, то ему кажется, что он выражен в пункте 1 проекта статьи через выражение «относящиеся исключительно или главным образом». Этот критерий кажется слишком общим, хотя он и смягчен при помощи довольно расплывчатого понятия «документов, когда они имеют характер суверенитета». Было бы опасно вкладывать в это понятие слишком широкий смысл и включать в него, например, судебные архивы.

14. В-шестых, что касается документов, представляющих общий интерес, то он не выступает за сохранение слов «или любого третьего заинтересованного государства», поставленных в скобки Специальным докладчиком в пункте 2 проекта статьи. Архивы подобного рода должны переда-

ваться в распоряжение третьих государств или общественности лишь с согласия заинтересованных государств. Так, например, арбитражные документы не являются государственными документами, даже если они классифицированы как таковые, а подлинным правом на эти документы обладают затронутые государства. Что касается учета потребностей других государств, то он склонен, таким образом, проявлять меньше щедрости, чем Специальный докладчик.

15. Г-н УШАКОВ сомневается, что государственные архивы можно уподоблять государственной собственности. Необходимо проводить различие между вещественной собственностью, чья стоимость может быть выражена в деньгах, и невещественной собственностью, которая не имеет подлинной материальной стоимости и которая представлена архивами. Таким образом, вряд ли можно считать, что понятие государственной собственности, содержащееся в статье 5, включает архивы.

16. Что касается определения термина «архивы», то г-н Ушаков констатирует, что Специальный докладчик сохранил лишь один из трех экземпляров определения, даваемого архивоведением, а именно, что это — документация, собираемая учреждениями или физическими или юридическими лицами в процессе их деятельности и специально сохраняемая ими (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2, пункт 8). В последующей части своего доклада он включает даже в понятие государственных архивов документацию, которая не образуется государственными учреждениями, поскольку он распространяет это понятие на гравюры, рисунки или коллекции монет. Что касается коллекции монет, то они могут быть собраны, например, частными лицами до их перехода в собственность государства. Поэтому следовало бы уточнить, что следует понимать под «документами, собранными государственными учреждениями в процессе их деятельности и специально сохраняемыми ими» (там же).

17. В Советском Союзе государственные архивы могут быть определены по их непосредственной принадлежности государству или по их подконтрольности государству. Частные коллекции предметов, которые могут быть проданы за границу, переходят под контроль государства. Частное лицо, обладающее письмами Пушкина, является их владельцем, однако они являются государственными архивами, поскольку находятся под контролем государства. Точно так же архивы на местах являются государственными архивами в том смысле, что они контролируются центральными органами власти, однако, с точки зрения их принадлежности, — это архивы местных властей. Фонды рукописных документов, хранящихся в музеях Советского Союза, принадлежат не государству, а музеям, которые могут под контролем государства принимать, например, решения об организации выставок.

18. Таким образом, в Советском Союзе все архивы — административные, политические, дипломатические, экономические, технические, литературные или художественные — являются в широком смысле слова государственными архивами либо потому, что они принадлежат Советскому государству, либо потому, что они подчинены его контролю. В силу этого критерия контроля трудно определить, принадлежат ли архивы территории, затрагиваемой правопреемством государства.

19. Точно так же трудно определить, относятся ли архивы к территории «исключительно или главным образом». Так, например, можно считать, что архивы, имеющие отношение к истории Москвы, относятся исключительно к Москве, однако можно также считать, что они относятся ко всему Советскому Союзу, поскольку Москва является его столицей. Можно считать, что архивы, находящиеся в Армении, представляют в основном интерес для этой территории. Однако можно также считать, что, поскольку Армения вошла в состав Российской империи 150 лет назад, эти архивы представляют интерес для всего Советского Союза, так как они включают документы, имеющие отношение к истории всей России. Внутреннее право СССР не позволяет разрешить эту проблему.

20. Эту проблему легче разрешить применительно к административным и техническим архивам, поскольку при переходе этих архивов можно было бы использовать тот же критерий, что и при переходе движимой собственности, исходя из того, что они должны быть связаны с деятельностью государства-предшественника в связи с территорией, затрагиваемой правопреемством государств. И действительно, ясно, что технические архивы, касающиеся строительства моста, связаны с деятельностью государства на территории, где был построен мост, и, следовательно, принадлежат этой территории. Однако внутреннее право стран не проводит различия между административными и техническими архивами и другими архивами, поскольку государственные архивы рассматриваются им как неделимое целое.

21. В заключение он выражает мнение о том, что необходимость в статье А отсутствует и что она создает больше новых проблем, чем решает старые. Он считает, что нет необходимости в изложении общего правила и что можно ограничиться, как и в случае с государственными долгами, изложением отдельных правил по каждому виду правопреемства государств. И лишь после разработки этих отдельных правил, возможно, удастся сформулировать общее правило.

22. Он отмечает, кроме того, что «характер суверенитета», упоминаемый в пункте 3 проекта статьи А, не повторяется в последующих проектах статей.

23. Г-н ПИНТО полностью разделяет позицию Специального докладчика, по мнению которого,

архивы обладают особенностями, оправдывающими введение для них особого режима, и что они не только представляют культурное наследие государства, но также могут быть национальной собственностью, имеющей значительную стоимость. Он также одобряет общие принципы, сформулированные Специальным докладчиком в области перехода государственной собственности, хранящейся в архивах, и считает, что эти принципы являются прекрасной основой для работы Комиссии.

24. В то же время он констатирует некоторые затруднения, первое из которых касается определения понятия архив. Несмотря на разнообразие данных, содержащихся в докладе, который отражает одновременно документальную, культурную и историческую ценность архивов, он считает, что определение должно ограничиваться документами в собственном смысле слова, и усматривает в разделе А главы I доклада признаки того, что и сам Специальный докладчик настроен в пользу ограничительного толкования. Если Комиссия решит особо заняться архивами в виде документов, она задаст себе вопрос о том, следует ли формулировать другие статьи, охватывающие предметы культурного и исторического значения.

25. Необходимо также определить, что представляет собой документ. Безусловно, г-н Пинто допускает, что с точки зрения государственных архивов фильмы могут рассматриваться как документы. Однако документ может быть изготовлен не только из бумаги, но также воска, камня, слоновой кости или других материалов, и эти документы также должны быть причислены к документам государственных архивов. В Шри-Ланке, например, документы подобного рода используются уже в течение 25 веков; эти документы представляют интерес не только с точки зрения истории и археологии, они имеют иногда весьма большое административное значение даже в современную эпоху. Так, например, в некоторых районах страны правила, регулирующие рыночные сделки, излагаются в этой форме. Для определения того, что же относится к документу, Комиссии следует, быть может, избрать довольно объективное определение, содержащее способ передачи информации для восприятия интеллектом, например через зрительное или слуховое восприятие.

26. Другой важный вопрос касается принадлежности архивов, другими словами, того, какие архивы являются государственными. Он отмечает, что в статье 5 проекта предусматривается, что этот вопрос должен решаться в соответствии с законом государства-предшественника. Он полагает, что речь будет идти о законе, действующем в момент правопреемства, поскольку, если государство-предшественник сохранится в той или иной форме, оно не должно обладать возможностью провозглашать, что архивы останутся

собственностью государства-предшественника и после правопреемства.

27. Он отмечает, что в проекте статьи А нет никаких упоминаний о местонахождении архивов в момент правопреемства государств. Он полагает, исходя из пунктов 84 и 85 доклада, что Специальный докладчик намеревается расширить таким образом сферу применения проекта статьи и, следовательно, правила о переходе государственных архивов государству-преемнику, независимо от того, где последние находились в момент правопреемства. Он полностью одобряет этот подход, однако не понимает, почему он не был также принят в статье 9 проекта в связи с вопросом о государственной собственности в целом.

28. В связи с новыми независимыми государствами возникают особые вопросы. Во-первых, хотя в проекте статей предусматривается непосредственное правопреемство нового независимого государства от государства-метрополии, но имели место также случаи, когда государственная собственность переходила сначала от державы-метрополии к другой державе, а затем к новым независимым государствам, причем на каждом этапе этого процесса происходило перераспределение архивов. Например его страна, Шри Ланка, была в начале XVI века колонизована португальцами, затем голландцами и англичанами. Когда последние передали, наконец, архивы новому независимому государству, это были не более как фрагменты административных архивов, охватывающих четыре столетия. Если некоторые документы, в частности те из них, которые представляют особую культурную или материальную ценность, были возвращены, то другие так и остались утраченными. Поэтому было бы желательно предусмотреть средства возвращения архивов в случаях, когда имело место несколько правопреемств государств. И даже если, как было со Шри Ланкой, архивы датируются XVI и XVII веками, они тем не менее сохраняют большое значение, в частности в связи с вопросом о территориальных претензиях.

29. Во-вторых, может также получиться, что держава-метрополия создает общие архивы одновременно для нескольких управляемых ею территорий. В подобном случае документы часто распределяются между заинтересованными странами неправильно, и в этой связи было бы полезно предусмотреть несколько указаний. Можно было бы, например, предусмотреть применение положений пункта 2b проекта статьи F (Разделение государства) (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2, пункт 206) в отношении новых независимых государств, когда имеется сразу несколько государств-преемников.

30. Подобно Специальному докладчику, он полагает, что за государством-преемником необходимо признать абсолютное право на принадлежащие ему архивы и что любое ограничение это-

го права таило бы опасность неоправданных отказов. Он, однако, спрашивает, не была ли также Специальным докладчиком предусмотрена за государством-преемником обязанность — своего рода ответственность хранителя — сохранять архивы не просто как часть национального культурного наследия, но также как часть наследия всего человечества.

31. Проект статьи А, как и ряд уже принятых статей, является дополнением к воле и согласию сторон, что видно из слов «если не установлена иная договоренность или не решено иначе». Возможно, Редакционный комитет сможет рассмотреть вопрос о том, не следует ли в этой связи принять одну статью общего характера.

32. Формула «принадлежащей территории», содержащаяся в пункте 1 проекта статьи, является, по-видимому, слишком сжатой, если исходить, что при определении связи, которая должна существовать между архивами и территорией, будут также использоваться другие критерии, разработанные Специальным докладчиком. Содержащееся в пункте 3 выражение «архивы, когда они имеют характер суверенитета», также, по-видимому, слишком коротко, чтобы выразить заложенное в нем понятие.

33. Предусмотренные в пунктах 2 и 3 затраты на воспроизведение, должны быть справедливо распределены, и, как и в других статьях, необходимо указать, кто их должен покрывать. В случае, предусмотренном в пункте 3, затраты на воспроизведение, которые могут оказаться значительными, не должны зачисляться на счет государства-преемника. И наконец, Комиссии следует ответить на вопрос, ограничивается ли выражение «подходящее воспроизведение», которое содержится в пункте 3, фотографиями или оно может означать и другие формы воспроизведения.

34. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС отмечает, что в случае освободившихся от колониальной зависимости стран Специальный докладчик подошел к проблеме архивов с точки зрения «утраченной коллективной памяти», которую эти страны должны иметь возможность восстановить. Может быть, все же следовало провести различие между новыми независимыми государствами и такими государствами, как страны Латинской Америки, которые получили независимость в XIX веке. В случае этих уже не молодых государств было бы неправильно утверждать, что архивы, находящиеся на территории бывших держав-метрополий, должны быть переданы им. Нельзя утверждать, что огромное количество документов, имеющих отношение к Латинской Америке и хранящихся бывшей управляющей державой Испанией в Севилье, принадлежат тому или иному государству, ибо они составляют общее наследие испанского народа Европы и испанского народа Латинской Америки.

35. Более того, не следует также забывать, что при высадке испанцев на землях, являющихся сегодня Латинской Америкой, не существовало архивов в современном смысле слова, хотя имелись культурные ценности, например памятники. После признания Испанией де-юре новых испаноязычных государств Латинской Америки архивы были воссозданы на территории державы-метрополии. И лишь архивы Кубы и Пуэрто-Рико явились объектом передачи, однако они были переданы новой управляющей державе — Соединенным Штатам Америки.

36. Специальный докладчик вполне справедливо упомянул в своем докладе о культурных ценностях, которых были лишены новые независимые страны Латинской Америки. Как хорошо известно, в Испании практически нет предметов латиноамериканского искусства. И даже такой предмет, как золотая маска инков, представляющая символическую ценность, находится в настоящее время не в Испании, а в Австрии. Все эти культурные ценности были вывезены после получения независимости другими странами или археологическими обществами, проводившими в Латинской Америке раскопки. Город Мачупикчу в Перу особенно показателен в этой связи; почти все предметы, обнаруженные здесь, выставлены сегодня в музеях других стран. Сокровища, открытые в ходе раскопок, проводившихся на территории проживания тольтеков и ацтеков, также после получения независимости были вывезены за границу. В Венесуэле не могут быть найдены сокровища, поскольку жившие здесь племена кочевников не оставили после себя ни архивов, ни памятников, а коллекция золотых предметов, обнаруженных в Колумбии, недавно выставилась в Европе. Предметов эквадорского искусства находится в США больше, чем в самом Эквадоре. Ни в одном из этих случаев нельзя утверждать, что государство-предшественник обязано возвратить эти культурные ценности, поскольку они не были вывезены бывшей управляющей державой.

37. Возможно ли в этих условиях отождествлять эти ценности с архивами, переходящими к государству-преемнику в процессе правопреемства? Он затрудняется точно определить, каково различие между культурными и художественными ценностями, с одной стороны, и архивами, с другой, которые совместно образуют историческое наследие государства. Это наследие охраняется в известной мере различными конвенциями, заключенными под эгидой ЮНЕСКО, и в частности Конвенцией, подписанной в Париже 14 ноября 1970 года³. Может быть, следовало бы исходить из существующего международного законодательства, касающегося охраны культурного и художественного наследия, которое, одна-

ко, не следует путать с архивами. Рассмотрение этого вопроса, возможно, облегчило бы Комиссии решение ее задачи.

38. Что касается пункта 1 проекта статьи А, то не следует делать упор на понятие принадлежности к территории. Речь идет не столько о государственных архивах, принадлежащих территории, сколько об архивах, относящихся к территории или связанных с ней. Территории могут принадлежать, например, письменные документы, которые, однако, не имеют к ней отношения. Некоторые чрезвычайно важные документы, имеющие отношение к латиноамериканским странам, находятся даже не в Испании; они хранятся в Нидерландах, Соединенном Королевстве или Соединенных Штатах Америки.

39. Специальный докладчик установил интересное различие между фактической передачей документов заинтересованному государству, с одной стороны, и передачей содержания этих документов, с другой. Там, где документы являются совместной собственностью или общим наследием нескольких государств, их фактическая передача невозможна; однако в этом случае все же можно воспроизвести их при помощи современных технических средств. Естественно, что копия не равна по своей ценности оригиналу, однако, если государство не располагает им, оно всегда имеет возможность получить точные сведения об историческом факте или научную или культурную информацию, обратившись к микрофильму или фотокопии. Во Франции, Нидерландах и Соединенном Королевстве хранятся, например, архивы, касающиеся не только политики, проводимой их представителями в латиноамериканских странах, но также общей политики этих государств под углом зрения соотношения сил в Европе. Эти государства не смогли бы передать эти документы, которые имеют отношение не только к Латинской Америке, однако они могли бы передать фотокопии или микрофильмы. В этой связи он сообщает, что Венесуэла направила недавно в Европу делегацию, которая к концу 1979 года получит фотокопии подавляющего большинства документов, имеющих отношение к Латинской Америке и хранящихся в настоящее время в Европе, за исключением Советского Союза.

40. Заканчивая свое выступление, г-н Диас Гонсалес настаивает на необходимости внимательнейшим образом подойти к проектам статей, касающимся правопреемства в отношении государственных архивов, поскольку этот вопрос имеет большое значение, и проводить четкое различие между этим вопросом и смежными вопросами, являющимися предметом других конвенций.

Заседание закрывается в 13 час.

³ Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (United Nations, *Treaty Series*, vol. 823, p. 231).

1562-е ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 28 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, г-н Беджауи, сэръ Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Ушаков, г-н Цуруока, г-н Эвенсен.

Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (продолжение) (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2)

[Пункт 3 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ А (Переход государственных архивов)¹ (продолжение)

1. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ выражает свое удовлетворение в связи с тем, что Комиссия постановила избрать особый подход к вопросу о государственных архивах, являющемуся, безусловно, вопросом сложным и специфическим. Он спрашивает, однако, не следует ли Комиссии поступить подобно ЮНЕСКО и запросить мнения экспертов, в особенности относительно возвращения документов и других материалов, с тем чтобы прийти наверняка к сбалансированным и удовлетворительным выводам. Отнюдь не принижая достоинств превосходного труда Специального докладчика, тем не менее, он знает по своему опыту, что существует множество проблем технического характера.

2. Формулирование юридически четкой позиции по данному вопросу потребует от Комиссии больших усилий и ей поэтому следует действовать с осмотрительностью. Специальный докладчик изложил ряд принципов, и в том числе принцип территориальности, которые, в действительности, представляют собой скорее идеи или концепции. Если Комиссия намеревается ссылаться на принципы с юридической точки зрения, то ей необходимо не только выявить эти принципы, но также уточнить и сформулировать их, особенно в той области, где они соприкасаются или где существует опасность возникновения противоречий. Всякое собрание документов будет неизбежно порождать столкновение интересов, которое не обязательно будет ограничиваться лишь государством-предшественником и государством-преемником.

3. По его мнению, особо важное значение имеют два связанных между собой принципа: принцип места образования и принцип единства

архивных фондов. По определению, данному Комиссией, архивы создаются органами государственной власти и находятся обычно в столице соответствующего государства или в месте деятельности органа власти и образуются постепенно, до тех пор пока они не составят богатый и разнообразный фонд документальных материалов. О наличии архива можно говорить лишь в том случае, если документы собраны в одном или нескольких определенных местах, то есть органически связаны с местом их накопления. С этим принципом связан еще один, имеющий, однако, более важное значение, в соответствии с которым фонды, образованные как естественная совокупность в рамках государственной администрации, должны сохраняться в своем качестве естественной совокупности.

4. В этой связи он с большим интересом выслушал замечания г-на Диас Гонсалеса (1561-е заседание), проблемы которого, связанные с получением документов из различных источников, он хорошо понимает. Если он его правильно понял, г-н Диас Гонсалес не предлагает распылять архивы других государств и частично передавать их Венесуэле, потому что содержание некоторых документов представляет для этой страны особый интерес, в частности, с точки зрения территориального суверенитета. Проблема, с которой сталкивается правительство Венесуэлы, должна быть решена не в результате перехода или передачи части административных архивов некоторых других стран, а путем обеспечения доступа к этим архивам. Необходимо, таким образом, сохранить единство архивных фондов в интересах всего мира, что составляет один из основополагающих принципов, которым следует руководствоваться, осуществляя современную кодификацию права в данной области.

5. Необходимость установить границы вопроса, который рассматривается Комиссией, обычно всеми признается. В этой связи он полагает, что необходимо проводить различие между административными документами и другими предметами, обладающими действительной стоимостью, например произведениями искусства. Безусловно, в некоторых конкретных случаях провести различие крайне трудно, однако этого нельзя избежать применительно к принципам. Поэтому он также считает, что Комиссии следует выработать обоснованное определение понятия архивного документа, с тем чтобы его принадлежность к архиву вытекала из характера документа, его информационного содержания, а также принадлежности к собранию документов. На этой основе и следует, видимо, проводить различие между архивами, как таковыми и, например, картинами или ценными монетами. Проблема похищения сокровищ из некоторых стран требует, бесспорно, своего решения, однако это отдельный вопрос, который не следует смешивать с проблемой архивов. Разумеется, он не исключает возможности того, что архивы могут состоять из документов,

¹ Текст статьи см. 1560-е заседание, пункт 1.

изготовленных из материалов, помимо бумаги или пергамента.

6. С другой стороны, Комиссии следует недвусмысленно определить юридический характер рассматриваемого предмета. Сэр Фрэнсис констатирует определенную тенденцию к сведению вопроса о правопреемстве государств к вопросу о возвращении или реституции архивов, в то время как, по его мнению, эти два вопроса должны быть четко разграничены между собой. Он без колебания признает, что документы, вывезенные с территории, ставшей отдельным государством, на территорию другого государства, должны быть в принципе возвращены; но в данном случае проблема правопреемства государств отсутствует.

7. Следует также установить различие между передачей имущества и передачей «права собственности» на это имущество. В проекте статьи А речь идет о передаче права собственности, однако при передаче права собственности на архивы, находящиеся на территории государства-предшественника, неизбежно наступит момент, когда эти архивы необходимо будет физически перевезти в страну-преемник. Это связано с многочисленными проблемами практического характера, и именно поэтому он считает необходимым установить упомянутое выше различие. В то же время он считает, что эта передача противоречит основополагающему принципу единства государственных архивов. В этой связи необходимо несколько выйти за жесткие рамки рассматриваемого предмета — ибо пытаться изолировать абстрактный вопрос о передаче от права собственности было бы неразумно — и сформулировать некоторые новые положения. Так, например, Специальный докладчик указал на возможность предусмотреть воспроизведение государственных архивов, и общим интересам отвечала бы разработка положений в этой области. Разумеется, копия, в особенности воспроизведение на микрофильме, не может заменить оригинала, однако это, безусловно, лучше, чем ничто.

8. В целом следует помнить, что государственные архивы не только представляют интерес для государства-преемника и государства-предшественника, но и являются, в известном смысле, составной частью наследия всего человечества. На каждое собрание государственных архивов можно насчитать 40 или 50 государств, для которых оно представляет непосредственный интерес в юридическом или культурном плане.

9. И наконец, с архивами связаны многочисленные конкретные проблемы, которые следует рассмотреть и которые касаются хранения, защиты от разрушения, доступа и национальной безопасности.

10. Г-н ЦУРУОКА обращает внимание членов Комиссии на два случая правопреемства государств в отношении архивов, имевших отношение к Японии, которая выступала в качестве государ-

ства-преемника в одном случае и государства-предшественника — в другом.

11. Первый случай, в ходе которого Япония являлась государством-преемником, касается возвращения Японии в 1953 году островов Амами, части островов Рюкю, переданных под управление Соединенным Штатам Америки после второй мировой войны согласно условиям Мирного договора с Японией. В пункте 4 статьи III соглашения, заключенного в 1953 году между Японией и Соединенными Штатами по поводу островов Амами², предусматривается, что имущество правительства островов Рюкю, включая документы и архивы, находящиеся на островах Амами на 25 декабря 1953 года, будет в этот день передано без компенсации правительству Японии.

12. Второй случай, в ходе которого Япония выступала в качестве государства-предшественника, касается мирного договора, заключенного в 1965 году между Японией и Корейской Республикой³, и не имеет непосредственного отношения к архивам. В этом договоре, заключенном в целях урегулирования отношений между двумя странами, не содержится упоминания о передаче архивов, хотя эта передача фактически и имела место. Однако наряду с этим основополагающим договором Япония и Корейская Республика заключили в том же самом году соглашение относительно предметов искусства и культурного сотрудничества между двумя странами⁴, в статье II которого предусматривается, что японское правительство возратит правительству Корейской Республики в соответствии с процедурой, которая будет согласована двумя правительствами, произведения искусства, перечисленные в приложении, в течение шести месяцев после вступления в силу соглашения.

13. Как и в этих двух случаях, правопреемство в отношении архивов регулируется чаще всего соглашением между двумя заинтересованными государствами, что избавляет от необходимости обращаться к конкретным правилам международного права, касающимся передачи архивов. Если все же правила, касающиеся правопреемства государства в отношении архивов, должны быть сформулированы, необходимо прежде всего точно определить, какие архивы должны быть предметом передачи в случае правопреемства государств.

14. Прежде всего необходимо проводить различие между архивами, принадлежащими государству, и архивами, принадлежащими частным лицам. Необходимо также проводить различие между государственными архивами в собственном смысле слова и государственными историческими или культурными архивами. В основе этого

² United Nations, *Treaty Series*, vol. 222, p. 193.

³ Treaty on basic relations between Japan and the Republic of Korea (*ibid.*, vol. 583, p. 33).

⁴ *Ibid.*, vol. 584, p. 49.

различия лежит временный критерий: большинство государств публикует свои архивы по истечении 20 или 30 лет, и таким образом государственные архивы становятся государственными историческими архивами, ибо они отныне представляют лишь историческую ценность и доступны каждому. По его мнению, проект статей должен охватывать лишь государственные архивы в собственном смысле слова, то есть те, которые не были еще опубликованы. И наконец, следует проводить различие между государственными архивами и произведениями искусства. В проекте статьи 1⁵ говорится:

Настоящие статьи применяются к последствиям правопреемства государств в других областях, помимо договоров.

Поэтому необходимо очертить рамки рассматриваемого случая, исходя из непосредственных последствий правопреемства государств. Пример Японии и Корейской Республики показывает, что, не являясь предметом договора о правопреемстве государства, произведения искусства и исторические документы могут стать объектом культурного сотрудничества между двумя заинтересованными странами. Японское правительство дало даже обещание поощрять японских владельцев произведений искусства корейского происхождения, возвращать эти предметы Корейской Республике.

15. Таким образом, он полагает, что следует проводить различие между государственными архивами в собственном смысле слова и другими документами и произведениями искусства и что Комиссия должна заниматься лишь государственными архивами. Он отмечает также, что в проекте статьи А изложено всего лишь дополнительное правило, поскольку основные моменты улаживаются по соглашению сторон. Это правило должно просто устанавливать на равноправной основе минимальные условия, необходимые для удовлетворения законных интересов государства-предшественника и государства-преемника.

16. Г-н НДЖЕНГА отмечает, что в одиннадцатом докладе Специального докладчика обращается внимание на проблему, значение которой новые независимые государства лишь только начинают осознавать и которую они пока еще не сформулировали. Комиссия поступила правильно, решив рассматривать вопрос об архивах отдельно от остального движимого имущества, и ее работа по прогрессивному развитию международного права в этой области представляет исключительный интерес, если принять во внимание существующее в новых независимых странах положение с архивами. В ряде этих стран, в частности в тех из них, где получению независимости предшествовала вооруженная борьба, документы были вывезены или уничтожены или просто исчезли. Г-н Ндженга имеет в виду не только недавние документы, но также и документы многовековой

давности, имеющие большое значение для изучения истории стран. История составляет неотъемлемую часть национального наследия и является важным элементом самопознания, и поэтому он считает, что, открывая перед новыми независимыми государствами перспективу получения по крайней мере копий некоторых из этих документов, проект статей представляет собой прекрасную инициативу, которую следует поощрять.

17. Г-н Ндженга признает, что на данном этапе вопрос об определении понятия архивов не имеет особого значения и что Комиссия могла бы вернуться к нему позднее. В то же время он полагает, что если в проекте статей в качестве архивов будут рассматриваться лишь письменные документы, то его охват значительно сузится. Как вытекает со всей очевидностью из доклада (A/CN.4/322 и Corr.1 и Add.1 и 2, пункты 8—19), архивные фонды могут включать многие другие предметы, и он согласен с г-ном Пинто, что не следует исключать документы, изготовленные не из бумаги. Как известно, один из методов, позволяющий проследить историю той или иной страны, заключается в расшифровке надписей на дереве и камне. Приводя в качестве примера свою страну, г-н Ндженга говорит, что в Кении все подобные надписи рассматриваются теперь как архивные материалы и что частная коллекция, состоящая из печатей и старинных книг, датируемая периодом, предшествующим британской администрации, приобрела такое национальное значение, что была провозглашена вместе с помещениями, где она хранится, национальным музеем. Поэтому слово «архивы» не следует определять узко, что привело бы к выпадению подобных предметов.

18. В проекте справедливо указывается на необходимость заключения соглашения между государством-предшественником и государством-преемником, что служило делу справедливости и установлению хороших отношений между государствами. Однако для рассмотрения многочисленных случаев, когда подобное соглашение не заключается, и для того, чтобы обязать государство-предшественника возратить как документальные, так и исторические архивы государству-преемнику или оставить их на территории этого государства, крайне важно располагать четкими правилами. Специальный докладчик указал на ряд причин, из-за которых новые независимые государства не смогли потребовать заключения подобных соглашений (A/CN.4/322 и Corr.1 и Add.1 и 2, пункт 63). Однако существует еще одна причина, заключающаяся в том, что зачастую эти государства даже не знают, какие архивы были вывезены.

19. Он выражает сомнение в отношении исключения, предусматриваемого проектом статьи А в связи с архивами, касающимися суверенитета, поскольку некоторые из этих архивов могут иметь весьма относительное значение для государства-предшественника, однако жизненное значение

⁵ См. 1560-е заседание, сноска 1.

для государства-преемника. Если Комиссия решит сохранить это исключение, то г-н Ндженга предлагает — и практика в некотором смысле оправдывает его предложение — указать, что это исключение не распространяется на документы и досье, касающиеся границ. Таким образом, страны, и в частности большинство африканских стран, не имеющих представления о том, на какой основе устанавливались унаследованные ими границы, получают возможность подкрепить свою юридическую позицию в отношении этих границ.

20. Он не считает, что нужно запрашивать мнение экспертов по данному вопросу, как было предложено сэром Фрэнсисом Вэллетом, учитывая, что Специальный докладчик досконально изучил предмет и что, как подтверждает длительный опыт ЮНЕСКО, имеющаяся документация достаточна для того, чтобы Комиссия смогла рассмотреть этот вопрос. Кроме того, в положении проекта, посвященном воспроизведению архивных документов, предусматривается возможность для справедливого урегулирования двух сторон. Безусловно, копию нельзя сравнить с оригиналом, однако могут иметь место случаи, когда какой-либо стране придется удовольствоваться копией: например в случае, когда со стороны государства-преемника было бы несправедливо лишать государство-предшественника некоторых документов.

21. Он не разделяет неуверенности, испытываемой Специальным докладчиком в связи с положением заинтересованных третьих государств. При условии, что они будут готовы оплатить расходы, связанные с воспроизведением, и при наличии в проекте такого положения, эти государства должны будут обладать правом получать копии административных архивов.

22. Г-н ЭВЕНСЕН полагает, что Комиссия поступит неправильно, если откажется признать, что рассматриваемый вопрос имеет глубокий политический резонанс. В конкретном случае речь идет главным образом не о кодификации, а о прогрессивном развитии международного права в области правопреемства в отношении государственных архивов и о выработке статей, имеющих какой-то шанс пройти при их рассмотрении в политической атмосфере Генеральной Ассамблеи. Он всецело поддерживает юридические принципы, изложенные в рассматриваемых предложениях, и хочет также поблагодарить Специального докладчика за мудрость и сдержанность, которые он проявил при составлении предложений, представляющих собой прогрессивное развитие права.

23. Напротив, он не может согласиться с мнением сэра Фрэнсиса Вэллета, в соответствии с которым Комиссия не обладает необходимыми техническими знаниями, для того чтобы выполнить стоящие перед ней задачи. В этом отношении доклад Специального докладчика содержит достаточное количество конкретных и юридических сведений, позволяющих Комиссии продолжить

работу. Сэр Фрэнсис Вэллет упомянул также два основополагающих принципа, имеющих отношение к государственным архивам, а именно единства архивных фондов и места их образования. Что касается первого из этих принципов, то подлинники могут быть возвращены их «законным владельцам», однако единство фондов будет тем не менее сохранено благодаря эффективности современных средств воспроизведения. Важно также не упускать из виду тот факт, что единство имеющихся архивных фондов должно в известной степени зависеть от того, как они были образованы — что является одним из основных положений доклада Специального докладчика. Точно так же в противовес принципу места образования архивов можно привести ряд юридических, социальных и моральных принципов, которые должны быть также положены в основу рассматриваемого проекта.

24. Чрезвычайно богатая практика государств, показанная Специальным докладчиком, ясно свидетельствует, что правопреемство в отношении государственных архивов является неотъемлемым элементом различных видов правопреемства государств. Таким образом, разработка комплекса соответствующих принципов в данной области является делом не только полезным, но и необходимым; это к тому же и задача, за которую Комиссия должна взяться по политическим соображениям. Одним из основополагающих принципов должен стать принцип справедливого и разумного возвращения архивов. В этой связи он обращает внимание на призыв Генерального директора ЮНЕСКО к правительствам заключать двусторонние и многосторонние соглашения о возвращении архивов, — призыв, в котором Генеральный директор подчеркнул, что многие народы были лишены на протяжении истории бесценной части наследия, в котором запечатлена их индивидуальность (там же, пункт 45).

25. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР поражается тому, что Специальный докладчик, готовясь завершить огромную работу по редактированию проекта о правопреемстве государств в отношении вопросов, помимо договоров, смог подготовить окончательный доклад, который открывает совершенно новые перспективы. То, что Специальный докладчик смог, несмотря на все свои другие официальные обязанности, подготовить документ столь высокого качества по такому важному вопросу, является почти чудом.

26. По своей масштабности новый рассматриваемый вопрос не может вписаться в общую структуру проекта статей. В том виде, в каком оно было выработано ранее, определение государственного имущества, содержащееся в пункте 5, полностью отвечало целям Комиссии, которая не занимается вопросами собственности, принадлежащей частным лицам или общественным институтам, помимо государства. Какой бы ни была ситуация в момент правопреемства госу-

дарств, установление юридического субъекта, обладающего правами и обязанностями, проводится в соответствии с внутренним правом, пока оно не будет изменено. И лишь в случаях, когда само государство является владельцем рассматриваемого имущества в соответствии с его внутренним правом, это внутреннее право не позволяет урегулировать ситуацию в связи с правопреемством государств. В этом случае международное право должно дополнить внутренние правила, с тем чтобы определить нового владельца собственности. В этом случае, как подчеркнул г-н Диас Гонсалес (1561-е заседание), вопрос о том, являются ли документы или предметы материальной культуры древности, предназначенные главным образом для нового государства, собственностью государства-предшественника в момент правопреемства, не имеет значения. Комиссией во внимание принимается значение соответствующих документов для государства-преемника. Кроме того, в текстах, составленных Комиссией в связи с правопреемством государств, рассматривается лишь определенный временной отрезок. Комиссия не затрагивает вопросов, которые могут возникнуть до или после правопреемства государств и которые относятся к более широким вопросам ответственности государств. Однако важные положения, высказанные Специальным докладчиком, не относятся лишь к этому конкретному моменту, то есть к моменту правопреемства: и особый интерес проявляется к связи между государством и всеми документами и другими предметами, которые способствуют установлению характера, названию истории и индивидуальности данного государства.

27. Не следует также забывать, что смысл выражения «государственная собственность», использованного в первой части проекта, зависит в конечном счете от смысла, вкладываемого в него внутренним правом, которое при любых обстоятельствах определяет, что представляет собой собственность. Так, применительно к авторскому праву само существование права литературной собственности зависит в каждом конкретном случае от внутреннего права того или иного государства. Что же касается государственных архивов, то основная задача Комиссии заключается не в том, чтобы определить, рассматривало ли государство-предшественник эти архивы в качестве собственности в общепринятом смысле слова. Безусловно, произведения искусства обладают определенной коммерческой стоимостью, однако даже в более прозаическом случае с государственными документами речь идет о предметах, представляющих для стран гораздо большую ценность. Как отметил г-н Рейтер (там же), речь идет о самой сути их души. Под этим углом зрения уже подчеркивалось, что государство вмешивается в той или иной степени с целью упорядочения права собственности. Так, например, частные владельцы имущества, представляющего ценность для их страны, нередко вынуждены соблюдать

правила, запрещающие им видоизменять данную собственность или продавать ее на международном рынке. Необходимо тем не менее отметить, что, хотя многочисленные страны остро сознают необходимость сохранения своего культурного и художественного наследия, они стремятся действовать в этом вопросе в рамках уважения существующего права собственности и просто налагают определенные ограничения на прерогативы владельца. Поэтому можно полагать, что они будут применять тот же самый принцип при обращении с предметами особого значения для других стран.

28. Совершенно очевидно, что вопрос является настолько обширным, что выходит за рамки узкого рассмотрения конкретного момента правопреемства и передачи, в которых участвуют лишь государство-предшественник и государство-преемник, и вопроса о том, что рассматривается государством-предшественником в качестве собственности. Поэтому ему трудно согласиться с тем, что вопрос о правопреемстве в отношении государственных архивов входит в сферу части I проекта, и он считает, что предлагаемые статьи не должны рассматриваться в качестве повода для изменения этой части проекта.

29. Вопрос этот является достаточно важным, для того чтобы быть упомянутым в проекте статей, однако он не может быть решен должным образом на основе определения государственной собственности, содержащегося в статье 5. Очевидно, что в случае правопреемства государств государству-преемнику должны быть по возможности переданы документы, подтверждающие его суверенитет над своей территорией. Современные средства воспроизведения позволяют решить многие проблемы, и хотя соблюдение принципа и того же места хранения архивов государства является важным соображением, также желательно, чтобы всякий раз, когда это возможно, полное собрание документов, неразрывно связанных с самим существованием страны, передавалось в распоряжение специалистов и исследователей этой страны, и ей не приходилось выпрашивать помощь у стран, в которых хранятся эти документы.

30. В проект статей необходимо включить специальное упоминание вопроса о правопреемстве в отношении государственных архивов, но было бы нежелательно рассматривать гораздо более широкий вопрос о возвращении государству предметов, представляющих культурный или иной интерес, в рамках правопреемства государств в других областях, помимо договоров. Было бы еще более нежелательно, если бы рассмотрение этого вопроса Комиссией искусственно ограничивалось определением государственной собственности, которое дано в статье 5, определением, выработанным под совершенно иным углом зрения.

31. Г-н БЕДЖАУИ (Специальный докладчик) констатирует, что прения вышли в значительной степени за рамки проекта статьи А, охватив всю совокупность проекта статей, касающихся государственных архивов, и даже уже утвержденных статей 1—25. Чтобы ответить на вопросы, поставленные в ходе прений, Специальному докладчику потребуется иногда увязывать статью А со статьями, касающимися государственных архивов в целом, а последние — со всем проектом.

32. Наполнив свой одиннадцатый доклад особым содержанием и попытавшись ценой больших усилий изучить вопрос во всех его аспектах, он действовал в соответствии со своим чувством долга. Поэтому он будет огорчен, если Комиссии не удастся утвердить на своей нынешней сессии хотя бы несколько статей, касающихся архивов. Кроме того, он настаивает на том, что эти статьи позволили бы придать актуальность проекту и что Комиссии не следует упускать эту возможность. С 1963 года Комиссия занимается проблемами правопреемства государств, однако до сих пор итогом ее работы явилось лишь принятие Конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров. Необходимо как можно скорее разработать проект статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров. Некоторые положения этого проекта, связанные с почти завершившимся процессом деколонизации, покажутся устаревшими, и как раз наличие в проекте положений об архивах, которые, безусловно, будут и впредь порождать трудности в случае правопреемства государств, превратит проект в документ, представляющий определенную пользу для международного сообщества. Члены Комиссии, высказавшие сомнения в отношении уместности включения в проект статей, касающихся государственных архивов, ни в чем его не убедили; напротив, как и г-н Эвенсен, он полагает, что было бы ошибкой проигнорировать ярко выраженную политическую тенденцию в пользу изучения проблем, возникающих в связи с архивами при правопреемстве государств. Кроме того, как отметили г-н Ндженга и г-н Эвенсен, разрабатывая положения по этому вопросу, Комиссия может осуществить не только кодификацию, но также прогрессивное развитие международного права.

33. Вероятно, сложности вопроса породили некоторые сомнения у сэра Фрэнсиса Вэллета и побудили его предложить обратиться к экспертам. Не считая себя абсолютным авторитетом в этом вопросе, Специальный докладчик хочет напомнить, что его доклад является плодом 17 лет жизни, которые он посвятил, находясь на службе своей страны, урегулированию проблем архивов с бывшей колониальной державой. В качестве эксперта ЮНЕСКО он изучал также совместно с другими экспертами проблему архивов, и последние ссылались на его труды в этой области. Начиная со своего третьего доклада о правопреемстве

государств в областях, помимо договоров, который он представил в 1970 году, он касается проблемы архивов. Если Комиссия сочтет необходимым обратиться за помощью к экспертам, г-н Беджауи согласится с этим, однако он не представляет, в какой форме будет происходить это сотрудничество. Он предлагает избрать промежуточное решение, находящееся посередине между решением просто отказаться от рассмотрения проблемы архивов, которая имеет столь большое значение для некоторых стран, и решением, которое бы заключалось в изучении этой проблемы исчерпывающей в соответствии с перспективой, им изложенной. Комиссия могла бы ограничиться составлением двух или трех статей в возможно более гибких выражениях. Как указали некоторые члены Комиссии, сложности вопроса не являются тем не менее непреодолимыми.

34. Касаясь двух соглашений, упомянутых г-ном Цуруокой, Специальный докладчик отмечает, что он, по всей видимости, усмотрел в случае с первым договором правопреемства государств тогда, как оно не имело места, и не обнаружил правопреемства государств в случае со вторым договором. Действительно, соглашение между Японией и Соединенными Штатами 24 декабря 1953 года, на которое он уже ссылался в своих предыдущих докладах, было заключено в контексте военной оккупации после второй мировой войны. Соединенные Штаты не могут рассматриваться как преемник Японии на части японской территории, оккупированной американскими войсками. Что касается соглашения между Корейской Республикой и Японией по поводу произведений искусства, то к этому случаю применимы статьи 1—25 проекта. Произведения искусства, кроме своего культурного и исторического характера, являются движимым имуществом, являющимся частью наследуемого имущества, и на них распространяется поэтому действие соответствующих статей. Однако эти статьи недостаточны, когда речь заходит о государственных архивах как, безусловно, движимом имуществе, однако без учета их информационной документальной культурной и исторической ценности. Проект статей должен быть дополнен специальными положениями об архивах именно потому, что эти аспекты государственных архивов нельзя упускать из поля зрения.

35. Г-н Цуруока совершенно справедливо подчеркнул значение соглашения сторон и указал, что проект окажется действительно полезным для международного сообщества лишь в той степени, в какой в него будет заложен принцип соблюдения справедливости. Следует также подчеркнуть различие между возвращением архивов и произведений искусства и международным сотрудничеством в области культуры. Государства могут осуществлять сотрудничество в целях ознакомления друг друга с архивами и произведениями искусства, не ущемляя никоим образом прав

собственности на это движимое имущество. С другой стороны, если по правилам, касающимся правопреемства государств, за государством-предшественником или государством-преемником признается право собственности эти правила должны быть соблюдены, что, однако, не препятствует развитию сотрудничества между заинтересованными государствами. В качестве примера подобного сотрудничества между бывшей управляющей державой и бывшей колонией он приводит отношения, сложившиеся между Нидерландами и Индонезией, а также между Бельгией и Заиром.

36. Признавая важность проблемы архивов, г-н Ндженга считал, что Специальный докладчик поставил, возможно, государство-преемник в слишком выгодные условия, позволив ему сохранить у себя подлинники архивов, имеющих отношение к суверенитету. Проект статьи А применим ко всем видам правопреемства государств и было бы трудно предусмотреть другое правило. На практике архивы правопреемства в момент правопреемства находятся в столице метрополии, или потому, что они находились там всегда, или потому, что власти метрополии вывезли их туда незадолго до правопреемства. В любом случае они находятся далеко от государства-преемника, и передать их ему было бы затруднительно. Вот почему он предлагает предоставить государству-преемнику право доступа к этим архивам и возможность получить с них копии. В случае передачи части территории одного государства архивы, касающиеся суверенитета, находятся, естественно, не на этой части территории, площадь которой зачастую очень незначительна, а в столице государства-предшественника. Поэтому было бы неразумно требовать, чтобы архивы подобного рода, представляющие собой фонды, которые не следует дробить, передавались государству-преемнику в подлиннике. В момент деколонизации архивы, касающиеся суверенитета, не находятся, как правило, в колонии в силу того, что они были вывезены управляющей державой, и было бы затруднительно добиться их возвращения государству-преемнику; последнее должно удовлетвориться возможностью иметь к ним доступ. Практика показывает, что даже государства, образовавшиеся в результате распада государства, соглашаются с тем, что то из государств, на территории которого находится столица государства-предшественника, сохранит за собой архивы, касающиеся суверенитета, при условии, что каждое государство-преемник получит к ним доступ и будет обладать правом воспроизведения этих архивов или получения в порядке компенсации других архивов политического характера. Таким образом, в проекте статей А он попытался найти компромиссное решение, удовлетворяющее требованиям каждого вида правопреемства.

Заседание закрывается в 13 час. 05 мин.

1563-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 29 июня 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, г-н Беджауи, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Ушаков, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока.

Дань памяти г-на Константина Т. Эстафиадеса, бывшего члена Комиссии

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ сообщает о кончине г-на Константина Т. Эстафиадеса, который был членом Комиссии с 1967 по 1971 год и оставил заметный след не только в Комиссии, но также и в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, где он на протяжении многих лет представлял Грецию. Г-н Эстафиадес внес также вклад в развитие современного международного права как автор научных трудов. Председатель сообщает, что он пошлет семье г-на Эстафиадеса от имени Комиссии телеграмму с выражениями соболезнования.

По предложению Председателя, члены Комиссии соблюдают минуту молчания в память г-на Константина Т. Эстафиадеса.

Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (продолжение) (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2)

[Пункт 3 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ А (Переход государственных архивов)¹ (окончание)

2. Г-н БЕДЖАУИ (Специальный докладчик) выражает свое удовлетворение в связи с тем, что сэр Фрэнсис Вэллет обратил внимание на два принципа: необходимость учитывать, где происходит накопление архивов, которые находятся обычно в столице государства-предшественника, и единство архивных фондов. Собранные таким образом архивы, которые чаще всего имеют отношение к суверенитету, не должны страдать от правопреемства государств. Именно исходя из этих принципов, Специальный докладчик предлагает при некоторых видах правопреемства просто воспроизводить те архивы, без которых государство-преемник не может обойтись. В этой связи следует напомнить, что не только дробление подобных архивных фондов, но также бессистемные добавления, которые были, возможно, произведены государством-предшественником, имеют отри-

¹ Текст статьи см. 1560-е заседание, пункт 1.

цательные последствия. В течение так называемого «подозрительного» периода государство-предшественник должно воздерживаться от бессистемного пополнения своих архивных фондов и, в случае необходимости, возвратить впоследствии любые дополнительные материалы, неправильно оформленные.

3. Сэр Фрэнсис подчеркнул также, что иногда бывает трудно осуществить физическую передачу архивов. В этой связи г-н Беджауи уточняет, что он никогда не выступал за передачу всех архивов, а лишь тех из них, которые были беспорядочно добавлены государством-предшественником к своим архивным фондам. Ясно, что архивы являются составной частью наследия человечества и представляют для международного сообщества больший интерес, чем для государства-предшественника и для государства-преемника. Каждая страна имеет архивы, касающиеся других стран, и может помочь любому в воссоздании всемирной истории. Как было указано сэром Фрэнсисом, необходимо сохранить архивы и воспрепятствовать их разрушению. И наконец, коснувшись вопроса безопасности государств, сэр Фрэнсис разделил чувство озабоченности, выраженное Специальным докладчиком, а именно, что может возникнуть такая ситуация, когда государство, по соображениям национальной безопасности, не сможет передать архивы ни в подлиннике, ни в виде копий.

4. В отношении экспертов ЮНЕСКО, занимающихся на протяжении многих лет проблемами архивов (опирающихся в своей деятельности, в частности, на его предыдущие доклады), он подчеркивает, что они ожидают от Комиссии руководящих указаний в виде общих, но четких юридических принципов.

5. Все члены Комиссии, выступившие по поводу проекта статьи А, ссылались на ряд уже принятых статей, в частности на статьи 5, 9 и 13². Некоторые выражали пожелания, чтобы статья 9, в которой излагается общий принцип перехода государственной собственности, была опущена, в то время как другие задавались вопросом, применима ли к архивам статья 5, содержащая определение государственной собственности. По поводу статьи 9 он напоминает, что она находится в настоящее время на рассмотрении Редакционного комитета, и подчеркивает, что статьи, касающиеся архивов, или по крайней мере те из них, которые будут оставлены Комиссией, предназначены придать проекту дополнительный колорит. Что же до содержащегося в статье 5 определения, которое потребовало у Комиссии больших усилий, то оно охватывает и архивы, поскольку в этом случае речь идет о собственности, правах и интересах. Невозможно отрицать, что архивы являются движимой собственностью, принадлежащей государству. Помимо того, что они обладают

ценностью как наследие, они представляют собой нематериальную собственность, охватываемую терминами «права» и «интересы». Кроме того, в своих комментариях к статьям 1—25 Комиссия неоднократно упоминала архивы, рассматривая их в качестве собственности, подпадающей под определение в статье 5. Посвятив статью 11 проекта переходу государственных доходных титулов, Комиссия исходила даже из того, что нематериальная собственность, какой являются такие доходные титулы, подпадает под определение государственной собственности. Это определение включает одновременно собственность, обладающую денежной стоимостью, как, например, коллекция драгоценностей, и такие виды собственности, как архивы, которые обладают вдобавок интеллектуальной, культурной и исторической ценностью.

6. Некоторые члены Комиссии провели различие между произведениями искусства и архивами как частной собственностью. Тем не менее он намерен не рассматривать архивы как элементы культурного наследия нации, а лишь указать на контекст, в котором следует рассматривать архивы, представляющие собой одновременно нечто большее и нечто меньшее, чем культурное наследие. Они являются частью культурного наследия лишь в том случае, если обладают исторической или культурной ценностью; они выходят за рамки этого наследия, поскольку являются административными архивами, которые используются в управлении населением территории, затрагиваемой правопреемством государств. Вот почему проблему архивов важно рассмотреть во всех ее аспектах, поскольку архивы являются движимой собственностью, имеющей огромное значение для государства. Он не собирается вновь останавливаться на связи между архивами и произведениями искусства, поскольку статус последних как государственной собственности определяется в статьях 1—25 проекта.

7. Некоторые члены Комиссии затронули вопрос о личных архивах. По его мнению, эти архивы представляют для Комиссии лишь косвенный интерес. Иногда бывает трудно провести черту между частными архивами и государственными документами. Как указал г-н Ушаков (1561-е заседание), личные документы или же документы некоторых государственных учреждений отождествляются с государственными документами в силу контроля, который над ними осуществляется государством. Г-н Рейтер (там же) упомянул даже чисто личные документы, а именно фамильные дневники, которые приобрели со временем исторический интерес для Франции, предпринимающей усилия предотвратить их потерю. Что касается писем монархов, — даже если в них не идет речь о государственных делах, — то они представляют исторический интерес и обычно охраняются как архивы внутренним правом. Лишь обратившись к внутреннему праву государства-предшественника, можно установить, являются ли

² См. 1560-е заседание, сноска 1.

подобные письма частной собственностью, оказавшейся впоследствии под контролем государства, или же они превратились в государственную собственность. Что касается писем эмира Абдель-Кадира, в которых содержатся замечания политического характера, то ясно, что они принадлежат их адресату; если бы они были адресованы французскому правительству, то оно было бы их собственником. В этой связи следует отметить, что французское правительство выразило готовность открыть алжирскому правительству доступ к своим архивам, с тем чтобы последнее сняло копии с интересующих его архивов.

8. Короче говоря, обойтись без внутреннего права государства-предшественника, по-видимому, нельзя, так что определение, сформулированное в статье 5, должно быть в принципе подходящим. Если Комиссия так не считает, то следует сформулировать отдельное определение архивов. Однако даже в этом случае пришлось бы исходить из внутреннего права, так что определение, которое бы разработала Комиссия, не явилось бы определением международного права, как считает г-н Рейтер.

9. Многие члены Комиссии ссылались на давние или последние случаи деколонизации, которые затрагивали проблемы архивов. Г-н Рейтер указал на ущерб, который может быть нанесен национальной гордости. Если, как сказал один африканский государственный деятель, Африка обладает памятью, но не помнит зла, то лишать африканские страны их архивов означает лишать их памяти. К тому же колонизация не относится к явлениям, свойственным лишь XIX и XX столетиям; человечество должно воспринимать ее как исторический факт. Г-н Диас Гонсалес (там же) энергично высказался в пользу сохранения в Севилье латиноамериканских архивов, что показывает, что время является в конечном счете наиболее действенным лекарством. Однако, в этой связи, он хотел бы со своей стороны внести ясность, что он никогда не намеревался возобновлять между латиноамериканскими наследниками споры вокруг общего наследия, которое находится в Севилье. Напротив, он является сторонником точки зрения, в соответствии с которой исторические архивы являются составной частью общего наследия человечества. Из всего этого вытекает необходимость сформулировать положения о правопреемстве в отношении государственных архивов, особенно в случае деколонизации.

10. В ходе прений обнаружилось три тенденции. Некоторые члены Комиссии, например г-н Ушаков (там же), считают невозможным сформулировать в данный момент статьи общего характера, как например, статью А; они предпочли бы подойти к проблеме архивов под углом зрения каждого отдельного вида правопреемства. По мнению г-на Рейтера (там же), следовало бы разработать лишь одну или две общие статьи, отражающие две стороны проблемы, а именно:

переход архивов и обращение с архивами, представляющими общий интерес. Это решение заключалось бы в перенесении акцента на два вопроса, рассмотренных Специальным докладчиком, а именно: о возвращении архивов и сотрудничестве государств. И наконец, г-н Рифаген (там же) является сторонником общей статьи, такой как статья А, и одной конкретной статьи, которая была бы посвящена случаю деколонизации, создающему проблемы, для решения которых международному сообществу необходимо располагать руководящими принципами. Лично он сам предпочел бы, чтобы Комиссия высказалась за включение общей статьи и пяти конкретных статей; однако за неимением времени он готов поддержать решение, предложенное г-ном Рифагеном. Таким образом, Комиссия смогла бы представить Генеральной Ассамблее на ее тридцать четвертой сессии законченный проект статей. Кроме того, как отметил г-н Рифаген, ситуации, предусматриваемые в статьях В и Е, возможно, не являлись столь уж различными. Если Комиссия одобрит этот путь, то проект статьи А можно будет передать Редакционному комитету и Комиссии останется рассмотреть лишь проект статьи С.

11. Статья А должна включать следующие составные элементы. Во-первых, следовало бы подчеркнуть, что государства обязаны добросовестно вести переговоры в целях достижения положительных результатов — обязанность, которая подчеркивалась Комиссией в другом контексте. Затем следует сделать акцент на необходимости соглашения сторон, которое имеет огромное значение в решении столь сложной проблемы, как проблема архивов. Что касается принципа перехода архивов, то его можно было бы провозгласить применительно к случаям, когда его использование не вызывает сомнений, например в случаях, когда архивы — и особенно, административные архивы — уже находятся на территории, затрагиваемой правопреемством государств. Если эти архивы были вывезены, их можно затребовать обратно с целью обеспечения жизнеспособности территории. То же самое относится к государственным документам, которые существовали еще до установления суверенитета государства-предшественника над данной территорией. В этой связи г-н Пинто (там же), а вслед за ним г-н Ндженга (1562-е заседание) привели случаи, когда несколько правопреемств государств предшествуют деколонизации. Что касается архивов, вывезенных во время «подозрительного» периода, то к ним в проекте статьи А относятся слова «относящиеся исключительно или главным образом к территории», — формула, которая соответствует понятию собственности, связанной с деятельностью государства-предшественника на территории, и которая уже содержится в статьях, касающихся государственной собственности.

12. Следовало бы также предусмотреть включение положения о документах, представляющих общий интерес, но не для того, чтобы установить

опеку над государственными документами, а чтобы определить, насколько широко следует осуществлять, с учетом неделимости архивных фондов, воспроизведение архивных материалов в подлиннике. Предлагая предоставить третьим заинтересованным государствам право доступа к государственным архивам, он имел в виду скорее административные архивы, чем политические. Он имел в виду случаи, когда часть населения территории, затрагиваемой правопреемством государств, переселяется в третье государство. Для управления этими новыми жителями третьему государству потребуется доступ к административным архивам, имеющим к ним отношение. В чисто политической области третье государство также может выразить пожелание о предоставлении ему доступа к некоторым архивам. Так, например, две бывшие колонии, стремившиеся разрешить мирными средствами пограничную проблему, обратились к французскому правительству с совместной просьбой о предоставлении им доступа к определенным французским архивам, которая и была удовлетворена. Однако очевидно, что при наличии очень серьезного спора, государство, получившее подобный запрос, может проявить большую сдержанность.

13. Г-н ЦУРУОКА хочет внести ясность в связи с недоразумениями, которые, по-видимому, возникли после его выступления на предыдущем заседании. До того как в 1953 году было заключено соглашение между Соединенными Штатами Америки и Японией, международный статус островов Амами определялся статьей 3 Мирного договора, заключенного с Японией³. В соответствии с условиями этого положения Соединенные Штаты пользовались в отношении этой территории и ее населения полнотой власти в законодательной, административной и судебной областях. В соответствии со статьей 1 соглашения 1953 года Соединенные Штаты передали Японии все права и интересы, вытекающие из статьи 3 Мирного договора, а Япония таким образом приняла на себя полную ответственность и исполнительную власть по осуществлению административных, законодательных и судебных функций на территории и над населением островов Амами. Он исходил именно из этих положений, когда решил, что в этом случае имеет место правопреемство государств, соответствующее определению понятия «правопреемство государств», которое содержится в пункте 3а проекта статей. До подписания в 1953 году соглашения компетентные американские органы, например, выдавали жителям островов Амами паспорта или осуществляли международную защиту тех из них, кто занимался рыбной ловлей в открытом море, и несли таким образом ответственность за международные отношения этой территории. Эта ответственность вновь была передана Японии в соответствии с соглашением 1953 года. Поэтому правильно говорить о право-

преемстве государств. К тому же в статье 6 Мирного договора содержится положение об оккупации, в соответствии с которым все оккупационные силы союзных держав будут в кратчайшие сроки выведены из Японии после вступления в силу договора, за исключением случаев сохранения иностранных вооруженных сил на японской территории в соответствии с конвенциями, заключенными между одной или несколькими союзными державами и Японией. После вступления в силу Мирного договора вооруженные силы Соединенных Штатов оставались на территории Японии в соответствии с соглашением о безопасности, заключенным между Соединенными Штатами Америки и Японией, и не представляли, таким образом, военной оккупации.

14. Если он сослался на соглашение между Корейской Республикой и Японией в области культурного сотрудничества, то он сделал это лишь для того, чтобы показать, что в связи с правопреемством государств заинтересованные государства могут урегулировать свои споры по поводу произведений искусства и других предметов, представляющих историческую и культурную ценность, заключив договор не в рамках правопреемства, а в области культурного сотрудничества.

15. Г-н УШАКОВ полагает, что архивы нельзя рассматривать как государственную собственность, равно как акт о рождении отдельного лица и текст-договора, заключенного между государствами, не являются государственной собственностью. В своем одиннадцатом докладе Специальный докладчик сослался в связи с определением понятия архивов (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2, пункт 23) на соглашение между Италией и Югославией от 23 декабря 1950 года, в котором, в частности, в качестве архивов рассматриваются «акты, касающиеся некоторых категорий собственности». Отсюда ясно, что в общее понятие государственной собственности не могут быть включены документы, составляющие архивы. В принципе архивы состоят из документов, которые по сути не являются собственностью. Из этого следует, что они не подпадают под определение, содержащееся в статье 5. К тому же, в самом начале раздела своего доклада, посвященного определению понятия архивов, Специальный докладчик указал, что для целей проекта он решил ограничить содержание понятия архивов «документацией, собираемой государственными учреждениями в ходе их деятельности и сознательно хранимой ими» (там же, пункт 8). Таким образом, разница между собственностью и документами выражена в этом случае еще лучше.

16. Поэтому он считает, что часть проектов статей, посвященных государственной собственности, не охватывает архивы в их качестве документов. На его взгляд, правопреемству в отношении государственных архивов следовало бы по-

³ United Nations, *Treaty Series*, vol. 136, p. 45.

святить отдельный раздел. Как и в часть I проекта, касающуюся правопреемства государств в отношении государственной собственности, в эту новую часть можно было бы включить раздел I, озаглавленный «Общие положения». Статьи, включенные в этот раздел, можно было бы составить по образцу статьи 4 и следующих проекта.

17. Кроме того, Комиссия могла бы составить общие статьи, касающиеся государственных архивов, взяв за образец следующий текст:

«Государства-предшественники и государства-преемники должны сотрудничать друг с другом, создавая условия и поощряя как взаимный доступ к государственным архивам, так и подходящее их воспроизведение с заверением, в случае необходимости, копий с целью удовлетворения законных потребностей органов власти или осуществления судебных полномочий и других законных интересов данных государств»
и

«Государства-предшественники и государства-преемники, выполняя свои обязательства о переходе государственных архивов в соответствии со статьями настоящей части, учитывают, по мере возможности, необходимость сохранять целостность архивов и другие требования, связанные с особым характером архивов».

18. Г-н БЕДЖАУИ (Специальный докладчик) считает, что государственные архивы являются не только лишь документами, как сказал г-н Ушаков, но также государственной собственностью, поскольку они принадлежат государству. Государственные архивы обладают не одной только чисто документальной ценностью. Они могут представлять культурную ценность, а также иметь денежную стоимость, как было в случае с пергаменами, возвращенными Данией Исландии, которые были оценены в 600 млн. швейцарских франков. Они могут также служить средством установления собственности на конкретное имущество. Они могут также быть средством управления или доказательства.

19. Специальный докладчик не считает, что применительно к архивам следует принять ряд общих положений, как было сделано в случае государственной собственности. Он считает, что Комиссии следует проявить доверие к Редакционному комитету и передать ему проекты статей А и С. Возможно, позднее удастся добавить определение и некоторые конкретные статьи. Однако пока было бы разумнее ограничиться статьями А и С.

20. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила передать проект статьи А Редакционному комитету.

Предложение принимается⁴.

⁴ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1570-е заседание, пункты 3—14 и 36—40.

СТАТЬЯ С (Новые независимые государства)

21. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику представить проект статьи С (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2, пункт 181), который гласит:

Статья С. Новые независимые государства

1. Когда государство-преемник является новым независимым государством:

a) архивы любого рода, принадлежащие территории до утраты ею независимости и ставшие архивами управляющего государства, переходят к новому независимому государству,

b) административные и технические архивы, связанные с деятельностью государства-предшественника в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств, переходят к новому независимому государству.

2. Государство-преемник обеспечивает для нужд государства-предшественника по просьбе и за счет последнего любое соответствующее воспроизведение переходящих к нему архивов.

3. Правопреемство в отношении других архивов, отличных от упомянутых в пункте 1, выше, и относящихся к территории, затрагиваемой правопреемством государств, регулируется соглашением между государством-предшественником и государством-преемником таким образом, чтобы каждое из этих государств свободно и справедливо пользовалось этими архивами.

4. Когда новое независимое государство образовано из двух или нескольких зависимых территорий, переход архивов государств-предшественников к новому независимому государству регулируется в соответствии с положениями пунктов 1—3, выше.

5. Когда зависимая территория становится частью территории государства иного, нежели государство, которое несло ответственность за ее международные отношения, переход архивов государства-предшественника к государству-преемнику регулируется в соответствии с положениями пунктов 1—3, выше.

6. Соглашения, заключенные между государством-предшественником и государством-преемником в отношении архивов, не должны ущемлять право каждого народа на информацию о своей истории и культурном наследии.

22. Г-н БЕДЖАУИ (Специальный докладчик) говорит, что в проекте статьи С предусматривается появление на международной арене нового независимого государства в результате деколонизации. В этом случае проблема правопреемства в отношении государственных архивов встает с особой остротой.

23. Г-н Диас Гонсалес напомнил (1561-е заседание), что при получении латиноамериканскими странами независимости Испания не оставила им архивов и они были вынуждены восстанавливать свои собственные фонды. Однако теперь имеет место новое явление: новые независимые страны начинают требовать удовлетворения своих прав на архивы. Деятельность ЮНЕСКО в этой области показывает, что проблему архивов следует решать, исходя из трех важных принципов: права на развитие, права на информацию и права на национальную и культурную самобытность. В рамках именно этого тройного права и возник-

кает проблема правопреемства государств в отношении государственных архивов.

24. По его мнению, государство-преемник должно получать не только административные архивы, необходимые для управления его территорией, то также исторические и культурные архивы, относящиеся исключительно к его территории. Следует сформулировать возможно более справедливое правило, которое удовлетворяло бы законные требования новых независимых стран, открывало бы возможности для сотрудничества между этими странами и бывшими управляющими державами. Необходимо в то же время создать для нового независимого государства условия для возвращения его национального наследия, а бывшим колониальным державам облегчить моральные и материальные трудности, которые могли возникнуть при их уходе с территории.

25. Можно выделить четыре вида архивов: политические архивы колониального периода, архивы, предшествующие колонизации, архивы, образованные за пределами территории, затрагиваемой правопреемством государств, и административные архивы.

26. Некоторые считают, что политические архивы колониального периода не должны переходить к новому независимому государству, поскольку они связаны с *impregium* и *dominium* управляющей державы. В этой связи он ссылался в своем докладе на решения шестой международной конференции за круглым столом по архивам, которая высказала мнение о том, что «фонды суверенитета... касающиеся главным образом отношений между метрополией и ее представительством в территории... подпадают под юрисдикцию метрополии, к истории которой они имеют непосредственное отношение»⁵. Со своей стороны, он считает эту точку зрения слишком резкой, потому что в исключении из принципа передачи архивов, связанных с *impregium*, речь идет скорее о конъюнктурных и политических соображениях, чем о принципе принадлежности. Безусловно, необходимо избегать опубликования архивов, которые бы угрожали подрывом дружеских отношений между государством-предшественником и государством-преемником, однако необходимо также сохранить жизнеспособность нового независимого государства. И действительно, некоторые политические архивы колониального периода, относящиеся, например, к демаркации границ или заключению договора, распространяющегося на территорию, представляют также интерес для нового независимого государства — иногда даже еще в большей степени в случае спора или конфликта с третьим государством. Поэтому, если новое независимое государство не может потребовать немедленного и полного возвращения всех архивов, связанных с *impregium* и *dominium*, бывшей колониальной державой, оно должно, по

крайней мере, иметь доступ к этим архивам и возможность снять с них копии, по крайней мере на тех же основаниях, что и любое частное лицо, поскольку по прошествии определенного времени доступ к этим архивам открывается для общности. Действительно, если данные архивы связаны с историей колониальной державы, то, очевидно, они еще более тесно связаны с историей освободившейся территории.

27. Эта точка зрения подтверждается практикой государств, в частности соглашением о культурном сотрудничестве, заключенным в 1976 году между Нидерландами и Индонезией⁶, а также положительным отношением Франции, которая постановила передать Алжиру в подлиннике, на микрофильмах или в виде фотокопий — в зависимости от характера документа — исторические архивы, связанные с колонизацией Алжира, полагая, что подобный образ действий полностью соответствует существующей в настоящее время практике сотрудничества между историками.

28. Такой подход подтверждается теорией. В своем докладе он процитировал Шарля Руссо, который писал по поводу колониальных архивов, относящихся к Камбодже, что «логическим решением могло бы быть возвращение всех документов, касающихся истории Камбоджи за период, в течение которого Франция несла международную ответственность за дела этой страны (1863—1953 годы)»⁷. Он также упомянул о рекомендации проводившегося в 1965 году в Дакаре симпозиума по африканским архивам и истории, согласно которой «в случаях, когда передачи нанесли ущерб принципам территориальности архивов и цельности фондов, в качестве мер по исправлению создавшегося положения использовалось возвращение архивов или другие соответствующие мероприятия»⁸.

29. Таким образом, полностью исключать политические архивы колониального периода из процесса правопреемства государств не следует и новому независимому государству должна предоставляться возможность получить подлинник или копию с интересующих его документов — например документов, имеющих отношение к демаркации его границ или применению в связи с его территорией договоров, заключенных от его имени управляющей державой. И действительно, иногда случается так, что колебания новых независимых государств в связи с уведомлением об их правопреемстве в отношении некоторых договоров объясняются отсутствием у них информации о предшествующем применении этих договоров применительно к их территории или даже о содержании этих документов, которых они не нашли в архивах, оставленных колониальной державой на территории.

⁶ Там же, пункт 157.

⁷ Там же, пункт 159.

⁸ Там же, пункт 160.

⁵ См. A/CN.4/322 и Corr.1 и Add.1 и 2, пункт 149.

30. Что касается исторических архивов, созданных до колонизации, и культурных архивов, принадлежащих территории, то нет никакого сомнения, что эти архивы должны целиком принадлежать новому независимому государству, поскольку в этом случае речь идет не о собственности, принадлежащей государству-предшественнику, а о собственности, принадлежащей территории. Этот принцип следует немедленно и неукоснительно применять, и он не должен иметь никаких исключений. Он подтверждается теорией, в частности документами шестой международной конференции за круглым столом по архивам, которая указала, что «метрополия должна возвращать государствам, которые достигли независимости... архивы за период, предшествующий установлению колониального режима», поскольку эти архивы «бесспорно, являются собственностью территории»⁹. Он также подтверждается практикой государств: например, Мирным договором от 1947 года между Италией и Эфиопией, франко-вьетнамской конвенцией об архивах от 1950 года и частичным урегулированием спора между Алжиром и Францией в связи с историческими архивами, образованными до колонизации¹⁰.

31. Он напоминает, что в пункте 1 уже принятой Комиссией статьи 13 предусматривается, что в случае, когда государство-преемник является новым независимым государством,

Если недвижимая и движимая собственность, принадлежащая независимому государству, которое существовало на территории до того, как она стала зависимой территорией, стала в период зависимости государственной собственностью управляющего государства, она переходит к новому независимому государству.

Этот принцип действует применительно к историческим архивам, образованным до колонизации и являющимся государственной собственностью.

32. Что касается архивов, образованных за пределами территории, получившей независимость, однако относящихся к этой территории, то он не нашел примеров подобного типа правопреемства, помимо случая с библиотекой Индийского отдела [Уайтхолл], который так и не был урегулирован¹¹.

33. В отношении административных архивов бесспорно то, что они должны принадлежать новому независимому государству, поскольку они необходимы для управления его территории. Таким образом, шестая международная конференция за круглым столом по архивам провозгласила, что бывшие управляющие державы «обязаны вернуть все документы, способствующие обеспечению преемственности административной деятельности и защиты интересов местного населения»¹². Генеральная Ассамблея подтвердила этот же прин-

цип применительно к деколонизации Ливии [резолюция 388 (V) от 15 декабря 1950 года] и применительно к Эритрее [резолюция 530 (VI) от 29 января 1952 года]. В соответствии с этим же принципом была решена проблема административных архивов, касающихся Алжира.

34. В заключение он выражает мнение о том, что проблема архивов имеет жизненно важное значение для новых независимых государств и не должна решаться на основе местонахождения архивов — то есть передавать архивы тому государству, у которого они находятся в момент правопреемства государств, поскольку это способствовало бы вывозу архивов накануне получения территорией независимости. Эта проблема должна непосредственно решаться путем соглашения между двумя заинтересованными государствами в соответствии с потребностями сотрудничества между государством-предшественником и государством-преемником, которые должны совместно изыскивать решения, которые будут удовлетворять их обоих. Одно из этих решений заключается в предоставлении каждому государству возможности получить копии с тех архивов, которых у него нет в подлинниках.

35. Архивы, принадлежащие территории, затрагиваемой правопреемством государств, должны в обязательном порядке, целиком и в подлинниках, передаваться новому независимому государству в соответствии с двойным принципом «происхождения» и «связи», сформулированным архивоведением. Под «архивами, принадлежащими территории, затрагиваемой правопреемством государств» следует понимать, с одной стороны, исторические архивы, образованные до колонизации территории, и с другой — чисто административные архивы или имеющие технический характер, которые существовали в территории вплоть до получения ею независимости и часто именуемые «местными» архивами.

36. Политические архивы колониального периода или «архивы, когда они имеют характер суверенитета, должны быть доступны для государства-преемника в такой же степени, в какой они доступны для общественности.

37. И наконец, важно учитывать интересы новых независимых государств, не упуская тем не менее из виду интересы или опасения бывших управляющих держав.

Заседание закрывается в 13 час.

1564-е ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник, 2 июля 1979 года, 15 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, г-н Беджауи, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес,

⁹ Там же, пункт 165.

¹⁰ Там же, пункты 166—168.

¹¹ Там же, пункт 173.

¹² Там же, пункт 174.

г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока.

Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (продолжение) (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2, A/CN.4/L.298)

[Пункт 3 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (продолжение)

СТАТЬЯ С (Новые независимые государства)¹ (продолжение)

1. Г-н БАРБОСА готов согласиться с тем, что Генеральной Ассамблее следует представить лишь проекты статей А и С. Он считает, что положения проекта статьи А (1560-е заседание, пункт 1) не могут применяться должным образом по отношению к некоторым ситуациям, предусматриваемым в проектах статей В, Е и F (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2, пункты 140, 204 и 206). Например, в подпункте *a ii* пункта 2 проекта статьи В предусматривается, что государственные архивы, относящиеся исключительно или главным образом к территории, затрагиваемой правопреемством государств, переходят к государству-преемнику, «если они были образованы на указанной территории». По-видимому, целью этого положения является предусмотреть исключения из общего правила, изложенного в проекте статьи А, а именно, что архивы подобного рода в любых обстоятельствах переходят к государству-преемнику. Однако это исключение не сразу бросается в глаза, и Комиссия, возможно, сможет поместить его в другой части проекта. Со своей стороны он поддержал бы изъятие проекта статьи В, после чего необходимость в проекте статьи 14² отпала бы. К тому же он считает, что для сохранения этого последнего положения оснований нет и что квадратные скобки, в которые оно заключено, ясно свидетельствуют о противоречивом характере этого положения. Что касается проектов статей Е и F, то в связи с ними возникает ряд вопросов, которые не имеет смысла перечислять, однако которые укрепляют его мнение о том, что на данном этапе рассмотрение этих статей Генеральной Ассамблеей может закончиться безрезультатно.

2. Проект статьи С, в котором применяются принципы, используемые в области правопреемства в отношении государственной собственности вообще и государственных архивов в частности, не вызывает с его стороны каких-либо серьезных возражений. Он, однако, хочет указать, что если подпункт *a* пункта 1 касается «архивов любого рода», принадлежавших территории еще до утра-

ты ею независимости, то подпункт *b* пункта 1 относится к «административным и техническим архивам», связанным с деятельностью государства-предшественника. Он хотел бы узнать о причинах этого различия.

3. В пунктах 2 и 3 проекта статей отражены понятия сотрудничества и общего наследия. Идея общего наследия представляется чрезвычайно интересной, если только ее применение в этой конкретной области и в других областях международного права позволит определить все вытекающие отсюда юридические последствия. В этой связи г-н Рейтер выдвинул гипотетический случай, когда колониальная держава хранит в своих архивах документы, касающиеся границ некоторых из ее бывших колоний. Эту возможность можно было бы рассматривать как случай применения понятия общего наследия, который наложил бы на бывшую управляющую державу особую обязанность проявлять осторожность в обращении с документами подобного рода.

4. Пункты 4 и 5 уточняют практические вопросы и логически связаны с пунктами 1, 2 и 3 проекта статей, в то время как в пункте 6 излагается основной принцип, применяющийся к соглашениям между государством-предшественником и государством-преемником в отношении архивов.

5. И наконец, он считает, что с учетом цели проекта в проекте статьи А было бы лучше вместо определения поместить краткий перечень предметов, позволяющий уточнить понятие архивов. Он отмечает в этой связи, что в статье 5 (Государственная собственность), которая аналогична проекту статьи А, нет определения этого вида собственности, а просто указывается, что его характер определяется в зависимости от внутреннего права государства-предшественника. Однако в статье 5 речь идет не только о собственности, но также о правах и интересах, так что любой предмет, представляющий какую-либо финансовую, культурную, интеллектуальную или историческую ценность, принадлежащий государству-предшественнику и находящийся на территории, затрагиваемой правопреемством государств, должен перейти к государству-преемнику. Фактически государственная собственность определяется скорее с позиций международного правопорядка, чем внутреннего права. По его мнению, еще более важно избрать подобный подход в отношении архивов; поэтому следовало бы воспользоваться формулировкой «архивы, отчеты и другие документы», с тем чтобы уточнить понятие архивов и не допустить выпадения из сферы действия проекта ни одного документа.

6. Г-н УШАКОВ полагает, что статья С является в принципе приемлемой, однако требует некоторых изменений редакционного характера.

7. Прежде всего он хотел бы знать, почему Специальный докладчик опустил слово «госу-

¹ Текст статьи см. 1563-е заседание, пункт 21.

² См. 1560-е заседание, сноска 1.

дарственные» перед словом «архивы» в подпункте *a* пункта 1. Было ли это сделано с целью распространить действие правил перехода на архивы, помимо государственных, или же потому, что в данном случае подразумеваются лишь государственные архивы? Г-н Ушаков считает, что следовало бы уточнить, что речь идет о государственных архивах, поскольку существуют другие категории архивов. Он также хотел бы знать, почему в этом же подпункте пункта 1 Специальный докладчик не воспользовался формулой, использованной в пункте 1 статьи 13 в связи с движимой и недвижимой собственностью, поскольку он рассматривает государственные архивы в качестве государственной собственности. Если речь в действительности идет о государственных архивах, то это означает, что эти архивы принадлежали независимому государству, существовавшему на этой территории до утраты ею независимости. Было бы поэтому лучше вернуться к тексту пункта 1 статьи 13 и использовать слова «государственные архивы любого рода», принадлежащие независимому государству, которое существовало на территории до того, как она стала зависимой территорией». В случае, если территория бывшего независимого государства была поделена между несколькими колониальными державами, может, очевидно, возникнуть проблема. Не пытаясь разрешить ее в рамках проекта статей, ее следовало бы, возможно, упомянуть в комментарии.

8. По поводу административных и технических архивов, о которых идет речь в подпункте *b* пункта 1, он считает, что, возможно, следовало бы уточнить, что имеются в виду не только центральные архивы, но и местные. Он спрашивает, не следует ли повторить применительно к государственным архивам формулировку «связанные с деятельностью государства-предшественника в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств», которая использована в подпункте *a* пункта 3 статьи 13 в связи с государственной собственностью.

9. Что касается пункта 2 статьи С, то он хотел бы знать, можно ли обязывать государство-преемник обеспечивать «для нужд государства-предшественника по просьбе и за счет последнего любое последующее воспроизведение переходящих к нему архивов». Он также хотел бы знать, будет ли это обязательство возлагаться на государство-преемник в момент правопреемства государств или позднее. Следует отметить, что если проблема государственной собственности решается в момент правопреемства государств, то проблема архивов может возникнуть лишь после даты правопреемства, поскольку потребность обратиться к архивам в поисках документов, необходимых для управления их внутренними делами, может возникнуть у государства-предшественника или у государства-преемника гораздо позже. Однако после даты правопреемства государств государство-преемник обладает суверенной властью над перешедшими к нему архивами. Поэтому оно мо-

жет отказать государству-предшественнику в доступе к этим архивам. Он полагает, что было бы лучше указать в более сбалансированной статье, которая содержалась бы в общей части проекта, что государство-преемник и государство-предшественник должны сотрудничать друг с другом, предоставляя на взаимной основе возможность пользоваться своими архивами.

10. В отношении пункта 3 он полагает необходимым уточнить, что речь идет о «правопреемстве в отношении государственных архивов государства-предшественника». На его взгляд, выражение «относящихся к территории, затрагиваемой правопреемством государств» лишено ясности и может вызвать затруднения, если соглашение между государством-предшественником и государство-преемником оспаривается. Будет ли достаточно в этом случае обладать возможностью сослаться на «право каждого народа на информацию о своей истории и о своем культурном наследии» в соответствии с оговоркой, сформулированной в пункте 6? Он считает, что этот вопрос следовало бы уточнить в комментарии.

11. Г-н НДЖЕНГА говорит, что будет прискорбно и совершенно неприемлемо, с его точки зрения, если положения пункта 1 проекта статьи С станут толковаться по смыслу статьи 13, то есть так, будто они распространяются лишь на архивы, «принадлежавшие независимому государству, которое существовало на территории до того, как она стала зависимой территорией», ибо в этом случае их применение ограничивалось бы документами, которые были сохранены администрацией. Однако существует множество документов, которые были сохранены частными лицами, например миссионерами, для своего собственного пользования, которые не вошли в состав официальных архивов, однако имеют огромное значение для истории, культуры и даже административного устройства независимых государств. Как подчеркнул Специальный докладчик в своем докладе (A/CN.4/322 и Corr.1 и Add.1 и 2, пункт 180a), эти государства являются обездоленными с самого своего рождения. Кроме того, они зачастую не представляют, что им принадлежит. Если Комиссия станет заниматься словесными упражнениями, то проект статей утратит всякий смысл. Поэтому он решительно выступает за более широкое толкование сферы применения проекта статьи С, с тем чтобы максимально облегчить доступ к архивам. К тому же эта позиция соответствует выводам семнадцатой международной конференции за круглым столом по архивам, которые были отчасти воспроизведены в докладе Специального докладчика (там же, пункт 179).

12. Архивы должны рассматриваться как единое целое, поскольку в колониальной ситуации черта между документами, которые принадлежали государству, и документами, которые ему не принадлежали, с трудом различима, и любая попытка со стороны Комиссии установить ее отнюдь не

способствовала бы достижению основополагающей цели возвращения и сохранения целостности архивов новых независимых государств. Так, например, подобная попытка означала бы отмену обязательства возвратить ценное собрание рукописей об индуизме, которое хранится в Лондоне в библиотеке Индийского отдела [Уайтхолл], на которую сослался Специальный докладчик (там же, пункт 173). Было бы лучше проявить щедрость в отношении новых независимых государств, чем придерживаться бездушной буквы закона, который позволил бы отказать в передаче архива в соответствии с ограничительной классификацией. Было бы также лучше ясно объяснить в комментарии смысл слов «архивы любого рода, принадлежавшие территории до утраты ею независимости», чем использовать в подпункте *a* пункта 1 ограничительную формулировку, объясняя затем причины подобного выбора.

13. Г-н Ушаков предложил включить в проект общую статью о сотрудничестве вместо формулирования правила, которое обязывало бы государства-предшественники воспроизводить архивы. Г-н Ндженга считает, что правило сформулировано ясно и в нем имеется необходимость, учитывая, что соглашения о сотрудничестве пока отсутствуют. Специальный докладчик не назвал в качестве примера ни одного соглашения о возвращении архивов, которое было бы заключено между Соединенным Королевством и территориями, управляющимися в прошлом этой державой. Поэтому нужно исходить из обязательства, которое является прочной основой и может послужить впоследствии толчком к заключению соглашений о сотрудничестве. Именно это и было сделано Специальным докладчиком в своем докладе, справедливом и сбалансированном, и он предлагает вместо того, чтобы нарушать это равновесие, учесть замечание г-на Ушакова в комментарии.

14. Он одобряет важный принцип, изложенный в пункте 6, в соответствии с которым соглашения, заключенные между государством-предшественником и государством-преемником по поводу архивов, должны содействовать, а не ограничивать обмен информацией об истории и культурном наследии народа.

15. И наконец, выступая за немедленную передачу проекта статей Редакционному комитету, он возражает против внесения в проект любых изменений по существу, которые, на его взгляд, нарушат целостность проекта.

16. Г-н ФРЭНСИС считает статью С, возможно, наиболее важной из всех статей о правопреемстве государств в отношении архивов.

17. Как и г-н Ндженга, он считает, что первое предложение подпункта *a* пункта 1 должно толковаться в широком смысле с учетом конкретных исторических и культурных особенностей нового независимого государства. Так, например, на Ямайке существует группа населения, именуемая

маруны, которая всегда сопротивлялась и уклонялась от контроля британских властей. Верная своим традициям, перенесенным из Африки, она сохранила свою самостоятельность до наших дней. По его мнению, формулировка подпункта *a* пункта 1 позволит рассматривать документы марунов, которые не являются собственностью государства, в качестве государственных архивов, поскольку их можно будет рассматривать как часть истории и наследия Ямайки.

18. С учетом положений пункта 6 проекта статьи С он склонен обосновывать положения подпункта *a* пункта 1 основополагающим правом народов на информацию, и в частности на информацию внутри страны. Он согласен с духом этого положения в том, что, пользуясь понятием английского права, определенные права «связаны с землей», что означает, что эти права всегда разделяют судьбу территории. Кроме того, в подпункте *a* пункта 1 сформулирована разумная позиция как с точки зрения административного управления, так и с точки зрения практики. Для исследователя нового независимого государства практически невозможно успешно написать труд о власти до колонизации, не обратившись к архивам бывшей управляющей державы, и в частности архивам Records Office в Лондоне. По его мнению, все эти обстоятельства вполне оправдывают включение этого правила.

19. Пункт 2, в котором предусматривается воспроизведение архивов, имеет особое значение, поскольку он изложен в императивной форме, и облегчит таким образом переход архивов: государство-предшественник будет знать, что после передачи документа оно всегда сможет получить его копию и не будет поэтому стремиться удерживать некоторые документы.

20. И наконец, было высказано соображение, что было бы, возможно, лучше заменить пункты 2 и 3 общим положением о сотрудничестве. Он предлагает, что два упомянутых пункта следует сохранить в их нынешнем виде.

21. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС полностью одобряет формулировку проекта статьи С и разделяет точку зрения г-на Ндженги, что сферу применения этого положения не следует ограничивать. В качестве единственного возможного редакционного изменения можно заменить в пункте 2 слово «обеспечивает» словами «сможет обеспечить» по той причине, что воспроизведение архивов требует наличия соглашения между государством-предшественником и государством-преемником.

22. Никто не станет оспаривать принципа, положенного в основу подпункта *a* пункта 1, в соответствии с которым архивы любого рода, принадлежавшие территории до утраты ею независимости, должны быть возвращены этой территории, то есть их законному владельцу. Точно так же ясно, что страной, для которой упомянутые в подпункте *b* пункта 1 административные и тех-

нические архивы представляют наибольший интерес, является государство-преемник. В пункте 6 выражена мысль, положенная в основу всей статьи, ибо, ввозя с территории архивы, колониальная держава присваивает себе культурную память этой территории. Все народы обладают неотъемлемым правом сохранить эту память, и само государство-правопреемник не смогло бы отказаться от нее, подписав соглашение с государством-предшественником, поскольку, как указывается в пункте 6, это право принадлежит не государству, а народу.

23. Проект статьи С позволяет Комиссии представить Генеральной Ассамблее практический и разумный текст, и Комиссии не следует упускать этой возможности.

24. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ отмечает, что из шести проектов статей, рассматриваемых Комиссией, некоторые члены предложили оставить лишь проект статьи А с его общими положениями, в то время как другие предпочли бы сохранить только проекты статей В, С, D, E и F. По его мнению, такое противопоставление проекта статьи А другим проектам статей является, по крайней мере, странным. Взаимосвязь между общими принципами, изложенными в статье А, и специфическими принципами, сформулированными в других статьях в связи с различными типами правопреемства государств, должна быть установлена с максимальной тщательностью, с тем чтобы можно было составить комплекс имеющих силу статей об архивах. Однако статьи В, D, E и F оставлены в стороне, что приведет лишь к одностороннему изложению вопроса и является крайне неудачным способом решения проблемы. Статью С можно было бы, очевидно, передать Редакционному комитету для более подробного изучения, однако без проведения между членами Комиссии подробного обмена мнениями задача Редакционного комитета будет чрезвычайно затруднена.

25. Ему близки чувства, выраженные в подпункте *a* пункта 1, поскольку он уверен, что документы, касающиеся территории и существовавшие еще до ее колонизации, должны в принципе быть возвращены этой территории; но он глубоко сомневается, что этот вопрос относится, строго говоря, к правопреемству государств. И если это так, то в статье совершенно справедливо уточняется, что документы должны переходить к государству-преемнику. Однако это положение не разрешает возникающей проблемы, поскольку из него вытекает, что в момент правопреемства документы находились за пределами территории нового независимого государства. В этом случае документы должны быть опознаны и отделены от уже существующих архивов и следует принять меры с целью их передачи. С другой стороны, документ, вывезенный бывшей управляющей державой, может касаться не одного, а нескольких новых независимых государств. Но возникает другая проблема: может оказаться, что документ был отправ-

лен в метрополию и включен в другой архив. Вместо того чтобы возвращать данный документ, было бы лучше передать новому независимому государству копии всей серии документов, находящихся в соответствующем разделе архивов, независимо от места их происхождения и датировки. В связи с этим возникает ряд проблем практического характера, порождаемых не одним только правопреемством, то есть передачей ответственности за международные отношения от одного государства другому.

26. В подпункте *a* пункта 1, касающегося архивов, находящихся в пользовании бывшего управляющего государства, необходимо уточнить смысл выражения «архивы любого рода». Из доклада видно, что специалисты по-разному понимают термин «архивы». Кроме того, в этом случае трудно говорить о «государственных архивах», поскольку нет уверенности в том, что все территории могли рассматриваться в качестве независимого государства в период, предшествовавший утрате ими независимости. В XV и XVI веках современная концепция монолитного государства была фактически неизвестна. Существовало множество мелких образований, возглавлявшихся монархом или герцогом, и они не могут рассматриваться в качестве независимых государств в соответствии с современной терминологией. Поэтому он считает, как и г-н Ндженга и г-н Фрэнсис, что сферу действия статьи не следует ограничивать одними государственными архивами.

27. В связи с подпунктом *b* пункта 1 возникает гораздо больше сложностей. В нем, по всей видимости, идет речь об административных и технических архивах, образованных на территории до даты правопреемства государств. Однако если в ней идет речь об административных и технических архивах, накопленных в управляющем государстве, то он не может ее одобрить. Так, например, в Соединенном Королевстве в соответствии с установившейся в ходе колониального правления практикой архивы образовывались одновременно на управляемой территории и в Лондоне. То, что можно назвать «колониальной корреспонденцией», рассматривалось в качестве дипломатической почты. В целом архивы, оставшиеся на территории в момент получения ею независимости, были, таким образом, идентичны архивам, накопленным в управляющем государстве. Безусловно, могли иметь место случаи, когда можно было восполнить некоторые пробелы в местных архивах путем передачи копий из архивов, образованных в бывшем управляющем государстве. Однако если предложение, содержащееся в подпункте *b* пункта 1, сводится к передаче накопленных в управляющем государстве административных и технических архивов всем получившим независимость территориям, то оно нереалистично и совершенно неприемлемо; и он считает, что такое предложение не может служить в качестве основы для кодификации или прогрессивного развития права. Поэтому он исходит из того, что из

подпункта *b* пункта 1 не вытекает, что архивы бывшего управляющего государства могут быть так опустошены или рассеяны.

28. По поводу редакции он считает, что было бы лучше заменить в пункте 3 слова «правопреемство в отношении архивов» словами «передача архивов», поскольку правопреемство является предметом всего проекта и говорить о правопреемстве в отношении архивов нельзя.

29. И наконец, он полностью поддерживает принцип, изложенный в пункте 6 проекта статьи С.

30. Г-н ЦУРУОКА представляет текст проекта трех статей (A/CN.4/L.289), первые два из которых соответствуют статье А, а третий — статье С.

«Статья X. Государственные архивы административного характера»

Для целей статей настоящей части «государственные архивы административного характера» означают образованные государством и находящиеся в его собственности документальные материалы во всех формах, которые относятся к фактической законодательной, административной или судебной деятельности этого государства.

Статья Y. Перевод государственных архивов административного характера

1. Все вопросы, относящиеся к государственным архивам административного характера государства-предшественника, регулируются соглашением между государством-предшественником и государством-преемником.

2. В случае отсутствия соглашения,

a) государственные архивы административного характера, которые в момент правопреемства государств находятся на территории, затрагиваемой правопреемством государств, переходят к государству-преемнику;

b) государство-предшественник дает разрешение по просьбе государства-преемника на подходящее воспроизведение государственных архивов административного характера, которые необходимы для управления территорией, затрагиваемой правопреемством государств, и которые находятся на территории государства-предшественника, за исключением случаев, когда такое воспроизведение считается несовместимым с интересами национальной безопасности государства-предшественника.

Статья Z. Новые независимые государства

Когда государство-преемник является новым независимым государством,

a) переход документальных материалов, иных, чем государственные архивы администра-

тивного характера, представляющие историческую или культурную ценность, регулируется согласно соответствующим положениям настоящих статей, касающимся перехода государственной собственности;

b) соглашение, упомянутое в пункте 1 статьи Y, заключается в духе доброй воли и в соответствии с принципом справедливости и должным образом учитывает потребности и интересы государства-преемника в отношении управления его территорией.

31. В основу текста его предложений положен принцип, изложенный в пункте 3 проекта статьи С, а именно: исключительный характер любого соглашения, которое государство-предшественник и государство-преемник могут заключить, с тем чтобы каждый из них пользовался архивами на справедливой основе. Этот принцип должен служить фундаментом всей статьи С еще в большей степени, чем статья А. Таким образом, правила, изложенные в статье С, должны носить дополнительный характер, поскольку доминирующее значение придается соответствующим интересам государства-предшественника и государства-преемника.

32. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР отмечает, что весь проект построен по системе классификации видов правопреемства государств, которая применялась к государственной собственности и государственным долгам, а теперь применяется к государственным архивам. Если Комиссия способна разрешить сложные и трудные для понимания проблемы, возникающие в связи с рассматриваемым вопросом, то она может, не тратя много времени, использовать ту же самую систему классификации. Кроме того, другим ее преимуществом является то, что представленный Генеральной Ассамблее проект будет составлять единое целое, а не состоять из отдельных частей. Однако если должен быть избран выборочный подход, то он считает, что особое внимание следует уделить случаю новых независимых государств.

33. Проект статьи С, где этот случай рассмотрен довольно узко, с консервативных позиций и рационалистично нельзя рассматривать как с широким охватом и далеко идущий. Сфера применения статьи определена в пунктах 1 и 6. В пункте 1 основное положение содержится в подпункте *b*, где Специальный докладчик вполне справедливо решил использовать формулировку, которая уже применялась в связи с правопреемством государств в отношении государственной собственности, иными словами, предусмотреть переход к государству-преемнику архивов, «связанных с деятельностью государства-предшественника в отношении территории». Эта формулировка, широко толковавшаяся в комментариях к статьям части I проекта, показывает, что критерием подхода к движимой собственности всех видов местонахождение этой собственности в момент правопреемства государств не является.

Движимая собственность может представлять больший интерес для государства-предшественника или государства-преемника, даже если она будет находиться на территории другого государства. Административно-технические архивы могут включать разнообразнейшие документы, такие как переписку, касающуюся политики в отношении бывшей колонии, акты гражданского состояния, судебные решения по уголовным и гражданским делам, и нет никакого сомнения в том, что эти документы должны принадлежать государству-преемнику. Лишь в случае множественных правопреемств могут возникнуть некоторые проблемы в распределении, однако в функции Комиссии не входит установление какой-либо системы распределения. Она занимается вопросом ценности архивных фондов, а не собственности.

34. Принцип, сформулированный в подпункте *a* пункта 1, не вызывает каких-либо возражений, хотя сфера его применения крайне ограничена. Архивные документы, принадлежавшие территории до утраты ею независимости, должны быть возвращены этой территории также в случае множественного правопреемства. Так, например, некоторые тихоокеанские острова попадали последовательно под господство нескольких держав-метрополий.

35. В пункте 6 излагается общий и не вызывающий сомнений принцип, в соответствии с которым народы имеют право на получение информации о своей истории и культурном наследии. Однако, хотя этот принцип в его нынешней формулировке носит обязательный характер и ограничивает свободу независимых государств заключать соглашения, он недвусмысленно связан с правом на получение информации, а не владение собственностью.

36. У него нет возражений против ни одного из этих принципов, и он считает, что Комиссия может без труда сохранить применительно к случаю административных и технических архивов, которые являются наиболее многочисленными, формулировку, использованную в части I проекта и повторенную Специальным докладчиком. Он спрашивает, однако, не следовало ли бы указать в очень выдержанных выражениях, что в случае правопреемства государств государство-предшественник всегда обязано передать государству-преемнику все имеющиеся у него данные, которые касаются самого существования государства-преемника, например документы, имеющие отношение к границам. Комиссия поступит правильно, если рассмотрит этот аспект вопроса, не касаясь совершенно проблемы возвращения собственности, которая по различным причинам приобрела характер произведений искусства. Что касается расходов на воспроизведение архивов, то не имеет значения, кто оплачивает эти суммы, при условии, что они распределяются на справедливой основе между заинтересованными государствами. Прежде всего следует подчеркнуть, что государство-

предшественник обязано сделать все возможное, чтобы поставить государство-преемник в положение «хорошего титула».

37. Г-н РЕЙТЕР констатирует, что проблема государственных архивов не только сложна сама по себе, но также сопряжена для Комиссии с серьезными трудностями технического характера. И действительно, Комиссия стремится рассматривать этот вопрос на трех уровнях: в положениях общего характера, имеющих отношение к государственной собственности, в статье, касающейся общего режима государственных архивов, и затем в статье, касающейся новых независимых государств. Он спрашивает, изложены ли в рассматриваемой статье все правила, применимые в данной области к новым независимым государствам, или же они дополняют правила, содержащиеся в общей статье, посвященной режиму архивов, которые, в свою очередь, дополняют правила, касающиеся государственной собственности. Сам он предпочел бы, чтобы Комиссия разработала эти статьи в обратном порядке, начав с правил, применимых к новым независимым государствам.

38. Режим, применимый к новым независимым государствам, так, как он изложен в проекте статьи С и в комментарии к этому положению, является, по всей видимости, менее благоприятным в отношении этих государств, чем режим, предусмотренный в проекте статей А и объясненный в комментарии к нему. В то время как «государственные архивы любого рода переходят в принципе целиком к государству-преемнику», как было указано Специальным докладчиком по поводу проекта статей А (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2, пункт 90 *b*), лишь «архивы любого рода, принадлежавшие территории до утраты ею независимости и ставшие архивами управляющего государства», переходят к государству-преемнику в соответствии с подпунктом *a* пункта 1 статьи С.

39. Как уже отмечали несколько членов Комиссии, понятие архивов любого рода требует уточнений. Следует ли включать в это понятие документы, представляющие культурную ценность и являющиеся частью культурного наследия, о котором идет речь в пункте 6 рассматриваемой статьи? Можно избрать принцип, в соответствии с которым архивы любого рода, находящиеся на территории государства-преемника, становятся автоматически его собственностью. По его мнению, нет необходимости излагать подобный принцип. И действительно, государство-преемник как государство, обладающее суверенитетом на своей территории, не преминет принять закон, провозглашающий в качестве государственной собственности все документы, находящиеся на его территории и имеющие отношение к его культурному наследию. Подлинная проблема возникает, как указал сэр Фрэнсис Вэллет, в связи с архивами любого рода, которые не находятся на территории государства-преемника и никогда не являлись

государственными архивами государства-предшественника. Именно эту проблему имели в виду некоторые члены Комиссии. Для ее разрешения необходимо будет обязать все государства, которые станут участниками будущей конвенции, принять закон, позволяющий любому государству присвоить при необходимости архивы, находящиеся во владении частных лиц, с целью их возвращения государству-преемнику. С точки зрения этого решения подпункт *a* пункта 1 рассматриваемой статьи сформулирован в слишком осторожных выражениях.

Заседание закрывается в 18 час. 05 мин.

1565-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 3 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, г-н Беджауи, сэръ Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока.

Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (продолжение) (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2, A/CN.4/L.298)

[Пункт 3 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ
СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ (окончание)

СТАТЬЯ С (Новые независимые государства)¹ (окончание)

1. Г-н РЕЙТЕР противопоставляет зарегистрированные архивы, имеющие статус архивов, потенциальным архивам, которые не перешли под административную ответственность государства, однако могут стать архивами. Г-н Ушаков (1569-е заседание) подчеркнул, что любые архивы, о которых идет речь в подпункте *a* пункта 1 проекта статьи С, являются зарегистрированными архивами. Специальный докладчик намеревался ограничить это положение зарегистрированными архивами любого рода, которые стали архивами государства-предшественника. Лично он не возражает против этого положения, однако полагает, что оно обязывает Комиссию сформулировать определение понятия архивов. Со своей стороны, он предпочел бы, чтобы Комиссия вместо составления определения этого понятия перечислила в подпункте *a* пункта 1 государственные документы, рассматриваемые ею в качестве архивов государства-предшествен-

ника. Однако некоторые члены Комиссии считают, что это положение должно иметь более широкую сферу применения и охватывать любые документы, не являющиеся архивами управляющего государства. В своей нынешней формулировке подпункт *a* пункта 1 не распространяется на документы, где бы они ни находились, которые являются потенциальными архивами и которые оказываются безвозвратно утраченными для государства-преемника.

2. Для того чтобы пойти навстречу членам Комиссии, проявляющим интерес к этому вопросу, потребуется добавить к подпункту *a* положения, в соответствии с которыми государство-предшественник или же, что будет еще лучше, все государства — участники будущей конвенции брали бы под охрану, предусмотренную их законами в отношении собственных архивов, архивы государства-преемника, находящиеся на их территории. Возвращаясь к примеру с письмами, написанными эмиром Абдель-Кадиром, он объясняет, что, если бы эти письма были пущены в продажу в Париже, французское правительство должно было бы вмешаться и конфисковать их в пользу государства-преемника. Сфера действия подобного положения зависела бы от определения понятия архивов. Это определение могло бы ограничиваться старыми документами, относящимися к государственным делам государства-преемника, либо включать архивы культурного характера. Последняя альтернатива, очевидно, соответствовала бы духу пункта 6 рассматриваемой статьи.

3. Необходимо определить, как он уже указал на предыдущем заседании, следует ли увязывать положения статей, касающихся государственной собственности, с положениями статьи А (1560-е заседание, пункт 1) и статьи С, что позволило бы использовать в интересах новых независимых государств общие правила, касающиеся перехода государственных архивов, которые, в свою очередь, подпадают под действие правил, касающихся государственной собственности. Если намерение Специального докладчика и не вызывает на этот счет сомнений, то этого нельзя сказать о формулировке статей А и С. Не вызывает сомнения, что режим, применяемый к новым независимым государствам, должен быть более благоприятным для государства-преемника, чем общий режим перехода государственных архивов. Пункт 1 статьи С предусматривает переход трех категорий архивов: архивов, принадлежащих ранее территории, административных архивов и технических архивов. Что касается остальных категорий архивов, то в этом случае применяется пункт 3. В этом положении специально не указывается, что другие архивы переходят к государству-преемнику, а лишь предусматривается, что правопреемство в отношении этих архивов определяется соглашением между государством-предшественником и государством-преемником, позволяющим каждому

¹ Текст статьи см. 1563-е заседание, пункт 21.

из двух государств пользоваться без ограничения и на равной основе этими архивами. Следует ли из этого, что для пользования этими архивами государство-предшественник и государство-преемник должны заключить соглашение, регулирующее переход архивов, или этим соглашением должен предусматриваться особый режим для архивов, которые не переходят к государству-преемнику? Ситуация не вызвала бы затруднений, если в пункте 3 речь шла о режиме архивов, представляющих общий интерес; однако выражение «правопреемство в отношении архивов» подразумевает переход. Если в пункте 3 действительно имеется в виду переход архивов в результате заключения соглашения, то его следует составить в более точных выражениях; в частности, говоря о справедливости, можно было бы включить перечень принципов справедливости.

4. Поэтому складывается впечатление, что с точки зрения правил, касающихся перехода, в статье А предусматриваются более щедрые условия, чем в статье С. В соответствии с пунктом 1 статьи А «государственные архивы любого рода, относящиеся исключительно или главным образом к территории, затрагиваемой правопреемством государств, или принадлежащие ей, переходят к государству-преемнику», за исключением архивов, касающихся суверенитета, которые составляют четвертую категорию архивов. Однако архивы, относящиеся исключительно или главным образом к территории, не обязательно входят в одну из трех категорий архивов, которые переходят к государству-преемнику в соответствии со статьей С. В связи с отсутствием асимметрии между статьями А и С может возникнуть также вопрос о том, существуют ли архивы, касающиеся суверенитета, которые переходят к государству-преемнику в соответствии со статьей С. В соответствии с пунктом 3 статьи С их переход определяется соглашением, и необходимость соглашения подразумевает, что этот переход не происходит автоматически. Из этого следует, что предусматриваемые в статье С условия не являются более благоприятными, чем в статье А, что крайне неудовлетворительно.

5. Сэр Фрэнсис Вэллет справедливо отметил (1564-е заседание), что в пункте 4 рассматриваемой статьи С имеются в виду случаи, когда новое независимое государство образуется из двух или более независимых территорий, однако ничего не говорится о случае, когда на независимой территории образуется несколько государств. Последний случай следовало бы рассмотреть в дополнительном пункте.

6. Что касается права каждого народа на информацию о своей истории и своем культурном наследии, упомянутом в пункте 6, то он может поддержать его, однако он испытывает сомнение относительно сферы его применения. Он спрашивает, излагается ли общее юридическое

правило в пункте, в котором предусматривается, что соглашение, заключенное между государством-предшественником и государством-преемником по вопросам архивов, не должно ущемлять этого права. Если речь идет о четком юридическом правиле, то оно относится к *jus cogens*, так что соглашения, заключенные в нарушение этого правила, были бы недействительны. Прежде чем предостеречь от подобной поспешности, он хотел бы убедиться, что это входит в намерения Специального докладчика. Лично он предпочел бы, чтобы право каждого народа на информацию о своей истории и на свое культурное наследие упоминалось в пункте 3, а не в пункте 6. Как он уже подчеркнул, в пункте 3 следовало бы уточнить, на каких принципах следует заключать соглашения, предусмотренные в этом положении, и было бы логично уточнить, что в этих соглашениях должно возможно более полно учитываться это право каждого народа.

7. Во всех статьях, касающихся государственных архивов, Специальный докладчик проводит различие между переходом некоторых архивов к государству-преемнику и режимом, который устанавливается для архивов, не переходящих к государству-преемнику, однако представляющих интерес как для этого государства, так и для государства-предшественника. По его мнению, было бы лучше сгруппировать в одном положении все правила, касающиеся этого режима. Можно действительно констатировать незначительное различие между пунктом 2 статьи А и пунктом 2 статьи С. В соответствии с первым из этих положений «государство-преемник разрешает любое подходящее воспроизведение переходящих к нему государственных архивов, в то время как во втором рассматривается, что «государство-преемник обеспечивает для нужд государства-предшественника... любое соответствующее воспроизведение переходящих к нему архивов». Может возникнуть вопрос, не следует ли объединить эти положения в одном тексте, излагающем общий режим архивов, представляющих общий интерес, который был бы включен в статью А.

8. Переходя к изложению своей собственной точки зрения, от которой он, впрочем, готов отказаться, он говорит, что, на его взгляд, было бы гораздо проще начать с разделения архивов на группы в зависимости от их местонахождения. Точно так же, как моллюск создает свою раковину там, где он находится, так и администрация образует обычно свои архивы по месту своей деятельности. И даже архивы колониальных властей, пока в их деятельности не происходит отклонений, образуются там, где они находятся, либо в качестве местных архивов, либо в качестве центральных. Возвращение должно иметь место лишь в случае произвольного вывоза архивов. Можно, например, исходить из того, что акты гражданского состояния предназначены оставаться там, где проживают лица, к которым эти акты относятся. Однако насколько возможно

отобрать из центральных архивов те архивы, которые относятся исключительно или главным образом к территории, являющейся предметом правопреемства государств? В целях устранения трудностей, которые обязательно возникнут при соблюдении правил статьи А, было бы желательным расширить режим, относящийся к архивам, которые представляют общий интерес. Каким образом можно было бы, например, отличить среди центральных архивов Германии, собранных в Берлине, архивы, касающиеся Германской Демократической Республики, от архивов, касающихся Федеративной Республики Германии? При изучении истории многих стран необходимо обращаться за материалами в другие страны. Так, например, для того чтобы узнать историю Великого герцогства Люксембург с 1815 по 1890 год, необходимо использовать материалы архивов, хранящихся в Гааге и Париже, а также и немецкие архивы. Со времени немецкой оккупации в ходе второй мировой войны часть архивов многих европейских стран находится в немецких архивах. Из желания не создавать у новых независимых государств впечатления, что им отказывают в том, к чему они стремятся, он с готовностью откажется от своей точки зрения, высказав, однако, надежду, что Комиссия разработает более точный текст статей.

9. Г-н УШАКОВ, возвращаясь к своему выступлению на прошлом заседании, подчеркивает, что в подпункте *a* пункта 1 статьи С имеются в виду не любые архивы, а те, которые принадлежали территории до утраты ее независимости. Если на этой территории существовало унитарное государство, то эти архивы являлись государственными, однако, если она входила в состав более крупной территории, они являлись, возможно, архивами местного государства. Может быть, Специальный докладчик просто подразумевает архивы любого рода, находящиеся на территории,— понятие, которое охватило бы все архивы, даже находящиеся в руках частных лиц.

10. Г-н ТИАМ считает, что различие, которое проводится Специальным докладчиком между архивами, принадлежавшими территории до утраты ею независимости, административными архивами, техническими архивами и архивами, касающимися суверенитета, представляет определенный интерес с теоретической и даже с практической точек зрения при условии, что оно не будет доводиться до крайности. Очевидно, что архивы первой категории принадлежат государству-преемнику точно так же, как и архивы административные и технические, которые позволяют сохранить преемственность в административной деятельности. Что касается архивов, касающихся суверенитета, то Специальный докладчик предлагает придерживаться противоположного принципа. Иногда бывает трудно отличить административный акт от акта, имеющего характер суверенитета. В колониальную эпоху при существовании определенной внутренней

автономии государство-метрополия оставляло обычно за собой область юриспруденции, обороны и международные отношения. Можно ли считать, что все архивные документы государства-предшественника относятся к документам, имеющим характер суверенитета, и что сами эти архивы являются архивами суверенитета? По мнению Специального докладчика, государство-предшественник должно воздерживаться от просьб о предоставлении документов, имеющих характер суверенитета и относящихся к некоторым аспектам политики, осуществляемой в зависимых территориях. По мнению г-на Тиамы, в данном случае речь идет не столько о суверенитете, сколько о корректности. Нельзя, однако, считать, что акт, имеющий характер суверенитета, как, например, односторонняя демаркация государством-предшественником границ колониальной территории, не интересует государство-преемника. Что касается архивов, относящихся к деятельности органов правосудия, то, хотя они и связаны с суверенитетом, они представляют интерес для государства-преемника, поскольку относятся к его собственным гражданам. То же самое можно сказать и о сфере международных отношений и обороне, в связи с чем утверждение о том, что архивы, имеющие характер суверенитета, не переходят к государству-преемнику, выглядит крайностью. Таким образом, принцип перехода государственных архивов государству-преемнику должен быть расширен.

11. По мнению г-на ФРЭНСИСА, прения ясно показывают, что статья С является ядром положений о правопреемстве в отношении государственных архивов. Как отметил г-н Рейтер, положения пункта 6 этой статьи можно было бы объединить с положениями пункта 3. Во всяком случае, Редакционный комитет должен учитывать мнение, в соответствии с которым соглашение, рассматриваемое в пункте 3 — пункте, имеющем огромное значение,— должно всегда определяться основополагающим принципом, который изложен в пункте 6 и в соответствии с которым каждый народ обладает правом на информацию о своей истории и на свое культурное наследие. В соответствии с этим принципом новые независимые государства обладают правом правопреемства в отношении архивов.

12. Остановившись на прошлом заседании на содержании подпункта *a* пункта 1, он упомянул марунов Ямайки. Однако история индейцев племени аравак, которые вымерли после завоевания Ямайки Англией в 1655 году, является еще более наглядным примером. Если архивы, принадлежащие аравакам либо как группе, либо как частным лицам, перешли во владение управляющей державы, то в результате захвата, приобретения или же просто открытия, эти архивы подпадают под действие подпункта *a* пункта 1, если только они принадлежали территории до утраты ею независимости и, следовательно, должны перейти к государству-преемнику.

13. Г-н ПИНТО выражает надежду, что удастся разработать положения, гарантирующие возвращение архивов в случае, когда новое независимое государство до получения независимости находилось под управлением нескольких держав-метрополий.

14. С другой стороны, поскольку было предложено дополнить пункт 4 статьи С новым пунктом, посвященным случаю, когда на единой колониальной территории в результате правопреемства государства образуется несколько независимых государств, то он напоминает, что на предыдущем заседании (1561-е заседание) он предложил включить в статью С подпункт, аналогичный подпункту *b* пункта 2 статьи F (A/CN.4/322 и Add.1 и 2, пункт 206).

15. Г-н БЕДЖАУИ (Специальный докладчик) констатирует, что, по мнению некоторых членов Комиссии, правило, излагающее принцип перехода государственных архивов, сформулировано в слишком осторожных выражениях; со своей стороны, он будет только рад, если Редакционный комитет пойдет еще дальше.

16. Он констатирует также, что некоторые члены выражают озабоченность в связи с будущим проектом статей о правопреемстве в отношении государственных архивов и что они делали в этой связи различные предложения, которые можно разделить на три большие группы. Одни, например г-н Ушаков, предлагают составлять лишь статьи, посвященные каждому из различных видов правопреемства государств, и избегать общих правил, соблюдение которых нельзя будет контролировать. Другие, например г-н Цуруока, склоняются, напротив, в пользу крайне общих и гибких статей. Между этими двумя крайними позициями некоторые, например сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Барбоса, г-н Рифаген и г-н Рейтер, избрали промежуточную позицию. Г-н Рейтер предложил два режима: один — для перехода государственных архивов, а другой — для использования общего наследия, которое представляют архивы, относящиеся к общей истории государства-предшественника и государства-преемника.

17. Однако все члены Комиссии согласны, что следует принять ряд положений о правопреемстве государств в отношении государственных архивов, с тем чтобы проект статей представлял практический интерес с современной точки зрения. Со своей стороны, он считает, что будущее проектов статей, касающихся государственных архивов, помимо проектов статей А и С, будет зависеть от хода работы Редакционного комитета над статьями 1—25, которые уже были приняты Комиссией². Следует отметить, что до сих пор Комиссия не сформулировала общего принципа перехода государственной собственности. В этом

смысле проект статей является шагом назад по сравнению с юриспруденцией и судебной практикой, которыми предусматривается общий переход государственной собственности при всех типах правопреемства государств. Действительно, в статье 9 речь идет лишь «о государственной собственности, которая в момент правопреемства государств находится на территории, затрагиваемой правопреемством государств». Из нее исключены, таким образом, архивы, вывезенные с территории перед самым получением ею независимости. Некоторые члены Комиссии считают, что содержащееся в статье 5 определение государственной собственности, которым Комиссия могла бы воспользоваться в отношении архивов, недостаточно и не может использоваться применительно к государственным архивам. Поэтому Редакционному комитету следует пересмотреть определение государственной собственности так, чтобы его можно было использовать применительно к архивам, а также расширить общий принцип перехода государственной собственности, изложенный в статье 9.

18. По мнению г-на Тиамы, различие, проводимое Специальным докладчиком между административными и техническими архивами, с одной стороны, и политическими и колониальными архивами (так называемыми «архивами, относящимися к суверенитету»), с другой стороны, имеет слишком теоретический характер. Специальный докладчик признает, что иногда бывает на практике трудно отделить административные архивы от архивов, касающихся суверенитета, ибо эти две категории тесно связаны между собой. Однако он считает, что это различие может быть полезно, когда получение территорией независимости сопровождается трудностями, поскольку оно позволит бывшей управляющей державе удовлетворить законные требования нового независимого государства, сохранив в то же время нормальные отношения между этими двумя государствами. Было бы нереалистично требовать от бывшей управляющей державы предоставить новому независимому государству военные или дипломатические архивы, касающиеся войны, в результате которой территория получила независимость, ибо обнаружение этих архивов угрожало бы подрывом отношений между двумя государствами. С другой стороны, если бы в качестве общего принципа был избран переход всех архивов, без проведения различия между административными архивами и архивами, имеющими отношение к суверенитету, то, например, Сенегал должен был бы передать другим странам, таким как Берег Слоновой Кости, Гвинея или Бенин, часть имеющихся у него архивов, поскольку французская администрация сосредоточила в свое время в Дакаре все архивы, имеющие характер суверенитета и касающиеся французской западной Африки.

19. Что касается проблемы местонахождения архивов, то г-н Рейтер отделил архивы, которые

² См. 1560-е заседание, сноска 1.

находились на территории в момент правопреемства государств (обычно административные архивы, оставленные на месте управляющей державой), от архивов, которые были вывезены управляющей державой перед самым получением территорией независимости и которые должны быть возвращены новому независимому государству, а в отношении архивов, имеющих характер суверенитета, находящихся на территории метрополий и представляющих интерес как для бывшей управляющей державы, так и для нового независимого государства, он предложил общий режим.

20. Со своей стороны, он считает, что реальная жизнь является более сложной и что существует другое возможное решение в связи с политическими архивами колониального периода. И действительно, эти архивы существуют обычно в двух экземплярах, поскольку, направляя бумаги своему правительству, чиновники колониальной державы почти всегда оставляли у себя копии, которые хранились в архивах территории. Эти копии и вывозятся часто колониальной державой в момент получения территорией независимости и должны быть возвращены новому независимому государству. Метрополия от этого не пострадает, поскольку у нее останутся подлинники.

21. Что касается колониальных политических архивов, которые находились лишь в метрополии и копий которых у территории не было (например соглашение между двумя колониальными державами о демаркации границ их колоний), то нельзя требовать непосредственной передачи этих архивов новому независимому государству, поскольку подлинники представляют интерес и для государства-предшественника. Однако новое независимое государство должно получить копии этих архивов.

22. В отношении подпункта *a* пункта 1 статьи С среди членов Комиссии существует три точки зрения.

23. Г-н УШАКОВ заявил (1564-е и 1565-е заседания), что готов предусмотреть полное возвращение архивов любого рода, образованных до колонизации. Однако он отметил, что логическая структура проекта налагает определенные ограничения, поскольку в пункте 1 статьи 13 речь идет об архивах, «принадлежавших независимому государству, существовавшему на территории до того, как она стала зависимой территорией», из чего вытекает, что речь идет о государственных архивах, а не просто о любых архивах.

24. Напротив, г-н Ндженга (1564-е заседание) и г-н Фрэнсис (1564-е и 1565-е заседания) сочли, что ограничения архивов, предусматриваемые в подпункте *a* пункта 1 государственными архивами, сузят сферу практического применения положения, которое, по их мнению, должно ох-

ватывать все архивы, если они возникли до колонизации территорий и представляют важное культурное и историческое наследие нового независимого государства.

25. Г-н Квентин-Бакстер (1564-е заседание) указал, что независимо от толкования слова «архивы» сфера применения подпункта *a* пункта 1 останется крайне ограниченной, поскольку наибольшую ценность представляют для нового независимого государства не доколониальные архивы, а архивы, образованные в колониальный период.

26. Специальный докладчик умышленно не упоминал «государственные» архивы в подпункте *a* пункта 1, поскольку он считал, что, если бы это положение охватывало лишь государственные архивы, сфера его действия оказалась бы крайне ограниченной. И действительно, о государственных архивах можно говорить лишь при двух условиях: необходимо, чтобы до колонизации территорий на них существовало государство и чтобы архивы, принадлежавшие этому государству, стали собственностью колониальной державы. При этом архивы территорий, на которых до колонизации государства не существовало, пришлось бы исключить. То же самое, то есть исключение, относилось бы к архивам, принадлежавшим до колонизации частным лицам или племенам. Таким образом, перед большинством новых независимых государств возникла бы серьезная проблема. Можно утверждать, например, что до колонизации в Нигере не существовало государства, в то время как империя, возникшая на этой территории до прихода Франции, оставила после себя бесценные архивы. Точно так же и о Западной Сахаре можно было бы сказать, что это *terra nullius*, в то время как культурное богатство этой территории неоспоримо. Поэтому если ограничиваться лишь государственными архивами, то сфера действия подпункта *a* пункта 1 статьи С окажется значительно суженной.

27. Однако ясно, что государство-предшественник может передать лишь то, что ему принадлежит: от него нельзя требовать, чтобы оно передало государству-преемнику архивы, принадлежащие частным коллекционерам. Поэтому в подпункте *a* пункта 1 можно было бы говорить об архивах, которые находились на территории до ее колонизации и которые под управлением колониальной державы стали государственными архивами. При этом проблема существования государства до деколонизации больше не встала бы: было бы достаточно, чтобы в момент деколонизации архивы принадлежали управляющей державе в качестве государственных архивов, даже если до колонизации они находились в руках частных лиц.

28. Таким образом, правило, изложенное в подпункте *a* пункта 1, распространялось бы на

архивы, принадлежавшие до колонизации частным коллекционерам, например религиозным миссиям, подобно архивам Института арабской литературы [Institut des Belles-Lettres arabes (IBLA)] в Тунисе, или частным учреждениям, подобно библиотеке Индийского отдела [Уайтхолл], организованной Ост-индской компанией, или, например, архивам, собранным «Бритиш Саут Африка чатеред компани», которая разрабатывала медные рудники на территории современной Замбии. Поскольку эти компании были образованы на основании государственных концессий, которым английское правительство передало некоторые прерогативы государственной власти, может, очевидно, возникнуть вопрос, владеют ли они своими архивами как частные учреждения или как представители управляющей державы. Случай с пергаменами, излагающими историю норвежских королевств, которые были собраны частным лицом и возвращены Данией Исландии в результате принятия Верховным судом Дании³ ряда решений, также вписывается в контекст деколонизации и, следовательно, положения, предусматриваемого в подпункте *a* пункта 1 статьи С.

29. Правило, которое он предложил в этом подпункте, занимает промежуточное положение между опасениями одних и пожеланиями других. К сожалению, оно не позволяет государству-преемнику получить, как того желают г-н Фрэнсис и г-н Ндженга, все государственные и частные архивы, которые находились на территории в доколониальный период. Со своей стороны он хотел бы, чтобы Редакционный комитет продолжил свою работу.

30. По поводу подпункта *b* пункта 1 он отмечает, что под выражением «административные и технические архивы» подразумеваются все архивы, связанные с административным управлением территорией. Г-н Ушаков (1564-е и 1565-е заседания) подчеркнул, что речь идет главным образом о местных архивах, тогда как сэр Фрэнсис Вэллет (1564-е заседание) задал вопрос, не идет ли речь о центральных архивах — например, административных и технических архивах, представляющих интерес для нового независимого государства, однако находящихся в Лондоне. Специальный докладчик хочет рассеять опасения сэра Фрэнсиса Вэллета, заверив его в том, что речь идет не о лишении бывшей управляющей державы архивов, а о поощрении сотрудничества между государством-предшественником и государством-преемником, поскольку в большинстве случаев имеются копии административных и технических архивов, и именно эти копии и должно получить новое независимое государство.

31. В отношении пункта 2 он отметил, что г-н Ушаков хочет освободить новые независимые

³ См. A/CN.4/322 и Corr.1 и Add.1 и 2, пункты 192 и 193.

государства от обязательства обеспечивать «для нужд государства-предшественника по просьбе и за счет последнего любое соответствующее воспроизведение переходящих к нему архивов», указывая, что нужно уважать суверенитет нового независимого государства над его архивами. Однако, говоря это, он предполагает, что проблема перехода архивов уже разрешена. Именно для облегчения этого перехода Специальный докладчик решил предпринять шаг, способствующий передаче государством-предшественником архивов, связанных с территорией, государству-преемнику, заверив его в том, что оно сможет получить копии архивов. Как и г-н Фрэнсис и г-н Ндженга, сам Специальный докладчик предпочел бы прийти к этому результату путем применения более гибкого правила, которое, не налагая одностороннего обязательства на государство-преемника, предусматривало бы сотрудничество между государством-преемником и государством-предшественником.

32. В пункте 3 речь идет о колониальных политических архивах или же «архивах, когда они имеют характер суверенитета», которые связаны с *imperium* и *dominium* колониальной державы. В этом пункте он предложил максимально гибкое положение, рассчитанное на то, чтобы побудить государство-предшественника предоставить государству-преемнику возможно более широкий доступ к своим архивам. Подобные архивы составляют общее наследие, поскольку относятся к истории бывшей колониальной державы, равно как и к истории нового независимого государства, для которого они имеют жизненное значение. Г-н Квентин-Бакстер (1564-е заседание) сказал в этой связи, что государство-предшественник обязано предоставить государству-преемнику любые имеющиеся сведения по вопросам, касающимся границ нового независимого государства и его политического лица.

33. В пункте 4 он всего лишь воспроизвел положения, содержащиеся в пункте 4 статьи 13, в котором рассматривается случай образования нового независимого государства из двух или более зависимых территорий. Он также готов рассмотреть случай, когда на зависимой территории образуется несколько независимых государств.

34. Некоторые члены Комиссии рассматривают пункт 6 в качестве основополагающего. Так, г-н Диас Гонсалес (там же) заявил, что в этом пункте в обобщенном виде изложена вся философия проекта статей, в то время как г-н Квентин-Бакстер указал, что в нем обеспечивается доступ к информации, однако не решается проблема установления владельца. Однако, идея наследования включает идею собственности. Таким образом, в пункте 6 речь идет не только о праве на информацию, но также и о праве собственности. Это облегчит управление общим

наследием, поскольку его можно рассматривать как положение, стоящее на страже архивного наследия и нового независимого государства, а также и государства-предшественника. В основу правила, сформулированного в этом пункте, положено правило статьи 13, пункт 6, которое рассматривается Комиссией в качестве правила *jus cogens*. Это правило должно облегчить правопреемство в отношении колониальных архивов, охватываемых в пункте 3 статьи С.

35. Г-н Рейтер считает, что условия, предусмотренные в статье А, являются гораздо более благоприятными, чем в статье С, и что имеется некоторое несоответствие между положениями этих двух статей. Однако если пункты 1 и 3 статьи А рассматривать одновременно, то окажется, что идея, заложенная в этих двух пунктах, точно соответствует смыслу статьи С. Содержащееся в пункте 3 статьи С слово «пользовалось» не ясно по смыслу, поскольку возможна фактическая передача колониальных политических архивов государству-преемнику или же всего лишь обеспечение доступа государству-преемнику к архивам, которые останутся собственностью государства-предшественника. Сэр Фрэнсис Вэллет (там же) указал в этой связи, что слово «правопреемство» подразумевает передачу. Поэтому было бы лучше указать, что «проблема правопреемства в отношении архивов... решается по соглашению между государством-предшественником и государством-преемником...». Он не захотел предлагать окончательного решения вопроса, поскольку считает, что обе стороны свободны решать по своему усмотрению проблему правопреемства в отношении архивов, упомянутых в пункте 3 статьи С.

36. Он думает, что предложение г-на Рейтера (см. пункт 2, выше) об общем правиле, которое идет дальше, чем статья С, налагая на государство-предшественника, а в действительности на все государства обязательство распространить охрану, предусматриваемую их внутренним правом в отношении собственных архивов, на все архивы государства-преемника, которые могут находиться на их территории, является прекрасным решением, аналогичным решению, выдвигаемому ЮНЕСКО и рядом международных конференций, подобно семнадцатой международной конференции круглого стола по архивам, проводившейся в Кальяри в октябре 1977 года. Однако вопрос не был пока решен, и до сих пор было предпринято всего лишь несколько попыток в этом направлении на уровне двусторонних соглашений. Он будет, однако, очень рад, если Редакционный комитет поможет государствам пойти дальше того, что предлагается им самим в проекте статьи С.

37. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила передать Редакционному комитету

проект статьи С, а также предложение г-на Цуруоки (A/CN.4/L.298).

*Предложение принимается*⁴.

Заседание закрывается в 12 час. 50 мин.

⁴ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1570-е заседание, пункты 3—8, 15—35, 36—40.

1566-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 6 июля 1979 года, 10 час. 30 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, г-н Беджауи, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока.

Сотрудничество с другими организациями

[Пункт 13 повестки дня]

ЗАЯВЛЕНИЕ НАБЛЮДАТЕЛЯ ОТ
МЕЖАМЕРИКАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ приглашает наблюдателя от Межамериканского юридического комитета г-на Эррарте Гонсалеса выступить перед Комиссией.

2. Г-н ЭРРАТЕ ГОНСАЛЕС (наблюдатель от Межамериканского юридического комитета) говорит, что Комитет высоко ценит свое сотрудничество с Комиссией международного права ввиду того огромного значения, которое имеют изучаемые Комиссией вопросы для прогрессивного развития международного права и огромного опыта каждого члена Комиссии, вложенного в изучение этих вопросов. Он с интересом следил за ходом прений по правопреемству государств в других областях, помимо договоров, и может констатировать, что не была упущена ни одна сторона вопроса. Благодаря подобному методу работы Комиссия смогла получить конструктивные результаты.

3. Вопрос правопреемства в отношении государственных архивов представляет особый интерес, если учесть, как удачно указала Группа экспертов ЮНЕСКО, что «архивы являются важной частью наследия любой нации»¹. На предыдущем заседании Комиссии Специальный докладчик упомянул многие интересные примеры исторических архивов. В этой связи он хочет

¹ См. A/CN.4/322 и Corr.1 и Add.1 и 2, пункт 25.

рассказать об *Archivo de Indias*, которые существуют в Испании со времен колонизации Америки. Эти архивные фонды оказались бесценными для изучения истории испано-американских стран и, в частности, в решении некоторых трудностей, связанных с границами. В Гватемале, на его родине, находятся Центральноамериканские архивы (*Archivo de Centroamérica*), названные так потому, что в колониальную эпоху Центральная Америка составляла единую административную общность, *Capitanía General de Guatemala*, которая после получения независимости стала Объединенной провинцией Центральной Америки. Эти архивы включают подлинник первого издания истории Америки, написанной Берналом Диасом дель Кастильо и озаглавленной «Достоверная история завоевания новой Испании». В них также находится подлинник «*Popol-Vuh*» — священной книги майя, написанной латинскими буквами индейцев киче, которая затем была переведена на все языки, и является фундаментальным трудом об Америке доколониальной эпохи. Другие документы, например знаменитые кодексы майя, хранятся в музеях разных стран.

4. Перейдя к результатам работы Межамериканского юридического комитета, он указывает, что проходившая в Монтевидео в апреле—мае 1979 года вторая Межамериканская конференция по международному частному праву одобрила восемь многосторонних конвенций, составленных Комитетом по следующим вопросам: коллизии законов, касающихся чеков; коллизии законов, касающихся коммерческих компаний; экстратерриториальная законность иностранных судов и арбитражных решений; выполнение превентивных мер; доказательство и информация иностранному праву; общие правила международного частного права; domicilio физических лиц в международном частном праве. Восемь этих конвенций, предназначенных облегчить взаимоотношения между странами американского сообщества, дополнили Кодекс международного частного права, более известный под названием «Кодекс Бустаманте».

5. Как и каждый год, члены Комитета примут активное участие в курсах международного права, которые будут организованы в Рио-де-Жанейро в июле и августе под руководством Комитета и на которые приглашены известные юристы. Член Комиссии г-н Барбоса — один из приглашенных на эти курсы.

6. Комитет проведет также в июле — августе 1979 года свою ежегодную сессию. В повестку дня вынесены следующие вопросы: попытки как международное преступление (вопрос, по которому в сотрудничестве с Межамериканской комиссией по правам человека будет разработан проект конвенции); многонациональные корпорации и кодекс поведения; пересмотр межамериканских конвенций об индустриальной собствен-

ности; юридические аспекты сотрудничества в области передачи технологии; принцип самоопределения и сфера его применения; меры, способствующие получению независимости несамостоятельными территориями в рамках американской системы; юрисдикционный иммунитет государств; урегулирование споров в области морского права.

7. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ благодарит вице-председателя Межамериканского юридического комитета г-на Эррарте Гонсалеса за его сообщение о деятельности Комитета. Он подчеркивает, что сотрудничество между Комиссией и региональными организациями должно продолжаться и постоянно укрепляться. Особенно важно, чтобы мнения региональных организаций получали отражение в конкретных делах, с тем чтобы Комиссия могла учитывать их в процессе кодификации прогрессивного развития международного права, который проводится на уровне всемирного значения.

8. Межамериканский юридический комитет стал первой региональной межгосударственной организацией, которая занялась кодификацией международного права и с которой Комиссия установила отношения сотрудничества в соответствии с пунктом 4 статьи 26 ее Устава. Результаты деятельности Комитета, а также масштабы и разнообразие вопросов, которые фигурируют в его повестке дня, свидетельствуют о значении, которое придается ОАГ, кодификации и прогрессивному развитию международного права, а также деятельности ее основного юридического органа. Латиноамериканские юристы всегда находились в первых рядах тех, кто выступает за развитие международного права на благо мира и развития дружественных отношений между государствами и народами на основе соблюдения принципа суверенитета, о чем свидетельствует их вклад в развитие принципа невмешательства, морского права и права политического убежища. В ряде случаев Комиссия сама была обязана им. Например, на основе проекта, представленного Генеральной Ассамблеей делегацией Панамы, Комиссия разработала в 1949 году проект декларации о правах и обязанностях государств. Точно так же серия оговорок латиноамериканских стран имела решающее значение при разработке Комиссией проекта статей о праве договоров, который лег в основу Венской конвенции о праве договоров.

9. Председатель желает Межамериканскому юридическому комитету успешно продолжать свою работу в интересах Латинской Америки и всего мира.

10. Г-н ФРЭНСИС говорит, что, как и другие региональные юридические комитеты, Межамериканский юридический комитет вносит важный вклад в процесс кодификации, которым занимается Комиссия. Комитет является также одним из источников этого процесса, что ясно видно из выступления г-на Эррарте Гонсалеса, посвя-

щенного работе Комитета в области международного права, как частного, так и публичного.

11. Являясь выходцем из Карибского региона, г-н Фрэнсис хочет обратиться к членам Комитета с личным приветствием и наилучшими пожеланиями успеха на сессии Комитета в 1979 году. Он заявляет о своей убежденности в том, что сотрудничество Комитета и Комиссии будет плодотворно развиваться и впредь.

Заседание закрывается в 11 час. 20 мин.

1567-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 10 июля 1979 года, 10 час. 40 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств* (продолжение) (A/CN.4/318 и Add.1—3, A/CN.4/L.297)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ РЕДАКЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ

© СТАТЬИ 28, 29 И 30

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Председателю Редакционного комитета представить проект статей 28, 29 и 30, принятых Редакционным комитетом (A/CN.4/L.297), которые гласят:

Статья 28. Ответственность государства за международно-противоправное деяние другого государства

1. Международно-противоправное деяние, совершенное государством в области деятельности, в которой оно подчинено власти управления или контроля со стороны другого государства, влечет международную ответственность этого другого государства.

2. Международно-противоправное деяние, совершенное государством в результате принуждения со стороны другого государства, предпринятого с целью вызвать совершение этого деяния, влечет международную ответственность этого другого государства.

3. Пункты 1 и 2 не наносят ущерба международной ответственности государства, совершившего международно-противоправное деяние, в соответствии с другими статьями настоящего проекта.

* Перенесено с 1545-го заседания.

Статья 29. Согласие

1. Правомерным образом данное согласие государства на совершение другим государством определенного деяния, не соответствующего обязательству последнего в отношении первого государства, исключает противоправность этого деяния применительно к этому государству, поскольку это деяние находится в пределах вышеуказанного согласия.

2. Пункт 1 не применяется, если данное обязательство вытекает из императивной нормы общего международного права. Для целей настоящего проекта статей императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

Статья 30. Ответные меры в отношении международно-противоправного деяния

Противоправность деяния государства, не соответствующего обязательству этого государства в отношении другого государства, исключается, если это деяние является закономерной в соответствии с международным правом мерой в отношении этого другого государства, вызванной его международно-противоправным деянием.

2. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) говорит, что в процессе рассмотрения Редакционным комитетом статей 28—30 и названия главы V в его работе принял активное участие г-н Аго, а также были учтены результаты прений Комиссии по данному вопросу и письменные предложения, содержащиеся в документах A/CN.4/L.289/Rev.1 и A/CN.4/L.290—295. На рассмотрение Комитета поступили также письменные и устные предложения некоторых из его членов. Комитет неизменно стремился обеспечить единообразие используемой в тексте терминологии.

3. По поводу проекта статьи 28 Комитетом была высказана оговорка. Из заголовка этой статьи, предложенного г-ном Аго, было убрано, по желанию Комиссии, прилагательное «косвенная» (A/CN.4/318 и Add.1—3, пункт 47). Если в первоначальном тексте статьи было два пункта, то текст, принятый Редакционным комитетом, состоит из трех. Пункт первый, касающийся применения правила при «стабильных взаимоотношениях», соответствует пункту 1 первоначального текста; в его формулировку будут, однако, внесены некоторые изменения с целью облегчить понимание правила. Прежде всего негативная формулировка первоначального текста с логическим ударением на отсутствие международной ответственности со стороны государства, совершившего международно-противоправное деяние, была заменена утвердительной формулировкой, в которой подчеркивается международная ответственность государства, обладающего властью управления или контроля над государством, совершившим деяние. Поэтому заключительная часть первоначального пункта, сформулированная следующим образом: «не влечет за собой международную ответственность государства, совер-

шившего вышеупомянутые противоправные деяния, а влечет международную косвенную ответственность государства, которое могло давать указания или осуществлять контроль», была изменена на «влечет международную ответственность этого другого государства», что позволяет передать эту же мысль короче. Кроме того, слова «юридически или фактически» были опущены, а слова «указаниям или контролю» заменены формулировкой «власти управления или контроля» поскольку для ссылки на ответственность, вытекающую из пункта 1 статьи 28, не требуется устанавливать, что эта власть действительно была применена с тем, чтобы спровоцировать совершение международно-противоправного деяния. Слова «не пользуется полной свободой действий, будучи вынуждено» были опущены как лишние.

4. Текст пункта 2 статьи 28, касающейся аспектов «принуждения» в применении правила, соответствует пункту 2 первоначального текста, в который были внесены, однако, некоторые редакционные изменения в интересах точности и ясности. Так, в этот пункт было внесено то же изменение, что и в пункт 1, поскольку негативная формулировка «не влечет за собой международную ответственность государства, которое действовало в условиях принуждения, а влечет международную косвенную ответственность применявшего его государства» была заменена на утвердительную формулировку «влечет международную ответственность этого другого государства». Как и в пункте 1, в этом пункте ссылка на «косвенную» ответственность опущена. Кроме того, слова «в условиях принуждения» были заменены словами «в результате принуждения», чтобы подчеркнуть непосредственную причинную связь между принуждением и совершением международно-противоправного деяния. Выражение «с этой целью» было изменено следующим образом: «с целью вызвать совершение этого деяния», чтобы лучше показать, с какой целью должно быть применено принуждение.

5. К статье 28 был добавлен пункт 3, который позволяет провести различие между возможной ответственностью государства, совершившего противоправное деяние, и ответственностью государства, которое воспользовалось властью управления или контроля или вынудило первое государство совершить деяние. Таким образом, в пункте 3 ясно указывается, что правило, являющееся предметом пунктов 1 и 2, не обязательно исключает ответственность, которую может нести государство, совершившее противоправное деяние, в соответствии с другими положениями проекта статей. В этом тексте допускается также, что государство, совершившее деяние, может нести ответственность наряду с господствующим государством.

6. Статья 29 озаглавлена «Согласие». Слова «которому был нанесен ущерб», входившие в первоначальный заголовок (A/CN.4/318 и Add.

1—3, пункт 77), были опущены, поскольку в них не было особой необходимости. Статья состоит из двух пунктов, соответствующих двум предложениям единственного пункта в первоначальном тексте статьи. Приняв во внимание прения Комиссии, Редакционный комитет прибавил к пункту 1 слова «правомерным образом», которые определяют выражение согласия, данного государством. Это добавление входило в ряд официальных предложений, представленных Комиссии, и в частности в документы A/CN.4/L.291, L.292 и L.293, и следует подчеркнуть, что оно отсылает к правилам международного права. В целях четкого разграничения сферы применения положения, к тексту было, кроме того, добавлено прилагательное «определенного», которое определяет слово «деяния», что соответствует предложению, высказанному в документе A/CN.4/L.293. По той же причине в конце пункта были добавлены слова «поскольку это деяние находится в пределах вышеуказанного согласия». Кроме того, в соответствии с предложением, содержащимся в документе A/CN.4/L.292, после слов «исключает противоправность этого деяния» были добавлены слова «применительно к этому государству» с тем, чтобы ясно показать, что правило отнюдь не предрешает вопроса о противоправности деяния в отношении третьих государств. И наконец, по соображениям *elegantia juris*, формулировка «тому, что первое государство имело право в силу международного обязательства требовать от второго государства» была заменена на более лаконичную формулировку «обязательству последнего в отношении первого государства». Слово «такого» в конце первого предложения первоначального текста было опущено как лишнее.

7. Пункт 2 статьи 29 соответствует второму предложению первоначального текста и лишает силы положения пункта 1 в случае, когда обязательство касается *jus cogens*. Слово «gule» было заменено словом «погте», которое использовано в Венской конвенции о праве договоров¹. В связи с изменением структуры статьи слова второго предложения первоначального текста «Однако это положение не действует» были заменены словами «Пункт 1 не применяется». Слова «о котором идет речь» были опущены как лишние. В этом же пункте содержится определение понятия императивной нормы, которое аналогично определению, содержащемуся в статье 53 Венской конвенции, а также уточняется, как и в упомянутой Конвенции, что это определение дано «Для целей настоящего проекта статей», тем более что выражение «императивная норма» уже содержится в пункте 2 статьи 18 проекта².

8. Из первоначального текста статьи 30 было исключено слово «санкция» (A/CN.4/318 и Add. 1—3, пункт 99) ввиду разногласий среди членов Комиссии по поводу точного смысла этого тер-

¹ См. 1533-е заседание, сноска 2.

² См. 1532-е заседание, сноска 2.

мина в контексте главы V проекта и, в частности, с тем, чтобы ясно показать, что правило не ограничивается одними санкциями, носящими обязательный характер в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Термин «ответные меры», который содержится как в названии, так и в самой статье 30, охватывает, таким образом, другие законные меры (такие как применение исключения *op adimpleti contractus* в соответствии со статьей 60 Венской конвенции), которые могут в рамках многосторонних и односторонних отношений рассматриваться как санкция общего международного права в широком смысле. В самой статье первоначальная формулировка «было совершено в порядке правомерного осуществления санкций» заменена словами «является закономерной в соответствии с международным правом мерой». Слова «было совершено» были заменены словом «является» с целью предотвратить всякие попытки субъективного подхода к определению сферы применения этого правила. Кроме того, для уточнения смысла слова «меры» в статью были включены слова «в соответствии с международным правом», относящиеся к слову «закономерный». Для того чтобы деяние не было противоправным в отношении другого государства, оно должно представлять собой законную меру, соответствующую нормам международного права. Кроме того, прилагательное «международное», стоявшее в начале первоначального текста и определявшее слово «противоправность», было опущено ради сохранения соответствия с другими положениями проекта. По аналогичным причинам и с целью уточнения текста к слову «деяние» в начале пункта было добавлено слово «государства». И наконец, по аналогии со статьей 29, довольно громоздкая формулировка «тому, что при других обстоятельствах требовалось бы от государства в силу международного обязательства по отношению к другому государству» была заменена словами «обязательству этого государства в отношении другого государства».

9. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает членам Комиссии рассмотреть поочередно статьи, предложенные Редакционным комитетом.

СТАТЬЯ 28³ (Ответственность государств за международно-противоправное деяние другого государства)⁴

10. Г-н УШАКОВ указывает, что статья 28 была принята Редакционным комитетом не единогласно и что лично он возражает против включения этого положения. Поэтому он хочет изложить перед Комиссией свою позицию.

11. Пункт 1 рассматриваемой статьи касается международно-противоправного деяния, совершенного государством. Из статей глав I—III проекта вытекает, что деяние является деянием

государства и носит международно-противоправный характер. Необходимо, чтобы государству могло быть присвоено определенное поведение и чтобы это поведение представляло собой нарушение международно-правного обязательства этого государства. Подобное деяние влечет за собой международную ответственность данного государства. Однако в нарушение этих общих принципов в пункте 1 рассматриваемой статьи утверждается, что это международно-противоправное деяние государства может повлечь за собой международную ответственность другого государства. Безусловно, как подчеркнул Председатель Редакционного комитета, может также возникнуть международная ответственность государства, совершившего данное деяние, однако тем не менее ответственность возлагается прежде всего на государство, не совершавшее противоправного деяния, чего нельзя объяснить и допустить. Провозглашение принципа, согласно которому противоправное деяние одного государства может повлечь ответственность другого государства, противоречит уже принятым статьям.

12. В соответствии с пунктом 2 статьи 28 международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность государства, применившего по отношению к нему принуждение. По его мнению, государство, прибегнувшее к принуждению, несет ответственность за принуждение, а не за противоправное деяние, совершенное государством, подвергшимся этому принуждению. Однако в соответствии с текстом предлагаемого положения, если акт агрессии совершается государством по принуждению со стороны другого государства, то международная ответственность возлагается на это другое государство, так что принуждение освобождает от всякой ответственности государство, по отношению к которому оно было применено и которое совершило международно-противоправное деяние. Кроме того, в пункте 2 рассматриваемой статьи имеется в виду любое принуждение — каким бы слабым оно ни было и к каким бы серьезным последствиям оно ни вело, — которое применяется одним государством в отношении другого с целью спровоцировать международно-противоправное деяние. В нынешней формулировке это положение вынуждает, таким образом, устанавливать *apud* принуждающего государства, с тем чтобы определить, действительно ли оно намеревалось спровоцировать совершение данного деяния. Однако избрать подобный образ действия было бы немислимо.

13. Возвращаясь к пункту 1, он отмечает, что выражение «власти управления и контроля» является крайне расплывчатым и что ни один комментарий не смог бы его объяснить. Государство, которое полностью подчинено власти управления или контроля со стороны другого государства, само не совершает международно-противоправного деяния. Не являясь более суверенным государством, оно не способно совершить подобное

³ Рассмотрение текста, первоначально представленного г-ном Аго, см. 1532—1537-е заседание, пункты 1—24.

⁴ Текст статьи см. пункт 1, выше.

деяние. Международно-противоправное деяние совершается государством, власти управления которого оно подчинено, и именно это государство должно нести международную ответственность. В юридически противоправных ситуациях, применительно к которым может использоваться статья 28, государство, подчиненное власти управления со стороны другого государства, не может совершить международно-противоправного деяния, поскольку оно неспособно действовать самостоятельно. Утверждать, что оно может сделать это, противоречило бы предыдущим статьям проекта.

14. В отношении пункта 3 статьи 28 он указывает, что при нынешней формулировке создается впечатление, что государство может совершить международно-противоправное деяние «в соответствии с другими статьями настоящего проекта».

15. Г-н РЕЙТЕР находит проект статьи 28 приемлемым, однако сомневается, должным ли образом передано на английском языке выражение «власть управления или контроля». На французском языке, существует разница между «властью управления» и «властью контроля», причем первая подразумевает более полное подчинение, чем вторая. Государство, пользующееся властью управления в отношении другого государства, практически подменяет собой последнее. Выражение «власть контроля» является гораздо менее резким, что, по-видимому, не относится к английскому выражению «power of control».

16. Соглашаясь с формулировкой проекта статьи 28, он отлично понимает, что проблемы, затрагиваемые в пункте 3 этого положения, справедливо сформулированы в сдержанных выражениях и должны быть рассмотрены впоследствии. Эти проблемы вытекают из возможности участия нескольких государств в совершении одного противоправного деяния в разных качествах, например в качестве сообщников или участников. В отличие от г-на Ушакова, он полагает, что статья 28 необходима, поскольку понятие суверенитета носит, на его взгляд, не столь исключительный характер.

17. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС, касаясь пункта 2 статьи, говорит, что международно-противоправное деяние может быть, очевидно, следствием принуждения, однако принуждение может применяться не обязательно с целью добиться совершения деяния. Было бы поэтому гораздо логичнее заменить слова «to secure» («para provocar» в испанском тексте) словами «to induce» («para inducir»), общий смысл которых более соответствует направленности положений пункта 2. В остальной статье не вызывает затруднений.

18. Г-н ЦУРУОКА понимает чувство озабоченности г-на Диаса Гонсалеса, однако считает, что оттенок глагола «provoque» соответствует

духу пункта 2. Не существует такого принуждения, которое бы могло лишить всякой свободы действий государство, подвергшееся этому принуждению.

19. Он обуславливает свое согласие на принятие рассматриваемой статьи установлением более полного соответствия между словами «provoque» и «to secure».

20. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что в пунктах 1 и 2 статьи 28 содержатся два основных принципа международного права и в целом отражены взгляды членов Комиссии. Однако сложность заключается в том, чтобы наполнить эти принципы практическим содержанием, в особенности в том, что касается ответственности, которая может быть возложена на государство, совершившее международно-противоправное деяние, в отличие от ответственности государства, которое не является автором этого деяния.

21. Взаимосвязь между пунктами 1 и 2, с одной стороны, и пунктом 3 — с другой, весьма беспокоит его. В пункте 3 содержится ссылка на «другие статьи настоящего проекта», в соответствии с которыми ответственным является государство, которому присваивается деяние. Создается впечатление, что в этом положении провозглашается двойная ответственность: с одной стороны, ответственность государства, совершившего деяние, а с другой — ответственность государства, которое обладает властью управления или которое применило принуждение. Однако он воспринимает общее настроение членов Комиссии иначе, поскольку, хотя Комиссия и согласилась с тем, что деяние, вызванное господствующим государством, должно обычно рассматриваться как деяние этого государства, ряд членов считают, что в некоторых случаях подчиненное государство не может полностью снять с себя ответственность, ссылаясь на ответственность господствующего государства. Например, если в соответствии с договорным положением господствующее государство обладает властью управления над вооруженными силами подчиненного государства и если налицо факт использования подчиненным государством своих вооруженных сил, то ситуация будет рассматриваться при отсутствии противоположных доказательств как подпадающая под положение пункта 1. Что будет, однако, вытекать из пункта 1, прочитанного в связи с пунктом 3, если в данном случае подчиненное государство воспользуется своими вооруженными силами против воли господствующего государства, совершив при этом международно-противоправное деяние? Или, ставя проблему несколько иначе, будет ли подчиненное государство освобождено от всякой ответственности, если совершит акт агрессии, находясь под властью управления или контроля, осуществляемой господствующим государством? Со своей стороны, сэр Фрэнсис не поддержал бы подобного предложения. Таким образом, он считает, что сущест-

вует определенная взаимосвязь между пунктами 1 и 2, с одной стороны, и пунктом 3 — с другой, которая не выделена в проекте. Возможно, это упущение будет восполнено в последующих положениях.

22. Что касается формулировки «subject to the power of direction or control» (подчинено власти управления или контроля), которая содержится в пункте 1, то он полагает, что франкоязычным членам Комиссии легче определить, соответствует ли она в точности французскому варианту. Со своей стороны, он глубоко сомневается в том, что в данном контексте термин «direction» что-либо добавляет к термину «control», поскольку в английском языке «power of control» неизбежно подразумевает «power of direction». Ему также неясно, передается ли словами «подчинено власти» идея, первоначально выражавшаяся словами «юридически или фактически», как того хотел Редакционный комитет. Случай подчинения государства власти в результате фактического применения силы подпадает скорее под действие пункта 2, а не пункта 1; в то время как применительно к ситуации *de jure*, которая будет обычно возникать в результате заключения соглашения, положения пункта 1 заходят, по-видимому, слишком далеко. Точно так же ему будет трудно согласиться с тем, чтобы государство, подчиненное определенному контролю в соответствии с договором и избравшее независимый образ действий в нарушение этого договорного обязательства, освобождалось от ответственности за свои действия. Текст Комиссии не должен создавать впечатления попустительского противоправности.

23. И наконец, во избежание всякого недопонимания слова «в соответствии с другими статьями настоящего проекта» в конце пункта 3 следует поместить после слов «международной ответственности».

24. Поскольку на нынешней стадии улучшить проект будет трудно, возможно, эти замечания удастся учесть в комментарии и в докладе.

25. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) говорит, что, как он указал, представляя проекты статей, по поводу статьи 28 в Редакционном комитете были высказаны оговорки. Эти оговорки соответствуют возражениям, изложенным г-ном Ушаковым.

26. Выражение «power of direction or control», содержащееся в английском варианте пункта 1, подверглось продолжительному изучению Редакционного комитета, который пришел к заключению, что оно правильно передает смысл французского выражения «pouvoir de direction ou de contrôle». Г-н Диас Гонсалес предложил, если только г-н Рифаген правильно его понял, заменить в пункте 2 слово «secure» («provoсаг») словом «induce» («inducir»). И в этом случае формулировка, на которой остановился

Редакционный комитет, является итогом продолжительных обсуждений.

27. Формулировка «в соответствии с другими статьями настоящего проекта» помещена в пункте 3, поскольку было сочтено полезным включить в эту часть статьи ссылку общего характера, хотя Комитет прекрасно понимает, что проблема сохраняется. Эту проблему можно было бы, возможно, разрешить либо во второй части проекта, касающейся последствий международного противоправного деяния, либо в статье, которая будет посвящена форс-мажорным обстоятельствам.

28. Г-н АГО отмечает, что существует серьезное расхождение во мнениях между г-ном Ушаковым и остальными членами Комиссии по вопросу о положении государства, подвергшегося военной оккупации. По мнению г-на Ушакова, это оккупированное государство утрачивает свой суверенитет; таким образом, любое деяние, совершенное его органами, должно поэтому присваиваться государству-оккупанту. По мнению других членов Комиссии, наоборот, суверенитет оккупированного государства остается неизменным; таким образом, деяние, совершенное органами оккупированного государства, остается атрибутом этого государства; с другой стороны, деяние влечет ответственность оккупирующего государства, если оно было совершено под управлением последнего или в области, подчиненной контролю этого государства. Это расхождение во взглядах лежит в корне проблемы, поставленной г-ном Ушаковым. В действительности эти две позиции не столь различны, как они кажутся, поскольку в наиболее важных случаях они обе приходят к выводу, что оккупирующее государство должно рассматриваться в качестве ответственного.

29. В отношении вопроса, поставленного сэром Фрэнсисом Вэллетом по поводу связи между пунктами 1 и 2 и пунктом 3 статьи 28, он отмечает, что ответственность господствующего государства, которая является предметом пунктов 1 и 2, — ответственность «установленная», в то время как ответственность подчиненного государства, о которой идет речь в пункте 3, — всего лишь «возможная» ответственность. Из пункта 3 не следует, что если существует ответственность господствующего государства, то также неизбежно существует ответственность подчиненного государства. Вопрос об ответственности подчиненного государства должен решаться в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств.

30. Что касается терминов «управление» и «контроль», использованных в пункте 1, то он отмечает, что «управление» носит более активный характер, чем «контроль», и что оно навязывается до наступления события, в то время как контроль осуществляется после него. Лично он готов опустить слово «власти», как было пред-

ложено сэром Фрэнсисом Вэллетом. Он считает, что проблема, затронутая г-ном Диасом Гонсалесом по поводу употребления слова «*rgovocag*» в испанском тексте пункта 2, является чисто переводческой проблемой.

31. И наконец, он полагает, что имело бы смысл поставить в пункте 3 настоящего проекта слова «в соответствии с другими статьями настоящего проекта» после слов «международной ответственности», как было предложено сэром Фрэнсисом Вэллетом. Он считает, что в комментарии следовало бы подчеркнуть, что международная ответственность государства, совершившего международно-противоправное деяние, является возможной, но не необходимой ответственностью и что проблема, возникающая в связи с этой ответственностью, может быть решена лишь с учетом конкретных обстоятельств.

32. Г-н ФЕРОСТА поддерживает предложение сэра Фрэнсиса Вэллета, внесенное г-ном Аго, о месте слов «в соответствии с другими статьями настоящего проекта» в пункте 3. Он предлагает заменить в пункте 2 глагол «*rgovoqueg*» глаголом, который более соответствовал глаголу «*to secure*», использованному в английском тексте.

33. Г-н РЕЙТЕР также испытывает сомнения в отношении использования глагола «*rgovoqueg*», который имеет на французском языке отрицательный оттенок. Однако он не представляет, каким глаголом можно было бы его заменить. Он бы предпочел, чтобы в пунктах 1 и 2 шла речь о международной ответственности. Однако он, как ему кажется, понимает сэра Фрэнсиса Вэллета, который хочет выделить замену ответственности, подчеркнув, что ответственность государства, совершившего правонарушение, имеет лишь второстепенный характер.

34. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ не считает, что трудность, связанная с английским текстом пунктов 1 и 2, может быть устранена путем простой замены неопределенного артикля перед словами «*international responsibility*» (международная ответственность) на определенный, хотя такую формулировку, как «*without prejudice to any international responsibility*» (не затрагивая возможную международную ответственность), можно было бы употребить, с тем чтобы выделить идею вероятности. Его позиция заключается в том, что вопрос следовало бы рассмотреть в комментарии, поскольку на нынешней стадии проект, по-видимому, изменять не стоит.

35. Г-н УШАКОВ подчеркивает, что с его точки зрения государство, совершившее международно-противоправное деяние, о котором идет речь в статье 28, не является ни полностью суверенным, ни полностью оккупированным. Ему известно, что в государствах, оккупированных Германией во время второй мировой войны, существовали национальные коллаборационистские органы, которые несли ответственность за совершаемые ими

преступления. Однако, на его взгляд, речь шла о другом типе ответственности, поскольку данные государства были полностью оккупированы немцами и, следовательно, не обладали свободой.

36. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) указывает, что Комитет постановил после продолжительных прений добавить к пункту 1 слово «власти», для того чтобы отличать ситуацию, о которой идет речь в этом пункте, от ситуации, предусматриваемой в пункте 2. Пункт 1 касается действия правила в условиях «стабильных отношений», и нет необходимости в том, чтобы данная власть действительно была применена, с тем чтобы добиться совершения международно-противоправного деяния.

37. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что будет достаточно, если уточнения Председателя Редакционного комитета будут включены в доклад.

38. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила заменить текст пункта 3 проекта статьи 28, предложенный Редакционным комитетом, следующим текстом:

«Paragraphs 1 and 2 are without prejudice to the international responsibility, under the other articles of the present draft, of the State which has committed the internationally wrongful act».

Предложение принимается.

39. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила утвердить измененный таким образом текст проекта статьи 28, предложенный Редакционным комитетом.

Предложение принимается.

СТАТЬЯ 29⁵ (Согласие)⁶

40. Г-н РЕЙТЕР предлагает уточнить название, добавив к слову «согласие» слово «предварительное». Он ставит вопрос о том, является ли согласие, о котором идет речь в статье 29, актом договорным или односторонним. В первом случае тавтология статьи 29 усилилась, поскольку это было бы равнозначно тому, что нарушение международного обязательства отсутствует, если исчезает само обязательство.

41. Г-н АГО полагает, что согласие, о котором идет речь в статье 29, всегда предполагает, в конечном счете, добровольное соглашение между двумя государствами. Однако эта статья не является такой тавтологической, как кажется, по-

⁵ Рассмотрение текста, первоначально представленного г-ном Аго, см. 1537-е заседание, пункты 25 и далее, 1538, 1540, 1542 и 1543-е заседания, а также 1544-е заседание, пункты 5—7.

⁶ Текст статьи см. пункт 1, выше.

сколькo общее обязательство сохраняется: его действие лишь приостанавливается в конкретном случае.

42. Г-н УШАКОВ отмечает, что вопрос, поставленный г-ном Рейтером, больше не возникает, поскольку Редакционный комитет поставил перед словом «деяния» в пункте 1 слово «определенного». И действительно, согласие не отменяет обязательство как таковое, однако приостанавливает его действие в связи с определенным деянием.

43. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ не считает, что выражение «предварительное согласие» подойдет для заголовка. На практике речь часто идет не о единственном деянии, а о последовательном поведении, так что необходимо определить, было ли дано одновременное согласие вместо того, чтобы определять, существовало ли предварительное согласие. Кроме того, было бы желательно придерживаться принятой практики, избегая употреблять в названии статьи слов, которых нет в тексте самой статьи.

44. Сэр Фрэнсис также испытывает сомнения в связи со словами «определенного» и «находятся», однако, по его мнению, было бы несвоевременно вновь начинать прения по этому вопросу, поэтому Комиссия должна утвердить проект.

45. Г-н ФРЭНСИС считает, что согласие государства, территория которого затрагивается в результате совершения деяния, должно быть обязательно выражено до совершения этого деяния. Поскольку это хорошо показано в докладе г-на Аго, он не будет настаивать на том, чтобы в заголовок статьи вносилось какое-либо изменение. Возможно, пожелания сэра Фрэнсиса Вэллета удастся удовлетворить, отразив в комментарии высказанные соображения.

46. Г-н УШАКОВ разделяет сомнения, выраженные сэром Фрэнсисом Вэллетом, в отношении необходимости добавления в название прилагательного «предварительное» к слову «согласие». Он отмечает, что деяние может включать несколько действий.

47. Г-н АГО полагает, что заголовок статьи 29 достаточно ясен и нет необходимости вносить изменения. Он отмечает, что во французском языке слово «fait» может означать деяние или опущение, «простое» деяние или «продолжительное», «составное» или «сложное» деяние и что в английском тексте статьи 25 слово «act» было всегда использовано в этих трех значениях французского слова «fait». С другой стороны, слово «specified», содержащееся в английском тексте пункта 1, может создать впечатление, что речь идет о единственном деянии. Поэтому было бы, пожалуй, лучше заменить его словом «given».

48. Г-н НДЖЕНГА говорит, что, поскольку статьей предусматривается, что рассматриваемое деяние является «определенным деянием», было

бы разумно исходить из того, что согласие должно предшествовать совершению деяния. Он вряд ли согласится с тем, что понятие согласия должно быть распространено на одновременное или последующее согласие, что не соответствует намерениям Комиссии. Тем не менее он готов согласиться с тем, чтобы в название статьи не вносились изменения, если подразумевается, что речь идет о предварительном согласии.

49. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия принимает текст статьи 29, предложенный Редакционным комитетом, а также заголовок главы V «Обстоятельства, исключющие противоправность».

Предложение принимается.

СТАТЬЯ 30⁷ (Ответные меры в отношении международно-противоправного деяния)⁸

50. Г-н УШАКОВ полагает, что статья эта ясна и Комиссия сможет принять ее без затруднений.

51. Г-н РЕЙТЕР выражает удовлетворение по поводу того, что Редакционный комитет ввел в заголовок статьи слова «ответные меры».

52. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия принимает текст статьи 30, предложенный Редакционным комитетом.

Предложение принимается.

Заседание закрывается в 12 час. 30 мин.

⁷ Текст статьи, первоначально предложенный г-ном Аго, см. 1544-е заседание, пункты 8 и далее, и 1545-е заседание, пункты 3 и далее.

⁸ Текст статьи см. пункт 1, выше.

1568-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 13 июля 1979 года, 10 час. 15 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Фрэнсис, г-н Цуруока, г-н Янков.

Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (продолжение) * (A/CN.4/322 и Corr.1 и Add.1 и 2, A/CN.4/L.299/Rev.1)

[Пункт 3 повестки дня]

* Перенесено с 1565-го заседания.

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ
РЕДАКЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ

СТАТЬИ 1—23

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Председателю Редакционного комитета доложить о результатах работы Комитета над первыми 25 статьями проекта¹, которые были предварительно приняты Комиссией на ее двадцать пятую сессию и с двадцать седьмой по тридцатую сессиях и которые она передала Редакционному комитету на текущей сессии (1560-е заседание, пункт 30) для повторного рассмотрения в целом в связи с окончанием первого чтения.

2. Результаты этой работы Комитета изложены в документе A/CN.4/L.299/Rev.1, содержащем названия текстов части I, части II и разделов 1 и 2 последней, части III и ее разделов 1 и 2 и названия и тексты статей 1—23.

3. Тексты, предложенные Редакционным комитетом, сформулированы следующим образом:

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ

Статья 1. Сфера применения настоящих статей

Настоящие статьи применяются к последствиям правопреемства государств в других областях, помимо договоров.

Статья 2 [3]². Употребление терминов

1. Для целей настоящих статей:

a) «правопреемство государств» означает смену одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории;

b) «государство-предшественник» означает государство, которое было сменено другим государством в случае правопреемства государств;

c) «государство-преемник» означает государство, которое сменило другое государство в случае правопреемства государств;

d) «момент правопреемства государств» означает дату смены государством-преемником государства-предшественника в несении ответственности за международные отношения применительно к территории, являющейся объектом правопреемства государств;

e) «третье государство» означает любое государство, которое не является ни государством-предшественником, ни государством-преемником;

f) «новое независимое государство» означает государство-преемник, территория которого непосредственно перед моментом правопреемства государств являлась зависимой территорией, за международные отношения которой было ответственно государство-предшественник.

2. Положения пункта 1, касающиеся употребления терминов в настоящих статьях, не наносят ущерба ни употреблению этих терминов, ни смыслу, который может быть им придан, во внутреннем праве государств.

¹ См. 1560-е заседание, сноска 1.

² Номер в квадратных скобках относится к номеру соответствующей статьи в первоначальном проекте (см. 1560-е заседание, сноска 1).

Статья 3 [2]. Случаи правопреемства государств, подпадающие под действие настоящих статей

Настоящие статьи применяются только к последствиям правопреемства государств, которое осуществляется в соответствии с международным правом и, в особенности, в соответствии с принципами международного права, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций.

ЧАСТЬ II

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

РАЗДЕЛ I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 4. Сфера применения статей настоящей части

Статьи настоящей части применяются к последствиям правопреемства государств в отношении государственной собственности.

Статья 5. Государственная собственность

Для целей статей настоящей части «государственная собственность» означает имущество, права и интересы, которые на момент правопреемства государства принадлежали согласно внутреннему праву государства-предшественника этому государству.

Статья 6. Права государства-преемника на переходящую к нему государственную собственность

Правопреемство государств влечет за собой прекращение прав государства-предшественника и возникновение прав государства-преемника на государственную собственность, которая переходит к государству-преемнику в соответствии с положениями статей настоящей части.

Статья 7. Дата перехода государственной собственности

Если не договорено или не решено иначе, датой перехода государственной собственности является момент правопреемства государств.

Статья 8. Переход государственной собственности без компенсации

С соблюдением положений статей настоящей части и если не договорено или не решено иначе, переход государственной собственности государства-предшественника к государству-преемнику происходит без компенсации.

Статья 9 [X]. Отсутствие последствий правопреемства государств для собственности третьего государства

Правопреемство государств как таковое не затрагивает имущества, прав и интересов, которые в момент правопреемства государств находятся на территории государства-предшественника и которые в указанный момент принадлежат согласно внутреннему праву государства-предшественника третьему государству.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛОЖЕНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К РАЗЛИЧНЫМ ТИПАМ ПРАВОПРЕЕМСТВА ГОСУДАРСТВ

Статья 10 [12]. Трансферт части территории государства

1. Когда часть территории государства передается этим государством другому государству, переход государственной собственности государства-предшественника к го-

сударству-преемнику регулируется соглашением между государством-предшественником и государством-преемником.

2. В случае отсутствия соглашения:

а) недвижимая государственная собственность государства-предшественника, находящаяся на территории, затрагиваемой правопреемством государств, переходит к государству-преемнику;

б) движимая государственная собственность государства-предшественника, связанная с деятельностью государства-предшественника в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств, переходит к государству-преемнику.

Статья 11 [13]. Новое независимое государство

1. Когда государство-преемник является новым независимым государством:

а) движимая собственность, принадлежавшая территории, затрагиваемой правопреемством государств, и ставшая в период зависимости государственной собственностью государства-предшественника, переходит к новому независимому государству;

б) движимая государственная собственность государства-предшественника, связанная с деятельностью государства-предшественника в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств, переходит к государству-преемнику;

с) движимая государственная собственность государства-предшественника, иная, чем собственность, указанная в подпунктах а и б, в образовании которой принимала участие зависимая территория, переходит к государству-преемнику в доле, соответствующей вкладу этой территории;

д) недвижимая государственная собственность государства-предшественника, находящаяся на территории, затрагиваемой правопреемством государств, переходит к государству-преемнику.

2. Когда новое независимое государство образовано из двух или нескольких зависимых территорий, переход государственной собственности государства-предшественника или государств-предшественников к новому независимому государству регулируется в соответствии с положениями пункта 1.

3. Когда зависимая территория становится частью территории государства, иного, нежели государство, которое осуществляло ответственность за ее международные отношения, переход государственной собственности государства-предшественника к государству-преемнику регулируется в соответствии с положениями пункта 1.

4. Соглашения, заключенные между государством-предшественником и новым независимым государством для урегулирования правопреемства в отношении государственной собственности иным образом, нежели в соответствии с пунктами 1—3, не должны наносить ущерба принципу постоянного суверенитета каждого народа над его естественными богатствами и ресурсами.

Статья 12 [14]. Объединение государств

1. Когда два или несколько государств объединяются и тем самым образуют одно государство-преемник, государственная собственность государств-предшественников переходит к государству-преемнику.

2. Без ущерба для положения пункта 1 принадлежность государственной собственности государств-предшественников государству-преемнику или в зависимости от случая его составным частям регулируется внутренним правом государства-преемника.

Статья 13 [15]. Отделение части или частей территории государства

1. Когда часть или части территории государства отделяются от него и образуют одно государство и если госу-

дарство-предшественник и государство-преемник не условились иначе:

а) недвижимая государственная собственность государства-предшественника переходит к государству-преемнику, на территории которого она находится;

б) движимая государственная собственность государства-предшественника, связанная с деятельностью государства-предшественника в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств, переходит к государству-преемнику;

с) движимая государственная собственность государства-предшественника, иная, чем собственность, указанная в подпункте б, переходит к государству-преемнику в справедливой доле.

2. Пункт 1 применяется, когда часть территории государства отделяется от него и объединяется с другим государством.

3. Положения пунктов 1 и 2 не наносят ущерба какому-либо вопросу о справедливой компенсации, который может возникнуть в результате правопреемства государств.

Статья 14 [16]. Разделение государства

1. Когда государство-предшественник разделяется и перестает существовать и части его территории образуют два или несколько государств и если соответствующие государства-преемники не условились иначе:

а) недвижимая государственная собственность государства-предшественника переходит к государству-преемнику, на территории которого она находится;

б) недвижимая государственная собственность государства-предшественника, находящаяся за пределами его территории, переходит к одному из государств-преемников под условием справедливой компенсации других государств-преемников;

с) движимая государственная собственность государства-предшественника, связанная с деятельностью государства-предшественника в отношении территорий, затрагиваемых правопреемством государств, переходит к соответствующему государству-преемнику;

д) движимая государственная собственность государства-предшественника, иная, чем собственность, указанная в подпункте с, переходит к государствам-преемникам в справедливой доле.

2. Положения пункта 1 не наносят ущерба какому-либо вопросу о справедливой компенсации, который может возникнуть в результате правопреемства государств.

ЧАСТЬ III

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛГИ

РАЗДЕЛ I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 15 [17]. Сфера применения статей настоящей части

Статьи настоящей части применяются к последствиям правопреемства государств в отношении государственных долгов.

Статья 16 [18]. Государственный долг

Для целей статей настоящей части «государственный долг» означает:

а) любое финансовое обязательство государства в отношении другого государства, международной организации или любого иного субъекта международного права;

б) любое иное принятое государством финансовое обязательство.

Статья 17 [19]. Обязательства государства-преемника в отношении переходящих к нему государственных долгов

Правопреемство государств влечет за собой прекращение обязательств государства-предшественника и возник-

новение обязательств государства-преемника в отношении государственных долгов, которые переходят к государству-преемнику в соответствии с положениями статей настоящей части.

Статья 18 [20]. Последствия перехода государственных долгов для кредиторов

1. Правопреемство государств как таковое не затрагивает прав и обязательств кредиторов.

2. Соглашение между государством-предшественником и государством-преемником или, в зависимости от случая, между государствами-преемниками относительно перехода соответствующей части или соответствующих частей государственных долгов государства-предшественника не может приводиться государством-предшественником или государством-преемником или, в зависимости от случая, государствами-преемниками против третьего государства или международной организации, предъявляющих долговые требования, за исключением тех случаев, когда:

а) последствия этого соглашения находятся в соответствии с другими подлежащими применению правилами статей настоящей части, или

б) это третье государство или эта международная организация согласилось/согласилась с этим соглашением.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛОЖЕНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К РАЗЛИЧНЫМ ТИПАМ ПРАВОПРЕЕМСТВА ГОСУДАРСТВ

Статья 19 [21]. Трансферт части территории государства

1. Когда часть территории государства передается этим государством другому государству, переход государственного долга государства-предшественника к государству-преемнику регулируется соглашением между государством-предшественником и государством-преемником.

2. В случае отсутствия соглашения государственный долг государства-предшественника переходит к государству-преемнику в справедливой доле, учитывая, в частности, имущество, права и интересы, которые переходят к государству-преемнику и которые образовались в связи с указанным государственным долгом.

Статья 20 [22]. Новое независимое государство

1. Когда государство-преемник является новым независимым государством, никакой государственный долг государства-предшественника не переходит к новому независимому государству, если соглашение между новым независимым государством и государством-предшественником не предусматривает иное с учетом взаимоотношения между государственным долгом государства-предшественника, возникшим в связи с его деятельностью на территории, затрагиваемой правопреемством государств, и имуществом, правами и интересами, которые переходят к этому независимому государству.

2. Соглашение, указанное в пункте 1, не должно наносить ущерба принципу постоянного суверенитета каждого народа над его естественными богатствами и ресурсами, и осуществление этого соглашения не должно подрывать основ экономического благосостояния нового независимого государства.

Статья 21 [23]. Объединение государств

1. Когда два или несколько государств объединяются и тем самым образуют одно государство-преемник, государственные долги государств-предшественников переходят к государству-преемнику.

2. Без ущерба для положения пункта 1 государство-преемник может в соответствии со своим внутренним правом отнести совокупность или любую часть государственных долгов государств-предшественников своим составным частям.

Статья 22 [24]. Отделение части или частей территории государства

1. Когда часть или части территории государства отделяются от него и образуют одно государство и если государство-предшественник и государство-преемник не условились иначе, государственный долг государства-предшественника переходит к государству-преемнику в справедливой доле, учитывая все соответствующие обязательства.

2. Пункт 1 применяется, когда часть территории государства отделяется от него и объединяется с другим государством.

Статья 23 [25]. Разделение государства

Когда государство-предшественник разделяется и перестает существовать и части его территории образуют два или несколько государств и если государства-преемники не условились иначе, государственный долг государства-предшественника переходит к каждому государству-преемнику в справедливой доле, учитывая все соответствующие обязательства.

4. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) отмечает, что в ходе повторного рассмотрения первых 25 статей, предварительно утвержденных Комиссией, Комитет придавал особое значение статьям или частям статей, в отношении которых Комиссия еще не сформулировала своей позиции и которые были оставлены в квадратных скобках. Он также стремился обеспечить соответствие текста проектов статей тексту Венской конвенции 1978 года о правопреемстве государств в отношении договоров³. И наконец, он учитывал тот факт, что проект находится в первом чтении и что некоторые вопросы по существу или редакционного характера, вызывающие пока споры, могут быть решены в ходе второго чтения с учетом замечаний правительств.

5. Что касается общей структуры проекта, то стремясь добиться соответствия с Венской конвенцией 1978 года о правопреемстве государств в отношении договоров, а также с Венской конвенцией⁴ о праве договоров, Редакционный комитет разделил проект не на две, а на три части, озаглавленные соответственно «Введение», «Государственная собственность» и «Государственные долги», и поменял местами статьи 2 и 3 первоначального текста, с тем чтобы статья «Употребление терминов» следовала сразу же после первой статьи (Сфера применения настоящих статей).

6. Рассмотрев повторно 25 статей, составленных в ходе сессий Комиссии, Редакционный комитет пришел к выводу, что статья 9 первоначального текста, озаглавленная «Общий принцип перехода государственной собственности», является

³ Текст Конвенции, именуемый далее «Венская конвенция 1978 года», см. *Official Records of the United Nations Conference on Succession of States in Respect of Treaties*, vol. III (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.79.V.10), документ A/CONF.80/31.

⁴ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), стр. 287 англ. текста.

ся лишней и может даже послужить причиной серьезных затруднений в связи с толкованием статьи, учитывая, что в новой части II подробно рассмотрен переход как движимой, так и недвижимой государственной собственности по каждому типу правопреемства государств. Таким образом, эта статья была изъята, так же как и статья 11 первоначального текста, которая была взята в скобки по причине высказанных оговорок и в которой предусматривалось главным образом, что доходные титулы государства-предшественника представляют исключение из правила о местонахождении собственности, изложенного в статье 9. После исключения статей 9 и 11 переход доходных титулов стал определяться положениями проекта, которые касаются перехода движимой собственности. Нумерация остающихся 23 статей была соответственно изменена.

7. Что касается проектов статей, предложенных Редакционным комитетом, то он указывает, что формулировка статьи 1 первоначального текста и само название проекта статей были оставлены без изменений. Однако Комитет считал, что с учетом решения Комиссии ограничить содержание проекта последствиями правопреемства государств в отношении государственной собственности, государственных долгов и государственных архивов, название проекта и формулировка статьи 1 перестают соответствовать реальной сфере применения проектов статей. Если Комиссия решит ограничить сферу применения проекта тремя упомянутыми выше областями, то название проекта и статью 1 можно будет без труда изменить. Комитету предлагались такие формулировки, как «правопреемство государств в отношении государственной собственности, государственных долгов и государственных архивов». Однако Комитет не пожелал предопределять решение, которое может быть принято Комиссией по этому вопросу, учитывая ее позицию в отношении будущей программы работы, а также замечания правительств по этому вопросу.

8. В статье 2 [бывшая статья 3] порядок следования подпунктов *e* и *f* был изменен в соответствии с аналогичной статьей из Венской конвенции 1978 года и был добавлен пункт 2, идентичный пункту, содержащемуся в соответствующих статьях Венских конвенций о праве международных договоров и Венской конвенции 1978 года.

9. В статью 3 [бывшая статья 2] и статьи 4 и 5 были внесены незначительные редакционные изменения в тексты на английском и испанском языках с тем, чтобы привести их в соответствие со статьями Венской конвенции 1978 года.

10. Стремясь добиться единообразия в тексте различных проектов статей, в статье 6 слова «настоящих статей» были заменены на слова «статей настоящей части».

11. Статья 7 не изменялась.

12. Статья 8 была изменена таким образом, чтобы внести ясность в содержащееся в ней правило. Так, слова «в соответствии с положениями настоящих статей» были заменены словами «С соблюдением положений статей настоящей части», которые были поставлены в начале предложения. За ними следуют слова «если не договорено или не решено иначе», которые стояли в конце первоначального проекта статьи. Кроме того, слова «Без ущерба для прав третьих сторон» были опущены как лишние. Этот аспект вопроса рассмотрен в статье 9 [бывшая статья X].

13. Редакционный комитет считал, что статью 9 [бывшая статья X] следует сохранить в проекте, учитывая общий характер этого положения и то, что бывшие статьи 9 и 11 были исключены из проекта. Слова «государства-предшественника», взятые в скобки в первоначальном тексте, были сохранены с тем, чтобы избежать любых возможных недоразумений в связи с толкованием и применением правила. Слова «или на территории государства-преемника» и следующие сразу же за ними слова, а также взятые в скобки слова в конце статьи были опущены.

14. Статья 10 [бывшая статья 12] не изменялась.

15. Статья 11 [бывшая статья 13] была изменена с целью улучшения ее формулировки. В новой статье насчитывается четыре пункта вместо шести, причем вводное положение стало в соответствии с практикой в области договоров пунктом 1. Четыре следующих пункта (бывшие пункты 1, 2 и подпункты *a* и *b* пункта 3) были перенумерованы в подпункты *a*, *b*, *c* и *d* пункта 1 и изменены таким образом, чтобы отделить положения, касающиеся движимой собственности (новые подпункты *a*, *b* и *c* пункта 1), от положения, касающегося недвижимой собственности (новый подпункт *d* пункта 1). Было также решено, что упоминать недвижимую собственность в новом подпункте *a* пункта 1 [бывший пункт 1] не следует, поскольку переход этой собственности предусмотрен в подпункте *d* пункта 1 (бывший пункт 2). В том же подпункте *a* пункта 1 слова «независимому государству, которое существовало на территории до того, как она стала зависимой территорией», были заменены словами «территории, затрагиваемой правопреемством государств», с тем чтобы придать правилу его подлинную сферу применения и избежать возникновение затруднений из-за упоминания независимого государства, существовавшего до утраты независимости; в соответствии с порядком, соблюдаемым во всем проекте, слова «управляющего государства» были заменены словами «государства-предшественника». И наконец, в новом пункте 4 слова «предыдущими пунктами» были заменены по примеру Венской конвенции 1978 года на слова «пунктами 1—3». Аналогичные изменения были произведены в других частях проекта.

16. Редакционный комитет не нашел каких-либо веских оснований для того, чтобы оставлять скобки вокруг статьи 12 [бывшая статья 14], и привел текст этой статьи в соответствие с текстом новой статьи 21, являющейся аналогичным положением части III проекта. В пункте 1 слова «с соблюдением положений пункта 2» были опущены, с тем чтобы выделить излагаемое правило, в то время как в начале пункта 2 были добавлены слова «без ущерба для положений пункта 1». В текст статьи 12 были внесены незначительные редакционные изменения, с тем чтобы она соответствовала статье в Венской конвенции 1978 года.

17. Такие же небольшие изменения были внесены в статью 13 [бывшая статья 15] и статью 14 [бывшая статья 16], а также в другие части проекта опять-таки для того, чтобы привести текст в соответствие с Венской конвенцией 1978 года.

18. Статьи 15—23 составляют часть III проекта, посвященную государственным долгам. Редакционный комитет попытался сохранить сходство между структурой и терминологией этой части и части II, посвященной государственным долгам.

19. В статью 15 [бывшая статья 17] изменения не вносились.

20. В связи со статьей 16 [бывшая статья 18] он напоминает, что прилагательное «международное» было поставлено в первоначальном тексте перед словами «финансовое обязательство» в квадратные скобки, с тем чтобы отразить разногласия, проявившиеся среди членов Комиссии по поводу сферы применения статьи в отношении кредиторов. Пытаясь ослабить разногласия, Редакционный комитет решил исключить слово «международное» и разделить единственный пункт первоначального положения на два подпункта: в подпункте *a* сделана попытка охватить ситуации, подразумеваемые прилагательным «международные», путем воспроизведения с необходимыми редакционными изменениями соответствующего отрывка из комментария Комиссии к статье 18 первоначального текста, а в подпункте *b* повторено с некоторыми редакционными изменениями и без прилагательного «международное» положение, содержащееся в первоначальном тексте. Выражение «в момент правопреемства государств» было опущено, так как было решено, что в статье, содержащей определение «государственного долга», оно будет лишним. Среди членов Комитета не было, однако, единогласия в отношении добавления подпункта *b*.

21. В статью 17 [бывшая статья 19] изменения не вносились.

22. Пытаясь устранить разногласия, возникшие среди членов Комиссии, в отношении концовки пункта 2 статьи 18 [бывшая статья 20], Редакционный комитет убрал слова «или против третьего государства, которое представляет кредитора», взятые в скобки в первоначальном тек-

сте, и заменил слова «кредиторов третьего государства или международной организации» на слова «третьего государства или международной организации, предъявляющих долговые требования», поскольку эта формулировка должна быть связана с дипломатическим представительством или защитой. Порядок следования подпунктов *a* и *b* был изменен, с тем чтобы ясно показать, что для того, чтобы можно было сослаться на соглашение, последствия этого соглашения должны соответствовать другим правилам, применяемым в соответствии с частью III. Точно так же для большей точности слова «относительно перехода государственных долгов государства-предшественника» были заменены словами «относительно перехода соответствующей части или соответствующих частей государственных долгов государства-предшественника».

23. Статьи 19—23 [бывшие статьи 21—25] были оставлены без изменений, если не считать некоторых незначительных редакционных поправок, внесенных ради сохранения единообразия; в частности, вводное положение статьи 20 [бывшая статья 22], не имевшее номера в первоначальном тексте, было включено в текст пункта 1.

24. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает рассмотреть по порядку статьи, предложенные Редакционным комитетом, начиная со статьи 2, причем первая статья должна быть рассмотрена в конце.

ЧАСТЬ I (Введение)

Название части I принимается.

СТАТЬЯ 2 (Употребление терминов) ⁵

Статья 2 принимается.

СТАТЬЯ 3 (Случаи правопреемства государств, подпадающие под действие настоящих статей) ⁶

Статья 3 принимается.

ЧАСТЬ II (Государственная собственность)

Название части II принимается.

РАЗДЕЛ 1 (Общие положения)

Название раздела 1 принимается.

СТАТЬЯ 4 (Сфера применения статей настоящей части) ⁷

Статья 4 принимается.

СТАТЬЯ 5 (Государственная собственность) ⁸

25. Г-н ФЕРОСТА напоминает, что в ходе прений в Комиссии и в Редакционном комитете он указал на тот факт, что «государственная собственность» определена в статье 5 как «собственность, права и интересы», в то время как в статьях 10 и 11 проводится различие между движи-

⁵ Текст статьи см. пункт 3, выше.

⁶ То же.

⁷ То же.

⁸ То же.

мой и недвижимой собственностью. Он также обратил внимание комиссии на проблему, касающуюся взаимосвязи между государственными архивами и государственной собственностью.

26. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии, если нет возражений, принять статью 5, предложенную Редакционным комитетом.

Статья 5 принимается

СТАТЬЯ 6 (Права государства-преемника на переходящую к нему государственную собственность)⁹

Статья 6 принимается.

СТАТЬЯ 7 (Дата перехода государственной собственности)¹⁰

27. Г-н БАРБОСА предлагает заменить в испанском тексте слово «*raso*» словом «*transpaso*», которое употреблено в названии статьи 10.

28. Г-н ВАЛЕНСИЯ-ОСПИНА (секретарь Редакционного комитета) говорит, что речь идет о двух разных понятиях, которые требуют на испанском языке двух различных переводов. Так, слово «*transpaso*», использованное в названии статьи 10, является переводом английского слова «*transfer*» (трансферт), а слово «*raso*» в статье 7 является переводом слова «*passing*» (переход).

29. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС заявляет о своем полном согласии с г-ном Барбосой. Слова «*transpaso*» и «*raso*» вовсе не эквивалентны: в то время как первое действительно означает «*transfer*» (трансферт), под вторым подразумевается некоторое материальное перемещение.

30. Г-н УШАКОВ отмечает, что если в испанском тексте проекта статей заменить слово «*raso*» словом «*transpaso*», то потребуются внести изменения во все комментарии на испанском языке, утвержденные Комиссией в предыдущих докладах.

31. Г-н РЕЙТЕР также испытывает сомнения в отношении точного смысла слова «*passage*» во французском тексте. По его мнению, «переход» происходит почти автоматически, в то время как «трансферт» подразумевает принятие решения.

32. Г-н ВАЛЕНСИЯ-ОСПИНА (секретарь Редакционного комитета) указывает, что испанский текст можно будет пересмотреть в ходе второго чтения проекта. Тогда же можно будет рассмотреть поднятый вопрос в контексте всего проекта и в свете замечаний, представленных правительствами.

33. Г-н БАРБОСА отмечает, что такая же трудность возникает и с государственными архивами. Поэтому он оставляет за собой право вернуться позднее к этому вопросу.

34. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ признает, что между словами «*passing*» (переход) и «*transfer*» (трансферт) действительно существует разница. «Переход» происходит в результате применения закона, тогда как под трансфертом может подразумеваться вмешательство государства-предшественника. В интересах структуры проекта важно сохранить это различие по крайней мере на английском языке.

35. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии, если нет возражений, принять название и текст статьи 7, предложенные Редакционным комитетом.

Предложение принимается.

СТАТЬЯ 8 (Переход государственной собственности без компенсации)¹¹

36. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что в статье 8, предложенной Редакционным комитетом, пропущена специально часть фразы «без ущерба для прав третьих сторон». Замечания, сформулированные председателем Редакционного комитета по этому поводу, следовало бы воспроизвести в комментарии, поскольку формулировка статьи 9, где говорится о собственности, «принадлежащей третьему государству», еще более усложняет проблему. Эта фраза преследовала цель оградить право третьих лиц, которые, не являясь владельцами собственности, являются ее залогодержателями или, например, обладают залоговым правом на нее. Поэтому из формулировки статьи 9, безусловно, вытекает, что статья 8 в ее нынешнем виде затрагивает права третьих государств. Поэтому в комментарии необходимо уточнить, что при переходе государственной собственности к государству-преемнику следует учитывать права третьих государств на эту собственность.

37. Г-н УШАКОВ напоминает, что он предложил Редакционному комитету ввести в статью 9 оговорку, касающуюся прав третьих государств, которая была убрана из статьи 8, поскольку он полагал, что, хотя проблема собственности третьих государств не возникала в статье 8, она может, напротив, возникнуть в статье 9. Однако другие члены Редакционного комитета сочли само собой разумеющимся, что собственность третьих государств не затрагивается правопреемством государств.

38. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) указывает, что статья 8 касается перехода государственной собственности без компенсации. Выражение «без ущерба для прав третьих сторон» было опущено лишь для того, чтобы лучше выделить принцип, положенный в основу статьи, а именно тот факт, что переход государственной собственности не сопряжен с выплатой государством-предшественником госу-

⁹ То же.

¹⁰ То же.

¹¹ То же.

дарству-преемнику компенсации. Проблему, упомянутую сэром Фрэнсисом Вэллетом, можно было бы решить в статье 9, однако Редакционный комитет счел, что статья 9, бывшая статья X, требует лишь незначительных редакционных изменений.

39. Г-н НДЖЕНГА говорит, что он не возражает против того, чтобы замечания Председателя Редакционного комитета были повторены в комментарии. Однако из комментария не должно вытекать, что собственность, переходящая к государству-преемнику, может быть связана с правами третьих сторон; что противоречило бы, например, положениям пункта 1d статьи 11.

40. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ отмечает, что статья 8, в которой явно предусматривается, что переход государственной собственности не сопровождается выплатой компенсации, фактически предполагает исчезновение прав третьих сторон. На его взгляд, существует универсальный принцип права, в соответствии с которым государство может передавать другому государству лишь то, чем оно фактически владеет. Права государства на собственность неизбежно ограничиваются правами третьих государств на ту же собственность. Сэр Фрэнсис не может согласиться с позицией г-на Ндженги, по мнению которого при переходе государственной собственности права третьих сторон автоматически перестают существовать. Для того чтобы эти статьи были приемлемы для всех, данную проблему необходимо будет рассмотреть в комментарии к статье 8 или к статье 9.

41. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии, если нет возражений, принять название и текст статьи 8, предложенные Редакционным комитетом.

Предложение принимается.

СТАТЬЯ 9 (Отсутствие последствий правопреемства государств для собственности третьего государства) ¹²

Статья 9 принимается.

РАЗДЕЛ 2 (Положения, относящиеся к различным типам правопреемства государств)

Название раздела 2 принимается.

СТАТЬЯ 10 (Трансферт части территории государства) ¹³

Статья 10 принимается.

СТАТЬЯ 11 (Новое независимое государство) ¹⁴

42. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ сообщает Комиссии, что столкнулся с трудностями, связанными не с принципами, которые положены в основу статьи 11, а с выражениями, при помощи которых эти принципы изложены в этой статье. Если толковать пункт 1 буквально, то он заходит слишком

далеко и становится, таким образом, неприемлемым. Так, например, нет уверенности в том, что слова «принадлежавшая территории», которые содержатся в пункте 1a, можно определить надлежащим образом, однако они могут быть истолкованы настолько широко, что станут включать любую собственность, принадлежащую данной территории. При таком толковании в сферу действия подпункта a пункта 1 попала бы движимая собственность, возникшая на данной территории и перешедшая в процессе обычного товарообмена в собственность государства-предшественника. Речь может идти, например, о подарке королевы Тонга королеве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, который можно было бы рассматривать как государственную собственность. Безусловно, такая цель не преследуется в пункте, в основу которого положена, по-видимому, идея о том, что в некоторых случаях государство-предшественник вывезло собственность, нарушив при этом нормы морали. Принцип, положенный в основу этой идеи, по-видимому, вполне приемлем, однако было бы слишком смело утверждать, что все, что было создано на территории и стало каким-либо образом собственностью государства-предшественника, должно автоматически перейти к государству-преемнику. Он вынужден высказать оговорки по этому поводу и хотел бы, чтобы они были воспроизведены, как это обычно делается, в докладе Комиссии.

43. Кроме того, он испытывает беспокойство по поводу практических последствий слов «связанная с деятельностью государства-предшественника» в подпункте b пункта 1. Полностью одобряя данный принцип, он считает, что его следует изложить в более ясных выражениях. Этот пункт может, например, означать, что стол, за которым министр иностранных дел писал письма по вопросам, представляющим интерес для зависимой территории, должен автоматически перейти к государству-преемнику, поскольку этот стол, безусловно, связан с «деятельностью государства-предшественника в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств».

44. И, наконец, в подпункте c пункта 1 более ясно выражены намерения Комиссии, однако его практическое применение породит, безусловно, крайне сложные проблемы: как определить долю, соответствующую вкладу зависимой территории, и какие факторы следует учитывать в этой связи.

45. Г-н НДЖЕНГА считает формулировку статьи 11 вполне удовлетворительной и не разделяет сомнений, выраженных сэром Фрэнсисом Вэллетом. В статье рассматривается ситуация с участием двух неравных государств, иными словами: государства-предшественника и нового независимого государства. К сожалению, новые независимые государства часто страдали в момент правопреемства из-за недобросовестности госу-

¹² То же.

¹³ То же.

¹⁴ То же.

дарств-предшественников, которые часто расхищали собственность территорий на протяжении колониального периода. И если пункт 1 страдает каким-либо недостатком, то вполне справедливо, что этот недостаток заключается в охране интересов новых независимых государств, с тем чтобы они смогли приобрести собственность, которая им законно принадлежит, однако которую они в период зависимости не смогли сохранить. Он выражает также пожелание о том, чтобы его позиция была отражена в докладе Комиссии.

46. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии, если у нее нет возражений, принять название и текст статьи 11, предложенные Редакционным комитетом.

Статья 11 принимается.

СТАТЬЯ 12 (Объединение государств),

СТАТЬЯ 13 (Отделение части или частей территории государства) и

СТАТЬЯ 14 (Разделение государства) ¹⁵

Статьи 12, 13 и 14 принимаются.

ЧАСТЬ III (Государственные долги)

РАЗДЕЛ I (Общие положения)

Названия части III и ее раздела I принимаются.

СТАТЬЯ 15 (Сфера применения статей настоящей части) ¹⁶

Статья 15 принимается.

СТАТЬЯ 16 (Государственный долг) ¹⁷

47. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР заявляет, что проблемы, связанные с определением понятия государственного долга, содержащегося в статье 16, настолько значительны и сложны, что, если их не решить удовлетворительным образом, они будут угрожать всему проекту статей.

48. В отличие от судьбы статей, касающихся государственной собственности, статьи, касающиеся государственного долга, долго не изучались, поскольку они были рассмотрены и приняты только на двух сессиях — двадцать девятой и тридцатой — и поскольку в этот момент работа, связанная с данными статьями, была относительно легкой, так как классификация государственной собственности была разработана на предыдущей сессии. Тем не менее решать более широкую проблему трехсторонних отношений между государством-предшественником, государством-преемником и кредитором — независимо от того, является ли он государством или нет, — было крайне трудно. В части III проекта, касающейся государственных долгов, кредиторам обеспечивается

гораздо большая безопасность, поскольку в ней выделено понятие преемственности прав и обязанностей. Более конкретно, в статье 18, несмотря на сопряженные с ней проблемы, перед кредиторами открывается неплохая перспектива справедливого обращения с ними, которая лучше того, что им пришлось бы ожидать в соответствии с неопределенным современным общим правом.

49. Однако при анализе прений Комиссии по этому вопросу на двадцать девятой сессии видно, что в них явно преобладал вопрос о государстве-кредиторе, а не о правах и обязанностях государства-предшественника и государства или государств-преемников. Это перемещение акцента нашло свое выражение в формулировке статьи 16, равно как и в слове «[международное]», которое содержалось в первоначальной формулировке статьи 18. Если речь идет о кодификации прав кредиторов в связи с правопреемством государств, то было бы логично ограничить в принципе статью интересами государств-кредиторов, сохранив подпункт *a* и опустив подпункт *b*.

50. Однако в настоящий момент Комиссия занимается не кодификацией прав государств-кредиторов, а вопросом, который в значительной мере аналогичен вопросу о правопреемстве в отношении государственной собственности. С другой стороны, очевидно, что в отличие от определения государственной собственности, определение государственного долга не связано с внутренним правом государства-предшественника и к тому же ни с какой другой правовой системой. Поэтому может возникнуть естественный вопрос о том, будет ли аналогичное определение полностью удовлетворять требованиям и следует ли упоминать лишь внутреннее право государства-предшественника. На протяжении своих прений по поводу статей, касающихся государственного долга, Комиссия ни разу не рассмотрела должным образом этот важнейший вопрос. Он убеждает тем не менее, что в определении следует упомянуть одну или несколько правовых систем, будь то внутреннее право или даже международное право, хотя в последнем случае будет трудно представить себе существование долгов на международном уровне и вне какой-либо системы внутреннего права; в этом случае эти долги будут подпадать под действие права договоров и к ним будет применяться совершенно другой режим.

51. Следует признать, что в его нынешней формулировке определение отражает абсолютно законные и важные соображения. Так, например, Комиссия справедливо выразила беспокойство по поводу того, что определение государственной собственности настолько широко, что налагает на государство, и особенно на новые независимые государства, чрезмерные обязательства. К счастью, положения статьи 20 отвечают этому чувству озабоченности, если только статья 20 окажется приемлемой для международного сообщества. Тем не менее можно считать, что определение,

¹⁵ То же.

¹⁶ То же.

¹⁷ То же.

изложенное в статье 16, ущемляет права государства-преемника в вопросах, касающихся его внутренней юрисдикции, таких, как межгосударственные отношения и его собственные граждане.

52. Несмотря на эти соображения, основное правило заключается несомненно в том, что при правопреемстве государств внутреннее право остается прежним до тех пор, пока в него не будут внесены изменения государством-преемником. Ни одно положение проекта не может ограничивать права государства-преемника применять свое внутреннее право. Признать этот факт значит понимать, что нет никаких оснований беспокоиться, если Комиссия попытается уподобить государственный долг какому-либо пассивному долгу государства. С другой стороны, если статья 16 будет представлена Генеральной Ассамблее как вопрос, допускающий возможность принципиального выбора, то это окажется со стороны Комиссии плохим советом технического характера. Если, например, авиакомпания государства-предшественника приобрела самолеты, оплата которых занимает определенный период времени, допустимо ли считать, что в проекте статей предусматривается переход собственности, но не долгов, связанных с этой собственностью? И допустимо ли, чтобы, рассматривая проект статей в его окончательном виде, государство-преемник констатировало, что вопрос о наличии у него международного обязательства зависит всецело от того, является ли кредитор другим суверенным государством или международной организацией? Комиссия должна признать, что она занимается в настоящее время не интересами государств-кредиторов, а состоянием пассивных долгов государств, которые должны урегулировать ситуацию, возникшую в связи с правопреемством государств. Если бы удалось сформулировать вопрос с желаемой точностью с точки зрения юридической науки, можно было бы найти решения, которые рассеяли бы всякие законные опасения. А пока следует отметить, что если определение создает видимость наличия у правительств возможности делать принципиальный выбор, то это фактически является чрезвычайно искаженным отражением реальной ситуации.

Сотрудничество с другими органами (продолжение)*

[Пункт 13 повестки дня]

ЗАЯВЛЕНИЕ НАБЛЮДАТЕЛЯ ОТ АФРО-АЗИАТСКОГО КОНСУЛЬТАТИВНО-ПРАВОВОГО КОМИТЕТА

53. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает г-ну Немото, наблюдателю от Афро-азиатского консультативно-правового комитета, выступить перед Комиссией.

54. Г-н НЕМОТО (наблюдатель от Афро-азиатского консультативно-правового комитета) за-

являет, что Афро-азиатский консультативно-правовой комитет преисполнен решимости и дальше развивать тесные отношения сотрудничества, существующие между Комитетом и Комиссией, которые преследуют общие цели. Комитет, являющийся единственным в афро-азиатском регионе органом в области международного права, в который входят в настоящее время 38 правительств-членов, осуществляет деятельность в различных областях, а также следит за работой Комиссии в таких областях, как правопреемство государств в других областях, помимо договоров, ответственность государств и клаузула о наиболее благоприятствуемой нации.

55. В последние годы Комитет принял активное участие в изучении проблем морского права, с тем чтобы помочь правительствам-членам определить свою позицию по этому вопросу. Летом 1978 года в Дели более 40 стран приняли участие в совещании экспертов высокого уровня, о котором председатель Третьей конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву сказал, что она внесла положительный вклад в изучение этой отрасли права.

56. Комитет с удовлетворением воспринял назначение г-на Табиби наблюдателем Комиссии на двадцатой сессии Комитета, проходившей в феврале 1979 года в Сеуле. На этой сессии Комитет отметил, что он может оказать помощь правительствам-членам в разработке типового регламента для экономической зоны — что позволило бы несколько повысить единообразие подхода, — а также положений о создании совместных предприятий с целью оптимальной эксплуатации рыбных ресурсов в данной зоне.

57. На протяжении ряда лет Постоянный подкомитет занимается разработкой типовых контрактов по различным видам продукции. Им уже были разработаны типовые контракты фоб и фас по сельскохозяйственной продукции и полезным ископаемым и типовой контракт каф по предметам длительного пользования и легкому оборудованию.

58. Было создано два региональных центра коммерческого арбитража — один в Куала-Лумпуре и другой в Каире. Эти центры должны разрешить споры, возникающие в связи с международными коммерческими сделками, включая капиталовложения, предоставлять услуги и средства для специального арбитража и разрабатывать арбитражные процедуры под эгидой других учреждений, а также оказывать содействие в выполнении арбитражных решений. Кроме того, они будут вносить вклад в развитие национальных арбитражных учреждений и будут способствовать сотрудничеству между этими учреждениями в регионе. Секретариат Комитета пригласил правительства Африки и Азии, а также других регионов, рекомендовать известных юристов для выполнения функций арбитров; заинтересованным сторонам вскоре будет передан международный

* Перенесено с 1566-го заседания.

список арбитров. В феврале 1979 года Центр в Куала-Лумпуре и Международный центр по урегулированию инвестиционных споров МБРР заключили соглашение о взаимном сотрудничестве в области урегулирования споров, возникающих в связи с иностранными капиталовложениями, с целью осуществления других видов деятельности, касающихся международной торговли. Аналогичное соглашение будет вскоре заключено с Центром в Каире.

59. В декабре 1978 года в Дели было созвано совещание Группы экспертов по вопросам окружающей среды, в котором приняли участие делегации 24 правительств, а также наблюдатели Комиссии международного права и ПРООН. Оно постановило немедленно обратить внимание на общие проблемы, возникающие в связи с использованием земель, экологией горных районов, индустриализацией и загрязнением морской среды.

60. Что касается регионального экономического сотрудничества, то на двадцатой сессии было признано, что Комитет может внести большой вклад в индустриальное развитие государств и в международное сотрудничество, разрабатывая типовые положения для совместных предприятий, с тем чтобы облегчить и ускорить освоение ресурсов различных регионов. В будущем Комитет попытается, кроме того, разработать схемы и юридические обоснования для регионального и субрегионального экономического сотрудничества.

61. И наконец, Генеральный секретарь Комитета принял участие в пятой сессии ЮНКТАД в Маниле, с тем чтобы подчеркнуть значение практического подхода к вопросу о новом международном экономическом порядке.

62. Комитету необходимы поддержка и содействие Комиссии, с тем чтобы он мог играть конструктивную роль в Азии и Африке, и в соответствии с традицией он обязательно предложит Комиссии направить на свою следующую сессию наблюдателя.

63. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, выступая от имени Комиссии, благодарит наблюдателя за его прекрасное сообщение и подчеркивает, насколько важно для Комиссии быть в курсе дел региональных организаций, которые, подобно Афро-азиатскому консультативно-правовому комитету, ведут деятельность в области кодификации международного права и его развития. Ежегодно Комитет рассматривает юридические проблемы, изучаемые Комиссией, и пытается найти для них решения.

64. Касаясь других вопросов, изучаемых Комитетом, председатель выражает свое удовлетворение по поводу открытия двух региональных центров коммерческого арбитража, расположенных в Куала-Лумпуре и Каире, а также их сотрудничества со Всемирным банком через Международный центр по урегулированию инвестицион-

ных споров. Следует также указать на положительные результаты, достигнутые Совещанием экспертов по окружающей среде, проходившим в Дели.

65. Председатель выражает надежду, что сотрудничество между Комитетом и Комиссией будет по-прежнему развиваться.

66. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР говорит, что ему посчастливилось быть наблюдателем Комиссии на Совещании Группы экспертов по вопросам окружающей среды, которое происходило в Дели. Его очень тронул прием, оказанный ему секретариатом Комитета, и, возвращаясь из Дели, он еще лучше осознал то значение, которое имеет для Комиссии активная поддержка региональных организаций во всех ее усилиях.

67. Г-н ТАБИБИ указывает, что он имел честь представлять Комиссию на двадцатой сессии Комитета, проходившей в Сеуле. На него произвело глубокое впечатление качество работы Комитета и организация работы его секретариата. На его взгляд, одной из основных причин успеха Комиссии международного права является содействие, оказываемое ей подобными международными организациями. И действительно, в уставе Афро-азиатского консультативного комитета юристов предусматривается изучение Комитетом вопросов, внесенных в повестку дня Комиссии. Комитету удалось создать два крупных центра торгового арбитража, которые окажут огромную пользу для стран региона, а его исследования в области морского права явятся крупным вкладом в международные переговоры на третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву, которая должна скоро возобновиться.

68. Он был глубоко тронут теплым приемом со стороны секретариата Комитета и радушием правительства Корейской Республики.

Заседание закрывается в 13 час.

1569-е ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник, 16 июля 1979 года, 15 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Цуруока, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение) *
(A/CN.4/318 и Add. 1—4)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ Г-НОМ АГО
(продолжение) **

СТАТЬЯ 31 (Форс-мажор) и

СТАТЬЯ 32 (Непредвиденный случай)

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает г-ну АГО представить раздел 4 (Форс-мажор и непредвиденный случай) главы V (Обстоятельства, исключающие противоправность) его доклада об ответственности государств, в частности статьи 31 и 32 (A/CN.4/318 и Add. 1—4, пункт 153), которые гласят:

Статья 31. Форс-мажор

1. Международная противоправность деяния государства, не соответствующего требованиям международного обязательства, исключается, если автор поведения, присваиваемого государству, находится в условиях абсолютной невозможности действовать иным образом.

2. Международная противоправность деяния государства, не соответствующего требованиям международного обязательства, также исключается, если автор поведения, присваиваемого государству, не располагает другим средством спасения себя или тех, кто сопровождает его, от бедственного положения. Это исключение действительно только в том случае, если данное поведение не создает для других ситуацию соразмерной или еще большей опасности.

3. Предыдущие пункты не применяются, если невозможность выполнить обязательство или бедственное положение вызваны государством, которому присваивается поведение, не соответствующее обязательству.

Статья 32. Непредвиденный случай

Международная противоправность деяния государства, не соответствующего требованиям международного обязательства, исключается, если автор поведения, присваиваемого государству, в результате возникновения внешнего и непредвиденного фактора не может осознать, что его поведение не соответствует международному обязательству.

2. Г-н АГО говорит, что на форс-мажор и непредвиденный случай часто ссылаются как на обстоятельства, исключающие противоправность деяния государства. Однако выражения «форс-мажор» и «непредвиденный случай» не всегда используются авторами в одном и том же смысле, не говоря уже о правительствах, судьях или арбитрах. Иногда, например, выражение «крайняя необходимость» используется в качестве синонима «форс-мажора». Следует уточнить, что ни одно из этих понятий не имеет первоначального смысла; их стали условно использовать для обозначения определенных ситуаций и для отличия их от других. Поэтому необходимо сразу же их уточнить, с тем чтобы избежать всяких недоумений.

3. Прежде всего, форс-мажор и непредвиденный случай отличаются от других обстоятельств, исключающих противоправность, которым посвящена статья 29 (Согласие)¹ и статья 30 (Ответные меры в отношении международно-противоправного деяния)². В случае форс-мажора и непредвиденного случая предыдущее поведение государства, касающееся деяния, непротивоправного международным обязательствам, остается в стороне, как это происходит в случаях, предусмотряемых в статьях 29 и 30: государство не давало своего согласия на совершение этого деяния, не избирало предварительно поведения, представляющего собой международное правонарушение.

4. Труднее провести различие между понятиями форс-мажора и крайней необходимости, однако практика, а также право показывают, что эти понятия, несмотря на свою близость, различаются между собой. Правда, для обоих характерно то, что предшествующее поведение государства, по отношению к которому было совершено деяние, которое необходимо оправдать, не имеет значения. Также правда и то, что в первом и во втором случаях имеется фактор, который заставляет государство действовать в известном смысле против своей воли иначе, чем требуется от него в соответствии с его международным обязательством. Но рассматривая эти понятия глубже, можно констатировать, скорее, наличие крайней необходимости в случаях, когда государство приводит для оправдания своей деятельности, противоправной международным обязательствам, якобы необходимость спасти само государство от серьезной и неминуемой опасности, опасности к возникновению которой это государство не имеет отношения и которую нельзя избежать другим образом. Иногда речь идет не о спасении самого существования государства, а о защите некоторых из его жизненных интересов, например спасении части населения, пострадавшего от стихийного бедствия, путем реквизиции иностранных транспортных средств, или снабжения, или предотвращения банкротства государства путем отсрочки платежей в погашение долгов этого государства. Таким образом, понятие крайней необходимости в любом случае включает два элемента: во-первых, невозможность сохранить иным образом государство или оградить его жизненные интересы от серьезной и неминуемой опасности, а затем бесспорно сознательный характер избранного с этой целью поведения, не соответствующего международному обязательству.

5. Напротив, на форс-мажор ссылаются обычно для оправдания непреднамеренного поведения. Тогда приводится внешний фактор, ставящий государство в условия материальной невозможности действовать иначе, чем оно ведет себя. Так, происходит, например, в случае, когда пилот са-

* Перенесено с 1567-го заседания.

** Перенесено с 1545-го заседания.

¹ См. 1567-е заседание, пункт 1.

² То же.

молета вынужден по причине непогоды или технической неисправности сознательно, однако не желая этого, нарушить воздушное пространство другого государства. Точно так же не поддающиеся контролю силы природы или в результате деятельности человека, бесконтрольной со стороны государства, могут разрушить собственность, которую одно государство обязано было передать другому государству, и помешать ему, таким образом, выполнить свое обязательство.

6. Случаи невозможности действовать в соответствии с международным обязательством можно разделить на случаи «абсолютной» невозможности и случаи относительной невозможности. В отличие от случаев крайней необходимости, когда государство принимает решение действовать в нарушение своего международного обязательства, бывают случаи, когда без всякого сомнения государство оказывается лишенным всякой «физической» возможности действовать в соответствии со своим обязательством. Однако эта невозможность может оказаться менее определенной. Так, например, судно может нарушить морское пространство другого государства, не будучи лишено физической возможности избежать подобного нарушения, потому что, если бы оно действовало в соответствии со своим международным обязательством, оно подвергло бы себя опасности. Однако в подобной ситуации, когда физическая невозможность носит лишь относительный характер, нельзя считать, что лицо, выступающее от имени государства, обладает полной свободой выбора одной из лежащих перед ним альтернатив, которую не без основания требуется выбрать. Вот почему эти случаи отождествляются со случаями абсолютной физической невозможности. При наличии «крайней необходимости» поведение, не соответствующее требованиям международного обязательства, избирается с тем, чтобы оградить от опасности само государство или жизненный интерес этого государства. Напротив, при наличии форс-мажора, вызванного относительной невозможностью действовать в соответствии с международным обязательством, серьезной и неминуемой опасностью, которая определяет образ действий, является опасность, угрожающая личности государственных органов или же вверенным ему лицам.

7. Исходя из доминирующей точки зрения, он ограничил понятие форс-мажора случаями, когда орган оказывается в состоянии абсолютной и физической невозможности действовать иным образом, и случаями, когда этот исполнительный орган может действовать иным образом, лишь подвергая себя серьезной опасности или подвергая серьезной опасности лица, за которых он несет ответственность.

8. Несмотря на свое сходство с понятием форс-мажора, понятие непредвиденного случая, по существующему мнению, отличается от него в значительной степени. И в том и в другом слу-

чае в действие вступает внешний фактор, однако, если в случае форс-мажора государственный орган сознает, что действует иначе, чем требуется от него международным обязательством, при непредвиденном случае он себе в этом отчета не отдает. Для иллюстрации первого случая он указывает на воображаемого пилота самолета, захваченного бурей, вынужденного атмосферными явлениями вторгнуться в воздушное пространство другого государства, несмотря на все усилия избежать этого (абсолютная невозможность), или когда тот же самый пилот решает вместо смертельного случая проникнуть в воздушное пространство другого государства (относительная невозможность). В качестве примера второго случая он приводит ситуацию, когда бортовые приборы выходят из строя, и пилот самолета, летящего в тумане, невольно попадает в воздушное пространство другого государства, на что у него нет разрешения, или когда воздушный патруль при подобных обстоятельствах непреднамеренно оказывается на чужой территории. Форс-мажор действует на волю исполнительного органа, предвещающая события вне зависимости от сознания этого органа.

9. Закончив занятие семантикой, он переходит к юридическому анализу понятий форс-мажора и непредвиденного случая, начав с форс-мажора. В условиях абсолютной невозможности действовать иначе существующий внешний фактор может быть явлением природы или действием людей. Например, государство, обязавшееся передать другому государству определенное имущество, может оказаться не в состоянии выполнить свое обязательство либо потому, что имущество было разрушено в результате стихийного бедствия, либо потому, что оно находится на территории, на которую в данном пункте не распространяется его суверенитет или контроль. Невозможность действовать в соответствии с определенным международным обязательством может носить окончательный или временный характер; в последнем случае деяние, рассматриваемое как международно-правомерное, явно становится противоправным с прекращением временной ситуации.

10. Хотя в ходе подготовки к Конференции по кодификации международного права (Гаага, 1930 год) вопрос о форс-мажоре и непредвиденном случае не затрагивался, интересную информацию в этой связи можно найти в ответах некоторых правительств на вопрос, касающийся ответственности государства за действия исполнительной власти. Так, например, правительство Швейцарии выдвинуло два исключения, снимающих с государства ответственность за действия исполнительной власти: непредвиденный случай и форс-мажор³. Следует отметить, что эта Конференция проявляла особый интерес к ответственности государства за ущерб, причиненный личности иностранцев и их собственности и, следовательно, в

³ См. A/CN.4/318 и Add.1—4, пункт 108.

основном касалась невозможности выполнения превентивных обязательств. Вот почему не раз утверждалось, что государство должно нести ответственность за непринятие превентивных мер, если только обстоятельства форс-мажорного характера не лишили государство всякой возможности принять требующиеся превентивные меры.

11. Еще в 1966 году Комиссия квалифицировала форс-мажор, понимаемый как реальная невозможность выполнить обязательство, в качестве обстоятельства, исключающего ответственность государства. В своем комментарии к статье 58 проекта статей по праву договоров она подчеркнула, что исчезновение или необратимое разрушение предмета, необходимого для выполнения договора, может использоваться в качестве причины прекращения или приостановки действия договора, если при этом его выполнение становится окончательно или временно невозможным⁴.

12. В качестве примеров из практики абсолютной невозможности действовать в соответствии с международным обязательством он приводит в своем докладе сначала случай о споре, возникшем между Соединенными Штатами Америки и Югославией в связи с пролетом над территорией Югославии американских самолетов⁵. Из переписки между этими двумя государствами видно, что лишь случаи физической невозможности выполнения международного обязательства будут рассматриваться ими как обстоятельство, исключающее противоправность. Что касается статьи 14 Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне, то в ней провозглашается право мирного прохода судов всех государств через территориальное море иностранного государства, однако уточняется, что этот проход включает право на остановку и стоянку на якорю лишь в тех случаях, когда остановка или стоянка на якорю происходит непредвиденно или необходима в силу действия форс-мажора или бедствия⁶. Под «форс-мажором» следует понимать абсолютную физическую невозможность, а под «бедствием» — относительную невозможность. В пункте 2 статьи 18 «Неофициального сводного текста по переговорам/Rev.1», составленного в апреле 1979 года к восьмой сессии третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву, содержится аналогичное положение, в котором, однако, выражение «*gelâche forcée*» было заменено словами «*force majeure*»⁷.

13. Помимо обязательств не совершать определенных действий, абсолютная невозможность выполнить международное обязательство может затрагивать обязательства о деянии об избрании определенного положительного поведения. Так, в результате подписания Версальского договора Германия обязалась поставлять Франции опреде-

ленное количество угля в год. Однако в 1920 году немецкие поставки угля значительно отставали от предусмотренных показателей. Германия заявила, что ввиду своих собственных внутренних потребностей она физически не может выполнить свое обязательство. Франция не признала наличия абсолютной невозможности, подразумевая косвенно, что в случае абсолютной невозможности поведение в этом конкретном случае, не соответствующее данному международному обязательству, не было бы противоправным, поскольку существовал бы форс-мажор⁸. В ходе греко-болгарского спора, упомянутого им в своем докладе⁹, наличие форс-мажора было в конечном счете признано.

14. Роли форс-мажора как обстоятельства, исключающего противоправность поведения, не соответствующего международному обязательству, было также уделено внимание в связи с неуплатой государственных долгов. В своем докладе он приводит три дела, представленных на рассмотрение Постоянной Палаты Международного Правосудия: дело *о займах Сербии*, дело *о займах Бразилии* и дело *о торговой компании Бельгии*¹⁰. В каждом из этих случаев стороны не оспаривали принципа, в соответствии с которым подлинная ситуация форс-мажора или по крайней мере ситуация абсолютной невозможности выполнить международное обязательство представляет собой обстоятельство, исключающее противоправность невыполнения принятого обязательства.

15. Форс-мажор как обстоятельство, исключающее противоправность, был также упомянут в связи с особой категорией обязательств о совершении определенных действий, названных превентивными обязательствами. В этой связи г-н Аго отослал членов Комиссии к замечаниям по делу *о проливе Корфу* и делу *Пратса*, которые были сформулированы им в докладе¹¹.

16. В целом авторы единодушно признают, что противоправность поведения государства исключается, если последнее находится в условиях абсолютной и физической невозможности избрать поведение, отличное от его собственного в конкретном случае, которое не соответствует принятому им международному обязательству.

17. Что касается проектов области кодификации, то следует упомянуть проект, разработанный для Комиссии Гарсиа Амадором, и проект, разработанный Грэфратом и Штейнигером. В соответствии с одним из положений первого проекта

«Действие или упущение не вменяется в вину государству, когда оно вызвано форс-мажором, который препятствует государству выполнить

⁴ Там же, пункт 109.

⁵ Там же, пункт 112.

⁶ Там же, пункт 113.

⁷ Там же.

⁸ Там же, пункт 114.

⁹ Там же, пункт 115.

¹⁰ Там же, пункты 117—120.

¹¹ Там же, пункты 121 и 122.

конкретное международное обязательство, и не является результатом действия или упущения органов или служащих данного государства»¹².

Во втором проекте предусматривается, что обязательство о выплате компенсации перестает существовать, если действует форс-мажор или существует крайняя необходимость¹³.

18. Необходимо уточнить, что ситуация абсолютной невозможности выполнить определенное международное обязательство должна существовать в самый момент избрания государством поведения, не соответствующего этому обязательству. Точно так же как обязательство должно существовать в момент совершения нарушения, так и обстоятельство, исключающее противоправность поведения, должно существовать в этот же момент. Это условие имеет особое значение в случае, когда деяния не носят мгновенного характера. В случае, когда поведение обладает протяженностью во времени, форс-мажор исключает противоправность этого поведения, пока он существует, однако с прекращением форс-мажора это поведение становится противоправным.

19. Ситуация относительной невозможности иногда именуется «бедствием»; как он уже указал, она подразумевает наличие серьезной опасности для самой жизни органа, который обязан обеспечивать соблюдение международного обязательства своего государства. Инциденты, происшедшие в 1946 году между Югославией и Соединенными Штатами Америки, изложенные в пункте 130 его доклада документа, являются примером случая относительной невозможности. Два упомянутых правительства признали, что нарушение границ воздушного пространства оправданно, когда это вызвано абсолютной необходимостью или когда целью этого является спасение самолета и его пассажиров. Эти же принципы были подтверждены и в случаях нарушения морских границ, как следует из спора, возникшего в 1975 году между английским и исландским правительствами, который изложен в пункте 131 упомянутого доклада. Кроме того, в пункте 2 статьи 18 текста к переговорам по морскому праву¹⁴ предусматривается в рамках мирного прохода случай, когда судно производит остановку «с целью оказания помощи лицам, судам или летательным аппаратам, находящимся в опасности или терпящим бедствие». В этом положении, как и в Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне или международных конвенциях о предотвращении загрязнения морской среды, бедствие рассматривается как обстоятельство, исключающее противоправность поведения, противоречащего международному обязательству.

20. Следует также подчеркнуть, что противоправность действия или упущения, не соответ-

ствующих международному обязательству, может быть исключена лишь при наличии сопоставимости между интересами, защищаемыми этим действием или упущением, и интересами, которые должны быть обеспечены по обязательству. Не может быть оправдано поведение, которое ради спасения жизни одного человека или небольшой группы лиц поставило бы под угрозу жизнь гораздо большего числа людей. Так произошло бы, если бы военный самолет с боеприпасами совершил непредвиденную посадку, которая может закончиться катастрофой.

21. Для подведения итога дискуссии о понятии непредвиденного случая он уточняет, что под ним подразумевается ситуация, при которой государственный орган оказывается в силу внешних и неопределенных факторов лишенным возможности осознать, что его поведение не соответствует международному обязательству, принятому государством. Несколько примеров непредвиденных случаев даны в его докладе¹⁵.

22. Проект статьи 31, посвященный форс-мажору, разделен на три пункта. Первый пункт касается абсолютной и физической невозможности действовать в соответствии с международным обязательством; во втором пункте речь идет об относительной невозможности и сделан упор на необходимость соблюдения соответствия между опасностью, которой подвергается автор поведения, и опасностью, которую представляет его поведение; в третьем пункте рассмотрен случай, когда невозможность выполнить обязательство или ситуации бедствия вызваны государством, которому может быть присвоено поведение, не соответствующее обязательству. Проект статьи 32 состоит из одного пункта, относящегося к непредвиденному случаю.

23. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ благодарит г-на Аго за подробное и хорошо документированное представление новых статей, которые он предлагает.

Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (продолжение) (A/CN.4/322 и Corr.1 и Add.1 и 2, A/CN.4/L.299/Rev.1)

[Пункт 3 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ (продолжение)

СТАТЬИ 1—23 (продолжение)

СТАТЬЯ 16 (Государственный долг)¹⁶ (окончание)

24. Г-н НДЖЕНГА говорит, что если не считать подпункта *b*, то текст статьи 16, предложенный Редакционным комитетом, явно превосходит по качеству вариант, который был ему направлен, поскольку подпункт *a* касается исключительно международных финансовых обязательств. На-

¹² Там же, пункт 124.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, пункт 113.

¹⁵ Там же, пункты 138—149.

¹⁶ Текст статьи см. 1568-е заседание, пункт 3.

против, текст подпункта *b*, в котором речь идет непосредственно о «любом ином принятом государством финансовом обязательстве», порождает неуверенность в отношении точной сферы применения всего положения. Например, заработная плата, которую государство должно выплатить своим чиновникам, представляет финансовое обязательство данного государства. Не собираясь утверждать, что государство-преемник не должно выполнять финансовые обязательства перед своими гражданами или иностранцами, он сомневается, следует ли включать в текст, кодифицирующий международное право, столь широкое положение, которое охватывает финансовые обязательства внутреннего характера, регулируемые другими правилами права. Сохранение подпункта *b* даст такой же результат, что и изъятие прилагательного «международное», заключенного в квадратные скобки в бывшей статье 18. Необходимо дать некоторые пояснения по поводу подпункта *b*, и если они будут убедительны, их нужно будет включить в комментарий.

25. Г-н УШАКОВ говорит, что в принципе государственные долги включают не только финансовые обязательства одного государства по отношению к другому субъекту международного права; они включают другие финансовые обязательства государства, например суммы, взятые в долг государством у своих собственных граждан или иностранных физических или юридических лиц. При правопреемстве государств возникает вопрос об этих государственных долгах, однако он решается в рамках внутреннего права, а не международного, поскольку правила международного права применимы лишь к отношениям между субъектами международного права. Таким образом, разрабатываемые проекты статей применимы лишь к государственным долгам, понимаемым как «любое финансовое обязательство государства в отношении другого государства, международной организации или любого иного субъекта международного права», за исключением других финансовых обязательств государства, которые входят в сферу внутреннего права.

26. Он отмечает, что, с другой стороны, нарушение правил, касающихся перехода государственных долгов, порождает международную ответственность. Однако в отношении лиц, не являющихся субъектами международного права, международная ответственность существовать не может. Поэтому статьи, касающиеся перехода государственных долгов, должны распространяться лишь на финансовые обязательства государства в отношении других субъектов международного права.

27. Он с готовностью соглашается с общим положением, содержащимся в пункте 1 статьи 18 (бывшая статья 29)¹⁷, в которой ограждаются права всех кредиторов. Однако, помимо этого

¹⁷ То же.

общего положения, он не считает необходимым заниматься другими обязательствами, помимо тех, которые были приняты государством в отношении субъектов международного права. Поэтому он выступает за изъятие подпункта *b* статьи 16.

28. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) говорит, что в ответ на замечания г-на Ндженги ему, возможно, придется высказаться в ином качестве, чем Председателю Редакционного комитета.

29. Некоторые члены Комиссии считают, что существует очевидная связь между переходом государственной собственности как актива государства и переходом государственных долгов как обязательств государства. Эта связь устанавливается, например, в пункте 2 статьи 19¹⁸, в котором предусматривается, что государственные долги государства-предшественника переходят к государству-преемнику в справедливой доле и упоминаются в этой связи «имущество, права и интересы», которые переходят к государству-преемнику в связи с упомянутыми государственными долгами. В пункте 1 статьи 20¹⁹ и в пункте 1 статьи 22²⁰ содержатся аналогичные положения. Кроме того, в проектах статей предусматривается, что за исключением случаев, когда государство-предшественник перестает существовать, переход государственных долгов к государству-преемнику не происходит автоматически, а является предметом соглашения между государством-предшественником и государством-преемником. Необходимо также учитывать тот факт, что переход государственных долгов не изменяет и не может изменить режим, применяемый к этим долгам. При правопреемстве государств долги, являвшиеся долгами в соответствии с системой внутреннего права, остаются долгами в соответствии с той же системой внутреннего права. Проекты статей, касающиеся государственных долгов, затрагивают переход долгов, а не режим, которому подчинены эти долги; они никак не затрагивают крайне спорного вопроса об ограничениях, налагаемых международным правом на государства в их подходе к задолженности иностранцам.

30. И наконец, в пункте 2 статьи 20 предусматривается, что при возникновении нового независимого государства соглашение с государством-предшественником не должно наносить ущерба принципу постоянного суверенитета каждого народа над своими богатствами и природными ресурсами и что его выполнение не должно угрожать основным экономическим связям нового независимого государства — положение, имеющее огромное значение, если данное соглашение охватит все государственные долги.

¹⁸ То же.

¹⁹ То же.

²⁰ То же.

31. Г-н НДЖЕНГА выражает благодарность Председателю Редакционного комитета за его пояснения. Он полагает, однако, что подпункт *b*, где предпринимается попытка урегулировать в соответствии с международным правом вопросы, относящиеся к сфере внутреннего права, может породить практические затруднения. Возможно, Редакционный комитет пожелает позднее рассмотреть возможности замены этого подпункта предохранительным положением, в котором бы предусматривалось, что положения первой части статьи «не наносят ущерба никакому другому финансовому обязательству государства».

32. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает указать в комментарии, что подпункт *b* проекта статьи 16 не получил одобрения всех членов Комиссии.

Предложение принимается

Статья 16 принимается.

СТАТЬЯ 17 (Обязательства государства-преемника в отношении переходящих к нему государственных долгов)²¹

Статья 17 принимается.

СТАТЬЯ 18 (Последствия перехода государственных долгов для кредиторов)²²

33. Г-н ЦУРУОКА интересуется, какая связь существует между пунктом 1 статьи 18 и подпунктом *a* статьи 2, включенным в проект по непонятным для него причинам. Ему, в частности, не понятно, какой смысл имеют использованные в этом подпункте выражения «последствия этого соглашения» и «другими подлежащими применению правилами», которые являются, на его взгляд, крайне двусмысленными. Ему не понятно, почему речь идет о «последствиях», а не о юридических последствиях. Какие последствия имеются в виду: экономические, социальные или политические? Он спрашивает также, каковы «другие подлежащие применению правила», о которых идет речь в подпункте *a*. Включают ли они правило, изложенное в пункте 1 статьи 18? В этом случае, если последствия соглашения не соответствуют правилу, сформулированному в пункте 1 (иначе говоря, если они наносят ущерб правам и обязанностям кредиторов), может ли государство-предшественник или одно или несколько государств-преемников в зависимости от обстоятельств сослаться на соглашение в споре с третьим государством или международной организацией, требующими уплаты долга?

34. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ предлагает заменить в начале пункта 1 слова «the succession» на слова «a succession» по образцу пунктов 9 и 17.

35. По поводу пункта 2 сэр Фрэнсис говорит, что он сталкивается в известной степени с теми

же трудностями, что и г-н Цуруока, однако, на его взгляд, избранную позицию можно оправдать. В то время как пункт 1 статьи касается правопреемства государства как такового, пункт 2 применяется к соглашению между государством-предшественником и государством-преемником. Поэтому подпункт *a* пункта 2 касается не последствий правопреемства государств как таковых, а последствий соглашения; отсюда следует, что выражение «с другими подлежащими применению правилами статей настоящей части» отсылает не к пункту 1, а к тем положениям проекта, которые относятся к содержанию соответствующего договора. Сэр Фрэнсис хотел бы узнать, разделяет ли Председатель Редакционного комитета эту точку зрения.

36. Г-н УШАКОВ также считает, что в пункте 1 статьи 18 перед словами «succession of States» было бы лучше использовать неопределенный артикль, поскольку в статьях 11 и 12 Венской конвенции 1978 года²³ содержится выражение «a succession of States».

37. Он предлагает заменить в подпункте *a* пункта 2 слова «с другими подлежащими применению правилами статей» на слова «с положениями других статей».

38. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) ссылаясь на вопрос, поставленный г-ном Цуруокой, говорит, что, на его взгляд, пункт 2 статьи 18 касается не ситуации кредиторов, которая регулируется пунктом 1, а возможности сослаться на соглашение о переходе государственных долгов во взаимоотношениях с третьим государством или международной организацией. Однако эта возможность будет существовать лишь в том случае, если будет выполнено одно из двух условий, изложенных в подпунктах *a* и *b* пункта 2. В связи с подпунктом *a* пункта 2 последствия соглашения следует оценивать с точки зрения принципов, изложенных в статьях, следующих за статьей 18, включая, например, принцип справедливой доли (пункт 2 статьи 19 и пункт статьи 22) и принципы, в соответствии с которыми запрещаются нанесение ущерба принципу постоянного суверенитета каждого народа над его естественными богатствами и ресурсами и подрыв основ экономического благосостояния нового независимого государства (пункт 2 статьи 20). По его мнению, в формулировке «другими подлежащими применению правилами», которая содержится в подпункте *a* пункта 2, подразумеваются именно эти принципы.

39. В отношении формулировки статьи он предлагает, что предложенная сэром Фрэнсисом Вэллетом поправка к пункту 1 послужит ее улучшению. Можно было бы также согласиться с поправкой, предложенной г-ном Ушаковым, к подпункту *a* пункта 2.

²¹ То же.

²² То же.

²³ См. 1568-е заседание, сноска 3.

40. Г-н ЦУРУОКА благодарит Председателя Редакционного комитета за его пояснения. Он выражает, однако, надежду, что во втором чтении формулировка статьи 18 будет улучшена. Его сомнения будут отчасти рассеяны, если в подпункте *a* пункта 2 слова «другими... правилами» будут заменены словами «всеми... правилами» или же словами «всеми... положениями».

41. Г-н РЕЙТЕР не возражает против замены в первом пункте перед словами «правопреемство государств» определенного артикля на неопределенный артикль, однако отмечает, что к этому вопросу следует возвратиться при окончательном утверждении проекта, с тем чтобы привести в соответствие друг с другом статьи 6, 9 и 17, где иногда говорится «*the succession of States*», а иногда «*a succession of States*».

42. Г-н УШАКОВ отмечает, что положения статей 19, 22 и 23²⁴ не применимы к последствиям соглашения, заключенного между государством-предшественником и государством-преемником по поводу перехода государственных долгов, поскольку в соответствии с этими положениями возможен любой договор. Единственным положением, ограничивающим сферу применения соглашения, является положение, содержащееся в пункте 1 статьи 20.

43. Г-н ФЕРОСТА не понимает причину, по которой в состав подпункта *a* пункта 2 статьи 18 было включено слово «другими».

44. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР считает, что формулировка «другими, подлежащими применению правилами» охватывает и другие правила, помимо того, в соответствии с которым государство-предшественник и государство-преемник могут заключать соглашения, которые они сочтут уместными. Необходимо исключить это последнее правило, используя слово «другими» при условии, что если при заключении между государством-преемником и государством-предшественником соглашения реализуются условия, то на самом деле никакого условия не существует. Возможно, из всего этого вытекает необходимость пересмотра данного положения.

45. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает указать в комментарии, что некоторые члены Комиссии подвергли проект статьи 18 критике.

Предложение принимается.

Статья 18 принимается.

Заседание закрывается в 18 час. 05 мин.

²⁴ Текст статей см. 1568-е заседание, пункт 3.

1570-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 17 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Цуруока, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (окончание) (A/CN.4/322 и Согг.1 и Add.1 и 2, A/CN.4/L.299/Rev.1 и Rev.1/Add.1)

[Пункт 3 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ (окончание)

СТАТЬИ 1—23 (окончание)

РАЗДЕЛ 2 (Положения, относящиеся к различным типам правопреемства государств)

Название раздела 2 принимается.

СТАТЬЯ 19 (Трансферт части территории государства)¹

Статья 19 принимается.

СТАТЬЯ 20 (Новое независимое государство)²

1. Г-н РЕЙТЕР делает оговорку по поводу статьи 20. Он понимает, что из этой статьи вытекает обязательство заключить соглашение на основе упомянутых в ней принципов, но он считает, что формулировка статьи недостаточно ясно передает эту мысль.

2. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила принять название и текст проекта статьи 20 с учетом оговорки, сформулированной г-ном Рейтером.

Предложение принимается.

СТАТЬЯ 21 (Объединение государств),

СТАТЬЯ 22 (Отделение части или частей территории государства) *и*

СТАТЬЯ 23 (Разделение государства)³

Статьи 21, 22 и 23 принимаются.

¹ Текст статьи см. 1568-е заседание, пункт 3.

² То же.

³ То же.

СТАТЬИ А и С

3. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Председателю Редакционного комитета представить проекты статей А и С о государственных архивах, принятые Редакционным комитетом (А/CN.4/L.299/Rev.1/Add.1), которые гласят:

Статья А. Государственные архивы

Для целей настоящих статей «государственные архивы» означают совокупность любого рода документов, которые на момент правопреемства государств принадлежали согласно внутреннему праву государства-предшественника этому государству и хранились им как государственные архивы.

Статья С. Новое независимое государство

1. Когда государство-преемник является новым независимым государством:

- а) архивы, принадлежащие территории, затрагиваемой правопреемством государств, и ставшие в период зависимости государственных архивами государства-предшественника, переходят к новому независимому государству;
- б) часть государственных архивов государства-предшественника, которая в целях нормального управления территорией, затрагиваемой правопреемством государств, должна находиться на этой территории, переходит к новому независимому государству;

2. Переход или подходящее воспроизведение частей государственных архивов государства-предшественника, иных, чем указанные в пункте 1, и представляющих интерес для территории, затрагиваемой правопреемством государств, регулируются соглашением между государством-предшественником и новым независимым государством таким образом, чтобы каждое из этих государств могло самым широким и справедливым, насколько это возможно, образом извлекать пользу из этих частей государственных архивов.

3. Государство-предшественник предоставит новому независимому государству достоверные сведения о наличии в его государственных архивах документах, которые касаются титулов на территорию нового независимого государства или его границ, или которые необходимы для выяснения смысла документов государственных архивов, переходящих к новому независимому государству в силу положений статей настоящей части.

4. Пункты 1—3 применяются, когда новое независимое государство образовано из двух или нескольких зависимых территорий.

5. Пункты 1—3 применяются, когда зависимая территория становится частью территории государства, иного, нежели государство, которое несло ответственность за ее международные отношения.

6. Соглашения, заключенные между государством-предшественником и новым независимым государством в отношении государственных архивов государства-предшественника, не должны наносить ущерб праву народов этих государств на развитие, на информацию об их истории и их культурному достоянию.

4. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) отмечает, что Редакционный комитет не смог решить, следует ли проекты статей А и С включить в часть II проекта, касающуюся государственной собственности, или же они должны стать предметом новой части IV. Он пришел,

наконец, к выводу, что этот вопрос входит в компетенцию самой Комиссии. Поэтому он сохранил структуру, предложенную Специальным докладчиком в своем докладе, и представил эти два проекта статей в виде добавления (А/CN.4/L.299/Rev.1/Add.1) к документу, содержащему статьи 1—23.

5. В статье А содержится определение понятия «государственных архивов» и, как и в статье 5⁴, дающей определение понятия «государственной собственности», сделана ссылка на внутреннее право государства-предшественника. Однако, в отличие от статьи 5, в нее были включены слова «и хранились им [государством-предшественником] как государственные архивы» с тем, чтобы ясно показать, что правило отсылки к внутреннему праву касается лишь собственности на архивы, а не их сохранение в качестве государственных архивов. Это сделано для того, чтобы не допустить исключения недавних государственных документов, которые в соответствии с законами некоторых стран, могут считаться государственными архивами лишь по прошествии определенного периода времени, из сферы применения проекта. Комиссия также обратила внимание на то, что во французском тексте статьи 5 и статьи А употреблено слово «*appartenaient*», в то время как в английском варианте статьи 5 использованы слова «*were owned*», а в статье А — «*belonged to*». Было найдено, что последнее выражение более подходит для архивов. Слово «документы» включает также любые другие материалы, помимо бумаги, что необходимо отметить в комментарии.

6. Статья С, озаглавленная «новое независимое государство», была скопирована со статьи 11⁵ части II проекта, касающейся государственной собственности, однако имеет в основном ту же формулировку, что и статья С, предложенная Специальным докладчиком⁶. В подпункте а пункта 1 излагается применительно к архиву то же правило, что и в подпункте а пункта 1 статьи 11 в отношении движимого имущества. Подпункт б пункта 1 касается государственных архивов, необходимых для управления заинтересованной территорией. Первоначальная формулировка Специального докладчика «административные и технические архивы, связанные с деятельностью государства-предшественника в отношении территории», была заменена словами, «которая в целях нормального управления территорией... должна находиться на этой территории», с тем чтобы исключить необходимость определения понятия «административных и технических архивов» и добиться большей точности путем применения критерия присутствия на территории вместо одного лишь критерия связи с территорией. Пункт 2 первоначального текста был опущен, поскольку

⁴ То же.

⁵ То же.

⁶ См. 1563-е заседание, пункт 21.

он касался не правопреемства государств, а отношений сотрудничества между двумя государствами после перехода государственных архивов. Новый пункт 2 является видоизмененным вариантом первоначального пункта 3. Помимо некоторых изменений, внесенных ради достижения точности, Комиссия добавила слова «или подходящее воспроизведение» в целях содействия возможному обмену между государствами подобными копиями. Новый пункт 3 был составлен с учетом потребностей нового независимого государства располагать достоверными сведениями о документах, касающихся его территориального суверенитета или необходимых для выяснения смысла перешедших к нему государственных архивов. Пункты 4 и 5, являющиеся упрощенными вариантами пунктов 4 и 5 первоначального текста, соответствуют пунктам 2 и 3 статьи 11. Внесенные в пункты 4 и 5 изменения, которые затронули лишь форму, а не содержание этих положений, можно было бы пожалуй включить и в статью 11. Пункт 6 является несколько видоизмененным вариантом первоначального пункта 6. Помимо некоторых чисто редакционных изменений, Комитет добавил упоминание о праве народов заинтересованных государств на развитие, что соответствует пожеланиям, выраженным членам Комиссии.

7. И наконец, Редакционный комитет рассмотрел вопрос о временном применении проекта статей, учитывая положения статьи 7 Венской конвенции 1978 года⁷. Было принято решение не составлять проект статьи по этому вопросу, а передать его Комиссии.

8. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии высказаться сначала по поводу формулировки проектов статей А и С, представленных Председателем Редакционного комитета, а затем двух общих вопросов, поставленных Председателем Редакционного комитета, — о месте, которое должны занимать статьи о государственных архивах в проекте статей в целом и о применении проекта статей во времени.

СТАТЬЯ А⁸ (Государственные архивы)⁹

9. Г-н БАРБОСА не может согласиться с определением, содержащимся в статье А, которое тавтологично и, следовательно, лишено смысла. Кроме того, данная формулировка отсылает к внутреннему праву не только для установления, какие документы принадлежат государству-предшественнику, но также с целью формулирования самого определения. Было бы желательно определить сначала архивы, исходя из их составного элемента, а именно самих документов, из понятия архивных фондов, образованных государством

⁷ См. 1568-е заседание, сноска 3.

⁸ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1560—1562-е заседания и 1563-е заседание, пункты 2—20.

⁹ Текст статьи см. пункт 3, выше.

или частным лицом. Определив архивы таким образом, можно было бы уточнить, что речь идет об архивах, которые в соответствии с внутренним правом государства-предшественника принадлежали этому государству. Подобное определение будет точнее отражать взгляды членов Комиссии.

10. Г-н РЕЙТЕР полностью разделяет точку зрения г-на Барбосы.

11. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР, присоединяясь к замечаниям г-на Барбосы, заявляет, что прения Редакционного комитета показали, насколько трудно найти формулировку, точно отражающую намерения, с которыми было составлено определение. Например, такое выражение, как «public records», широко используемое в действующей правовой системе его страны — Новой Зеландии, не обязательно будет иметь точный смысл для лиц, привыкших к другим системам права. Поэтому можно полагать, что Комиссия извлечет большую пользу из замечаний, которые сформулируют правительства.

12. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ отмечает, что хотя Редакционный комитет прекрасно справился с работой над проектом статей, но изучение Комиссией вопроса о государственных архивах не настолько продвинулось вперед, чтобы он мог безоговорочно одобрить текст, предложенный для статей А и С. Не возражая против этих проектов, он, как и г-н Квентин-Бакстер, считает, что Комиссия извлекла бы большую пользу из замечаний, которые смогут сформулировать на данном этапе правительства не только в связи с самим понятием архивов, но также по вопросу о том, должны ли архивы составлять просто предмет одной общей статьи или же эта общая статья должна быть дополнена статьями, посвященными конкретным случаям. Сэр Фрэнсис воздержится поэтому на данном этапе от формулирования подробных замечаний по вопросу о государственных архивах, однако он подчинится воле Комиссии, если она вознамерится утвердить статьи А и С на нынешней сессии.

13. Г-н УШАКОВ считает статью А приемлемой как первую попытку определения понятия государственных архивов. Однако он также воздержится от изложения своей позиции в отношении этой статьи, поскольку часть проекта, касающаяся государственных архивов, еще не закончена, и было бы преждевременно высказывать окончательное мнение об определении понятия государственных архивов в первом чтении.

14. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии утвердить название и текст проекта статьи А, указав в комментарии, что она пересмотрит эту статью с учетом мнений, выраженных правительствами на Генеральной Ассамблее.

Предложение принимается.

СТАТЬЯ С¹⁰ (Новое независимое государство)¹¹

15. Г-н ФЕРОСТА отмечает, что слова «или которые необходимы для выяснения смысла документов государственных архивов, переходящих к новому независимому государству», содержащиеся в пункте 3 статьи С, подтверждают, что определения, содержащегося в статье А, недостаточно, поскольку требуется уточнить смысл понятия государственных архивов. Он полагает, что Специальному докладчику следовало бы направить государствам вопросник, чтобы узнать, что они понимают под «государственными архивами».

16. Г-н РЕЙТЕР считает, что в начале пункта 2 слово «или» следовало бы заменить словом «и», поскольку в случае, когда архивы представляют общий интерес для государства-предшественника и государства-преемника, каждое из двух государств вправе потребовать воспроизведение архивов, переходящих к другому государству. Таким образом, архивы государства-предшественника, переходящие к новому независимому государству, также должны быть воспроизведены, чтобы, как предусмотрено в пункте 2, «каждое из этих государств могло самым широким и справедливым, насколько это возможно, образом извлекать пользу из этих частей государственных архивов».

17. Пункт 6 не совсем соответствует намерениям членов Редакционного комитета и Комиссии, которые не стремились создавать правило *jus cogens*. Поэтому, на его взгляд, было бы лучше использовать позитивную формулировку и заменить слова «не должны наносить ущерба праву народов» словами «должны соблюдать право народов».

18. Г-н БАРБОСА отмечает, что формулировка «title to the territory», содержащаяся в пункте 3 английского текста, была переведена на испанский язык словами «el dominio sobre el territorio». Однако слово «dominio» употребляется обычно в связи с понятиями внутреннего права, и ему не известен ни один случай, когда бы этот термин использовался в связи с территорией, как она понимается в международном праве. Поэтому он считает, что слова «titulo sobre el territorio» более соответствовали бы английскому тексту, однако он готов поддержать любую другую удовлетворительную формулировку, которую сможет предложить секретариат.

19. Г-н РЕЙТЕР говорит, что во французском языке слово «domaine» обозначает не государственную территорию, а режим государственной собственности. Поэтому в пункте 3 Комиссия может воспользоваться одним из двух решений:

¹⁰ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1563-е заседание, пункты 21 и далее, и 1564—1565-е заседания.

¹¹ Текст статьи см. пункт 3, выше.

либо сохранить французскую терминологию и использовать выражение «domaine de l'Etat nouvellement indépendant», либо привести французский текст в соответствие с английским текстом и использовать формулировку «titres territoriaux de l'Etat nouvellement indépendant».

20. Г-н УШАКОВ считает, что слово «или» в начале пункта 2 следует сохранить, поскольку без перехода не может быть воспроизведения. Он считает также, что слово «arragiate» относится одновременно и к переходу и к воспроизведению.

21. Что касается пункта 3, то он предлагает принять пока английский текст, который является оригиналом, а затем привести французский и испанский тексты в соответствие с английским.

22. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) говорит, что Редакционный комитет принял пункт 3 в его английском варианте и что перевод характерных для английской юридической системы понятий на другие языки порождает трудности. Однако проблема, связанная с переводом, может быть в дальнейшем разрешена секретариатом в консультации с членами Комиссии, говорящими на испанском и французском языках.

23. Пункт 3 состоит из двух различных частей. Первая, касающаяся возможной потребности нового независимого государства в подтверждении его суверенитета над территорией, имеет форму обязательства, возлагаемого на государство-предшественник, предоставить новому независимому государству достоверные сведения из документов, находящихся в его государственных архивах. Во второй части предусматривается возможность того, что часть архивов, перешедших к новому независимому государству, связана с документами, которые не были переданы ему, и что она может быть полностью понята лишь в случае передачи ему достоверных сведений из этих документов. По мнению г-на Рифагена, формулировка «достоверные сведения» относится таким образом к первой части пункта, а не ко второй.

24. В отношении предложения г-на Рейтера заменить во французском тексте пункта 2 слово «или» словом «и» или «а также» он подчеркивает, что в этом пункте предусматривается, что независимо от случаев, когда архивы автоматически переходят к новому независимому государству в своем первоначальном виде, заинтересованные государства смогут выбирать между переходом архивов или их воспроизведением. С этой точки зрения, как он считает, формулировка пункта является правильной.

25. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР считает нужным указать, что в английском варианте — а он считает, что так же обстоит дело и во французском варианте, — выражение «best available evidence» («наилучшее имеющееся доказательство») явно

относится к документам, касающимся титулов на территорию нового независимого государства или его границ и архивов, которые уточняют смысл документов государственных архивов, которые должны перейти к нему. Например, если документальные свидетельства, полученные в ходе судебного процесса в государстве-преемнике, являются неполными или не поддаются толкованию, суд не удовлетворится одними лишь сведениями о содержании других документов, имеющих отношение к делу; он потребует подтверждения этих документов, например, в виде заверенной фотоконии с подлинника. Такова цель положения.

26. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) говорит, что, хотя титулы на территорию государства или его границы могут стать причиной судебного процесса, то же самое нельзя сказать о предмете второй части пункта, а именно о необходимости знать содержание других документов независимо от свидетельства об их наличии, с тем чтобы уточнить смысл архивных документов, перешедших к новому независимому государству. Поэтому вторая часть пункта имеет, по-видимому, несколько более широкую сферу применения чем обеспечение доказательств в правосудии.

27. Г-н УШАКОВ предлагает заменить в конце пункта 3 слова «в силу положений статей настоящей части» словами «в силу положений настоящей статьи», поскольку в случае перехода государственных архивов к новому независимому государству применяются лишь положения статьи С.

28. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС полагает, что формулировка «достоверные сведения» является весьма неясной в данном контексте, по крайней мере в испанском варианте. Речь идет не столько о доказательстве наличия документа, сколько о получении по возможности наилучшей копии для использования ее в качестве доказательства. Возможно, наилучшим решением было бы обратиться к Секретариату с просьбой привести испанский и французский варианты в соответствие с английским вариантом.

29. Г-н РИФАГЕН говорит, что, по его мнению, г-н Ушаков предложил изменения, которые улучшат проект.

30. Что касается замечания г-на Диас Гонсалеса, то лишь компетентному трибуналу принадлежит право определять, что представляют собой достоверные сведения, и заявлять, например, сможет ли он удовлетвориться заверенной копией. Однако он признает, что установление единообразия между вариантами должно быть представлено Секретариату.

31. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ предлагает в целях устранения любых сомнений в отношении содержания пункта 3 поставить двоеточие после слов «государственные архивы государства-предшест-

венника» и разбить остальную часть пункта на два подпункта: *a* и *b*. Это бы соответствовало структуре статей 34 и 35 Венской конвенции 1978 года.

32. Г-н ФЕРОСТА полностью одобряет это предложение, хотя сомнения, высказанные им перед Редакционным комитетом по поводу второй части пункта, сохраняются.

33. Г-н НДЖЕНГА говорит, что предложение о разбивке пункта 3 в соответствии с предложением сэра Фрэнсиса Вэллета может привести к возникновению серьезных трудностей. Он не сможет согласиться с этим, если в результате вторая часть пункта не будет касаться архивных документов, имеющих отношение к титулам государства. При нынешнем положении вещей было бы лучше этот пункт не изменять.

34. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ уточняет, что предложенное им изменение как раз и дало бы желаемый для г-на Ндженги результат: иными словами, формулировка подпункта *b* носила бы исключительно общий характер.

35. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила заменить в пункте 3 слова «в силу положений статей настоящей части» словами «в силу положений настоящих статей».

Предложение принимается.

Статья С с внесенными в нее изменениями принимается.

МЕСТО СТАТЕЙ А И С В ПРОЕКТЕ

36. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ приглашает членов Комиссии решить вопрос о месте статей А и С в проекте. Опубликовав текст этих статей в виде добавления, Редакционный комитет указывает в известной степени Комиссии путь, по которому можно следовать. Кроме того, из прений Комиссии в связи со статьями А и С вытекает, что решение, принятое Редакционным комитетом, может быть также принято Комиссией. Поэтому следовало бы подчеркнуть, что, добавляя к проекту статей статьи А и С, Комиссия подразумевает, что вопрос об их окончательном месте в проекте будет решен с учетом замечаний, которые представят правительства после ознакомления с проектом.

37. Г-н УШАКОВ считает, что это решение является безусловно наилучшим. И действительно, пока не следует решать вопросы о том, будут ли статьи А и С включены в часть проекта, касающуюся государственной собственности, или же они явятся предметом отдельной части. Однако следует отметить, что статьи А и С не исчерпывают всех вопросов, которые возникают в связи с государственными архивами в случае правопреемства государств, и что необходимо будет учесть различные типы правопреемства госу-

дарств. И, хотя Комиссия действительно закончила первое чтение статей 1—23, нельзя сказать, что она завершила разработку положений, касающихся государственных архивов.

38. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что согласен с линией поведения, предложенной Председателем, при условии что Комиссия изложит в своем докладе предысторию статей А и С и включит в него текст других статей, представленных Специальным докладчиком, по вопросу о государственных архивах. Необходимо, чтобы правительствам была представлена документация, которой располагала Комиссия в процессе рассмотрения вопроса.

39. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает поступить, как предлагает сэр Фрэнсис, при условии что другие статьи, предложенные Специальным докладчиком, будут воспроизведены в докладе лишь для информации.

40. Если нет возражений, он будет считать, что Комиссия решила одобрить эту процедуру.

Предложение принимается.

ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЕЙ ПРОЕКТА ВО ВРЕМЕНИ

41. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ отмечает, что Редакционный комитет рассмотрел вопрос о применении статей проекта во времени; Комитет не может предложить в данный момент окончательный текст по этому вопросу и предлагает решить этот вопрос, опираясь на статью 7 Венской конвенции 1978 года.

42. Г-н УШАКОВ уточняет, что в основе предложения Редакционного комитета лежит его инициатива. И действительно, в разрабатываемом проекте нет положения о его применении во времени, которое соответствовало бы статье 7 Венской конвенции 1978 года. Поскольку эта статья имеет большое значение, он предлагает отталкиваться от нее, однако позаимствовав лишь пункт 1. Таким образом будет ясно, если только не будет достигнута договоренность, что статьи проекта будут применяться лишь к случаям правопреемства, происходящим после их вступления в силу. Статья 7 Венской конвенции 1978 года вытекает из статьи 28 Венской конвенции о праве договоров¹², в которой излагается общий принцип, исключаящий обратную силу договоров. Если в проекте статей не будет положения о его применении во времени, некоторые государства, вероятно, не пожелают его одобрить.

43. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, как он понял, Редакционный комитет намеревается предложить Комиссии урегулировать рано или поздно вопрос о применении проекта во времени, воспользовавшись статьей 7 Венской конвенции 1978 года. При этом было бы достаточно указать

в докладе, что Комиссия в целом изучила проблему и относится положительно к решению, предлагаемому Редакционным комитетом. Однако г-н Ушаков, по-видимому, выступает за разработку на текущей сессии статьи, соответствующей статье 7 Венской конвенции 1978 года.

44. Г-н УШАКОВ говорит, что, как он понимает, Редакционный комитет просит у Комиссии разрешения разработать статью, соответствующую статье 7. Одно лишь упоминание в комментарии будет равнозначно оставлению вопроса о применении во времени статей проекта нерешенным.

45. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ подчеркивает, что Комитет поднял этот вопрос только потому, что у Комиссии не было времени обсудить вопрос о применении статей проекта во времени.

46. Г-н РЕЙТЕР не возражает против того, чтобы Комиссия уже сейчас заявила о поддержке применения принципа отсутствия обратной силы договоров в отношении разрабатываемых статей, однако ей не следует начинать на нынешней сессии техническое обсуждение вопроса о разработке положения. Необходимо, чтобы члены Комиссии ознакомились сначала со статьями, которые могли бы дополнить положения, касающиеся государственных архивов.

47. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что, по всей видимости, Комиссии будет практически невозможно заняться за то небольшое время, которое осталось до окончания текущей сессии, вопросом о применении статей во времени, поскольку этот вопрос должен быть рассмотрен с точки зрения существа разрабатываемых статей. Как нельзя воспроизвести лишь пункт 1 из статьи 7 Венской конвенции 1978 года, так нельзя и включить в проект пункты 2, 3 и 4 этой статьи, в основе которых лежат особые соображения, которые сопряжены с трудностями политического и юридического характера, продолжительное время обсуждавшимися на Конференции Организации Объединенных Наций о правопреемстве в отношении договоров. Вопрос имеет, однако, такое значение, что его следует должным образом отразить в докладе Комиссии, может быть, в форме введения к предмету с указанием, что Комиссия признает необходимость дальнейшего изучения вопроса о применении статей проекта во времени и что ей были бы крайне полезны замечания правительств по этому вопросу.

48. Г-н УШАКОВ не настаивает на том, чтобы Редакционный комитет составил на нынешней сессии статью по вопросу о применении статей во времени, хотя эта задача не кажется ему трудной, поскольку за образец может быть взята статья 7 Венской конвенции 1978 года. Как бы там ни было, в будущем необходимо будет составить подобную статью, без которой сфера применения статей проекта окажется крайне ограниченной, поскольку в нее не будут входить все правопреемства государств, происшедшие до

¹² См. 1548-е заседание, сноска 4.

их вступления в силу и явившиеся причиной возникновения новых независимых государств.

49. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ констатирует, что все члены Комиссии, выступившие по вопросу о применении статей во времени, считают, что его следует изучить, однако, за неимением времени, не на нынешней сессии.

50. Если нет возражений, он будет считать, что Комиссия постановила просто изложить вопрос в докладе, указав точку зрения, выраженную в этой связи, и подчеркнув необходимость включения в проект статей до его окончательного принятия статьи о неприменении проекта во времени.

Предложение принимается.

НАЗВАНИЕ ПРОЕКТА СТАТЕЙ И СТАТЬЯ 1 (Сфера применения настоящих статей)¹³

51. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ напоминает, что Председатель Редакционного комитета указал на 1568-м заседании, почему Комитет не пожелал принять окончательного решения в отношении названия проекта и формулировки статьи 1. Необходимо, в частности, установить, желает ли Комиссия уточнить название статьи 1 и каковы вопросы, рассматриваемые в проекте.

52. Г-н УШАКОВ говорит, что у него нет твердого мнения по данному вопросу. Возможно, следовало бы указать, что первая статья была утверждена исключительно на временной основе и что его окончательная формулировка будет зависеть от взглядов, выраженных правительствами, и указаний Генеральной Ассамблеи.

53. Г-н ФЕРОСТА согласен с г-ном Ушаковым. Желательно не менять формулировку в первой статье, если не будет известно, будут ли статьи, касающиеся государственных архивов, включены в часть, относящуюся к государственной собственности, или же они составят отдельную часть проекта.

54. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) говорит, что Редакционный комитет не хотел предопределять решения Комиссии в отношении названия проекта и текста статьи 1, решения, которое будет принято с учетом программы работы. Поскольку вопрос о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров, включен в повестку дня тридцать второй сессии Комиссии, этот вопрос не требуется решать прямо сейчас. Напротив, если Комиссия считает, что ей большего не достичь в данный момент, и представит Генеральной Ассамблее проект статей, было бы более реалистично предусмотреть в первой статье, что проект касается последствий правопреемства государств в отношении государственной собственности, государственных долгов и государственных архивов.

¹³ Текст статьи см. 1568-е заседание, пункт 3.

55. Г-н РЕЙТЕР выступает за то, чтобы ни название проекта, ни текст первой статьи не изменялись. В данный момент Комиссии даже не известно, станет ли этот проект статей конвенцией. Однако если бы зашла речь о внесении редакционных изменений, то это требовалось бы сделать во французском названии проекта статей, указав, что речь идет о правопреемстве государств: «dans des matières», а не «dans les matières».

56. Г-н Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что английский текст неясен, поскольку в нем не уточняется, рассматривается ли вопрос в полном объеме. Лучше всего будет сохранить нынешний текст, по крайней мере в его английском варианте.

57. Г-н СУЧАРИТКУЛ разделяет мнение сэра Фрэнсиса. Так, на одной из предыдущих сессий он отметил в связи с определением понятия государственного долга, что Комиссия занимается лишь финансовыми обязательствами¹⁴. Таким образом, Комиссия не рассмотрела до конца все типы государственных долгов, не говоря уже о всех других вопросах, которые могут затрагиваться правопреемством государств.

58. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета), выступая как член Комиссии, отмечает, что, в отличие от английского варианта, французский вариант названия проекта отнюдь не является двусмысленным. Для того чтобы сделать его таковым, потребуются внести изменения, предложенные г-ном Рейтером.

59. Г-н БАРБОСА говорит, что, к счастью, испанский текст такой же двусмысленный, как и английский. Поэтому необходимо будет привести французский вариант в соответствие с испанским и английскими вариантами.

60. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ констатирует, что в целом члены Комиссии согласны заменить во французском варианте названия проекта статей слова «dans les matières» на слова «dans des matières», предоставив Редакционному комитету обосновать это изменение.

Название проекта статей с поправками во французском варианте принимается.

Статья 1 принимается.

61. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии принять решение о передаче Генеральной Ассамблее для последующей передачи членам статей 1—23 и статей А и С, составляющих проект статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров, для выработки замечаний.

Предложение принимается.

¹⁴ См. Ежегодник..., 1977 год, том I, стр. 38—39, 1421-е заседание, пункты 24—26.

62. Г-н УШАКОВ интересуется, будет ли Комиссия обязана дожидаться получения замечаний правительств в отношении статей А и С, прежде чем продолжить разработку положений, касающихся государственных архивов.

63. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, которого поддерживает г-н ЯНКОВ, подчеркивает, что Комиссия не может предсказать, каковы будут итоги обсуждений Генеральной Ассамблеи. Именно от указаний, которые будут даны Комиссии, будет зависеть, продолжит ли она разработку статей, касающихся государственных архивов, или нет.

Ответственность государств (продолжение)
(A/CN.4/318 и Add.1—4)

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ
Г-НОМ АГО (продолжение)

[Пункт 2 повестки дня]

СТАТЬЯ 31 (Форс-мажор) и

СТАТЬЯ 32 (Непредвиденный случай)¹⁵ (продолжение)

64. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ предлагает отложить на время названия статей 31 и 32 и рассмотреть принципы, изложенные в этих статьях. Это позволило бы составить названия, которые бы больше соответствовали содержанию статей. В системах общего права выражение «форс-мажор» используется в несколько особом смысле: под ним подразумеваются особые события, называемые иногда стихийными бедствиями, а также такие явления, как молния, гром, буря, эпидемия, землетрясение и война. Речь обычно идет о последствиях форс-мажора. Однако в статье 31 учтены и другие ситуации, такие как абсолютная невозможность, хотя может возникнуть и вопрос, нуждается ли слово «невозможность» в добавлении прилагательного, а также случаи, когда государственный орган имеет возможность сделать выбор. Кроме того, в статье 32 рассматривается случай, когда автор поведения, присваиваемого государству, оказывается в условиях невозможности осознать, что его поведение не соответствует международному обязательству. Поэтому для Комиссии было бы, возможно, полезно сосредоточить свое внимание прежде всего на существовании этих статей.

65. Г-н АГО считает, что, как и всегда, Комиссии следует сосредоточить свое внимание на существенных вопросах и принципах, которые должны быть определены в тексте статей, отведя второстепенное место названиям. Как отметил сэр Фрэнсис, существуют случаи, когда действительно невозможно выполнить международные обязательства. Хотя выражение «абсолютная невозможность» не является совсем подходящим, оно отражает, что иногда бывает физически не-

возможно подчиниться международному обязательству. Именно эти ситуации именуется в правовых системах европейских стран «форс-мажором». Несомненно, англоязычные юристы сталкиваются с трудностями, поскольку они пользуются французским выражением «*force majeure*», а не выражением «*vis major*». В их понимании понятие форс-мажора подразумевает прежде всего стихийные бедствия, которые включают лишь явления природы, в то время как к понятию форс-мажора добавляются ситуации, возникающие в результате деятельности человека.

66. Короче, сэр Фрэнсис Вэллет был прав, предложив Комиссии ограничиться тремя следующими вопросами. Исключает ли «физическая невозможность» избрать поведение, требуемое международным обязательством, противоправный характер поведения, избранного в нарушение этого обязательства? Исключается ли противоправность избранного поведения, если государственный орган, который должен был бы избрать определенное поведение, не сделал этого, хотя имел возможность выбора между требуемым поведением, при условии, что от него нельзя было разумно требовать выбора требуемого поведения, поскольку он был бы равносителен самоуничтожению этого органа? Исключается ли противоправность поведения органа, нарушающего международные обязательства, если он был поставлен в силу внешнего фактора в условия невозможности осознать противоправность своего поведения?

67. Касаясь статей 31, 32, которые были устно изложены им на предыдущем заседании, г-н Аго благодарит Секретариат за ценную помощь в подборе документации о форс-мажоре и непредвиденном случае. «Исследование практики государств, международной юриспруденции и доктрины в связи с форс-мажором и непредвиденным случаем как обстоятельствами, исключающими противоправность»¹⁶ не только было крайне полезно в ходе работы по составлению доклада, но также является трудом, который будет оценен в будущем как крупное научное исследование.

Заседание закрывается в 13 час.

¹⁶ Ежегодник..., 1978 год, том II (часть первая), документ A/CN.4/315.

1571-е ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 18 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квен-

¹⁵ Текст статьи см. 1569-е заседание, пункт 1.

тин-Бакстер, г-н Ндженга, г-н Пинто, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Фероста, г-н Ушаков, г-н Цуруока, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение)
(A/CN.4/318 и Add.1—4)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО
(продолжение)

СТАТЬЯ 31 (Форс-мажор) и

СТАТЬЯ 32 (Непредвиденный случай)¹ (продолжение)

1. Г-н РИФАГЕН говорит, что статьи 31 и 32, представленные г-ном Аго, представляют собой прекрасную основу для обсуждения. Комиссия не может пройти мимо особых обстоятельств, предусмотренных в этих статьях, если она хочет соблюсти требование правосудия, которое является не только универсальным и постоянным, но и конкретным, как вытекает из латинского выражения *jus in causa positum*. Однако при попытке предусмотреть в проекте статей возможные последствия конкретных ситуаций форс-мажора и непредвиденного случая возникают особые трудности, поскольку этот проект отличается высокой степенью абстрагирования, которая является двойной: во-первых, потому что в проекте рассматриваются юридические отношения между государствами, которые сами по себе являются абстракциями; во-вторых, поскольку в нем рассматривается ответственность государств независимо от содержания обязательства, невыполнение которого влечет возникновение ответственности, как вытекает из статьи 1 и 16², и независимо от содержания, формы и степени ответственности — вопросов, которые будут рассмотрены в проекте.

2. Что касается первой степени абстрагирования, то в статьях 31 и 32 рассматривается ситуация, в которой оказывается автор поведения, присваиваемого государству, иными словами, ситуация частного лица, через которое действует государство; однако необходимо также учитывать ситуацию частных лиц, через которых государство терпит ущерб, как указано во втором предложении пункта 2 статьи 31. Что касается второй степени абстрагирования, то следует попытаться разрешить проблему, не проводя различия между двумя элементами юридических межгосударственных отношений, а именно содержанием обязательства одного из государств и содержанием прав другого государства. Именно

в этих рамках Комиссия должна решить сложную задачу, связанную с определением последствий непредсказуемых событий.

3. Проблема упирается в абстрактное обязательство одного государства, которому соответствует абстрактное право другого государства, и наоборот, что затрагивает судебное содержание так называемого первоначального правила. С другой стороны, Комиссия должна рассмотреть вопрос об ответственности, иными словами, о юридических последствиях невыполнения абстрактного обязательства, последствиях, имеющих форму права другого государства, что затрагивает уже так называемые вторичные правила. Эти два аспекта проблемы являются неотъемлемыми элементами юридических взаимоотношений двух государств.

4. Комиссии надлежит приспособить обязательства и абстрактные права юридических взаимоотношений к конкретным обстоятельствам того, что можно было бы пока назвать форс-мажором и непредвиденным случаем. Однако не следует упускать из виду тот факт, что это приспособление может быть произведено несколькими путями, а не только лишь с целью предотвратить противоправность поведения в связи с *любыми* юридическими последствиями, которые обычно вытекают из подобного поведения, то есть с абстрактной точки зрения и в соответствии с так называемыми вторичными правилами. Например, можно было бы адаптировать обязательства и права в соответствии с первоначальным правилом или же, напротив, в соответствии со вторичными правилами. Суть проблемы заключается в том, чтобы установить, какое из двух государств, участвующих в юридических отношениях, должно подвергать себя опасности в связи с непредсказуемыми событиями как с точки зрения первичного аспекта, так и вторичного вопроса. Кроме того, следовало бы, пожалуй, проанализировать, нельзя ли будет разделить риск между государствами и адаптировать обязательства и права путем перестройки всех юридических отношений, иными словами, путем выполнения государством заменяющего обязательства или признания за другим государством заменяющего права.

5. Правосудие недвусмысленно требует принятия во внимание особых обстоятельств конкретного случая выполнения международного обязательства, однако это может быть сделано по-разному. Однако что касается приспособления обязательства, то в пункте 103 восьмого доклада г-на Аго (A/CN.4/318 и Add.1—4) речь идет о «не вызывающих сомнения» случаях, например разрушениях, вызванных неподконтрольными силами природы, собственности, которую одно государство было обязано передать другому государству. Однако всегда ли так обстоит дело? Не может ли быть в этом случае выполнено заменяющее обязательство? В учебных пособиях часто приводится случай, когда одно государство

¹ Тексты статей см. 1569-е заседание, пункт 1.

² См. 1532-е заседание, сноска 2.

обязано передать другому государству остров, однако освобождается от своего обязательства, если данный остров исчезает в результате, например, извержения вулкана. Однако в этом случае сохранился бы участок континентального шельфа, который мог бы представлять ценность или интерес для государства, для которого предназначен остров. Что касается прав, то можно констатировать, что в пунктах 113 и 132 этого же документа случаи форс-мажора и бедствия предусматриваются в связи с правом мирного прохода через территориальное море. Однако в этих условиях форс-мажор и бедствия не являются обстоятельствами, оправдывающими поведение, которое без них было бы противоправным; они лишь представляют собой необходимые элементы права мирного прохода. Любопытно отметить, что форс-мажор и непредвиденный случай специально не упоминаются в статье 38 Неофициального сводного текста для переговоров/Révision³, используемого на проходящих переговорах по морскому праву, в связи с правом транзитного прохода через проливы, поскольку транзитный проход рассматривается как неотъемлемый элемент свободы плавания и полета.

6. Случай, когда можно приспособить юридические последствия невыполнения обязательства, приводится в пункте 115 доклада, где речь идет о болгарях, которые не смогли вернуться к своей собственности в Греции. Греция не смогла выполнить свое обязательство разрешить болгарам вернуться к своей собственности, однако она выполнила заменяющее обязательство, заплатив им компенсацию. В пункте 118 излагается *дело об уплате различных сербских займов, предоставленных Францией*, в связи с которым Постоянная Палата Международного Правосудия постановила, что принятое обязательство не заключалось в выплате займов монетами. Однако, если бы Палата пришла к выводу, что Сербия обязана уплатить долг в монетах, постановила ли бы она в таком случае, что обязательство перестало существовать? Он не может представить, чтобы суд пришел к такому неоправданному заключению. Другая возможность видоизменения обязательства государства предусмотрена, по-видимому, в сноске доклада, в которой указывается, что иногда бывает трудно установить различие между непредвиденным случаем как обстоятельством, исключающим противоправность, и определением «степени требующегося старания», что относится к вопросу о содержании обязательства.

7. Ответ на вопрос о том, какая сторона будет нести ответственность за риск, зависит в известной степени от характера нарушения, в особенности в случае, когда это нарушение не влечет за собой материального ущерба, что может, например, произойти при нарушении границы. По-видимому, эта проблема общего характера подтверждает рассуждение, содержащееся

в пунктах 133—136 доклада, касающихся форс-мажора, и в пункте 145, который касается непредвиденного случая. Что касается пунктов 133—136, то, на первый взгляд, трудно установить различие между невыполнением обязательства не нарушать границу другого государства — нарушением, которое часто не влечет какого-либо реального ущерба, — и невыполнением других обязательств, наносящим ущерб интересам (пункт 133), которые в таком случае «приносятся в жертву».

8. Правило о сопоставимости между интересами, обеспечиваемыми путем избрания поведения, которое не соответствует международному обязательству, и интересами, охраняемыми обязательством, легко применять, когда нарушения не влекут за собой реального ущерба. Однако интересы, защищаемые явно противоправным образом, принадлежат не тому лицу или общности, чьи интересы пострадали, что позволяет заключить, что речь идет не столько об иерархии интересов, сколько об иерархии норм, а именно о конфликте между правом сохранить свою жизнь и обязательством не наносить ущерба другим лицам. И в этом случае это противоречие можно было бы в известной мере разрешить путем определения последствий невыполнения обязательства.

9. В пункте 145 показана такая же связь между характером и содержанием обязательства и последствиями наличия непредвиденного случая. В этой связи различие, установленное ранее Комиссией между обязательствами воздержаться от избрания определенного поведения, обязательствами предпринять определенные действия и обязательствами воспрепятствовать чему-либо, представляет очевидный интерес с точки зрения понятия форс-мажора и непредвиденного случая. И в этом случае, по-видимому, можно не только приспособить обязательство, но также и последствия объективного невыполнения обязательства, другими словами, выполнение заменяющего обязательства.

10. Трудности, связанные с применением двух рассматриваемых понятий, очевидно, не включают возможности составления в этой связи проектов статей. Проекты, предложенные г-ном Аго, представляют большую ценность, если только их не рассматривать как готовый ответ на все проблемы. Пункт 1 статьи 31 отличается большой ясностью и логичностью, а пункт 3 этой же статьи является его очевидным дополнением. Однако возникает вопрос о том, должны ли быть рассмотрены во второй части пункта 2 этой статьи, где упоминается о «ситуации соразмерной и еще большей опасности», все последствия правила пропорциональности. Что касается статьи 32, то нельзя с точностью сказать, не является ли «возникновение внешнего и непредвиденного фактора» событием, за которое государство, автор деяния, должно нести ответственность. Это государство могло бы по крайней мере выразить

³ См. A/CN.4/318 и Add.1—4, пункт 113.

свои сожаления и возместить ущерб, причиненный данным деянием, что означает, что деяние, рассматриваемое как неявляющееся противоправным, может тем не менее иметь последствия. Если ряд обстоятельств рассматриваются как исключющие противоправность конкретного деяния государства, это еще не означает, что это деяние не может иметь определенных юридических последствий. Однако юридические последствия деяния, которое не является противоправным, составляют отдельный предмет для рассмотрения.

11. Г-н ТАБИБИ говорит, что на него произвел большое впечатление сделанный г-ном Аго анализ понятий форс-мажора и непредвиденного случая, который охватывает правоведение, практику государств и, что особо важно, мнения, выраженные на международных конференциях, проводившихся под эгидой Лиги Наций и Организации Объединенных Наций. Он не может не присоединиться к заключению, сформулированному в пункте 125 доклада о том, что в международном праве существует утвердившийся и общепризнанный принцип, в соответствии с которым поведение, не соответствующее принятому обязательству, не является противоправным деянием, если субъект оказался в условиях абсолютной невозможности действовать иным образом. Формулировка пункта статьи 31 полностью соответствует этому заключению. В целом он поддерживает принципы, положенные в основу статей 31 и 32.

12. Он, однако, полагает, что вопрос о непредвиденном случае таит немало опасностей и что к составлению статей следует подойти крайне осторожно, чтобы избежать любых злоупотреблений и не допустить нарушения международных обязательств под различными предлогами. Добросовестность должна служить отправным моментом при определении намерений автора нарушения обязательства, когда это нарушение вызвано непредвиденным случаем. Затраты, связанные с доказательством, должны нести не жертвой, а автором поведения, присваиваемого государству. Третьим аспектом, нуждающимся в тщательном изучении, является соотношение между совершенным деянием и нарушенным обязательством. Так, например, государство, отвечающее за ущерб, причиненный автодороге в другом государстве, может утверждать, что оно не располагает средствами, необходимыми для возмещения ущерба, в то время как ущерб может быть настолько велик, что будет мешать движению по этой дороге. Необходимо уточнить формулировки пунктов 2 и 3 статьи 31, чтобы привести их в соответствие с целями, изложенными в пункте 1. В статье 32 основным критерием должно быть «возникновение непредвиденного фактора», а слово «внешний» следует опустить. И наконец, Редакционный комитет мог бы предусмотреть возможность составления единой статьи, содержащей один раздел о форс-мажоре, а другой — о непредвиденном случае.

13. Г-н ТИАМ не собирается распространяться о различии, которое следует проводить между форс-мажором и непредвиденным случаем, поскольку смысл, вкладываемый в эти выражения, зависит от используемой юридической системы. Он констатирует, что в соответствии с общепринятой точкой зрения форс-мажор и непредвиденный случай в принципе освобождают от ответственности. Поэтому лишь с практической точки зрения можно задавать вопрос, представляют ли конкретные обстоятельства в каждом конкретном случае форс-мажор или непредвиденный случай.

14. Он спрашивает, каково значение правил, изложенных в статьях 31 и 32, применительно к новым независимым государствам. В своих первых докладах г-н Аго поставил вопрос об ответственности в случае возникновения новых независимых государств, и Комиссия постановила рассмотреть этот вопрос позднее, когда она займется причинами, исключаящими ответственность. Затем возник вопрос о том, следует ли разрабатывать специальные положения для новых независимых государств или же можно будет найти элементы решения в тексте общего правила. Он будет рад, если г-н Аго сможет ответить на этот вопрос.

15. Г-н УШАКОВ признает, что существуют обстоятельства, которые мешают государству выполнить свои международные обязательства и которые в силу своего характера исключают противоправность деяния государств и, следовательно, ответственность этого государства. Однако он полагает, что необходимо проводить четкую разницу между тремя типами обстоятельств, которые могут исключать противоправность и которые, по его мнению, включают форс-мажор, непредвиденный случай и «крайнюю необходимость».

16. Форс-мажор и непредвиденный случай характеризуются одинаковыми последствиями. Они ставят государство в условия физической невозможности выполнить свое обязательство. Однако причины их возникновения различны: форс-мажор («act of God» на английском языке) является обстоятельством, возникающим в результате явления природы, независимо от воли человека, в то время как непредвиденный случай является обстоятельством, порожденным деятельностью человека — индивидуальной или коллективной. Так, вынужденная посадка из-за бури является примером форс-мажора, поскольку вызвана обстоятельством стихийного характера, в то время как вынужденная посадка, произведенная из-за взрыва бомбы, установленной на борту самолета террористом, представляет собой непредвиденный случай, поскольку проистекает из деятельности человека.

17. Он присоединяется к точке зрения представителя Гаити, который в ходе Конференции

1907 года по пересмотру арбитражной системы, созданной Гаагской конвенцией 1899 года о мирном решении международных споров, определил обстоятельства форс-мажора как «факторы, не зависящие от воли человека»⁴. Однако он не согласен с г-ном Аго, когда тот заявляет в пункте 8 своего доклада, что форс-мажор является внешним фактором, который «может быть также вызван деятельностью человека». Он считает в этой связи, что слово «форс-мажор» было использовано в пункте 5 статьи 42 Конвенции о специальных миссиях⁵ неудачно и что было бы лучше употребить выражение «чрезвычайное обстоятельство», как и в русском тексте. По его мнению, форс-мажор — всегда явление природы. Это явление предсказуемо в отдельных случаях — в той степени, например, в какой можно предвидеть наводнение или извержение вулкана, — однако его последствия непреодолимы.

18. Так, форс-мажор имеет место, когда государство не может выполнить свои обязательства из-за стихийного бедствия, а непредвиденный случай происходит тогда, когда государство не может выполнить свои обязательства из-за деятельности человека. Так, например, если государство обязалось экспортировать в другое государство продукцию горнодобывающей промышленности и это предприятие оказывается разрушенным в результате землетрясения, мы имеем дело со случаем форс-мажора. Напротив, если предприятие оказывается оккупированным иностранными вооруженными силами, речь идет о непредвиденном случае. В обоих случаях последствия одинаковы: государство оказывается в условиях реальной невозможности выполнить свое обязательство.

19. Различие между форс-мажором и непредвиденным случаем и «крайней необходимостью» заключается в том, что в последнем случае государство не находится в условиях физической невозможности выполнить свое обязательство. Оно могло бы выполнить его, однако его поведение в этом случае настолько бы противоречило его собственным интересам и даже, в отдельных случаях, интересам всего международного сообщества, что оно оказывается в ситуации невозможности выполнить свое обязательство. Так, например, если государство имеет возможность уплатить долги, однако рискует при этом подорвать свое финансовое положение, что угрожало бы самому его существованию, можно считать, что оно столкнулось с необходимостью отложить выплату своих долгов. Точно так же, если государство приняло в результате подписания соглашения обязательство разрешить другому государству заниматься китобойным промыслом в своем территориальном море и если это животное оказывается под угрозой исчезновения в резуль-

тате чрезмерной добычи, первое государство может и не отменить своего разрешения на добычу, однако окажется при этом в условиях «крайней необходимости» запретить ее, с тем чтобы сохранить поголовье исчезающего животного.

20. Поэтому он предлагает заменить проекты статей 31 и 32 следующими положениями:

«Форс-мажор»

Противоправность деяния государства, не соответствующего его международным обязательствам, исключается, если это деяние вызвано форс-мажором.

Непредвиденный случай

Противоправность деяния государства, не соответствующего его международному обязательству, исключается, если это деяние вызвано непредвиденным событием, исключая реальную возможность избрания государством другого поведения, отличного от не соответствующего его международному обязательству».

21. Г-н ФЕРОСТА хотел бы знать для ориентации дальнейшей деятельности Комиссии, что г-н Аго предусмотрел в отношении крайней необходимости, которая должна стать предметом статьи 33.

22. Г-н АГО, отвечая на вопрос г-на Феросты, подчеркивает различия, проведенные им, в частности, в пункте 109 его доклада, между форс-мажором и крайней необходимостью. Некоторые из примеров крайней необходимости, приведенные г-ном Ушаковым, не подпадают ни под статью 31, ни под статью 32, а относятся к статье, которая следует за этими положениями и будет посвящена крайней необходимости. В пункте 120 доклада изложено дело о торговой компании Бельгии, явившееся предметом разбирательства между Грецией и Бельгией в Постоянной Палате Международного Правосудия. Утверждая, что оно не может выполнить свое международное обязательство, не подвергнув опасности нормальное функционирование своих государственных служб, правительство Греции сослалось фактически на крайнюю необходимость, которая заставляла его если и не отказаться окончательно от уплаты долгов, то по крайней мере отсрочить их, чтобы избежать банкротства в государственном масштабе. При наличии крайней необходимости опасности обычно подвергается само государство или один из его жизненных интересов; однако это может также быть, как подчеркнул г-н Ушаков, один из жизненных интересов группы государств или международного сообщества. Случаи крайней необходимости касаются ситуаций крайней необходимости государства, не имея ничего общего со случаями бедствия, которое терпит орган государства, поставленный перед выбором, который практически отсутствует: нельзя требо-

⁴ Там же, пункт 116.

⁵ Резолюция 2530 (XXIV) Генеральной Ассамблеи, приложение.

вать от пилота, чтобы он обрек себя на гибель вместо того, чтобы нарушить международное обязательство.

23. Бесспорно то, что в этой области терминология предмета меняется. Если в тексте использовалось одно, а не другое выражение, то лишь потому, что оно более соответствовало мысли его автора, но он хотел бы еще раз указать, что ни одно из них не имеет бесспорного и естественного смысла. В этих условиях было бы желательно абстрагироваться от временно используемых выражений, с тем чтобы описать реальные ситуации, предусмотренные в рассматриваемых статьях, и сосредоточить усилия на редактировании в целом приемлемых положений. Допустима также точка зрения, которой придерживается г-н Ушаков, о том, что понятие форс-мажора включает лишь явления природы, однако пока было бы лучше не настаивать на употреблении выражения в одном, а не в другом смысле.

24. Г-н ФЕРОСТА говорит, что в будущем Комиссии придется сделать выбор среди выражений и что ей следует начать изучать этот вопрос уже сейчас. Терминология, утвердившаяся в практике государств, является крайне разнообразной, однако Комиссии необходимо будет избежать употребления выражений, которые окажутся неизвестными для некоторых государств. Он не может согласиться с понятием относительной невозможности и хотел бы, как и г-н Ушаков, чтобы понятие форс-мажора было ограничено явлениями природы. Более того, он считает, что Комиссия не может совсем не рассматривать последствий, на которые г-н Рифаген обратил внимание.

25. Г-н РЕЙТЕР считает, что на данном этапе необходимо избегать включения в проект статей выражений «форс-мажор», «непредвиденный случай» и «крайняя необходимость» или даже в комментарии, если только не ставить их в скобки. Смысл, вкладываемый в эти выражения, настолько меняется в зависимости от той или иной страны, что их употребление Комиссией должно быть запрещено, поскольку это представляло бы опасность. Может быть, удастся использовать, например, выражение «непреодолимое принуждение».

26. Чтобы продвинуться в изучении рассматриваемых статей, Комиссия должна ограничиться тремя вопросами, сформулированными г-ном Аго на предыдущем заседании (1570-е заседание, пункт 66). Она зайдет в тупик, если начнет рассматривать вопросы, поставленные г-ном Рифагеном, и будет пытаться определить, что становится с международным обязательством после установления противоправности избранного поведения. Венская конференция о праве договоров воздержалась от ответов вопросов об ответственности, которые были лишь вскользь затронуты в статье 60 Венской конвенции⁶.

⁶ См. 1533-е заседание, сноска 2.

27. Принципы, положенные г-ном Аго в основу рассматриваемых статей, являются принципами общего характера, действующими во всех случаях. Во избежание еще одного тупика Комиссия не должна пытаться определить, применимы ли эти принципы к экономическим отношениям. Юридические законы, которые приводит г-н Аго в области займов, уже устарели, как это было отмечено г-ном Ушаковым. В настоящее время экономические вопросы подобного рода почти всегда становятся предметом специальных конвенций, в которых выражение «форс-мажор» употребляется в совершенно ином смысле, чем обычно. Безусловно, Комиссия не должна разрабатывать правил для случаев, охваченных соглашениями, однако она могла бы попытаться показать, что в условиях отсутствия всяких соглашений экономическое или финансовое давление может стать оправданием временного невыполнения международного обязательства и даже уменьшения долговых обязательств. По этому вопросу существует не только устаревшая арбитражная практика, но и современная практика. В своем комментарии Комиссия могла бы, таким образом, уточнить, что она разрабатывает общие правила, умышленно воздерживаясь от разработки более конкретных положений по отдельным категориям обязательств.

28. Что касается существа вопроса, то он отвечает утвердительно на три вопроса, поставленные г-ном Аго. Что касается пункта 1 статьи 31, то он выражает удовлетворение по поводу того, что г-н Ушаков в своем предложении (пункт 20, выше) отказался упоминать автора поведения, присваиваемого государству. Между пунктом 1 и пунктом 2 статьи 31, с одной стороны, и статьей 32, с другой стороны, существует большая разница. Как отметил г-н Аго, принуждению может подвергаться как государство, так и его органы. Именно по этой причине две отдельные статьи в Венской конвенции были посвящены соответственно принуждению, применяемому в отношении государства, и принуждению, применяемому в отношении представителя государства. Случай, рассмотренный в пункте 2 статьи 31, касается, по-видимому, физических лиц. Как он уже отметил по поводу другой статьи, вопрос стоит несколько иначе применительно к государствам, поскольку в некоторых обстоятельствах они должны проявлять согласие на свою гибель. Поскольку г-н Аго собирается отдельно рассматривать проблему необходимости для государства и проблеме необходимости для отдельного лица, из пункта 2 статьи 31 следовало бы, пожалуй, сделать отдельную статью. Что касается представления г-на Аго о понятии непредвиденного случая, то оно противоречит норме французского языка и, возможно, не соответствует нескольким правовым системам. Кроме того, может возникнуть вопрос о том, не касается ли статья 32, главным образом, физических лиц, как это следует из примеров, приведенных г-ном Аго.

Заслуживает ли прощения государство, которое оказалось в условиях невозможности осознать тот факт, что его поведение не соответствует международному обязательству? Поэтому имело бы, возможно, смысл объединить пункт 2 статьи 31 и статью 32 в единое положение.

29. В пункте 1 статьи 31 г-н Аго упоминает лишь абсолютную невозможность действовать иным образом. Г-н Ушаков не хотел бы заходить столь далеко, в то время как он хотел бы пойти еще дальше и упомянуть причины невозможности. Однако было бы неразумно упоминать возможные причины даже в самом тексте статьи. В комментарии Комиссия могла бы указать прежде всего на естественные причины, как, например, стихийное бедствие. Следует ли в этом случае упомянуть неизвестные причины? При прорыве плотины на территории одного государства, когда воды заливают территорию соседнего государства, причиной этой катастрофы может быть землетрясение, дефект в конструкции или дефект в конструкции, проявившийся в результате землетрясения. Можно ли допустить две сопутствующие причины? Кто должен будет предъявлять доказательства? В некоторых правовых системах выражение «*cas fortuit*» используется для обозначения ситуаций, возникших в результате неизвестных причин. Вот почему не следует уточнять причины, а включать в пункт 1 статьи 31 два элемента, содержащихся в статье 32, а именно внешний характер определяющего фактора и его непредсказуемость. Безусловно, можно возразить, что этот фактор может быть лишь внешним, поскольку в пункте 3 статьи 31 предусматривается, что ситуация невозможности или бедствия не должна быть вызвана государством, которому присваивается поведение, не соответствующее обязательству. В порядке иллюстрации необходимости наличия элемента непредсказуемости он приводит следующий пример: несмотря на то что международные метеорологические службы оповестили о предстоящей буре и предупредили аэропорты о необходимости прекратить полеты самолетов, одно из государств разрешает самолету взлететь, который некоторое время спустя вынужден приземлиться на территории другого государства, вызвав при этом серьезные разрушения. Поскольку фактор, предопределивший избрание поведения, не соответствующего международному обязательству, был предсказуем, это поведение не может рассматриваться как правомерное.

30. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что, несмотря на единство взглядов по данным принципам, вопрос о том, в какой форме их следует изложить, вызывает некоторые трудности.

31. Ознакомившись с разделом 4 главы 5 восьмого доклада г-на Аго, можно констатировать, что уже существуют случаи, когда некоторые элементы оказывают влияние на последствия деяния и на характер обязательства и другие

случаи, когда поведение государства оправдывается или противоправность его деяния исключается благодаря существующим обстоятельствам. Кроме того, исследования Секретариата, посвященные форс-мажору и непредвиденному случаю⁷, также выявили другие многочисленные ситуации, подтверждающие второстепенный характер данного вопроса. Однако в данном случае формулировка, предложенная г-ном Аго, по-видимому, соответствует обстоятельствам, поскольку слова «его поведение не соответствует международному обязательству», относящиеся к каждой из трех ситуаций, предусмотренных в статьях 31 и 32, означают, что, если обязательство было настолько видоизменено, что возникло новое обязательство, вопрос должен решаться с учетом другого положения. Он полагает, таким образом, что Комиссия может спокойно принять предлагаемую формулировку при том условии, что в комментарии будет ясно указано, что статьи 31 и 32 охватывают лишь случаи, когда существует обязательство, и поведение, присваиваемое государству, не соответствует этому обязательству и что они, таким образом, не применимы к случаю изменения обязательства.

32. В отношении структуры проекта статьи он считает, что различие между пунктами 1 и 2 статьи 31, с одной стороны, и статьей 32 — с другой, не заключается ни исключительно, ни даже главным образом в характере события, поскольку эта разница также зависит от типа предусматриваемой ситуации. Так, пункт 1 статьи 31 касается обстоятельств, которые рассматриваются Венской конвенцией как случаи невозможности выполнения, пункт 2 статьи 31 — ситуации бедствия, а статья 32 — невозможности осознать, что совершенное деяние представляет собой нарушение обязательства. Эти три ситуации, которые совершенно различаются между собой, настолько же проистекают из статей, насколько и обстоятельства, вызывающие их. В действительности он склонен придавать большее значение обстоятельствам, которые являются следствием ситуации, а не ее причиной, и он предпочел бы с этой точки зрения включить два элемента пункта 3 статьи 31, то есть невозможность выполнить обязательства и ситуацию бедствия, в пунктах 1 и 2 статьи соответственно.

33. С другой стороны, формулировка «автор поведения», содержащаяся в пункте 1 статьи 31, впервые появляется в проекте, поскольку до этого использовалась привычная формулировка «поведения государственного органа». Он выражает сомнение по поводу необходимости включения на данном этапе новой терминологии. Главное заключается не в том, чтобы определить, был ли автор или государственный орган лишен возможности действовать иначе, а в том, было ли само государство лишено возможности поступить

⁷ См. *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть первая), документ A/CN.4/315.

таким образом. Так, например, в случае исчезновения острова с невозможностью передать остров сталкивается не только государственный орган, но также и само государство. Можно опасаться того, что любая попытка провести различие между невозможностью для автора поведения и невозможностью для государства позволит последнему утверждать, что, поскольку его орган был не способен действовать иным образом, оно само не несет ответственности за свое поведение. Суть в конечном счете заключается в том, чтобы определить, действительно ли государство было лишено возможности выполнить обязательство; вопрос о том, имело или нет частное лицо такую возможность, имеет лишь второстепенное значение.

34. Не предлагая поправки, он полагает, что основание для выраженной им озабоченности исчезнет, если в пункте 1 статьи 31 после слова «исключается» заменить последующие слова выражением «если по независящим от него обстоятельствам государство оказывается лишенным возможности действовать в соответствии с обязательством».

35. Хотя он считает, что Комиссии следует рассмотреть вопрос о включении упоминания об обстоятельствах, создающих ситуацию невозможности, он воздержался от такого предложения, поскольку считает, что изучение подобных обстоятельств породит лишь трудности. Однако ему ясно, что государство должно освобождаться от ответственности, если установлено, что происшедшие события не зависели от его воли и что, таким образом, можно утверждать, что вся проблема сводится к определению того, могло ли государство избежать подобной ситуации.

36. И наконец, было бы опасно вводить критерий предсказуемости, который неизбежно будет носить чисто субъективный характер и зависеть от точки зрения заинтересованного государства или органа. В действительности, он сомневается, что можно будет рассматривать что бы то ни было как непредсказуемое событие, исходя из того, что наиболее частные случаи форс-мажора, например землетрясение, исчезновение острова в результате вулканической деятельности, особые климатические явления, могут быть предсказаны и предсказываются.

Заседание закрывается в 13 час.

1572-е ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 19 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-

Бакстер, г-н Ндженга, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Цуруока, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение) A/CN.4/318 и Add.1—4)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО
(продолжение)

СТАТЬЯ 31 (Форс-мажор) и

СТАТЬЯ 32 (Непредвиденный случай)¹ (продолжение)

1. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что Комиссия, пожалуй, облегчила бы себе рассмотрение проблем форс-мажора и непредвиденного случая, если бы подошла к трем основополагающим положениям статей 31 и 32 как к отдельным статьям, по крайней мере, на время первоначального редактирования. Это особо относится к пункту 2 статьи 31, который должен включать соответствующее положение пункта 3, и действительно было бы полезно, если бы Редакционный комитет мог рассмотреть проблему бедствия отдельно.

2. Поскольку на бедствие как на оправдание чаще всего ссылаются в связи с судами и самолетами, это понятие обладает особыми чертами, и в известном смысле проблему легче было бы решить в этом определенном контексте. Обобщение случаев, когда бедствие оказывается оправдательным мотивом, сопряжено с трудностями, не последней из которых является толкование самого понятия бедствия: что следует понимать под бедствием, по отношению к кому и при каких обстоятельствах используется это понятие — вот вопросы, требующие глубокого анализа. Исходя из пункта 2 статьи 3, он полагает, что это понятие применимо к отдельному лицу, а не к обществу или государству. Если это предположение верно, то его необходимо уточнить. Он спрашивает, какова действительная природа бедствия, о котором идет речь в этом пункте. Если жизнь человека находится в опасности, то, безусловно, имеет место бедствие. Однако должен ли человек находиться в смертельной опасности для того, чтобы быть вправе избрать поведение, которое в обычных условиях явилось бы нарушением государством международного обязательства? Он затрудняется ответить на этот вопрос. Точно так же он не уверен, что критерий оценки поведения, изложенный в пункте 2 статьи 31, в соответствии с которым поведение не должно создавать «для других ситуацию соразмерной или еще большей опасности», подходит в данном случае. По его мнению, принцип сопоставимости должен

¹ Тексты статей см. 1569-е заседание, пункт 1.

быть использован для сравнения принятых защитных мер с тем, что требуется или необходимо в разумных пределах предпринять для устранения опасности.

3. Важнее другое: нынешняя формулировка пункта 2 создает впечатление, что выбор средств предоставляется всецело на усмотрение лица, оказавшегося в бедственной ситуации, что, по-видимому, нарушает связь между отдельным лицом, которое обычно выполняет функции государственного органа, и самим государством. Так, например, пилот самолета может оказаться в такой ситуации, когда для спасения жизни пассажиров он вынужден нарушить границу и приземлиться на территории иностранного государства. Эта ситуация может произойти потому, что диспетчер национального аэродрома не сообщил ему необходимых сведений или потому что он сам допустил небрежность в обращении с самолетом. Сэр Фрэнсис считает, что в подобных случаях, когда происшедшее вызвано определенной оплошностью государства, это государство должно нести за это ответственность, даже если отдельное лицо оказалось в опасности и должно было ей противостоять. Пункт 3 отчасти дает ответ на его вопрос, не уточняя, однако, как возникла ситуация, диктующая более положительное отношение.

4. В статье 32 упор сделан также на ситуацию отдельной личности, «автора поведения», и в этом случае он спрашивает, не должна ли связь с государством быть более непосредственной. Кроме того, он испытывает сомнения по поводу изменения негативной формулировки в пунктах 1 и 2 статьи 21 на формулировку, использованную в статье 32, а также еще более серьезные сомнения в связи с вопросом, применим ли в праве критерий непредсказуемости. Однако наибольшая сложность, на его взгляд, связана в статье 32 с отрывком: «не может осознать, что его поведение не соответствует международному обязательству»; он хотел бы получить в этой связи разъяснения. Может возникнуть такая ситуация, когда государство в отличие от частного лица будет иметь возможность получить заблаговременно информацию, и он сомневается, что в этом случае государство будет освобождено от ответственности. Так, например, во внутреннем праве часто случается, что лицо совершает проступок, не будучи виновным в этом, однако оно не освобождается от ответственности.

5. Г-н СУЧАРИТКУЛ считает, что три общих принципа, изложенных соответственно в пунктах 1 и 2 статьи 31 и статье 32, приемлемы, однако он опасается трудностей с пониманием и толкованием, которые неизбежно возникнут при перенесении в международное право терминов, свойственных внутреннему праву. Мало того, что ситуации, предусмотренные в рассматриваемых статьях, обозначаются выражениями, которые меняются от страны к стране, но даже одно и

то же выражение иногда используется в двух юридических системах для обозначения различных ситуаций. Более того, во внутреннем праве сфера применения этих выражений может измениться в зависимости от того, используются ли они в уголовном или гражданском процессе.

6. Выражение «форс-мажор» часто вызывало путаницу, независимо от того, использовалось ли оно во внутреннем праве, международных контрактах, таких, как контракты о международной купле-продаже товаров, или же в международных конвенциях. И даже если это выражение определено во внутреннем праве, может случиться так, что, действуя в соответствии с принципом самостоятельности воли, участники соглашения станут использовать его в другом смысле. Как и г-н Аго, он считает, что понятие «форс-мажор» следует не ограничивать явлениями природы, а распространить на деяния, совершаемые людьми. Кроме того, принцип, изложенный в пункте 1 статьи 3, следовало бы применять не только в связи с договорными и обычными обязательствами, но также и в связи с обязательствами, вытекающими из решений Совета Безопасности, арбитражными решениями или постановлениями Международного Суда. В 1960 году в ходе разбирательства между Португалией и Индией *дела о праве прохода через индийскую территорию* Международный Суд постановил, что в 1954 году Португалия обладала правом прохода к двум анклавам². Однако за прошедшее время она утратила суверенитет над этими анклавами. В результате Индия лишилась всякой материальной возможности выполнить свое обязательство. Безусловно, могут спросить, не была ли возникшая ситуация вызвана «государством, которому присваивается поведение, не соответствующее обязательству», как об этом сказано в пункте 3 статьи 31. Что касается дела *Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council*³, которое рассматривалось Международным Судом незадолго до исчезновения Восточного Пакистана как такового, то оно касалось пролета над индийской территорией гражданских самолетов Пакистана. И в этом случае обязательство Индии утратило всякий смысл, а его выполнение стало невозможным; однако в этом случае можно спросить, нельзя ли было эту возможность присвоить Индии.

7. Что касается ситуации бедствия, то он склонен считать, как и сэр Фрэнсис, что она распространяется скорее на частных лиц, чем на государства. По мнению г-на Аго, эта ситуация, которую он определяет как относительную невозможность, характеризуется выбором между выполнением международного обязательства и избранием иного поведения, позволяющего избежать серьезной опасности.

² *I.C.J. Reports 1960*, p. 6.

³ *I.C.J. Reports 1972*, p. 46.

8. Как и сэр Фрэнсис, он сомневается, что понятие непредвиденного фактора является разумным критерием. Хотя многие события можно предсказать, например возникновение циклона, точный момент их наступления, как правило, определить невозможно. Короче, во всех случаях, предусмотренных в статьях 31 и 32, необходимо учитывать субъективный элемент, который выражается в степени добросовестности автора поведения, которое присваивается государству. Исходя из этих соображений, можно было бы различать, как и в римском праве, *culpa lata*, *culpa levis* и *culpa levissima*. Очень часто пилот, вынужденный совершить непредвиденную посадку, находится во власти стихии или зависит от механического состояния самолета, что чрезвычайно затрудняет пилотирование. Вот почему он хотел бы, чтобы Комиссия выделила такое понятие, как принуждение или «непреодолимость», а не «контроль».

9. Г-н НДЖЕНГА говорит, что в основе правила, изложенного в статье 31, лежит идея о том, что внешнее событие, которое никак не контролируется государством, может поставить его в условия невозможности выполнить свое обязательство, в результате чего его деяние перестает быть противоправным. Он не может, таким образом, согласиться с тем, что для целей проекта статей понятие «форс-мажор» следует толковать в узком смысле, как относящееся лишь к стихийным бедствиям. В этой связи он обращает внимание на заявление, сделанное в пункте 107 доклада г-на Аго (A/CN.4/318 и Add.1—4): «Однако этот внешний фактор может возникнуть в результате деятельности человека, например, утраты суверенитета или, проще говоря, контроля над частью государственной территории». Таким образом, создается впечатление, что сам г-н Аго не исключает возможности того, что другая причина, помимо стихийного бедствия, может привести к возникновению случаев форс-мажора.

10. Он хотел бы знать, будет ли при исключении противоправности по причине форс-мажора исключаться также компенсация другой стороны, также не являющейся виновной. Его беспокойство вызвано тем, что г-н Аго в пункте 124 своего доклада процитировал, по-видимому с одобрением, пункт 6 статьи 10 проекта в области кодификации Грэфрата и Штейнигера, в котором говорится: «Обязательство возместить ущерб перестает действовать, если существует форс-мажор или крайняя необходимость». Г-н Ндженга опасается, что, если Комиссия пойдет по этому пути, ее руки окажутся связанными, когда она займется вопросом об ответственности за деяния, которые не запрещены в международном праве. Так, например, если танкер, направляющийся из государства А в государство В, столкнется из-за густого тумана с другим судном и в результате произойдет загрязнение нефтью пляжей государства С, будет иметь место очевидный случай форс-мажора, и он не может согласиться с тем,

что государство С должно страдать из-за этого лишь потому, что нет ответственной стороны. От сторон, участвующих в особо опасных предприятиях, можно было бы потребовать, чтобы они заблаговременно страховались от связанных с их деятельностью рисков, а также разработали своего рода систему урегулирования подобных ситуаций. Существует общее законодательное правило (*Rylands v. Fletcher*)⁴, которое определяет, что приписывается к величине абсолютной ответственности за ущерб, нанесенный в результате такого предприятия.

11. Необходимо также учитывать так называемый экономический форс-мажор, вопрос, затронутый в деле, касающемся *дела об уплате Сербией ряда займов, полученных во Франции, и в деле о погашении в золоте федеральных займов, полученных Бразилией во Франции*, которые упомянуты в пунктах 118 и 119 доклада г-на Аго. Тот факт, что страна оказалась жертвой стихийного бедствия, после которого она абсолютно неспособна расплатиться со своими долгами, не может, на его взгляд, исключаться как обстоятельство форс-мажора. Так, например, одновременное беспрецедентное повышение цен на нефть и промышленную продукцию и падение цен на сырье поставило многие развивающиеся страны на грань банкротства. Если это не представляет собой форс-мажора, то он хотел бы знать, что же тогда есть форс-мажор. Учитывая подобное положение вещей, некоторые страны-кредиторы, включая Нидерланды и Скандинавские страны, заявили о своей готовности отказаться от погашения займов, предоставленных ими развивающимся странам.

12. И наконец, что касается формулировки статей 31 и 32, то он предлагает обратиться к Редакционному комитету с просьбой выяснить, нельзя ли их объединить или изменить таким образом, чтобы уточнить их направленность и установить связь с другими положениями. Однако он всецело разделяет мнение г-на Табиби о необходимости сократить их текст, чтобы эти статьи не могли служить оправданием для ущемления прав слабых стран.

13. Г-н ЯНКОВ говорит, что не может одобрить решение не употреблять выражение «форс-мажор». Комиссия не справилась бы со своей задачей, если бы решила, что будет более осмотрительно абстрагироваться от понятия «форс-мажора», поскольку оно несет в себе слишком много различных оттенков. Выражение «форс-мажор» является техническим термином не только в многочисленных системах внутреннего права, которые представляют юридической науке и юриспруденции определять, как его толковать, но также в международном праве и даже в терминологии

⁴ United Kingdom, *The Law Reports, English and Irish Appeal Cases before the House of Lords* (London, Council of Law Reporting, 1868), vol. III, p. 330.

гии самой Комиссии. И если некоторые страны не употребляют этого термина, Комиссия должна уточнить сферу его применения в своем комментарии. К счастью, г-н Аго перечислил и уточнил в соответствии с переданной ему просьбой факторы, оправдывающие невыполнение международного обязательства. В статье 31 дано четкое описание чрезвычайно важного элемента невозможности выполнить обязательства, а также ситуация бедствия, которая исключает международную противоправность государственного деяния. В статье 32 предусматривается «возникновение внешнего и непредвиденного факта», однако, поскольку проект касается ответственности государств, было бы, действительно, лучше избегать употребления выражения «автор поведения». Безусловно, Редакционный комитет смог улучшить формулировку проектов статей с учетом замечаний, сформулированных членами Комиссии, однако следует воздать должное г-ну Аго за его подробный и тщательный анализ вопроса и за обоснованность предлагаемых им статей.

14. Г-н УШАКОВ подчеркивает необходимость рассматривать лишь ситуации, затрагивающие государство. В рассматриваемых статьях ни в коем случае не следует затрагивать государственные органы, частных лиц и других авторов поведения, которое присваивается государству. Для того чтобы определить, какого рода поведение может быть присвоено государству, необходимо обратиться к главе II.

15. Термин, используемый обычно в русском языке для перевода выражения «форс-мажор» и содержащийся в пункте 3 статьи 14 Конвенции 1958 года о территориальном море и прилежащей зоне⁵, охватывает явления природы, но не действия человека. Это выражение можно было бы передать на французском языке при помощи слов «force insurmontable» или «force irrésistible». Было бы поэтому желательно воздержаться от употребления в проекте выражения «форс-мажор». Если он и выступает за включение двух отдельных статей, посвященных соответственно непредвиденным событиям, связанным с деятельностью человека и непреодолимым событием, вызванным силами природы, то это объясняется лишь тем, что он считает, что на государство может быть возложена ответственность за события, вызванные деятельностью человека, в то время как форс-мажор не может рассматриваться как результат деятельности человека. Касаясь примера, приведенного накануне г-ном Рейгером (1571-е заседание), он спрашивает, действительно ли государство, дающее, несмотря на неблагоприятный прогноз погоды, разрешение на взлет самолету со своей территории, нарушает международное обязательство. В заключение он предлагает учитывать явления природы, а также деяния человека в той степени, в какой они вызваны государством.

⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 516, p. 235.

16. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР считает, что не следует увлекаться анализом всех аспектов предмета, которые могли бы повлиять на ответственность за пагубные последствия деяний, которые сами по себе не являются противоправными. Он признает, что рассмотреть в статьях 31 и 32 вопрос о заменяющих обязательствах невозможно, и разделяет общее мнение о том, что данные статьи должны непосредственно касаться государства, а не авторов того или иного поведения. Однако поскольку особый упор делается на последний вопрос, следует признать, что подход к трем основным положениям статей 31 и 32 изменился.

17. Чисто по-человечески легко считать, что то, что было определено как «форс-мажор», является основным предметом и что в контексте пункта 2 невозможность выполнить обязательства должна рассматриваться с точки зрения совсем иного критерия, когда речь заходит о жизни и судьбе людей. Однако с точки зрения государства между тремя основными положениями можно проследить другую взаимосвязь. Безусловно, ситуацию бедствия, предусматриваемую в пункте 2 этой статьи, нельзя отделить от ее человеческого фактора, хотя представляется затруднительным провести черту между понятием бедствия и понятием крайней необходимости, которое не было еще рассмотрено Комиссией. Сброс воды из водохранилища с тем, чтобы избежать наводнений вверх по течению реки, может привести к человеческим жертвам и материальному ущербу в соседней стране вниз по течению реки; однако этот случай будет скорее рассматриваться как случай крайней необходимости, а не бедствия. Однако сходство между двумя понятиями слишком велико, чтобы его можно было игнорировать или чтобы Комиссия могла сформулировать свою позицию по одному из них, не приняв во внимание другое. Если существуют сомнения в отношении связи между этим пунктом и понятием крайней необходимости, такие же сомнения должны существовать также по поводу связи между форс-мажором и непредвиденным случаем.

18. По мнению г-на Аго, разница между форс-мажором и непредвиденным случаем заключается в том, что в первом случае отсутствует всякая возможность изменить ход событий, а во втором отсутствует всякое представление о том, что ход событий потенциально противоправен. По мнению г-на Ушакова, можно провести явное и достаточное различие между опасностью, вызванной силами природы, и опасностью, вызванной деятельностью человека. Однако взаимоотношения людей столь сложны, что обычно бывает трудно связать какое-либо событие с той или иной причиной. Так, например, сильный неурожай может быть в результате засухи, но также в результате прекращения поставок инсектицидов. Главным элементом в пункте 1 статьи 31, как и статьи 32, является бессилие изменить ситуацию. В статье 32 вводятся факторы, аналогичные тем, которые

учтены в пункте 3 статьи 31. Под выражением «возникновение внешнего... фактора» следует, видимо, понимать фактор, возникший помимо государства, в то время как под выражением «непредвиденный фактор» имеется, по-видимому, в виду необходимость соблюдения разумной добросовестности — хотя он и испытывает на этот счет некоторые сомнения. Во всяком случае, формулировка статьи 32 вполне понятна применительно к случаю, когда пилот, не допустив со своей стороны никаких просчетов, не отдает себе отчета в том, что нарушил воздушное пространство иностранного государства. Однако проект адресуется государству, а не пилоту или экипажу самолета, и что произошло бы, если бы была проявлена недостаточная добросовестность, например, если бы наземный персонал установил на самолете неисправный компас?

19. Г-н Сучариткул указал на значение фактора времени. Различия, которые Комиссия инстинктивно пытается провести между ситуациями, предусматриваемыми в пункте 1 статьи 31 и в статье 32, можно было бы увязать с элементом времени. Вопрос о том, можно ли предвидеть фактор или нет, должен часто возникать в связи с форс-мажором, и не случайно то, что в трудах, упомянутых г-ном Аго, понятие непредвиденного случая оставлено в стороне. Статья 32 затрагивает основной аспект общей ситуации, рассматриваемой Комиссией, однако сомнения г-на Квентин-Бакстера касаются различия между двумя понятиями и даже вопроса о том, действительно ли два понятия можно отделить друг от друга. К счастью, непродолжительные прения Комиссии по этому вопросу открыли возможность для полезного и конструктивного анализа статей 31 и 32 Редакционным комитетом.

20. Г-н ЦУРУОКА считает, что ввиду расхождения во взглядах в отношении смысла выражений «форс-мажор», «непредвиденный случай», «крайняя необходимость» и «бедствие» необходимо сформулировать абсолютно точные правила, применимые к этим ситуациям, и выбрать терминологию. Поскольку речь идет о правилах, позволяющих исключить противоправность деяния, не соответствующего международному обязательству и которые могут вследствие этого повлечь за собой злоупотребления в практической жизни, необходимо, по возможности, ограничить сферу применения этих правил, с тем чтобы обеспечить стабильность международного юридического порядка.

21. Он выступает за то, чтобы разделить статью 31 на две статьи. Он хотел бы, чтобы статьи, касающиеся форс-мажора, непредвиденного случая и ситуации бедствия, включали положения, аналогичные тому, что содержится в пункте 3 статьи 31.

22. Г-н ФЕРОСТА отмечает, что в пункте 127 доклада речь идет о ситуации, которая не может

использоваться государством в качестве «оправдания или извинения его поведения». Следует остерегаться путать понятия оправдания и извиняющего обстоятельства, которые совершенно различаются между собой. И действительно, среди непредвиденных случаев имеются случаи, когда противоправность перестает существовать, а также случаи, когда противоправность сохраняется, однако со смягчающими обстоятельствами.

Заседание закрывается в 12 час. 30 мин.

1573-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 20 июля 1979 года, 10 час. 15 мин.

Председатель: Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Квентин-Бакстер, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Цуруока.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (продолжение) (A/CN.4/318 и Add.1—4)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г-НОМ АГО (окончание)

СТАТЬЯ 31 (Форс-мажор) и

СТАТЬЯ 32 (Непредвиденный случай)¹ (окончание)

1. Г-н Аго, отвечая на замечания, сделанные в ходе прений, отмечает прежде всего, что в целом члены Комиссии согласны с тремя правилами, изложенными в статьях 31 и 32. В этих условиях желательно оставить на время в стороне разделяющие их вопросы терминологии. Он хотел бы подчеркнуть, однако, в отличие от точки зрения, выраженной г-ном Сучариткулом на предыдущем заседании, что речь в действительности не идет о переносе в международное право понятия внутреннего права. И действительно, выражения, использованные г-ном Аго для обозначения ситуаций, подразумеваемых в рассматриваемых статьях, уже неоднократно использовались в международном праве правительствами, авторами научных трудов, а также арбитрами и судьями. Трудность заключается в том, что даже во внутреннем праве терминология страдает непостоянством.

2. Следует также отложить определение внешних факторов, порождающих ситуации, которые

¹ Тексты статей см. 1569-е заседание, пункт 1.

необходимо рассмотреть, с тем чтобы сосредоточиться лишь на самих этих ситуациях. По-видимому, все согласны с тем, что следует рассмотреть три ситуации, которым соответствуют три правила. Первая ситуация связана с абсолютной физической невозможностью. Несколько членов Комиссии возражают против использования какого-либо определения, ибо считают, что в рассматриваемых случаях невозможность выполнить конкретное международное обязательство либо существует, либо отсутствует. Тем не менее выражение «абсолютная невозможность» используется юридической наукой, и существует действительно несколько видов невозможности. Лицо, которое может выбирать между поведением, не соответствующим международному обязательству государства, от имени которого он действует, и поведением, соответствующим этому обязательству, однако равнозначному самоубийству, бесспорно, находится в ситуации невозможности, даже если это абсолютная невозможность. Именно в связи с этой категорией ситуации в праве используется выражение «относительная невозможность». Что касается материальной реальной или абсолютной невозможности — первая ситуация, рассмотренная в проектах статей, характеризуется тем, что государство или лицо, действующее от его имени, не в состоянии выполнить определенное обязательство и не имеет перед собой никакого выбора. При второй ситуации — бедствие — существует выбор между поведением, не соответствующим международному обязательству, и поведением, которое теоретически возможно, но которого обычно нельзя требовать от человека, находящегося в подобной ситуации. Выбор, таким образом, существует, однако он не является свободным. И наконец, в третьей ситуации было бы абсурдно говорить о выборе, поскольку в силу наличия непредвиденного внешнего фактора лицо, действующее от имени государства, поставлено в положение, когда оно не может знать, что его поведение не соответствует международному обязательству.

3. В каждом из предусмотренных случаев отмечается вмешательство внешнего и непредвиденного фактора. Конечно, как указали несколько членов Комиссии, едва ли существуют такие события, которые нельзя как-то предсказать. Однако в целях рассматриваемых статей необходимо установить, должно ли было возникновение определяющего фактора в данной ситуации предусматриваться при нормальной добросовестности. Один и тот же фактор может действовать в каждом из трех случаев, однако его последствия зависят от конкретного случая. В первом случае возникает ситуация физической невозможности выполнения обязательства; во втором — фактическая невозможность выбора и в третьем — имеет место ситуация, когда представитель государства не в состоянии понять, что его поведение не соответствует международному обязательству. Именно на этом этапе между членами Комиссии

возникают разногласия. Все члены согласны с тем, что внешний и непредвиденный фактор может быть следствием явления природы или деятельности человека, однако они не сходятся в вопросах терминологии. Но какими бы выражениями и классификациями они ни пользовались, они приходят к одинаковому результату. Так, г-н Ушаков (1571-е заседание), проводящий различие между форс-мажором и непредвиденным случаем, происшедшим либо в связи с природным явлением, либо в связи с деятельностью человека, подчеркнул, что их последствия, тем не менее, одинаковы. Самолет, крыло которого было повреждено в результате удара молнии или взрыва, устроенного террористами, может как в первом, так и во втором случае оказаться вынужденным совершить непредвиденную посадку. Как подчеркнул сэр Фрэнсис Вэллет, во всех случаях значение в конечном счете имеет ситуация физической невозможности выполнить международное обязательство, независимо от того, является ли эта ситуация следствием явления природы, действия государства или действия людей. Государство, обязавшееся поставить другому государству определенное количество продукции сельского хозяйства или горнодобывающей промышленности, может оказаться в условиях невозможности выполнить свое международное обязательство, например, по причине засухи, нашествия саранчи, забастовки или же потому, что территория, где находится эта продукция, подверглась иностранному вторжению.

4. Однако внешний фактор, который г-н Рейтер (там же) хотел бы со своей стороны уточнить, не должен быть следствием преднамеренных действий или небрежности государства, которое ссылается на него, чтобы оправдать поведение, не соответствующее международному обязательству.

5. Некоторые члены Комиссии сочли, что следует вести речь о деянии государства, а не о деянии органа, действующего от имени государства. По его мнению, это замечание относится лишь к первому правилу. Слова «если автор поведения, присваиваемого государству, находится в условиях абсолютной невозможности действовать иным образом», в пункте 1 статьи 31 можно было бы заменить словами «если это деяние было совершено в условиях физической невозможности действовать иным образом, но необходимо подчеркнуть разницу между обязательствами совершить определенное действие и обязательствами не совершать определенных действий. В отношении обязательств первой категории ясно, что речь в статьях может идти о государстве. Напротив, в связи с обязательством второй категории, как, например, обязательство не нарушить границу, то в действительности не государство, а пилот данного самолета или командир данного судна государства оказывается в условиях невозможности действовать иным образом. Однако, он не предполагает, что выражение «автор поведения,

присваиваемого государству», которое он предложил в статьях 31 и 32, является незаменимым.

6. Учитывая, что члены Комиссии одобряют первое правило, ему необходимо будет найти название, и в этом вопросе мнения разделились. Г-н Ушаков выступает против выражения «форс-мажор», в то время как г-н Янков и г-н Фероста (1572-е заседание) поддерживают его. В действительности, выражение «форс-мажор» является всего лишь переводом латинского выражения *vis major*, которое описывает высшую силу, которой невозможно противостоять. Однако, кажется, нет причин, чтобы эта сила была порождена каким-либо природным явлением и не имела отношения к деятельности человека. Действительно, в некоторых юридических системах понятие форс-мажора подразумевает лишь явление природы, как на это указал г-н Ушаков, однако Комиссия могла бы преодолеть эту трудность, уточнив в статье, которую она намеревается озаглавить «Форс-мажор», что она имеет в виду внешний фактор, будь то стихийный или связанный с деятельностью человека. Однако, если члены Комиссии не выскажутся за подобное решение, он мог бы согласиться с другим выражением, таким как «непреодолимая сила». Следует избежать выражения «непреодолимое принуждение», предложенного г-ном Рейтером (1571-е заседание), поскольку термин «принуждение» используется в ином смысле в другой статье проекта. Но эти вопросы терминологии в действительности носят только второстепенное значение и должны быть решены Редакционным комитетом.

7. Если бы два правила, изложенные соответственно в пунктах 1 и 2 статьи 31, содержались в отдельных статьях, то очевидно, что положение пункта 3 должно было бы распространяться на обе статьи, поскольку противоправность сохраняется во всех случаях, когда государство виновато в возникновении ситуации невозможности. Как подчеркнули г-н Сучариткул (1572-е заседание) и г-н Рифаген (1571-е заседание), во всех ситуациях, предусматриваемых в статье 31, действует очень важный субъективный элемент.

8. В формулировке правила, касающегося ситуации бедствия, которое изложено в пункте 2 статьи 31, нельзя не упомянуть представителя государства, поскольку не само государство, а его представитель оказывается в подобной ситуации. Нельзя игнорировать тот факт, что в центре этой ситуации находится человек. Может, однако, случиться так, что в условиях ситуации бедствия, в которой окажется один из его представителей, государство не вмешивается, с тем чтобы помочь ему выйти из положения, хотя и могло бы это сделать. В этом случае поведение государства будет противоправным и подпадает под пункт 3 статьи 31. Сюда относился бы случай, когда государство, которое могло бы спасти свое судно, терпящее бедствие в открытом море, не сделало бы этого.

9. Необходимо также учитывать человеческий фактор ситуации, предусматриваемой в пункте 2 статьи 31, с тем чтобы отличить ее от крайней необходимости. Этот последний случай, который будет рассмотрен в статье 33, был назван г-ном Ушаковым «крайней необходимостью» (там же). Стремясь ничего не упустить, он упомянул в своем докладе случаи, которые относятся не к форс-мажору или непредвиденному случаю, а к состоянию крайней необходимости. Так, в споре с Бельгией Греция, например, заявила, что выплата долгов поставила бы ее в ситуацию банкротства и что она не может поставить государство в такое опасное положение². Со своей стороны, г-н Ушаков упомянул случай, когда государство, разрешив в договоре другому государству заниматься ловлей определенного вида рыбы в своих территориальных водах, констатирует, что существует опасность того, что часть его населения лишится важного источника питания. Ситуациями, характеризуемыми как «крайняя необходимость», являются такие ситуации, которые содержат серьезную опасность существованию государства или же основным интересам государства. Однако эти ситуации следует отличать от тех ситуаций, когда находящийся в опасности государственный орган должен действовать таким образом, чтобы избежать бедственной ситуации, в которой он находится. Как подчеркнул г-н Рифаген, в этой второй ситуации следует особо учитывать случай, когда отдельное лицо действует от имени государства, однако с учетом ситуации, в которой он находится как человек.

10. Другой вопрос, поставленный в связи с пунктом 2 статьи 31, касается сопоставимости между интересами одной стороны, которая защищается, и интересами другой стороны, которая оказалась жертвой в результате несоблюдения международного обязательства. Как было отмечено, может получиться так, что никакие действительные интересы не будут принесены в жертву или, во всяком случае, не будет причинен никакой физический ущерб. В этой связи г-н Рифаген предусмотрел две возможности. В первом случае, когда остров, который государство обязано передать другому государству, исчезает, в то время как сохраняется море, окружающее его, и континентальный шельф, может возникнуть вопрос, какой должна быть судьба этих элементов — моря и континентального шельфа. Со своей стороны, он склоняется в пользу полного исчезновения обязательства, однако констатирует, что в действительности вопрос выпадает из области, которую Комиссии было поручено изучить. Во втором случае деяние, противоправность которого исключается, приводит к последствиям, причиняющим ущерб третьим государствам. И в этом случае рассматриваемые статьи не дают решения. Он тем не менее готов согласиться, если Комиссия сочтет это полезным, чтобы был пункт, где бы

² См. A/CN.4/318 и Add.1—4, пункт 120.

специально указывалось, что исключение противоправности не затрагивает других последствий, которые могут по другим причинам вытекать из деяния конкретного государства. Кроме того, необходимо учесть тот факт, что отсутствие нормального соотношения между охраняемыми интересами и интересами, приносимыми в жертву, может вновь придать деяниям противоправный характер.

11. Что касается третьего правила, являющегося предметом статьи 32, то опять ситуация представителя государства, являющегося автором деяния, также должна учитываться, поскольку само государство, как таковое, может со своей стороны, даже знать, что его самолет вылетел за пределы национальной территории, в то время как пилоту это будет неизвестно. Поэтому важно специально указать в проекте статей, что именно представитель как человек оказывается лишенным возможности осознать, что действует в нарушение международного обязательства. Что касается названия статьи, то выражение «непредвиденный случай» является, по-видимому, источником дополнительных трудностей в силу того смысла, который вкладывается в него в некоторых юридических системах. Редакционный комитет должен рассмотреть этот вопрос.

12. Он согласен с мнением г-на Рейтера (1571-е заседание), что было бы желательно не вдаваться в подробности вопроса, применимы ли изложенные общие принципы к международным экономическим отношениям. Он надеется, что Комиссия избежит какой-либо специальной ссылки на экономические обязательства даже в своем комментарии, хотя Международный Суд и решил рассматривать форс-мажор в связи с этими обязательствами в качестве исключения.

13. Некоторые члены подчеркнули, что следует предотвратить всякую возможность злоупотреблений, которые были бы опасны для слабых государств. По его мнению, опасность подобных злоупотреблений является маловероятной, поскольку правила, разработанные Комиссией, направлены именно на защиту наиболее слабых государств. Даже в случае, предусматриваемом г-ном Тиамом, когда новое независимое государство сталкивается с восстанием на части его территории, которое лишает его возможности выполнить международное обязательство, связанное с этой территорией, проект статей обеспечит достаточную защиту, поскольку подобная ситуация подпадает под действие первого правила, в основе которого лежит идея абсолютной невозможности выполнения обязательства, в силу чего его невыполнение не будет носить никакого противоправного характера.

14. Г-н Фероста (1572-е заседание) указал на возможность существования ситуации, когда противоправность не исключается, однако конкретные обстоятельства должны учитываться как

смягчающие при установлении величины и определения формы компенсации ущерба. Эти случаи будут подпадать под часть II проекта, предметом которой будет определение не наличия, а последствий международного противоправного деяния.

15. Г-н РЕЙТЕР всецело поддерживает выступление г-на Аго и считает, что Комиссия должна исходить из ситуаций, то есть ситуаций невозможности. Из этого вытекает, что причина возникновения ситуации не будет приниматься во внимание, независимо от того, идет ли речь о явлении природы или деятельности человека. В этой связи г-н Аго указал, что было бы предпочтительно при обозначении ситуаций физической невозможности, вызванных явлениями природы и главным образом деятельностью человека, избегать употребления термина «принуждение», используемого в других положениях в определенном смысле. Со своей стороны он усмотрел в этом связь со статьей 28³, и он действительно констатирует, что вопрос, рассматриваемый Комиссией, определенным образом связан со сферой применения статьи 28.

16. Практически можно представить себе ряд договорных ситуаций, когда договор, являющийся источником международных обязательств, характеризуется многочисленными элементами того, что между частными лицами принято называть контрактом. Это, в частности, относится к межгосударственным договорам о поставках товаров или оборудования. В подобных случаях деяние третьей стороны может иметь определенные последствия. Так происходит, когда заключается договор о поставках одним государством другому государству самолетов, которые не могут быть произведены первым государством без предварительного соглашения с третьим государством о поставках необходимого оборудования. Если третье государство отказывается поставить оборудование, то налицо деяние третьего государства, препятствующее выполнению первого договора, и в результате необходимо установить, утрачивает ли свой противоправный характер факт невыполнения первым государством своего обязательства по договору о поставках самолетов. Г-н Аго упомянул в этой связи понятие «fait du prince», позаимствованное из частного права, где оно обозначает деяние государства, препятствующее выполнению частных контрактов. Подобная ситуация может возникнуть и в международных отношениях, в частности в случае, когда международное обязательство препятствует выполнению положений договора.

17. Он считает, что Комиссия не сможет избежать изучения сложных проблем подобного рода, если она решит заняться их причинами; он полагает, как и г-н Аго, что было бы желательно касаться лишь исключительно ситуаций.

³ См. 1567-е заседание, пункт 1.

18. Г-н УШАКОВ напоминает, что он всегда считал необходимым проводить различие между явлением природы, которое снимает с государства ответственность, и деянием человека, с которыми дело обстоит иначе. Кроме того, он считает, что Комиссии следует изъять из своего комментария все примеры конкретных случаев, которые не являются ясными и бесспорными, поскольку необходимо проявлять большую осторожность.

19. Г-н ФЕРОСТА говорит, что все еще сожалеет о том, что статьи 31 и 32 не дополнены статьей 33, определяющей понятие крайней необходимости. Он считает, что следовало бы установить более тесную связь между случаями, когда государство находится в смертельной опасности, и случаями, когда государственные органы находятся в бедственном положении, поскольку чаще всего автором поведения, присваиваемого государству, является государственный орган.

20. Г-н СУЧАРИТКУЛ уточняет, что он указал на опасность закрепления в международном публичном праве терминологии частного права лишь в порядке напоминания. В данном случае он не возражает против использования слова «форс-мажор», особенно после уточнений, сделанных г-ном Аго.

21. Г-н АГО считает, как и г-н Рейтер, что можно избежать ряда трудностей, если не затрагивать причин. Он, однако, напоминает, что Комиссии было поручено сформулировать общие правила международного права и что ясно, что в случае, когда международный договор содержит определенное правило, именно это правило и будет употребляться, поскольку тексты, составленные Комиссией, имеют характер вспомогательных правил.

22. С другой стороны, в конкретном случае, изложенном г-ном Рейтером, когда оказывается невозможным выполнить международный договор о купле-продаже из-за деяния третьего государства, в силу вступает пункт 3 статьи 31, поскольку можно считать, что государство проявило неосторожность и небрежность, заключив договор на поставку продукции, производство которой не зависело от одной лишь стороны. В другом случае, когда применяются международные санкции, может быть использована статья 30 о международных контрмерах⁴.

23. Как и г-н Ушаков, он считает, что при редактировании комментариев Комиссии необходимо проявлять большую осторожность.

24. По поводу различия между состоянием крайней необходимости и ситуацией бедствия, затронутого г-ном Феростой, он подчеркивает, что состояние крайней необходимости совершенно отличается от ситуации бедствия и будет изучено впоследствии.

⁴ Там же.

25. И наконец, он разделяет стремление г-на Сучариткула об использовании лишь ясной и четкой терминологии, которая не оставит места для сомнений.

26. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии, если нет возражений, принять решение о передаче проектов статей 31 и 32 Редакционному комитету, который рассмотрит их с учетом результатов прений и предложения, внесенного г-ном Ушаковым (1571-е заседание, пункт 20).

Предложение принимается⁵.

Заседание закрывается в 11 час. 40 мин.

⁵ Рассмотрение текста, представленного Редакционным комитетом, см. 1579-е заседание.

1574-е ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник, 23 июля 1979 года, 15 час. 15 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Калье-и-Калье, г-н Квентин-Бакстер, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Цуруока, г-н Швებель, г-н Янков.

Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности (A/CN.4/323)

[Пункт 10 повестки дня]

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Специальному докладчику г-ну Сучариткулу представить свой предварительный доклад по вопросу о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (A/CN.4/323).

2. Г-н СУЧАРИТКУЛ (Специальный докладчик) говорит, что в ходе подготовки данного доклада в качестве основы для работы он использовал доклад Рабочей группы по юрисдикционным иммунитетам государств и их собственности, учрежденной Комиссией на ее тридцатой сессии¹, но в то же время он попытался сделать общий обзор данного вопроса. Как объясняется во введении, цель этого предварительного доклада заключается в выявлении различных видов первоисточников в целях определения областей, представляющих интерес, и установления содержания данного вопроса. Таким образом, имеется надежда на обеспечение систематического рассмотрения свода обычных и эволюционных норм применимого международного права.

¹ A/CN.4/L.279/Rev.1 [раздел III которого воспроизведен в *Ежегоднике...*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 153 англ. текста, документ A/33/10, глава VIII, раздел D, приложение].

3. Он может информировать Комиссию о том, что в настоящее время восемь государств ответили на циркулярное письмо Генерального секретаря, направленное по просьбе Комиссии правительствам государств-членов и предлагающее им представить к 30 июня 1979 года соответствующие материалы по иммунитету государства от иностранной юрисдикции. Одно из этих восьми государств указало на то, что в их странах не наблюдается никаких явных прецедентов в этом отношении, а другие представили ценную информацию о своих законах и практике.

4. В главе II настоящего доклада, озаглавленного «Краткий исторический обзор международных мероприятий в целях кодификации», упоминается работа Лиги Наций, самой Комиссии и региональных правовых комитетов. Афро-азиатский консультативно-правовой комитет прекратил рассмотрение опроса «Ограничения иммунитета государств в отношении коммерческих сделок, заключаемых государствами или от имени государств, а также государственным торговыми корпорациями»; однако члены Комиссии могут обратить внимание на то, что Европейский комитет по правовому сотрудничеству внес определенный вклад в заключение Европейской конвенции 1972 года об иммунитете государств и что в текущей программе работы Межамериканского юридического комитета значится пункт, озаглавленный «Иммунитет государств от иностранной юрисдикции». Целый ряд профессиональных учреждений также занимается развитием права, касающегося иммунитета государств. В число таких учреждений входят Институт международного права, Ассоциация международного права, Гарвардская школа права (научные исследования в международном праве), Международная ассоциация юристов.

5. В части III настоящего доклада рассматриваются источники международного права иммунитета государства. Как Специальный докладчик отмечает в пункте 22, эти источники являются необычными, поскольку они представляются более широко рассредоточенными, чем это можно предположить. Различные мнения по данному вопросу, высказанные в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи², свидетельствуют о предстоящих трудностях и необходимости особо тщательно рассмотреть национальные правовые системы. Однако аналогичные трудности возникали в связи с такими другими вопросами, как дипломатические и консульские сношения и иммунитеты.

6. Первым источником международного права, упоминаемым в части III настоящего доклада, является практика государств, которая охватывает целый ряд областей начиная с национального законодательства. Законодательные акты о судебной системе можно найти в конституционном

² См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать третья сессия, Приложения*, пункт 114 повестки дня, документ A/33/419, пункты 263 и 264.

праве отдельного государства в основном или специальном законе об организации судов или создании судебной иерархии. Например, в статье 14 Гражданского кодекса Франции предусматриваются иски к иностранцам во французских судах, причем те же принципы применяются в статьях 52 и 54 Гражданского кодекса Бельгии. В настоящем докладе также упоминается статья 61, озаглавленная «Иски к иностранным государствам: дипломатический иммунитет», из основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Что касается более новых актов национального законодательства, то особенно упоминания заслуживают два законодательных акта: Акт Соединенных Штатов об иммунитете иностранных суверенных государств 1976 года и Акт Соединенного Королевства об иммунитете государств 1978 года³. В различных странах также имеется целый ряд законодательных актов, посвященных таким некоторым аспектам иммунитета государств, как иммунитет, распространяемый на помещения представительств, аккредитованного при международной организации, на военные корабли и государственные суда, используемые для обслуживания государственных и некоммерческих учреждений, на иностранных суверенов и на собственность иностранного суверенного государства.

7. Второй областью практики государств и, несомненно, наиболее значительным источником норм международного права иммунитета государств являются судебные решения муниципальных судов. К сожалению, не зафиксировано никаких прецедентов в отношении иммунитета государств, относящихся к периоду до девятнадцатого века, причем создается дополнительная трудность в связи с необходимостью проанализировать характерные особенности процедур каждой правовой системы. С другой стороны, в практике муниципальных судов, как представляется, наблюдается тенденция не только использовать свои собственные прецеденты, но и ссылаться на решения других судов, в результате чего в целом ряде последних случаев использовались методы сравнительного права. Именно к таким случаям относится решение Верховного суда Австрии в деле *Дралле против Чехословацкой Республики (1950 год)*, отрывок из которого приводится в его докладе. Суды Соединенных Штатов Америки также ссылались на решения иностранных судов, как, собственно, и апелляционный суд Соединенного Королевства в деле *Трендтекс 1977 года*⁴. Поэтому представляется целесообразным продолжить изучение судебных решений муниципальных судов.

8. Правительственная практика является третьей областью государственной практики. Исполнительная власть страны может играть решающую роль в определении того, следует или не

³ См. A/CN.4/323, пункты 25 и 26.

⁴ Там же, пункты 29 и 30.

следует государству требовать иммунитета или отказаться от него. Исполнительная власть играет, по крайней мере, тройную роль: в принятии законодательного акта об иммунитете государства; в предоставлении консультаций судебной власти по вопросам иммунитета государства и в издании для своих собственных судов постановлений или свидетельств, подтверждающих статус определенного образования или существование государственности либо разъясняющих любой соответствующий вопрос международного права или определенный факт.

9. Вторым основным источником международного права иммунитета государства являются такие международные конвенции, как Женевские конвенции по морскому праву (1958 год), Венская конвенция о дипломатических сношениях (1961 год), Венская конвенция о консульских сношениях (1963 год), Конвенция о специальных миссиях (1969 год) и Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера (1975 год). Необходимо также упомянуть региональные конвенции, в частности Европейскую конвенцию об иммунитете государств (1972 год) и Брюссельскую международную конвенцию об унификации некоторых правил об иммунитете принадлежащих государствам судов (1926 год).

10. Третьим источником является решение спора международной инстанцией; сюда относятся как судебные, так и арбитражные решения. Как представляется, в этом отношении не существует известных прецедентов, но это не значит, что данный вопрос не регулируется международным правом.

11. Четвертым и последним источником материала являются заключения юристов. Хотя их заключения бывают различными, они, по-видимому, свидетельствуют о появлении нового направления в поддержку концепции иммунитета государств.

12. Глава III настоящего доклада рассматривает возможное содержание права иммунитета государств. Как отмечается в разделе А, основная цель этого предварительного доклада заключается лишь в определении рамок настоящего исследования; структура же и порядок представления норм международного права в виде проекта статей будут рассматриваться на более позднем этапе. Наблюдается явная дихотомия между государствами и их собственностью, которая, даже будучи обманчивой, служит подтверждением того, что существует целый ряд различных этапов применения норм, особенно в отношении иммунитета от конфискации и наложения ареста и, в конечном счете, в отношении иммунитета от исполнительных действий.

13. В разделе В предпринимается попытка уточнить значение некоторых ключевых терминов.

В то время как термин «юрисдикция» не вызывает особых трудностей, термин «иммунитет от юрисдикции» может иметь несколько значений. Он не означает какого-либо освобождения от применения материального права, но под этим термином может подразумеваться иммунитет не только от полномочий выносить судебное или арбитражное решение, но и от полномочий осуществлять арест и задержание — будь то лиц или собственности, — иными словами, от полномочий, относящихся в некоторых случаях к компетенции судебной и исполнительной власти страны. Нет необходимости определять термин «государство» для всех целей, но, возможно, Комиссии следует рассмотреть вопрос о том, требуется ли для целей настоящего исследования такое определение, которое устанавливало бы, какие образования охватываются таким термином. Подобное определение необходимо искать в национальных законах, а также в некоторых региональных конвенциях. В своих предыдущих работах по другим вопросам Комиссия уже определила термин «государственная собственность», в частности в контексте проекта статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров⁵, и в настоящем исследовании можно, наверное, использовать такое же или аналогичное определение.

14. Что касается общей нормы об иммунитете государства, которая обсуждается в разделе С главы III, то Рабочая группа точно определила эту проблему, указав на то, что доктрина государственного иммунитета представляет собой результат взаимосвязи двух основополагающих принципов международного права: принципа территориальности и принципа правосубъектности государства, причем оба эти принципа являются двумя аспектами государственного суверенитета⁶. Что касается анализа правовых отношений, то можно отметить, что концепция иммунитета является следствием отказа от осуществления полномочий, однако, несмотря на полезность такого аналитического подхода, важно не упускать из виду историческое развитие практики государств, краткое изложение которого содержится в пунктах 57 и 58 настоящего доклада. При определении элементов, составляющих основу этой общей нормы, более пристального внимания заслуживает целый ряд факторов, в частности существование суверенного государства с юридически действующей территориальной юрисдикцией в отношении деятельности другого суверенного государства или, иными словами, осуществление суверенной власти одним государством в пределах действия территориальной юрисдикции другого государства и отсутствие согласия иностранного суверенного государства на осуществление территориальной юрисдикции органами этого государства. Важным

⁵ См. *Ежегодник...*, 1973 год, том II, стр. 239, документ A/9010/Rev.1, глава III, раздел В, статья 5.

⁶ См. *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 152 англ. текста, документ A/33/10, глава VIII, раздел D, приложение, пункт 11.

элементом доктрины государственного иммунитета является согласие, с которым связан отказ от иммунитета и другие смежные вопросы. В число дополнительных вопросов, связанных с согласием, входят: добровольное подчинение юрисдикции, встречный иск, распределение расходов и исполнение.

15. В разделе E рассматривается крайне важный вопрос о возможных исключениях из общей нормы об иммунитете государства. По мнению оратора, прослеживаются два возможных подхода: определить обстоятельства, при которых будет признан иммунитет, и изложить общий принцип иммунитета, а затем предусмотреть исключения из него. Из этих двух подходов он склоняется в пользу последнего и предлагает предварительный перечень исключений, которые можно сгруппировать в следующие подразделы: коммерческие сделки; трудовые договоры; личный вред и нанесение ущерба собственности; собственность, владение и использование имущества; патенты, торговые знаки и другие виды интеллектуальной собственности; фискальные обязательства и таможенные пошлины; участие в акционерном капитале и состав корпораций; суда, используемые в коммерческом деле; арбитраж.

16. На более позднем этапе Комиссии необходимо решить вопрос о том, следует ли в этот же проект статей включать положения об иммунитете от наложения ареста и исполнительных действий или же этот вопрос должен стать предметом другой, отдельной части данного проекта. Ей необходимо будет также рассмотреть целый ряд прочих процедурных вопросов, упоминаемых в разделе C главы III.

17. Наконец, хотя на основе данного доклада трудно сделать какие-либо конкретные выводы, оратор выражает надежду, что этот доклад обеспечит основу для дальнейшей работы Комиссии, при осуществлении которой, как он предлагает, ей необходимо руководствоваться мнениями государств.

18. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ выражает признательность Специальному докладчику за подготовленный предварительный доклад и умелое представление этого доклада.

19. Г-н РЕЙТЕР разделяет мнение Специального докладчика относительно того, что предпочтительно начать работу с разработки принципа иммунитета государства, а не с определения исключений из этого принципа. Исторический опыт показывает, что сначала формулировался сам принцип; этот вопрос осложнился лишь в силу экономических и технических изменений современной эпохи. Однако непреложным остается тот факт, что частотность и сложность использования определенных исключений из данного принципа — что, в частности, объясняется наметившейся тенденцией к обобществлению и вмешательству, — возможно, заставит Комиссию посвятить больше

времени изучению этих исключений. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что такие государства, как Соединенные Штаты Америки и Соединенное Королевство, в течение продолжительного времени занимавшие твердые позиции в отношении принципов, несколько ослабили свои позиции в вопросах законодательства.

20. Как явствует из чтения предварительного доклада, а также из устного представления Специального докладчика, Комиссия может использовать два общих подхода. Она может начать с общих принципов, изложенных в виде норм или определений, либо с конкретных прецедентов. Оба метода являются интересными, но каждый из них сопряжен с определенным риском. Поэтому надо надеяться на то, что с самого начала Специальный докладчик займется некоторыми общими аспектами, приводя при этом примеры конкретных прецедентов, и одновременно с этим подготовит статьи, одни из которых будут касаться общих проблем, а другие — конкретных вопросов. Возможно, что такой подход усложнит его задачу, но он таким образом сможет избежать крайностей обоих методов.

21. Сначала необходимо рассмотреть лишь вопрос об иммунитете от юрисдикции, отложив вопрос об иммунитете от исполнительных действий на более поздний период. В результате значительных изменений, присущих современной эпохе, иммунитет от юрисдикции претерпевает быстрое развитие, чего не скажешь об иммунитете от исполнительных действий. Из этого следует, что вопрос об иммунитете от исполнительных действий является, вероятно, менее зрелым для кодификации, поэтому его рассмотрение будет сопряжено с более серьезными трудностями. Комиссии не следует принимать преждевременных решений в отношении того, каким образом она будет рассматривать вопрос об иммунитете от исполнительных действий. Кроме того, поскольку иммунитет от юрисдикции связан главным образом с вопросами процедуры, Комиссии необходимо начать свою работу с этих вопросов, отложив, насколько это возможно, рассмотрение вопросов по существу, что, несомненно, даст ей возможность избежать многих трудностей, которые могут возникнуть в связи с вопросами по существу. Рассмотрение процедурных вопросов может вскоре принести плодотворные результаты, которые найдут свое практическое выражение в проекте статей.

22. Что касается целесообразности в данном проекте статей делать ссылки на внутригосударственное право, то оратор отмечает, что Специальный докладчик обратил внимание на тот факт, что в проекте статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров, содержится определение государственной собственности с ссылкой на внутригосударственное право. Хотя трудно не согласиться с тем, что многие понятия международного права можно определить лишь

с помощью ссылок на внутригосударственное право, факт остается фактом, что — как Комиссия убедилась при изучении вопроса о государственных архивах — этот метод может иметь определенные недостатки. По его мнению, было бы целесообразным выйти за пределы внутригосударственного права. Например, представляется недостаточным, чтобы Комиссия просто изложила принцип о том, что этот метод является *lex rei situs*, применимым к недвижимой собственности. При установлении такой нормы возникает вопрос о правоспособности иностранного государства в соответствии с внутригосударственным правом; ведь государство, обладающее правоспособностью в международном праве, не имеет никакой правоспособности в соответствии с внутригосударственным правом другого государства. В принципе, государство не может приобрести недвижимое имущество за границей в такой же мере, как и частное лицо не может преподнести дар иностранному государству.

23. Некоторые вопросы являются объектом судебных решений. Например, какое право применяется при установлении собственности на движимое имущество? Является ли им право, применимое к заключению договоров, или право, применимое к местонахождению этого имущества? Оратор также задает вопрос о том, с какого момента государство, покупающее самолеты у другого государства, становится их собственником и — когда эти самолеты стали его собственностью — с какого момента они считаются военными или гражданскими самолетами? Как Комиссия уже убедилась при изучении проблемы государственных архивов, когда Комиссия входит в область внутригосударственного права, она сталкивается с вопросами частного международного права. Следовательно, по мере возможности ей необходимо попытаться разработать нормы исключительно публичного международного права или по крайней мере такие нормы, на основе которых можно урегулировать конфликты правовых норм.

24. Г-н РИФАГЕН присоединяется к поздравлениям, высказанным в адрес Специального докладчика в связи с его докладом. Все, кому приходилось когда-либо заниматься сложными вопросами иммунитета государств, смогут по достоинству оценить гигантский объем работы, проделанной в связи с этим документом.

25. В целом он разделяет мнение Специального докладчика, особенно содержащееся в пункте 4 его доклада утверждение о том, что отсутствие международных судебных решений относительно иммунитета государства не означает, что этот вопрос не поддается регулированию с помощью международного права. Однако факт остается фактом, что юристы и внутригосударственные суды, особенно в Соединенных Штатах Америки, зачастую упоминают вопросы иммунитета государства в качестве вопросов вежливости; такой подход также часто наблюдается в отношении

вопросов коллизии правовых норм или пределов национальной юрисдикции.

26. По его мнению, те различия, которые обнаружались на практике с помощью подобных судебных решений касательно иммунитета государства, свидетельствуют об отсутствии универсальной нормы международного права по данному вопросу в меньшей степени, чем используемая государствами «свобода действий» в том смысле, в котором это выражение было употреблено Международным Судом в деле *Лотус*⁷. Несомненно, отсутствие решения спора международной инстанцией можно, по крайней мере частично, объяснить теми обстоятельствами, что отказ национального суда признать иммунитет иностранного государства сам по себе не может вызвать нанесение ущерба этому государству и что даже принудительное исполнение судебного решения на территории государства местонахождения суда не будет иметь большого практического значения для того государства, иммунитет которого отклонен. Во всяком случае имеется огромное количество дипломатической корреспонденции, в которой на основе так называемых норм публичного международного права предьявляется требование о предоставлении иммунитета и опротестовывается отказ его предоставить. Более того, вопрос об иммунитете государства по своему характеру относится к числу тех вопросов, которые должны регулироваться с помощью международного права.

27. Внимание Комиссии заслуживает еще один аспект аналогии между ситуациями, связанными с коллизией правовых норм, и ситуациями, связанными с иммунитетом государства, а именно: аспект судебной процедуры. В обоих случаях решения по конкретным делам основываются на связи между ситуацией, в которой возникло требование об иммунитете, и соответствующими государствами или правовыми системами. Если ради аргумента считается, что все лица, представляющие иностранное государство, или все мероприятия, или собственность этого государства исключительно или же в преобладающем порядке связаны с этим государством, то в результате этого им предоставляется абсолютный иммунитет. Однако все больше и больше утверждается мнение о том, что могут появиться факторы, связывающие потенциальный вопрос об иммунитете не с «иностранным государством», а с какой-либо правовой системой или другим государством — особенно государством суда — и что такие факторы могут преобладать, в результате чего иностранному государству будет предоставляться лишь ограниченный иммунитет. Примеры в подтверждение этого принципа можно обнаружить во множестве национальных законов или договоров, включая Европейскую конвенцию об иммунитете государств⁸. В этом документе на-

⁷ P.C.I.J., Series A, No. 10, p. 19.

⁸ Council of Europe, *European Convention on State Immunity and Additional Protocol*, European Treaty Series, No. 74 (Strasbourg, 1972).

личие или отсутствие иммунитета государства ставится в зависимость от таких вопросов: должно ли договорное обязательство осуществляться в государстве местопребывания суда и заключения данного договора; гражданства служащих, нанимаемых по спорному трудовому договору, и имеет ли это иностранное государство постоянное представительство или аналогичное учреждение на территории другого государства.

28. Однако определенного внимания заслуживает еще один аспект аналогии между ситуациями, связанными с коллизией правовых норм, и ситуациями, связанными с иммунитетом государства. То, что Специальный докладчик отметил в первых двух предложениях пункта 53 своего доклада, в целом соответствует действительности, но зависит, в частности, от сферы применения соответствующих «территориальных законов». Несмотря на утверждение Специального докладчика, содержащееся в четвертом предложении того же пункта, оратор задает вопрос о том, будут ли такие законы применяться во всех случаях отказа от иммунитета. Например, при рассмотрении одного дела, которое проводилось в Нидерландах и в котором, несомненно, присутствовал косвенный отказ от иммунитета посредством предъявления встречного иска, Верховный суд этой страны счел, тем не менее, необходимым убедиться в том, может ли он подвергнуть испытанию поведение соответствующего иностранного государства. Такой прецедент, несомненно, вписывается в рамки доктрины «деяния государства», которую, в конечном счете, можно считать связанной с иммунитетом государства, но лишь на уровне осуществления власти путем испытания поведения иностранных государств.

29. Необходимо отметить, что вопрос о таком испытании или даже о его допустимости может возникнуть в национальных судах даже в тех случаях, в которых с технической точки зрения иностранное государство не является стороной в судебном разбирательстве. В Нидерландах, например, иск о гражданском правонарушении был возбужден против частной судоходной компании, осуществляющей торговлю с Индонезией. Вопрос касался поведения *jure imperii* правительства Индонезии, поэтому суд объявил себя некомпетентным. Аналогичным образом оратор считает, что когда недавно один из судов Соединенных Штатов Америки объявил себя некомпетентным урегулировать иск между двумя частными сторонами в гражданском процессе относительно действительности правовых титулов, представленных соперничавшими государствами, то этот суд поступил таким образом не только потому, что рассматриваемый вопрос был политическим, но и потому, что он считал себя некомпетентным выносить решение о поведении иностранных государств. Представляется целесообразным, чтобы Специальный докладчик избегал включения вопросов об иммунитете государства на таком уровне его исследования, поскольку

нет уверенности в том, что существуют какие-либо общие нормы международного права для их регулирования.

30. Хотя оратор полностью согласен с утверждением Специального докладчика, содержащимся в последнем предложении пункта 53, в этом предложении, по-видимому, подразумевается, что иммунитет от юрисдикции иностранного суда будет применяться в обычном порядке, если данный суд превысит юрисдикцию, предусмотренную «обычными нормами» частного международного права. Тогда, естественно, возникает вопрос о том, что представляют собой эти «обычные нормы». Именно эта проблема заставила серьезно призадуматься составителей Европейской конвенции об иммунитете государств, и найденный ими ответ представляется далеко не простым. Кроме того, если действительно верным является тот факт, что наличие или отсутствие иммунитета государства основывается на наличии или отсутствии факторов, связывающих ситуацию, в которой возник иск, с государством местонахождения суда, то, возможно, стоило бы проанализировать те факторы, которые связывают истца с данным судом. Вполне можно представить себе такие обстоятельства, при которых государство-ответчик не может требовать иммунитета, если истец действительно связан с государством местонахождения суда, в противном же случае у этого государства была бы такая возможность. В связи с подобными прецедентами возникает в свою очередь проблема «поиска наиболее выгодного суда». Однако Комиссия может избежать вовлечения себя в решение таких сложных вопросов, если в отношении данного вопроса она будет руководствоваться подходом, предложенным Специальным докладчиком.

31. Г-н УШАКОВ отмечает, что у него складывается впечатление, что Специальный докладчик предлагает разработать статьи, касающиеся исключений из общей нормы об иммунитете государства, а не самой нормы. Разумеется, нельзя утверждать, что не существует никаких исключений из данной нормы, но, вероятно, слишком преждевременным является утверждение Специального докладчика о том, что в некоторых случаях не существует иммунитета государства и что исключения могут брать верх над самой нормой. Нельзя делать подобных заявлений, если они не основываются на обычных нормах или практике государств.

32. Что касается ссылки на внутригосударственное право, то оратор подчеркивает, что такая ссылка возможна лишь в том случае, если упоминаемая норма внутригосударственного права не противоречит определенной норме международного права.

33. В пункте 71 своего доклада Специальный докладчик, заявив, что одним из возможных исключений из нормы об иммунитете государства

является торговая деятельность иностранного государства, отмечает, что может возникнуть вопрос, касающийся межгосударственных сделок. Представляется странным мнение о том, что в связи с подобным прецедентом могут возникнуть определенные трудности, поскольку он является предметом договоров, заключаемых между государствами, а такие договоры — даже если они касаются коммерческих вопросов — не могут подчиняться юрисдикции того или иного государства. Ни вопрос о применении внутргосударственного права, ни вопрос об иммунитете государства не относятся к делу.

34. Не всегда точной является и терминология Специального докладчика, и общая концепция государства также не является утвердительной. Конечно, в XVII и XVIII веках некоторые юристы под влиянием теорий, преобладающих в средние века, противопоставляли государственную власть территориальному верховенству государства. По их мнению, власть вытекает из территориального верховенства, следовательно, государственная власть, осуществляемая данным государством на своей территории, объясняется тем фактом, что оно является хозяином данной территории. Некоторые юристы до сих пор используют эти устаревшие концепции. Однако, по мнению оратора, бессмысленными представляются попытки разбить на части единое образование, представляемое государством. Мы говорим о законодательной, исполнительной и судебной власти лишь в целях распределения функций между государственными органами, а также исключительно из соображений удобства. Однако нельзя говорить, что государство может выступать в качестве торговца. Согласно определению, все функции, выполняемые государством, являются политическими. Говорить о том, что покупка государством ботинок носит коммерческий характер или что другие мероприятия государства носят культурный характер, значит прибегать к фикции, скрывающей, по существу, политический характер всей деятельности государства.

Заседание закрывается в 18 час. 05 мин.

1575-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 24 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Калье-и-Калье, г-н Квентин-Бакстер, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Суруока, г-н Швевель, г-н Янков.

Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности (окончание) (A/CN.4/323)

[Пункт 10 повестки дня]

1. Г-н УШАКОВ, продолжая свое выступление, которое он начал днем ранее, отмечает, что, поскольку государство является неделимым образованием, государственную собственность нельзя подразделять на государственную собственность, используемую в коммерческих целях, и другую государственную собственность. Однако в пункте 85 своего доклада (A/CN.4/323) Специальный докладчик упоминает «собственность государства, используемую в коммерческих целях». Например, нефть может быть использована в коммерческих целях, но она может быть также использована для военных кораблей. Представляется не только неверным, но и бессмысленным утверждать, как это делает Специальный докладчик в пункте 70 своего доклада, что «одним из возможных исключений из нормы об иммунитете государства является торговая деятельность иностранного государства», поскольку в современном мире, как представляется, государства не занимаются мероприятиями в области внешней торговли. В Советском Союзе внешней торговлей занимается не государство, а органы, пользующиеся определенным статусом юридических лиц в частном праве. Коммерческой деятельностью не могут заниматься и сами капиталистические государства. Государство не выполняет функции фактического торговца. Правда, иногда — но только весьма редко — может случиться так, что государство заключает договоры о продаже некоторых товаров. Например, договор в рамках частного права — в противовес международному соглашению — может заключаться между государством и иностранным частным банком. В некоторых случаях государство выступает в качестве юридического лица в соответствии с частным правом и подчиняется закону, применимому в соответствии с этим договором. Однако не может быть сомнения в том, что государство пользуется иммунитетом от иностранной юрисдикции, если при заключении такого договора оно не дало явно выраженного согласия на подчинение определенным нормам внутргосударственного права.

2. Было бы ошибочным считать, что рассматриваемый вопрос предполагает лишь иммунитет от судебной власти. Ведь иммунитет государств является неделимым; в принципе на них не распространяются полномочия государственного органа других государств как такового, будь то судебный, административный или какой-либо другой орган. При этом было бы бессмысленно составлять статьи, касающиеся судебной деятельности иностранных государств. По мнению оратора, термин «юрисдикционный иммунитет» должен означать иммунитет от государственной юрисдикции в широком смысле этого понятия, то есть от осуществления государственной власти. Этот иммунитет является неделимым, а судебный им-

мунитет представляет собой лишь один из его аспектов.

3. Г-н ФЕРОСТА высказывает пожелание официально выразить признательность Специальному докладчику, что оратор уже сделал в индивидуальном порядке сразу же после прочтения его доклада. Он разделяет мнение г-на Рейтера (1574-е заседание) о том, что в своем подходе к данному вопросу Специальный докладчик должен выбрать нечто среднее между общими определениями и конкретными положениями. Однако он надеется, что Специальный докладчик подготовит как можно более обстоятельный вопросник, поскольку именно ответы государств могут указать ему и Комиссии на существующие пределы для кодификации и прогрессивного развития права иммунитета государства от иностранной юрисдикции.

4. Оратор надеется, что Специальный докладчик попытается получить вопросник и ответы государств, которые были использованы при подготовке Европейской конвенции об иммунитете государств, поскольку в этих документах содержится множество информации, которая может иметь непосредственное отношение к его работе и может быть использована для избежания повторов. Специальный докладчик может счесть целесообразным представить проект своего вопросника членам Рабочей группы для получения их замечаний. Вопросник должен состоять из таких вопросов, касающихся процедуры и государственной собственности, как, например, в какой степени суда или самолеты государственного коммерческого предприятия считаются государственной собственностью. Оратор надеется, что, не заходя слишком далеко в область частного международного права, Специальный докладчик сможет предложить такие нормы публичного международного права, которые будут регулировать вопросы частного международного права. Он разделяет мнение о том, что на нынешнем этапе Комиссии не следует рассматривать вопрос об исполнении судебных решений.

5. Г-н ШВЕБЕЛЬ присоединяется к поздравлениям, высказанным в адрес Специального докладчика, в докладе которого содержится отличное изложение данного вопроса и связанных с ним проблем. Он с нетерпением ждет появления в ближайшем будущем целого ряда дополнительных докладов, в которых тщательно будет рассматриваться этот вопрос.

6. Данный вопрос относится к числу тех вопросов, в которых прослеживается крайне интересная взаимосвязь между национальной практикой и реакцией на международном уровне. Мнения иностранного государства, иммунитет которого является предметом обсуждения, необходимо сопоставлять с мнениями национального суда; кроме того, существует крайне важный фактор действий и реакции исполнительной власти, который на международном уровне, несомненно,

представляет собой классический образец. Кроме того, хотя значительную часть мнений по данному вопросу следует искать в решениях национальных судов и в национальном законодательстве, поразительным, как указал Специальный докладчик, представляется тот факт, насколько часто такие мнения находятся под влиянием мнения международной общественности. Например, как излагается в «Тейтском письме», на которое Специальный докладчик ссылается в сноске 65 своего доклада, практика европейских государств явно оказывает сильное влияние на политику Соединенных Штатов в области иммунитета суверенных государств.

7. Его личное мнение заключается в том, что основное объяснение ограничительной доктрины иммунитета суверенных государств является весьма разумным и что этой доктриной необходимо руководствоваться настолько строго, насколько позволяют трудности, неизбежно возникающие в конкретных случаях. Суть этой доктрины — развивающейся, но уже общепризнанной — заключается в том, что не объект сделки и не личность исполнителя, а характер сделки является определяющим фактором при предоставлении иммунитета от юрисдикции.

8. Прежде чем принять Акт Соединенных Штатов 1976 года¹ об иммунитете иностранных суверенных государств, государственный департамент Соединенных Штатов использовал консультационные услуги юристов по вопросам иммунитета государств. Оратор напоминает рекомендацию группы, членом которой он являлся и которая, в свете решения одного из судов Федеративной Республики Германии о том, что строительство иностранного посольства является, по существу, коммерческим мероприятием, рекомендовала не предоставлять иммунитета соответствующему иностранному государству в деле, когда домовладелец предъявил иск в связи с тем, что во время строительства посольства на территории Соединенных Штатов его собственности был нанесен ущерб. Конечно, эту рекомендацию можно подвергнуть сомнению, но оратор считает, что она отражает новый образ мысли в Соединенных Штатах, что подтверждается вышеупомянутым Актом. Например, Соединенные Штаты склонны рассматривать операцию кораблей-ракетоносцев в качестве мероприятия, которое явно имеет некоммерческий характер — хотя даже с этой операцией может быть связана и коммерческая деятельность, — поэтому эти корабли могут пользоваться правом на иммунитет. С другой стороны, такие мероприятия, как продажа природных ресурсов, в которых принимает участие владеющее судами государство в целях финансирования операций этих судов, будут рассматриваться как коммерческие мероприятия, а данное государство будет подвергаться искам в связи с такими операциями.

¹ См. A/CN.4/323, пункт 26.

9. Делая обзор рассматриваемых проблем, Специальный докладчик в своем докладе отметил, что в связи с вопросом об юрисдикционном иммунитете возникает вопрос об ограничении этого иммунитета. Хотя другой оратор и предложил Комиссии сделать в своей работе упор на вопрос о самом иммунитете, а не на вопрос о его ограничениях, по мнению выступающего, Комиссии необходимо уделить внимание как отрицательным, так и положительным аспектам данного вопроса. Ведь использование другого подхода к данному вопросу равносильно изучению привилегий и иммунитетов дипломатов без учета прав принимающих их стран.

10. Судя по докладу Специального докладчика и по ходу соответствующей дискуссии, оратор вполне надеется, что Комиссия сможет внести ощутимый вклад в решение вопроса, который представляется крайне важным для государств и который полностью созрел для кодификации и прогрессивного развития.

11. Г-н ЦУРУОКА указывает на то, что Япония, являющаяся одной из наиболее активных стран мира в области международной торговли, явно склоняется к абсолютному иммунитету в своей юриспруденции, но делает выбор в пользу доктрины ограниченного иммунитета в своей практике.

12. Суды давно уже признали тот факт, что государство пользуется иммунитетом в вопросах торговли. С другой стороны, в целом ряде заключенных Японией торговых договоров предусматривается принцип ограниченного иммунитета. В качестве примера можно привести статьи 2—4 приложения к торговому договору, заключенному между Японией и Советским Союзом 6 декабря 1957 года². В соответствии с этим договором направляемая в Японию советская торговая делегация является неотъемлемой частью посольства СССР в Японии и действует от имени Советского правительства, которое берет на себя ответственность за все коммерческие сделки, осуществляемые или гарантируемые этой торговой делегацией. В принципе, споры, возникающие в связи с такими сделками, входят в компетенцию японских судов и регулируются в соответствии с законодательством Японии. Согласно договору о дружбе, торговле и судоходстве, заключенному между Японией и Соединенными Штатами Америки 3 апреля 1973 года³, предприятия той или другой стороны — будь они во владении или под контролем государства — не пользуются каким-либо иммунитетом в отношении самих предприятий или их собственности, если они занимаются коммерческой, промышленной или другой деятельностью на территории другой страны.

13. Как явствует из неоднократных заявлений делегации Японии в Афро-азиатском консульста-

тивно-правовом комитете, японские юристы-теоретики также склоняются к концепции ограниченного иммунитета.

14. Г-н ЯНКОВ поздравляет Специального докладчика в связи с представлением такого доклада, который по своей форме и содержанию является собой убедительный и логический справочник о возможных источниках международного права по изучаемому вопросу, а следовательно, и многообещающее начало для данного исследования. Не желая каким-либо образом умалять достоинства Специального докладчика, который, несомненно, проявил глубокие знания традиционной практики государств с такими правовыми и экономическими системами, которые преобладают в Западной Европе, оратор считает целесообразным указать на то, что в целях обеспечения широкого признания статей Комиссии необходимо также уделить внимание теории и практике социалистических государств и тех развивающихся стран, в которых экономическая структура и характер участия государства в национальной экономике привнесли в этот вопрос новые элементы.

15. В социалистических странах, например, государственные предприятия, занимающиеся международными операциями, сами несут ответственность в рамках их полномочий за свои деловые операции; однако такое положение представляется менее четко выраженным, когда государство для целей публичного международного права рассматривается в качестве исполнителя международных операций. Кроме того, хорошо известно, что теория социалистических стран относительно государственной собственности, особенно собственности на торговые суда, не пользуется общим признанием. Однако эта теория относится к числу тех доктрин, на которые Комиссии следует обратить внимание в целях разработки общих правовых норм, в максимальной степени универсальных по своему характеру.

16. Поскольку оратор считает, что данный вопрос требует осторожного подхода, он разделяет высказанные мнения в отношении того, в какой мере настоящее исследование должно отклоняться от области публичного международного права, с тем чтобы учитывать внутригосударственное право. В этом отношении он поддерживает выводы, сделанные Специальным докладчиком в первом предложении пункта 92, а также в первом и втором предложениях пункта 93 его доклада.

17. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ отмечает, что, поскольку он считает доклад Специального докладчика весьма зрелым и удовлетворительным, его первоначальное намерение было ограничиться поздравлением Специального докладчика и настоятельной рекомендацией, чтобы с учетом замечаний Комиссии он продолжил свою работу в соответствии с теми принципами, которые изложены в главе V данного документа. Но в свете

² United Nations, *Treaty Series*, vol. 325, p. 35.

³ *Ibid.*, vol. 206, p. 143.

выступлений других ораторов он считает необходимым высказать целый ряд замечаний.

18. По его мнению, рассматриваемый Комиссией вопрос относится к числу тех вопросов, развитие которых было и по-прежнему является более радикальным, чем многих других вопросов. Концепция иммунитета государства в качестве определенного образования, которая почти незаметно переродилась из концепции иммунитета отдельного суверена, восходит к относительно недалекому прошлому. Комиссии необходимо учитывать тот факт, что, особенно за последние 50 лет, появилось новое направление, отклоняющееся от теории о том, что государство во всех случаях и при любых обстоятельствах пользуется абсолютным иммунитетом. Следовательно, можно убедиться в том, что было бы ошибочным для Комиссии изучать лишь один период истории в целях формулировки своих выводов.

19. Кроме того, определенные различия наблюдаются в теориях о государстве: не каждый согласится с тем, что государство является неделимым. Уже имеются примеры таких образований, которые, совсем не будучи государствами, осуществляют суверенную власть де-факто и де-юре, к тому же мир будущего не будет состоять исключительно из монолитных суверенных государств. Если бы можно было провести сравнение между физическими лицами и государствами, то можно было бы сказать, что физические лица более трудно поддаются делению, чем государства, тем не менее право в состоянии провести различие между их официальной и частной деятельностью и обеспечить в этой связи различный подход. Он считает, что при таком положении дел из концепции неделимости государства не следует вывод о невозможности провести грань между различными видами деятельности государств. Например, в Венской конвенции о дипломатических сношениях⁴ уже проводится различие между разными видами деятельности физических лиц, представляющих определенное государство. Поэтому Комиссии не следует руководствоваться абстрактным подходом к изучению материала по данной проблеме.

20. Примером трудностей, возникающих в связи с проведением на основе *ratione materiae* различия между коммерческой деятельностью и деятельностью, действительно входящей в сферу осуществления суверенной власти определенным государством, является та неопределенность, которая возникла в связи со статусом вспомогательного судна флота Соединенного Королевства, которое в 1952 году зашло в Нью-Йорк в целях доставки запасов для судов военно-морского флота Соединенного Королевства. Когда часть экипажа этого судна скрылась, то суд Соединенных Штатов привлек капитана к ответственности за предполагаемый незаконный въезд членов его

экипажа в Соединенные Штаты на том основании, что эти члены экипажа не являются служащими военно-морского флота Великобритании и деятельность судна носит коммерческий характер. Но поскольку на судне совершенно случайно было обнаружено небольшое орудие, установленное на его передней палубе, то государственный департамент Соединенных Штатов отнес это судно в разряд вооруженных военных кораблей, которые пользуются иммунитетом. Хорошо известно, что в течение многих лет сэр Герш Лаутерпахт тщетно пытается найти такой критерий, который позволил бы проводить различие подобного рода, поэтому продолжение этих поисков, несомненно, составит основу стоящих перед Комиссией проблем и наиболее сложную задачу, которую ей предстоит решить.

21. Дополнительная трудность возникнет в связи с тем, что Комиссия осуществляет свою деятельность в такой области права, которая связана с частным правом, частным международным правом и публичным международным правом. Естественно, Комиссия должна будет подойти к данному вопросу с позиции публичного международного права и, возможно, с позиции частного международного права, поэтому ей предстоит выполнить сложную задачу, связанную с отделением концепции публичного международного права от концепции частного международного права и частного права. Эта задача представляется особенно сложной, поскольку на практике прецеденты, связанные с иммунитетом государства от иностранной юрисдикции, всегда начинаются с частного иска, который определенным образом связан с иностранным сувереном.

22. В пунктах 61, 63 и 94 своего доклада Специальный докладчик обращает внимание на проблему применения судебных процедур к иностранным государствам. По его личному мнению, эту проблему необходимо рассматривать в весьма общем порядке, возможно, методом исключения, а не методом представления конкретных решений. К числу вопросов, на которые Специальный докладчик может счесть целесообразным обратить внимание в этой связи, относится проблема подразумеваемого признания юрисдикции местного суда (например, путем принятия решения о регистрации явки на суд, хотя бы для предотвращения вынесения судебного решения заочно), а также вопросы относительно необходимости для иностранного государства подчиняться местным законам, касающимся обеспечения расходов и дачи показаний.

23. Эти вопросы можно поднять в вопроснике Специального докладчика. Оратор разделяет надежду г-на Феросты в отношении того, что данный вопросник будет составлен таким образом, чтобы получить ответы от максимального числа государств и собрать максимальный объем единовременной информации.

⁴ *Ibid.*, vol. 500, p. 95.

24. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР отмечает, что внимание Комиссии обязательно сосредоточивается на центральной проблеме ограниченного или абсолютного иммунитета, причем замечания членов Комиссии весьма четко показали, насколько трудно провести разграничительную черту между деятельностью государства, на которую распространяется иммунитет, и деятельностью, на которую такой иммунитет не распространяется. Нет большой надежды на то, что Комиссия преуспеет в решении той проблемы, с которой не справился сэр Герш Лаутерпахт, и сможет найти объективный критерий, с помощью которого при любых обстоятельствах можно будет отделить вопросы, возникающие в связи с *jure imperii*, от вопросов, возникающих в связи с *jure gestiois*. Эта проблема относится к такой области, в которой расходится судебная практика различных национальных судов, а английские суды, например, вовсе не пытаются проводить какое-либо различие в силу того, что они просто не в состоянии найти рациональную основу для решения этой задачи. Именно в этом случае можно сказать, что в общем праве наметились две традиции, поскольку Соединенные Штаты и Соединенное Королевство пошли различными путями. Оратор не будет устанавливать причины для такого положения дел, а ограничится заявлением о том, что частично это объясняется равновесием между ответственностью исполнительной и судебной власти.

25. Как указывается в докладе Специального докладчика, вполне очевидно, что практика государств должна определяться посредством ссылки на деятельность различных органов правления, представляющих законодательную, исполнительную и судебную власть. Что касается роли судебной власти, то в деле *Скунер иксчейндж*⁵ главный судья Маршалл указал, возможно, на самый рациональный критерий путем проведения различия между теми случаями, когда согласно подразумеваемому приглашению иностранные гости, пользующиеся иммунитетом, могут присутствовать в местных судах, и теми случаями, когда они не могут сделать этого: например, визиты иностранных военных кораблей являются настолько обыденным явлением и считаются обычным элементом международной вежливости, что — если достаточно убедительным образом не доказано обратное — на них распространяется иммунитет; чего нельзя сказать в отношении визитов иностранной армии, разве что ей было сделано специальное приглашение. Проведение различий такого рода совпадает с позицией Специального докладчика, изложенной в пункте 69 его доклада. По понятным причинам он счел целесообразным принять общую норму о суверенном иммунитете в качестве отправного пункта,

⁵ The schooner «Exchange» v. McFaddon and others (1812). W. Cranch, *Reports of Cases argued and adjudged in the Supreme Court of the United States* (New York, Banks Law Publishing, 1911), vol. VII, 3rd ed., p. 116.

но вместе с тем признал возможным и другой подход.

26. В предыдущей части своего доклада Специальный докладчик также сделал общий вывод о том, что Комиссия в такой же мере заинтересована в определении пределов различных принципов, как и в установлении их сути. Кроме того, как указывается в пункте 56, Рабочая группа по юрисдикционным иммунитетам государств и их собственности сама определила, что доктрина иммунитета государства является результатом взаимосвязи двух основополагающих принципов: принципа территориальности и принципа правосубъектности государства. По его личному мнению, эти сложные проблемы, как правило, мешающие Комиссии добиться единодушного мнения, требуют того, чтобы и впредь делать упор на эту взаимосвязь.

27. Комиссия заинтересована не только в выявлении исключений из нормы о государственном суверенитете, но и в определении места этой нормы в отношении других основополагающих принципов, таких как суверенитет государств на их соответствующих территориях. Продолжая свою работу на этой основе, Комиссия сможет добиться возможности определить те случаи, когда иммунитет предоставляется свободно, и те случаи, когда от иностранного деятеля можно вполне обоснованно ожидать, что он должен ознакомиться с нормами и доктринами соответствующего суда и признать эти нормы, если он намерен действовать в пределах юрисдикции данного суда. В английском законодательстве всегда признавалось, что доктрина иммунитета имеет свои естественные пределы. Например, в деле *Парлеман Бельж*⁶ понятие иммунитета определялось общественным использованием. Правда, в последующих делах несколько пренебрегли этим определением, однако нынешняя тенденция в английском законодательстве, как и в законодательстве других стран, заключается в том, что подобные ограничения вновь получают определенное признание.

28. Наконец, было бы целесообразно, чтобы при подготовке своего первого доклада Специальный докладчик смог сосредоточить свои усилия на ограниченном круге фундаментальных вопросов, при этом продолжая создавать основу, заложенную в его предварительном докладе.

29. Г-н ТИАМ отмечает, что многочисленные вопросы, поднимаемые Специальным докладчиком, требуют весьма тщательного рассмотрения.

30. В отношении вопроса о том, что является более целесообразным: установить общий принцип и затем точно определить исключения или пойти эмпирическим путем и лишь на основе

⁶ The «Parlement belge» (1880), United Kingdom, *The Law Reports, Probate Division* (London, Incorporated Council of Law Reporting for England and Wales, 1880), vol. V, p. 197.

окончательного анализа сформулировать данную норму — можно сказать, что оба эти подхода имеют свои преимущества и что сложно заранее наметить определенное направление.

31. В отношении упомянутых Специальным докладчиком исключений справедливо было указать на то, что применительно к приведенным различным примерам, возможно, не существует общего критерия, позволяющего установить наличие определенного исключения. Особенно интересной и сложной для решения — даже во внутригосударственном праве — представляется проблема иммунитета от исполнительных действий независимо от того, являются ли соответствующие стороны давно образовавшимися государствами или тем более новыми государствами.

32. Оратор не сомневается в том, что Специальный докладчик, продолжая свою работу в соответствии с изложенными принципами, сможет предложить удовлетворительные решения в тех различных областях, которые выделены в его предварительном докладе.

33. Г-н КАЛЬЕ-и-КАЛЬЕ отмечает, что, как было им замечено, после 1948 года название рассматриваемого вопроса претерпело целый ряд изменений. Название вопроса, предложенного для включения в долгосрочную программу работы Комиссии, было «юрисдикционные иммунитеты иностранных государств, их органов, учреждений и имущества»⁷, что, как ему представляется, было особенно удачным, поскольку — хотя законным обладателем иммунитета является государство — именно государственные органы и учреждения могут быть призваны подчиниться юрисдикции. В названии вопроса, принятом Комиссией в 1978 году⁸ и под которым он значится в повестке дня, опущена ссылка на органы и учреждения, но оратор тем не менее считает, что она подразумевается в слове «государство».

34. Цель Комиссии заключается в разработке многосторонней конвенции для регулирования такого вопроса, который в силу многообразия деятельности современных государств считается общепризнанным как вопрос, имеющий актуальное значение. В принципе, деятельность государства и его органов находится за пределами действия юрисдикции национального суда другого государства. Поэтому, как представляется, иммунитет основывается на процедурном исключении или средстве судебной защиты, которое предоставляется государством, признающим наличие иммунитета и отменяющим юрисдикцию национального суда.

35. Для определения сферы использования и содержания иммунитета и в целях обеспечения

определенной степени единообразия в нормах, разрабатываемых Комиссией, прежде всего необходимо учитывать Конвенцию о частном международном праве (известную как «Кодекс Бустаманте»), поскольку в связи с применением частного права могут возникнуть такие случаи, когда на основании иммунитета государства или их органы либо учреждения могут требовать ограничения юрисдикции местных судов. Необходимо также учитывать Европейскую конвенцию 1972 года об иммунитете государств⁹, в которой предусматривается ограничительный подход, представляющийся целесообразным в силу активизации участия государств в коммерческой деятельности. Еще одна конвенция, которая заслуживает внимания Комиссии находится в процессе разработки Межамериканским юридическим комитетом.

36. Поскольку этот вопрос связан с иммунитетом, то Комиссии также необходимо рассмотреть последствия проводимой государствами национализации иностранной частной собственности, находящейся на их территории. Недавно такой прецедент имел место в Чили, когда была национализирована иностранная горнодобывающая компания.

37. Наконец, он полностью разделяет мнение о необходимости составления вопросника, а также полагает, что было бы полезно, если бы Секретариат мог сделать подборку существующих правовых документов по иммунитету. Практика местных судов и национальное законодательство, несомненно, окажутся полезными при определении принципов и основных норм иммунитета.

38. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС выражает признательность Специальному докладчику за его отличный доклад по такому сложному вопросу. Информация, содержащаяся в настоящем докладе, а также замечания членов Комиссии должны обеспечить Специального докладчика достаточным материалом для того, чтобы приступить к выполнению его задачи по кодификации.

39. Оратор полностью разделяет мнение о том, что настоящее исследование должно временно ограничиваться вопросом об юрисдикционном иммунитете, а другие аспекты этого вопроса необходимо рассмотреть на более позднем этапе. В пункте 44 своего доклада Специальный докладчик указал на то, что, очевидно, не было таких инцидентов или конфликтов, которые вынудили бы государство добиваться международного урегулирования в судебном порядке либо консультативного заключения Международного Суда или прибегнуть к арбитражному разбирательству. Поэтому представляется очевидным, что поиски всех решенных дел, прецедентов и доктрин в отношении иммунитета предстоит осуществлять на национальном уровне. В то же время оратор согласен с тем, что было бы рискованно полагаться

⁷ См. *Ежегодник...*, 1971 год, том II (часть вторая), стр. 21, документ A/CN.4/245, пункт 67.

⁸ См. *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 6 англ. текста, документ A/33/10, пункт 10.

⁹ См. 1574-е заседание, сноска 8.

исключительно на внутригосударственное право, несмотря на то, что разрешение споров обычно осуществляется путем ссылки на это право или на частное международное право.

40. Комиссия добивается именно кодификации международного права, поэтому ее основная цель должна заключаться в разработке норм публичного международного права, регулирующего вопросы иммунитета. По его мнению, такой подход обеспечит разумную основу для будущей работы Комиссии.

41. Г-н СУЧАРИТКУЛ (Специальный докладчик) отмечает, что замечания, сделанные членами Комиссии в ходе настоящей дискуссии, в значительной степени помогут ему выработать сбалансированный подход к вопросу об юрисдикционном иммунитете государств и их собственности. Специальный докладчик должным образом учитывает единодушное мнение членов Комиссии, которое, по-видимому, заключается в том, что ему следует продолжать свою работу в соответствии с принципами, предложенными в его докладе, с самого начала сосредоточив свое внимание на общих принципах.

42. В отношении исключений из общих норм об иммунитете государства он подчеркивает тот факт, что основная цель его предварительного доклада заключается лишь в том, чтобы выявить смежные вопросы и обратить внимание на определенные исключения. Фактически эти исключения взяты из практики некоторых государств, однако он признает, что они могут вызвать различную реакцию в других частях мира.

43. Реакция на его предложения относительно первоисточников в целом является положительной. В частности, он выражает признательность за то, что его внимание было обращено на вопрос договоров, который он, несомненно, постарается более тщательно изучить, поскольку таким образом можно найти определенный критерий для достижения такого сбалансированного подхода, который был бы приемлемым для всех государств.

44. С общим вопросом определения принципа связан вопрос установления приоритетов, в отношении которого он согласен, что прежде всего необходимо сосредоточить свое внимание на вопросе об иммунитете от юрисдикции и временно отложить вопрос об иммунитете от исполнительных действий. Ему приятно было услышать, что г-н Ушаков разделяет точку зрения о том, что термин «иммунитет от юрисдикции» не ограничивается осуществлением судебной власти, а распространяется на определенные изъятия из осуществления других видов власти, в том числе исполнительной, административной и законодательной. Эта общая точка зрения может послужить основой для возможного продолжения работы Комиссии.

45. Что касается рамок данного вопроса и, в частности, взаимосвязи между международным

правом и другими областями права, то вполне очевидным является тот факт, что в данном случае основным источником материала является внутригосударственное право, поскольку этот вопрос, по существу, подпадает под юрисдикцию муниципальных судов и исполнительной власти государства. Следовательно, даже частное международное право функционирует в качестве отрасли внутригосударственного права, поскольку в данном случае решается вопрос выбора права и юрисдикции. Г-н Рейтер справедливо подчеркнул необходимость в проведении строгого различия между случаями, когда иммунитет применяется, и случаями, когда наблюдается отсутствие юрисдикции в соответствии с применимыми нормами частного международного права.

46. В выступлениях некоторых членов Комиссии прозвучала также нотка предостережения в отношении того, что Комиссии не следует слишком углубляться в изучение частного международного права. В этой связи его точка зрения заключается лишь в том, что в отношении недвижимой собственности, особенно земли, практика государств, фактически, является единообразной и заключается в применении законодательства того государства, на территории которого находится эта недвижимая собственность, поскольку с этим связан вопрос территориального суверенитета. Специальный докладчик учел предложение о необходимости рассмотреть такие некоторые процедурные вопросы, как распределение расходов, обеспечение расходов и вручение судебных приказов, в связи с чем он изучит эти вопросы более тщательно в подходящее для этого время. Он разделяет точку зрения о том, что для целей настоящего исследования можно не касаться доктрины деяния государства, а также что государство может в рамках частного права заключать такие договоры, которые не относятся к сфере действия международных договоров. Однако последний вопрос упомянут им лишь для того, чтобы подчеркнуть необходимость временно абстрагироваться от этой проблемы.

47. Обязанности и функции государства представляют собой такую основополагающую концепцию, которая по-разному трактуется в различных странах. Политическое и экономическое развитие, происходящее в различных странах мира, особенно в развивающихся странах, может, пожалуй, оказать определенное воздействие на прогрессивное развитие права, хотя точно не известно, какую форму оно приобретет.

48. Наконец, он разделяет мнение о том, что составление вопросника сыграет полезную роль и окажет содействие Комиссии в ее дальнейшей работе, если Секретариат сможет сделать подборку существующих правовых документов по иммунитету.

49. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ в целях избавления государств от дублирования и излишней работы

настоятельно рекомендует придать подлежащему распространению вопросу максимально конкретный и всеобъемлющий характер.

Заседание закрывается в 13 час.

1576-е ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 25 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Калье-и-Калье, г-н Квентин-Бакстер, г-н Рейтер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Цуруока, г-н Швельбел, г-н Янков.

Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (окончание) * (A/CN.4/312¹, A/CN.4/319, A/CN.4/L.300)

[Пункт 4 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДЛОЖЕННЫХ РЕДАКЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ

СТАТЬИ 39—60

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Председателю Редакционного комитета представить доклад Комитета по проектам статей 39—60 о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями, которые были переданы на рассмотрение Комитета.

2. Предлагаемые Редакционным комитетом тексты проектов статей 39—60 и заголовки частей IV и V и их разделов 1, 2 и 3 гласят:

часть IV

ПОПРАВКИ К ДОГОВОРАМ И ИЗМЕНЕНИЯ ДОГОВОРОВ

Статья 39. Общее правило, касающееся поправок к договорам

1. Договор может быть изменен путем заключения соглашения между участниками. Нормы, изложенные в части II, применяются в отношении такого соглашения.

2. Согласие международной организации с соглашением, предусмотренным в пункте 1, регулируется соответствующими правилами этой организации.

* Перенесено с 1559-го заседания.

¹ Ежегодник..., 1978 год, том II (часть первая).

Статья 40. Внесение поправок в многосторонние договоры

1. Если договор не предусматривает иное, при внесении поправок в многосторонний договор следует руководствоваться нижеследующими пунктами.

2. Все договаривающиеся государства и организации или, в зависимости от случая, все договаривающиеся организации должны уведомляться о любом предложении, касающемся поправок к многостороннему договору, которые должны действовать в отношении между всеми участниками, причем каждое из договаривающихся государств и каждая из договаривающихся организаций имеет право участвовать в:

- a) принятии решения о том, что следует сделать в отношении такого предложения;
- b) переговорах и заключении любого соглашения о внесении поправок в договор.

3. Каждое государство или каждая международная организация, имеющее/имеющая право стать участником договора, также имеет право стать участником договора, в который были внесены поправки.

4. Соглашение о внесении поправок не связывает участников договора, не ставших участниками этого соглашения; в отношении таких участников применяется пункт 4b статьи 30.

5. Каждое государство или каждая международная организация, которые стали участниками договора после вступления в силу соглашения о внесении поправок, если только оно/она не заявляет об ином намерении:

- a) считается участником договора, в который были внесены поправки; и
- b) считается участником договора, в который не были внесены поправки, в отношении любого участника договора, не связанного соглашением о внесении поправок в договор.

Статья 41. Соглашения об изменении многосторонних договоров только во взаимоотношениях между определенными участниками

1. Два или несколько участников многостороннего договора могут заключить соглашение об изменении договора во взаимоотношениях между собой, если:

- a) возможность такого изменения предусматривается самим договором или
- b) такое изменение не запрещается договором и:
 - i) не влияет на пользование другими участниками своими правами по договору или невыполнение ими своих обязательств и
 - ii) не затрагивает положения, отступление от которого является несовместимым с эффективным осуществлением объекта и целей договора в целом.

2. Если в случае, подпадающем под действие пункта 1a, договором не предусматривается иное, то указанные участники уведомляют других участников о своем намерении заключить соглашение и о том изменении договора, которое этим соглашением предусматривается.

часть V

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ПРЕКРАЩЕНИЕ И ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРОВ

РАЗДЕЛ 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 42. Действительность и сохранение договоров в силе

1. Действительность договора между двумя или несколькими международными организациями или согласие международной организации на обязательность для нее такого договора может оспариваться только на основе применения настоящих статей.

2. Действительность договора между одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями или согласие государства или международной организации на обязательность для него/ нее такого договора может оспариваться только на основе применения настоящих статей.

3. Прекращение договора, его денонсация или выход из него участника могут иметь место только в результате применения положений самого договора или настоящих статей. Это же правило применяется к приостановлению действия договора.

Статья 43. Обязательства, имеющие силу на основании международного права, независимо от договора

Недействительность, прекращение или денонсация договора, выход из него одного из участников или приостановление его действия, если они являются результатом применения настоящих статей или положений самого договора, ни в коей мере не затрагивают обязательность международной организации или, в зависимости от случая, государства или международной организации выполнять любое записанное в договоре обязательство, которое имеет силу для этого государства или для этой организации в соответствии с международным правом, независимо от договора.

Статья 44. Делимость договорных положений

1. Предусмотренное в договоре или вытекающее из статьи 56 право участника денонсировать договор, выйти из него или приостановить его действие может быть использовано в отношении только всего договора, если договор не предусматривает иное или если его участники не условились об ином.

2. На признаваемое в настоящих статьях основание недействительности договора, прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия можно сослаться в отношении только всего договора во всех случаях, кроме предусмотренных нижеследующими пунктами или статьей 60.

3. Если такое основание касается лишь отдельных положений, то на него можно сослаться только в отношении этих положений, когда:

- a) названные положения отделимы от остальной части договора в отношении их применения;
- b) из договора вытекает или иным образом установлено, что принятие этих положений не составило существенного основания согласия другого участника или других участников на обязательность всего договора в целом; и
- c) продолжение выполнения остальной части договора не было бы несправедливым.

4. В случаях, подпадающих под действие статей 49 и 50, государство или международная организация, имеющее/имеющая право сослаться на обман или подкуп, может делать это либо в отношении всего договора, либо в предусмотренных пунктом 3 случаях в отношении лишь его отдельных положений.

5. В случаях, подпадающих под действие статей 51, 52 и 53, делимость положений договора не допускается.

Статья 45. Утрата права сослаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия

1. Государство не вправе больше сослаться на основание недействительности договора между одним или несколькими международными организациями или его прекращения, выхода из него или приостановления его действия на основе статей 46—50 или статей 60 и [63], если после того, как ему стало известно о фактах:

a) оно определенно согласилось, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу или остается в действии; либо

b) оно должно в силу своего поведения считаться молчаливо согласившимся с тем, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу или остается в действии.

2. Международная организация не вправе больше сослаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия на основе статей 46—50 или статей 60 и [63], если после того, как ей должным образом стало известно о фактах:

a) она определенно согласилась, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу или остается в действии; либо

b) она должна в силу своего поведения считаться отказавшейся от права сослаться на это основание.

3. Согласие и поведение, предусмотренные в пункте 2, регулируются соответствующими правилами этой организации.

РАЗДЕЛ 2. НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ДОГОВОРОВ

Статья 46. Нарушение положений, касающихся компетенции заключать договоры

1. Государство не вправе сослаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора между одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основании недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения.

2. В предусмотренном в пункте 1 случае нарушение является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой.

3. Международная организация не вправе сослаться на то обстоятельство, что ее согласие на обязательность для нее договора было выражено в нарушение того или иного положения правил этой организации, касающихся компетенции заключать договоры, как на основании недействительности ее согласия, если только данное нарушение не было явным.

4. В предусмотренном в пункте 3 случае нарушение является явным, если оно известно или должно быть известно любому договаривающемуся государству или любой другой договаривающейся организации.

Статья 47. Специальные ограничения правомочия на выражение согласия или уведомления о согласии на обязательность договора

1. Если правомочие представителя на выражение согласия государства на обязательность для него конкретного договора обусловлено специальным ограничением, то на несоблюдение представителем такого ограничения нельзя сослаться как на основание недействительности выраженного им согласия, если только другие участвовавшие в переговорах государства и организации не были уведомлены об ограничении до выражения представителем такого согласия.

2. Если правомочие представителя на уведомление о согласии международной организации на обязательность для нее конкретного договора обусловлено специальным ограничением, то на несоблюдение представителем такого ограничения нельзя сослаться как на основание недействительности согласия, о котором он уведомил, если только участвовавшим в переговорах другим организациям или, в зависимости от случая, государствам и другим организациям или государствам не было сообщено об ограничении до уведомления представителем о таком согласии.

Статья 48. Ошибка

1. Государство или международная организация вправе сослаться на ошибку в договоре как на основание недействительности его/ее согласия на обязательность для него/нее этого договора, если ошибка касается факта или ситуации, которые, по предположению этого государства или этой организации, существовали при заключении договора и представляли собой существенную основу для его/ее согласия на обязательность для него/нее данного договора.

2. Пункт 1 не применяется, если названное государство или названная международная организация своим поведением способствовало/способствовала возникновению этой ошибки или обязательства были таковы, что это государство или эта организация должно/должна было/была обратить внимание на возможную ошибку.

3. Ошибка, относящаяся только к формулировке текста договора, не влияет на его действительность; в этом случае применяется [статья 79].

Статья 49. Обман

Если государство или международная организация заключило/заключила договор под влиянием обманных действий другого государства или другой организации, участвовавших в переговорах, то это государство или эта организация вправе сослаться на обман как на основание недействительности своего согласия на обязательность для него/нее договора.

Статья 50. Подкуп представителя государства или международной организации

Если согласие государства или международной организации на обязательность для него/нее договора было выражено в результате прямого или косвенного подкупа его/ее представителя другим участвующим в переговорах государством или международной организацией, то первое государство или международная организация вправе сослаться на такой подкуп как на основание недействительности его/ее согласия на обязательность для него/нее такого договора.

Статья 51. Принуждение представителя государства или международной организации

Согласие государства или международной организации на обязательность для него/нее договора, которое было выражено в результате принуждения его/ее представителя действиями или угрозами, направленными против него, не имеет никакого юридического значения.

Статья 52. Принуждение государств или международной организации посредством угрозы силой или ее применения

Договор является ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций.

Статья 53. Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права (*jus cogens*)

Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящих статей, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

РАЗДЕЛ 3. ПРЕКРАЩЕНИЕ ДОГОВОРОВ И ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ИХ ДЕЙСТВИЯ

Статья 54. Прекращение договора или выход из него в соответствии с положениями договора или с согласия участников

Прекращение договора или выход из него участника могут иметь место:

- a) в соответствии с положениями договора; или
- b) в любое время с согласия всех участников по консультации с прочими договаривающимися организациями или, в зависимости от случая, с прочими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями или с прочими договаривающимися государствами.

Статья 55. Сокращение числа участников многостороннего договора, в результате которого оно становится меньше числа, необходимого для вступления договора в силу

Если договором не предусматривается иное, многосторонний договор не прекращается по причине только того, что число его участников стало меньше числа, необходимого для вступления в силу договора.

Статья 56. Денонсация договора или выход из договора, не содержащего положений о его прекращении, денонсации или выходе из него

1. Договор, который не содержит положений о его прекращении и который не предусматривает денонсации или выхода из него, не подлежит денонсации и выход из него не допускается, если только:

- a) не установлено, что участники намеревались допустить возможность денонсации или выхода; или
- b) характер договора не подразумевает права денонсации или выхода.

2. Участник уведомляет не менее чем за двенадцать месяцев о своем намерении денонсировать договор или выйти из него в соответствии с пунктом 1.

Статья 57. Приостановление действия договора в соответствии с положениями договора или с согласия участников

Приостановление действия договора в отношении всех участников или в отношении какого-либо отдельного участника возможно:

- a) в соответствии с положениями договора; или
- b) в любое время с согласия всех участников по консультации с прочими договаривающимися организациями или, в зависимости от случая, с прочими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями или с прочими договаривающимися государствами.

Статья 58. Приостановление действия многостороннего договора по соглашению только между некоторыми участниками

1. Два или несколько участников многостороннего договора могут заключить соглашение о временном приостановлении действия положений договора только в отношении между собой, если:

- a) возможность такого приостановления предусматривается договором; или
- b) указанное приостановление не запрещается договором и:
 - i) не влияет ни на пользование другими участниками своими правами, вытекающими из данного договора, ни на выполнение ими своих обязательств; и
 - ii) не является несовместимым с объектом и целями договора.

2. Если в случае, подпадающем под действие пункта 1 а, договором не предусматривается иное, то указанные участ-

ники уведомляют других участников о своем намерении заключить соглашение и о тех положениях договора, действие которых они намерены приостановить.

Статья 59. Прекращение договора или приостановление его действия, вытекающие из заключения последующего договора

1. Договор считается прекращенным, если все его участники заключат последующий договор по тому же вопросу и:

а) из последующего договора вытекает или иным образом установлено намерение участников, чтобы данный вопрос регулировался этим договором; или

б) положения последующего договора настолько несовместимы с положениями предыдущего договора, что оба договора невозможно применять одновременно.

2. Действие предыдущего договора считается лишь приостановленным, если из последующего договора вытекает или иным образом установлено, что таково было намерение участников.

Статья 60. Прекращение договора или приостановление его действия вследствие его нарушения

1. Существенное нарушение двустороннего договора одним из его участников дает право другому участнику сослаться на это нарушение как на основание для прекращения договора или приостановления его действия в целом или в части.

2. Существенное нарушение многостороннего договора одним из его участников дает право:

а) другим участникам — по соглашению, достигнутому единогласно, — приостановить действие договора в целом или в части или прекратить его, либо:

i) в отношениях между собой и государством или международной организацией, нарушившим/нарушившей договор, либо

ii) в отношениях между всеми участниками;

б) участнику, особо пострадавшему в результате нарушения, сослаться на это нарушение как на основание для приостановления действия договора в целом или в части в отношениях между ним и государством или международной организацией, нарушившим/нарушившей договор;

с) любому другому участнику, кроме нарушившего/нарушившей договор государства или международной организации, сослаться на это нарушение как на основание для приостановления действия договора в целом или в части в отношении самого себя, если договор носит такой характер, что существенное нарушение его одним участником коренным образом меняет положение каждого участника в отношении дальнейшего выполнения им своих обязательств, вытекающих из договора.

3. Существенное нарушение договора — для целей настоящей статьи — состоит:

а) в таком отказе от договора, который не допускается настоящими статьями; или

б) в нарушении положения, имеющего существенное значение для осуществления объекта и целей договора.

4. Предыдущие пункты не затрагивают положений договора, применимых в случае его нарушения.

5. Пункты 1, 2 и 3 не применяются к положениям, касающимся защиты человеческой личности, которые содержатся в договорах, носящих гуманитарный характер, и особенно к положениям, исключающим любую форму репрессалий по отношению к лицам, пользующимся защитой по таким договорам.

3. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) напоминает членам Комиссии о

том, что часть IV проекта статей, состоящая из статей 39—41, была представлена Специальным докладчиком на двадцать девятой сессии Комиссии в его седьмом докладе (A/CN.4/312), а часть V, состоящая из статей 42—60, была представлена на текущей сессии в его восьмом докладе (A/CN.4/319).

4. При рассмотрении этих проектов статей Редакционный комитет учитывал необходимость сохранить взаимосвязь с Венской конвенцией о праве международных договоров². По этой причине и в целях облегчения сопоставления между этими двумя текстами в проекте статей, предложенном Редакционным комитетом, сохранена нумерация соответствующих статей Венской конвенции. Редакционный комитет также учитывал пожелание Комиссии по мере возможности сохранить точность и гибкость формулировок Венской конвенции, принимая при этом во внимание характерные особенности участия международных организаций в договорах. Поэтому, где было возможно, использовалась терминология соответствующих статей Венской конвенции. Но учитывая тот факт, что в данном проекте статей рассматривается три различных вида договоров, Редакционный комитет решил добавить слова «в зависимости от случая» там, где это необходимо, а именно в статьях 40, 47, 54 и 57. Кроме того, содержащееся в пункте 4 статьи 40 выражение «государство или международную организацию, уже являющуюся участником» сочли излишним в данном контексте и поэтому заменили его словом «участников», которое появляется и в других пунктах этой статьи. В целях обеспечения соответствия с определениями статьи 2³ слово «международная» было исключено из выражения «международная организация» во всех тех случаях, когда это выражение относится к договаривающейся или участвующей в переговорах организации. Аналогичным образом, где это необходимо, в данном проекте было добавлено или исключено слово «международная», с тем чтобы в конкретном пункте или подпункте только первый раз употреблялось выражение «международная организация», а затем употреблялось слово «организация». В тех случаях, когда определенные статьи были приняты на текущей сессии, в проекте Специального докладчика были сняты квадратные скобки, в которых заключались ссылки на другие статьи. С учетом этих незначительных редакционных изменений Редакционный комитет сохранил текст статей 40, 43, 44 и 47—60, которые, следовательно, не требуют дальнейших комментариев.

² Текст Конвенции, далее именуемой «Венская конвенция», см. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), стр. 287 англ. текста.

³ Тексты проектов всех статей, принятых Комиссией до настоящего времени, см. *Ежегодник... 1978 год*, том II (часть вторая), стр. 124 и далее англ. текста, документ A/33/10, глава V, раздел B.1.

5. Перейдя к другим статьям, предлагаемым Редакционным комитетом, оратор отмечает, что статья 39 состоит из двух пунктов, в то время как статья, представленная Специальным докладчиком, состояла лишь из одного пункта, как и соответствующая статья Венской конвенции. В пункте 1 слова «посредством соглашения» были заменены выражением «путем заключения соглашения». Последняя формулировка представляется более точной и не меняет смысла данного положения в силу содержащейся в нем ссылки на нормы, изложенные в части II проекта. Выражение «если только договор не предусматривает иное» было исключено в силу сомнений, выраженных членами Комиссии. Свобода участников заключать договоры обеспечивается нормами, изложенными в части II проекта и конкретно оговаривается в статье 40, поэтому в статье 39, по-видимому, нет необходимости сохранять эту гарантию. Цель нового пункта 2 заключается в подтверждении одной из основных норм относительно согласия международных организаций; при этом не было внесено никаких существенных изменений.

6. Что касается статьи 41, то Редакционный комитет предпочел второй из двух вариантов, предложенных Специальным докладчиком в его седьмом докладе (A/CN.4/312).

7. Определенные поправки внесены в статью 42 в целях достижения большей ясности и точности. Пункт 1 первоначального проекта был разделен на два пункта, в которых соответственно рассматриваются договоры между двумя или несколькими международными организациями и договоры между одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями, а пункт 2 первоначального проекта соответственно стал пунктом 3. Пункт 3 первоначального проекта, в котором оговаривались возможные обязательства, вытекающие из Устава Организации Объединенных Наций, в частности из статьи 103, был исключен. Аналогичная оговорка содержится в пункте 6 статьи 30. Учитывая замечания членов Комиссии, Редакционный комитет счел нецелесообразным делать в настоящее время такую же оговорку в других статьях, где это было бы необходимо; разумеется, Комиссия может счесть целесообразным, на более позднем этапе рассмотреть вопрос о добавлении общей статьи, в соответствии с которой защитительная оговорка, касающаяся статьи 103 Устава, будет распространяться на весь проект.

8. В восьмом докладе (A/CN.4/319) Специальный докладчик представил два варианта статьи 45. В варианте А не проводится никаких различий между государством и международной организацией, поэтому данный вариант не отличается от статьи 45 Венской конвенции, за исключением незначительных редакционных изменений. Согласно варианту В государство подчиняется тем

же нормам, которые изложены в Венской конвенции, но в нем по-иному трактуется международная организация — как в отношении принципа, так и практики, — поскольку согласно его условиям международной организации будет труднее, чем государству, утратить право ссылаться на определенные факты. В предложенном Редакционным комитетом пункте 1, в котором рассматриваются государства, сохраняется норма, изложенная в статье 45 Венской конвенции как в отношении определенного согласия (подпункт а), так и в отношении молчаливого согласия в силу своего поведения (подпункт б). В пункте 2, в котором рассматриваются международные организации, также сохраняется норма Венской конвенции относительно определенного согласия и последствий поведения, но фраза «молчаливо согласившимся с тем, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу и остается в действии» в подпункте б пункта 2 была заменена словами «отказавшейся от права ссылаться на это основание». Эта поправка была внесена с учетом замечаний членов Комиссии о необходимости защитить участников договора в лице международных организаций от поведения других органов и, таким образом, избежать впечатления о пассивности и нерешительности, которое может возникнуть в связи с концепцией молчаливого согласия.

9. Что касается применения пункта 2, в частности подпункта б пункта 2, то Редакционный комитет постановил, *ex abundante cautela*, добавить новый пункт 3, в котором вновь подтверждается общий принцип о том, что согласие и поведение международной организации должны регулироваться соответствующими правилами этой организации. Было решено, что в отношении государств статья 45 должна применяться ко всем случаям, охватываемым статьями 46—50 и статьей 60, а также будущей статьей 62, которая будет соответствовать статье 62 Венской конвенции. Но что касается международных организаций, то один из членов Комиссии зарезервировал свою позицию в отношении содержащейся в пункте 2 данной статьи ссылки на статью 46.

10. Специальный докладчик также предложил два варианта статьи 46. Различие между вариантами А и В заключается в том, что в тексте В содержится дополнительный пункт 4, в котором определяется «явное нарушение» в случае международной организации. В обоих вариантах остальные три пункта являются идентичными, за исключением того, что в варианте В нумерация пунктов 2 и 3 дается в обратном порядке. Редакционный комитет постановил сохранить все четыре пункта в варианте В. Пункт 1, касающийся согласия государства, является идентичным пункту 1 первоначального проекта, за исключением того, что в соответствии с формулировкой, используемой во всем проекте, после слова «договора» добавлено выражение «между одним или несколькими международными орга-

низациями». Пункт 2 соответствует пункту 2 варианта В, за исключением того, что слова «в предыдущем пункте» заменены словами «в пункте 1».

11. Пункт 3 соответствует пункту 3 варианта В и пункту 2 варианта А, но было исключено выражение «и не касалась нормы организации особо важного значения». В этой связи Редакционный комитет учел мнение тех членов Комиссии, которые считают, что международные организации должны быть защищены даже в большей мере, чем государства, в случае нарушения норм организации, регулирующих их компетенцию заключать договоры, поскольку все такие меры имеют особо важное значение. Также были учтены мнения тех членов Комиссии, которые считают, что определение «явности» обязательно должно быть субъективным, но что лишь нарушение основополагающей нормы может быть «явным», поэтому эти два условия, фактически, сводятся к одному.

12. Пункт 4 соответствует пункту 4 варианта В, однако Редакционный комитет предпочел определить явность нарушения не путем ссылки на «обычную практику» организации — поскольку это создало бы определенные трудности, — а путем ссылки на участников договора в лице той или иной организации. Поэтому выражение «нарушение является явным» было изменено следующим образом: «если оно известно или должно быть известно любому договаривающемуся государству или любой другой договаривающейся организации». Таким образом, организация может ссылаться, как на основание недействительности его согласия, не только на нарушение, известное другим участникам договора, но и на такое нарушение, которое — даже хотя оно должно быть известным — им не известно в силу того, что они не смогли удовлетворить требование о благоразумной старательности.

13. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии постатейно рассмотреть статьи, предлагаемые Редакционным комитетом.

ЧАСТЬ IV (Поправки к договорам и изменения договоров)

Заглавие части IV принимается.

СТАТЬЯ 39⁴ (Общее правило, касающееся поправок к договорам)⁵

Статья 39 принимается.

СТАТЬЯ 40⁶ (Внесение поправок в многосторонние договоры)⁷

⁴ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. *Ежегодник...*, 1978 год, том I, стр. 177 и далее англ. текста, 1507-е заседание.

⁵ Текст статьи см. пункт 2, выше.

⁶ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. *Ежегодник...*, 1978 год, том I, стр. 182 и далее англ. текста, 1508-е заседание, пункты 1—27.

⁷ Текст статьи см. пункт 2, выше.

14. Г-н ФЕРОСТА в целях приведения французского текста пункта 2 в большее соответствие с английским текстом предлагает переставить слова «selon le cas», с тем чтобы французский текст гласил: «Toute proposition tendant à amender un traité multilatéral dans les relations entre toutes les parties doit être notifiée à tous les Etats et à toutes les organisations contractantes ou, selon le cas, à toutes les organisations contractantes...».

15. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если не будет никаких возражений, он будет считать, что Комиссия решила утвердить эту поправку.

Предложение принимается.

Статья 40 с внесенными в нее поправками принимается.

СТАТЬЯ 41⁸ (Соглашения об изменении многосторонних договоров только во взаимоотношениях между определенными участниками)⁹

Статья 41 принимается.

ЧАСТЬ V (Недействительность, прекращение и приостановление действия договоров)

РАЗДЕЛ I (Общие положения)

Заглавия части V и раздела I принимаются.

СТАТЬЯ 42¹⁰ (Действительность и сохранение договоров в силе)¹¹

16. Г-н УШАКОВ предлагает в трех пунктах статьи 42 заменить слова «настоящего проекта статей» словами «настоящих статей», с тем чтобы это положение соответствовало остальному тексту на трех языках.

17. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что если не будет никаких возражений, то он будет считать, что Комиссия решила утвердить эту поправку.

Предложение принимается.

Статья 42 с внесенными в нее поправками принимается.

СТАТЬЯ 43¹² (Обязательства, имеющие силу на основании международного права, независимо от договора)¹³

Статья 43 принимается.

⁸ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. *Ежегодник...*, 1978 год, том I, стр. 185 и далее англ. текста, 1508-е заседание, пункты 28 и далее, и 1509-е заседание, пункты 1—20.

⁹ Текст статьи см. пункт 2, выше.

¹⁰ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1546-е заседание, пункты 11—42, и 1547-е заседание, пункты 1—35.

¹¹ Текст статьи см. пункт 2, выше.

¹² Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1547-е заседание, пункты 36 и далее.

¹³ Текст статьи см. пункт 2, выше.

СТАТЬЯ 44 ¹⁴ (Делимость договорных положений) ¹⁵

Статья 44 принимается.

СТАТЬЯ 45 ¹⁶ (Утрата права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия) ¹⁷

18. Г-н УШАКОВ повторяет оговорки, высказанные по пункту 2 в Редакционном комитете. Он считает, что ссылка на статью 46 является неправильной, поскольку организация не может действовать в нарушение своих собственных правил и, в частности, в нарушение своего учредительного акта. Правильной была бы ссылка на статьи 47—50.

19. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что если не будет никаких возражений, то он будет считать, что Комиссия принимает статью 45 с оговоркой, выраженной г-ном Ушаковым.

Предложение принимается.

РАЗДЕЛ 2 (Недействительность договоров)

Заглавие раздела 2 принимается.

СТАТЬЯ 46 ¹⁸ (Нарушение положений, касающихся компетенции заключать договоры) ¹⁹

Статья 46 принимается.

СТАТЬЯ 47 ²⁰ (Специальные ограничения правомочия на выражение согласия или уведомления о согласии на обязательность договора) ²¹

Статья 47 принимается.

СТАТЬЯ 48 ²² (Ошибка) ²³

Статья 48 принимается.

СТАТЬЯ 49 ²⁴ (Обман) ²⁵

Статья 49 принимается.

¹⁴ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1548-е заседание, пункты 1—5.

¹⁵ Текст статьи см. пункт 2, выше.

¹⁶ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1548-е заседание, пункты 6 и далее, 1549-е заседание, пункты 5 и далее, и 1550-е заседание, пункты 1—21.

¹⁷ Текст статьи см. пункт 2, выше.

¹⁸ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1550-е заседание, пункты 22 и далее, 1551-е заседание и 1552-е заседание, пункты 3—24.

¹⁹ Текст статьи см. пункт 2, выше.

²⁰ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1552-е заседание, пункты 35 и далее, и 1553-е заседание.

²¹ Текст статьи см. пункт 2, выше.

²² Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1557-е заседание, пункты 1—9.

²³ Текст статьи см. пункт 2, выше.

²⁴ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1557-е заседание, пункты 10—26.

²⁵ Текст статьи см. пункт 2, выше.

СТАТЬЯ 50 ²⁶ (Подкуп представителя государства или международной организации) ²⁷

Статья 50 принимается.

СТАТЬЯ 51 ²⁸ (Принуждение представителя государства или международной организации) ²⁹

Статья 51 принимается.

СТАТЬЯ 52 ³⁰ (Принуждение государств или международной организации посредством угрозы силой или ее применения) ³¹

Статья 52 принимается.

СТАТЬЯ 53 ³² (Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права) (jus cogens) ³³

Статья 53 принимается.

РАЗДЕЛ 3 (Прекращение договоров и приостановление их действия)

Заглавие раздела 3 принимается.

СТАТЬЯ 54 ³⁴ (Прекращение договора или выход из него в соответствии с положениями договора или с согласия участников) ³⁵

Статья 54 принимается.

СТАТЬЯ 55 ³⁶ (Сокращение числа участников многостороннего договора, в результате которого оно становится меньше числа, необходимого для вступления договора в силу) ³⁷

Статья 55 принимается.

СТАТЬЯ 56 ³⁸ (Денонсация договора или выход из договора, не содержащего положений о его прекращении, денонсации или выходе из него) ³⁹

Статья 56 принимается.

²⁶ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1557-е заседание, пункты 27 и далее.

²⁷ Текст статьи см. пункт 2, выше.

²⁸ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1558-е заседание, пункты 1—4.

²⁹ Текст статьи см. пункт 2, выше.

³⁰ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1558-е заседание, пункты 5 и далее.

³¹ Текст статьи см. пункт 2, выше.

³² Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1559-е заседание, пункты 3—14.

³³ Текст статьи см. пункт 2, выше.

³⁴ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1559-е заседание, пункты 15—24.

³⁵ Текст статьи см. пункт 2, выше.

³⁶ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1559-е заседание, пункты 25—33.

³⁷ Текст статьи см. пункт 2, выше.

³⁸ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1559-е заседание, пункты 34—39.

³⁹ Текст статьи см. пункт 2, выше.

СТАТЬЯ 57 ⁴⁰ (Приостановление действия договора в соответствии с положениями договора или с согласия участников) ⁴¹

Статья 57 принимается.

СТАТЬЯ 58 ⁴² (Приостановление действия многостороннего договора по соглашению только между некоторыми участниками) ⁴³

Статья 58 принимается.

СТАТЬЯ 59 ⁴⁴ (Прекращение договора или приостановление его действия, вытекающие из заключения последующего договора) ⁴⁵

Статья 59 принимается.

СТАТЬЯ 60 ⁴⁶ (Прекращение договора или приостановление его действия вследствие его нарушения) ⁴⁷

Статья 60 принимается.

20. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ отмечает, что Комиссия завершила свою работу по пункту 4 повестки дня текущей сессии. Он поздравляет Специального докладчика и выражает признательность Редакционному комитету и его Председателю.

21. Он напоминает Комиссии о том, что ранее она рассматривала возможность препровождения текста завершенных статей государствам в целях обстоятельного изучения.

Сотрудничество с другими органами (окончание) *

[Пункт 13 повестки дня]

ЗАЯВЛЕНИЕ НАБЛЮДАТЕЛЯ ОТ ЕВРОПЕЙСКОГО КОМИТЕТА ПО ПРАВОВОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

22. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает г-ну Фурреру (наблюдателю от Европейского комитета по правовому сотрудничеству) выступить перед Комиссией.

23. Г-н ФУРРЕР (наблюдатель от Европейского комитета по правовому сотрудничеству) отмечает, что на своей тридцатой сессии в ноябре 1978 года Европейский комитет имел приятную возможность заслушать заявление Председателя Комиссии международного права. После

⁴⁰ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1559-е заседание, пункты 15—24.

⁴¹ Текст статьи см. пункт 2, выше.

⁴² Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1559-е заседание, пункты 40—44.

⁴³ Текст статьи см. пункт 2, выше.

⁴⁴ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1559-е заседание, пункты 45—47.

⁴⁵ Текст статьи см. пункт 2, выше.

⁴⁶ Рассмотрение текста, первоначально представленного Специальным докладчиком, см. 1559-е заседание, пункты 48 и далее.

⁴⁷ Текст статьи см. пункт 2, выше.

* Перенесено с 1568-го заседания.

этого Комитет проводил свои заседания в июле 1979 года в Страсбурге, на которых он избрал нового Председателя г-на Понтоппидана, постоянного заместителя государственного секретаря при министерстве юстиции Дании, а также учредил новое Бюро. Работа Комитета касалась двух основных вопросов: иммунитета государств и мирного урегулирования международных споров.

24. Комитет рассмотрел Европейскую конвенцию 1972 года об иммунитете государств в целях изучения возможностей ее ратификации значительным числом государств — членом Европейского совета. В ходе обмена мнениями по данной Конвенции не было высказано никакой критики в отношении предлагаемых в ней видов решения данного вопроса, несмотря на то, что обращалось внимание на сложность и значительное число технических аспектов устанавливаемого ею режима: ведь именно эти особенности, возможно, являются причиной тех трудностей, которые некоторые страны, очевидно, испытывают при ратификации этого документа. В отношении иммунитета от юрисдикции в данной Конвенции принимается конкретное сочетание исключений, принципов и ссылок на практику государств, причем принцип иммунитета излагается лишь в статье 15 после перечисления множества случаев, когда иностранное государство не может ссылаться на иммунитет. Кроме того, предусматривается, что если определенное государство руководствуется такой практикой, которая имеет характер более ограниченный, чем устанавливаемый в Конвенции режим, то оно может придерживаться этой практики, сделав явно выраженное заявление; тем не менее вышеназванная практика не может применяться к деяниям иностранных государств, совершаемым при осуществлении государственной власти (*acta jure imperii*).

25. Когда дело доходит до исполнительных действий, то данная Конвенция никоим образом не касается иммунитета иностранных государств от наложения ареста. С другой стороны, в ней подтверждается обязанность государств-участников не противостоять осуществлению направленных против них судебных решений, если они не основываются на юрисдикции, которая, по их мнению, выходит за рамки данной Конвенции. В этой Конвенции также содержится глава о процедуре.

26. Этот документ ратифицировали четыре государства: Австрия, Бельгия, Кипр, а 3 июля 1979 года — Соединенное Королевство. Перспективы дальнейшей ратификации этой Конвенции являются нормальными: семь других стран заняли положительную позицию и заявили, что их подготовительная работа в этом направлении уже достигла весьма продвинутого уровня. Таким образом, настоящая Конвенция представляет явным проявлением воли значительного числа европейских государств в отношении иммунитета от юрисдикции.

27. В Конвенции предусматривается обязательная передача споров в связи с ее толкованием или применением на рассмотрение Международного Суда. Однако дополнительным протоколом, прилагаемым к настоящей Конвенции, эта юрисдикция заменяется юрисдикцией одного из европейских судов, состоящего из членов Европейского суда защиты прав человека, который также компетентен заслушивать жалобы частных лиц, считающих ущемленными свои интересы в силу того, что в нарушение данной Конвенции договаривающееся государство не приводит в действие направленное против него судебное решение. Дополнительный протокол ратифицирован Австрией, Бельгией и Кипром, однако он вступит в силу лишь после того, как будет ратифицирован пятью государствами. В определенной степени эту Конвенцию можно рассматривать в качестве предвестника европейского механизма в этой области.

28. Комитет также рассмотрел Европейскую конвенцию 1957 года о мирном разрешении споров, которая, несмотря на наличие споров, применялась в весьма редких случаях. Целый ряд членов Консультативной ассамблеи Европейского совета выступили с инициативой и предложили пересмотреть эту Конвенцию, с тем чтобы, в частности, заменить юрисдикцию Международного Суда в правовых спорах, юрисдикцией Европейского суда защиты прав человека и наделить Европейский суд определенными полномочиями в арбитражном разбирательстве споров неправового характера. Однако Комитет не воспринял это предложение положительным образом.

29. В числе других мероприятий Комитета, осуществляемых в соответствии с основными принципами Европейского совета, деятельность которого направлена на обеспечение свободы человека и гарантию защиты его прав и интересов, можно упомянуть следующие мероприятия: подготовку проекта новой конвенции о защите лиц в связи с автоматизацией процесса учета личных дел; проект новой конвенции о признании и исполнении решений в отношении защиты детей и по укреплению защиты детей, недавно принятой Комитетом, а также работу Европейского совета по вопросам территориального убежища и беженцев, которая на основе конвенций Организации Объединенных Наций о защите беженцев должна содействовать разрешению проблем страны, первой предоставившей убежище, и страны окончательного поселения, в отношении которых государствам целесообразно принять некоторые общие принципы.

30. Наконец, в мае 1979 года Комитет министров Европейского совета разработал текст Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве между органами местного самоуправления. Этот документ является первым многосторонним договором, посредством которого целый ряд государств торжественно предостав-

ляет своим местным или региональным органам самоуправления право по своему усмотрению вступать в договорные отношения с соответствующими органами соседнего государства по таким вопросам, представляющим общественный интерес, как региональное, сельское и городское развитие, планирование инфраструктуры и охрана окружающей среды. Этот документ является важным нововведением и особенно приветствуется всеми теми лицами, которые отвечают за пограничные районы и должны решать такие практические проблемы, как использование и очищение воды, а также сохранение ее качества.

31. Оратор напоминает Комиссии о том, что она имеет постоянное приглашение посылать своих представителей и участвовать в работе сессий Европейского комитета по правовому сотрудничеству, следующая сессия которого должна состояться с 26 по 30 ноября 1979 года. Он надеется, что Председатель Комиссии сможет принять это приглашение.

32. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ выражает признательность наблюдателю от Европейского комитета по правовому сотрудничеству за его выступление и отмечает, что членам Комиссии приятно было услышать о постоянном изучении Комитетом основных проблем международного права, которые значатся в повестке дня Комиссии. В прошлом году он имел честь присутствовать на заседаниях Комитета и смог убедиться в том, что Комитет проявляет огромный интерес к деятельности Комиссии. Он просит г-на Фуррера вновь передать Комитету его благодарность за оказанный ему по этому случаю теплый прием.

33. Нет сомнения в том, что Комиссия также может воспользоваться работой Комитета в целях достижения дальнейшего прогресса в деле кодификации международного права. Он просит г-на Фуррера информировать Комитет о том, что один из представителей Комиссии сможет принять участие в работе сессии Комитета в ноябре 1979 года. Наконец, он отмечает ценность таких обменов для поддержания связей по сотрудничеству между различными органами, занимающимися проблемами прогрессивного развития и кодификации международного права.

34. Г-н РЕЙТЕР подчеркивает, что обеспечивающее благоприятные условия сотрудничества в ограниченной области способствует выработке удовлетворительных решений. Не будучи слишком оптимистичным, он тем не менее убежден в том, что если бы другие регионы мира последовали примеру Европейского комитета по правовому сотрудничеству, то, возможно, не в столь отдаленном будущем Комиссия смогла бы быть более целеустремленной, чем в настоящее время. В частности, он считает, что принятая Европейским советом формула открытого сотрудничества может в свое время оказаться полезной для Комиссии. Например, весьма обещающим

является путь, намеченный Конвенцией о трансграничном сотрудничестве между органами местного самоуправления. В интересах развития международного права различные регионы мира должны следовать примеру Европейского комитета.

Заседание закрывается в 11 час. 30 мин.

1577-е ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 26 июля 1979 года, 10 час. 15 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Калье-и-Калье, г-н Квентин-Бакстер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Швобель, г-н Янков.

Право несудоходных видов использования международных водных путей (продолжение)* (A/CN.4/320 и Согг.1)

[Пункт 5 повестки дня]

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА (продолжение)

1. Г-н ШВЕБЕЛЬ (Специальный докладчик) напоминает Комиссии, что, представляя свой первый доклад по данному вопросу (A/CN.4/320) на ее 1554-м заседании, он указал на то, что цель этого документа заключается в изложении фактической основы для рассмотрения данного вопроса таким образом, который отвечал бы физическим особенностям воды. Далее он отметил, что в целях успешного решения этого вопроса Комиссии необходимо устранить две главнейшие проблемы: с одной стороны, разнообразие водных путей и необходимость установления специальных режимов, которые учитывали их разнообразные особенности, и, с другой стороны, теперешнее отсутствие согласия между государствами и членами Комиссии в отношении географических рамок международных водных путей.

2. Предложенное Специальным докладчиком решение первой проблемы влечет разработку целого ряда статей, в которых бы рассматривались конкретные виды использования и злоупотребления водными путями и их последствия, а также другие конкретные вопросы (1554-е заседание, пункты 12 и 13). По его мнению, будет лучше всего, если Комиссия приступит к разработке более общих принципов права, касающегося водных путей, после рассмотрения конкрет-

ных видов использования водных ресурсов и их последствий, поскольку такая схема позволит ей должным образом учесть физические особенности воды и гидрологического цикла.

3. В целях дальнейшего рассмотрения проблемы разнообразия водных путей он предложил разработать рамочную конвенцию в сочетании с соглашениями о пользовании или соглашениями о системе; в такой конвенции будут излагаться универсальные принципы, регулирующие международные водные пути, а в соглашениях — конкретные обязательства, связанные с характерными особенностями отдельного водного пути. Он предложил установить связь между рамочной конвенцией и смежными соглашениями о пользовании, а также предложил, чтобы в тех случаях, когда одно из государств определенного водного пути является участником рамочной конвенции, упомянутые государства могли свободно заключать такие соглашения, которые они считают целесообразными применительно к этому водному пути.

4. Что касается второй основной проблемы, охватываемой термином «международного водного пути», то он предложил Комиссии отложить ее рассмотрение, поскольку в связи с этой проблемой наблюдается расхождение во мнениях; если на более позднем этапе Комиссия не сумеет добиться согласованного определения, то она может включить в рамочную конвенцию факультативную статью, которая позволит государствам — участникам этой конвенции в соответствии с их целями выбрать одно из трех определений: река, образующая или пересекающая международную границу, речная система или водосборный бассейн (там же, пункт 11).

5. Хотя Специальный докладчик представил проект статей, содержащийся в его докладе, главным образом как пищу для размышлений, этот проект получил определенную поддержку. Некоторые члены Комиссии рекомендовали на нынешней сессии в соответствующем виде принять предложенную статью о сфере применения проекта. Большинство членов Комиссии, по-видимому, склоняются к идее рамочной конвенции в сочетании с соглашениями о пользовании, однако было высказано общее мнение о том, что необходимо вновь рассмотреть вопрос о связи между этими двумя элементами, поскольку некоторые члены Комиссии, в частности, считают, что она может налагать определенные обязательства на третье государство. Большинство членов Комиссии, которые в своих выступлениях коснулись его предложений по сбору и обмену данными, поддержали эти предложения, хотя некоторые члены Комиссии сочли предложенные положения излишне амбициозными. Они предпочли бы не налагать на государство даже минимальных обязательств в связи со сбором и обменом данными о водных путях, вместе с тем они предлагают государствам осуществлять сотрудничество в области сбора и

* Перенесено с 1556-го заседания.

обмена данными, относящимися, по крайней мере, к водным путям, имеющим международное значение.

6. Поэтому в настоящее время Специальный докладчик особо нуждается в том, чтобы Комиссия указала на то направление, в котором ему необходимо продолжать свою работу. В этом отношении имеются четыре возможности. Во-первых, он может вначале подготовить доклады и проекты статей по таким отдельным видам использования водных ресурсов, как орошение или производство энергии. После описания технических аспектов данного вопроса он может определить любые принципы, подходящие для включения в рамочную конвенцию, и предложить возможные элементы дополнительных соглашений о пользовании. Этот подход представляется новым, к тому же на первом этапе дискуссии Комиссии по данному вопросу этот подход подвергся критике в силу его излишней технической сложности. Однако, как представляется, именно этот подход рассматривался Комиссией в ее вопроснике¹ и на более ранней стадии рассмотрения этого вопроса. Во-вторых, он может сосредоточить свое внимание на некоторых злоупотреблениях водными ресурсами и таких вопросах, как загрязнение или интрузия соленой воды. Такой подход представляется интересным; например, довольно широко распространенным является мнение о том, что международному сообществу необходимо принимать меры по борьбе с загрязнением окружающей среды, но в связи с любым исследованием проблемы загрязнения сразу же, несомненно, возникнет вопрос водосборного бассейна. В качестве третьей возможности он может разработать общие принципы в отношении международных водных путей, как это делалось Ассоциацией международного права и Институтом международного права. Он не считает целесообразным предлагать Комиссии в обязательном порядке принять либо концепцию водосборного бассейна, либо конкретные принципы, которыми руководствуются эти органы, но Комиссия, пожалуй, может разработать принципы, вытекающие из добрососедских отношений и т. п. В-четвертых, он может изучить организационные мероприятия по международному сотрудничеству, связанному с международными водными путями, но такой подход лучше всего, пожалуй, отложить, по крайней мере до того момента, пока не завершится работа конференции речных комиссий, которую Организация Объединенных Наций должна созвать в Дакаре в мае 1980 года.

7. На каком бы подходе Комиссия ни остановила свой выбор, он не может заверить ее в том, что обязательно подготовит свой второй доклад к началу ее тридцать второй сессии. Он будет признателен, если Комиссия разрешит ему обсудить с секретариатом возможности предоставле-

ния ему технических консультаций, предпочтительно в рамках системы Организации Объединенных Наций и при незначительных либо нулевых затратах. Если такой выход окажется невозможным, то Специальный докладчик был бы признателен Комиссии за обеспечение бюджетных ассигнований на те расходы, которые понадобятся для привлечения услуг внешних экспертов.

8. Г-н БАРБОСА выражает Специальному докладчику признательность за такой доклад, который содержит множество научно-технической информации и представляет собой весьма полезный отправной пункт для изучения такой области права, которая в срочном порядке требует кодификации и прогрессивного развития и которая тесно связана с нормами, регулирующими добрососедские отношения. Нужно надеяться, что будущий проект статей Комиссии будет содействовать предотвращению конфликтов в связи с ресурсом, являющимся крайне важным для сохранения существования любого человеческого общества.

9. Первая из двух основных точек зрения относительно сферы применения данного проекта статей заключается в том, что эта сфера должна ограничиваться международными реками, как это определено в Заключительном акте Венского конгресса². Вторая точка зрения заключается в том, что в данном проекте статей необходимо рассматривать либо водосборные бассейны, либо речные бассейны. Сторонники первого подхода ставят политический фактор границ выше проблемы оптимального освоения бассейна и справедливого совместного использования его водных ресурсов. Доклад Специального докладчика и прения по данному вопросу в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи показывают, что не существует общепризнанного определения термина «международный водный путь». Поэтому в разумных пределах Комиссия может предположить, что Генеральная Ассамблея, предлагая ей изучить вопрос о праве международных водных путей, предоставила ей определенную свободу в толковании этого термина. Он считает, что Комиссия должна продолжить свою работу на этой основе при условии явного исключения из настоящего исследования — на что Специальный докладчик указал в пункте 57 своего доклада — вопросов, касающихся дождевых осадков, морской воды, туч, тумана, снега и града. По его собственному мнению, термин «международный водный путь» должен означать водосборный бассейн, поскольку в связи с демографическим взрывом последних лет и последующим огромным ростом потребностей в водных ресурсах, а также расширением знаний человека о гидрологическом цикле крайне важным стало рассмотрение бассейнов в качестве единого образования, с тем

¹ См. *Ежегодник...*, 1976 год, том II (часть первая), стр. 192, документ A/CN.4/294 и Add.1, пункт 6.

² См. A/CN.4/320, пункт 43.

чтобы максимально удовлетворить требования всех прибрежных государств.

10. Сторонники концепции ограничения настоящих статей международными реками, как это было определено на Венском конгрессе 1815 года, заявляют, что каждое прибрежное государство обладает абсолютным суверенитетом над той частью международного водного пути, который проходит по его территории; в обоснование этого утверждения они ссылаются на излюбленные принципы территориального суверенитета и суверенитета над природными ресурсами. Однако утверждение о том, что настоящие статьи должны применяться к водосборным бассейнам, не представляет собой нападок на какой-либо из этих принципов. Во-первых, способы возможного осуществления территориального суверенитета регулируются объектом этого суверенитета. Водные ресурсы нельзя ни захватить, ни использовать «в качестве подпорок для постоянных сооружений», поскольку воды международных водных путей, подобно воздуху, перемещаются из одного государства в другое. Если государство А может рассматривать определенные воды в качестве своей собственности, то и государство В — когда эти воды попадают на его территорию — также может рассматривать их в качестве своей собственности, хотя предметом их притязаний выступают одни и те же воды. С другой стороны, хотя такие воды, несомненно, представляют собой природный ресурс, их необходимо рассматривать в качестве разделяемого природного ресурса. В этом случае важно определить, как можно добиться справедливого распределения этого ресурса. Предоставление одному прибрежному государству абсолютного суверенитета над водами того или иного международного водного пути означало бы узурпацию суверенитета всех других прибрежных государств над этим же природным ресурсом.

11. Оратор поддерживает идею о том, что Специальному докладчику необходимо разработать рамочную конвенцию, но в этой конвенции должны излагаться лишь весьма общие принципы, с тем чтобы обеспечить ее применимость к широкому кругу ситуаций. Если Комиссия признает, что воды международного водного пути необходимо рассматривать в качестве разделяемого природного ресурса, то в такой рамочной конвенции должна содержаться ссылка на основной принцип права *sic utere tuo alienum non laedas*, который лежит в основе права добрососедских отношений и который можно считать применимым ко всем ситуациям, связанным с использованием вод международных водных путей для производства энергии, рыболовства, бытовых целей или орошения или связанным с проблемой загрязнения. Этот принцип составляет часть обычного права окружающей среды, поэтому он нашел свое воплощение в широком круге документов, включая Женевскую конвенцию о производстве гидравлической энергии,

затрагивающем более чем одно государство³, Хельсинкские правила⁴, резолюции и рекомендации Генеральной Ассамблеи, документы Конференции Организации Объединенных Наций по вопросам окружающей человека среды, декларацию четвертой Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран⁵ и двусторонние соглашения.

12. Чтобы в рамочной конвенции содержалось положение, запрещающее такое использование международных водных путей, которое наносит серьезный ущерб расположенным ниже по течению государствам, в нее также необходимо включить положение об определении тех случаев, когда наносится серьезный ущерб. Это будет способствовать уменьшению опасения в отношении того, что расположенные ниже по течению государства могут в противном случае воспользоваться правом вето в связи с любым использованием разделяемого водного пути государствами, расположенными выше по течению. Поэтому в рамочной конвенции должно предусматриваться предварительное уведомление о планируемых видах использования водных ресурсов, которые могут причинить серьезный ущерб, — понятие, которое в свете арбитражного решения в связи с делом *Озеро Ланукс*⁶ предполагает социальное крушение, — а также должно предусматриваться мирное урегулирование споров в связи с такими видами использования. Он одобряет предложение Специального докладчика относительно того, что прибрежные государства должны обмениваться данными о разделяемом водном пути; такие данные должны касаться не только естественных изменений соответствующего водного пути, но и изменений, вызванных вмешательством человека. В рамочную конвенцию необходимо включить еще одну норму — опять-таки вытекающую из обычного права — относительно разумного и справедливого использования разделяемых водных ресурсов.

13. Весьма сложной представляется проблема связи, то есть обеспечение того, чтобы другие соглашения строились на принципах, содержащихся в разработанном Комиссией проекте конвенции. По его мнению, статью 5 необходимо исправить, поскольку, как отмечали другие ораторы, она направлена на ограничение свобод государств, не являющихся участниками рамочной конвенции, заключать соглашения. Что касается статьи 6, то следует опасаться, что определенные трудности могут возникнуть в связи с пунктом 2. Вероятно, эту проблему можно решить, обязав государства — участников рамочной конвенции, которые также являются участниками

³ Там же, пункт 86.

⁴ Там же, пункт 34.

⁵ *Documents of the Fourth Conference of Heads of State or Government of Non-aligned Countries* (Algiers, September 1973), «Economic declaration», sect. XII (A/9330, p. 71).

⁶ См. 1554-е заседание, сноска 8.

ми соглашений о пользовании, определенным образом заявить в этих соглашениях, что они будут подчиняться требованиям этой рамочной конвенции. Однако определенные трудности возникнут при попытках убедить другие государства-пользователи принять подобное условие. В соответствии с кратким отчетом о 1554-м заседании Комиссии г-н Рифаген, кажется, заявил, что если в конвенции Комиссии будут признаны соответствующие обычные нормы международного права, то эти нормы будут включены в соглашения о пользовании. Такой подход является разумным.

14. Г-н УШАКОВ, касаясь названия данного вопроса, отмечает, что выражение «международные водные пути» было бы лучше передать по-французски словосочетанием «cours d'eau internationaux», а не словосочетанием «voies d'eau internationales». Необходимо учитывать лишь проточные воды, иначе Комиссия столкнется с большими трудностями. Было бы опасно включать в настоящее исследование озера, несмотря даже на то, что некоторые озера связаны с водными путями или с такими морскими течениями, как Гольфстрим, или с грунтовыми водами. Комиссии целесообразнее всего ограничиться понятием «fleuves» и «rivières», единственным соответствием которого в английском языке является понятие «реки».

15. Согласно пункту 1 статьи 1 текста, предложенного Специальным докладчиком, данный проект статей применяется «к пользованию водами международных водных путей». По мнению оратора, в данном случае используются не воды международных путей, а сами водные пути, будь то для целей судоходства или других таких целей, как сплав леса или производство энергии. Если термин «несудоходные виды использования» действительно касается использования международных водных путей как таковых, а не их вод, то из этого следует, что лишь государства, прилегающие к определенному водному пути, могут пользоваться этим путем, исключая другие государства бассейна. Использование грунтовых вод этими другими государствами, несомненно, может отражаться на самом водном пути, несмотря даже на то, что эти государства не пользуются данным водным путем как таковым.

16. В пункте 1 статьи 1 проекта Специальный докладчик предлагает распространить сферу применения данного проекта статей на такие проблемы, связанные с использованием международных водных путей, как борьба с наводнениями, эрозия почвы, седиментация и интрузия соленой воды. Но подобные проблемы возникают независимо от того, каким образом используются международные водные пути. Так, представляется возможным вести борьбу с наводнениями, вызываемыми определенным водным путем, не связывая этой проблемы с какими бы то ни было видами использования данного водного пути.

Проблемы, упоминаемые в пункте 1 статьи 1, связаны в конечном счете с наличием водных путей и их охраной, а не с видами их использования. Поэтому пункт 1 статьи 1 можно просто представить в такой формулировке:

«Настоящие статьи применяются к использованию международных водных путей».

17. Наконец, Комиссии следует воздержаться от решения вопросов, касающихся использования международных водных путей для целей сельского хозяйства или производства энергии. Члены Комиссии не являются экспертами в этих областях и сразу же столкнутся с непреодолимыми трудностями. В любом случае изучение этих вопросов вряд ли окажется полезным, поскольку эти вопросы интересуют лишь ограниченное число государств. Для целей сельского хозяйства и производства энергии используется лишь незначительное число рек. Поэтому Комиссии следует ограничиться составлением общих норм, которые будут действительными для всех несудоходных видов использования водных путей и будут служить государствам в качестве руководящих принципов. В конечном итоге прибрежные государства должны сами регулировать виды использования определенного водного пути таким образом, который они считают подходящим.

18. Г-н ЯНКОВ выражает признательность Специальному докладчику за его весьма компетентный доклад. Он весьма рад, что в данном документе содержится такое множество фактического материала и что в нем выдвигаются интересные идеи, имеющие огромную ценность для последующих дискуссий Комиссии.

19. Что касается сферы применения будущего проекта статей, то все предлагаемые Специальным докладчиком возможные подходы к разработке этих статей являются рациональными. Было бы крайне нежелательно, чтобы в будущем документе, например, основное внимание было сосредоточено исключительно на некоторых видах использования водных ресурсов и их последствиях или на организационных мероприятиях. Комиссия нуждается именно в том, что на третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву было названо «всеобъемлющей конвенцией». Прежде всего в этом документе должны содержаться общие нормы, касающиеся прав и обязанностей прибрежных государств, — независимо от того, расположены ли они выше или ниже по течению, — а также некоторые положения, касающиеся прав и обязанностей третьих государств. Он не разделяет мнения г-на Ушакова о том, что позиция третьих государств не имеет отношения к работе Комиссии; эти государства особенно заинтересованы в вопросах, касающихся водной среды, поскольку загрязнение, являющееся побочным продуктом современной технологии и урбанизации, не признает никаких политических границ.

20. Комиссии необходимо как можно точнее определить те виды водоемов, к которым должна применяться такая конвенция. Представляется полезным использовать такой термин, как «международные водные пути» или «международные речные системы», причем последний термин представляет собой концепцию, которую Комиссии предстоит использовать во многих случаях.

21. Общие нормы, подлежащие включению в данный проект конвенции, должны быть применимы к различным ситуациям. Он считает, что такая конвенция должна ограничиваться изложением общих норм, которые могут послужить в качестве руководящих принципов для составителей двусторонних или региональных соглашений, другими словами «соглашений о пользовании». Ввиду сложности подобных соглашений оратор сомневается в целесообразности устанавливать правовую связь между соглашениями и конвенцией Комиссии, как этого добивается Специальный докладчик в проекте статей 5 и 6.

22. Помимо тех вопросов, которые перечислены Специальным докладчиком в пункте 1 его доклада, в этой конвенции должны содержаться статьи по таким вопросам, как ответственность за нанесенный ущерб, международное сотрудничество по несудоходным видам использования международных водных путей и — поскольку большинство международных речных систем находится в развивающихся странах — научнотехническое сотрудничество. Такое сотрудничество может, пожалуй, быть связано с решением проблемы загрязнения, которую Специальный докладчик предложил рассмотреть в связи с конкретными видами использования международных водных путей. Возможно, это не совсем удачный подход, поскольку, пожалуй, могут быть такие общие нормы по вопросам борьбы с загрязнением, сохранения и охраны водной среды, которые касаются не только отдельных видов использования международных водных путей.

23. В заключение он подчеркивает, что Комиссии следует ограничиться лишь разработкой общих норм. В пункте 63 своего доклада Специальный докладчик справедливо отметил огромное разнообразие физических особенностей международных водных путей и человеческих потребностей, которым они служат. Поэтому невозможной представляется разработка таких законодательных документов, чтобы в них учесть все конкретные особенности каждой части мира.

24. Г-н КАЛЬЕ-и-КАЛЬЕ отмечает, что вода является природным ресурсом, на который все государства имеют определенное право, и что международное сообщество кровно заинтересовано в предотвращении нерационального использования или уничтожения этого ресурса. В силу этого в первой части своего доклада Специальный докладчик справедливо добивается того, чтобы все осознали ценность водных ресурсов.

25. Задача Комиссии заключается в кодификации существующих норм обычного права, особенно норм, изложенных в двусторонних конвенциях и в меньшей степени норм, изложенных в многосторонних конвенциях. Однако не все реки, образующие часть отдельного речного бассейна, являются международными; не все реки фактически пользуются одинаковым режимом. Поэтому Комиссии — вместо попыток установить абстрактные общие принципы — следует разработать нормы, применимые к конкретным международным водным путям. Не следует забывать, что суверенитет государств над водными путями, протекающими по их территории, является *suī generis*, поскольку в отличие от земли, которая легко поддается разделу, водные пути представляют собой совместно используемый водный запас.

26. С самого начала прослеживались два широких подхода к данному вопросу: один из них — ограничительный и касающийся исключительно международных водных путей, а другой — более широкий подход, включающий весь водосборный бассейн. Небольшой приток может, конечно, оказывать воздействие на все другие реки бассейна, однако вывод о том, что с тем или иным государством должны консультироваться об использовании какого-либо водного пути, является важным шагом вперед, который требует определенной предосторожности. Такой подход является дополнительным доводом в пользу разработки норм, применимых непосредственно к конкретному водному пути.

27. Что касается рамок данного вопроса, то Комиссии следует сосредоточить свое внимание на разработке норм, обеспечивающих должное равновесие между правами государств-пользователей. Такие нормы обязательно будут иметь остаточный характер, поскольку многие государства уже связаны двусторонними конвенциями. В этой связи, как предусматривается в проекте статьи 5, представляется логичным дать возможность государству-пользователю, не являющемуся участником настоящих статей, стать участником соглашения о пользовании, но при этом нет необходимости добавлять оговорку о том, что одно или несколько государств-пользователей, являющихся участниками данного соглашения о пользовании, должны быть участниками настоящих статей. Сформулированные Комиссией нормы не должны наносить ущерба праву государств-пользователей давать свое согласие на такие другие нормы, которые они считают целесообразными, при том условии, что эти нормы не противоречат настоящим статьям и служат основной цели устранения имеющихся в праве многочисленных пробелов. Это не означает, что государства могут произвольно наносить ущерб водному пути другого государства или мешать его использованию, поскольку, поступая таким образом, они понесут ответственность в соответствии с другими нормами международной ответственности.

ти, например нормами, касающимися крупномасштабного загрязнения окружающей среды. В основе настоящих статей в целом должен находиться принцип *sic utere tuo ut alienum non laedas*.

28. Г-н ДИАС ГОНСАЛЕС отмечает, что само название исследования, которое Генеральная Ассамблея предлагает Комиссии предпринять, указывает на то, что это исследование должно ограничиваться международными водными путями. Однако в докладе Специального докладчика, помимо этого, рассматривается значительно более широкая концепция географического бассейна, концепция, которая составляет основу целого ряда региональных соглашений — в том числе некоторых соглашений, заключенных в Латинской Америке, — в которых учитывается определенный круг факторов, не возникающих в связи с использованием водных ресурсов как таковых. Поэтому в связи с данным проектом статей ему представляется трудным провести грань между различными аспектами данной проблемы, поскольку кажется невозможным вести речь о видах использования водных ресурсов, не учитывая при этом злоупотреблений водными ресурсами. Многие проблемы, связанные с ухудшением состояния окружающей среды, несомненно окажут определенное влияние на любые нормы, сформулированные в целях регулирования использования международных водных путей. Международное сообщество особо обеспокоено проблемой загрязнения водной среды, но при этом требуется рассмотрение и вопросов орошения и производства энергии. Все это связано с продолжительным и терпеливым исследованием. При этих условиях Комиссии целесообразнее всего начать свою работу с разработки общих принципов относительно использования международных водных путей, которые могли бы послужить основой для дальнейшей работы по конкретным аспектам данного вопроса. Эту работу можно продолжить на более позднем этапе в свете результатов, достигнутых другими международными органами. Комиссии необходимы консультации экспертов по научно-техническим аспектам данного вопроса, однако членам Комиссии не следует забывать, что Комиссии самой предстоит сформулировать соответствующие принципы на основе замечаний, сделанных государствами.

29. Ранее упоминались притоки, образующие часть того или иного бассейна, но не являющиеся международными водными путями. Комиссии может быть небезынтересно узнать, что Венесуэла — согласно определенному соглашению с Колумбией — вложила крупную сумму денежных средств в целях сохранения речного бассейна в Колумбии, поскольку воды, протекающие через территорию Венесуэлы, не являясь при этом международными, питают международные водные пути.

30. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ отмечает, что в ходе предыдущего обсуждения данного пункта

он оптимистически предполагал, что Комиссия согласится с необходимостью исследовать проблему использования вод международных водных путей, и он по-прежнему убежден в правильности такого подхода. Однако теперь, как представляется, обнаруживается четкая тенденция рекомендовать Специальному докладчику сосредоточить его усилия на конкретных видах использования. Оратор надеется, что члены Комиссии в достаточной степени изучат этот вопрос, прежде чем принимать решение относительно того, какие указания следует дать Специальному докладчику.

31. Г-н УШАКОВ отмечает, что если Комиссии предстоит изучить вопрос сохранения международных водоемов, то ей также необходимо исследовать проблемы, связанные с бассейнами и более широкими вопросами, поскольку проблема сохранения охватывает более широкую область, чем просто использование. Кроме того, бассейн состоит не только из поверхностных и грунтовых вод, а к нему могут относиться и ледники, которые расположены в одной стране, а питают, строго говоря, национальные водные пути в другой стране. На этот аспект данной проблемы Комиссии также необходимо обратить определенное внимание.

Заседание закрывается в 12 час. 50 мин.

1578-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 27 июля 1979 года, 10 час. 05 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Калье-и-Калье, г-н Квентин-Бакстер, г-н Рифаген, г-н Сучариткул, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Цуруока, г-н Швель, г-н Янков.

Право несудоходных видов использования международных водных путей (окончание) (A/CN.4/320 и Согг.1)

[Пункт 5 повестки дня]

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА (окончание)

1. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что после должного размышления он пришел к заключению, что на текущей сессии у Комиссии нет ни времени, ни средств для выработки каких-либо выводов, поэтому он решил отложить свои замечания до будущей сессии. Он также считает, что в настоящее время наблюдается отсутствие некоторых

элементов, необходимых для того, чтобы дать возможность Специальному докладчику продолжить его работу, а Комиссии — прийти к определенным выводам по некоторым ключевым вопросам на ее следующей сессии. Оратор по-прежнему считает, что данный вопрос является крайне важным и что в будущем суждение о Комиссии будет выноситься больше по ее работе над вопросом несудоходных видов использования международных водных путей, чем по ее работе над любым другим вопросом. Это дополнительный довод в пользу рассмотрения данного вопроса с определенной предосторожностью вплоть до того момента, когда Комиссия примет решение по основным направлениям своего подхода к данной проблеме.

2. Г-н ФЕРОСТА отмечает, что ранее (1556-е заседание) он упоминал о необходимости в соответствии с международным правом определить права и обязанности государств, которые изложены в договорах, касающихся судоходных видов использования международных водных путей, строительства электростанций на международных водных путях и таких конкретных проблем, как загрязнение. Некоторые нормы, содержащиеся в этих договорах, уже упоминались в ходе дискуссии. Одна из таких норм заключается в том, что расположенное выше по течению прибрежное государство обязано дать возможность нормальному объему воды, соответствующему времени года, покинуть его территорию, а расположенное ниже по течению прибрежное государство обладает таким же правом принять нормальный объем воды, соответствующий времени года, с территории расположенного выше по течению прибрежного государства. Другая норма заключается в том, что воды международного водного пути не должны подвергаться загрязнению. Как отметил г-н Барбоса (1577-е заседание), общий принцип, лежащий в основе всех этих норм, сводится к тому, что несудоходные виды использования того или иного международного водного пути, предпринимаемые расположенным выше по течению прибрежным государством, не должны наносить ущерба правам и интересам государства, расположенного ниже по течению.

3. Несомненно, требуется систематический анализ всех соответствующих договоров. Это нелегкая задача, но оратор напоминает членам Комиссии, что Специальный докладчик по вопросу о консульских сношениях проанализировал не менее 1700 договоров о консульских сношениях, на основе которых в статье 5 Венской конвенции о консульских сношениях приводится обстоятельный перечень консульских функций¹. Прежде всего необходимо проанализировать два вида двусторонних и многосторонних договоров: договоры о судоходных видах использования международных водных путей, в которых также содержатся отдельные нормы о несудоходных видах

использования; и договоры об использовании международных водных путей для производства электроэнергии. Уже упоминался ряд договоров, заключенных в Латинской Америке, кроме этого, он хотел бы также обратить внимание на международные соглашения об электростанциях, которые заключены между Австрией и Федеративной Республикой Германии, между Югославией и Румынией и между Австрией и Югославией. Аналогичные нормы можно обнаружить в соглашениях, заключенных между некоторыми государствами Северной Америки. Договоры о рациональном использовании озер в качестве международных водных путей также могут иметь определенное отношение к таким несудоходным видам использования, как рыболовство и туризм.

4. Если будет возможность собрать материал такого рода, это послужит огромным подспорьем при выполнении Комиссией ее задачи.

5. Г-н ТИАМ говорит, что на данном этапе обсуждения он может выделить два важных вопроса: рамки данного вопроса и намечаемая цель.

6. Комиссии необходимо определить значение термина «водные пути»: охватывает ли этот термин лишь реки и ручьи или также бассейны и притоки, озера и каналы. По его мнению, необходимо избегать как слишком узкого, так и слишком широкого толкования этого термина. Он считает, что если даже это определение будет ограничиваться реками и ручьями, то будет нелегко избежать изучения, по крайней мере, тех водосборных бассейнов, которые играют существенную роль в экономической интеграции, ставшей в современную эпоху, как видно из примера реки Сенегал, первостепенной задачей для всех стран, заинтересованных в использовании международных водных путей в различных частях мира.

7. Возможно, такой же принцип распространяется и на озера, поскольку они — хотя и не являются водными путями — представляют собой тем не менее водные магистрали, как это видно на примере озера Чад, которое выполняет большую функцию, чем простой водоем, расположенный между прибрежными государствами: оно обеспечивает эти государства, в частности, средством сотрудничества, если не сказать — экономической интеграции. Поэтому было бы оправданным, если бы Комиссия включила в свое исследование реки, бассейны, озера и другие водные пути.

8. Что касается цели ее работы, то прежде всего Комиссии необходимо попытаться разработать кодекс по использованию международных водных путей — задуманный как кодекс разумного поведения не только для прибрежных государств, а для всех пользователей — в котором (даже до определения точного содержания этого понятия) она попытается определить соответствующие права и обязанности пользователей международных водных путей.

¹ United Nations, *Treaty Series*, vol. 596, p. 359.

9. На каком бы методе Комиссия ни остановила свой выбор, эта задача, по его мнению, будет сложной в силу огромного разнообразия тех аспектов, которые предстоит рассмотреть.

10. Г-н ТАБИБИ полностью разделяет мнение о том, что данный вопрос является крайне важным и представляет огромный интерес для расположенных выше и ниже по течению государств. В силу сложности настоящей задачи все заинтересованные стороны обязаны сотрудничать со Специальным докладчиком. Оратор отмечает, что было получено незначительное число ответов на вопросник, распространенный Генеральным секретарем² среди государств-членов, поэтому он предлагает Секретариату снова обратиться к государствам-членам с просьбой представить свои замечания.

11. Г-н БАРБОСА объясняет, что он не намерен рекомендовать Комиссии разрабатывать общие принципы. По его мнению, нормой обычного права, в соответствии с которой суверенное государство имеет право поступать в отношении вод, протекающих по его территории так, как оно считает целесообразным, предусматривается нанесение ущерба соседним прибрежным государствам. Эта норма основывается на общей норме международного права, в соответствии с которой то или иное государство должно использовать свою территорию таким образом, чтобы не наносить ущерба территории другого государства.

12. Г-н СУЧАРИТКУЛ заявляет, что предложенный Специальным докладчиком проект статей обеспечивает рациональную основу для будущей работы Комиссии и является, по его мнению, общеприемлемым. В частности, вполне логичным представляется определение понятия «государство-пользователь», приводимое в проекте статьи 2. Если это определение распространить на государства, которые являются лишь источником вод какого-либо международного водного пути, то — судя по примеру бассейна реки Меконг — сюда будут относиться также страны, расположенные в северной части Гималаев, несмотря на то, что они не являются государствами-пользователями.

13. Оратор согласен с тем, что необходимо рассмотреть все виды использования международных водных путей, однако он предлагает установить порядок очередности их рассмотрения.

14. Уже делалась ссылка на основной принцип международного права, в соответствии с которым каждое государство пользуется постоянным суверенитетом над его природными ресурсами. Однако вопрос, которым занимается Комиссия, касается видов использования «международных» водных путей, а это означает, что эти виды использования не ограничиваются одним госу-

дарством. Поэтому оратор склонен пойти дальше и сослаться на такой же важный принцип добрососедских отношений, который провозглашен в Заключительном коммюнике, принятом на Бандунгской конференции стран Африки и Азии в 1955 году³. В этой связи г-н Тиам справедливо подчеркнул важность экономического сотрудничества.

15. Наконец, он подчеркивает важность предоставления соответствующих научных данных в целях оказания содействия Специальному докладчику в его работе. Материалы, подготовленные различными региональными комитетами экспертов по водным ресурсам, которые относятся к системе Организации Объединенных Наций и ежегодно проводят свои заседания, могут послужить в качестве основы для разработки справедливых и объективных принципов международного права.

16. Г-н ШВЕБЕЛЬ (Специальный докладчик), подводя итог основным моментам настоящей дискуссии, отмечает, что все еще наблюдается расхождение во мнениях относительно охвата термина «международный водный путь». Были сделаны новые важные высказывания в пользу разработки определения, основанного на концепции водосборного бассейна, но вместе с тем возобновилась также оппозиция против такого определения. В этой связи возник вопрос о том, включает ли понятие международных водные пути озера, ледники и грунтовые воды. Что касается озер, то справедливым является предположение о том, что Генеральная Ассамблея сослалась на международные водные пути, а не на реки в целях обеспечения того, чтобы работой Комиссии были охвачены, по крайней мере, озера и каналы, питаемые реками или питающие их. Озеро Леман и река Рона являются достаточными примерами для того, чтобы показать значение такой трактовки. Однако нет веского основания исключать ледники, являющиеся источником как поверхностного стока, так и грунтовых вод. Как правило, грунтовыми водам присущ сток, хотя он происходит именно там, где может оказаться водоносный горизонт, ограниченный водоупорными слоями. Научно доказано, что реки в основном питаются за счет грунтового, а не поверхностного стока.

17. Еще большую поддержку получила идея рамочной конвенции и дополняющей роли соглашений о пользовании, но в связи с этим возник вопрос о том, в какой мере один из этих двух элементов — и который из них — будет регулировать другой элемент. Остались также нерешенными и другие вопросы, касающиеся связи между рамочной конвенцией и соглашениями о пользовании.

² Ежегодник..., 1976 год, том II (часть первая), стр. 192, документ A/CN.4/294 и Add.1, пункт 6.

³ См. Indonesia, Ministry of Foreign Affairs, *Asian-African Conference Bulletin*, No. 9 (Jakarta, 1955), p. 2.

18. Из возможных подходов, которыми надлежит руководствоваться при подготовке дальнейшего доклада, наиболее широкую поддержку получило формулирование общих принципов права несудоходных видов использования международных водных путей. В этой связи подчеркивались кардинальный принцип использования своих собственных ресурсов, не нанося при этом ущерба ресурсам других государств, а также концепция разделяемых природных ресурсов. Однако необходимо будет проанализировать результаты настоящей дискуссии, а также результаты предыдущей дискуссии Комиссии (1554—1556-е заседания), когда наиболее широкую поддержку получила идея рассмотрения конкретных видов использования. На более ранних этапах работы Комиссии было также достигнуто согласие в отношении того, что Комиссии следует рассматривать конкретные виды использования водных ресурсов, как это явствует из вопросника, распространенного среди государств-членов, а также из ответов на этот вопросник⁴. Этот вопрос требует самого серьезного изучения, поэтому Специальный докладчик должным образом учитывает мнение г-на Янкова о том, что все аспекты данного вопроса должны быть рассмотрены на определенном этапе, в том числе виды использования, злоупотребления и их последствия, конфликты между конкурирующими видами использования, общие принципы, сотрудничающие учреждения и меры по мирному урегулированию споров.

19. Был поднят вопрос о том, что в данном проекте статей должно рассматриваться не только использование международных водных путей, но и использование вод международных водных путей. По его мнению, такое различие является незначительным. Упоминались также такие смежные проблемы, как борьба с наводнением, эрозия почв, седиментация, интрузия соленой воды и устья. Учитывая принятый Комиссией подход, а также ответы государств на вопросник, можно с полным основанием надеяться на то, что Комиссия рассмотрит эти смежные проблемы, значение которых не следует преуменьшать. Что же касается различия между использованием международных водных путей и использованием вод международных водных путей, то последнее выражение было употреблено в его докладе исключительно в разъяснительных целях. Но само собой разумеется, что Комиссия намерена заняться и занимается вопросами использования вод международных водных путей. Из тех видов использования, которые упоминаются в вопросе D вопросника, некоторые такие виды, как плавание, рыболовство и сплав леса, являются, несомненно, видами непосредственного использования водного пути, но большинство из них таковыми не являются. Например, вода, используемая для целей орошения, отводится из водных путей, а использование

воды для производства атомной энергии, строительства или обрабатывающей промышленности представляет собой вид использования вод того или иного водного пути, при этом не являясь непосредственным использованием самого водного пути.

20. Учитывая формулировку самого вопросника и ответов на него, он считает невозможным поддерживать утверждение о том, что Комиссии необходимо ограничиться видами использования водного пути как такового. Кроме того, возможность исключения видов использования вод международных водных путей из сферы деятельности Комиссии уже рассматривалась ранее, поэтому в настоящее время он не видит основания для того, чтобы допустить такое исключение.

21. В ходе настоящей дискуссии также подчеркивалась проблема загрязнения, в связи с чем было отмечено, что борьба с загрязнением не может быть эффективной, если меры в этом направлении ограничиваются усилиями прибрежных государств. Вполне справедливо подчеркивалась необходимость проанализировать положения соответствующих договоров. Отмечалось также, что в данном проекте статей необходимо предусмотреть положение об ответственности государств за нанесенный ущерб, а также о технической помощи развивающимся странам.

22. Общепризнанной является необходимость учитывать физические особенности воды и осуществлять сбор необходимых научно-технических данных; кроме того, большинство членов Комиссии, как представляется, поддерживает идею рассмотрения судоходных видов использования международных водных путей, когда они затрагивают или затрагиваются другими видами использования. Мнением большинства, очевидно, также является то, что данный вопрос созрел для кодификации.

23. Он надеется, что на своей следующей сессии Комиссия сможет придать определенной форму достигнутому соглашению, что позволит ей конструктивным образом рассмотреть различные элементы права несудоходных видов использования международных водных путей. Он разделяет точку зрения о том, что было бы целесообразным снова распространить вопросник среди тех государств-членов, которые еще не представили своих ответов на этот вопросник.

24. Наконец, он надеется на то, что в докладе Комиссии, представляемом Генеральной Ассамблее, будет содержаться обстоятельный отчет о ходе настоящей дискуссии. Это особенно желательно, поскольку не было принято никаких статей, которые Ассамблея могла бы рассмотреть.

25. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ выражает признательность Специальному докладчику за его работу по такому сложному вопросу, который одновременно затрагивает правовые, политические, технические и экономические вопросы.

⁴ См. *Ежегодник...*, 1976 год, том II (часть первая), стр. 189 и далее, документ A/CN.4/294 и Add.1, и *Ежегодник...*, 1978 год, том II (часть первая), документ A/CN.4/314.

26. Он объясняет, что в докладе Комиссии, который будет представлен Генеральной Ассамблее, обязательно будет содержаться отчет о ходе настоящей дискуссии, а также будет подчеркнута необходимость обратить внимание некоторых государств на вопросник, принятый Комиссией на ее двадцать шестой сессии⁵.

27. Председатель объявляет, что Комиссия, таким образом, завершила рассмотрение пункта 5 повестки дня.

Заседание закрывается в 10 час. 55 мин.

⁵ См. сноска 2, выше.

1579-е ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник, 30 июля 1979 года, 15 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Калье-и Калье, г-н Квентин-Бакстер, г-н Рифаген, г-н Табниби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Цуруока, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Ответственность государств (окончание) *
(A/CN.4/318 и Add.1—4, A/CN.4/L.297/Add.1)

[Пункт 2 повестки дня]

ПРОЕКТ СТАТЕЙ, ПРЕДЛОЖЕННЫХ
РЕДАКЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ
(окончание) **

СТАТЬИ 31 И 32

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Председателю Редакционного комитета представить статьи 31 и 32, принятые Редакционным комитетом (A/CN.4/L.297, Add.1), которые гласят:

Статья 31. Форс-мажор и непредвиденный случай

1. Противоправность деяния государства, не соответствующего его международному обязательству, исключается, если это деяние было вызвано непреодолимой силой или не поддающимся контролю государства непредвиденным внешним событием, которая/которое сделала/сделало для государства материально невозможным действовать в соответствии с указанным обязательством или понять, что его поведение не соответствует этому обязательству.

2. Пункт 1 не применяется, если государство, о котором идет речь, содействовало возникновению ситуации материальной невозможности.

* Перенесено с 1573-го заседания.

** Перенесено с 1567-го заседания.

Статья 32. Бедствие

1. Противоправность деяния государства, не соответствующего его международному обязательству, исключается, если субъект поведения, составляющего деяние этого государства, в ситуации крайнего бедствия не имел иной возможности спасти свою жизнь или жизнь вверенных ему лиц.

2. Пункт 1 не применяется, если государство, о котором идет речь, содействовало возникновению ситуации крайнего бедствия или если поведение, о котором идет речь, могло вызвать сравнимое или более тяжкое бедствие.

2. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) говорит, что статьи 31 и 32 соответствуют статьям, предложенным г-ном Аго в его восьмом докладе (A/CN.4/318 и Add.1—4, пункт 153)¹. Эти статьи касаются соответственно «форс-мажора» и «непредвиденного случая», однако Редакционный комитет решил с учетом дискуссий Комиссии перестроить их содержание и ввести несколько редакционных поправок без какого-либо изменения их содержания, как первоначально предполагалось. В настоящее время статья 31 касается форс-мажора и непредвиденного случая, в то время как статья 32 касается бедствия.

3. Пункт 1 статьи 31 Комитета охватывает положения, содержащиеся в пункте 1 статей 31 и 32, представленных г-ном Аго. Комитет счел целесообразным объединить в единый пункт форс-мажор и непредвиденный случай с учетом общих характеристик этих исключительных обстоятельств, в частности элемента невозможности. Этот элемент, который в первоначальном тексте был квалифицирован в отношении форс-мажора словом «абсолютно», в настоящее время квалифицирован словом «материально» с целью ввести принцип материального, а не субъективного критерия для определения состояния невозможности. С тем чтобы еще больше выделить элемент невозможности, Комитет счел необходимым добавить, что случай, который привел к потенциально противоправному деянию государства, должен быть «не поддающимся контролю государства». Он подчеркнул причинную взаимосвязь между форс-мажором или непредвиденным случаем и поведением государства, используя слова «было вызвано». Комитет также решил сослаться в последней части пункта на «государство» а не на «субъект поведения, присваиваемого государству», поскольку согласно положениям главы II проекта, конкретно в статье 5², поведение любого органа государства, имеющего такой статус согласно внутреннему праву этого государства, рассматривается согласно международному праву как деяние такого государства. Комитет также счел более целесообразным отметить, что непредвиденный случай сделал для государства невозможным «понять», а не «осознать», что его поведение не соответствует международному обяза-

¹ Текст воспроизведен в кратком отчете 1569-го заседания, пункт 1.

² См. 1532-е заседание, сноска 2.

тельству. Наконец, хотя Комитет решил сохранить временно слово «внешний», которое г-н Аго использовал в своей статье 32, он решил привлечь внимание Комиссии на общее мнение своих членов относительно того, что этот термин может быть ненужным, в частности с учетом текста, предложенного в пункте 2 статьи 31.

4. В пункте 2 воспроизведено в упрощенной форме и с редакционными поправками, необходимость в которых возникла из-за использования несколько отличной терминологии в пункте 1, положение, первоначально касавшееся лишь форс-мажора в пункте 3 статьи 31 г-на Аго. Комитет, учитывая элементы, общие для форс-мажора и непредвиденного случая и присутствующие в пункте 1 статьи 31, счел целесообразным распространить на непредвиденный случай положение, в соответствии с которым данный пункт не применяется, если государство, о котором идет речь, содействовало возникновению ситуации материальной невозможности.

5. Пункт 1 статьи 32 касается случая бедствия, который г-н Аго рассматривал в пункте 2 своей статьи 31. Комитет попытался сформулировать положения более точно и ясно, указав на ситуацию «крайнего» бедствия, а не просто на ситуацию «бедствия» и на «вверенных ему лиц», а не на «тех, кто сопровождает его». Пункт 2 статьи 32 объединяет элементы пунктов 2 и 3 статьи 31 г-на Аго и выполняет функцию, аналогичную функции пункта 2 новой статьи 31.

6. Редакционный комитет вносит предложение добавить в проект новую статью со следующей формулировкой:

«Исключение противоправности деяния, совершенного в условиях, предусмотренных в статьях 31 и 32, не наносит ущерба возможным субституционным обязательствам государства и возможным правовым последствиям деяния, вытекающим из других норм международного права».

Он считает, что такая статья могла бы применяться не только к предложенным статьям 31 и 32, но и к другим статьям, касающимся обстоятельств исключения противоправности, например к статье, которая будет сформулирована по вопросу о «крайней необходимости». В связи с этим он решил воздержаться от рассмотрения предложенной им формулировки на нынешней сессии при условии, что Комиссия рассмотрит вопрос о включении в проект такой общей статьи на более позднем этапе своей работы по ответственности государств.

7. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии рассмотреть поочередно статьи, предложенные Редакционным комитетом.

СТАТЬЯ 31³ (Форс-мажор и непредвиденный случай)⁴

8. Г-н ЦУРУОКА, касаясь пункта 1 статьи 31, отмечает, что понятие «поведение» до сих пор, как правило, применялось в отношении органов государства, а не к самому государству. Возможно, было бы лучше заменить его словом «деяние». Комиссия могла бы пойти даже дальше и включить после слов «в соответствии с указанным обязательством или» слова «для субъекта поведения, составляющего данное деяние».

9. Г-н УШАКОВ выражает озабоченность использованием в последней фразе пункта 1 французского текста выражений «rendre matériellement impossible» и «se rendre compte».

10. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета), отвечая г-ну Цуруоке, поясняет, что, учитывая замечания, сделанные некоторыми членами Комиссии и большинством членов Редакционного комитета, Комитет не использовал выражение «субъект поведения». Оказалось возможным избежать это выражение главным образом из-за существования пункта 2, который указывает на случаи, когда органы, помимо субъекта поведения, содействовали возникновению ситуации материальной невозможности. Что касается замены слова «поведение» словом «деяние», то это может быть рассмотрено, когда Комиссия приступит к унификации используемых выражений во время второго чтения проекта статей.

11. В отношении повторения глагола «rendre», на что указал г-н Ушаков, верно, что это оказалось неудобным, однако трудно будет избежать использования обоих выражений, в которых имеется этот глагол.

12. Г-н ЦУРУОКА говорит, что он не будет настаивать на своих предложениях, так как изменения, особенно в последние минуты, могут быть часто опасными, однако он по-прежнему полагает, что формулировку статьи 31 необходимо улучшить на более позднем этапе.

13. Г-н АГО заявляет о своей убежденности в том, что опасно изменять формулировку статьи. Включение в пункт 1 слов, предложенных г-ном Цуруокой, может быть, действительно целесообразно, однако ни Редакционный комитет, ни Комиссия не будут готовы принять ее в данный момент. Кроме того, если слово «поведение» будет заменено словом «деяние» в последней фразе английского варианта пункта 1, то данное слово будет употреблено дважды в одной и той же фразе и в двух различных смыслах. И наконец, выражение «se rendre compte», на которое обратил внимание г-н Ушаков, ему кажется совершенно правильным на французском языке. Короче

³ Рассмотрение текстов, первоначально представленных г-ном Аго, см. 1569-е заседание, пункты 1—23, 1570-е заседание, пункты 64 и далее, и 1571—1573-е заседания.

⁴ Текст статьи см. пункт 1, выше.

говоря, лучше не изменять формулировку статьи 31.

14. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ, поддержанный г-ном ФЕРОСТОЙ, подчеркивает, что терминология, используемая в статье 31, полностью соответствует содержанию статьи 3, согласно которой налицо международно-противоправное деяние государства, когда какое-либо «поведение, заключающееся в действии или бездействии», может согласно международному праву присваиваться государству.

15. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, отметив, что ни один из членов Комиссии формально не предложил поправки, предлагает Комиссии, если не будет возражений, принять статью 31, предложенную Редакционным комитетом.

Предложение принимается.

СТАТЬЯ 32⁵ (Бедствие)⁶

16. Г-н БАРБОСА предлагает название статьи 32 на испанском языке изменить на «*Peligro extremo*» — выражение, которое обычно используется для передачи правового термина «бедствие».

17. Во время обсуждения Редакционным комитетом этой статьи он утверждал, что ситуация, которую охватывает эта статья, не относится к форс-мажору или непредвиденному случаю, а является конкретным случаем «крайней необходимости», в котором оказался орган государства. Лицо, столкнувшееся с такой ситуацией, которая рассматривается в этой статье, не будет иметь другого выбора, кроме как нарушить обязательство государства, которое оно представляет, для того чтобы спасти свою собственную жизнь или жизнь вверенных ему лиц. Другими словами, оно столкнется с ситуацией, соответствующей традиционному определению «крайней необходимости»; ему придется по своему выбору пожертвовать тем, что охраняется законом, с тем чтобы спасти что-то еще, охраняемое законом, но относящееся к более высокой категории. Однако эта ситуация могла бы рассматриваться в такой статье, как предложенная, отчасти поскольку имеется основная доктрина, которая утверждает, что этот случай подпадает под форс-мажор, а отчасти потому что, как бы ситуация ни была описана, ее практические последствия будут такими же.

18. Г-н АГО отмечает, что ситуация, охваченная статьей 32, не относится к форс-мажору. Тот факт, что она следует за статьей, касающейся форс-мажора и непредвиденного случая, и предшествует статье о крайней необходимости, ясно указывает на то, что статья 32 посвящена другому случаю.

⁵ Рассмотрение текста, первоначально представленного г-ном Аго, см. 1569-е заседание, пункты 1—23, 1570-е заседание, пункты 64 и далее, и 1571—1573-е заседания.

⁶ Текст статьи см. пункт 1, выше.

19. Г-н УШАКОВ говорит, что он находит статью 32 приемлемой при соблюдении трех оговорок. Во-первых, Комиссии следует, по-видимому, пересмотреть статью, когда ей будет представлен проект статьи о крайней необходимости, поскольку ситуация «бедствия действительно является лишь случаем крайней необходимости». Во-вторых, очевидно, возможно опустить выражение «субъект поведения, составляющего деяние». И, в-третьих, стремление предусмотреть, что субъект поведения должен не иметь «иной возможности» спасти свою жизнь или жизнь вверенных ему лиц, заходит слишком далеко. Достаточно будет, если у него не было иной возможности.

20. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии, если не имеется возражений, принять статью 32, предложенную Редакционным комитетом, с поправкой, предложенной г-ном Барбосой к названию на испанском языке.

Предложение принимается.

21. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ указывает, что Редакционный комитет счел нецелесообразным в настоящее время рассматривать новую статью, которую он предложил включить дополнительно. Это предложение касается не только статей 31 и 32, но и всех статей главы V, поэтому его необходимо будет изучить на последующем этапе.

Заседание закрывается в 16 час.

1580-е ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 31 июля 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Калье-и-Калье, г-н Квентин-Бакстер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Цуруока, г-н Янков.

Обзор процесса заключения многосторонних договоров (резолюция 32/48 Генеральной Ассамблеи, пункт 2) (окончание)* (A/CN.4/325)

[Пункт 6 повестки дня]

ДОКЛАД РАБОЧЕЙ ГРУППЫ

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что на закрытом заседании Комиссия приняла доклад Рабочей группы по обзору процесса о заключении многосторонних договоров (A/CN.4/325), созданной в соответствии с просьбой Генеральной Ассамблеи.

* Перенесено с 1546-го заседания.

Этот доклад был направлен в тот же день Генеральному секретарю для опубликования в виде отдельного документа, причем последний срок для представления замечаний Комиссии назначен на 31 июля. Он будет также опубликован в Ежегоднике Комиссии как один из документов тридцать первой сессии.

2. Если не имеется возражений, он будет считать, что Комиссия одобряет эти шаги.

Предложение принимается.

3. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что все члены Рабочей группы по обзору процесса заключения многосторонних договоров, несомненно, присоединятся к нему в выражении своей признательности г-ну Квентин-Бакстеру, председателю Рабочей группы, а также Секретариату, в частности г-ну Романову, за отличную работу.

Проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии

4 ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии рассмотреть проект доклада о работе ее тридцать первой сессии начиная с главы I.

ГЛАВА I. Организация сессии (A/CN.4/L.301 и Согг.1)

5. Г-н ДАДЗИЕ (Докладчик), представляя главу I проекта доклада, говорит, что в целом она аналогична форме предыдущих докладов. Пункты 1 и 2 излагают содержание доклада, а разделы А, В, С, D и E посвящены соответственно составу Комиссии, должностным лицам, Редакционному комитету, Рабочей группе по статусу дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, и Рабочей группе по обзору процесса заключения многосторонних договоров. Раздел F— о юридическом статусе членов Комиссии в месте ее постоянного пребывания — является новым разделом, включенным с целью зафиксировать события, происшедшие в этой области со времени доклада Комиссии о работе ее тридцатой сессии. Два оставшихся раздела G и H сохранили обычную форму докладов Комиссии о работе ее сессии.

Пункты 1—4

Пункты 1—4 принимаются.

Пункт 5

6. Г-н Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что положения пункта 5 не отражают правильную картину в отношении фактического присутствия членов. Он считает себя обязанным поставить вопрос, поскольку, если не будет улучшения, работе Комиссии будет нанесен серьезный ущерб.

7. Одним из возможных решений было бы добавление сноски, указывающей на пункты, посвященные докладу Группы планирования. Та-

кая сноска могла бы иметь следующую формулировку: «по вопросу об участии см. пункты... ниже».

8. Г-н ЦУРУОКА поддерживает это предложение.

9. Г-н ЯНКОВ высказывает свое согласие с тем, что пункт 5 в целом является неудовлетворительным. Он предлагает, помимо сноски, предложенной сэром Фрэнсисом Вэллетом, добавить в пункт 5 следующее предложение: «Некоторые члены не смогли присутствовать на всех заседаниях Комиссии».

Предложение принимается.

Пункт 5 с внесенными в него поправками принимается.

Пункты 6—12

Пункты 6—12 принимаются.

Пункт 13

10. Г-н Фрэнсис ВЭЛЛЕТ предлагает заменить последнее выражение пункта 13 «которое облегчит пребывание ее членов в Женеве во время ее сессий» следующим: «которое облегчит ее членам осуществление их функций во время сессий Комиссий в Женеве». Это более точно отражало бы цель, ради которой членам Комиссии предоставляется определенный статус.

Предложение принимается.

Пункт 13 с внесенными в него поправками принимается.

Пункты 14 и 15

Пункты 14 и 15 принимаются.

Пункт 16

11. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ немного сомневается относительно первого предложения пункта 16, поскольку он может создать неправильное представление о характере рассмотрения Комиссией пунктов 8 и 9. Поэтому он предлагает в конце этого предложения добавить фразу: «которые были рассмотрены лишь с точки зрения организации».

12. Г-н РИФАГЕН поддерживает это предложение при условии, что оно будет дополнено кратким изложением работы Комиссии над этими двумя пунктами повестки дня в главе доклада, озаглавленной «Другие решения и выводы».

Предложение принимается.

Пункт 16 с внесенными в него поправками принимается.

Глава I с внесенными в нее поправками принимается.

ГЛАВА IV. Вопрос о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (A/CN.4/L.304)

А. Введение

Пункты 1—5

Пункты 1—5 принимаются.

Пункт 6

13. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ, касаясь последней строки пункта 6, предлагает изъять слово «подходящие», а после слова «внесения» добавить слово «контекстуальный».

Предложение принимается.

Пункт 6 с внесенными в него поправками принимается.

Пункт 7

14. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что ссылка в последнем предложении пункта 7 на «компромиссные решения» не является целесообразной с точки зрения статей о кодификации. Поэтому он предлагает изъять слово «компромиссные».

Предложение принимается.

Пункт 7 с внесенными в него поправками принимается.

Пункты 8 и 9

Пункты 8 и 9 принимаются.

Раздел А с внесенными в него поправками принимается.

В. Проект статей о договорах между государствами и международными организациями или между самими международными организациями

ТЕКСТ СТАТЕЙ 39—60 И КОММЕНТАРИИ К НИМ, ПРИНЯТЫЕ КОМИССИЕЙ НА ЕЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ СЕССИИ

СТАТЬЯ 39 (Общее правило, касающееся поправок к договорам)

15. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ в отношении пункта 1 статьи 39 считает, что изъятие выражения «если только договор не предусматривает иное», существующего в статье 39 Венской конвенции о праве международных договоров¹, может создать проблемы толкования. Однако он не намерен предложить какую-либо поправку.

СТАТЬЯ 54 (Прекращение договора или выход из него в соответствии с положениями договора или с согласия участников)

16. Г-н ФЕРОСТА предлагает заменить подпункт *b* статьи 54 текстом, соответствующим положению Венской конвенции, а именно «в любое время с согласия всех участников по консульта-

договаривающимися государствами и прочими с прочими договаривающимися государствами»; и дополнить словами: «или с прочими договаривающимися организациями, или с прочими договаривающимися организациями в зависимости от случая».

17. Г-н УШАКОВ говорит, что такие поправки легче будет внести при втором чтении проекта статей.

Раздел В принимается.

Глава IV с внесенными в нее поправками принимается.

ГЛАВА VII. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности (A/CN.4/L.307)

Пункты 1—12

Пункты 1—12 принимаются.

Пункт 13

18. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ, касаясь первого предложения пункта 13, говорит, что, как он понимает, последующего обсуждения этого доклада не будет. Поэтому он предлагает изъять слово «предварительный».

Предложение принимается.

Пункт 13 с внесенными в него поправками принимается.

Пункт 14

19. Г-н ЯНКОВ, касаясь первого предложения пункта 14, говорит, что выражение «которая является малоизвестной» слишком категорично сформулировано; в частности, в нем как будто предлагается подвергнуть практику новых государств более глубокому анализу. Он предлагает добавить слово «относительно» перед словом «малоизвестной», что будет более точно отражать положение.

20. После краткого обмена мнениями, в которых ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, г-н БАРБОСА и г-н ДИАС ГОНСАЛЕС приняли участие, г-н РИФАГЕН предлагает изъять выражение «которая является малоизвестной».

Предложение принимается.

Пункт 14 с внесенными в него поправками принимается.

Пункт 15

21. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ говорит, что выражение «несколько видов власти» во втором предложении пункта 15 представляется отличным от концепции правительственной власти и имеющим дополнительное значение физической власти, каковая не имеется в виду. Кроме того, слово «несколько» не является уместным, поскольку существует немного форм правительственной влас-

¹ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), стр. 287 англ. текста.

ти. В связи с этим он предлагает данное выражение заменить формулировкой «различные типы правительственной власти».

Предложение принимается.

Пункт 15 с внесенными в него поправками принимается.

Пункт 16

22. Г-н РИФАГЕН, касаясь последнего предложения пункта 16, предлагает изъять слово «другие», поскольку вопрос о том, является ли доктрина «акта государственной власти» проблемой, относящейся к внутреннему праву, еще не решен.

23. Далее он предлагает во французском тексте использовать английское выражение «act of State», а не «acte de gouvernement», что является доктриной, специфической для французского административного права.

Предложение принимается.

24. Г-н БАРБОСА предлагает привести то же предложение в испанском тексте в соответствие с английским и французским вариантами, и для этого слово «*membrante*» или «*rigamente*» добавить перед словами «*de derecho interno*».

Предложение принимается.

Пункт 16 с внесенными в него поправками принимается.

Пункт 17

25. Г-н ЯНКОВ предлагает во втором предложении пункта 17 перед словом «государство» добавить слово «функции».

Предложение принимается.

26. Г-н УШАКОВ выражает удивление по поводу ссылки на расширение функций государства. Он предлагает изъять в первой строке пункта 17 слова «теорий в связи с».

Предложение принимается.

27. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ предлагает также изъять в том же предложении слово «концепцией».

Предложение принимается.

28. Г-н ТИАМ говорит, что, по его мнению, предпоследнее предложение «Однако общеприемлемого критерия найдено не было» неточно отражает положение, поскольку было лишь сказано, что еще не появился общеприемлемый критерий.

29. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что небольшие различия между английским и французским вариантами следует устранить путем приведения последнего текста в соответствие с первым.

Пункт 17 с внесенными в него поправками принимается.

Пункт 18

30. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР предлагает для улучшения формулировки второго предложения пункта 18 заменить слова английского текста «*States were best familiar with*» следующей формулировкой: «*States knew best*».

Предложение принимается.

31. Г-н УШАКОВ, касаясь первого предложения пункта 18, говорит, что Комиссия не ожидает «указаний» от правительств государств-членов; он предлагает изъять это слово.

32. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ отмечает, что это лишь в незначительной степени затрагивает существо вопроса. Еще неизвестно, является ли целью вопроса просто представление информации или получение также мнений правительств по конкретным вопросам. Он считает, что правительствам следует предложить указать в вопроснике их предпочтения в отношении некоторых вопросов.

33. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает заменить слово «указаний» словом «информации».

Предложение принимается.

Пункт 18 с внесенными в него поправками принимается.

Глава VII с внесенными в нее поправками принимается.

Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером (резолюция 33/139 Генеральной Ассамблеи, часть I, пункт 5; резолюция 33/140 Генеральной Ассамблеи, пункт 5) (окончание) * (A/CN.4/L.310)

[Пункт 7 повестки дня]

ДОКЛАД РАБОЧЕЙ ГРУППЫ

34. Г-н ЯНКОВ (председатель Рабочей группы по статусу дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером) представляет доклад Рабочей группы о своей работе в ходе текущей сессии Комиссии (A/CN.4/L.310). Доклад включает согласованное аналитическое резюме общих на сегодняшний день мнений правительств по поводу разработки протокола по данному вопросу и замечания и предложения правительств и Комиссии по возможным элементам протокола. Данные разделы подготовлены в основном на основе рабочего документа, подготовленного

* Перенесено с 1546-го заседания.

Секретариатом, сотрудникам которого Рабочая группа хотела бы выразить свою признательность за их весьма ценную помощь. В докладе также отмечается ряд пунктов, которые, по мнению Рабочей группы, должны быть включены в составленный ранее Комиссией предварительный перечень вопросов², требующих подробного изучения.

35. Рабочая группа, рассмотрев замечания правительства и Комиссии, а также (расширенный) предварительный перечень вопросов, требующих подробного изучения, пришла к мнению, что имеется много вопросов, касающихся статуса дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, в отношении которых не существует каких-либо положений или имеются лишь общие положения в действующих международных конвенциях. Поэтому она пришла к выводу, как отмечено в разделе V доклада, о том, что следует продолжать работу над этой темой и что следует обратиться к Секретариату с просьбой подготовить последующий доклад по образцу последнего рабочего документа и проанализировать в нем изложенные в письменной форме замечания, которые могут поступить от правительств, а также мнения, которые могут быть выражены в ходе тридцать четвертой сессии Генеральной Ассамблеи. Этот доклад будет полезным при подготовке проекта статей Рабочей группой или специальным докладчиком, как пожелает решить Комиссия.

36. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ отмечает, что Рабочая группа рекомендует Комиссии включить в свой доклад Генеральной Ассамблее пять разделов, из которых состоит доклад Группы. Поскольку разделы I—III касаются фактов (история рассмотрения вопроса Комиссией, мнения, выраженные правительствами, и замечания, сделанные Комиссией в 1978 году), Комиссия, возможно, решит принять их без обсуждения.

Предложение принимается.

Разделы I—III принимаются.

37. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает членам Комиссии рассмотреть раздел IV (Дополнительные пункты для включения в предварительный перечень вопросов) и раздел V (Выводы и рекомендации).

38. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ выражает надежду — и он уверен, что другие члены Комиссии, являвшиеся членами Рабочей группы, присоединятся к его мнению, — что список дополнительных пунктов, содержащийся в разделе IV доклада Рабочей группы, не будет считаться исчерпывающим, как об этом может возникнуть мнение, судя по его нынешнему названию.

² Ежегодник..., 1978 год, том II (часть вторая), стр. 139 англ. текста, документ A/33/10, пункт 143.

39. Он надеется также, что, кто бы ни продолжил работу над этой темой, он не примет слишком дословно изложение «дополнительных пунктов», перечисленных в разделе IV, чтобы не выйти за пределы цели кодификации в этой области, предоставив более широкие привилегии и иммунитеты по сравнению с теми, которые необходимы для осуществления функций дипломатического курьера или для беспрепятственного прохождения дипломатической почты.

40. Он полагает, что вопрос о статусе дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, является вопросом, который — и этого желает Генеральная Ассамблея — Комиссия должна рассмотреть безотлагательно, и что сейчас наступило время, когда необходимо принять практические шаги в этом направлении. Поэтому Комиссия должна немедленно назначить специального докладчика по этой теме. Он надеется, что, пользуясь ценной работой, проделанной Рабочей группой, специальный докладчик сможет представить проект статей и комментарии Комиссии на ее следующей сессии.

41. Г-н ЯНКОВ (Председатель Рабочей группы) говорит, что основная формулировка названия раздела IV доклада Рабочей группы является «предварительной». Он соглашается с предыдущим оратором в том, что наступило время, когда Комиссия должна принять практические шаги для усиления своей работы по этой теме, и что необходимо предусмотреть, чтобы применяемые нормы не были расширены до такой степени, когда дипломатический курьер станет лицом, которое можно назвать «суперпослом» или «супердипломатическим агентом».

42. Г-н УШАКОВ предлагает, учитывая комментарии сэра Фрэнсиса Вэллета, озаглавить раздел IV «Дополнительные пункты, подлежащие изучению».

43. Он поддержал предложение о назначении Специального докладчика.

44. Г-н ТИАМ, г-н ЦУРУОКА и г-н ФЕРОСТА поддерживают точку зрения г-на Ушакова.

45. Г-н РИФАГЕН говорит, что, с тем чтобы не ограничивать Специального докладчика, следует изъять слова «на основе перечня вопросов, сформулированных Комиссией», содержащиеся в конце раздела V.

46. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, отмечая, что члены Комиссии высказались в пользу назначения специального докладчика, а не в пользу повторного создания Рабочей группы, говорит, что если не имеется каких-либо возражений, он будет считать, что Комиссия решила принять разделы IV и V доклада, название раздела IV, исправленное по предложению г-на Ушакова, изъять подпункт, касающийся повторного создания Рабочей груп-

пы и находящийся в пункте 16 раздела V, и внести поправку в подпункт о назначении специального докладчика по предложению г-на Рифагена.

Предложение принимается.

Доклад Рабочей группы (A/CN.4/L.310) с внесенными в него поправками принимается.

Организация дальнейшей работы

[Пункт 12 повестки дня]

47. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ объявляет, что после консультаций Расширенное бюро рекомендовало Комиссии заменить г-на Аго, недавно избранного членом Международного Суда, г-ном Рифагеном в качестве Специального докладчика по теме об ответственности государств.

48. Если нет возражений, он будет считать, что Комиссия решила принять эту рекомендацию.

Предложение принимается.

49. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что после консультаций Расширенное бюро рекомендовало Комиссии заменить г-на эль-Эриана, недавно избранного членом Международного Суда, г-ном Диас Гонсалесом в качестве Специального докладчика по второй части темы «взаимоотношения между государствами и международными организациями» при условии, что название этой темы впоследствии будет сформулировано более четко.

50. Если нет возражений, он будет считать, что Комиссия решила принять эту рекомендацию.

Предложение принимается.

51. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что после консультаций Расширенное бюро рекомендовало Комиссии назначить г-на Янкова, Председателя Рабочей группы по статусу дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, Специальным докладчиком по этой теме.

52. Если нет возражений, он будет считать, что Комиссия решила принять эту рекомендацию.

Предложение принимается.

53. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия пожелала провести свою следующую сессию с 5 мая по 27 июля 1980 года, как это рекомендовало Расширенное бюро.

Предложение принимается.

54. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет возражений, он будет считать, что Комиссия решила уполномочить его представить доклад о работе ее тридцать первой сессии Генеральной Ассамблеи и представлять ее на очередных сес-

сиях органов, с которыми Комиссия поддерживает постоянные отношения, при условии, что, если он не сможет присутствовать на сессии, он может назначить вместо себя другого члена Комиссии.

Предложение принимается.

Проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии (продолжение)

ГЛАВА V. Право несудоходных видов использования международных водных путей (A/CN.4/L.305)

A. Введение

Пункты 1—6

Пункты 1—6 принимаются.

Пункт 7

55. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ обращает внимание на необходимость редакционного изменения первого предложения, с тем чтобы указать в кавычках цитату, взятую из упомянутой резолюции.

Пункт 7 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункты 8—25

Пункты 8—25 принимаются.

Раздел A с внесенной в него поправкой принимается.

B. Рассмотрение данной темы на нынешней сессии

Пункты 26 и 27

Пункты 26 и 27 принимаются.

1. ХАРАКТЕР ТЕМЫ

Пункты 28—33

Пункты 28—33 принимаются.

2. ОХВАТ ТЕМЫ

Пункт 34

Пункт 34 принимается.

Пункт 35

56. Г-н ТАБИБИ предлагает изъять из первого предложения слово «новый», поскольку упомянутое положение разделяется предыдущим Специальным докладчиком по этой теме.

Предложение принимается.

Пункт 35 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункты 36—42

Пункты 36—42 принимаются.

3. ВОПРОС О ФОРМУЛИРОВАНИИ НОРМ ПО ДАННОЙ ТЕМЕ

Пункты 43 и 44

Пункты 43 и 44 принимаются.

Пункт 45

57. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ предлагает, чтобы конечное выражение четвертого предложения было заменено следующим: «поскольку они будут строиться на основе обычного права».

Предложение принимается.

58. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ отмечает, что в седьмом предложении выражение «как в традиционном, так и в современном праве» позволяет сделать предположение, с которым он не может согласиться, а именно, что имеются две совокупности правовых норм и что одна из них полностью заменила другую.

59. Г-н РИФАГЕН предлагает изъять данную фразу.

Предложение принимается.

Пункт 45 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункты 46—48

Пункты 46—48 принимаются.

4. МЕТОДОЛОГИЯ, КОТОРОЙ СЛЕДУЕТ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ПРИ ФОРМУЛИРОВАНИИ НОРМ ПО ДАННОЙ ТЕМЕ

Пункты 49—55

Пункты 49—55 принимаются.

5. СБОР И ОБМЕН ДАННЫМИ В ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОДНЫХ ПУТЕЙ

Пункты 56—58

Пункты 56—58 принимаются.

6. БУДУЩАЯ РАБОТА ПО ДАННОЙ ТЕМЕ

Пункт 59

60. Г-н ЯНКОВ предлагает вставить в последнем предложении перед словами «развивающимся странам» слово «особенно».

Предложение принимается.

Пункт 59 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункты 60—63

Пункты 60—63 принимаются.

Раздел В с внесенными в него поправками принимается.

Глава V в целом с внесенными в нее поправками принимается.

Заседание закрывается в 13 час. 10 мин.

1581-е ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 1 августа 1979 года, 10 час. 10 мин.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Барбоса, сэр Фрэнсис Вэллет, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Калье-и-Калье, г-н Квентин-Бакстер, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии (продолжение)

ГЛАВА II. Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (A/CN.4/L.302 и Add.1—4)

V. Проекты статей о праве преемстве государств в других областях, помимо договоров (A/CN.4/L.302/Add.1—3)

КОММЕНТАРИЙ К ЧАСТИ I ВВЕДЕНИЯ (A/CN.4/L.302/Add.1)

Комментарий к части I введения принимается.

СТАТЬИ 1—3 (A/CN.4/L.302/Add.1)

Комментарий к статье 1 (Сфера применения настоящих статей)

Комментарий к статье 1 принимается.

Комментарий к статье 2 (Употребление терминов)

Комментарий к статье 2 принимается.

Комментарий к статье 3 (Случаи правопреемства государств, подпадающие под действие настоящих статей)

Комментарий к статье 3 принимается.

ЧАСТЬ II (ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ)

СТАТЬИ 4—14 (A/CN.4/L.302/Add.2)

Комментарий к статье 4 (Сфера применения статей настоящей части)

Комментарий к статье 4 принимается.

Комментарий к статье 5 (Государственная собственность)

Комментарий к статье 5 принимается.

Комментарий к статье 6 (Права государства-преемника на переходящую к нему государственную собственность)

Комментарий к статье 6 принимается.

Комментарий к статье 7 (Дата перехода государственной собственности)

Комментарий к статье 7 принимается.

Комментарий к статье 8 (Переход государственной собственности без компенсации)

Комментарий к статье 8 принимается.

Комментарий к статье 9 (Отсутствие последствий правопреемства государств для собственности третьего государства)

Комментарий к статье 9 принимается.

Комментарий к разделу 2 введения (Положения, относящиеся к различным типам правопреемства государств)

Комментарий к разделу 2 введения принимается.

Комментарий к статье 10 (Трансферт части территории государству)

Комментарий к статье 10 принимается.

Комментарий к статье 11 (Новое независимое государство)

Комментарий к статье 11 принимается.

Комментарий к статье 12 (Объединение государств)

Комментарий к статье 12 принимается.

Комментарий к статье 13 (Отделение части или частей территории государства) и *статье 14* (Разделение государства)

Пункт 6

1. Г-н ФЕРОСТА ставит под сомнение исторические факты, изложенные в первом предложении пункта 6, и целесообразность ссылки на них в качестве примера разделения государства.

2. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ отмечает, что когда Комиссия приводит примеры, она не обязана их приводить в том порядке, в котором они классифицированы.

3. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ вносит предложение о том, чтобы небольшая группа в составе г-на Феросты, сэра Фрэнсиса Вэллета, Председателя Редакционного комитета и представителя Секретариата встретилась после заседания и попыталась улучшить формулировку первого предложения пункта 6.

Предложение принимается.

С. Проект статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров: добавление (A/CN.4/L.302/Add.4)

ВВЕДЕНИЕ И ОБЩИЙ КОММЕНТАРИЙ

Введение и общий комментарий принимаются.

Комментарий к статье А (Государственные архивы)

Комментарий к статье А принимается.

Комментарий к статье С (Новое независимое государство)

Комментарий к статье С принимается.

4. Г-н УШАКОВ, отмечая отсутствие статьи В, предлагает статью С обозначить буквой «В».

Предложение принимается.

Раздел С с внесенной в него поправкой принимается.

ГЛАВА III. Ответственность государств (A/CN.4/L.303 и Add.1—6)

А. Введение (A/CN.4/L.303)

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАБОТЫ

Подраздел 1 принимается.

2. СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЕКТА

Подраздел 2 принимается.

3. ОБЩАЯ СТРУКТУРА ПРОЕКТА

Подраздел 3 принимается.

4. ХОД РАБОТЫ

Пункты 13—15

Пункты 13—15 принимаются.

Пункты 16 и 17

5. Г-н РИФАГЕН спрашивает, правильно ли он понимает, что пункты 16 и 17 ограничивают ответственность нового Специального докладчика по теме частью II проекта.

6. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, по его мнению, Комиссия намеревается возложить на нового Специального докладчика ответственность за весь проект.

7. Он предлагает, для устранения любого сомнения в отношении намерения, каждое предложение нынешнего пункта 17 сделать отдельным пунктом.

Предложение принимается.

Пункт 16 и пункт 17 с внесенной в него поправкой принимаются.

Пункт 18

Пункт 18 принимается.

Подраздел 4 с внесенной в него поправкой принимается.

Раздел А с внесенной в него поправкой принимается.

В. Проект статей об ответственности государств (A/CN.4/L.303 и Add.1—6)

1. ТЕКСТ ВСЕХ СТАТЕЙ ПРОЕКТА, ПРИНЯТЫХ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ КОМИССИЕЙ (A/CN.4/L.303)

Подраздел 1 принимается.

ГЛАВА VI. Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером (A/CN.4/L.306 и A/CN.4/L.310)

8. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что, если нет никаких возражений, он будет считать, что Ко-

миссия принимает предложение, содержащееся в документе A/CN.4/L.306, о том, что глава VI доклада будет включать доклад Рабочей группы о статусе дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером (A/CN.4/L.310), с поправками к этому докладу, которые Комиссия утвердила на своем 1850-м заседании.

Предложение принимается.

Глава VI принимается.

ГЛАВА IX. Другие решения и выводы Комиссии (A/CN.4/L.309 и Add.1)

A. Отношения между государствами и международными организациями (вторая часть темы) (A/CN.4/L.309)

9. Сэр Фрэнсис ВЭЛЛЕТ выражает сожаление в связи с тем, что Комиссия не упомянула до сих пор в каком-либо отдельном пункте своего доклада фамилии всех членов, назначенных ею специальными докладчиками на нынешней сессии. Такая сводная справка будет полезной для читателей доклада и будет указывать, привлекая внимание к числу специальных докладчиков, назначенных в ходе сессии, на важность, придаваемую Комиссией институту специальных докладчиков.

10. Г-н ФЕРОСТА предлагает добавить в раздел А предложение, в котором говорилось бы о назначении двух других специальных докладчиков и числе пунктов доклада, в которых даются подробности таких назначений.

Предложение принимается.

Раздел А с внесенной в него поправкой принимается.

В. Программа и методы работы Комиссии (A/CN.4/L.309)

Пункты 2—13

Пункты 2—13 принимаются.

Пункт 14

Пункт 14 принимается.

Раздел В принимается.

Разделы С — G (A/CN.4/L.309/Add.1)

11. Г-н РОМАНОВ (Секретарь Комиссии) поясняет, что разделы главы IX, содержащейся в документе A/CN.4/L.309/Add.1, следует обозначить буквами от С до G, а не от В до F.

С. Отношения с Международным Судом

Раздел С принимается.

D. Сотрудничество с другими органами

1. МЕЖАМЕРИКАНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ

Пункт 4

12. Г-н КАЛЬЕ-и-КАЛЬЕ вносит предложение о том, что, как и в случае назначения наблю-

дателя для других органов, первая ссылка на наблюдателя для Межамериканского юридического комитета должна включать его фамилию.

Предложение принимается.

Пункт 4 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункты 5 и 6

Пункты 5 и 6 принимаются.

Раздел I с внесенной в него поправкой принимается.

2. АФРО-АЗИАТСКИЙ КОНСУЛЬТАТИВНО-ПРАВОВОЙ КОМИТЕТ

Раздел 2 принимается.

3. ЕВРОПЕЙСКИЙ КОМИТЕТ ПО ПРАВОВОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

Раздел 3 принимается.

Раздел D с внесенной в него поправкой принимается.

E. Время и место проведения тридцать второй сессии

Раздел E принимается.

F. Представительство на тридцать четвертой сессии Генеральной Ассамблеи

Раздел F принимается.

G. Семинар по международному праву

Пункты 17—21

Пункты 17—21 принимаются.

Пункт 22

13. Г-н КВЕНТИН-БАКСТЕР предлагает изъять из первого предложения слово «бесплатно» как ненужное.

Предложение принимается.

Пункт 22 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункт 23

Пункт 23 принимается.

Дополнительный пункт

14. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает дополнить раздел G еще одним пунктом, в котором выражалась бы благодарность от имени Комиссии г-ну Ратону, директору Семинара, и его помощнику г-же Пети за работу по организации семинара.

Предложение принимается.

Раздел С с внесенной в него поправкой принимается.

Глава IX с внесенными в нее поправками принимается.

Заседание закрывается в 11 час. 35 мин.

1582-е ЗАСЕДАНИЕ*Четверг, 2 августа 1979 года, 10 час. 10 мин.**Председатель:* г-н Милан ШАХОВИЧ*Присутствуют:* г-н Барбоса, г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Калье-и-Калье, г-н Пинто, г-н Рифаген, г-н Табиби, г-н Тиама, г-н Цуруока, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Янков.*Присутствует также:* г-н Аго.**Проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии (продолжение)****ГЛАВА II. Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (продолжение) (A/CN.4/L.302 и Add.1—4)****A. Введение (A/CN.4/L.302)****1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАБОТЫ КОМИССИИ**

Пункты 1—23

Пункты 1—23 принимаются.

Пункт 24

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает в конце пункта 24 добавить следующее предложение: «На 1581-м заседании Комиссия решила изменить обозначение статьи С на статью В».

*Предложение принимается.**Пункт 24 с внесенной в него поправкой принимается.*

Пункты 25—29

*Пункты 25—29 принимаются.**Подраздел 1 с внесенной в него поправкой принимается.***2. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ПРОЕКТА СТАТЕЙ***Подраздел 2 принимается.**Раздел А с внесенной в него поправкой принимается.***В. Проект статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров (продолжение) (A/CN.4/L.302/Add.1—3)****ЧАСТЬ II (ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ) (окончание)**

СТАТЬИ 4—14 (окончание) (A/CN.4/L.302/Add.2)

Комментарий к статье 13 (Отделение части или частей территории государства) и статье 14 (Разделение государства) (окончание)

Пункт 6 (окончание)

2. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ напоминает членам Комиссии, что на предыдущем заседании была назначена Рабочая группа для рассмотрения формулировки пункта 6 комментария к статьям 13 и

14. Он предлагает Председателю Редакционного комитета представить доклад Группы.

3. Г-н РИФАГЕН (Председатель Редакционного комитета) говорит, что, по мнению Рабочей группы, ссылку на случай разделения государств следует опустить. В связи с этим она предлагает изменить первую часть первого предложения пункта 6 комментария следующим образом: «Давний пример из государственной практики можно найти в Договоре от 19 апреля 1839 года, касающемся Нидерландов и Бельгии, статья 15 которого предусматривала следующее: ...». Кроме того, Рабочая группа предлагает во втором предложении пункта заменить слова «при распаде» словами «в случае».

*Предложение принимается.**Пункт 6 принимается.**Комментарий к статьям 13 и 14 принимается.**Часть II с внесенной в нее поправкой принимается.***ЧАСТЬ III (ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛГИ)**

СТАТЬИ 15—23 (A/CN.4/L.302/Add.3)

*Комментарий к статье 15 (Сфера применения статей настоящей части)**Комментарий к статье 15 принимается.**Комментарий к статье 16 (Государственный долг)*

Пункты 1—43

Пункты 1—43 принимаются.

Пункты 44 и 45

4. Г-н РИФАГЕН предлагает изъять последнее положение пункта 44, а после первого предложения пункта 45 вставить следующий текст:

«Комиссия приняла статью 16, несмотря на оговорки к ее подпункту *b*, высказанные несколькими членами, по мнению которых «государственный долг» должен быть ограничен финансовыми обязательствами, возникающими на международном уровне. Кроме того, по мнению некоторых членов Комиссии, подпункт *b* не должен распространяться на «любое иное принятое государством финансовое обязательство» в том случае, если кредитором является частное лицо и гражданин государства-предшественника, обремененного долгами, независимо от того, является ли оно юридическим или физическим лицом. Однако другие члены высказались в пользу подпункта *b* ввиду объема и значения кредитов, предоставляемых в настоящее время государствам из иностранных частных источников».

В начале следующего предложения слова «кроме того» следует исключить.

Предложение принимается.

Пункты 44 и 45 с внесенными в них поправками принимаются.

Комментарий к статье 16 с внесенными в него поправками принимается.

Комментарий к статье 17 (Обязательства государства-преемника в отношении переходящих к нему государственных долгов)

Комментарий к статье 17 принимается.

Комментарий к статье 18 (Последствия перехода государственных долгов для кредиторов)

Комментарий к статье 18 принимается.

Комментарий к введению раздела 2 (Положения, относящиеся к различным типам правопреемства государств)

Комментарий к введению раздела 2 принимается.

Комментарий к статье 19 (Трансферт части территории государства)

Комментарий к статье 19 принимается.

Комментарий к статье 20 (Новое независимое государство)

Комментарий к статье 20 принимается¹.

Комментарий к статье 21 (Объединение государств)

Комментарий к статье 21 принимается.

Комментарий к статье 22 (Отделение части или частей территории государства) и статье 23 (Разделение государства)

Пункты 1—5

Пункты 1—5 принимаются.

Пункт 6

5. Г-н ФЕРОСТА предлагает во избежание споров относительно точности его формулировок исключить выражение «распад бельгийско-голландского государства (1830 год)».

Предложение принимается.

Пункт 6 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункт 7

Пункт 7 принимается.

Пункт 8

6. Г-н ФЕРОСТА предлагает исключить первое предложение, а начало второго предложения изменить следующим образом: «Бельгийско-голландский вопрос 1830 года вызвал необходимость...».

¹ См. также 1583-е заседание, пункты 4—7.

Предложение принимается.

Пункт 8 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункты 9—22

Пункты 9—22 принимаются.

Пункт 23

7. Г-н ФЕРОСТА возражает против использования выражения «бельгийско-голландского государства» в пятом предложении.

8. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает просить г-на Рифагена и г-на Феросту подготовить к следующему заседанию Комиссии альтернативный вариант этого выражения.

Предложение принимается.

Пункты 24 и 25

Пункты 24 и 25 принимаются.

Пункт 26

9. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает просить г-на Рифагена и г-на Феросту представить Комиссии альтернативу выражения «распад Королевства Нидерландов» во втором предложении.

Предложение принимается.

Пункты 27—29

Пункты 27—29 принимаются.

ГЛАВА III. Ответственность государств (продолжение) (A/CN.4/L.303 и Add.1—6)

V. Проект статей об ответственности государств (продолжение) (A/CN.4/L.303 и Add.1—6)

2. ТЕКСТ СТАТЕЙ 28—32 И КОММЕНТАРИИ К НИМ, ПРИНЯТЫЕ КОМИССИЕЙ НА ЕЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ СЕССИИ (A/CN.4/L.303/Add.1—6)

Комментарий к статье 28 (Ответственность государства за международно-противоправное деяние другого государства) (A/CN.4/L.303/Add.1)

Пункты 1—17

Пункты 1—17 принимаются.

Пункт 18

10. Г-н УШАКОВ предлагает последнюю часть текста сноски 28, начинающуюся после слов «совершенное им», заменить словами «поскольку организация федерального государства не может считаться как влекущая за собой подчиненность государства-члена власти или контролю федерального государства». По его мнению, в организации федерального государства нет подчинения.

Предложение принимается.

Пункт 18 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункты 19—37

Пункты 19—37 принимаются.

Комментарий к статье 28 с внесенной в него поправкой принимается.

Комментарий к введению главы V (Обстоятельства, исключаящие противоправность) (A/CN.4/L.303/Add.2)

Комментарий к введению главы V принимается.

Комментарий к статье 29 (Согласие) (A/CN.4/L.303/Add.3)

Комментарий к статье 29 принимается.

Комментарий к статье 30 (Ответные меры в отношении международно-противоправного деяния) (A/CN.4/L.303/Add.4)

Комментарий к статье 30 принимается.

Комментарий к статье 32 (Бедствие) (A/CN.4/L.303/Add.6)

Пункт 1

Пункт 1 принимается.

Пункты 2—13

11. Г-н ЦУРУОКА отмечает, что пункт 2 содержит ссылку на проект статьи 31. Он напоминает членам, что он уже привлекал внимание к некоторой путанице при различных употреблении слов «поведение» и «деяние». Он рекомендует Комиссии по-прежнему строго следить за этим, ибо хотя однородность, как представляется, преобладает в пунктах 3—19, этого нельзя сказать в отношении статей 20, 21 и 31. Очевидно, целесообразно четко объяснить использование этих терминов в комментарии, с тем чтобы обеспечить некоторую степень согласованности в тексте в целом.

12. Г-н АГО поясняет, что в пункте 2 комментария делается ссылка на статью 31 с одной лишь целью: указать, что при форс-мажоре или непредвиденном случае поведение государства является вынужденным, в то время как элемент воли явно существует в случае бедствия.

Пункты 2—13 принимаются.

Пункт 14

13. Отвечая на вопрос, поставленный г-ном РИФАГЕНОМ, г-н АГО объясняет, что в комментарии к статье 31, на которую сделана ссылка в пункте 14 комментария к статье 32, отмечается необходимость вставить в главу V проекта статью, в которой заявляется, что исключение противоправности деяния государства по причине обстоятельств, в которых оно было совершено, не затрагивает возможной ответственности государства на основании иных, нежели деяние, противоправность которого была предотвращена в силу проекта статей.

14. Г-н УШАКОВ говорит, что, по его мнению, Комиссии следует возобновить рассмотрение статьи 32 после рассмотрения проекта поло-

жений о состоянии необходимости, поскольку именно бедствие государства порождает необходимость. Он отмечает, что имеется тенденция ввести два различных понятия бедствия: бедствие государственного органа и бедствие самого государства и что такая дихотомия может привести к трудностям.

15. Г-н АГО указывает, что он уже включил некоторые замечания в этом отношении в соответствующую главу и что он намерен надлежащим образом рассмотреть два вида ситуации в комментарии.

Пункт 14 принимается.

Комментарий к статье 32 принимается.

ГЛАВА VIII. Обзор процесса заключения многосторонних договоров (A/CN.4/L.308)

Глава VIII принимается.

Заседание закрывается в 12 час. 50 мин.

1583-е ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 3 августа 1979 года, 10 час.

Председатель: г-н Милан ШАХОВИЧ

Присутствуют: г-н Дадзие, г-н Диас Гонсалес, г-н Пинто, г-н Рифаген, г-н Тиам, г-н Ушаков, г-н Фероста, г-н Цуруока, г-н Янков.

Присутствует также: г-н Аго.

Проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии (окончание)

ГЛАВА II. Правопреемство государств в других областях, помимо договоров (окончание) (A/CN.4/L.302/Add.1—4)

V. Проект статей о правопреемстве государств в других областях, помимо договоров (окончание) (A/CN.4/L.302/Add.1—3)

часть III (ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛГИ) (окончание)

Комментарий к статье 22 (Отделение части или частей территории государства) и статье 23 (Разделение государства) (окончание)

Пункты 23 и 26 (окончание)

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ напоминает членам Комиссии, что на предыдущем заседании г-ну Рифагену и г-ну Феросте было предложено найти соответствующую формулировку для тех частей пунктов 23 и 26, которые касаются Нидерландов и Бельгии.

2. В настоящее время они предлагают заменить в пятом предложении пункта 23 слова «на

примере разделения бельгийско-голландского государства, когда оба государства-преемника отказались» выражением «уже рассмотренных случаев разделения 1830—1839 годов, когда Нидерланды и Бельгия отказались» и изъять во втором предложении пункта 26 слова «в особенности в случае разделения Королевства Нидерландов».

3. Если нет возражений, он будет считать, что Комиссия принимает это предложение.

Пункты 22 и 26 с внесенными в них поправками принимаются.

Комментарий к статьям 22 и 23 с внесенными в него поправками принимается.

Комментарий к статье 20 (Новое независимое государство) (окончание)

Пункт 59

4. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, касаясь сноски к пункту 59, где дается ссылка на пункты 25—27 комментария к статье 11 (A/CN.4/L.302/Add.2), поясняет, что эти пункты воспроизводят основное содержание двух пунктов комментария к статье 20, принятого в 1977 году; поэтому они не воспроизводятся в пункте 59.

Пункт 64

5. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ обращает внимание членов Комиссии на пункт 64 со следующей формулировкой.

При принятии статьи 20 в первом чтении один из членов Комиссии не смог поддержать ее текст и выразил оговорки.

Мнение этого члена и точки зрения других членов Комиссии были полностью отражены в комментарии, принятом в 1977 году¹.

6. Поскольку член Комиссии, не принявший текст статьи 20 и выразивший оговорки по ней, не смог участвовать в заседаниях нынешней сессии, на которой рассматривалась данная статья, Комиссия, вероятно, пожелает заменить пункт 64 комментария к статье 20 пунктами 68 и 69 комментария к соответствующей статье, воспроизведенной в ее докладе о работе ее двадцать девятой сессии (1977 год), с тем чтобы отразить полностью занятые по статье позиции.

7. После обмена мнениями, в которых приняли участие г-н УШАКОВ, г-н ЯНКОВ, г-н ФЕРОСТА и г-н ДИАС ГОНСАЛЕС, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает уполномочить Секретариат установить контакт с соответствующим лицом, с тем чтобы зафиксировать в пункте 64, если так будет решено, мнения, выраженные в 1977 году и отраженные в пунктах 68 и 69 комментария к соответствующей статье, принятой в 1977 году.

¹ См. *Ежегодник...*, 1977 год, том II (часть вторая), стр. 94 англ. текста, документ A/32/10, глава III, раздел B.2, статья 22, пункты 68 и 69 комментария.

Предложение принимается.

При условии соблюдения этой оговорки пункт 64 принимается.

Комментарий к статье 20 с внесенной в него поправкой принимается.

Часть III с внесенными в нее поправками принимается.

Раздел B с внесенными в него поправками принимается.

Глава II с внесенными в нее поправками принимается.

ГЛАВА III. Ответственность государств (окончание) (A/CN.4/L.303 и Add.1—6)

B. Проект статей об ответственности государств (окончание) (A/CN.4/L.303 и Add.1—6)

2. ТЕКСТ СТАТЕЙ 28—32 И КОММЕНТАРИИ К НИМ, ПРИНЯТЫЕ КОМИССИЕЙ НА ЕЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ СЕССИИ (окончание) (A/CN.4/L.303/Add.1—6)

Комментарий к статье 31 (Форс-мажор и непредвиденный случай) (A/CN.4/L.303/Add.5)

Пункты 1—38

Пункты 1—38 принимаются.

Пункт 39

8. Следуя замечаниям г-на РИФАГЕНА и г-на ФЕРОСТЫ, г-н АГО предлагает последнее предложение пункта 39 изменить следующим образом: «Согласно Комиссии глубокое изучение таких обязательств может быть предпринято либо в контексте второй части доклада об ответственности государств за противоправное деяние, либо в контексте доклада об ответственности, вытекающей из деяний, не запрещенных международным правом».

Предложение принимается.

Пункт 39 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункт 40

9. Г-н УШАКОВ, касаясь пятого предложения пункта 40, предлагает заменить слова «строить поведение в соответствии» словами «действовать в соответствии», которые будут соответствовать формулировке пункта 1 статьи 31 и иметь преимущество в том, что отсутствует слово «поведение».

Предложение принимается.

Пункт 40 с внесенной в него поправкой принимается.

Пункт 41

Пункт 41 принимается.

Пункт 42

10. Г-н ЦУРУОКА говорит, что во время второго чтения Комиссии следует тщательно пере-

смотреть использование слов «поведение» и «деяние». В частности, выражение «государство, совершающее деяние», находящееся в первом предложении пункта 42, является неудовлетворительным.

11. Г-н АГО предлагает заменить это выражение словами «государство, совершившее деяние».

Предложение принимается.

12. Г-н РИФАГЕН подчеркивает необходимость сохранения ситуации с государством, которому был нанесен ущерб и которое приняло контрмеры.

Пункт 42 с внесенными в него поправками принимается.

Комментарий к статье 31 с внесенными в него поправками принимается.

Подраздел 2 с внесенными в него поправками принимается.

Раздел В с внесенными в него поправками принимается.

Глава III с внесенными в нее поправками принимается.

13. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ поставил на голосование проект доклада Комиссии о работе ее тридцать первой сессии в целом с внесенными в него поправками.

Проект доклада в целом с внесенными в него поправками принимается.

Закрытие сессии

14. После обмена поздравлениями и благодарностями ПРЕДСЕДАТЕЛЬ объявляет тридцать первую сессию Комиссии международного права закрытой.

Заседание закрывается в 11 час. 45 мин.

كيفية الحصول على منشورات الأمم المتحدة

يمكن الحصول على منشورات الأمم المتحدة من المكتبات ودور التوزيع في جميع أنحاء العالم . استلم منها من المكتبة التي تتعامل معها أو اكتب إلى : الأمم المتحدة ، قسم البيع في نيويورك أو في جنيف .

如何获取联合国出版物

联合国出版物在全世界各地的书店和经销处均有发售。请向书店询问或写信到纽约或日内瓦的联合国销售组。

HOW TO OBTAIN UNITED NATIONS PUBLICATIONS

United Nations publications may be obtained from bookstores and distributors throughout the world. Consult your bookstore or write to: United Nations, Sales Section, New York or Geneva.

COMMENT SE PROCURER LES PUBLICATIONS DES NATIONS UNIES

Les publications des Nations Unies sont en vente dans les librairies et les agences dépositaires du monde entier. Informez-vous auprès de votre libraire ou adressez-vous à : Nations Unies, Section des ventes, New York ou Genève.

КАК ПОЛУЧИТЬ ИЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Издания Организации Объединенных Наций можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира. Наводите справки об изданиях в вашем книжном магазине или пишите по адресу: Организация Объединенных Наций, Секция по продаже изданий, Нью-Йорк или Женева.

COMO CONSEGUIR PUBLICACIONES DE LAS NACIONES UNIDAS

Las publicaciones de las Naciones Unidas están en venta en librerías y casas distribuidoras en todas partes del mundo. Consulte a su librero o diríjase a: Naciones Unidas, Sección de Ventas, Nueva York o Ginebra.
